

ШАРАФ-ХАН ИБН ШАМСАДДИН БИДЛИСИ

ШАРАФ-НАМЕ

Том I

(пер. Е. И. Васильевой)

Текст воспроизведен по изданию: Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме.

Москва «Наука»

ОТ РЕДАКТОРА

Для целей, преследуемых настоящим изданием, было вполне оправдано довольствоваться одним лишь текстом, изданным В. В. Вельяминовым-Зерновым и основанным на рукописи, проверенной самим автором *Шараф-наме*. Из этого, однако, не следует делать заключения, что указанный текст не может требовать пересмотра. Без сличения его с автографом сочинения, хранящимся в Бодлеанской библиотеке, вопрос об окончательном установлении текста не может быть решен. Должны быть учтены также некоторые, пусть даже несущественные, расхождения, представленные вторым (каирским, 1934 г.) и повторяющим его третьим (тегеранским, 1965 г.) изданиями. Эти расхождения интересны для истории самого *Шараф-наме*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ *ШАРАФ-НАМЕ*

Начало XIX в. знаменует собой ослабление Ирана и Турции, некогда могущественных держав, захвативших Курдистан. Раздираемые внутренними противоречиями, они стали ареной непримиримого соперничества и борьбы европейских государств за господство. С начала XIX в. начинается борьба угнетенных народов этих стран за национальное освобождение. На защиту своих национальных прав встают и курды — XIX век стал свидетелем пяти крупных курдских восстаний: 'Абдаррахман-паши в Сулейманийе (1806), племен билбас, Бадр-хан-бека (1843—1846), Йазданшира (1853—1855) и Шайх 'Убайдаллаха (1880).

Курдистан, расположенный в центре Ближнего Востока и занимающий исключительное по своей стратегической важности положение, не мог не привлечь внимания европейских государств. Судьбой курдского народа начинают интересоваться как в России, так и на Западе. В Курдистан устремляются многочисленные советники, курдские области усиленно изучаются. Появляется большое число работ по географии Курдистана: сочинения таких авторов, как А. Жобер, И. Н. Березин, В. Диттель, Н. Ханьков, Ю. С. Карцев, Ж- Морьер, Дж. Киннейр и др. Издаются труды, в которых определенное место уделяется истории и этнографии курдов (И. Н. Березина, Х. Абовяна, В. Диттеля, П. И. Лерха, А. Худабашева, А. Дюпре, Р. Кер-Портера и др.) ¹. Подтверждением [14] того, какой живой интерес встречали эти работы, являются многочисленные переводы их на другие языки ². Все это свидетельствует о том большом внимании, которое уделялось истории, этнографии курдов и географии Курдистана в XIX в.

В 1776 г. в связи с выходом в свет книги д'Эрбело "Восточная библиотека, или Универсальный словарь" ³ в Европе стало известно о существовании истории курдов, написанной в конце XVI в. автором-курдом на персидском языке. Называлось сочинение *Шараф-наме*. Скупые сведения д'Эрбело были почерпнуты из библиографического словаря

известного турецкого географа и библиографа XVII в. Мустафы б. 'Абдаллаха по прозвищу Катиб Челеби или Хаджжи Халифа.

Первым обладателем рукописи *Шараф-наме* в Европе стал англичанин Дж. Малькольм ⁴. В своей обширной истории Персии ⁵ он неоднократно ссылается на *Шараф-наме*, приводит большие отрывки, ничего не сообщая, однако, ни об авторе, ни о содержании сочинения. Цитирует многие страницы *Шараф-наме* и Э. Катрмер, автор “Истории персидских монголов” ⁶.

Впервые на ценность *Шараф-наме* как первоклассного исторического источника указал в России в 1826 г. на страницах “Санкт-Петербургской газеты” Х. Д. Френ ⁷. Он же три года спустя в статье, посвященной описанию рукописей Ардебильской библиотеки, подчеркнул необходимость немедленной публикации и перевода *Шараф-наме* ⁸.

Большая заслуга в выполнении этих задач принадлежит русским ученым и Российской Академии наук, которая ко второй половине XIX в. стала организующим центром [15] изучения истории, этнографии, языка и литературы курдского” народа ⁹.

Издание персидского текста *Шараф-наме* было осуществлено в 1860—1862 гг. молодым русским востоковедом, позднее доктором турецко-татарской словесности В. В. Вельяминовым-Зерновым. За огромную успешно законченную работу над 'изданием этого ценного памятника, в возрасте 30 лет он был избран экстраординарным академиком ¹⁰. Изданный текст *Шараф-наме* составил два тома ¹¹: первый том объемом 459 страниц персидского текста содержит историю курдов, вернее курдских династий, второй — заключение автора, представляющее летописное изложение событий конца XIII— XVI вв.

В 1931 г. в Каире Мухаммад 'Али 'Ауни осуществил второе издание первого тома *Шараф-наме* ¹². Персидскому тексту сочинения было предпослано предисловие издателя и арабский перевод предисловия Вельяминова-Зернова. При подготовке каирского издания были использованы (кроме рукописей, использованных В. В. Вельяминовым-Зерновым) еще две рукописи: алеппская, из медресе Османи, и рукопись эмира Сурайя-бека Бадирхана ¹³, но расхождения между текстом первого и второго изданий незначительны. Мухаммад 'Али 'Ауни включил также в текст явно не принадлежащую автору ¹⁴ и не обозначенную им в оглавлении главу “Об эмирах. Гулбаги”. Эта глава содержится в рукописи *Шараф-наме*, принадлежавшей Ханыкову, и приведена Вельяминовым-Зерновым в конце второго тома издания в числе разночтений по рукописям, им использованным ¹⁵. [16]

В 1965 г. в Тегеране вышло третье издание *Шараф-наме* ¹⁶, содержащее кроме текста произведения обширное предисловие, исторические приложения и указатели, выполненные известным персидским ученым Мухаммадом Мухаммадлуи 'Аббаси ¹⁷. В этом издании офсетным методом воспроизводится текст *Шараф-наме*, изданный в Каире в 1931 г., вместе с постраничными примечаниями Мухаммада 'Али 'Ауни на арабском языке.

Предисловие Мухаммада 'Аббаси носит обзорный характер. Автор останавливается на самых различных вопросах: о значении слова “курд”, о происхождении курдов, о литературе и языке курдов, об их обычаях и вере, об археологических находках на территории Курдистана, — на основе трудов В. В. Минорского, В. Никитина, Социна, Ф. Юсти, Лерха, Хартмана и других восточных и западных авторов.

Мухаммад 'Аббаси отмечает большую научную ценность *Шараф-наме*. По его мнению, это сочинение обладает тремя достоинствами, которые ставят его выше всех остальных книг

по региональной истории на персидском языке: 1) впервые темой этой книги выступает история курдов и Курдистана; 2) *Шараф-наме* не ограничивается отдельным племенем, а охватывает все курдские племена и ашираты; 3) сочинение написано на прекрасном персидском языке ¹⁸. “Для общей истории курдов и Курдистана, — пишет Мухаммад 'Аббаси, — *Шараф-наме* нет цены” ¹⁹. *Шараф-наме* выступает самым достоверным источником для выяснения названий племен луров, курдов и бахтиар. Для проверки и уточнения оных при издании в Тегеране известного сочинения Хамдаллаха Казвини *Та'рих-и гузиде* было решено использовать именно *Шараф-наме* ²⁰. [17]

Примечания Мухаммеда 'Аббаси носят большей частью текстологический характер. Весьма интересны указания 'Аббаси на принадлежность двух приводимых Шараф-ханом стихотворений Хафизу и Са'ди ²¹.

В качестве исторического приложения он приводит описание династий (в основном по Лэн-Пулю): Айюбидов, Куртов, Сефевидов, Кара-Койунлу, Ак-Койунлу, Фатимидов, османских султанов, омейядских и аббасидских халифов с генеалогическими таблицами, а также отрывок из сочинения Абу Бакра Тихрани Исфакхани *Тарих-и Диарбакрийе*.

Издание содержит весьма тщательно выполненные указатели (имен собственных, династий, племен; географических названий; книг и сочинений).

II. ОБЗОР РУКОПИСЕЙ *ШАРАФ-НАМЕ*

Число известных рукописей *Шараф-наме* весьма велико. В настоящее время в каталогах рукописных хранилищ мира отмечены и описаны 22 рукописи ²².

Наиболее точная и, следовательно, самая ценная — рукопись-автограф, озаглавленная *Шараф-наме-йи та'рих-и Курдистан*, хранится в Бодлеанской библиотеке Оксфорда. Дата переписки рукописи — конец зу-л-хиджжа 1005/13 августа 1597 г. Рукопись насчитывает 246 листов и содержит 20 прекрасно выполненных иллюстраций. Описание этого списка и биографические сведения об авторе содержатся в каталоге персидских и турецких рукописей Бодлеанской библиотеки 1889 г. ²³.

Вторая по значению рукопись *Шараф-наме*, происходящая из Ардебильского рукописного хранилища, принадлежит Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Она датируется 1007/1598 г., проверена автором. Довольно большая лакуна в рукописи [18] начинается с пятой главы первого раздела (о племени махмуди) и кончается главой одиннадцатой (до параграфа об эмирах племени сийахмансур). Описание и краткая характеристика рукописи содержатся в работах Х. Д. Френа ²⁴, Б. Дорна ²⁵, В. В. Вельяминова-Зернова ²⁶ и Ф. Б. Шармуа ²⁷.

Третий список — выполненная в Килисе копия автографа — датируется 1015/1606 г. Переписчик — некий Хасан б. Нураддин. Рукопись хранится в Бодлеанской библиотеке, насчитывает 327 листов и отличается замечательной точностью ²⁸.

В коллекции, собранной английским иранистом Э. Брауном, находится рукопись *Шараф-наме* 1027/1618 г., насчитывающая 184 листа ²⁹.

Списки, датируемые 1034/1624-25 г. и 1036/1626-27 г., принадлежат рукописным собраниям библиотек Стамбула ³⁰.

Далее по времени написания следуют две рукописи Британского музея — исфаханская 1055/1645 г. (328 листов) и список 1079/1669 г. (369 листов), описанные Ч. Ръё ³¹.

В Национальной библиотеке Парижа хранится рукопись *Шараф-наме* (243 листа) 1083/1672-73 г. ³². В списке имеется лакуна: отсутствуют главы седьмая, восьмая и девятая из второй части третьего раздела.

Фрагментом рукописи, датируемой 1104/1693 г., располагает Библиотека Принстонского университета США ³³.

Весьма интересная рукопись хранится в библиотеке Королевского азиатского общества. Список включает “Историю правителей Арделана” начиная с 1005/1596-97 г. до 1225/1810 г. Автор “Истории правителей Арделана” — некий [19] Мухаммад Ибрахим б. Мулла Мухаммад Хусайн Ардалани ³⁴. Сочинение задумано и выполнено как продолжение главы *Шараф-наме*, посвященной правителям Арделана.

Следующими по времени переписки являются четыре рукописи *Шараф-наме* в Британском музее: содержащая много лакун рукопись начала XIX в., 1231/1816 г., ~ 1827 г. и 1251/1835 г. ³⁵.

В Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится так называемая рукопись Ханыкова — копия автографа *Шараф-наме* конца мухаррама 1007/август 1598-99 г. выполненная в 1252/1836-37 г. в Дилмакане неким Мухаммадом Риза б. Кирбилай Сабиром 'Али. Список был приобретен в 1854 г. в Иране русским генеральным консулом Н. В. Ханыковым. Описание и краткая характеристика рукописи содержатся в предисловии В. В. Вельяминова-Зернова и в каталоге Н. В. Ханыкова ³⁶.

Наиболее поздний из поддающихся точной датировке списков принадлежит одному из рукописных хранилищ Стамбула — рукопись 1279/1862-63 г. ³⁷.

Две рукописи *Шараф-наме* из Национальной библиотеки Парижа отнесены Э. Блоше приблизительно к XIX в. ³⁸. не датирован один из списков Бодлеанской библиотеки Оксфорда ³⁹.

В заключение следует упомянуть две рукописи *Шараф-наме* № 576 и 576а в Институте народов Азии АН СССР. Первая рукопись подробно описана Волковым ⁴⁰. Список полный, [20] недостает лишь нескольких последних строк. Ни даты переписки, ни имени переписчика не сохранилось. Вторая рукопись представляет фрагмент, который кончается восьмой главой первой части третьего раздела “Об эмирах Сувайди”. Кроме того, в тексте две большие лакуны. Список не датирован, но предполагается, что это фрагмент одной из ранних рукописей *Шараф-наме* ⁴¹.

В основу издания В. В. Вельяминова-Зернова положена рукопись *Шараф-наме* Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, датируемая 1598 г., лакуна восполнена по рукописи Ханыкова. При издании использованы также списки, которые хранятся в Институте народов Азии АН СССР. Разночтения по ним даны в конце второго тома издания.

III. ПЕРЕВОДЫ *ШАРАФ-НАМЕ*

Шараф-наме неоднократно переводилось на другие языки. Самыми ранними являются два перевода на турецкий язык — сокращенный и полный, выполненные независимо один от другого. К настоящему времени выявлены две рукописи первого и одна рукопись второго переводов ⁴², но ни один из них до сих пор не опубликован. Первый перевод был закончен в 1078/1667-68 г. и принадлежит Мухаммад[-беку] б. Ахмад[-беку Мирзе]. Списки, хранящиеся в Британском музее, датируются 1080/1699 г. и началом XIX в. Второй перевод выполнен в 80-х годах XVII в. неким Шам'и ⁴³. В. Морлей при описании рукописи *Шараф-наме* Библиотеки Королевского азиатского общества использует эти списки для выяснения [21] орфографии собственных имен и географических названий. Все вызывающие его сомнение имена и географические названия, которые встречаются в оглавлении, В. Морлей сопровождает разночтениями по указанным спискам ⁴⁴.

В 1858-59 г. был закончен перевод *Шараф-наме* на курдский язык (курманджи), выполненный Мулла Махмудом Байазиди по заказу известного русского курдоведа А. Д. Жабы. Автограф перевода хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в коллекции курдских рукописей, собранных А. Д. Жабой ⁴⁵.

В период с 1853 по 1859 г. в Вене вышла в свет серия публикаций Г. А. Барба ⁴⁶. В первых двух публикациях после небольшого предисловия автор дает краткое содержание *Шараф-наме* или, как он называет это произведение, *Ta'rix al-akrad* (“История курдов”), и в двух последующих — немецкий перевод глав *Шараф-наме*. Перевод примечаний не имеет.

В 1868—1875 гг. в Петербурге был опубликован перевод *Шараф-наме* на французский язык Ф. Б. Шармуа (1793— 1869) ⁴⁷. Ученик известного французского востоковеда Сильвестра де Саси, он считался одним из виднейших знатоков персидского языка в Европе. Ф. Б. Шармуа приступил к переводу *Шараф-наме* по совету Х. Д. Френа еще в начале 30-х годов XIX в., будучи профессором персидского языка при Петербургском университете, и посвятил этой работе последние 30 лет жизни. Перевод был опубликован полностью лишь к 1875 г. и составил два тома, каждый из которых состоял из двух частей, представлявших отдельные книги со своей пагинацией ⁴⁸. [22]

Перевод Ф. Б. Шармуа снабжен комментариями и небольшим предисловием. Первая часть первого тома содержит “Этнографическое и географическое введение” и примечания к нему. Введение представляет обширную компиляцию сведений восточных и западных авторов по географии Курдистана и по курдским племенам. Особое внимание автор уделяет известному географическому труду Хаджи Халифы *Джихан-нума* ⁴⁹. Перевод ряда глав этого сочинения занимает две трети введения Ф. Б. Шармуа ⁵⁰.

При переводе *Шараф-наме* Ф. Б. Шармуа пользовался изданием В. В. Вельяминова-Зернова и двумя рукописями: Килисской копией, замечательную точность которой он тоже отмечает ⁵¹, и списком 1672-73 г. из Национальной библиотеки Парижа.

Перевод, как правило, верно отражает текст персидского подлинника; встречающиеся неточности и редкие пропуски ⁵² не снижают его ценности. Иначе обстоит дело с комментариями, особенно географическими и этнографическими. По свидетельству лучшего знатока этого источника В. Ф. Минорского, они значительно устарели ⁵³. Это вполне естественно и отнюдь не объясняется неточностью Ф. Б. Шармуа: за 80— 90 лет, которые отделяют нас от того времени, появились многие ценные работы в области изучения истории, литературы и культуры курдского народа, а также по географии Курдистана, помогающие сейчас ответить на многие вопросы, которые тогда оставались неясными.

Ф. Б. Шармуа ни в предисловии, ни в примечаниях не упоминал перевода Г. А. Барба. Вероятно, он и не знал о его [23] публикации — из-за продолжительной болезни он провел последние годы жизни на юге Франции в безвестности и уединении ⁵⁴. Перевод *Шараф-наме*, выполненный Ф. Б. Шармуа, поныне не потерял научной ценности.

Самыми поздними являются два перевода *Шараф-наме* на арабский язык. В 1953 г. в Багдаде был издан перевод, выполненный курдом Мулла Джалшл-'банди Ружбайани ⁵⁵. Перевод снабжен большим числом примечаний географического и исторического характера, сообщающих много новых данных. Через пять лет в Каире вышел арабский перевод *Шараф-наме* Мухаммада 'Али 'Ауни ⁵⁶. Переводу предпослано довольно обширное предисловие Йахьи ал-Хушаба “Курды и Курдистан”, представляющее краткий очерк истории курдского народа с древнейших времен до наших дней. Перевод снабжен указателями этнических и географических названий, имен собственных и терминов.

Советскими учеными давно была признана целесообразность и необходимость перевода *Шараф-наме* на русский язык. В 30-х годах его выполнение было поручено Ф. Б. Ростопчину, научному сотруднику Института востоковедения АН СССР. Осуществить перевод помешала безвременная кончина Ф. Б. Ростопчина.

IV. КУРДСКИЕ ПРАВИТЕЛИ БИДЛИСА В КОНЦЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в. (ПО ШАРАФ-НАМЕ)

Автор *Шараф-наме* — Шарафаддин (Шараф-хан) б. Шамсаддин Бидлиси происходил из старинной семьи глав курдского племени рузаки (рожки), потомственных правителей города Бидлиса. Свою родословную они возводили к Сасанидам. По словам Мулла Махмуда Байазиди, во всем Курдистане всего два рода могли соперничать с этой семьей своей [24] древностью — род правителей Бохтана (Джезире) и Хаккари ⁵⁷. Бидлис, по свидетельству Шараф-хана, принадлежал его предкам в течение 760 лет ⁵⁸.

Исключительная стратегическая и географическая важность расположения Бидлиса, находящегося у входа в единственный легко доступный проход из отдаленных центров Армянского плато через горный хребет Тавр в месопотамские равнины, обеспечила городу заметную роль в истории тех областей ⁵⁹, а его правителям — известную самостоятельность и независимость. Так, во времена Тимура (XIV в.), по сообщению Шарафаддина 'Али Йазди, эмир Бидлиса был самым могущественным человеком во всем Курдистане ⁶⁰. Восемнадцать известных Шараф-хану правителей Бидлиса за 500 лет вплоть до конца XV в. лишь дважды на короткое время теряли свою власть: при Сельджукидах с 1139-40 по 1180-81 г. и при султанах Ак-Койунлу с 1466-67 по 1494-95 г. Некоторые правители Бидлиса, например эмир Шамсаддин, современник султана Кара Йусуфа Кара-Койунлу, с которым его связывали самые дружеские отношения, пользовались правом чекана своей монеты. На имя Шамсаддина читали в мечетях города *хутбу* ⁶¹. Шараф-хан свидетельствует о том, что сам видел монеты с именами трех правителей Бидлиса ⁶².

К концу XV — началу XVI в. эмир Бидлиса представлял, собой полунезависимого династа, бывшего одновременно и главой могущественного курдского племени. Жалуемые иранскими государями грамоты лишь подтверждали его право на владение этими территориями, а покорность последнего центральной власти носила весьма условный характер. Такое [25] положение оставалось и при эмире Шарафе (1485—1533-34), деде Шараф-хана Бидлиси ⁶³.

С начала XVI в. земли Курдистана, Армении и Азербайджана оказались в центре непрекращающихся войн за их обладание между сефевидским Ираном и османской

Турцией, которая к этому времени превратилась в одно из самых крупных и сильных государств ⁶⁴. К 1508 г., после стремительного наступления Сефевидов на запад, Бидлис, как и вся Армения и Курдистан, был занят иранскими войсками. Управление этой областью шах Исма'ил передал кызылбашу Курд-беку шарафлу-устаджлу, а своевольный эмир Шараф был заключен в тебризскую тюрьму. В 1514 г. после начала кампании султана Салима I на восток эмир Шараф бежал из кызылбашского плена и снова завладел Бидлисом. Султанский диван санкционировал передачу ему этих районов.

В Чалдыранской битве (1514) ⁶⁵ эмир Шараф, хотя и участвовал на стороне турок, особой ревности и энтузиазма в покорности новому сюзерену не проявил, стараясь заручиться поддержкой обеих государей (Ирана и Турции) ⁶⁶. Он сохранил фактически свое положение полунезависимого династа ⁶⁷, и попытка султана Сулаймана I в 1531-32 г. [26] отобрать у эмира Шарафа Бидлисскую крепость закончилась неудачей и открытым переходом его на сторону иранского шаха.

В 1531 г. в Турцию бежал эмир кызылбашского племени текелу Улама, подняв в Тебризе восстание и разграбив этот город. Ему и передал султан Сулайман пост правителя Бидлиса, но для приведения султанского приказа в исполнение понадобился отряд янычар и тридцатитысячное ополчение во главе с эмиром эмиров Диарбекира.

На выручку эмира Шарафа, осажденного в крепости Бидлис, шах Тахмасб направился лично и 21 сентября 1532 г. вручил эмиру Шарафу грамоту, в которой ему жаловалось “звание эмира эмиров и старшинство над всеми эмирами Курдистана, управление Бидлисом, Ахлатом, Мушем и Хнусом вместе с относящимися к ним районами и остальными областями, которые до настоящего времени пребывали во владении у вышеупомянутого эмира” ⁶⁸. В 1533-34 г. эмир Шараф погиб в сражении с Улама такалу, и правителем Бидлиса стал его сын Шамсаддин, отец автора *Шараф-наме*. Но правление Шамсадина в Бидлисе оказалось недолгим.

В 1533 г. Сулайман I вторгся в Азербайджан, а в 1534-35 г. занял Тебриз, Султанийе и Багдад. Именно в это время военных удач султану и представился удобный случай свергнуть непослушного бидлисского династа. Но влияние последнего, видимо, было столь велико, что просто сместить его не осмелились, и взамен Бидлиса ему было предложено стать правителем Малатии и Мараша. Последнее не очень прельстило Шамсадина, и он предпочел посту правителя далекой Малатии открытый переход на сторону шаха Тахмасба — в 1535-36 г. эмир Шамсаддин переехал в Тебриз. Шах принял его благосклонно, “нарек ханом, ввел в число великих эмиров и даровал область Сораба с несколькими другими районами” ⁶⁹. Впоследствии ему было пожаловано еще [27] несколько округов: Мерага, Демавенд, Даралмарз, Карахруд, Джахруд и Фарахан. Насколько велико было к нему шахское расположение, можно судить по тому, что “большую часть времени [эмир Шамсаддин] проводил на летних и зимних становищах при государевом стремени” ⁷⁰. Разумеется, такое внимание было продиктовано желанием шаха иметь в его лице сильного и влиятельного сторонника, весьма заинтересованного в освобождении Армении и Курдистана от власти османского султана.

Вскоре после переезда в Иран Шамсаддин женился на дочери одного из кызылбашских эмиров — Амир-хана мусилу из племени туркман ⁷¹, которая стала матерью Шараф-хана, будущего автора *Шараф-наме*. В 1554-55 г. Шамсаддин оставил службу у шаха, явив, по словам Шараф-хана, отвращение к ней и “избрав угол уединения и затворничества”. Не вызывает сомнения, что это было вызвано не столько стремлением Шамсадина к уединению, сколько его опалой.

В 1559-60 г., после мятежа сына Сулаймана I, Шамсаддин снова был приглашен ко двору и назначен правителем Карахруда, но ненадолго. Через несколько лет, в 1566 г., он вновь попал в немилость и был отослан в город Исфахан, где ему назначалось небольшое содержание из местных податных поступлений. Семья оставалась по-прежнему в Казвине. В 1576 г., после смерти шаха Тахмасба, к власти пришел его сын Исма'ил II (1576—1577). Опальный эмир Шамсаддин, которому к тому времени было около 67 лет, снова был вызван в Казвин. Вскоре после приезда в столицу Шамсаддин умер.

Эти вкратце изложенные факты помогают понять положение этой знатной курдской семьи к тому времени, когда появился на свет будущий автор *Шараф-наме*. Лишенная своих наследственных доменов, она, однако, не сошла с политической сцены и сохранила большое влияние. [28]

V. АВТОР *ШАРАФ-НАМЕ* ⁷²

Шараф-хан Бидлиси родился 25 февраля 1543 г. в Карахруде. С 1551 по 1554-55 г. он в числе сыновей кызылбашской знати воспитывался при дворе шаха Тахмасба вместе с сыновьями самого шаха. В двенадцать лет он был назначен эмиром и правителем округов Сальян и Махмудабад в Шир-ване (северный Азербайджан), но в действительности управлял округами его опекун Шайх Амир билбаси, верный сторонник семьи Шараф-хана, вместе с его отцом покинувший Турцию. Через три года после смерти Шайх Амира билбаси, в 1556-57 г. Сальян и Махмудабад были переданы другому, а Шараф-хану определили содержание из податных поступлений города Хамадана. Опекунство над ним было поручено дяде с материнской стороны, правителю Хамадана Мухаммади-беку, чья дочь вскоре стала женой Шараф-хана. В Хамада-не последний оставался до 1559-60 г. В 1566 г. он был поименован эмиром племени рузаки и последующие два года провел в Казвине при шахском дворе.

В 1568 г. вместе с несколькими кызылбашскими эмирами Шараф-хан был направлен в Гилян для подавления восстания Хан Ахмад-хана, владельца Бийе пиша (Лахиджана) из династии Кийя. Хан Ахмад-хан был разбит, но восстание в Гиляне продолжалось. В 1569 г. там было собрано восемнадцатитысячное ополчение, которое возглавил Султан Хашим — один из членов низложенной династии. В сражении с отрядом Шараф-хана Султан Хашим потерпел поражение, и вскоре восстание было подавлено. Но положение в Гиляне оставалось весьма тревожным, и лишь в 1575 г. Шараф-хану было позволено шахом оставить эти районы и возвратиться в столицу. Вскоре шах направил его в северный Азербайджан, определив ему содержание из доходов с Араша, Акдаша, Кабалы и Баку.

В 1576 г., после прихода к власти шаха Исма'ила, Шараф-хан был вызван ко двору и назначен эмиром эмиров [29] курдских племен Ирана. Согласно шахскому повелению, все важные дела, тяжбы и споры среди эмиров Курдистана и Луристана было поручено разрешать Шараф-хану. Но недолгим оказалось достигнутое благополучие: вскоре вследствие придворных интриг Шараф-хан был удален от двора и направлен в Азербайджан, где провел год и четыре месяца как правитель Нахчевана.

После воцарения шаха Султан Мухаммада Худабанде (1577—1587) побуждаемый неудачами Сефевидской державы в начавшейся в 1578 г. войне с Турцией Шараф-хан в декабре 1578 г. переходит на сторону турок. Вероятно, этому переходу предшествовали долгая переписка и переговоры через эмира эмиров Вана Хусрав-пашу. В продолжение десяти лет, вплоть до 1588 г., Шараф-хан принимал участие в военных действиях султана Мурада III (1574—1595), целью которых было завоевание Закавказья.

Вскоре вместе с ханским титулом Шараф-хану был передан Бидлис в наследственное владение на правах его предков, и к началу 90-х годов он уже представлял собой могущественного и влиятельного правителя. Приступив к написанию *Шараф-наме* в возрасте 53 лет, он отстранился от дел управления, препоручив их своему сыну Абу-л-Ма'али Шамсаддин-беку.

Год смерти Шараф-хана неизвестен. Гробница и могила его, по свидетельству Мулла Махмуда Байазиди, сохранялись в Бидлисе еще в конце XIX в. “Ныне живы еще, — писал Мулла Махмуд Байазиди, — потомки этого рода, но они не пользуются никакой властью; живут они на скромные средства, которые им предоставлены взамен их владений”⁷³.

Шараф-хан, получивший для того времени блестящее образование, еще в молодости обнаружил склонность к изучению истории. Ознакомившись с историческими трудами многочисленных арабских и персидских авторов, он решил написать сочинение на тему, его предшественниками не освещенную⁷⁴. Осуществлению этого плана помешало назначение в [30] Гилян и последовавшие затем события. Лишь много лет спустя Шараф-хан смог вернуться к своему замыслу. К этому времени определилась и тема — Шараф-хан решил посвятить свой труд истории правителей Курдистана, которая до того времени, по его словам, “оставалась под покровом тайны и неизвестности”⁷⁵.

Написанию книги, названной им *Шараф-наме*⁷⁶, предшествовало, несомненно, долгое изучение сочинений арабских и персидских авторов, где встречались сведения по истории курдов, и запись преданий, традиций и рассказов очевидцев описываемых событий. Обор материалов, по всей вероятности, и приходится на период с 1588 по 1596 г., когда Шараф-хан возвратился в Бидлис после участия в закавказской кампании. В августе 1597 г. он заканчивает часть, посвященную истории курдских династий, а в мае 1599 г. — все сочинение.

Как упоминалось выше, до *Шараф-наме* об истории курдского народа можно было судить по фрагментарным сведениям, рассеянным в сочинениях авторов различных эпох и стран. Пользуясь только этими сведениями, невозможно было воссоздать историю такого народа, как курдский, состоящего из большого количества племен⁷⁷. Поэтому решение Шараф-хана Бидлиси написать историю именно курдского народа было поистине новаторским. Для осуществления такого плана нужен был ученый широкого кругозора и эрудиции. С этой задачей Шараф-хану и помогли справиться полученное им разностороннее образование, официальное положение, литературное дарование и талант историка.

VI. ИСТОЧНИКИ ШАРАФ-НАМЕ

Материалы, которые послужили Шараф-хану источниками при написании *Шараф-наме*, можно разделить на пять групп: труды представителей средневековой персидской, арабской и [31] турецкой историографии; официальные документы; традиции и племенные предания; рассказы современников и личные сведения автора.

Шараф-хан зачастую оперирует сведениями, не указывая ни имени автора, ни названия сочинения, откуда они были почерпнуты. Ряд источников, однако, можно указать.

1. Сочинение Абу 'Абдаллаха Мухаммада б. 'Умара ал-Вакиди (747—843)⁷⁸. Автор имел в виду, вероятно, *Китаб ал-магази* (книгу “походов Мухаммада”), сочинение об арабских завоеваниях. Для Шараф-хана оно послужило источником сведений о правителях Бидлиса второй половины VII в.

2. *Китаб футух ал-булдан*. Известное историческое сочинение IX в. Абу-л-'Аббаса Ахмада б. Йахйи б. Джабира ал-Балазури (ум. в 892 г.)⁷⁹. Шараф-хан заимствовал из него сведения о правителях Бидлиса, Муша и Ахлата второй половины VII в.
3. *Икбалийе*. Трактат суфийского шейха Рукнаддина Симнани (конец XIII в.). Автор приводит его версию о кончине царевича Джалаладдина Харизмшаха.
4. *Мир'ат ал-джанан*. Историческое сочинение 'Афифаддина 'Абдаллаха б. Ас'ада б. 'Али б. Сулаймана аш-Шафи'и ат-Тамими ал-Йафи'и (1298-99—1367)⁸⁰ послужило для Шараф-хана основным источником при написании пятой главы первого раздела, посвященной Айюбидам.
5. *Та'рих-и гузиде*. Известный исторический труд Хамдал-лаха б. Абу Бакра Мустауфи Казвини⁸¹, или, как его называет Шараф-хан, Хамдаллаха Мустауфи (род. ок. 1281 г.). Сочинение закончено в 1330 г. Шараф-хан заимствовал из него сведения о кончине царевича Джалаладдина Хваризмшаха. К этому источнику восходит описание истории правителей Лура Большого и Малого, хотя в соответствующих главах автор на *Та'рих-и гузиде* не ссылается. [32]
6. *Нузхат ал-кулуб*. Сочинение Хамдаллаха Казвини по космографии и географии, законченное около 1340 г. Автор *Шараф-наме* заимствовал из него сведения при описании области Бидлиса, в частности данные о количестве податных поступлений с Бидлиского вилайета.
7. *Зубдат ат-таварих*⁸². Автор имеет в виду, вероятно, историческое сочинение Абу-л-Касима 'Абдаллаха б. 'Али б. Мухаммада ал-Кашани, написанное им во время правления Улджайту-хана (1304—1316). Сочинение посвящено истории Ирана начиная с доисламских времен. Шараф-хан использует *Зубдат ат-таварих* при написании глав о правителях Лура Большого и Малого.
8. *Зафар-наме*. Известное сочинение Шарафаддина 'Али Йазди⁸³, составленное в 1424 г., ценный источник по истории Ирана конца XIV—начала XV в. Шараф-хан почерпнул из *Зафар-наме* многие сведения, рассеянные по различным главам его книги,— это главным образом рассказы об изъявлении покорности правителями Курдистана эмиру Тимуру Гургану. Автор заимствовал из *Зафар-наме* также сведения о сопротивлении, оказанном эмиру Тимуру правителем Хакка-ри 'Изаддин Широм.
9. *Матла' ас-са'адайн ва маджма' ал-бахрайн*. Большой исторический труд Камаладдина 'Абдарраззака Самарканди (1413—1483)⁸⁴. К этому сочинению восходят сведения Шараф-хана о правителях Хизана середины XV в., о правителе Бидлиса XV в. эмире Шамсаддине б. Зийа'аддине, который чеканил собственную монету и чье имя поминалось в *хутбе*.
10. *Раузат ас-сафа*. Семитомный труд по “всеобщей истории” Мухаммада б. Хавандшаха, известного под именем Мирханд (1433—1498)⁸⁵. Из этого сочинения Шараф-хан заимствовал определение “польз” исторической науки, а также интересные сведения о взаимоотношениях правителя [33] Бидлиса Малик Ашрафа и царевича Джалаладдина Харизмшаха.
11. *Нафахат ал-унс мин хазират ал-кудс*. Известное сочинение Нураддина 'Абдаррахмана Джами⁸⁶ (закончено в 1478 г.), посвященное в основном жизни суфийских шейхов. Шараф-хан почерпнул из него сведения о шейхе Абу Тахире ал-Курди.

12. *Тазкират аш-шу'ара*. Сборник биографий персидских поэтов (1487 г.) Даулат-шаха б. Ала'аддаула Бахти-шаха ал-Гази ас-Самарканди⁸⁷. Шараф-хан ссылается на его рассказ об убийстве царевича Джалаладдина Харизмшаха.

13. *Тадж ат-таварих*. Сочинение турецкого историка, современника Шараф-хана, Са'ададдина Хаджа Эфенди (1536-37—1599). Шараф-хан использует его общие сведения о курдах и курдских правителях Килиса.

Шараф-хан ссылается неоднократно на грамоты различных государей курдским правителям. Две жалованные грамоты он приводит целиком: грамоту Кара Йусуфа Кара-Койунлу предку Шараф-хана Шамсаддину от 27 апреля 1417 г.⁸⁸ и грамоту шаха Тахмасба деду автора эмиру Шарафу от 21 сентября 1532 г. Эти документы представляют большой интерес для изучения социально-экономических отношений в Иране и Курдистане тех времен.

Весьма широко представлены в *Шараф-наме* племенные традиции и предания. Это и родословные правителей Арделана, Хаккари, Имадии, Джебзире, Бидлиса, Сасуна, Чемишгезека, Килиса, Сорана и др.⁸⁹, и версия происхождения названий племен баджнави, бохти, малкиши, намиран, зраки, [34] мукри и рузаки⁹⁰, династий Шамбо, Бахдинан, Соран⁹¹ и городов Хасанкейф и Хизан⁹². Вызывает интерес приводимое автором предание о построении города Бидлиса Александром Македонским⁹³. Некоторые почерпнутые из этих источников сведения Шараф-хана носят откровенно легендарный характер, например версии о происхождении курдов⁹⁴.

Относительно многочисленны представленные в *Шараф-наме* рассказы современников. К примеру, можно привести; насыщенные любопытными подробностями рассказы Шах Кули-султана устаджлу-чаушлу о проезде через территорию Бидлисского княжества Мухаммада Шахнимана кавалиси.. наместника шаха Исма'ила и о встрече деда Шараф-хана с Улама такалу⁹⁵.

Наряду с данными, заимствованными из перечисленных источников, автор сообщает и массу сведений, явившихся результатом его собственных наблюдений, описывает события, происходившие с его личным участием. Шараф-хан сообщает много оригинального материала, особенно при описании событий XVI в. Второго, подобного источника по средневековой истории курдов не существует.

VII. ХАРАКТЕРИСТИКА СОЧИНЕНИЯ

Шараф-наме состоит из четырех разделов, которые содержат историю династий курдского происхождения и курдских племен, и заключения, задуманного автором как летописное изложение событий, происшедших в Турции, Иране и сопредельных странах с 1290 по 1596-97 г. Автор сообщает много сведений социально-экономического и этнического порядка.. В *Шараф-наме* с предельной тщательностью описывается судьба вассальных курдских княжеств. По свидетельству крупнейшего советского специалиста по средневековой [35] истории Ирана И. П. Петрушевского, именно в этом источнике мы находим конкретный материал, касающийся взаимоотношений курдских династий с центральным правительством, организации военно-кочевой знати, ленных пожалований и феодальных институтов⁹⁶.

Наименее оригинальны и ценны первые пять глав *Шараф-наме*, составляющие первый раздел. Это главы о правителях Диарбекира и Джебзире, Динавера и Шахризура, Лура Большого и Малого и о государях династии Айюбидов — сжатая компиляция данных из

упомянутых выше источников: *Зубдат ат-таварих*, *Та'рих-и гузиде*, *Мир'ат ал-джанан* и др. (эти главы занимают лишь седьмую часть первого тома издания В. В. Вельяминова-Зернова).

Несмотря на свой компилятивный характер, они тоже представляют для исследователя интерес, объединяя разрозненные сведения, которые зачастую остаются для нас неизвестными или недоступными. Кроме того, изложение Шараф-хана местами несколько отличается от первоисточников. Значительны расхождения в написании названий лурских племен в сочинениях нашего автора и Хамдаллаха Казвини. Вполне возможно, что этот факт объясняется не столько неточностью Шараф-хана, сколько внесенными им коррективами.

Шараф-наме отличается точностью сообщаемых сведений. Несмотря на внешнюю приверженность османскому султану, вынужденную его положением турецкого вассала, Шараф-хан остается при изложении событий объективным автором. Дифирамбы его в адрес султана звучат лишь как необходимая официальная лесть, с одинаковой гордостью он перечисляет похвалы, которых удостоился и от шаха Тахмасба, и от его врага султана Мурада III. Отсутствие тенденциозности, делает *Шараф-наме* особенно ценным источником.

Шараф-хан с горечью констатирует отсутствие у курдских племен согласия и единства ⁹⁷. Его основная задача — [36] показать, что существует курдский народ, который имеет свою историческую территорию ⁹⁸ и что у этого народа есть своя история. Курдистан остается фактически непокоренным — вот основная идея, которая, на первый взгляд незаметно, пронизывает все сочинение. “Если некоторые из султанов,— пишет Шараф-хан в предисловии,— и устремляли все старания на завоевание и покорение Курдистана и переносили неописуемые трудности и лишения, то в конце концов они раскаивались и снова передавали [те земли их] хозяевам” ⁹⁹. “Кто захочет покорить Курдистан, — пишет далее автор, — будет иметь дело прежде всего с правителями Бидлиса и с племенем рузаки” ¹⁰⁰. Эти высказывания весьма недвусмысленно показывают нам истинные взгляды Шараф-хана, несмотря на обилие пышных эпитетов в адрес турецкого султана.

Сочинение Шараф-хана свидетельствует о том, что правящей курдской верхушке не чужды были зачатки национальной идеологии. Он посвятил свой труд именно истории курдов, понимая под курдами все разрозненные, говорящие на сильно различающихся диалектах курдские племена, часть которых придерживалась таких неприемлемых и презренных ¹⁰¹, с точки зрения правоверного ислама, вероучений, как езидизм.

Слава, которую принес этот труд его автору, вполне заслуженна. Помимо его совершенно оригинальной тематики и большой ценности как исторического источника, *Шараф-наме* является одним из лучших памятников персидской литературы XVI в.

Сочинение, за исключением пяти первых глав, о которых говорилось выше, написано образным выразительным языком, иногда заметно стремление к изысканному языку рифмованной прозы. Заметно влияние цветистого стиля [37] сочинений Шарафаддина 'Али Йазди и Мирханда, которых Шараф-хан охотно и довольно часто цитирует. Метафоры и стихи, которыми пересыпан текст, не затеняют, как правило, изложения исторических событий, не превращают его в условное трафаретное повествование.

Научную ценность труда Шараф-хана трудно преувеличить. По словам Мулла Джамил-банди Ружбайани, сочинение Шараф-хана стало “настоящей курдской энциклопедией” ¹⁰². Именно на этом сочинении базируются наши знания по средневековой истории курдского

народа, “внесшего так много в культуру Востока. Этот народ растерял своих сынов под обличьем иранцев, турок, арабов, армян, растерял сынов, имена которых в качестве имен славных поэтов, музыкантов, полководцев украшают историю народов, много содействовавших сложению подхваченного европейской и русской наукой представления о курдах как о народе, не только неспособном к культурному творчеству, но даже и к восприятию чужой культуры” ¹⁰³. Замолченным историей народом называл курдов Н. Я. Марр ¹⁰⁴. Именно на основании тщательного изучения *Шараф-наме* можно восполнить этот пробел, с тем чтобы в истории народов Востока нашла отражение и история курдского народа.

Шараф-наме является также источником первоклассной ценности по истории Ирана и сопредельных стран XVI в. Так, раздел четвертый, содержащий историю Бидлисского эмирата, по словам И. П. Петрушевского, мог бы служить для исследователя феодальных отношений Армении одним из основных источников наравне с армянскими ¹⁰⁵. “Почти за 300 лет, — писал о *Шараф-наме* в 1860 г. В. В. Вельяминов-Зернов, — на Востоке не появилось ничего, что могло бы сравниться с ним” ¹⁰⁶. [38]

К сочинению Шараф-хана Бидлиси обращались самые различные авторы. Известный турецкий географ Хаджи Халифа обязан ему большинством сведений по курдским племенам и географии Курдистана ¹⁰⁷.

Высоко отзывался о труде Шараф-хана Мулла Махмуд Байазиди: “Действительно, — писал он, — Курдистан обязан своей историей перу этого человека, преисполненного знаний и достоинства, самого выдающегося человека своего столетия” ¹⁰⁸. В 1274/1857-58 г. Мулла Махмуд Байазиди закончил написание на курдском языке *Китаб-и таварих-и джадид-и Курдистан* (“Новой истории Курдистана”) ¹⁰⁹, задуманной им как продолжение *Шараф-наме*. Этот огромный, насчитывавший тысячу рукописных страниц, труд включал предисловие и одиннадцать глав, и, хотя автор начинает описание событий с 1200/1785-86 г., он часто обращается к более отдаленным временам. Мулла Махмуд Байазиди неоднократно ссылается на *Шараф-наме* как на самый авторитетный источник по истории курдов ¹¹⁰.

Большое внимание уделяется сочинению Шараф-хана Бидлиси в трудах современных исследователей истории, литературы, языка и культуры курдского народа. Но обобщающих археографических и историко-филологических исследований, “освященных *Шараф-наме*, до настоящего, времени мы не имеем. [39]

VIII. КУРДСКИЕ ЭМИРАТЫ В XVI в.

(ПО *ШАРАФ-НАМЕ*)

Историю курдского народа после арабского завоевания делят на три больших периода ¹¹¹. Первый период охватывает VI—XV вв.— это время арабских и монгольских нашествий, возникновения независимых курдских династий. Второй период — XVI — середина XIX в. — характеризуется становлением могущественных государств — османской Турции и сефевидского Ирана и разделом Курдистана. Несмотря на централизаторскую политику турецкого и персидского правительств, сохраняют существование шесть полунезависимых, почти автономных, курдских княжеств: Бохтан, Хаккари, Бахдинан, Соран и Бабан в Турции и Арделан в Иране. Третий период — с середины XIX в. до наших дней — начинается с ликвидации вассальных княжеств. В Турции они были ликвидированы в течение 1837—1852 гг., в 1860 г. утратил свою автономию Арделан в Иране ¹¹². Растет, принимая более отчетливые формы, национальное самосознание курдского народа,

начинается упорная национально-освободительная борьба, которая продолжается и в настоящее время.

Даже такая схематическая периодизация истории курдов наглядно показывает, какое место занимает в ней XVI век. Во многих отношениях этот период явился переломным, определившим дальнейшую судьбу курдского народа.

К XVI в. Курдистан являл собой пеструю картину наследственных княжеств и эмиратов. Из среды их правителей Шараф-хан выделяет в особый раздел тех, кто пользовался иногда правом чеканить свою монету и быть поминаемым в *хутбе* ¹¹³. В эту группу он включает правителей Арделана, Хаккари, Имадии, Джебзире и Хасанкейфа. Тот факт, что курдские правители и эмиры пользовались далеко не [40] одинаковой властью, не вызывает сомнений. Политическое влияние и экономический вес феодалов определялись количеством и доходностью их земель, числом их вассалов (нукеров) и численностью ополчений и дружин. Поэтому, хотя и непонятны принцип и порядок отбора и низведение правителей Сорана и Бабана в разряд второстепенных, в целом представляется возможным сохранить это деление.

Согласно *Шараф-наме*, в Курдистане к началу XVI в. были следующие наследственные княжества и эмираты.

1. Джебзире. Владения этих правителей носили название их главного города Джебзире, или Джебзире-йи Ибн Умар (прим. 5). Джебзирский эмират включал 14 округов: Джебзире, Гургил (прим. 14), Арух (прим. 320), Пируз, Бадан, Танза (прим. 322), Финик (прим. 15), Тур (прим. 324), Хаитам (прим. 325), Шах (прим. 326), Ниш Атил (Атил — прим. 327), Арамшат (прим. 328), Кевар (прим. 329) и Даир-дих (прим. 331) — большую область между правым берегом Бохтан-су и Тигром. Владетели Джебзире одновременно являлись главами могущественного союза курдских племен бохти.

2. Хаккари. Власть правителей Хаккари распространялась на горную труднодоступную область (прим. 12). Резиденцией служила крепость Бай в Шамдинане (прим. 296). Мулла Махмуд Байазиди называет род правителей Хаккари одним из трех древнейших и самых знатных родов Курдистана ¹¹⁴. Династы эти были столь могущественны, что, по словам Шараф-хана, государи не осмеливались посягать на их владения, а если и захватывали, возвращали им на правах собственности (мулька) ¹¹⁵. К началу XVI в. правитель Хаккари безраздельно владел в вилайете ¹¹⁶.

3. Имадия. Имадийский эмират включал горные районы к югу от Хаккари: Имадия (прим. 13), Дохук (прим. 304), Акра (прим. 303) и Зебар (прим. 303). Утверждение курдской династии Бахдинан в этих районах приходится на VII — [41] VIII вв. В начале XVI в. ее владения составили большую часть горной области к северу от Мосула.

4. Хасанкейф. Эмират носил название крупного города в Месопотамии. В числе относящихся к нему районов автор упоминает Сиирт (прим. 355), Бешири (прим. 306), Арзан (прим. 356). Первый представитель местной курдской династии маликов правил в начале XIV в. Малик Халил, возглавлявший княжество в начале XVI в., пользовался, по словам Шараф-хана, полной независимостью, “деяниями и обычаями походил на государя” ¹¹⁷.

5. Арделан (прим. 11). Династия правителей Арделана, по определению Шараф-хана, фактически независимых, управляла к началу XVI в. огромной территорией, включавшей районы Зальм, Тагсу, Хавар, Симан, Гуламбар, Мари-ван, Тануре, Ншекас, Саруджик,

Каратаг, Шахрбазар, Алан (прим. 248, 249, 251, 252, 254, 257, 258, 259, 261, 264, 265, 260) и другие с центром в городе Сенне. Позднее некоторые из этих районов были ими утрачены.

6. Соран (прим. 41). Земли этого княжества приблизительно соответствуют области Эрбиля. Ко времени написания *Шараф-наме* династ Сорана был “правителем могучим и властительным, и все — великие и малые, далекие и близкие — страшились его яростного гнева. Эмиры и правители, что были его соседями, неизменно являли ему покорность” ¹¹⁸.

7. Бабан (прим. 42). Владения династии Бабан с центром в Шахрбазаре (Шарбажере) располагались к югу от Малого Заба и охватывали всю современную область Сулей-манийе и часть района Эрбиля в Ираке ¹¹⁹. Главы могущественного племени бабан были не только держателями обширных владений, но и обладали властью почти неограниченной. У племени зарза они отобрали Ларджан, у соранцев — Сиви, у сефевидского шаха — Солдуз. В захваченных областях правители Бабана назначали своим приказом эмиров—держателей округов, даруя им отличительные эмирские знаки, [42] символизирующие власть: барабан и знамя, пожалование которых являлось прерогативой государя.

Кроме этих наследственных княжеств и эмиратов в Курдистане конца XV — начала XVI в., согласно *Шараф-наме*, были следующие наследственные уделы.

1. Хизан, Асбайирд, Мокс (прим. 25, 27, 26). Этот удел занимал область вдоль правых притоков Бохтан-су вплоть до Мерванана. До завоевательных походов султана Сулаймана I утвердившиеся здесь во времена Сельджукидов мелкие династы чувствовали себя, по словам Шараф-хана, независимыми правителями ¹²⁰.

2. Ширван (прим. 28) — южнее Хизана, на правом берегу Бохтан-су с центром в Куфре. Появление этого наследственного удела приходится на конец XV в.

3. Бидлис — ленное владение глав могущественного курдского племени рузаки, поселившегося в этих районах в конце X — начале XI в. ¹²¹. В XVI в. рузаки представляли собой могучую конфедерацию 24 курдских племен, в числе которых находились такие большие ашираты, как билбаси и кавалиси.

4. Сасун (прим. 24). Во времена султана Сулаймана I этот эмират стал именоваться Хазо, что, вероятно, было связано с перемещением центра эмирата из Сасуна в Хазо.

5. Гендж (прим. 36). В этом округе находилось ленное владение курдского племени сувайди, этим же именем называлась и династия их правителей. Некоторое время им принадлежал также округ Чабакчур. [43]

6. Алашкерт, Арджиш, Адилджеваз (прим. 275) — владение отдельных ответвлений курдского племени пазуки, полученное им еще во времена туркменских династий Кара-Койунлу и Ак-Койунлу.

7. Агил, Пало, Очермик (прим. 21, 22, 23). В этих районах правили три ветви эмиров племени мирдаси, переселившегося сюда, по предположению Шараф-хана, из области Алеппо.

8. Чемишгезек (прим. 17) — владение могучего племени малкиши (малик-шахи). До прихода к власти династии Ак-Койунлу их владения включали большой вилайет (32 крепости и 16 округов) и были столь обширны, что в некоторых случаях название Чемишгезек звучало как синоним названия Курдистан ¹²².

9. Кул б, Батман, Майяфарикин (прим. 38, 39, 40). Здесь правили две ветви династии Сулеймани, поименованной так по названию большого союза племен. Основная часть этих племен состояла из кочевников, доходивших летом до гор Алатага. О силе и могуществе этого племенного союза свидетельствует тот факт, что сефевидские наместники Диарбеири всячески стремились заручиться его поддержкой.

10. Дарзини, Курдакан, Атак, Терджил (прим. 32, 33, 34, 35) — владение четырех ответвлений племени зраки (зерки, зереки). Между эмирами Дарзини и Курдакана долгое время существовала кровопролитная вражда из-за деревни Минар, расположенной между их владениями.

11. Килис. Под властью курдских эмиров Килиса, утвердившихся там со времен Айюбидов, находились курды Килиса, Джома и Косейра, а также курды, проживавшие между Хама и Марашем.

12. Хошаб, Ашут и несколько позднее Албак (прим. 511, 510, 285) со времен государей династии Кара-Койунлу составляли ленные владения эмиров курдского племени махмуди ¹²³, прибывшего в эти районы из Сирии или Джебзире. [44]

13. Сокманабад (ныне Зурава к северо-западу от Хоя, прим. 518) — *оджак* (прим. 312) племени думбули. Это племя, по мнению Шараф-хана, прибыло тоже из Сирии или Джебзире во времена Кара Йусуфа Кара-Койунлу (1410 — 1420). Позднее главе племени шахом Тахмасбом был передан Хой на условии несения племенем военной службы. В шахских указах главы племени именовались правителями: хойскими и думбулийскими. Официально они рассматривались шахским правительством как держатели удела, но сами главы этого племени считали Хой и Сокманабад наследственными владениями своего племени.

14. Урмия. В округе Урмия находилось ленное владение глав курдского кочевого племени берадост. Главе этого племени Гази-Кирану, истребившему около тысячи человек из кызылбашских отрядов, находившихся в Урмии, шахом Исма'илом I были переданы округа Тергавер, Сомай и Дул вместе с прилегающими районами. Потомки Гази-Кирана, разделившиеся на эмиров Сомая и Тергавера, сохраняли свои владения вплоть до 1610 г. ¹²⁴.

15. Дерьяс, Дул, Ахтачи, Ил-Теймур и Солдуз (прим. 490, 491, 492, 493, 476) — ко времени падения туркменской династии Ак-Койунлу (начало XVI в.) эти округа были захвачены племенем мукри, которое на протяжении всего XVI в. признавало номинально власть то турецкого султана, то сефевидского шаха, либо воевало с ними.

16. Паланган, Дартанг и Махидашт (прим. 51, 52, 53) — владения курдского племени калхор.

Таким образом, централизация в Курдистане существовала спорадически. Интересы перечисленных центров далеко расходились. Правители полунезависимых княжеств, “представители централизации в самой раздробленности, носители местной и провинциальной централизации” ¹²⁵, признавали номинально власть то одного, то другого государя. [45] Регулярно повторявшиеся попытки последних установить реальную власть над курдскими княжествами не могли дать прочных и ощутимых результатов. Юридически ни османское, ни шахское правительство не признавали самостоятельности наследственных курдских князей и эмиров. Каждый из них получал от той или иной

стороны дарственную грамоту и указ с утверждением в своих правах. Но, как правило, это была лишь фикция, прикрывающая фактическое признание местных династов.

Социально-экономическая история этих княжеств и эмиратов не изучена. Было бы неправильным характеризовать их экономику и культуру состоянием упадка. Некоторые правители заботились о развитии производительных сил, поощряли изучение наук. Например, по словам Шараф-хана, при дворе правителя Джезире Бадр-бека (правил до 1578 г.) собралось такое количество ученых и просвещенных людей, какого в том городе никогда не видели. В их число входили Мавлана Мухаммад Баркала'и, Мавлана Абу Бакр, Хасан Сурчи, Зайнаддин Баби, Мавлана Саййид 'Али (двое из них — Хасан Сурчи и Зайнаддин Баби несомненно курды, на что указывают имена Сурчи и Баби, происходящие от названий известных курдских племен сурчи и бабан).

Интересны в этом отношении сведения Шараф-хана о строительной деятельности правителей Бидлиса — при них были построены многочисленные мосты, караван-сарай, бани, медресе, дервишские обители (*ханекахи*), мечети. По их приказу только в Бидлисе были построены: 21 мост, 8 бань, 5 медресе (одно из них было воздвигнуто по указанию Шараф-хана), 4 большие соборные мечети. В городе, по свидетельству Шараф-хана, было в те времена 800 мастерских с большим числом способных и умелых мастеров.

В Бидлисе собралось в то время много талантливых курдских ученых, выходцев из различных племен: Хизр Баби, Мухаммад Ширанши, Мухаммад Зраки и др. Этим, по словам Шараф-хана, превосходным знатокам логики, метафизики, стихосложения было поручено преподавание в бидлиских медресе, неизменно переполненных учащимися. [46]

Весьма интересной фигурой представляется нам правитель Дарзини Иа'куб-бек (1551-52—1576-77), о котором Шараф-хан отзывается с большой теплотой и симпатией. Его перу принадлежал диван стихов на курдском языке, в основном философского содержания.

Но феодальная раздробленность и постоянные кровопролитные междоусобицы препятствовали значительному хозяйственному и культурному подъему.

Различие между владельцами небольших уделов и полунезависимыми династиями заключалось главным образом в масштабах власти: те и другие были представителями военной знати больших и сильных кочевых или полукочевых племен, составлявших в XVI в. главную из четырех групп класса феодалов, могущество которой было безраздельно ¹²⁶. Сила и мощь племенной знати базировались на том, что именно кочевые племена составляли основу войск, являвшихся не чем иным, как феодальным ополчением. Необходимо поэтому, отметить двоякую роль курдских феодалов, которые одновременно выступали в роли представителей военно-кочевой знати и крупных землевладельцев. Они были полными хозяевами в своих владениях: творили суд, имели могущественные ополчения, совершали набеги на соседей, не стеснялись и грабить на больших дорогах. Частые споры и раздоры разрешались обычно силой оружия.

Шараф-хан приводит интересные сведения о политике двух соперничавших туркменских династий Кара-Койунлу и Ак-Койунлу, проникших, по словам В. Ф. Минорского, в самое сердце Курдистана ¹²⁷. Если утверждение в Курдистане первой из них не сопровождалось полной сменой господствующей курдской верхушки и полным перераспределением земельного фонда, то приход к власти Узун Хасана Ак-Койунлу вызвал к жизни политику, направленную, под предлогом: расправы над сторонниками династии Кара-Койунлу, на искоренение влиятельных курдских семей и племен ¹²⁸. [47]

Не все курдские области были захвачены войсками Ак-Койунлу. В *Шараф-наме* имеются любопытные данные о сопротивлении, оказанном курдами туркменским завоевателям. Правитель Хаккари 'Издадин Шир направил, например, полководцу династии Ак-Койунлу послание следующего содержания: “Пока в наших руках крепости Гургил, Имадия, Бай и Суй, мы вас ничуть не боимся, а ваши шатры в глазах курдов равноценны буйволу помету” ¹²⁹. Несмотря на все старания туркменских военачальников, Имадийское княжество не было захвачено.

Уже при преемниках Узун Хасана отсутствие прочных экономических связей между отдельными областями вызвало внутреннюю слабость государства Ак-Койунлу, приведшую к росту феодальной раздробленности. Ослабление центральной власти сопровождалось немедленным возвращением в свои владения отстраненных было курдских феодалов.

XVI век внес в историю Ирана и Турции новые важные моменты. Он ознаменовался политическим объединением Ирана в рамках Сефевидского государства. Изменился курс внешней политики Турции, которая, утвердившись в Константинополе и на Балканах, устремила свои взоры на обширные территории, лежащие к востоку от Евфрата. XVI век принес с собой непрерывную борьбу этих стран за обладание землями Курдистана, Закавказья и Ирака Арабского (Хузистана), имеющими первостепенную важность в военно-стратегическом и в хозяйственном отношении ¹³⁰. На долгие годы Курдистан стал ареной борьбы между османскими султанами и сефевидскими шахами, борьбы, в которую были втянуты и курды.

Между 1502—1507-08 гг. кызылбашские войска заняли Курдистан и Армению. В отношении курдов шах Исма'ил придерживался политики Узун Хасана Ак-Койунлу. По словам Рашида Йасими, “всю страну с курдским населением он [48] хотел передать своим ставленникам” ¹³¹, устранив знать курдских племен. Курдские правители и эмиры смещались, на их места ставились представители знати кызылбашских племен, составлявших основную опору династии Сефевидов. Шахским наместникам были переданы области Джебзире, Хасанкейфа, Чемишгезека, Агила, Пало, Очермика, Атака, Терджила, Чабакчура и др.

Завоевательные действия шахских войск вызвали в некоторых районах упорное сопротивление. Так, завладев Диарбекиром, Мосулом, Синджаром, шах Исма'ил трижды безрезультатно пытался покорить Джебзире. Лишь несколько лет спустя Джебзире удалось захватить. Вилайет был передан представителю знати одного из главных кызылбашских племен (устаджлу), а курдский правитель Джебзире посажен в тюрьму. Ту же картину можно было наблюдать в Агиле. Ожесточенную борьбу шахским войскам пришлось выдержать с племенами сувайди и мукри — кызылбашаи несколько раз безуспешно пытались покорить мукри. В 1506-07 г. на войну с мукри было направлено кызылбашское племя шамлу, но и оно потерпело поражение. В 1508-09 г. шах Исма'ил посадил в тебризскую тюрьму одиннадцать курдских правителей и эмиров, среди которых были правитель Хасанкейфа малик Халил, правитель Джебзире Шах 'Али-бек и другие влиятельные курдские династы.

Все эти меры, направленные на почти полную замену верхушки курдского господствующего класса кызылбашским, не могли не вызвать недовольства среди курдов. Вскоре в Чемишгезеке вспыхивает вызванное репрессиями шахских властей восстание племени малкиши.

Сознавая непрочность своей власти над курдами, шах Исма'ил, с другой стороны, старался заручиться поддержкой отдельных династий Курдистана — правителей Хаккари, Сасуна и

Ширвана. Так, правитель Хаккари Захид-бек получил грамоту на правление, а эмиру Шах Мухаммаду Шир-ванскому область Куфры была передана на правах [49] собственности. Насколько фиктивна была покорность курдов этих районов шахской власти, показывает следующий факт. После смерти правителя Сасуна 'Али-бека, пользовавшегося “благоволением” шаха Исма'ила, управление было передано шахом старшему сыну 'Али-бека, находившемуся на службе при дворе. Однако возмущившиеся племена и ашираты поставили на власть второго сына 'Али-бека, и шаху пришлось примириться с этим.

Недовольством курдов политикой шаха Исма'ила. И растущими брожениями в их среде воспользовалась Турция. В обстановке приближающегося решительного столкновения двух держав позиция курдов приобретала первостепенное значение. Нельзя согласиться с мнением В. Никитина, который полагает, что принятие курдами турецкой ориентации имело место уже после Чалдыранской битвы ¹³². Несомненно, что Турцией еще до этого сражения, в основном решившего исход войны, была проделана в этом плане большая подготовительная работа. Играя на растущем недовольстве курдов мерами шаха Исма'ила, направленными на отмену приоритета курдской знати в курдских областях, султан Салим сумел заручиться их поддержкой.

Разумеется, причины этого кроются также и не в том, что “Персия им (курдам.— *Е. В.*) была хорошо известна за время их многовекового общения с нею; Турция казалась более отдаленной, и характер ее правителей предстояло еще испытать” ¹³³. Едва ли большую роль сыграл и религиозный фактор, как склонен думать тот же автор.

В сражении, которое разыгралось 23 августа 1514 г. в Чалдыранской долине, близ города Карса, вместе со своими дружинами принимали участие и курдские эмиры, в частности эмир Бидлиссский. Кызылбаши были наголову разбиты, шах Исма'ил бежал, оставив свой трон, гарем и казну.

Это сражение привело к значительному ослаблению шиитской державы. Шах Исма'ил утратил свое влияние на [50] курдские области по ту сторону Загроса, и потомкам его уже никогда не удалось возместить эту утрату. “С этого времени, — пишет Мухаммад Амин Заки, — власть этого государства никогда не переходила за Загросские горы” ¹³⁴.

Но влияние османского султана на курдов было тоже весьма иллюзорным. Довольно большая территория, заселенная курдами, оставалась в руках у кызылбашей. Чтобы заручиться поддержкой курдов, понадобились дарственные грамоты, льстивые письма и подарки курдским князьям, потребовалась кипучая деятельность советника султана Салима — Идрис Хакима Бидлиси, курда по национальности, земляка Шараф-хана. В 920/1514-15 г. при посредничестве Идрис Хакима между султаном Салимом и курдскими эмирами был подписан договор, содержавший следующие пункты ¹³⁵:

1. Сохранение независимости и свободы курдских эмиратов.
2. Передача эмирата от отца к сыну, санкционируемая султанским указом.
3. Помощь со стороны курдов туркам во всех войнах.
4. Турецкое содействие курдам при всех нападениях извне.
5. Выплата курдами в султанскую казну налогов и податей".

В 1515 г., по поручению султана, Идрис Хаким лично посетил всех влиятельных курдских эмиров и пожалованием, почестей и привилегий, убеждениями и обещаниями заручился их поддержкой и военной помощью для продолжения войны с кызыл'башами.

А. Сафрастьян и Мухаммад Амин Заки, особенно последний, отводят большую роль Идрис Хакиму в деле привлечения курдов на сторону Турции ¹³⁶. Амин Заки, например, считает, что Курдистан — страна, со времен Ассирийцев никому не подчинявшаяся, была завоевана Турцией без малейших [51] усилий с ее стороны “лишь благодаря мудрой политике Идрис Хакима” ¹³⁷.

Идрис Хаким, несомненно, был незаурядной личностью. Автор *Хашиг бихишиг* — первого большого исторического труда на персидском языке, посвященного османским султанам, он начал свою политическую карьеру с должности секретаря при султанине Йа'кубе Ак-Койунлу (1479—1490). Начавшиеся некоторое время спустя нескончаемые междоусобицы кочевых феодалов, а также непрочность положения и власти султанов Ак-Койунлу, вероятно, побудили его перейти на службу к более могущественным в те времена правителям — османским султанам — к Байазиду II (1481 —1512), а затем — к Салиму I (1512—1520).

В его лице султаны получили талантливую организатора и политического деятеля, оказавшего им неоценимые услуги в деле завоевания восточных окраин Османской империи. Но до конца дней своих он оставался лишь верным орудием осуществления планов османского правительства, направленных на закабаление Курдистана. Говорить о “мудрой политике” Идрис Хакима, которой якобы только воспользовались турецкие султаны ¹³⁸, — значит объяснять события 1514— 1516 гг. единственно действиями Идрис Хакима, да к тому же еще действиями “правильными и единственно возможными” ¹³⁹, значит закрывать глаза на захватническую сущность политики османского правительства в отношении курдов.

В 1515 г. кызылбашский военачальник Кара-хан, брат убитого при Чалдыране Устаджли-оглу, получил указание отвоевать занятые турками области. Руководство объединенными силами турецких и курдских отрядов осуществляли *беглербег* Диарбекира Бийикли Мухаммад и Идрис Хаким. После захвата Диарбекира и Мардина османское войско, поддерживаемое занимавшими весь левый фланг ополчениями эмиров Сасуна (Мухаммад-бек, сын 'Али-бека), Ширвана, Агила, Видлиса, Атака (Ахмад-бек зраки) и других [52] влиятельных курдских владетелей, дало решительный бой кызылбашским отрядам при Коч-Хисаре (между Урфой и Нисибингом) в начале 1516 г. Войска шаха Исма'ила были снова разгромлены, и огромная территория от Харпута и Бидлиса на севере до Ракки и Мосула на юге оказалась в руках у турок.

Что принесла курдам власть турецкого султана? Возвратились в свои домены многие смещенные шахом Исма'илом курдские эмиры и князья: в Имадии — Султан Хусайн, в Дездевире — Шах 'Али-бек, в Хасанкейфе — малик Халил, в Чемиш-гезеке — Пир Хусайн-бек, в Агиле — Лале Касим, в Пало — Джамшид-бек, в Очермике — Мухаммад-бек, в Атаке — Ахмад-бек, в Терджили — Шамси-бек, в Майяфарикине к власти пришел некий 'Али Файри из племени басьян. Это в известной мере подтверждает верность положения В. Ф. Минорского, что политика османской Турции в отношении курдов, “направленная на предоставление Курдистану феодальной организации, обеспечивающей приоритет курдской знати”, заметно контрастировала с попыткой шаха Исма'ила Сефевида поставить над курдами персидских наместников ¹⁴⁰. Однако это положение нельзя принимать безоговорочно, ибо,

как мы увидим ниже, хотя османское правительство пользовалось, особенно вначале, иными, более гибкими методами, цель его усилий сводилась к тому же — закабалению Курдистана. Мнение Мухаммада Амина Заки, будто политика османских султанов была вообще направлена на осуществление чаяний курдов и обеспечивала им административный режим, до какой-то степени соответствующий их интересам ¹⁴¹, не имеет ничего общего с действительностью.

По словам В. Никитина, “вмешательство центральной власти в курдские дела датируется в Турции поражением при Вене в 1683 г. Мухаммада IV... Позднее с постоянным успехом (турецкое правительство. — *Е. В.*) следовало политике “Разделяй и властвуй” ¹⁴². [53]

Материалы *Шараф-наме* проливают свет на этот вопрос и помогают установить истинное положение вещей. В действительности вмешательство турецких властей в курдские дела начинается уже с реформ османского правительства по насаждению в Курдистане новой административной системы. Существование крупных, почти независимых курдских княжеств и эмиратов явно не соответствовало планам султана. Салима. Это и вызвало попытку административного разделения Курдистана на округа (*санджаки*), что, по его мнению и по мнению верного и последовательного проводника его политики в Курдистане Идрис Хакима, должно было положить конец центробежным устремлениям курдских правителей и эмиров, их непрекращающейся борьбе за независимость.

Согласно этой системе вилайет Диарбекира был разделен на 19 *санджаков*: одиннадцать из них находились в управлении у турецких властей и восемь переданы курдским эмирам (Кулб, Михрани, Терджил, Атак, Пертек, Чабакчур, Очермик, Сакман). Ванский вилайет включил в себя согласно такому административному делению 37 *санджаков*. Подобная система впоследствии была распространена на районы Урфы и Мосула ¹⁴³. Эту систему нельзя расценить иначе как первый шаг турецкого правительства по пути фактического закабаления Курдистана.

Осуществить этот план в XVI в. турецким султанам не удалось. Даже в указанных вилайетах, где была проведена, административная реформа, оставались курдские княжества, и эмираты, которые турецким властям не удалось раздробить: в Диарбекирском вилайете — Агил, Пало, Джебзире, Хазо, Гендж, в Ванском — Хаккари, Махмуди, Пеньянеши. Эти эмираты подчинялись центральной власти непосредственно, но реальная власть султана над ними, как мы увидим ниже, оставалась весьма относительной.

Со времени правления Сулаймана I (1520—1566), царствование которого считается эпохой наибольшего могущества [54] османов, наблюдается усиление централистской направленности турецкой политики в отношении курдов. Это объяснялось стремлением обеспечить тыл во время многочисленных европейских походов, пополнить ряды своих войск за счет курдских феодальных ополчений и, главное,— создать из районов, заселенных курдами, кордон, живую стену между Турцией и Ираном.

Интереснейшей тому иллюстрацией служит рассказ, передаваемый Мулла Махмудом Байазиди ¹⁴⁴: “Когда султан Сулайман Законодатель возвратился в Стамбул, мать обратилась к нему с такими словами: “О сын мой! Ты возвратился, а грузины и кызылбаши не устроят набега на твои области?” Султан ответил: “О мать моя, я воздвиг прочную стену между Османской империей и государством грузин и иранцев, враг не сможет причинить никакого вреда”.— “Как же тебе удалось,— сказала она, — построить стену на таком обширном пространстве?” Султан ответил: “Мать, я построил ее из мяса и крови. Я поручил управление этими районами курдским племенам, я поставил их в ряд как полевое

укрепление от Грузии до Багдада, Басры и Шахризур. Враг не сможет, минуя их, проникнуть в государство ислама”.

Этот красноречивый диалог, якобы имевший место между султаном Сулаймаином I и его матерью, вскрывает сущность политики Сулаймана I в отношении курдов, показывая, как ее понимали сами курды. *Шараф-наме* приводит тому целый ряд примеров. Так, правителью Ширвана Мухаммад-беку была поручена охрана крепости Баргири (Беркри), расположенной в районе, который в те времена являлся пограничным между Ираном и Турцией.

На службу по охране пограничных областей брались целые союзы племен, в кормление им передавались лучшие земли и пастбища, а представители их знати объявлялись держателями *зи'аматов* и *санджаков* (см. прим. 282, 464). Эти племена, представлявшие действительно грозную силу, часто не оправдывали возлагаемых на них надежд и обращали свое [55] оружие против центральной власти. Привлекает внимание история могущественного союза племен сулеймани ¹⁴⁵.

Часть племен сулеймани была переселена, очевидно, по приказу султана Сулаймана из районов Майяфарикина, Кулба и Батмана в захваченную у кызылбашей Байязидскую область, с тем чтобы охранять ее. Вскоре они отказались выплачивать султану причитающиеся с них подати. Эмир Майяфарикина Бахлул-бек, номинально считавшийся их главою, поплатился жизнью за попытку собрать эти подати и вернуть племена в Майяфарикин. Последнее обстоятельство, на которое указывает Шараф-хан, наводит на мысль, что выступление племен сулеймани не сводилось к отказу от уплаты податей.

Несомненно, официальное положение Шараф-хана как вассала турецкого султана побуждает его замолчать более широкую, антитурецкую направленность этого движения. “Столь великой оказалась смута этих племен, что на имя эмира эмиров Амида был издан указ истребить эти племена и их эмиров”, а заодно казнить и эмира Майяфарикина. Последнего казнили, но от племени сулеймани подати в казну не поступали. В доказательство того, что карательными действиями султана руководили в данном случае не корыстные, а иные более важные мотивы, можно привести примеры, когда некоторые курдские племена, проживавшие в пограничных районах, были совсем освобождены от уплаты податей ¹⁴⁶. Приказ об истреблении этого племени был вызван, вероятно, широким размахом восстания, влияния которого на другие курдские племена турецкое правительство боялось. Несмотря на все усилия султанских наместников, ко времени написания *Шараф-наме* сопротивление этих племен не было сломлено.

Установление в большей части Курдистана власти османского султана повлекло за собой дальнейшее усиление феодальной раздробленности. Если шах Исма'ил Сефевид стремился разом убрать курдских феодалов, то османские [56] султаны старались постепенно подрывать основы их власти. Централистская политика турецкого правительства нашла свое отражение в попытках заменить старую наследственную знать, новой служилой знатью. Изменяется характер земельных пожалований: особенно со времени султана Сулаймана охотно раздаются курдским феодалам своеобразные бенефиции: *санджаки*, *тимары* и *зи'аматы*. Владения курдских эмиров делились на такие бенефиции из опасений сосредоточения власти в одних руках.

При этом разделе, якобы преследовавшем цель удовлетворить требования наследников умершего правителя, зачастую многочисленных, львиная доля лучших земель отходила: к доменам султана. Иногда такой раздел сопровождался разрушением главной крепости, как это имело место в Атаке ¹⁴⁷.

Могущественный эмират Чемишгезек, включавший 32 крепости и 16 округов, был по приказу султана Сулаймана раздроблен на два *санджака* и четырнадцать *зи'аматов* и *тимаров*. При этом сама крепость Чемишгезек вместе с несколькими районами отошла к государевым доменам. После смерти, сыновей Пир Хусайн-бека, которые были назначены держателями этих *санджаков*, *тимаров* и *зи'аматов*, их владения были, поделены на еще более мелкие части.

По указанию султана Сулаймана область Хизана была разделена на две части и передана сыновьям правителя Хизана, Султан Ахмада; от Мокса отторгнуты округ и крепость Гаргар и на правах *санджака* переданы 'брату правителя Мокса. мир Ахмада; от Асбайирда — округ Агакис, пожалованный в виде *санджака* брату эмира Асбайирда. Эмирам Кулба и Батмана “пришлось удовольствоваться крепостью Кулб с относящимися к ней районами”.

Особенно показателен в этом отношении пример княжества Хасанкейф. Воспользовавшись междоусобной войной сыновей малика Халила, султан Сулайман совсем лишил эту семью звания правителей Хасанкейфа. Старшему сыну был передан округ в районе Урфы с 700 тыс. акче дохода; двум его братьям, [57] пожаловали по *тимару* с 300 тыс. и 200 тыс. акче дохода; земли княжества Хасанкейф отошли в ведение эмира эмиров Диарбекира.

Подобные действия султана Сулаймана и его преемников можно характеризовать как политику, направленную на ослабление и ликвидацию курдских княжеств и эмиратов в целях экономического и политического закабаления Курдистана. Неоценимую услугу при этом оказало свято соблюдаемое османскими властями правило: “Разделяй и властвуй”.

Ярый поборник догм ислама султан Сулайман, чтобы сломить сопротивление правителей Сорана, передал грамоту на управление теми районами главе езидского племени дасни Хуайн-беку, что с точки зрения правоверных мусульман должно было бы считаться недопустимым. Хусайн-бек дасни понес большие потери в войне с правителями Сорана и в конце концов после ряда неудач был казнен по приказу султана. Тогда на Соран был направлен правитель Имадии, и снова завоевать Соран не удалось. Но для турецкого правительства был важен другой результат — в этих войнах противники, взаимно ослабляли друг друга.

Последовательно централистская политика турецких султанов вызвала со стороны курдов ряд упорных выступлений, иногда принимавших весьма обширные масштабы. В них участвовали и “низы” курдского общества, которые Шараф-хан как представитель господствующего класса презрительно называет “чернью”. Подобные выступления, представляющие для исследователя самостоятельный интерес, имели место в Имадии и Джебзире. Причиной первого восстания (примерно 1566—1578) послужил произвол поставленного на власть султанским указом Кубад-бека, сына Султан Хусайна. Возмущенные племена и ашираты поставили вопреки султанскому приказу правителем Байрам-бека, младшего брата Кубад-бека; “чернь и злодеи области” во главе с эмиром Маликом зури захватили крепость Дохук и убили Кубад-бека, только что возвратившегося из столицы с новой султанской грамотой на правление ¹⁴⁸. На расправу со “смутьянами Имадии” были [58] направлены эмиры Багдада и Шахризура. По-видимому, их действия оказались малоуспешными, да и в новом султанском походе в страны Закавказья курдские отряды должны были играть немалую роль. Поэтому султан Салим II (1566—1574) сменил притворно гнев на милость и предложил Байрам-беку ревностной военной службой заслужить управление Имадией. По окончании закавказской кампании Байрам-бек был заточен в эрзерумскую крепость и после суда казнен. Лишь позднее с помощью правителя Сорана удалось расправиться с восставшими, но власть турецкого султана в этих районах оставалась непрочной.

Попытки турецких султанов вмешаться во внутреннюю жизнь сохранивших свое полунезависимое положение курдских княжеств встретили ожесточенное сопротивление и в Джебзире. Правитель Джебзире Бадр-бек, находившийся у власти около 70 лет, нес военную службу султану, принимал участие почти во всех его походах, но вел себя по отношению к нему довольно дерзко и вызывающе ¹⁴⁹.

Удобный момент вмешаться во внутренние дела Джебзире, расправиться с непокорными династиями представился после 1583 г., когда разгорелась ожесточенная борьба между двумя претендентами на власть — эмиром 'Азизом и эмиром Шара-фом. “Столпы” османской державы всячески старались обострить последовавшие раздоры и распри: после того как при поддержке везира Фархад-паши управление Джебзире было передано эмиру 'Азизу, великий везир 'Усман-паша пожаловал власть его сопернику. Правомерность притязаний эмира 'Азиза подтвердили 112 тыс. золотых, переданных им в дар Фархад-паше, и сторонники эмира Шарафа были объявлены смутьянами и бунтовщиками. Эмирам Курдистана был дан приказ наказать их, дабы “кара эта послужила другим бунтовщикам назиданием” ¹⁵⁰. Проводимая османским [59] правительством политика грубого нажима вызвала восстание всего племени бохти, носившее явно антитурецкую направленность, о которой, естественно, прямо Шараф-хан не говорит. Здешний правитель эмир 'Азиз был убит, а сопротивление племени бохти оказалось, по-видимому, столь упорным, что в конце концов султанское правительство было вынуждено признать власть эмира Шарафа, мотивируя это признание неожиданным обнаружением “справедливости [притязаний] и дарований эмира Шарафа”. Приведенные факты показывают, что вмешательство Турции в курдские дела начинается уже с XVI в.

Политика сефевидских шахов Ирана отличалась от политики турецкого правительства лишь тем, что они преследовали цель распространения на курдские районы своей власти. В наиболее откровенной форме интересы поработителей курдского народа выражала политика шаха Исма'ила Сефевиды, потерпевшая, как мы видели, полный крах: большая часть Курдистана перешла в результате событий 1514—1516 гг. под протекторат Турции. Война Ирана с Турцией за обладание Курдистаном, сопровождавшаяся чудовищным разорением производительных сил курдских областей, продолжалась и при шахе Тахмасбе (до 1555 г.).

Шах Тахмасб, следуя политике отца ¹⁵¹, предпринимал истребление целых племен, номинально признававших то султанскую власть, то шахскую, а реально сохранявших самостоятельное положение. Так, по его приказу за один день в Ардахане было перебито 400 человек из племени думбули, а находившиеся при шахском дворе *курчи* из этого племени были казнены. Оставшиеся в живых из племени думбули “бежали в Турцию, получив в кормление округа Котур-дараси и Баргири. Массовым гонениям и репрессиям подверглось и племя чигани. Был даже издан указ изгонять их за пределы Ирана, а если они будут упорствовать, убивать” ¹⁵².

С другой стороны, стараясь привлечь к себе на службу курдские племена, шахское правительство давало их главам [60] всевозможные пожалования (в том числе и земельные). В 1552-53 г. курдскому племени сийах-мансур, при условии поставки им в шахское войско трех тысяч воинов, были переданы округа Султанийе, Зенджан и Абхар.

Насколько независимо вели себя главы этих племен, официально считавшиеся держателями временных пожалований и шахскими вассалами, можно видеть на примере дальнейшей судьбы племени сийах-мансур. Два-три года спустя, по словам Шараф-хана, эмир племени сийах-мансур Даулат-Йар-хан “стал допускать действия, идущие вразрез с волей государя”, а после начала ирано-турецкой войны 1578—1588 гг. совсем отложился от Ирана и

принялся за строительство крепостей в округах Карасф и Ангуран. Попытка шаха Мухаммеда (1578—1587) привести его в повиновение закончилась полным разгромом кызылбашских отрядов и захватом знамен и литавр семи кызылбашских эмиров ¹⁵³. Расправиться с непокорным эмиром удалось только шаху 'Аббасу, который захватил его в плен и казнил.

Старания иранских шахов Тахмасба и Мухаммада установить реальную власть над курдскими племенами мукри, бера-дост, махмуди, думбули, сийах-мансур кончились неудачей. Весьма показателен в этом отношении пример с племенем махмуди. В ответ на назначение шахом Тахмасбом угодного ему эмира махмуди люди этого племени убили шахского ставленника и поставили эмиром некоего Хан Мухаммада. Последний по приказу шаха был посажен в тюрьму, а земли племени махмуди переданы думбулийцам. После скорого освобождения из тюрьмы Хан Мухаммад решил засвидетельствовать покорность султану Сулайману. Едва прослышав о его намерениях, шах Тахмасб направил ему грамоту на владение землями племени махмуди. Так, из опасения окончательной утраты влияния на племя махмуди шаху Тахмасбу пришлось удовольствоваться внешним признанием его власти.

В *Шараф-наме* немало любопытнейших примеров ирано-турецкого соперничества в Курдистане, выражавшегося (в **[61]** свободные от военных действий между этими странами времена) в постоянном натравливании курдских феодалов друг на друга, в разжигании междоусобиц. Например, до завоевания Багдада султаном Сулайманом в княжестве Бабан, которое к началу XVI в. достигло больших размеров и могущества, власть местных курдских династов оставалась весьма прочной. После смерти правителя Бабана Пир Будака, при котором предпринимались походы на курдское племя зарза, Арделан, Соран и даже на владения самого шаха Ирана ¹⁵⁴, началась борьба за власть. Султан Сулайман всеми мерами старался обострить вражду, санкционируя передачу управления Бабаном то одному, то другому претенденту, то обоим одновременно ¹⁵⁵. Под предлогом защиты прав третьего, “законного”, наследника трижды посылал на Бабан войска и шах Тахмасб. После третьего неудачного похода последний претендент и два его брата были брошены по приказу шаха в тюрьму. Все это чрезвычайно выразительно характеризует корыстную направленность политики Ирана и Турции в отношении курдов.

В 1578 г. снова начинается ирано-турецкая война за обладание областями Закавказья. Опять курды используются обеими сторонами в качестве военной силы. Именно курдские ополчения стояли в авангарде султанских войск ¹⁵⁶ в закончившейся поражением османов битве при Чилдыре 9 августа 1578 г. В числе погибших Шараф-хан упоминает поэта, автора дивана стихов на курдском языке, эмира племени зраки, Йа'куб-бека, эмира Терджила Хайдар-бека, сына правителя Хаккари Байазид-бека, правителя Джезире эмира Мухаммада, правителя Хазо Сару-хан-бека, эмира Мухаммада Финики, Гулаби-бека, сына правителя Сакмана Пир Хусайн-бека.

Описание больших потерь, понесенных курдским народом в нескончаемых ирано-турецких войнах XVI в., приводит на память страстные слова величайшего курдского поэта средневековья Ахмада Хани: “Меня удивляет судьба, уготованная **[62]** богом курдам... Турки и персы окружены стенами курдов... Всякий раз, когда арабы и турки приходят в движение, именно курды утопают в крови...” ¹⁵⁷.

Постоянные ирано-турецкие войны за обладание Азербайджаном, Арменией и Курдистаном, военные походы и нашествия, феодальная раздробленность, усугубляемая политикой иранского и турецкого правительств, распри феодалов с их обязательными грабежами и контрибуциями не могли не сказаться самым пагубным образом на состоянии

экономики и производительных сил этих областей. Большая часть населения оказалась истребленной, многие города и крепости исчезли с лица земли.

В 1554 г. во время походов шаха Тахмасба на занятые турками области Курдистана и Армении были захвачены и преданы разграблению Ван, Бидлис, Адилджеваз, Муш, Ардиш, Баргири. Полностью был разрушен Ахлат. “И поныне,— пишет Шараф-хан,— когда копают в любом месте на территории старого города [Ахлата], [из-под] земли показываются остатки дворцов, караван-сараев, бань из отесанного камня и искусно отделанного мрамора” ¹⁵⁸. Причиненные народу во время этих походов бедствия были, по словам Мухаммеда Амина Заки, таковы, что оказались забытыми злодеяния Хулагу-хана и Тимура — все предавалось грабежу и уничтожению ¹⁵⁹.

Курдам эти войны не принесли ничего, кроме огромных материальных потерь и большого числа человеческих жертв. Значительное число крестьян вследствие разрушения жилищ, опустошения полей было вынуждено оставить обрабатываемые земли. В районе Мераги, переданном в кормление племени мукри, к 90-м годам разбежались все крестьяне и в эмирскую казну не поступало и медного филъса. Постоянные междоусобицы привели к разграблению и разрушению окрестностей Джебзире, Дарзини и Курдакана.

Разорению курдских областей способствовало и неуверенное положение некоторых мелких курдских правителей и [63] эмиров, которые, сознавая непрочность своей власти, особенно ревностно собирали подати. К тому же приводили и обязательства уплаты громадных сумм при получении звания правителя или владельца надела. Эти суммы с лихвой они возвращали себе за счет ограбления народа.

Такое положение не могло не вызвать возмущения широких масс, выливавшегося иногда в открытые выступления. Подобного рода протест можно видеть в упоминаемом Шараф-ханом восстании 1595-96 г. в городе Хазо (эмират Сасун), в котором, по его словам, принимали участие и мусульмане и неверные, т. е. курды и армяне ¹⁶⁰, составлявшие основное население города. Поводом для восстания послужили произвол и насилия Шамсадина Катхуда, назначенного управляющим или старостой при правителе Сасуна безвольном сыне Сару-хана Мухаммад-беке, который пришел к власти в 1578-79 г. Дело дошло до того, что без его ведома Мухаммад-бек не мог распоряжаться ни единым динаром. После смерти Мухаммад-бека в 1595-96 г. Шамсадин Катхуда своим приказом назначил нового правителя Сасуна, оставаясь фактически вершителем всех дел. Положение усугубила начавшаяся сразу борьба между претендентами на власть.

Восстание населения Хазо, которое нашло свое выражение в вооруженном выступлении против Шамсадина Катхуда, охватило широкие слои народных масс, называемых Шараф-ханом “смутьянами и чернью”. Естественно, в силу исторических условий выход из создавшегося положения они видели в выдвижении “своего” правителя. Шамсадину Катхуда с трудом удалось избежать смерти бегством. Отряды эмира эмиров Мосула 'Али-паши, направленные в Хазо для наведения порядка и подавления восстания, были разграблены населением [64] Хазо, а сам он вместе со своей раздетой и разутой свитой осажден в доме Шамсадина Катхуда.

Результатами восстания воспользовалось могущественное курдское племя азизан, поставившее на власть представителя своей знати Мухаммад-бека, сына Хизр-бека, который к 1597 г., по словам Шараф-хана, являлся полновластным правителем Сасуна. Даже по скупым и осторожным замечаниям Шараф-хана относительно расправы курдов с людьми злополучного эмира эмиров Мосула, выступившего в роли водворителя порядка по поручению османского правительства, можно сделать вывод о несомненной антитурецкой

направленности этого восстания, о возмущении по поводу вмешательства во внутренние дела эмирата. Результаты этого вмешательства были для Турции неутешительны — власть курдского правителя Сасуна оставалась почти неограниченной.

Это восстание, рассказ о котором у Шараф-хана насыщен любопытнейшими подробностями, проливает свет и на положение городов Курдистана в XVI в.

Итак, XVI век, обнаруживая многие признаки тождественности и преемственности с предыдущим периодом, внес в политическое и социально-экономическое положение Курдистана новые моменты.

После 1514—1516 гг. можно говорить о насильственном разделе Курдистана между Ираном и Турцией, хотя граница раздела не была установлена, а курдские княжества и племена по обе стороны Загросского хребта, который должен был служить линией раздела, лишь номинально признавали себя подданными то Ирана, то Турции.

Захватнические действия османских султанов и сефевидских шахов еще не означали полного подчинения Курдистана социально-экономическому порядку, установленному завоевателями. Несмотря на все старания османского правительства распространить на Курдистан административную систему деления на округа (*санджаки*), рассчитанную на децентрализацию управления курдских эмиров и низведение их до роли держателей военно-ленных пожалований (*санджаков, зи'аматов, тимаров*), несмотря на целый ряд мероприятий, [65] направленных на установление реальной власти над курдами (проведение кадастровой переписи в отдельных областях, передача управления некоторыми курдскими округами османским эмирам и т. д.), многие курдские эмираты и племена сохранили полунезависимое положение. К таким же результатам привела и политика сефевидских шахов Ирана, хотя с их стороны принимались жестокие меры, вплоть до истребления целых племен.

В числе таких сохранивших полунезависимое положение курдских княжеств можно назвать Арделан. Преданностью его правителей безуспешно пытались заручиться шах Тахмасб, султаны Сулайман и Мурад. В 1580-81 г. в ответ на фиктивное признание власти последнего правителю Арделана Тимур-хану было пожаловано 100 тыс. акче из доходов с “августейших доменов вилайета Шахризур”, титул эмира эмиров и паши. Однако это не определило позиции Тимур-хана и его преемников: их ориентация оставалась попеременно то кызылбашской, то османской. К 1596-97 г. правитель Арделана Халу-хан “добился власти столь независимой и неограниченной, что невозможно и описать” ¹⁶¹.

Безуспешными были старания османского правительства отобрать власть у правителя Хаккари Закарийа-бека. Сохранили свое полусамостоятельное положение правители Джебзире и Имадии, где было оказано сопротивление попытке султана Сулаймана назначать своим указом местных правителей.

Весьма влиятельными были правители Агила, Пало ¹⁶², Ширвана, Дарзини, Сасуна (или Хазо). Привлекает внимание поведение правителя Сасуна Сулайман-бека во время похода султана Сулаймана на Багдад в 1535 г. Когда султан остановился в Арзанской долине, Сулайман-бек не только не явился для традиционного изъявления покорности, но воспрепятствовал сделать это и правителю Малатии. “Подобно железной горе, исполненный непоколебимости и величия, оставался [[66] Сулайман-бек] в Сасуне” ¹⁶³. Такое пренебрежение в проявлении даже внешнего повиновения султану характеризует правителя Сасуна как владетеля могущественного и независимого.

Не подчинялись ни шахской, ни султанской власти племена мукри, берадост, махмуди, думбули, сийах-мансур, бабан, хотя область Бабан формально и была отнесена к султанским доменам. Причитавшиеся в казну Шахризур подати “финансовые чиновники взимают с них не иначе, как по-хорошему”. Стоит им прибегнуть к силе и принуждению, в казну не поступает и медного филыса ¹⁶⁴. Вплоть до 1597 г. оставалось неподавленным восстание племен сулеймани.

Правители Сорана к концу XVI в. возымели такую силу и влияние, что безнаказанно устраивали разрушительные набеги даже на земли сефевидского шаха (такой набег, например, имел место в 80-х годах, во время правления Сулайман-бека, сына Кули-бека). Султану Мурад-хану, решившему было привести Сулайман-бека к повиновению, пришлось “удовольствоваться богатыми дарами” своевольного династа.

Во главе всех указанных курдских княжеств, эмиратов и племен оставались курдские династии с непосредственной передачей власти от отца к сыну. Правительствам Ирана и Турции зачастую приходилось довольствоваться их вассальным подчинением. Природа власти этих правителей, степень ответственности перед центральной властью и полномочия, границы княжеств и эмиратов часто менялись в зависимости от политической ситуации, не говоря уже о периодах войн, которые для XVI в. даже более характерны, нежели периоды мирного правления. Но одно оставалось неизменным — покончить с полунезависимым положением этих правителей не удалось ни Турции, ни Ирану; они оставались фактически носителями курдской централизации.

Что касается тех районов Курдистана, где османским султанам удалось утвердить свою административную систему, то их положению в *Шараф-наме* уделено мало внимания — [67] автора интересуют курдские эмиры и правители, сохранившие в той или иной мере свою самостоятельность. Его цель — показать, что, несмотря на захватнические действия Ирана и Турции, курды продолжали упорно отстаивать свою независимость.

Итак, XVI век положил начало хищническому захвату Курдистана сефевидскими шахами и турецкими султанами, что привело к разделу Курдистана, подтвержденному и закрепленному ирано-турецким договором 1639 г. Согласно этому договору была определена граница их владений в Курдистане и срыты многие могущественные курдские крепости по обе стороны ¹⁶⁵. Завоевательные действия этих держав встречали упорное сопротивление курдов, выражавшееся в XVI в. в разрозненных выступлениях курдских феодалов, восстаниях племен и городского населения.

История курдского народа, особенно со второй половины XIX в., неразрывно связана с национально-освободительной борьбой, которая продолжается и в настоящее время. Корни, истоки этой борьбы лежат далеко от наших дней — в XVI в., когда было положено начало завоеванию и разделу Курдистана.

Сочинение Шараф-хана Бидлиси *Шараф-наме* не только служит для нас первоклассным и единственным в своем роде источником для изучения средневековой истории курдов, оно помогает нам лучше понять и сегодняшнее их положение, справедливость борьбы этого народа за освобождение из-под национального гнета, за равенство с другими народами.

Предлагаемый перевод *Шараф-наме* (I тома издания В. В. Вельяминова-Зернова ¹⁶⁶) на русский язык имеет целью облегчить дальнейшее всестороннее изучение этого [68] ценнейшего источника по средневековой истории курдского народа. Перевод сопровождается примечаниями, которые не могут претендовать на полноту освещения и разрешение всех вопросов, могущих возникнуть при чтении *Шараф-наме*.

В настоящем издании все собственные имена и названия сочинений передаются на основе транслитерации, принятой в публикациях серии “Памятники письменности Востока” (по техническим причинам диакритические знаки введены только в указателях). Географические названия, встречающиеся в *Шараф-наме*, приводятся в форме, характерной для персоязычной историографии того времени.

Пользуюсь случаем отметить большую помощь, оказанную мне О. Л. Вильчевским. Приношу также свою искреннюю признательность В. И. Завьяловой, О. И. Смирновой, Н. Д. Миклухо-Маклаю, М. Б. Руденко, К. К. Курдоеву, И. И. Цукерману, Ю. Е. Борщевскому, М. Хазнадару, М. Камалю и К. Кафтану за ценные замечания и помощь в работе.

Текст воспроизведен по изданию: Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. 1. М. Наука. 1967

Комментарии

1 См. Музаэлян (здесь и далее библиографические ссылки даны в сокращении. Список цитированной литературы см. стр. 546—552). В соответствии с данными “Библиографии по курдоведению”, половина всех названий книг по этнографии, истории и географии курдов приходится на XIX в.

2 В качестве примера можно привести работы Ж. Морьера и Дж. Киннейра, которые вышли на английском языке и через год-два были переведены на французский и немецкий языки (см. там же, стр. 14, 15).

3 d'Herbelot, pp. 836,841.

4 В настоящее время эта рукопись принадлежит библиотеке Королевского азиатского общества (см. стр. 18 настоящего предисловия).

5 Malcolm, vol. II, pp. 207, 208.

6 Quatremere, pp. 319, 329 sq.

7 Fraehn, Vorludfiger Bericht, S. 6.

8 Fraehn, Die Bibliothek, S. 295.

9 Курдоев, Труды П. И. Лерха, стр. 50.

10 О его жизни и научной деятельности см. газ. “Московские ведомости”, 1904, № 20, стр. 5.

11 Veliaminof-Zernof.

12 EI2, vol. I, p. 1208.

13 Автор не мог ознакомиться с этим изданием и приводит эти сведения из предисловия к третьему изданию. См. 'Абасси, стр. 106.

14 Эта глава кончается 1092/1681 г. и своим неуклюжим, с ошибками, языком резко отличается от изящного, безукоризненного в отношении грамматики стиля Шараф-хана.

- 15 Veliaminof-Zernof, t. II, pp. 36—45.
- 16 Об этом издании мне любезно сообщила и прислала для ознакомления m-me J. Vlau, автор многих работ по курдоведению на французском языке.
- 17 'Аббаси.
- 18 'Аббаси, стр. 82—83.
- 19 Там же, стр. 89.
- 20 Там же.
- 21 Там же, стр. 599, 607.
- 22 Storey, vol. I, section II, fasc. I, pp. 366—368.
- 23 Sachau and Ethe, pp. 167—169.
- 24 Fraehn, Vorlauffler Bericht, S. 6; idem., Die Bibliothek, S. 295.
- 25 Dorn, Catalogue, pp. 295—296.
- 26 Veliaminof-Zernof, t. I, Preface, p. 16.
- 27 Charmoy, t. I. pt. 1, p. 4.
- 28 Sachau and Ethe, p. 169; Charmoy, t. I, pt. 1, pp.5—6,
- 29 Browne, p. 110.
- 30 Tauer.
- 31 Rieu, Catalogue, pp. 208—209.
- 32 Blochet, pp. 304—305; Charmoy, t. I, pt. 1, pp. 6—7.
- 33 Martinovitch.
- 34 Mor ley, pp. 143—145, 147.
- 35 Rieu, Catalogue, pp. 209—210; idem., Supplement, pp. 64—65.
- 36 Veliaminof-Zernof, t. I, Preface, pp. 16—18; Chanykov, S. 29, 87.
- 37 Tauer.
- 38 Blochet, p. 305.
- 39 Составители каталога персидских рукописей указанного хранилища лишь отмечают, что она была подарена библиотеке в 1680 г. (см. Sachau and Ethe, pt. I, p. 169).

- 40** Wolkow, pp. 291—298; см. также Dorn, *Das Asiatische Museum*, S. 282, 283; Veliaminof-Zernof, t. I, Preface, p. 18; Charmoy, t. I, pt. 1. pp. 4—5.
- 41** Dorn, *Das Asiatische Museum*, S. 661; Veliaminof-Zernof, t. I, Preface, pp. 18—19.
- 42** По свидетельству курдского ученого XIX в. Мулла Махмуда Байа-зиди, турецкий перевод Шараф-наме в его время существовал всего в двух-трех экземплярах (Архив А. Д. Жабы, стр. 79).
- 43** Storey, vol. I, section II, fasc. I, p. 368; Morley, p. 145.
- 44** Morley, p. 146 sq.
- 45** Руденко, стр. 84—85.
- 46** Barb, *Vber die Kurden-Chronik von Scheref*; idem., *Geschichtliche Skizze*; idem., *Geschichte von fiinf Kurden-Dynastien*; idem., *Geschichte der kurdischen Fiirstenherrschaft*.
- 47** См.: Савельев; “Русский библиографический словарь”, т. 22, СПб., 1905, стр. 535—537.
- 48** Charmoy.
- 49** См. Новичев, стр. 172, 271.
- 50** Charmoy, t. I, pt. I, pp. 81—298. Это интересно отметить также по тому, что обычно на немецкий перевод Хаммера (тоже отдельных глав) указывают как на единственный перевод этого произведения на европейские языки.
- 51** Ibid., p. 6.
- 52** Ibid, t. I, pt. 2, p. 120; t. II, pt. 1, pp. 135, 152 sq.
- 53** EI, t. II, p. 1213. В подтверждение можно привести многие примеры: Charmoy, t. I, pt. 2, p. 260 sq; t. II, pt. 1, pp. 78, 138 sq.
- 54** В 1843 г. в “СПб. ведомостях” был даже напечатан некролог П. С. Савельева “О жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа”, через два года П. С. Савельевым же опровергнутый.
- 55** Rozhbeyani.
- 56** 'Ауни, Шараф-наме.
- 57** Архив А. Д. Жабы, стр. 53.
- 58** Шараф-наме, перевод, стр. 407 настоящего издания (далее — Перевод).
- 59** См. описание древнего караванного пути: Ксенофонт.
- 60** EI, t. II, p. ИЗО.

61 Хутба — торжественное провозглашение имени правителя во время пятничного богослужения. Хутба и чекан монет с именем правителя являлись прерогативой только независимого правителя.

62 Перевод, стр. 422.

63 Следующий пример чрезвычайно убедительно показывает, сколь свободно чувствовали себя правители Бидлиса на своей территории. Эмир Шараф был весьма благосклонно принят шахом Исма'илом Сефевидом (речь идет о событиях до завоевания Армении и Курдистана), “был отмечен дорогими почетными халатами и грамотою на управление Бидлисом”. А некоторое время спустя, когда шахский наместник, правитель Днарбекира Мухаммад-хан, проезжал Бидлиским вилайетом, ему и его свите строжайшим образом и в довольно вызывающей форме было запрещено “посвягнуть хотя бы на одного козленка, [принадлежащего] племени рузаки”, и им пришлось обменять на провиант коней и оружие (см. Перевод, стр. 450).

64 Новичев, стр. 80.

65 См. ниже, стр. 49.

66 Перевод, стр. 456.

67 Подтверждением этому могут служить завоевательные походы эмира Шарафа на районы Сиирта и Арзана. Для завоевания крепости Ахтамар (см. прим. 281) даже было построено несколько кораблей. После расправы его с племенем пазуки лишь немногие из этого племени остались в живых.

68 Перевод, стр. 465.

69 Там же, стр. 478.

70 Там же.

71 Его дед Тукмак Байандур при Хасане Ак-Койунлу стоял во главе всех эмиров ак-койунлу.

72 Сведения об авторе ограничиваются данными, содержащимися в его сочинении.

73 Архив А. Д. Жабы, стр. 77—78.

74 Перевод, стр. 76.

75 Там же, стр. 77.

76 Название явно наделено двойным смыслом: “Книга Шарафа” или “Книга славы”, т. е. славной истории правителей Курдистана.

77 Veliaminof-Zernof, t. I, Preface, p. 10.

78 Brockelmann, GAL, Bd I, S. 135—136.

79 Ibid, S. 141—142.

- 80** Ibid., Bd II, S. 176—177.
- 81** О его сочинении см. Storey, vol. I, section II, fasc. I, pp. 81—84.
- 82** Под таким названием, по словам Стори, цитирует этот труд Кашани Мирханд (см. *ibid.*, pp. 78—79).
- 83** Ibid., section II, fasc. 2, pp. 283—287.
- 84** Ibid., pp. 293—298.
- 85** Ibid., pp. 92—101.
- 86** Ibid., vol. I, pt 2, pp. 954—959.
- 87** Ibid., pp. 784—789.
- 88** Анализ и оценку этого документа см. Петрушевский, Очерки, стр. 149—,153, 156—157.
- 89** В большинстве случаев традиция возводила их генеалогию к династиям арабского происхождения: к аббасидским халифам (правители Имадии, Чемишгезека, Килиса), Омейядам (правители Джебзире) или к знатным арабским семьям (правители Сорана, эмиры племени думбули). Правители Сасуна и Бидлиса претендовали на происхождение от Сасанидов.
- 90** См. Перевод, стр. 215, 221, 266, 290—291, 337, 403.
- 91** Там же, стр. 157, ,168, 323.
- 92** Там же, стр. 208—210, 264.
- 93** Там же, стр. 382—385.
- 94** Там же, стр. 81—82, см. также стр. 86.
- 95** Там же, стр. 450, 458.
- 96** Петрушевский, Очерки, стр. 32.
- 97** Перевод, стр. 85, 455.
- 98** Автор дает определение территории, населенной курдами, включая обширную область от Малатии до Персидского залива. До Шараф-хана Курдистаном со времен Сельджуков именовали земли между Азербайджаном и Луристаном и районы к западу от Загроса (см. EI, t. II, p. 1130).
- 99** Перевод, стр. 88.
- 100** Там же, стр. 405.
- 101** Там же, стр. 175, 357.

- 102** Rozhbeyani, p. 1.
- 103** Орбели, стр. 5.
- 104** Марр, стр. 117.
- 105** Петрушевский, Очерки, стр. 31.
- 106** Veliaminof-Zernof, t. I, Preface, p. 9.
- 107** См., например, описание Джезире и Имадии у Шараф-хана (Перевод, стр. 1167—169, 176—178) и Хаджжи Халифы (Charmoy, t. I, pt. 1, pp. 150—153, 208—209).
- 108** Архив А. Д. Жабы, стр. 52.
- 109** В 1865 г. А. Д. Жаба, занимавший тогда пост русского консула в Эрзеруме, переслал в Академию наук на рассмотрение рукопись выполненного им французского перевода предисловия Муллы Махмуда Байазиди (около 50 страниц, написанных рукой А. Д. Жабы). По словам А. Д. Жабы, сочинение Байазиди существовало в единственном списке.
- Дальнейшая судьба этого сочинения и его перевода пока неизвестна. В коллекции курдских рукописей, собранных А. Д. Жабой (хранятся в ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), рукописи этого сочинения нет.
- 110** См. Архив А. Д. Жабы, стр. 52 и сл.
- 111** Minorsky, Kurdes, p. 1198 sq.; Nikitine, Les Kurdes, p. 180.
- 112** Edmonds, p. 8; Nikitine, Les Kurdes, p. 186.
- 113** В. Ф. Минорский считает это различие малоощутимым и предпочитает его полностью игнорировать (см. EI, t. II, p. 1198).
- 114** Архив А. Д. Жабы, стр. 53.
- 115** Перевод, стр. 153.
- 116** Там же, стр. 158.
- 117** Там же, стр. 213.
- 118** Там же, стр. 329.
- 119** EI, t. II, p. 1210; Edmonds, p. 9.
- 120** Перевод, стр. 266.
- 121** Шараф-хан как представитель этой династии, хорошо знакомый с ее историей, не мог не посвятить описанию Бидлисского эмирата многих страниц своей книги (почти четвертая часть первого тома издания В. В. Вельяминова-Зернова). История Бидлисского эмирата по материалам Шараф-наме может стать темой самостоятельного исследования. Действительно, в большом удельном весе сведений о Бидлисском эмирате, а также в том

факте, что чем ближе к Бидлису те или иные владения, тем подробнее их описание, можно усмотреть, по словам О. Л. Вильчевского. некий “бидлисоцентризм”. Это явление проще объяснить различной степенью осведомленности автора по истории отдельных областей Курдистана.

122 Перевод, стр. 221.

123 Очевидно, его именем и был позднее назван округ, расположенный севернее округа Албак.

124 Петрушевский, Очерки, стр. 127.

125 Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7, М., 1956, стр. 348.

126 Петрушевский, Очерки, стр. 89.

127 Minorsky, Kurdes, p. 1206.

128 Перевод, стр. 221.

129 Там же, стр. 204.

130 Осmano-сефевидские войны заняли в XVI в. 53 года: с 1514 по 1555 г. и с 1578 по 1588.

131 Рашид Йасими, Курд, стр. 203.

132 Nikitine, Les Kurdes, p. 185.

133 Safrastian, p. 39.

134 Заки, Хуласат та'рих, стр. 175.

135 Там же, стр. 182—183.

136 Safrastian, p. 41; Заки, Хуласат та'рих, стр. 181—190.

137 Заки, Хуласат та'рих, стр. 190.

138 Там же.

139 Там же, стр. 189.

140 Minorsky, Kurdes, p. 1206.

141 Заки, Хуласат та'рих, стр. 175.

142 Nikitine, Les Kurdes, p. 186.

143 Заки, Хуласат та'рих, стр. 184—185.

144 Архив А. Д. Жабы, стр. 58—59.

- 145** Перевод, стр. 320—322.
- 146** Там же, стр. 355.
- 147** Там же, стр. 299.
- 148** Там же, стр. 172.
- 149** Так, когда во время приема право первым подойти к руке государя было предоставлено правителю Имадии, Бадр-бек оставил султанский диван и уехал в свои владения, даже не попрощавшись с султаном и не испросив на то разрешения (см. Перевод, стр. 186).
- 150** Там же, стр. 198.
- 151** Рашид Йасими, Курд, стр. 206.
- 152** Перевод, стр. 373.
- 153** Литавры, барабан и знамя служили отличительными знаками великих эмиров.
- 154** В числе завоеваний Пир Будака Шараф-хан упоминает Солдуз, принадлежавший кызылбашам.
- 155** Перевод, стр. 334.
- 156** Там же, стр. 189, 254.
- 157** Niki'tine, Les Kurdes, p. 179.
- 158** Перевод, стр. 398.
- 159** Заки, Хуласат та'рих, стр. 195.
- 160** Интересно отметить, что это совместное выступление имело место именно в Сасунском эмирате, где три столетия спустя произошла инспирированная турецким правительством сасунская резня. Отсюда можно видеть, сколько лет упорного натравливания и раздувания взаимной вражды понадобилось турецким султанам, чтобы вызвать к жизни эти кровавые события, противоречащие духу исторически сложившихся армяно-курдских, отношений.
- 161** Перевод, стр. 152.
- 162** Эти области были даны султаном Сулайманом правителям Пало в собственность “из века в век и из поколения в поколение” (см. там же, стр. 243).
- 163** Там же, стр. 251.
- 164** Там же, стр. 337.
- 165** Отрывок из этого договора приводится Е. И. Чириковым (“Путевой: журнал”, приложение, стр. 649—651).

166 С тегеранским изданием 1965 г. переводчик познакомился, когда настоящая книга уже была в наборе. Поэтому все разночтения будут учтены и отмечены в предисловии к переводу II тома.

ШАРАФ-ХАН ИБН ШАМСАДДИН БИТЛИСИ

ШАРАФ-НАМЕ

/2/ Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Повествование следует начинать с восхваления властелина, дабы благодарственная хвала от лучезарного разума, подобного покорителю мира — солнцу, поднялась до ступеней небесной сферы. В заключение подобает возблагодарить владыку царства, дабы его вознесение, [исходя] из груди, достигло восходов благоденствия. Слава Аллаху с начала и до скончания века — султану, который с высоты своего девятиступенчатого небесного престола провозгласил почитание и уважение рода человеческого гласом хутбы: “Вас мы сделали на этой земле преемниками после них” (Коран, сура 10, стих 15 (здесь и далее цитаты из Корана приводятся в переводе Г. С. Саблукова).); хакиму, испытывавшему на монетном дворе [своего] беспредельного великодушия /3/ наличность достоинства человека чеканом [таких слов]: “Мы ущедряем сынов Адамовых” (Коран, сура 17, стих 72.); всемогущему, который возвысил стяги величия отмеченных великолепием государей рода человеческого словами: “Мы вознесли его на высокое место” (Коран, сура 19, стих 58.); всеильному, устремившему ввысь стяги мощи могучих хаканов во всех странах света до апогея самовластия и самодержавия; всевышнему, который, следуя обычаю правосудия, милостиво направил попирающие звезды стопы исполненных справедливости ханов к восхождению на султанский трон, [говоря]: “Даем им преимущество над многими из тех, кого сотворили [72] мы” (Коран, сура 17, стих 72.); предвечному, обратившему лезвие меча султанов, завоевателей мира, в зеркало, отражающее лик невесты победы и торжества!

Руководимый своею всеобъемлющею мудростью, воедино связал он управление миром и устройство дел рода человеческого с исполненным великодушия существованием справедливых султанов. Ведомый своими совершенными помыслами, почетными одеяниями отличил он среди аширатов и племен особую группу [со словами]: “Составили из вас племена и поколения” (Коран, сура 49, стих 13.), вознес их до высокого сана правителя и сообразно способностям и заслугам каждого назначил [им] степень падишаха, малика или эмира. Стихотворение:

О избранный! Тебе принадлежит титул царя царей,
Подвластно приказу твоему [все] от луны до рыбы **1**.

Сколь обо всех ты осведомлен.

То даруешь шахскую власть по своему усмотрению.

Предисловием к листам красноречия и введением к средоточию остроумия должны [служить] благословения [и] молитвы за высокодостоинного, историческая миссия которого как пророка выясняется из смысла [изречения]: “ уже был пророком, когда Адам находился между водой и глиной”; всепроникающее [действие] указов о его пророчестве обнаруживают слова: “Мы послали тебя не иначе, как милость мирам” (**Коран, сура 21, стих 107.**); за властелина, который во время августейшего [своего] восхождения — “хвала тому, кто в некоторую ночь...” (**Коран, сура 17, стих 1.**) — так погонял Бурака **2**, мчавшегося с быстротою молнии, что архангел Гавриил, со всем почтением следовавший за ним, от него отстал; **/4/** за высокоблагородного, который во время беседы с избранными, [о чем говорится в хадисе, начинающемся со слов]: “С Аллахом ...”, изрек своими правдивыми устами, что [даже] для херувимов и **[73]** ниспосланных [туда] пророков не оставалось места в святилище почитания его. Двустиише:

За тобою не смог поспеть и Гавриил,
Да и кто осмелится сравниться с тобою?

Это — луна дворца пророчества; султан чертога славы; печать, скрепляющая описок пророков; жемчужина ларца благородства; свет зрачка немеркнущего ока; белый цветок лазурных садов красноречия; оглавление книги мироздания; предисловие к перечню творений; предводитель легиона посланников господних; повелитель друзей Аллаха — избранник [божий] Мухаммад — да благословит и да приветствует Аллах его, род его и сподвижников его! Стихотворение:

Арабский пророк, государь священного Ясриба —
Следует его путем и араб, и перс —

Что за сияющее солнце на небосводе славы,
Что за редкостная жемчужина из раковины курейшитов!

Им закончилась книга пророчества,
С него началась и им закончилась.

Миллионы благословений и приветствий
Творца жизни, создателя [всего] сущего

Да пребудут над ним, над родом и потомками его,
Над сподвижниками, друзьями и славными [соратниками] его!

Воздав хвалу всеильному творцу и возблагодарив вождя праведников, подобает принести моленья за падишаха, нижайшею ступенью дворца которого является орбита Сатурна при всем его высоком положении, а владыка четвертой [небесной] сферы (**Солнце**), хоть он и благодетель для [всего] мира, приходится ему ничтожнейшим из привратников и хранителей; за жемчужину венца величайших султанов, которым опором служат небеса; за достойного представителя рода

всемиловейших хаканов, у коего заимствует [свой] блеск [74] [солнце]; за оплот
наипрославленнейших императоров и прибежище величайших государей — хаканы гордятся
целованием его высокого порога и султаны кичатся лобызанием его возвышенной порты; за
защитника людей сунны и общины (Суннитов.), [неукоснительно] искореняющего признаки
ереси и заблуждения. И это государь величайший, всепризнанный и хан справедливый,
совершеннейший, кому [должно] повиноваться, тот, кто вознес знамена халифата
справедливостью и благодеяниями [своими], кто начертал письмена /5/ милосердия и
великодушия на страницах мест и времен, утвержденный в двух царствах, вспомоществуемый
двойным счастьем султан обоих континентов и обоих морей, служитель при обеих почитаемых
святынях (Мекка и Медина.), третий Умар, второй Искандар Двурогий, расстилатель ковра
спокойствия и благополучия, любимец благосклонного ока всемиловитого владыки Абу-л-
Музаффар султан Мухаммад-хан 3— да увековечит всевышний Аллах его царствование и его
султанство и да распространит на оба мира свои щедроты и благодеяния! Стихотворение:

О господь! Ты явил милость [свою] (Букв, "ты воззрел с милостью"),
Когда распротер над тварями эту тень (Т. е. поставив его государем, так как государь считался "тенью" бога
на земле.),

Что могу сказать во славу этого высокодостоинного?
Ведь солнце в похвалах не нуждается!

Как преданный слуга, молюсь за эту династию:
О господь! Ты вечно держи эту тень [над нами]!

И впредь да не останется скрытым и утаенным пред светлым всепроникновенным (Букв, "перед
умом, чье действие подобно действию философского камня".) разумом нанизывателей жемчужин
красноречия и пред сияющею как солнце мыслью творцов красот риторики, что, по общему
мнению ученых и [75] рассыпающих [перлы] премудрости знатоков, [хотя] предметом науки
истории и могут быть тексты святых стихов и драгоценные камни преданий, неповторимые
достоинства и великие преимущества этого благородного знания возрастают от того, что оно с
помощью сладостного языка пера и рассыпающего сахар начертания дает возможность передать
рассказ, исполненный очарования, и отмеченное благородством сказание.

Поэтому автор исторического [сочинения] *Раузат ас-сафа* Мухаммад Хвандшах б. Махмуд,
известный [под именем] Мирхванда, в предисловии к своей книге писал, что знание истории
полезно в десяти отношениях. Первое — она служит источником познаний для рода
человеческого. Второе — от нее исходит благоухание и радость. Третье — при [всех своих]
достоинствах она легко усваивается, изучение ее большого труда и беспокойства не
представляет — оно [целиком] основано на памяти (Букв, "на силе памяти:".). Четвертое —
черпая сведения из утверждений различных [источников], она знает, что в них истина, что ложь,
/6/ и отличает правду от фальши. Пятое — по словам разумных, искушенность в делах — одна из
добродетелей рода человеческого, философы отнесли житейскую премудрость к десяти разумам.

А изучение [истории] дает много такой премудрости. Шестое — знакомый с наукой истории человек не нуждается в советах мудрецов в случае несчастья. Седьмое — по изучении ее ум обладателей могущества сохранит ясность и твердость в бедствиях и при обстоятельствах затруднительных. Восьмое — знание науки истории — путь к умножению мудрости и знания, здравомыслия и сообразительности. Девятое — человек, познакомившись с историческими преданиями, обретет стойкость и довольствование [малым]. Десятое — государи еще больше убедятся во всепобеждающей мощи его святейшества, владыки царства — да возвеличится слава его! — дабы не возгордились они, сопутствуемые удачей, и не пали духом и не пришли в уныние, преследуемые бедами. Поэтому в чудесным образом нанизанных речах **[76]** всезнающих владык и содержится увещание поразмыслить над следующим: “Действительно, в этом было событие, назидательное для прозорливых” (Коран, сура 3, стих 11.).

Уповая на Аллаха, всемогущего [нашего] наставника, автор этих строк Шараф б. Шамсаддин — да дарует ему Аллах счастье в [этом] мире и в жизни будущей! — в расцвете юности и весны жизни изучив законы божьи, усовершенствовавшись в науках точных и в трудных делах судебных, обретя достоинства духовные, время от времени посвящал досуг [свой] ознакомлению с сочинениями, [в которых рассказывается о] преданиях старины и деяниях государей прежних времен, пока не соединил воедино способность к той благородной и изящной науке с возможно успешным ее овладением. [И] пришло на слабый ум написать в той возвышенной науке книгу, которую еще не озаряли бы лучи пронизательности знатоков истории, а глубокая мысль исследователей /7/ судеб государей давних времен и настоящих не доходила бы до подобного [сочинения]. Однако из-за препятствий судьбы и бедствий, [низвергавшихся на меня] день и ночь (Букв. “бедствий дня и ночи”), тот замысел оставался под покровом неизвестности, и облик тот ни разу не показался из-под завесы ожидания — со всех сторон дул враждебный ветер, и из каждого уголка к небесам поднималась пыль смуты. Стихотворение:

От раздоров дела на свете [перепутались] вдруг,
Подобно кудрям искусных красавиц.

По милости спесивых тиранов мир
Охвачен был цепями бедствий —

Мятежные войска — отряд за отрядом,
Океаны скорби — волна за волною — [обрушивались на нас].

Смертные, пребывая в крайнем ужасе, и райяты, ютясь по углам смятения, — все простирали с мольбою руки ко **[77]** двору создателя, покровителя несчастных. Припав чело слабости и смирения ко праху уничтожения, разверзли они уста [свои] со словами: “Господи наш! Не возлагай на нас того, что нам не по силам” (Коран, сура 2, стих 286.), как вдруг в [исполненную] печали грудь бедняков и на израненное сердце несчастных подул ветерок божественного милосердия и воссияли [над ними] лучи милости господней. Пред благодатью правосудия и щедрот этого высокодостоинного султана спали покровы насилия, слабые и неимущие обрели

свободу и спокойствие возле [своего] крова и в [своей] стране и почивали в колыбели мира и согласия, [вкусная] полный покой и отдохновение.

Пред жалким бедняком вновь воссияло великолепии [этого] сочинения, сладкоречивый попугай — калам — раскрыл [исполненные] сладости уста, в зеркале воображения [уже] красовались первенцы мысли, а луноликая чаровница истин сняла покрывало с радующего душу чела.

Поскольку украсительницы невест повествования и попугаи зарослей сахарного тростника преданий и ныне, и прежде — ни в кои веки — не изъясняли историю правителей Курдистана и не написали в этой области обстоятельного сочинения, /8/ слабый ум этой ничтожной презренной пылинки укрепился в намерении составить в меру сил и возможностей с помощью пера описание сочинение, посвященное их деяниям и обычаям, описать и передать то, что довелось найти в персидских летописях, услышать от правдивых преклонного возраста, чему был [я] сам очевидцем и о чем хоть что-нибудь известно, и назвать [это сочинение] *Шараф-наме*, дабы не осталась под покровом тайны и неизвестности история высокодостоящих родов Курдистана. Уповаем на снисходительность величайших людей стран света — пусть удостоят они внимательного рассмотрения это несовершенное сочинение, а встретив ошибку или противоречие, которые присущи человеческой природе, сблаговолят исправить рассыпающим перлы пером и отнесут их к недосмотру, не почитая за невежество. Стихотворение: **[78]**

Промолчи, коль попадется тебе ошибка, и не попрекай,
Ибо ни единая душа человеческая не свободна от заблуждений.

Взгляни на солнце — при всей его зоркости
И его путь не всегда лежит над экватором.

Это сочинение включает введение, четыре раздела и заключение. Введение поясняет происхождение курдских племен, откуда эти племена появились, и описывает обычаи и нравы их.

Раздел первый рассказывает о правителях Курдистана, которые подняли знамена султаната, и историки включили их в число султанов. Он состоит из пяти глав: глава первая посвящена правителям Диарбекира **4** и Джебзире **5**; глава вторая — правителям Динавера **6** и Шахризурра **7**, которые известны под именем Хасанвайхидов, глава третья — правителям [династии] Фазлуйидов, получившим известность как Луры. Большие **8**; глава четвертая — правителям Лура /9/ Малого **9**; глава пятая — султанам Египта и Сирии, которые известны [под именем] Айюбидов **10**.

Раздел второй повествует о великих правителях Курдистана, которые, хотя и не претендовали на султанский титул, не стремились к восшествию [на престол], однако иногда пользовались правом поминовения своего имени в хутбе и чекана своей монеты. [Этот раздел] тоже состоит из пяти глав. Глава первая посвящена правителям Арделана **11**; глава вторая — правителям Хаккари **12**,

которые известны под именем Шамбо; глава третья — правителям Имадии **13**, называемым Бахди-нан; глава четвертая — правителям Джебзире, получившим известность [под именем] Бохти. [Последняя] включает три параграфа: параграф первый повествует о правителях Джебзире; параграф второй — об эмирах Гургиле **14** и параграф третий — об эмирах Финика **15**. [И наконец], глава пятая рассказывает о правителях Хасанкейфа **16**, поименованных маликами.

Раздел третий повествует об остальных правителях и эмирах Курдистана и включает три части. Часть первая состоит из девяти глав. Глава первая посвящена правителям **[79]** Чемишгезека **17** и содержит три параграфа. В первом параграфе упоминаются эмиры Медженгерда **18**, во втором — правители Пертека **19**, в третьем — эмиры Сакмана **20**. Глава вторая содержит историю правителей Мирдаси и включает три параграфа. В первом параграфе говорится о правителях Агила **21**, во втором — о правителях Пало **22** и в третьем — о правителях Джермука **23**. Глава третья посвящена эмирам Сасуна **24**, которые позднее получили известность как правители Хазо. Глава четвертая повествует о правителях Хизана **25** и состоит из трех параграфов: параграф первый о правителях Хизана, параграф второй об эмирах Мокса **26** и параграф третий об эмирах Асбайирда **27**. Глава пятая рассказывает о правителях Килиса, глава шестая — об **/10/** эмирах Ширвана **28** и состоит из трех параграфов. В параграфе первом говорится об эмирах Куфры, во втором — об эмирах Ируна **29** и в третьем — об эмирах Карни **30**. Глава седьмая посвящена эмирам [племени] зраки **31** и включает четыре параграфа: параграф первый об эмирах Дарзини **32**, параграф второй об эмирах Курдакана **33**, параграф третий об эмирах Атака **34** и параграф четвертый об эмирах Терджила **35**. Глава восьмая повествует об эмирах [племени] сувайди **36**. Глава девятая содержит историю эмиров [племени] сулеймани **37** и делится на два параграфа: параграф первый об эмирах Кулба **38** и Батмана **39**, параграф второй об эмирах Майяфарикина **40**.

Часть вторая содержит двенадцать глав. Глава первая посвящена правителям Сорана **41**, глава вторая — правителям Бабана **42**, глава третья — правителям [племени] мукри **43**, глава четвертая — правителям [племени] берадост **44**. Последняя включает два параграфа: в первом параграфе говорится об эмирах Ушну **45**, во втором — об эмирах Сомая **46**. Глава пятая повествует об эмирах [племени] махмуди **47**, глава, шестая — об эмирах [племени] думбули **48**, глава седьмая **49** — об эмирах [племени] зарза, глава восьмая — об эмирах [племени] астуни, глава девятая — об эмирах [племени] дасни и глава десятая — об эмирах [племени] калхор **50**. Последняя включает три параграфа: параграф первый о правителях Палангана **51**, параграф второй о правителях Дартанга **52** и **[80]** параграф третий об эмирах Махидашта **53**. В главе одиннадцатой рассказывается об эмирах Бане **54** и в главе двенадцатой — об эмирах Тарза.

В третьей части упоминаются курдские эмиры Ирана, она подразделяется на четыре параграфа. Параграф первый посвящен эмирам [племени] сийах-мансур **55**, параграф второй — эмирам [племени] чигини **56**, параграф третий — эмирам [племени] **/11/** зенгене **57** и параграф четвертый — эмирам [племени] пазуки **58**.

Раздел четвертый повествует об эмирах Бидлиса — предках автора этих строк — и делится на

введение, четыре части и послесловие. Введение посвящено описанию города Бидлиса — кто его основатель и какова причина основания города и крепости. Часть первая рассказывает об аширате рузаки и о причине [такого] его поименования. Часть вторая посвящена правителям Бидлиса, к кому восходит их родословная и как они оказались в Бидлисе. Часть третья перечисляет милости и щедроты, оказанные покойными султанами правителям Бидлиса. [Последняя] включает четыре главы. Глава первая посвящена Малик Ашрафу, глава вторая — Хаджжи Шарафу б. Зийа'адину, глава третья — эмиру Шамсадину б. Хаджжи Шарафу и глава четвертая — эмиру Ибрахиму б. Хаджжи Мухаммаду. Часть четвертая поясняет, почему они потеряли управление Бидлисом, и делится на четыре подраздела: первый подраздел — о распре между эмиром Шарафом и эмиром Ибрахимом; второй — об утверждении эмира Шарафа на должность правителя Бидлиса вместо эмира Ибрахима; третий — о том, как эмир Шараф отобрал у кызылбашей Бидлисскую крепость; четвертый описывает деяния эмира Шамсадина, сына эмира Шарафа. Послесловие посвящено жизни [этого] несчастного бедняка с разбитым сердцем с самого рождения до настоящего времени, то есть до 1005 (1597) года.

Заключение повествует об отмеченных великолепием султанах рода 'Усмана, падишахах Ирана и Турана, а также [государях] большей части света, что были

/12/ ВВЕДЕНИЕ

О происхождении курдских племен и их обычаях

Сочинители описания предначертания [всевышнего], а он всемогущ над всем, начертали такое предисловие на скрижалях разъяснения, что относительно происхождения курдского народа существует много различных мнений. Так, некоторые считают, что [их происхождение относится ко] времени Заххака Марана **59**, который был пятым из государей [династии] Пишдадидов и утвердился на султанском престоле Ирана, Турана и большей части света после Джамшида **60**... Но был он столь жесток и нечестив, что некоторые историки изображали по нему Шаддада. Поэтому один из искусственных в красноречии говорит о его насилиях — стихотворение:

Когда переселился Джамшид из этой обители ужаса,
Захватил престол Заххак.

Заххаку с нравом Шаддада
Предназначила судьба царство семи климатов.

Установил тот враг веры законы
Не по обычаю государей прежних,

Во времена его в народе говорили,
Что дни его [правления] были самыми несчастными.

Случилось так, что у [этого] насильника (Букв, “при наличии нрава насильника”.) выросли над лопатками две похожие на змей жилы, которые на языке лекарей называются раком. С появлением этой странной болезни овладели Заххаком [такие] боли и страдания, что не осталось у него сил терпеть и переносить их. Какие непомерные старания и похвальное усердие ни прикладывали опытные врачеватели и искусные лекари, чтобы излечить болезнь и вернуть ему здоровье, [их усилия] оказались тщетными, пока не появился под видом лекаря проклятый шайтан. Он сказал **[82]** Заххаку: “Излечить твою болезнь может только мозг из головы юноши, которым [следует] помазать больное место (Букв. “рак”).”. И когда последовали совету того проклятого, так и вышло — боль сразу /**13**/ утихла. На том основании каждый день двое несчастных юношей погибали от [неведающего] справедливости меча того злодея, а их мозг употребляли [для лечения]. Долгое время продолжалось это беззаконие. Но тот, кому было поручено умертвлять их, был чрезвычайно добрым и мягко сердечным человеком, у кого вошло в обычай творить справедливость. Он убивал каждый день [лишь] одного, смешивал его мозг с мозгом овцы, а другого отпускал тайком с условием, что [спасенные] оставят родные места, поселятся и будут жить высоко в горах, где нет и следа [человеческого] обитания.

Мало-помалу число их возросло, они пережились, потомство их возросло, и народ тот назвали курдами. В течение долгого времени и многих лет питая отвращение и страх к общению с людьми и посещению населенных мест, они создали свой язык и наречие. Они начали осваивать, засеивать, заселять леса и горы, лоно чащ и горные вершины. Некоторые из них, став владельцами верховых животных и овечьих отар, ушли в степи и равнины.

По одной версии, они были названы курдами за необычайную смелость и отвагу, которые присущи природе этого народа.

По словам некоторых мудрецов, курды — племя, которое произошло от джиннов — да раскроет Аллах тайну их невидимости! Согласно же рассказам некоторых историков, див соединился с женщиной (Букв, ее человеком”), и от них появились курды. [Истинное] знание у Аллаха!

Курды делятся на четыре группы, чей язык и обычаи различаются: первая — курманджи, вторая — лур, третья — кал-хор, четвертая — гуран.

Начинается вилайет Курдистан с Хормоза, который находится на берегу Индийского океана. Оттуда граница тянется по прямой линии /**14**/ и подходит “ вилайету Малатии **61** и **[83]** Мараша **62**, где и кончается. С севера эта линия проходит через области Фарса, Ирака Персидского, Азербайджана, Армении, с юга — через Диарбекир, Мосул и Ирак Арабский. Однако ее ответвления простираются от самых отдаленных [районов] восточных провинций до окраин западных областей.

Большую частью это люди мужественные и отчаянные, великодушные и гордые. Замечательную храбростью и отвагой, необычайным мужеством и горячностью они снискали себе славу воров и разбойников. Рискуя в этом деле головою” и подвергая себя опасности быть убитыми, ради

одного хлеба не протягивают они руку нищенства к скупцам и скаредникам и не обращают внимания на исполненный красноречия смысл этого бейта. Стихотворение:

Протянутая рука ради одной серебряной полушки
Лучше, нежели отрубленная из-за полутора даньгов (Даны равен четверти динара.).

В большинстве случаев, [будь то] дела мирские, вопросы; важного порядка или торговые сделки, они поступают без раздумий и размышлений в соответствии [со словами]: “Кто думает о последствиях, не проявляет храбрости”.

Все курдские племена исповедуют шафиитский толк и в соблюдении уложений ислама и сунны его святейшества, благодетеля рода человеческого [Мухаммада] — да помолится за него Аллах и да приветствует его! — в рабском служении великим и славным последователям [его], в соблюдении молитвы, подаяния, хаджжа и поста являют они истинное старание, ревность и неопишное прилежание, за исключением нескольких племен из улусов, подчиненных Мосулу а Сирии, например [племена] тасни, халиди и басйан, а также части [племен] бохти, махмуди и думбули, которые исповедуют езидский толк. Они принадлежат к ученикам шейха 'Ади б. ал-Мусафира **63**, одного из подданных мерванидских халифов. Они (Езиды.) связывают с ним свое происхождение и ошибочно полагают, что шейх 'Ади взял на себя их пост и молитву, а в день **[84]** страшного суда их, не подвергая попрекам и порицанию, /**15**/ отправят в рай.

[Курды] питают беспредельную ненависть и вражду к улемам-захиритам **64**, но на территории Курдистана, особенно в районе Имадии, много улемов и людей образованных. Они проявляют достойные старания, чтобы изучить науки созерцательные и повествовательные, познать хадисы (Предания о пророке Мухаммаде.) и фикх (Мусульманское право.), грамматику и синтаксис, метафизику и логику, изящную словесность и большинство общеупотребительных знаний. Возможно, что по некоторым наукам у них имеются сочинения и труды, не получившие известности. В учении они весьма прилежны, но не наделены достаточной долей обычных способностей к поэзии, высокому слогу, каллиграфии, [а также] знанием света, что служат средствами приближения к правителям и султанам и путями достижения высоких должностей при руководствующихся справедливостью государях.

В народе у них почитают права родителей (Букв, “простой народ у них держит свои руки длинными в отношении обязанностей перед родителями.”), исправно выполняют обязанности гостеприимства и радушия, следуют заповедям религии и соблюдают душевную преданность и признательность своему господину.

Слово “курд” несомненно означает “наделенный мужеством”, ибо большинство героев [своего] времени и славных богатырей вышло из этого народа. Так, к курдам принадлежит Рустам **65**, сын Заля,— этот богатырь с телом слона и неустрашимый храбрец жил во времена правления падишаха Кай-Кубада **66**. Поскольку родился он в Систане, то получил известность [под именем] Рустама Забули **67**. Фирдауси Туйей, автор *Шах-наме*, — да пребудет над ним милость Аллаха! —

назвал его Рустам-и курд. Из курдов вышел и знаменитый полководец, герой [своей] эпохи Бахрам Чубин **68** — современник Хурмуза, сына Ануширвана, одного из персидских государей. Рос он в Туркестане и Хорасане, и к нему восходит генеалогия государей Куртской династии и падишахов Гура **69**. **[85]**

[То же можно сказать] и о Гургин-Миладе, который прославился необычайным мужеством и замечательной смелостью. /**16**/ Славные сыновья и внуки его уже около четырех тысяч лет являются независимыми правителями Лара **70**, и никаких изменений их власть не претерпела. Одно время они были обладателями *хутбы* и *сикке* (Т. е. на их имя читалась *хутба* и производился *чекан монет.*), и могущественные государи Персии, довольствуясь незначительными приношениями и подарками, не чинили препятствий их стране.

[К курдам принадлежит] и Мавлана Таджаддин ал-Курди **71**, который первое время был *мударрисом* в Брусе, а под конец стал великим везиром Урхана и получил известность как Хайраддин-паша. Из племени калхор произошел и Фархад — [известный всему] миру богатырь, появившийся во времена Хусрава Парвиза, — это чудо [своей] эпохи и диковинка [своего] времени, глава братства страждущих влюбленных и предводитель племени несчастных поклонников верности. Стихотворение:

Скиталец пути любви,
Безумный квартала страсти,

Барабанщик процессии с железными литаврами —
[И он же] благочестивый [настоятель] храма вздохов.

Хусрав без короны и трона —
[И он же] утешитель сотни тысяч несчастных,

Канон для певцов Багдада —
[И он же] купец при торговцах несправедливостью (Т. е. при жестокосердных красавицах.).

Курдские племена не проявляют взаимного послушания и покорности, и между ними нет единства. Согласно тому, что говорит, характеризуя курдов, средоточие совершенства Мавлака Са'ададдин **72**, наставник покойного государя султана Мурад-хана, в своей истории Турции, где описываются события [времен] Османской династии, каждое [племя] в **[86]** стремлении к самостоятельности подняло знамя строптивости. [Обитая] на вершинах гор, они по самой своей природе склонны к независимости; иначе как для восхваления единства божия они не имеют единого мнения. Причину разногласий [среди] этого народа объясняют таким образом.

Когда слухи о пророчестве Мухаммада и известия о посланнической миссии [того] прославленного /**17**/ — да благословит его Аллах и да приветствует! — подняли смятение по всем сторонам и частям света, хаканы мира и высокодостойные султаны осознали необходимость

вдеть в уши кольца повиновения и послушания тому государю и накинуть на плечи попону покорности и смирения пред тем властелином. Угуз-хан, в то время один из величайших султанов Туркестана, в качестве посланника ко двору прибежища благоденствия, владыки обоих миров, повелителя людей и дивов — да пребудут над ним самые искренние молитвы и самые почтительные благословения!— отправил одного из курдских вельмож по имени Буг-дуз, отвратительного на вид, с обличьем дива, безобразного лицом и с черной кожей, и засвидетельствовал чистоту веры и искренность помыслов [своих].

Когда этот омерзительный на вид посол предстал пред августейшими очами его святейшества благодетеля рода человеческого, [он] возымел отвращение к внешним и внутренним качествам его и изволил спросить, какого рода он и племени. “Из народности курдов”,— отвечивал тот. [И] сказал тот достойный: “Да не споспешествует всеславный и всевышний Аллах удаче этого народа, иначе погибнет мир от руки их”.

С этого дня уже высшая власть и верховное владычество не доставались этому племени, за исключением пяти родов, которые претендовали на султанский титул и трон и иногда пользовались правом чекана своей монеты и поминовения в хутбе своего имени. Продолжительность их правления соответствовала божественному предопределению, и обстоятельства каждого из них будут упомянуты на своем месте, если это будет угодно всевышнему Аллаху.

Поскольку у курдов нет единого всепризнанного правителя, большинство их люди бесстрашные, отчаянные и жестокие, **[87]** так что за незначительную провинность они причиняют много вреда. Цена крови за полноценного мужчину установлена в одну девушку либо в одного коня или в две-три головы скота. Плата за повреждение руки, ноги, глаза, зуба не столь значительна.

/18/ В соответствии с законом, [установленным] пророком, — да благословит его Аллах и да приветствует!— они берут четырех жен да к ним еще четырех рабынь. По господнему изволению они имеют многочисленное потомство, так что, не будь среди них резни, несомненно государство Ирана да и весь мир испытывали бы голод и дороговизну из-за великого множества курдов. Аллах поступает так, как пожелает, и повелевает то, что ему угодно. Стихотворение:

Творение прекрасно в своем первоизданном виде,
Глаз, заметивший недостаток, сам в этом повинен.

Среди правителей Курдистана те, чьи ашираты и племена многочисленны и могучи, носят имя [своего] аширата, как то: [правители] хаккарл **73**, сорана, бабана и арделана **74**. Правители, владельцы крепостей и местечек, были названы по тем крепостям, например: правители Хасанкейфа, Бидлиса, Джебзире, Агила и т.д.

Поскольку вилайет Курдистана и Луристана является страной гор и лесных чащ, урожаи там [невелики] и не могут удовлетворить нужды населения. Поэтому по сравнению с жителями

других вилайетов племена курдов проживают в трудностях и заботах. И без подобия преувеличения и предубеждения [можно сказать]: они люди невзыскательные, так что большинство простого народа живет просяным хлебом и не обивает порогов обладателей власти и могущества в поисках хлеба пшеничного, ради богатства и положения.

Великие султаны и славные хаканы не притязали на страну и вилайет их, всецело довольствуясь приношениями, покорностью и обязательством принимать участие в [их] военных действиях и походах, и не пытались завоевать их. А если некоторые из султанов и устремляли все старания на завоевание и покорение Курдистана /19/ и переносили неопишуемые **[88]** трудности и лишения, то в конце концов они раскаивались и снова передавали [те земли их] хозяевам. Подобная [участь постигла] области Грузии, Шеки **75**, Ширвана **76**, Талыш **77**, оба Гиляна **78**, Рустемдар **79** и Астарабад **80**, которые расположены на севере Ирана напротив Курдистана.

Большая часть Курдистана входит в третий и четвертый климаты **81**, за исключением нескольких удаленных местечек, которые мудрецами отнесены к пятому климату.

Сколь наше васитское перо с помощью чернил избавилось от написания предисловия [к этой] книге, в соответствии с порядком, принятым в оглавлении, мы переходим к изъяснению событий, [о которых рассказывается] в разделе первом. Полустышие:

Да будет он одобрен знатными и простым народом [всего] мира.

Аминь. **[89]**

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

О правителях Курдистана, которые вознесли знамя султаната и которых историки отнесли к государям

[Раздел] состоит из пяти глав

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*О правителях Диарбекира и Джебзире **83***

В зеркале блистающих как солнце разумов просвещенных мудрецов отразится такое утверждение, что первым султаном из курдов, который правил в Диарбекире и Джебзире, был Ахмад б. Марван. Во времена Кадира 'Аббаси **84** в делах его наступил полный расцвет, так что Кадир поименовал его Наср-аддаула. Прожил он семьдесят лет, из которых пятьдесят два года, сопутствуемые преуспеянием и удачей, управлял Диарбекиром и Джебзире. Он направил посла к султану Тугрулбеку Салджуки **85** и засвидетельствовал чистоту намерений и искренность помыслов [своих]. Среди подарков, которые он послал [султану], был один /20/ рубин, купленный им за огромную

сумму у султанов Дайлама **86**. В числе его везиров были Фахраддаула б. Джахир, ставший позднее везиром аббасидских халифов, и Абу-л-Касим Магриби.

В конце концов в 453 (1061) году в положенный судьбою срок он умер. Рассказывают, у него было триста шестьдесят наложниц, каждую ночь он проводил в обществе одной из них, и за год ему не приходилось с одной сожительствовать дважды. После смерти отца за дело правления взялся Наср б. Насраддаула и благодаря стараниям везира Ибн Джахира он правил целых двадцать один год. Между ним и его братом: **[90]** произошли столкновения; он наследовал отцу в Майяфарикине, а Са'ид — в Амиде. Умер он [в месяце] зу-л-хиддже 472 (май 1080) года.

Са'ид б. Насраддаула Ахмад

Долгое время он был наместником Амиды, проявляя к бедным и беззащитным бесконечное сострадание и милосердие. Во времена его райяты и служилый люд почивали в колыбели мира и согласия. Умер он в 464 (1072-73) году. Место отца заступил Мансур б. Наср б. Насраддаула Ахмад. Позднее он потерпел поражение в войне с везиром Фахраддаула б. Джахиром и был захвачен Джагармашем — начальником мосульского войска. [Тот] держал его в доме одного еврея в Дезде. В [месяце] мухарраме 489 (январь 1096) года он умер, и с ним закончилось правление этой династии, четыре представителя которой царствовали девяносто один год.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О правителях Динавера и Шахризура, поименованных Хасанвайхидами

Да не окажется стертым со скрижалей разума исследователей событий **/21/** исходных и конечных и солнцеподобной мысли летописцев деяний малых и великих, что, по общему мнению историков, Хасанвайх Хусайн **87** был современником Рукн-аддаула б. Бувайха Дайлами **88**. Во времена его в делах Хасанвайха наступило полное процветание, но на благодеяния он ответил неблагодарностью и [в отношениях с] Рукнаддаула ступил на путь мятежа. Это побудило [Рукнаддаула] в 359 (968-69) году послать против него своего везира Ибн ал-'Амида **89** с большим войском, но Хасанвайх, прибегнув к помощи посредников, с миром повернул те войска обратно.

И рассказывают, был он обладателем несметных сокровищ и богатств, из которых ежегодно значительную сумму **[91]** жертвовал на подаяния, следуя путем, начертанным всеславным и всевышним богом. Умер он в субботу третьего [дня] месяца раби' ал-аввала 369 (28 октября 979) года.

Бадр б. Хасанвайх

После отца он стал правителем и к 388 (998) году настолько возвысился, что диван Багдада пожаловал ему почетное звание Насираддаула. Все крепости, горы и равнины от Динавера до Ахваза, Хузистана, Боруджирда **90**, Асадабада **91** и Нехавенда **92** принадлежали ему. Позднее, в

405 (1014-15) году, он пошел на крепость Кусджад **93** и осадил здешнего правителя Хусайна б. Майсура. Но столь суровой выдалась зима и так велико было желание его войск прекратить осаду, что он не устоял и в конце концов отступил. В это время на него напало племя из Джузгана **94**, и он обратился в бегство.

Хилал б. Бадр

Отношения с отцом у него были не слишком хорошие, и в том же 405 году меж ними началась война. В конце концов в сражении с везиром Фахралмулком он был захвачен в Багдаде /**22**/ и заключен в тюрьму. Когда Джалаладдаула б. Баха'аддаула б. Азудаддаула б. Рукнаддаула **95**, в то время правитель Багдада, прослышал, что владетель Хамадана Шамсаддаула б. Фахраддаула б. Рукнаддаула Хасан б. Бувайх **96** возымел желание захватить владения Бадра, он освободил Хилала из заточения и направил его в наследственный удел, снабдив войсками и оружием. В месяце зу-л-хиддже 405 (июнь 1015) года между ним и Шамсаддаула произошло большое сражение. В той битве Хилал не устоял пред блеском меча Шамсаддаула и от руки алчущих крови храбрецов увидел [занимающиеся над ним] сумерки смерти на горизонте заката. **[92]**

Тахир б. Хилал

Отец его еще был в заточении в Шахризуре, когда он укрылся там из страха перед своим дедом. Некоторое время спустя он вторгся в пределы дедовских владений и был схвачен Шамсаддаула. В 406 (1015-16) году он был освобожден и в том же году погиб от руки Абу-ш-Шавка.

Бадр б. Тахир [б] Хилал

Согласно повелению Ибрахим Нийала **97** в 438 (1046-47) году он стал независимым правителем Кумыша **98** и Динавера.

Абу-л-Фатх Мухаммад б. Айар

В течение двадцати лет он оставался правителем Хулвана **99** и в 401 (1010-11) году переселился из [этого] временного обиталища в мир вечности. Он происходит из другого курдского племени и не принадлежит к внукам и потомкам Хасан-вайха, но историки отнесли его к правителям Динавера и: Шахризур. Резиденциями его были Кумыш и Шахризур.

Абу-ш-Шавк б. Мухаммад б. Айар

Его почетный титул Хусамаддаула. В 421 (1030) году он завладел вилайетом Кума **100**. Он постоянно враждовал с братьями и в конце концов в 437 (1045-46) году умер.

/**23**/ Его брат Мухалхал по прозвищу Абу-л-Маджид в 442 (1050-51) году отправился на службу к Тугрул-беку Салджуки. Он приложил большое старание для освобождения своего брата Сурхаба, пребывавшего в заточении. Просьба его была! удостоена приятия.

Сурхаб б. Мухаммад

Освобожденный Тугрул-беком из заточения, он отправился в княжество Махки **101** и проживал там. В 439 (1047-48) **[93]** году из-за смуты среди его племен он был схвачен и отвезен к Ибрахим Нийалу, и Ибрахим ослепил его.

Са'ади б. Абу-ш-Шавк

Он был схвачен своим дядей Сурхабом и пребывал в заточении в его крепости, пока сын Сурхаба Абу-л-Аскар после смерти отца не освободил его. В 444 (1052-53) году с могучим войском, [предоставленным ему] Тугрул-беком, он отправился в Ирак Арабский и взял в плен своего дядю Мухалхала.

Некоторое время правителем вилайета Шахризур и Кума был Сурхаб б. Бадр б. Мухалхал по прозвищу Абу-л-Фаварис, известный [еще] под именем Абу-ш-Шавка. В 495 (1101-02) году он завладел крепостью Джекандеган **102**, которая на некоторое время была им потеряна. Был он обладателем несметных богатств и сокровищ и умер в [месяце] шаввале 500 (1107) года.

Абу-л-Мансур

После отца он стал правителем. В продолжение ста тридцати лет власть принадлежала тому роду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О правителях [династии] Фазлуйидов **103, получивших известность как Большие Луры**

В *Зубдат ат-таварих* упоминается, что наименование того народа лурами имеет свою причину. Причина эта такова: в вилайете Манруд **104** есть селение, которое называют Курд. В тех пределах находится некое ущелье, /**24**/ именуемое на языке луров Кул, а в том ущелье есть местность, называемая Лур **105**. Поскольку произошли они в основном оттуда, то и называли их лурами. Передают и другие версии, но, по мнению **[94]** [сего] несчастного (**Т. е. автора этих строк.**), [те] суждения были безосновательны, он их в этом сочинении не приводит.

Вилайет Луристана состоит из двух частей — Лура Большого и Лура Малого, в связи с тем что около 300 (91.2-13) года там одновременно правили два брата. Правитель Лура Большого именовался Бадром, правителя Лура Малого звали Абу Мансур. Продолжительным оказалось правление Бадра, и, когда он умер, власть перешла к его внуку Насираддин Мухаммеду б. Хилалу б. Бадру. Должность своего везира [Насираддин Мухаммад] препоручил Мухаммад Хуршиду. В 500 (1106-07) году около четырехсот курдских семейств из Джабал ас-Самака **106** в Сирии предпочли покинуть родные места из-за разногласий, возникших у них с главою их племени. Они. прибыли в Луристан и поселились среди сторонников Мухаммад Хуршида как их подданные.

Однажды внук Мухаммад Хуршида, который был везиром страны и в его окружение (Букв, “в его свиту”.) входили курды, призвал их [к себе] и устроил пиршество. Когда разносили жаркое, перед Абу-л-Хаеавом Фазлави, [что был] их предводителем, поставили бычью голову. Тот принял это за добрый знак и сказал своим подчиненным: “Мы станем главою этого народа”.

У Абу-л-Хасана был сын по имени 'Али. Однажды, взяв с собою собаку, отправился он на охоту. По дороге повстречалось ему некое сборище, и произошла ссора. Те люди так избили 'Али, что он упал, потеряв сознание. Посчитав его умершим, они за ноги перетащили его в какую-то пещеру.

/25/ Собака 'Али поспешила вслед за теми людьми, а когда наступила ночь и все заснули, укусила предводителя той шайки за testicula, так что тот умер. Собака вернулась домой. Слуги 'Али, увидев собачью пасть, перепачканную в крови, поняли, что случилось несчастье. Собака пустилась в путь, и они побежали вслед за нею, пока не добрались до той пещеры, где лежал 'Али. Они принесли его домой и лечили, пока, тот не выздоровел. **[95]**

Сразу же после смерти 'Али сын его Мухаммад направился на службу к Салгуридам **107**, что были тогда правителями Фарса, хотя и не имели падишахского титула. Своею храбростью снискал он к себе беспредельное уважение. После его смерти сын его Абу Тахир — юноша, наделенный мужеством, избрал служение атабеку Сункуру. В то время атабек Сункур враждовал с правителями Шебангаре **108**. Он направил против (В тексте — “на помощь” что явно противоречит смыслу. Более правильным представляется чтение “на войну”) них Абу Тахира с большим войском. Абу Тахир одолел врагов и с победой возвратился в Фарс. Атабек Сункур похвалил его и сказал: “Проси у меня что пожелаешь”. Абу Тахир испросил коня из собственных [конюшен атабека]. Атабек Сункур выполнил его просьбу и сказал: “Пожелай еще что-нибудь”. Абу Тахир испросил атабекское клеймо, и эта просьба его была встречена благосклонно. “Требуй еще”, — приказал атабек. “Коль будет на то позволение, — сказал Абу Тахир, — отправлюсь в Луристан и покорю тот вилайет для атабека”. Атабек отнесся одобрительно к этим словам и отправил на Луристан большое войско под его предводительством.

Абу Тахир б. Мухаммад б. 'Али б. Абу-л-Хасан Фазлави

Заручившись поддержкой атабека */26/* Сункура, он подошел к границам Луристана и в той стране стал единовластно решать вопросы войны и мира, кары и помилования. Но душу его объяло страстное желание [добиться] независимости, и он повелел, дабы в народе его величали атабеком. Сыновья его тоже следовали этому обычаю. Таким образом, Абу Тахир и его сыновья были фиктивными атабеками — не настоящими, ибо настоящими атабеками были те эмиры пограничных областей, которым сельджукские монархи поручали **[96]** детей своих, и они (Букв, “те царевичи”.) называли их атабеками, что означает “отец бек” или “отец эмир”.

Словом, завладев Луристаном, в 550 (1155-56) году Абу Тахир выступил против атабека Сункура, который оказал ему покровительство. Затем, провластвовав какое-то время независимо, в конце

концов отправился он в потусторонний мир, оставив на память пять сыновей: 1. Хазарасба, 2. Бахмана, 3. 'Имададдин Пахлавана, 4. Насратаддин Илвагуша и 5. Кызыла.

Атабек Хазарасб

В соответствии с завещанием отца и благодаря поддержке братьев и знати он стал независимым правителем Луристана. Во времена его страна луров стала предметом зависти райских садов, и по той причине к нему присоединилось много народа из Джабал ас-Самака в Сирии, например племя окайли **109** из потомков 'Укайла, сына Абу Талиба, племя хашими из потомков Хашима б. 'Абд Манафа **110** и другие различные племена **111** 1. астаракы **112**, 2. мамакуйе, 3. бахтиари **113**, 4. джа-ванакы, 5. биданийан, 6. замидийан, 7. алани, 8. латванд **114**, 9. батванд **115**, 10. бузаки, 11. шнаванд, 12. раки, 13. хаки, 14. харуни **116**, 15. ашки, 16. гави **117**, 17. лирави **118**, 18. муйи, 19. бахсафави, 20. каманкаши, 21. мамасты **119**, /27/ 22. амлаки, 23. тавайи, 24. кадави **120**, 25. бадиха, 26. акруд **121**, 27. кулару и другие ашираты и племена, чье происхождение неизвестно. После того как это сборище присоединилось к Хазарасбу и братьям, сила и могущество их возросли. Шулистан **122** также был завоеван ими, и дела Хазарасба достигли зенита процветания. В любом месте, которое ему казалось пригодным для обитания и земледелия, он строил деревни и заселял их людьми и не оставил в Луристане и Шулистане ни одного невозделанного места. Пред челом подданных распахнул он врата справедливости и благодеяний, и багдадский халиф послал ему грамоту на правление и халат. Когда же настиг его ангел смерти, он направился в мир вечности. **[97]**

После смерти отца на престол владычества воссел атабек Такла б. Хазарасб **123**, чья родословная со стороны матери восходит к Салгуридам. Когда весть о смерти Хазарасба достигла Фарса, атабек Са'ад Салгури **124**, движимый злобой, которую он питал к [Хазарасбу] и отцу его, трижды посылал войска в ту страну, и во всех тех битвах Такла выходил победителем.

В 655 (1257) году, когда Хулагу-хан пошел на Багдад, Такла покорно и смиренно отправился на службу к Хулагу-хану, и Хулагу-хан определил его в туман Китбука-нойона **125**. После завоевания Багдада Хулагу-хан прослышал, что Такла оплакивает гибель халифа и разгром мусульман. Разгневанный Хулагу решил наказать его. [Но тот] узнал о замысле Хулагу-хана и самовольно обратил поведья своих устремлений [в сторону] Луристана.

Хулагу-хан отправил в Луристан Китбука-нойона с другими эмирами схватить Такла. По пути они схватили брата Такла Алб-Аргуна, который /28/ направлялся в ханскую ставку, связали его и вступили в тот вилайет. Такла, находя сопротивление невозможным, укрылся в крепости Манджашт **126**. Сколько обещаниями и угрозами эмиры ни побуждали его сдаться, все 'было напрасно. В конце концов Хулагу-хан послал ему в знак прощения и помилования свой перстень. Такла поверил тому и покинул крепость. Эмиры доставили его в Тебриз к Хулагу-хану. Такла после расследования проступка и установления вины был убит, люди его перевезли тайком в Луристан его тело и погребли в селении Дизва **127**.

Атабек Шамсаддин Алб-Аргун

Когда его брат удостоился мученической смерти, по приказу Хулагу-хана управление Луристаном было пожаловано [Шамсадину], и за пятнадцать лет справедливостью и правосудием обратил он тот вилайет [в край] населенный и процветающий. По наступлении, естественной смерти он вознес знамя правления в потустороннем мире. После негр осталось два сына: Йусуф-шах и 'Имададдин Пахлаваш. **[98]**

По приказу Абака-хана **128**, сына Хулагу-хана, он стал после смерти отца правителем Луристана. Неизменно вместе с двумястами всадниками своей свиты пребывал он при дворе Абака-хана, сына Хулагу-хана, а его наместники являли старание в защите державы и охране страны. В битвах и походах не раз атабек Йусуф-шах оказывал Абака-хану [удостоившиеся] похвал услуги и снискал [государево] благоволение и милость. К нему перешли районы Хузистана и Кухги-луйе **129**, города Фирузан **130** и Джербадакан **131**. Когда умер Абака-хан, атабек оставался на службе у Ахмад-хана, и после славной кончины /**29**/ Ахмад-хана **132** Аргун-хан] **133** также следовал в отношении Йусуф-шаха обычаю милости и благорасположения. [Аргун-хан] послал его в Исфahan доставить в ханскую ставку начальника дивана Хаджа Шамсаддин Мухаммада. В пути они встретились, поскольку Хаджа [сам] направлялся в ханскую ставку, и прибыли туда вместе. Аргун-хан удостоил [Хаджу] мученической смерти, и один из достойных говорит, оплакивая его смерть. Стихотворение:

С заходом [этого] солнца пролила кровавые слезы вечерняя заря.
Луна расцарапала лик свой, а Венера обрезала косу.

Облачилась в черные одеяния ночь в знак траура,
Утренний ветерок разорвал на себе воротник, тяжело вздыхая.

Атабек Йусуф-шах на закате дней своих с позволения Аргун-хана отправился в Луристан и оттуда поспешил в Кухги-луйе. [Находясь] в дороге, он увидел страшный сон и возвратился обратно. В скором времени, в 684(1285-86) году он умер. После него осталось два сына — Афрасийаб и Ахмад.

Атабек Афрасийаб б. Йусуф-шах

На основании ярлыка Аргун-хана он заступил место отца и, оставив своего брата Ахмада на службе у Аргун-хана, уехал в Луристан. Избрав пагубный путь тирании и несправедливости, под разными предложениями он подверг всех своих **[99]** прежних наместников наказаниям и притеснениям и наконец предал их мечу насилия. Группа их близких и родственников укрылась в Исфahане. Атабек Афрасийаб направил в Исфahан своего двоюродного брата Кызыла привезти беглецов, которые попадутся ему в руки.

В то время распространился слух о смерти Аргун-хана. Кызыл выступил заодно с Салгур-шахом

134, убил некоего Байду, традиционного начальника Исфакана **135**, и возгласил хутбу на имя Афрасийаба. Атабек /30/ Афрасийаб, почитая себя независимым государем, поставил на правление в округах своих вельмож. Он твердо решил завоевать резиденцию монгольских правителей и направил через Язак в ущелье Карахруд **136** Джамаладдина, сына атабека Такла, с большим войском. Лурцы встретили там монгольские тысячи и вступили с ними в сражение. Монголы пустились в бегство, а лурцы, заняв их дома, предались увеселениям и пиршеству. Внезапно возвратились монголы, преисполненные решимости и пыла, и уничтожили войско луров. Рассказывают, что в той схватке одна монголка убила десятерых луров. Когда эта весть дошла до ханской ставки, и Кайхату-хану **137** стало ведомо о мятеже Афрасийаба, он послал на Афрасийаба Доладай-эюдэчи с туманом монгольского войска и правителями Лура Малого, которые вместе составляли десять тысяч всадников. После сражения Доладай захватил Афрасийаба в плен и отвез к Кайхату-хану. Благодаря заступничеству Урук-хатун и Падшах-хатун Кирмани **138** Кайхату-хан начертал на [списке] его прегрешений знаки всепрощения и вновь пожаловал ему Луристан.

Афрасийаб, оставив своего брата Ахмада при Кайхагу-хане, поспешил в Луристан и без единой на то причины казнил своего двоюродного брата и группу эмиров и вельмож. Когда же повелителем мира стал Газан-хан **139**, Афрасийабу выпала честь облобызать ковер [его]. Управление Луристаном по установленному обычаю было передано ему. В 695 (1295-96) году, когда Газан-хан направился в Багдад **140**, атабек Афрасийаб в окрестностях /31/ Хамадана еще раз удостоился служить ему. Отмеченный славным государевым благоволением, возвратился он в Луристан. Но в пути повстречался ему эмир **[100]** Хуркудак, который направлялся из Фарса ко двору Газан-хана. Силой повернул он его обратно и по прибытии ко двору Газан-хана подробно изъяснил неблагоприятные деяния Афрасийаба. И такое в том деле явил он усердие, что Афрасийаб был казнен.

Атабек Насратаддин Ахмад б. Йусуф-илах б: Алб-Аргун

После убийства его брата согласно повелению Газана он отправился в Луристан и воссел на трон управления. Распахнув врата справедливости и правосудия, очистил он чело жителей тех областей от пыли насилия и притеснения. В занятиях делами святого шариата явил он похвальное усердие и прожил тридцать восемь лет при [полном] счастье и благоденствии в наследных владениях. В 733 (1332-33) году он умер естественной смертью, и государем в Луристане стал его законный сын Йусуф-шах.

Атабек Рукнаддин Йусуф-шах б. Ахмад

Правил он в Луристане шесть лет и, соблюдая обычай справедливости и правосудия, обращался с подданными в высшей степени милостиво. Умер он шестого [дня] месяца джумада-л-аввала 740 (9 ноября 1339) года, и слуги погребли его в медресе, известном как Рукнабад (**Обитель Рукна.**).

Музаффараддин Афрасийаб Ахмад б. Йусуф-шах

После смерти отца он возложил на себя венец правителя Луристана. В дни его власти обитаемую [часть] света озарили лучи завоевания от полумесяца знамени эмира Тимура Гургана./**32**/ Луристан, подобно другим областям Ирана, был им завоеван также **141**. В понедельник 23 джумада-л-ахира 795 **[101]** (7 мая 1393) года вилайет был пожалован [Афрасийабу], после чего он умер. *Атабек Пашанг б. Йусуф-шах* Он пришел к власти после дяди [по отцу] и умер через несколько лет правления. После его смерти корону преемственности возложил на себя его сын Ахмад. Но во времена его Луристан опустел и обезлюдел. Сын Ахмада Абу Са'ид правил после его смерти несколько лет и в 827 (1423-24) году умер.

Атабек Шах Хусайн б. Абу Са'ид б. Пашанг б. Йусуф-шах

Провластвовав некоторое время, в 827 (1423-24) году он погиб от руки Гийасаддина б. Кауса б. Хушанга б. Пашанга. Мирза Султан Ибрахим, сын Мирза Шахруха **142**, направил на Гийасаддина войска и изгнал его из той страны. Никто другой из того рода не узрел лика власти.

Стихотворение:

Не привязывайся сердцем к старой кокетке — [этому] миру,
Ведь это невеста, обрученная со многими женихами.

(пер. Е. И. Васильевой)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О правителях Лура Малого

Выше шла речь о месте обитания луров и причине наименования их лурами. Проживали они в ущелье Манруд, и, когда население в том ущелье увеличилось, каждое племя поселилось в отдельном районе и по той местности стало называться. Таким образом, то ущелье послужило местом жительства [племенам] джанграви **143** и утари. Любое из лурских племен, не проживавшее в том ущелье, не принадлежит к коренным лурам. Ответвления этих племен многочисленны, как то: 1. карсаки, 2. ламбаки, /**33**/ 3. рузбахани **144**, 4. саки **145**, 5. шадлуи, 6. давуд-айани **146**, 7. мухаммад-камари и 8. племя джанграви, **[102]** [из] которого [происходят] эмиры Лура Малого и самые достойные представители [этого народа], — все [перечисленные племена] принадлежат к ветви шалбури.

К другим ветвям относятся следующие племена **147**: 1. карана **148**, 2. зур-джангвари, 3. фазли, 4. сатванд, 5. алани **149**, 6. кахкахи **150**, 7. рахварки, 8. дари **151**, 9. бараранд, 10. манга-радар, 11. анарки, 12. абу-л-аббаси **152**, 13. али-мамайи, 14. гид-жайи **153**, 15. силки, 16. худаки, 17. надрави **154** и другие, что выделились [из них].

Но племена сами, асбан, сахи и арки **155**, хотя и говорят на языке луров, коренными лурами не являются. Кроме того, они принадлежат к городским жителям, а не к деревенским. До 550 (1155-56) года этот народ не имел отдельного военачальника, подчиняясь халифскому двору. Когда они оказались приписанными к дивану султанов Ирака, правителем тех районов и некоторых [районов] Хузистана стал [выходец] из афшарских тюрок **156** вассал

Сельджукидов Хусамаддин Шухла ¹⁵⁷. Из племени джанграви на службу к Хусамаддину Шухла поспешили сыновья Хуршида — Мухаммад и Карамид и получили высокие звания. От их потомков произошли люди мужественные и достойные, например Шуджа'аддин Хуршид, деяния которого будут [ниже] описаны пером повествования.

В это время на службе у Хусамаддина Шухла находился Сурхаб б. Айар, чьи обстоятельства кратко были описаны выше. Неожиданно во время охоты между Шуджа'аддин Хуршидом и Сурхабом б. Айаром вспыхнула ссора из-за зайца, так что они схватились за мечи и бросились друг на друга. Их разнял Хусамаддин Шухла, но вражда /34/ меж ними осталась.

Некоторое время спустя Хусамаддин часть вилайета Малого Лура передал на правах наместника Шуджа'аддин Хуршиду, часть — Сурхабу б. Айару. В те времена правители Ирака сильно угнетали тот вилайет, и подданные, желая избавления, составили к Шуджа'аддин Хуршиду прошение, [в котором говорилось], что ему будет оказано беспрекословное повиновение, если он тот гнет устранил, и под тем они подписались.

Пока происходили эти события, Хусамаддин Шухла умер, и Шуджа'аддин Хуршид стал независимым правителем той [103] области. Постепенно он отстранил Сурхаба от власти, пока не довел Сурхаба до того, что [тот] удовольствовался наместничеством Манруда под его началом. За [Шуджа'адином] утвердилась власть над [все] Малым Лурум.

Шуджа'аддин Хуршид б. Абу Бакр. б. Мухаммад б. Хуршид

Когда всеславный и всевышний бог подчинил ему Малый Шур и его в том звании утвердил и упрочил, [Шуджа'аддин] отправил своих сыновей Бадр и Хайдара в область Самха ¹⁵⁸ на войну с племенем джанграви.

По прибытии туда (Букв, “когда они отправились туда”.) братья осадили крепость Диз-и Сийах. Во время осады его сын по имени Хайдар был убит, и, мстя за гибель сына, [Шуджа'аддин] убивал из того племени каждого, кто попадался ему в руки, пока из страха перед ним они не оставили ему весь Манруд. Некоторое время спустя Шуджа'аддин Хуршида и его брата Нураддин Мухаммада вызвали в столицу халифата и потребовали у них крепость Мангаре. Они ответили отказом, из-за чего оба были заключены в тюрьму. Нураддин Мухаммад в заточении умер, завещая брату беречь ту гранитную твердыню.

/35/ Шуджа'аддин последовал завещанию брата и пробыл некоторое время в заточении. Под конец, видя, что никакое освобождение невозможно, пока он не отдаст крепость, [Шуджа'аддин] был вынужден примириться с передачей крепости. Взамен ее он потребовал у халифа другую крепость, и диван халифата пожаловал ему вместо крепости Мангаре область Таразук ¹⁵⁹, относящуюся к Хузистану.

[Шуджа'аддин] прибыл в Луристан и последующие тридцать лет управлял теми районами. Он дожил до весьма преклонного возраста и ослаб умом настолько, что был не в состоянии отличить хорошее от дурного, и неизменно сын его Бадр и племянник Сайфаддин Рустам, сын Нураддин Мухаммада, являли твердость и старание в служении ему. Тем [104] временем на Луристан устроил набег владетель Баята ¹⁶⁰, происходивший из одного тюркского племени, и имущества местных, жителей были преданы разграблению. Бадр и Сайфаддин Рустам во главе войска Луристана пошли на него войною. В сражении над ним была одержана победа, и вилайет Баята тоже перешел к лурам.

Своими наследниками Шуджа'аддин назначил своего сына Бадр и племянника Сайфаддин Рустама. Но Сайфаддин, проявляя в отношении своего дяди низкую неблагодарность,

настроил его против сына. “Он сговорился с женой твоей — [сказал он],— и они хотят тебя убить”. По старческому недомыслию [Шуджа'аддин] послушался его совета и дал согласие на казнь сына. Сайфаддин взял у него перстень с печатью и убил Бадра. После Бадра осталось четверо сыновей: Хусамаддин Халил, Бадраддин Мас'уд, Шарафаддин Тахамтан и эмир 'Али.

Когда после казни Бадра прошло некоторое время, однажды Шуджа'аддин спросил: “А Бадр где, /36/ почему его не вижу?” Верные друзья поведали ему о случившемся. Тоска и тяжелое горе овладели им, пока в 621 (1224), году он не был принят под сень божественного милосердия. Говорят, он прожил более ста лет, и благодаря его справедливости могила его для луров служит священным местом паломничества.

Сайфаддин Рустам б. Нураддин Мухаммад б. Абу Бакр б. Мухаммад б. Хуршид

Когда после смерти Шуджа'аддин Хуршида он стал независимым правителем Малого Лура и бразды правления в том вилайете перешли в его владетельную десницу, старший сын Бадра Хусамаддин Халил отправился в столицу халифата и там остался. Сайфаддин Рустам в вилайете Луристана весьма [ревностно] следовал обычаю справедливости и правосудия. [Рассказывают], одна женщина в селении Вашджан ¹⁶¹ в те времена топила печь ячменем вместо дров, и пекла хлеб. Когда об этом стало известно Сайфаддин Рустаму, он попросил ту женщину объяснить, зачем она это [105] делала. Сказала: “Чтобы потом говорили, что в твоё правление был такой недостаток и дешевизна, что женщины вместо дров топили печь ячменем и пекли хлеб”. Сайфаддин Рустаму пришлось по нраву слова той женщины, и он осчастливил ее дарами и щедротами.

Рассказывали также, что во времена его шестьдесят лурских храбрецов занимались разбоем на большой дороге и по их милости пути [либо] представляли опасность [для проезда, либо] совсем были закрыты. Сколько ни старались правители и султаны Ирака расправиться с ними, ничего не выходило. После сражения Сайфаддин Рустам всех их захватил в плен. За каждого предлагали выкуп в шестьдесят мулов одинаковой масти /37/ [но] он их не продал и сказал: “Да пребудет памятным на страницах дня и ночи и листах судьбы, что Сайфаддин Рустам не торговал ворами!” — и всех казнил.

Луры посчитали это несправедливым, сговорились с его братом Шарафаддин Абу Бакром и решили убить его. Узнав об этом, в бане, [Сайфаддин] выбежал с недобритой головой и пустился бежать с одним [своим] человеком. За ним погнался народ. Когда он немного поднялся на гору Калах ¹⁶², его спутник, состоявший в сговоре с врагами, перерезал ему ахиллесово сухожилие. Сайфаддин упал на камень. Его брат Шарафаддин Абу Бакр выстрелил в него и приказал эмиру 'Али, сыну Бадра, сопровождавшему его, снести ему голову в отмщение за гибель Бадра.

Шарафаддин Абу Бакр б. Нураддин Мухаммад

После расправы с братом на горе Калах он подошел к своим. Жена Бадра, мать Хусамаддин Халила, поднесла ему кубок с шербетом в благодарность за то, что, убив брата, он отомстил за смерть ее мужа. [Напиток] был оправлен, и [Шарафаддин] заболел. Когда его здоровье немного поправилось и он поехал на охоту, его брат 'Иззаддин Гиршасфубил сына Бадра эмира 'Али со словами: “Если брат мой и убил брата, то тебе-то зачем понадобилось вмешиваться в чужие дела?”. [106]

Когда эта новость дошла до Багдада, в Луристан прибыл сын Бадра Хусамаддин Халил. Шарафаддин условился со своими слугами: “Когда Халил придет навестить меня, убейте

его, как только покрою платьем голову”. Хусамаддин пришел повидать его. [Шарафаддин] повел себя так, как было условлено, но слуги не решились убить Халила. /38/ После [окончания] беседы и ухода Халила с того собрания [Шарафаддин] спросил у них: “Почему вы не убили его?” Сказали: “О эмир! Ты уже на смертном одре, и дела царства [скоро] целиком перейдут в его ведение. Вот почему мы допустили неповиновение”. Эти слова еще больше встревожили [Шарафаддина], и он решил непременно убить Халила. Из страха перед ним Халил снова уехал в Багдад. Шарафаддин же, [терзаемый] той болезнью, отбыл из [этого] дворца тщеславия в обитель радости. Вместо него на султанском троне утвердился его брат 'Иззаддин Гиршасф.

'Иззаддин Гиршасф б. Нураддин Мухаммад

В тот самый день, когда умер его брат, ['Иззаддин] взялся за дела правления и соединился узами брака с сестрою Сулайман-шаха Абуха ¹⁶³ — Малика-хатун, которая была женою его брата. Когда эта новость дошла в Багдаде до слуха Хусамаддин Халила, он направился в Хузистан, желая завоевать страну луров. Оттуда с большим войском он приготовился к походу на 'Иззаддин Гиршасфа в Луристан. Но 'Иззаддин Гиршасф не имел желаний вести войну и хотел передать ему власть без раздоров, резни и препирательств. [Но] с таким решением не согласились его сестры. Сказали: “Если ты не выступишь против него, мы, женщины, выполним дело мужчин и пойдем на войну с ним”.

'Иззаддин последовал совету сестер и приготовился к битве и сражению. Когда в окрестностях одной из местных деревень произошла встреча обеих сторон, большинство луров перешло на сторону Хусамаддин Халила, и поражение потерпели [войска] Гиршасфа. [Гиршасф] решил отправиться в крепость Курбат ¹⁶⁴, где находилась его супруга [107] Малика-хатун. /39/ Хусамаддин Халил, узнав о [его] планах, направил отряд перерезать дорогу к крепости и помешать ему подойти к ней. Прибывший вслед за [отрядом] Хусамаддин Халил схватил [Гиршасфа] и, пощадив ему жизнь, осадил крепость Курбат. После трехдневной осады по приказу 'Иззаддин Гиршасфа Малика-хатун открыла крепостные ворота, смута утихла, и власть над той страной утвердилась за Хусамаддин Халилом.

Хусамаддин Халил б. Бидр б. Шуджа'аддин Хуршид

После восшествия на трон правителя Луристана он назначил своим наследником в той стране 'Иззаддин Гиршасфа. Год спустя однажды потребовал он его к себе. Жена 'Иззадина Малика-хатун посоветовала ему не ходить, но ['Иззаддин] не прислушался к ее словам и немедленно направился к Хусамаддин Халилу. [Тот] поступил в отношении 'Иззадина бесчеловечно и тотчас приказал его убить.

Малика-хатун сразу после убийства мужа тайком отправила к своему брату Сулайман-шаху Абуху сыновей 'Иззаддин Гиршасфа — Шуджа'аддин Хуршида, Сайфаддин Рустама и Нураддин Мухаммада, которым она приходилась матерью (Букв, “которые были рождены ею”). Это вызвало между Хусамаддин Халилом и Сулайман-шахом такую упорную вражду, что на протяжении одного месяца у них бывало по тридцати одному сражению. В конце концов поражение потерпел Сулайман-шах, и крепость Бахар ¹⁶⁵ вместе с частью вилайета Курдистан перешла к лурам. Некоторое время спустя Сулайман-шах вновь собрал, войска в местечке, известном под названием Дехлиз ¹⁶⁶, /40/ разбил Хусамаддин Халила и вернулся обратно. Хусамаддин, желая отомстить, пустился в погоню и казнил его брата 'Умар-бека вместе с большим числом их близких. Сулайман-шах отправился в Багдад за подкреплением и возвратился с шестью тысячами человек, чтобы продолжить войну с ним. [108]

Хусамаддин Халил вступил в битву [во главе] трех тысяч конных и трех тысяч пеших в долине Шапур ¹⁶⁷. Вначале понесли урон войска Сулайман-шаха, однако, ступив ногою твердости и величия, не сдвинулся он с места, пока пустившиеся было в бегство войска его не вернулись и не вступили снова в бой. Хусамаддин поклялся разводом, что победит он или погибнет, а поле брани не оставит. Враги окружили его и убили. Голову его доставили Сулайман-шаху, а тело сожгли. Сулайман-шах сказал: “Если бы вы привели его ко мне живым, пощадил бы его, но, видимо, так должно было случиться”, и сочинил экспромтом такое четверостишие:

В оцепенении [поник] несчастный Халил, сын Бадр,
Молодость посеяла в душе его семена страсти.

Царства Сулаймана искал див его вождения,
Но погиб он сам от руки дивов Сулаймана (Непереводимая игра слов: автор, имея в виду храбрых воинов Сулайман-шаха, намекает на легендарного царя Соломона, который почитался повелителем всех дивов.).

Бадраддин Мас'уд б. Бадр б. Шуджа'аддин Хуришд

Когда в долине Шапур погиб его брат, он направился к Мунке-каану ¹⁶⁸ и заявил: “Из Багдада поступила помощь нашим врагам, ибо мы издавна принадлежим к приверженцам вашей семьи (Букв, “этому роду”).” [Бадраддин] испросил войско, и его направили в Иран на службу к Хулагу-хану. Отправляясь в поход на Багдад, [Бадраддин] попросил Хулагу-хана передать-ему Сулайман-шаха. Хулагу-хан сказал: “Это дело непростое, /41/ и богу оно лучше известно”.

Когда был покорен Багдад, а Сулайман-шах удостоился, мученической смерти, Бадраддин Мас'уд попросил передать ему членов семьи Сулайман-шаха. Просьба его была удовлетворена. Он их доставил в Луристан и, являя надлежащее усердие в оберегании их интересов, не оставил без внимания [109] ничтожнейшую из обязанностей служения, пока Багдад снова не стал процветать. [Тогда Бадраддин] предоставил им свободу выбора: “Всякий, кто хочет, может ехать в Багдад, а того, у кого есть желание остаться в Луристане, соединю узами брака со своими близкими”.

Некоторые отправились в Багдад, несколько человек предпочли остаться там и вступили в брак с его детьми и родственниками. В 658 (1259-60) году, после шестнадцати лет правления, Бадраддин Мас'уд в положенный судьбою срок умер. Был он правителем мудрым и справедливым беспредельно. Известно, что он знал наизусть четыре тысячи положений из учения его преосвященства имама Шафи'и — да пребудет над ним милосердие Аллаха! — и никогда не предавался блуду и прелюбодеяниям.

После его смерти сыновья его Джамаладдин Бадр и Насираддин 'Умар оспаривали трон правителя у сына Хусамад-дин Халила — Таджаддин-шаха. Они отправились в ставку Абака-хана и по повелению последнего были казнены. Власть в Луристане утвердилась за Таджаддин-шахом.

Таджаддин-шах б. Хусамаддин Халил б. Бадр б. Шуджа'аддин Хуришд

Согласно указу Абака-хана он стал наместником Луристана и правил в продолжение семнадцати лет. В конце концов в 677 (1278-79) году он был убит тоже по приказу Абака-хана, и власть перешла к сыновьям Бадраддин Мас'уда — Фалакаддин /42/ Хасану и 'Издаддин Хусайну.

Фалакаддин Хасан

[Фалакаддин] стал правителем [земель] *далай* ¹⁶⁹, а 'Иззаддин Хусайн — владельцем *инджу* и наследником брата. Правители они пятнадцать лет, и благодаря им Луристан переживал полный расцвет. Они победили многих врагов, ходили войной на правителей Баята, Бушира и Нехавенда и неоднократно завладевали той страной. [110]

Фалакаддин был [мужем] в высшей степени рассудительным, умным и благочестивым, но питал неистощимую любовь к развлечениям. 'Иззаддин [же] был надменным и хитрым деспотом и в отношении виноватого, разумеется, снисхождения не допускал. В их владетельной деснице пребывали [области] от вилайета Хамадана до Шуштера, от границ Исфохана до областей арабской державы. [В защите] справедливости и правосудия являли они столь чрезмерное усердие, что ради одного огурца могли бы пожертвовать целым полем. Неизменно друг с другом оба брата были дружны и согласны. Численность их войск превышала семнадцать тысяч, и государи Ирана, испытывая в отношении их спокойствие и удовлетворение, не чинили им притеснений.

Так случилось, что оба брата умерли в 692 (1292-93) году р. [правление] Кайхату-хана. После Фалакаддина остался один сын по имени Бадраддин Мас'уд, а после 'Иззаддин Хусайна — сын по имени Нураддин Мухаммад.

Джамаладдин б. Таджаддин-шах б. Хусамаддин Халил б. Бадраддин Хуршид

По указанию Кайхату-хана он взялся за дело правления, но Хусамаддин 'Умар-бек б. Шамсаддин б. Шарафаддин Та-хамтан б. Бадр б. Шуджа'аддин Хуршид и Шамсаддин Ламбаки выступили против него /43/ и не положили голову в ярмо повиновения ему. Поддерживаемые монгольскими войсками, находившимися в тех районах, ночью они неожиданно напали на него близ Хорремабада и убили вместе с несколькими его родственниками. Таким образом, сразу угас род Хусамаддин Халила, и это событие произошло в 693 (1293-94) году.

Хусамаддин 'Умар-бек

Путем насилия стал он правителем Луристана, и против него выступили представители княжеского рода Самсамаддин б. Нураддин Мухаммад и 'Иззаддин Мухаммад. С ними заодно в этом деле был эмир Данийал из рода Гиршасфа и некоторые другие эмиры, требовавшие отпущения за сыновей [111] Таджаддин-шаха. Они заявили: “Умар-бек недостойн эмирата, ибо в его роду до сих пор не было ни одного эмира. Достойн трона правителя Самсамаддин Махмуд, поскольку отцы и деды его были правителями и эмирами Луристана”. Самсамаддин был юношей замечательной храбрости и благородства, предельного мужества и щедрости. С большим войском он подошел к границам Хорремабада со стороны Хузи-стана. Обратились к помощи посредников и порешили на том, что Шихабдин Илийас Ламбаки с братьями, которые были зачинщиками смуты, оставят тот вилайет, а Хусамаддин отстранится от правления с тем, чтобы дела власти утвердились за Самсамаддин Махмудом. Обе стороны согласились с таким решением, и Самсамаддин Махмуд стал независимым правителем Луристана.

Самсамаддин Махмуд б. Нураддин Мухаммад

После смещения 'Умар-бека преисполненный гордости оперся он о подушку эмирата, сообщив делам страны полный блеск и процветание. /44/ Таким образом прошло некоторое время. Однажды, вознамерившись убить Шихабдин Илийаса и его братьев, он в одиночку напал на них. Обороняясь, они нанесли ему пятьдесят четыре раны. Но он не отступился от

них, пока не загнал их на покрытую снегом вершину горы, [затем] принудил их спуститься вниз и убил.

Внук шейха Кахвийа отправился в ставку Газана с жалобой на 'Умар-бека и Самсамаддин Махмуда и потребовал отмщения за убийство Джамаладдин Хизра и Шихабалдин Илийаса. В соответствии с ханским указанием оба были вызваны в ставку [Газан-хана], и [тот] спросил 'Умар-бека: “Зачем ты убил Джамаладдин Хизра?” — “Чтобы тот не убил меня”, — ответил он. “А малолетнего сына его почему убил?” — сказал [Газан-хан]. ['Умар-бек] не нашел, что ответить, и его отдали наследникам Джамаладдин Хизра, которые его казнили. Самсамаддин Махмуд был убит в отмщение за убийство Шихабалдин Илийаса, произошло это в 695 (1295-96) году. **[112]**

'Изаддин Мухаммад б. эмир 'Изаддин Хусайн б. Бадраддин Мас'уд

После убийства 'Умар-бека и Самсамаддин Махмуда в юном возрасте он утвердился на троне правителя Луристана. Против него выступил Бадраддин Мас'уд б. Фалакаддин Хасан, который приходился ему двоюродным братом. Во время правления государя Мухаммада Худабанде ¹⁷⁰ вышел указ, согласно которому правителем [земель] *далай* стал Бадраддин Мас'уд, и ему было присвоено звание атабека; 'Изаддин Мухаммад [стал] правителем [земель] *инджу*. Некоторое время спустя управление (**Букв. “дела”.**) [землями] *далай* и *инджу* утвердилось за 'Изаддин Мухаммадом. Какое-то время он вершил это важное дело и в конце концов в 716 (1316-17) году в положенный срок отбыл из этого двуличного мира /45/ в обитель вечности.

Даулат-хатун, жена 'Изаддин Мухаммада

После смерти мужа она стала правительницей той страны. Во времена ее власть утратила свою прочность и монарший блеск оставил ту семью. Большею частью [именно] на дни ее [правления] приходится попытки наместников дивана монгольских султанов захватить ту страну. В конце концов так ничего и не свершив, она препоручила бразды правления своему брату.

'Изаддин Хусайн, брат Даулат-хатун

Он облачился в ожерелье управления Луристаном, и в продолжение четырнадцати лет жители той страны благоденствовали под его [неусыпным] надзором. На его место воссел его сын Шуджа'аддин, [но] подданные, доведенные до крайности его поведением, в 750 (1349-50) году убили его. **[113]**

Малик 'Изаддин б. Шуджа'аддин Махмуд

Он заступил место отца. С ним породнились султаны Ирака, и, получив высокое звание, вошел он в число благородных. Позднее, в 790 (1388) году, эмир Тимур Гурган после осады принудил его оставить крепость Вамйан ¹⁷¹, что находится [на расстоянии] половины фарсаха от Буруджирда, и отослал в Самарканд. Его сына Саййид Ахмада отвезли в Андиган ¹⁷². Три года спустя [Тимур снова] распорядился отправить их в Луристан. Второй раз воссел 'Изаддин на эмирском троне, но впоследствии из-за недостойного и грубого поведения своего сына Саййид Ахмада был схвачен монгольскими агентами фиска и обвинен в мятеже. В 804 (1401-02) году с него живого сняли кожу, и около недели висел он на базаре в Султанийе ¹⁷³.

Саййид Ахмад

Во времена эмира Тимура в самом жалком виде скитался он в горах Луристана, а после кончины эмира Тимура вплоть до /46/ 815 (1412-13) года управлял [теми районами].

Шах Хусайн б. Малик 'Иззатдин

Став правителем того народа, он постоянно совершал набеги на территорию Хамадана и Джербдакана и районы Исфохана. Наконец, во время похода султана Абу Са'ид Гургана ¹⁷⁴ [в Азербайджан] он захватил Хамадан и отправился на зимовища Шахризура. [Затем] он напал на племя бахарлу ¹⁷⁵, но Кур Пир 'Али, сын 'Али Шакара ¹⁷⁶, что возглавлял тот народ, перерезал ему путь и убил его в 873 (1468-69) году.

Шах Рустам б. Шах Хусайн

Долгое время он был правителем того народа, позднее прибыл на службу к шаху Исма'илу Сафави и был отмечен и вознесен государевыми милостями и монаршими щедротами. Некоторое время спустя в положенный судьбою срок он умер. [114]

Угур б. Шах Рустам

Будучи старшим сыном Шах Рустама, он и заступил место отца. В 940 (1533-34) году, когда шах Тахмасб отправился в Хорасан на расправу с 'Убайдаллах-ханом узбеком ¹⁷⁷, он находился при победоносном государевом стремени, оставив вместо себя в племени своего младшего брата Джихангира. [Джихангир] после отъезда брата привлек на свою сторону глав улусов и племен, ступил на путь мятежа и стал правителем того народа.

Во время возвращения [из похода] обошедших [весь] мир шахских войск это тревожное известие дошло до Угура. Он получил разрешение покинуть шахскую ставку. Когда он прибыл к окрестностям Нехавенда, к нему примкнуло сборище из простонародья и черни Луристана, но главы племен и предводители улусов по-прежнему оставались верными и преданными сторонниками Джихангира и нимало не воссочувствовали его положению. После сражения Угур был схвачен и убит.

Джихангир б./47/ Шах Рустам

После убийства брата он стал независимым правителем Луристана и в продолжение десяти лет правил полновластно и самодержавно. Наконец, в 949 (1542-43) году он был казнен по приказу шаха Тахмасба.

Шах Рустам б. Джихангир

После того как шах Тахмасб убил Джихангира, Абу Муслим Гударзи — воспитатель Шах Рустама, — руководимый преданностью шаху Тахмасбу, волей-неволей доставил Шах Рустама к государю. Вскоре появился указ об аресте Шах Рустама, и его заточили в крепость Аламут ¹⁷⁸. За столь важную услугу [государь] пожаловал эмиру Муслиму Гударзи звание начальника своих личных конюшен, отметил и возвысил его среди приближенных. [115]

Другой сын Джихангира по имени Мухаммади был еще мал и не подходил для правления. Луры отвезли его в некое укрепленное место под названием Чангале ¹⁷⁹ и там в тайне его оберегали. И не осталось в Луристане человека, который бы стал наследником власти; некоторое время ашираты и племена оставались без руководителя и военачальника.

Позднее в дом Шах Рустама бесцеремонно заявился некий человек из черни Луристана, имевший полное сходство с Шах Рустамом. Выдавая себя за Шах Рустама, он сказал, что бежал из крепости Аламут. Жена Шах Рустама, не видевшая мужа несколько лет, явила великую радость и вступила с ним в супружеские отношения. Когда луры увидели собственными глазами происходящее, все их сомнения рассеялись (Букв, “пыль сомнения стерлась со скрижалей их разума”), и все признали без колебаний, что это Шах Рустам. Преисполненные покорности и благоговения, они подчинились ему и положили головы в ошейник повиновения.

Известие об этих /48/ странных событиях дошло в Казвинедо славного слуха государя. Он освободил Шах Рустама из заточения, пожаловал ему вместе с титулом *сардара* Луристана грамоту на управление Хорремабадом, что является их (луров) столицей, и немедленно отправил его [в Луристан]. Шах Рустам пустился в путь, обращая две стоянки в одну (Букв. “Полустишие: Две стоянки он обращал в одну и [таким образом] двигался”). пока не оказался среди [своего] племени. Лже-Шах Рустам бросился было бежать, как вдруг слуги Шах Рустама догнали его и схватили. Вздернув на виселицу назидания, ударами камней и обломков кирпича выбили они мозг из его преисполненного самонадеянности черепа.

В это время брат Шах Рустама Мухаммади, достигнув совершеннолетия и желая получить наследственную власть, выступил против брата. Дело дошло до применения меча и копья. После сражений и войны обратились к посредникам и порешили на том, что четыре шестых вилайета Луристан [116] перейдет к Шах Рустаму, две шестых — к Мухаммади, и править они будут сообща. Братья согласились на такой мир и некоторое время жили в согласии, пока в 974 (1566-67) году [не прибыл] по приказу шаха Тахмасба правитель Хамадана Амир-хан Мусилу для сбора налога с тех луров больших, что получили известность как бахтиары.

После прекращения рода их правителей, о чем упоминалось выше, руководство *улусами* шах Тахмасб передал славному [представителю] того народа Тадж-амиру астаракки, дабы тот ежегодно выплачивал в его диван огромную сумму в виде налоговых сборов. /49/ Тадж-амир не смог выплачивать ту сумму, что послужило поводом для его убийства по указанию шаха Тахмасба. После его гибели предводителем того народа был поставлен эмир Джихангир бахтиари, который тоже принадлежал к числу видных людей того *улуса*, с тем чтобы каждый год под ответственность Шах Рустама передавал он государственным чиновникам и наместникам десять тысяч мулов.

[Амир-хан] отправился в Дизфуль и Шуштер для взимания налоговых сборов с [той] части территории Хузистана, что находилась во владении у арабов [династии] Муша'ша ¹⁸⁰. Дочь Угура — жена Шах Рустама — Шах Парвар тайно достала указ на имя Амир-хана об аресте Мухаммади, согласно которому Амир-хан должен был при любом тому удобном случае схватить Мухаммади и отослать к государеву двору.

Краткое содержание событий [последующих] таково. Когда Амир-хан прибыл в окрестности Хорремабада, Мухаммади пришел навестить его. Однажды под предлогом праздника [Амир-хан] пригласил его с несколькими избранными в свой дом. На том пиршестве [Мухаммади] и сто его вельмож, которые его сопровождали, схватили и отправили в оковах ко двору шаха.

Как обстояли дела Мухаммади и Шах Рустама впоследствии, будет упомянуто при [описании] последующих событий, коль того пожелает всевышний Аллах. [117]

Мухаммади б. Джихангир

Пока в течение десяти лет он находился в заточении в крепости Аламут, его сыновья 'Алихан, Асламаз, Джихангир, Шахвирди подняли в Луристане смуту, не давая покоя своему дяде Шах Рустаму. Более того, начав бунтовать, они протянули руку захвата к владениям государя — разграбили и опустошили Хамадан, Джербадакан и окрестности /50/ Исфахана.

Каких усилий и неопишемого старания ни прикладывали Шах Рустам и кзылбашские эмиры, [стоявшие на страже] границ, это ни к чему не привело. В конце концов эмиры и столпы державы доложили шаху Тахмасбу, что спасение от смуты одно — освободить Мухаммади из крепости, пообещав управление, препоручить его одному из славных кзылбашских эмиров, дабы он вызвал своих сыновей к высокому порогу, и пламя мятежа их утихнет.

Мухаммади тоже согласился с таким предложением, и порешили, что государю (Букв, “государевым наместникам” — выражение, служащее для обозначения личности государя.) он подарит около тридцати тысяч коней, мулов и овец, а также вызовет своих сыновей к высокому двору; затем управление Луристаном будет передано [Мухаммади], и он отправится в страну луров, оставив своих сыновей при высоком дворе как заложников.

Следуя совету эмиров и столпов державы, шах Тахмасб выпустил Мухаммади из крепости Аламут. Его доставили в Казвин и препоручили [заботам] Хусайн-бека устаджлу. [Мухаммади] немедленно отправил своим сыновьям послание, дабы они подготовили около тридцати тысяч коней и овец, которые [государь] согласился принять за управление Луристаном, и без промедления вместе с ними направлялись в стольный город Казвин.

Когда послание дошло до его [сыновей], они собрали десять тысяч голов коней и верховых животных. Двое его сыновей со всею поспешностью отправились в Казвин и [118] остановились в селении Шарафабад, что находится [на расстоянии] одного фарсаха от Казвина. Мухаммади заявил Хусайн-беку: “Дети покорного слуги вашего уже прибыли в Шарафабад, позвольте же мне /51/ поехать туда и лично осмотреть верховых животных и овец. Коль будут они достойны предстать пред государевым оком — хорошо. Если же они не достойны подобной чести, придется подождать несколько дней, пока прибудет остальной [скот], который должны были собрать, тогда и покажем государю”.

Хусайн-бек удовлетворил его просьбу и в сопровождении нескольких верных слуг направил в селение Шарафабад. Приближалась ночь, и Мухаммади сказал своим спутникам: “Наступает ночь, и невозможно осмотреть скот. Мы остановимся здесь на ночлег, насладимся беседою с детьми, с которыми долгое время были в разлуке. Утром же, что способствует удаче и преуспеянию, вместе с вами осмотрим верховых животных и мелкий скот и возвратимся в Казвин”.

Кзылбашам речи Мухаммади показались разумными, и они решили переночевать в Шарафабаде. Когда наступила ночь, Мухаммади с сыновьями сели на испытанных боевых коней, которые обгоняли ветер восточный и северный, и отправились в Луристан. Рано утром, когда об этом стало известно в Казвине, шах Тахмасб послал за ними в погоню правителя Хамадана Амир-хана с группой эмиров и вельмож. Но, поскольку лошади [Мухаммади и сыновей его] отдохнули, как кзылбаша ни погоняли коней, они не достигли даже их пыли. Кроме того, много лошадей пало. Мухаммади и [его] сыновья за четыре дня покрыли расстояние десяти дней пути и прибыли в Луристан.

Прослышав о приезде брата, Шах Рустам распростился с невестой царствования и в том же году направился в Казвин. /52/ Утвердиться на власть в Луристане он уже не смог и остаток

дней своих провел в нищете, пока не настиг его неумолимый рок. Без сожаления вручил он славную душу Израилу.

Мухаммади поднял в Луристане знамя правления и донес до внимательного слуха обитателей небес глас: “ — и [119] никто другой!” В общем, в отношениях с шахом Тахмасбом и шахом Исма'илом ¹⁸¹ следовал он путем дружбы и согласия и заслужил их удовлетворение. После смерти тех государей он выразил покорность и послушание двору государя — прибежища всепрощения султана Мурад-хана — да пребудет над ним милосердие и благословение [господне]! К его владениям [султан] присоединил из августейших доменов Багдада округа Мендели ¹⁸², Джесан ¹⁸³, Бадрани ¹⁸⁴ и Турсак ¹⁸⁵ [с доходом] в двенадцать харваров османских золотых, равноценных шестистам туманам, имеющим хождение в Ираке [Персидском], и [постановил]: пока Мухаммади будет следовать путем повиновения, являя в служении государю твердость и непреклонность, наследственные владения вместе с присоединенными районами будут принадлежать ему и никаких в том изменений не последует. И на то ему была пожалована и передана в вечное пользование грамота на управление Нуристаном [и дарованы] почетный халат и перевязь с золотым кинжалом.

Когда, таким образом, прошло несколько лет, тайно был издан августейший указ — [Мухаммади] арестовать и заковать в кандалы на основании того, что он допустил неподобающие действия в отношении эмира эмиров Багдада, им были недовольны и на него жаловались *беглербеги* и вверенные ему обязанности он выполнял неисправно. [Но] Мухаммади узнал, что эмир эмиров Багдада намерен арестовать его и заковать в кандалы, и был все время начеку. Позднее пытался схватить его один из *беглербегов*. Однако Мухаммади, отчаявшись получить доходы с доменов Багдада, /53/ более у окрестностей Багдада не появлялся (**Букв, “не вращался, не околачивался”**).

Его сыновья Шахвирди и Джихангир, которые находились в Багдаде как заложники, бежали в день, когда паша [как обычно] занимался верховой ездой (“**В день верховой езды**”. Возможно, здесь имеется в виду день недели, специально отведенный для занятия верховой ездой, охотой и т. п., или автор имеет в виду день, когда паша уехал куда-нибудь верхом.). Из пределов [120] Багдада направились они в степи и пустыни, так что [и] буйный ветер не достигал пыли, [поднятой копытами] их [коней].

Тем временем сын шаха Тахмасба Султан Мухаммад ¹⁸⁶ посватал у Мухаммади дочь для своего сына — Султан Хамза-мирзы ¹⁸⁷. Постучавшись в дверь мира и согласия, он предложил ему признать его власть. [Последний] принял это предложение и вновь избрал служение кызылбашам. Несколько лет спустя он отбыл в потусторонний мир.

Шахвирди б. Мухаммади

После смерти отца с помощью знатных Луриетана он утвердился “а троне владычества, и диваном шаха Султан Мухаммеда ему была пожалована грамота на правление. Когда же бразды власти оказались, в; могучей деснице шаха 'Аббаса, [последний] соединился узами брака со старшею сестрою Шахвирди, которая была женою его брата. Султан Хамза-мирзы, а дочь своего двоюродного брата — внучку Бахрам-мирзы ¹⁸⁸ — отдал в жены Шахвирди. Меж ними установились дружеские связи и полное единодушие, пока диван шаха 'Аббаса не поручил управление Хамаданом Угурлу-беку байату.

[Спор] между Угурлу и Шахвирди из-за района Боруджир-да привел к возобновлению старинной вражды, бытовавшей между племенем байат ¹⁸⁹ и лурами. Вновь начались распри, дело дошло до применения меча и копья. Оба собрали людей своих аширатов и

племен и, в районе Боруджирда выстроили друг перед другом свои ряды. В том сражении, так случилось, был убит Угурлу байат и погибло много народу /54/ из аширата байат. Их имущества и припасы попали к лурам и были ими полностью разграблены.

Брат Угурлу-бека Шах Кули-бек явился в Казвин к шаху 'Аббасу, взывая к его правосудию, и подробно изложил у подножия высочайшего трона обстоятельства убийства брата и знати [аширата] байат, разграбления и расхищения их богатств и имуществ. До небес взвилось, пламя гнева шаха 'Аббаса, когда он услышал такого рода известие, и в тот же [121] день с незначительным числом обитателей подножия трона [государь] отправился войною на Шахвирди. Шахвирди, узнав о прибытии шаха 'Аббаса, в самом бедственном состоянии в сопровождении нескольких человек из домашних и близких переправился через воды Сеймаре ¹⁹⁰ и добрался до горы Калах. Оставшаяся по эту сторону реки часть его улусов и свиты попала в руки воинов шаха 'Аббаса.

Район Хорремабада, что служит пристанищем могущества и средоточием благоденствия правителей Луристана, шах 'Аббас пожаловал внуку Агзивар-султана ¹⁹¹ — Махди-Кули-султану шамлу и поставил [его] эмиром эмиров тех рубежей. Для надзора и наблюдения за улусами и племенами тех округов он дал ему в подчинение несколько кызылбашских эмиров и отправился в стольный город Казвин. Шахвирди после отъезда шаха 'Аббаса собрал под своими знаменами племя гуран, людей других улусов и племен и пошел войною на Махди-Кули-султана. Преисполненный смелости, он переправился через воды Сеймаре и приготовился близ Хорремабада к сражению.

Противники вступили в бой /55/, и после долгой и упорной борьбы войска лурав были разбиты. Рассеянные, подобно звездам Большой и Малой Медведицы, отряды Шахвирди пустились в бегство. [Шахвирди] направился затем в Багдад и засвидетельствовал покорность высокому двору султанов рода 'Усмана. Когда об этом стало известно шаху 'Аббасу, он простил [Шахвирди] его проступки и пожаловал грамоту на управление Хорремабадом и Луристаном на тех же условиях, на которых они принадлежали отцам и дедам его. Меж равных он отличил его перевязью с мечом, инкрустированным драгоценными камнями, и халатом, достойным падишаха, вознеся знамя его власти до апогея солнца и луны. И ныне, в 1005 (1597) году, он независимо управляет Луристаном. [122]

ГЛАВА ПЯТАЯ

О султанах Египта и Сирии, называемых Айюбидами

Властители Мисра преданий и попечители царства жизнеописаний покорили страну этого повествования рассказом о том, что родоначальник правителей Египта Шади б. Марван происходит из курдов [племени] раванд ¹⁹² Довина ¹⁹³ в Азербайджане. Ныне то место пребывает в запустении и известно как деревня Гарни [района] Чохур-Саад ¹⁹⁴. Во времена султана Мас'уда Салджуки ¹⁹⁵ один из наместников Мас'уда поставил Шади комендантом крепости Текрит ¹⁹⁶. Когда Шади опечалили горести смерти (**Игра слов: Шади, имя собственное, означает также “веселый, радостный”.**) и карман его бытия был разорван когтями смертного часа, на место отца воссел его старший сын Наджмаддин Айуб ¹⁹⁷.

Шел однажды Наджмаддин по дороге вместе со своим братом Асададдин Ширкухом. Неожиданно их нагнала плачущая женщина и сказала: “Такой-то без всякой причины обидел меня”. Асададдин /56/ отыскал того человека, обезоружил его и нанес ему удар по смертельному месту. Наджмаддин, очевидец происходящего, заковал своего брата в цепи и доложил наместнику султана Мас'уда о случившемся. Тот эмир написал в ответ: “С убитым

мы были самыми близкими друзьями (Букв, “основания дружбы и любви между мною и тем убитым были в высшей степени прочными”), [и], если встречу с вами, может случиться, что буду мстить за него. Поэтому будет лучше, если вы оставите мой город, чтобы больше нам друг друга не видеть”.

Когда об этом стало известно Наджмаддин Айубу, он вместе со своим братом Асададдином отправился в Мосул. По прибытии их туда атабек 'Имададдин Занги обошелся с ними милостиво (Букв, “следовал с ними путем единодушия”).) и после завоевания Баалбека передал бразды здешнего правления в могучую десницу Наджмаддин Айуба. [123]

И Наджмаддин был эмиром в высшей степени приятной наружности и достойного поведения, наделенным мудростью и благочестием, украшенным получившею известность справедливостью и милосердием. В дни правления в Баалбекеим была построена для братства суфиев обитель, названная Наджмийе, и засвидетельствовал он в той стране [свою] справедливость и заботу о подданных. После смерти 'Имададдина он вместе со своим братом Асададдином отправился к Нураддин Махмуду ¹⁹⁸. Оба брата снискали благоволение Нураддин Махмуда, Асададдину вместе с должностью правителя Хомса стало принадлежать звание *сардара* и предводителя войск.

Правитель Египта 'Азид Исма'или ¹⁹⁹ в [деле] оказания отпора франкам положился на Нураддина, и три раза [последний] посылал ему на помощь Асададдина с большим войском. /57/ Во время последнего [похода] с согласия 'Азида Асададдин убил его везира Шаоура и занял его место. Но не успел он сорвать розы из цветника везирата, как рука смерти разломала в его сердце колючку скорби и после 65 дней пребывания в той высокой должности в субботу 2 джумада-л-ахира 564 (2 марта 1169) года он поднял знамя отбытия в потусторонний мир. Вместо него за дела везирские взялся его племянник Салахаддин б. Наджмаддин Айуб ²⁰⁰.

Салахаддин Йусуф б. Наджмаддин Айуб

Благодаря замечательным познаниям и осведомленности в делах он лишил столпов державы 'Азида влияния и получил почетный титул Малик Насира. Упрочив свое положение в Египте, он послал к Нураддин Махмуду гонца с просьбою позволить его отцу приехать в Египет. Нураддин Махмуд удовлетворил его просьбу и пожаловал Наджмаддин Айубу разрешение отправиться в Египет.

24 раджаба 565 (14 апреля 1170) года [Наджмаддин] прибыл в Миср ²⁰¹ и был встречен халифом 'Азидом. При лицезрении Салахаддин Йусуфа глаза Наджмаддин Айуба прояснились, ибо в обители страданий разлуки очи его от печали покрылись белою пеленою. Салахаддин оказал [своему] [124] благородному отцу все возможные знаки уважения и почитания и хотел [даже] передать ему должность везира. Но Наджмаддин не согласился, и Салахаддин со всем рвением занялся управлением Египта.

В первых числах мухаррама 567 (сентябрь 1171) года здоровье 'Азида ухудшилось, и десятого числа [того же месяца] он отправился /58/ в потусторонний мир. К Салахаддину перешли сокровищницы Исмаилитов, до отказа наполненные несметным числом монет, редкостными драгоценными камнями и отборными тканями. Единовластно стал он вершить дела царства и заручился поддержкою подданных и войска.

В истории Йафи'и ²⁰² упоминается, что в числе ценных вещей, что перешли к Салахаддину из казны 'Азида, был жезл из изумруда и сто тысяч томов редких книг, [написанных] прекрасными почерками. В начале правления Салахаддина Нураддин Махмуд по многим

причинам обиделся на него и решил отправиться в Египет и вместо Салахаддина другого удостоить чести султанства.

Когда об этом стало известно Салахаддину, он призвал своего отца, дядю, своих приближенных и эмиров и для [изыскания] способа предотвратить то несчастье бросил меж ними жребий совета. [Тогда] поднялся племянник Салахаддина Такиаддин и сказал: “Интересы державы требуют, если Нураддин Махмуд пойдет на нас войною, с несметными войсками явиться на поле битвы и не отдавать в мощную его десницу бразды правления в этой стране”. Наджмаддин Айуб принялся бранить внука и, решительно возражая против таких [его] речей, сказал, обращаясь к Салахаддину: “, отец твой, и Шихабдин, твой дядя, из всех присутствующих питаем к тебе наибольшую любовь, но стоит нам увидеть Нураддина, и мы не сможем по обычаю прежнего не облобызать его ковер, [который служит] образцом великолепия. И коль прикажет он нам поразить [тебя] в затылок, мы обязательно выполним его повеление. Если так обстоит дело с твоим отцом и дядей, то что тебе ждать от других /59/ эмиров и столпов державы? Государство наше входит в богом хранимую державу Нураддина, и мы по сути дела его рабы. И если Нураддин [125] сместит нас, нам не останется ничего, как подчиниться и покориться. Сейчас тебе лучше написать Нураддину челобитную такого содержания: распространился слух, что августейшие помыслы укрепились в намерении направить победоносные стяги на завоевание нашего вилайета. Между тем нет необходимости, чтобы его величество ради такого дела подвергало себя трудностям похода, ибо не сошел с пути повиновения слугам подножия султанского трона и послушен любому повелению, которое будет исходить от прибежища справедливости. Стихотворение:

Что бы ты ни повелел — мы слуги и подчиненные.
Что бы ты ни повелел — мы слуги и подчиненные.

И если государь недоволен поведением [своего] покорного слуги (Букв, “если из-за поведения этого раба села пыль на пресветлый ум”), следует направить одного из личных гулямов, дабы, возложив ярмо на шею [этого] раба, он доставил его ко двору прибежища мира. Полустиише:

Что делать рабу как не повиноваться!” (Букв, “как не подставлять шею для удара”).

Салахаддин со вниманием выслушал совет своего достопочтенного отца, и народ разошелся. Тогда Наджмаддин Айуб уединился с сыном и сказал: “По свойственной молодости самонадеянности и неопытности ты не ведаешь, что для дела полезно и что вредно. Эти люди узнали бы твои сокровенные мысли (Букв, “то, что у тебя в сердце”) и донесли бы Нураддину, что ты намерен помешать ему войти в Египет. Нураддин все свои помыслы направил бы на то, чтобы сместить нас и, собрав все войска Сирии и Мосула, поднял бы знамена похода в нашу сторону. Теперь же, /60/ узнав об этом собрании, он решит, что мы послушны и покорны ему. Успокоившись на наш счет, он займется чем-нибудь другим, и нам нечего будет его опасаться”.

Действительно, этот план Наджмаддина совпал с [126] божественным предопределением. Когда прошение Салахаддина, основанное на высказываниях в упомянутом собрании, была представлено Нураддину, [последний] вновь явил милость Салахаддину и счел разумным оставить его в покое (Букв, “оставить его в прежнем положении”) и ни под каким видом не чинить никаких обид.

В 568 (1172-73) году Наджмаддин Айуб упал с коня и умер после нескольких дней болезни. Салахаддин похоронил его по обычаю главы пророков, в подобающем месте предал земле и надлежащим образом исполнил обязанности поминовения. После Наджмаддин Айуба

осталось шесть сыновей: 1. Салахаддин, 2. Сайфаддин Мухамхмад, 3. Шамсаддаула Тураншах, 4. Сайфалислам Тугтагин, 5. Шаханшах, 6. Таджал-мулук Бури ²⁰³.

В 569 (1173-74) году умер Нураддин Махмуд, и Салахаддин получил полную самостоятельность. За короткое время он подчинил Сирию, и над жителями тех стран воссияли лучи его правосудия. Он отобрал у христиан Иерусалим и Хеброн ²⁰⁴ и поручил своему племяннику Каракушу ²⁰⁵ завоевание некоторых городов Магриба (**Северная Африка**). Каракуш повел войско в те районы, и его стараниями был завоеван город Триполи, который принадлежал франкам.

Между тем на горизонте государства Йемена взошло солнце счастья Шамсаддаула (**Игра слов: собственное имя Шамсаддаула означает “солнце счастья, державы”**), брата Салахаддина. /61/ Некий безбожник по имени 'Абданнаби, обманным путем завладевший той страной, выступил против Шамсаддаула и погиб в военных столкновениях.

Как указывалось выше, в 570 (1174-75) году к Салахаддину перешел город Дамаск и большая часть городов Сирии, сын же Нураддин Махмуда удовольствовался управлением Алеппо.

В 572 (1176-77) году Салахаддин приказал построить вокруг Мисра и Каира со стороны пустыни [крепостную] [127] стену длиною в 29 300 заров (**Зар равен приблизительно 407 см.**), мастера приступили к работе и до конца дней Салахаддина были заняты тем строительством. В 573 (1177-78) году Салахаддин повел войска на, Аскалон ²⁰⁶ и проявил достойную твердость в отношении христиан и при захвате их богатств. Оттуда он отправился в Рамла ²⁰⁷. Неожиданно там появилось какое-то войско франков и началось ожесточенное сражение. Поражение потерпели мусульмане, и среди многочисленных погибших славную смертью за веру был двадцатилетний сын Таджадина, который приходился внуком брату Салахаддина. В большом расстройстве Салахаддин поспешил в Египет, христиане же отправились в Хама ²⁰⁸ и в течение четырех месяцев держали: тот город в осаде.

К концу того же года Салахаддин без [всякого] труда завладел крепостью Алеппо и пожаловал своему сыну Малик Захиру управление тем вилайетом. В 574 (1178-79) году племянник Салахаддина Фаррух-шах, который правил в Дамаске как его наместник, пошел войной на сборища франков, что вторглись на территорию Сирии, обратил их в бегство /62/ и убил военачальника неверных.

В том же году умер дядя Салахаддина — Шихабаддин, вознесший знамя правления в Хама, и место его заступил Малик Музаффар Такиаддин 'Умар б. Шаханшах б. Наджмаддин Айуб. До 577 (1181-82) года он благоденствовал в том вилайете и [потом] скончался.

В 576 (1180-81) году сей бранный мир покинул Шамсаддаула б. Наджмаддин Айуб, который, покорив своим мечом Йемен, направился было в Александрию. Тело его перевезли в Сирию и погребли при медресе, построенном его сестрой близ Дамаска. После смерти Шамсаддаула управление Пеменом перешло к другому брату Салахаддина — Сайфал-исламу.

В пятницу [месяца] раби' ал-аввала 583 (1187) года в долине Табарийе ²⁰⁹ между Салахаддином и проклятыми франками произошло великое побоище. На помощь народу его [128] святости — прибежища пророчества — пришло божественное благоволение: военачальник христиан попал в плен и многие из его воинов были перебиты. Тогда Салахаддин отправился в Акку, отобрал у христиан ту крепость и вернул свободу почти

четырем тысячам мусульман, что пребывали в плену у неверных. Подобным же образом, соблюдая обычай ревности и усердия, в результате [одержанных] побед он покорил другие города и крепости, которые находились в руках у франков: Набулус, Хайфу, Цезарею ²¹⁰, Назарет и Аскалон. Затер. [Салахаддин] повел войска на Иерусалим и остановился с западной стороны того города. Несколько дней спустя /63/ он занял [подступы к городу] с восточной стороны (Букв, “поспешил оттуда к восточной стороне”) и приступил к осаде и военным действиям. Тогда в том городе проживало более шестидесяти тысяч христиан, и [все они] подняли стяги ревности и усердия в деле оказания отпора и сопротивления мусульманам. В пятницу 27 дня месяца раджаба упомянутого года Салахаддину удалось стрельбой из катапульта поставить христиан в безвыходное положение, и на страницах обстоятельств людей ислама появились знаки победы и торжества. Беспредельный страх и ужас обуяли сердца приверженцев неверия и богохульства, и до чертога Сатурна возносились их мольбы о пощаде. Салахаддин сохранил франкам жизнь и свободу.

Иерусалим был завоеван. Мусульмане разбили крест, водруженный христианами “а куполе мечети Акса ²¹¹, в тот же день там совершался пятничный намаз, и возгласы великих и малых “Аллах велик!” достигли небесного купола. Таким образом, с 472 (1079-80) года до того времени город Иерусалим принадлежал приверженцам ереси.

В тот же день между Салахаддином и проклятыми франками был заключен мир на том условии (Букв, “основание мира было скреплено тем”), что каждый представитель мужского населения неверных уплатит последователям мухаммаданской веры двадцать динаров, их жены — по [129] пять сурских динаров (Вероятно, изготовленных в г. Суре (см. прим. 212).), а за своих детей они дадут по одному динару. Тот же, кто окажется не в состоянии представить с него причитающееся, будет обращен мусульманами в рабство. Салахаддин, захватив эти богатства, разделил [их] между воинами, улемами и подвижниками и направился в Сур ²¹². Но благодаря замечательной прочности городских стен [Сур] подчинить не удалось. Воинства /64/ мороза и дождя принялись за [свои] беззакония. Эмиры сочли разумным оставить [этот город], и, следуя совету здравомыслящих, султан поспешно выступил оттуда в Тарсус ²¹³.

Силою он подчинил тот город, завладел (Букв, “захватил в качестве военной добычи”.) всеми имуществами франков и обратил в рабство каждого христианина, который там находился. Обрушив пламя гнева на Тарсус, он отправился в другие города еретиков, покоряя один город за другим, пока не подошел к Берзуйе ²¹⁴. Хотя прочность той крепости вошла в поговорки, а высота ее вместе со стенами превышала пятьсот семьдесят заров, под ударами мечей и стрел она покорилась мусульманам.

Тогда Салахаддин [со всею] поспешностью отправился в Антиохию. Большинство здешнего населения пожелало мира, и неверные отпустили на свободу мусульман, которых они держали невольниками в городе.

Выполняя просьбу своего сына Малик Захира ²¹⁵, Салахаддин отправился из Антиохии в Алеппо и оставался там три дня. Малик Захир, как должно и подобает, явил усердие в соблюдении обычая угощения и дарения, и из Алеппо Салахаддин пошел в Хама. Здешний правитель Такиаддин положил все свои старания, дабы засвидетельствовать верную службу (Букв, “чтобы исполнить обязанности служения”). Государь обласкал племянника и к его владениям присоединил Алеппо и несколько (Букв, “две-три крепости”.) других крепостей. Потом Салахаддин отправился в Дамаск и несколько дней посвятил отдыху в том городе. Из Дамаска он устремился в город [130] Сайда ²¹⁶, который сдался ему без боя (Букв, “и мирным путем покорил его”). Подобным образом он взял Керак ²¹⁷ и Каукаб ²¹⁸ и оттуда гордо прошествовал в Иерусалим. Совершив в том благословенном месте праздничный

намаз в [день] жертвоприношения, он отправился в Декадой, взял ту область у своего брата Малик 'Адила и отдал ему взамен Керак.

/65/ Затем он остановился в Акке и повелел обнести город стеной. Потом он пожаловал благородною [своею] особою в Шекиф ²¹⁹ и осадил ту в высшей степени мощную и неприступную твердыню. Когда правитель Шекифа — умный и знатный франк — увидел воочию на стороне людей ислама знаки победы и торжества, он один оставил крепость и явился ко двору того высокодостоинного государя. Султан принял его и [в знак] уважения посадил рядом с собой. [Сей] достойный гость, будучи сведущ в арабском языке, заявил: “Доставляя беспокойство служителям порога прибежища султаната, бы желал, чтобы вышло высокое [государево] указание сему рабу ехать в Дамаск и там поселиться. Из высочайшего дивана из года в год пусть выдают мне столько хлеба и золота, чтобы с семьею [смог] прожить без всяких забот. Как только эта моя просьба удостоится приятия, передам крепость слугам высокодостоинного”. Султан Салахаддин удостоил его просьбу чести согласия, и правитель Шекифа возвратился в крепость. Мусульманское войско прекратило осаду и военные действия, настроившись на заключение перемирия. Несколько дней спустя выяснилось, что тот неверный вышел из крепости стезею хитрости и обмана. Целью такого рода речей его было добиться прекращения египтянами враждебных действий против городского населения, дабы он [смог] починить башни и стены и доставить в крепость провиант. Это привело султана в ярость, и во второй раз он повелел победоносному войску осадить крепость. Храбрецы [снова] вступили в бой и принялись готовить осадные машины.

В это время пришло известие, что к Акке подошли и тот город осадили многочисленные войска /66/ и несметные [131] полчища франков. Малик 'Адил высказался за заключение с неверными Шекифа перемирия при условии, что им будет передан, город со всеми припасами, оружием, верховыми животными и двести тысяч золотых динаров, будут освобождены сто знатных и пятьсот человек из простонародья (Букв, “**чье происхождение неизвестно**”), дабы они позволили мусульманам с миром уйти оттуда. Султан огорчился, услышав такие речи, и решительно отверг подобное примирение. С одобрения [своих] советников он снял осаду Шекифа и повелел разрушить Аскалон, опасаясь, что за время отсутствия победоносного знамени нечестивые франки завладеют тем местом и с помощью богатств аскалонцев подчинят Иерусалим.

Разрушение того города было поручено одному из сыновей и потомков Салахаддина, правителю Дамаска Малик Афзалу. [Последний] приказал жителям Аскалона разойтись по другим городам Сирии. Глубокое горе и неизъяснимые страдания овладели сердцами аскалонцев, они начали продавать” вещи, непригодные для перевозки. Что стоило десять дирхемов, продавали за один дирхем, и никто не покупал. В *Мир'аг ал-джанан* упоминается, что некий аскалонец продавал за один дирхем двенадцать кур, по чему можно судить о дешевизне всего остального.

Словом, с 20 шабана до 1 рамазана большой отряд: был: занят разрушением того города; в конце концов они подожгли, дома. Подобным же образом они обратили в руины город; Лудд и крепость Рамла. Тем временем /67/ от Малик 'Адила прибыло сообщение, что “франки согласны заключить с нами мир и ни под каким видом не притеснять мусульманские города, если мы оставим им прибрежные районы”. Султан Салахаддин дал на то [свое] соизволение (Букв, “**дал согласие на мир**”), и основание договора меж мусульманами и франками было упрочено торжественными клятвами. Наладились торговые связи.

Тогда государь — прибежище веры — поспешно направился; в Иерусалим и, разрешив Малик Захиру и Малик. [132] Афзалу ехать в их страны, в течение нескольких дней

пребывал драгоценною [своею] особою в Иерусалиме. Затем он отбыл в Дамаск и 27 шаввала 588 (14 ноября 1192) года прибыл в столицу Сирии. При нем собрались все его сыновья и другие правители Сирии, и несколько месяцев они посвятили пиршествам и увеселениям.

В пятницу — пятнадцатый [день] месяца сафара 589, (21 февраля 1193) года — султан верхом выехал встречать караван паломников. Возвращаясь от паломников, он заболел жестокой (Букв, “сжигающей”.) лихорадкой и на двадцать седьмой [день] того же месяца был принят под сень милосердия и всепрощения господнего.

[Все] сословия — знать и простонародье — принялись стенать и плакать, [впали] в отчаяние и тревогу. Когда люди увидели бездыханное тело (Букв. “труп”.) того справедливого государя, они разразились такими рыданиями и воплями, что было невозможно представить [горе] более [глубокое].

Султан Салахаддин был государем, наделенным свойством справедливости и прославившимся замечательным мужеством; он любил людей ученых и знающих и постоянно помышлял об их благе. Став государем Египта, он в том же году отказался от вина и от всего, что Кораном запрещено.^{/68/} В дни его царствования в городах Египта и Сирии появились многочисленные благотворительные строения, и для тех благочестивых сооружений были пожертвованы превосходные поместья и лучшие земельные угодья.

Подробное перечисление тех строений таково (Букв, “таково, как нами приводится”.): медресе Малой Карафы ²²⁰, что находится близ могилы имама Шафи'и — да будет им доволен Аллах!; медресе в Каире, неподалеку от гробницы, которая принадлежит имаму Хусайну — да будет им доволен Аллах в обоих мирах!; на месте дворца Са'ид ас-Са'ада, одного из исмаилитских халифов ²²¹, он основал [133] дервишескую обитель; на месте дворца 'Аббаса б. Саллара воздвиг медресе ханифитов ²²²; медресе шафиитов ²²³, получившее в Египте известность как Зайн ат-Туджжар; медресе маликитов ²²⁴ в Каире; лечебница, расположенная в его замке; медресе и дервишеская обитель, построенные (Букв, “которые он основал и закончил”.) им в Хеброне. И рассказывают, щедрость султана Салахаддина была такова, что, несмотря на обширность державы и огромные размеры страны, несмотря на множество доходов и несметность богатств, в день его смерти в казне было не более 47 дирхемов наличными. [Истинное] знание у Аллаха!

Абу-л-Фатх 'Усман б. Салахаддин Йусуф

Еще при жизни Салахаддина власть в Египте была им передана старшему сыну 'Усману вместе с почетным титулом Малик 'Азиз ²²⁵. Когда до 'Азиза в Египет дошло известие о смерти того почитаемого [государя] царства справедливости, он восшествствовал на трон султаната, и великие и знатные той страны вновь присягнули ему на верность. Освободившись от [забот] по овладению той державой, он выступил против своего брата Малик Афзала ²²⁶ и трижды вместе со своим дядей Малик /69/ 'Адилем ходил походом на Дамаск. После войны и осады в месяце раджабе 592 (июнь 1196) года он захватил тот город. Малик Афзал предпочел сопротивлению бегство, и [Малик] 'Азиз передал власть в Дамаске Малик 'Адилу, а сам возвратился в Египет.

В 593 (1196-97) году отбыл из этого брэнного мира Сайф-алислам Тугтагин б. Наджмаддин Айуб, правитель Йемена. После его смерти государем в Йемене стал его сын Фатхаддин Исма'ил, которого именовали Малик Му'изз.

В 595 (1198-99) году умер в Египте Малик 'Азиз, и был он юношей в высшей степени учтивым и скромным, добродетельным и великодушным. После его кончины жители Египта [134] разделились на две части: одна желала [видеть] на троне сына 'Азиза по имени 'Али, названного [Малик] Мансуром, другая послала за Малик Афзалом и покорилась ему.

Правление Малик Афзала б. Салахаддин Йусуфа

Как выясняется из вышесказанного, Малик Афзал при жизни отца был правителем Дамаска. Когда же султан Салахаддин отбыл в потусторонний мир, брат его [Малик] 'Азиз вместе со своим дядей Малик 'Адилем трижды водил войска на Дамаск, отобрал у Малик Афзала то царство и пожаловал ему Сархад ²²⁷. Тот проживал в Сархаде, пока не умер Малик 'Азиз. Тогда он поспешил в Египет и несколько дней восседал (Букв. “опирался”.) на троне величия. Тем временем в Египет прибыл его дядя Малик 'Адил с войском, преисполненным отваги. Малик Афзалу и передал город Шамшат ²²⁸, и верховная власть в Египетской державе утвердилась за Малик 'Адилем. Малик /70/ Афзал отправился в Шамшат и жил там до конца дней своих. В 622 (1225) году он был принят под сень божественного милосердия. В историческом труде Йафи'и упоминается, что Малик Афзал обладал большою ученостью и совершенством. *Хадисы* он изучил у [известнейших] улемов своего времени и остроумием [своего] письма творил чудеса. В почитании и уважении обладателей мудрости соблюдал он обычай ревности и старания и в укреплении основ справедливости и милосердия не позволял себе небрежности [и нерадения]. Он был совершенным знатоком слога трактатов и депеш и имел способности к поэзии и стихосложению (Букв. “поднял знамя способности в стихах и стихосложении”).

В те времена, когда его брат [Малик] 'Азиз, называемый 'Усманом, и дядя [Малик] 'Адил, которого именовали Абу Бак-ром, отобрали у него вилайет Дамаска, он сочинил и послал халифу Насиру ²²⁹ следующие несколько бейтов. Стихотворение: [135]

Господин мой! Абу Бакр и его союзник 'Усман
С мечом [в руке] похитили права 'Али,

[Между тем] отец его дал ему власть над ними.
Пока был он у власти, дела были в порядке,

А они выступили против него и нарушили договор о его назначении,
Они разделили государство между собой, хотя только он имел право решения.

И посмотри, какая судьба постигла того человека
И как он страдал в конце из-за того, что предпринял в начале (Описывая известную историю 'Али, Малик Афзал имеет в виду свое положение).

Халиф Насир в ответ ему написал такие три бейта. Стихотворение:

Из твоего послания, о сын Йусуфа, мы убедились,
Что происхождение твое чистое.

'Али лишили его прав потому, что после смерти пророка
В Ясрибе не осталось никого, кто бы выступил его защитником.

Но ты радуйся, ибо скоро они получат по заслугам,
И жди, так как имам Насир благоволит тебе.

Везиром Малик Афзала был Насраллах б. Аби-л-Карам Зий'аддин Мухаммад б. 'Абдалкарим аш-Шайбани Джазири. Подобно своим братьям 'Изаддину 'Али и Мадждаддин Абу-с-Са'адату он получил известность [под именем] Ибн Асира /71/ Джазири ²³⁰. Ибн Асир во всех областях науки знаний превзошел ученых своего времени. К искусству высокого слога и составления трактатов являл он такую способность, что более того невозможно и представить. Родился и вырос он в Джези-рейи Ибн Умар. С раннего детства он удостоился счастья хранить в памяти слово всеведущего владыки (Коран.).

Говорят, сила его памяти была такова, что он знал наизусть весь диван Абу Таммама ²³¹, Бухтури ²³² и Мутанабби ²³³. [136]

В истории Иафи'и говорится со ссылкой на Ибн Халликана ²³⁴, что Ибн Асир, закончив учение, поспешил на службу к султану Салахаддину и привлек к себе милостивое внимание [государя]. При Малик Афзале к нему перешла должность везира. Ибн Асир совершенно независимо вершил то дело, пока [Малик] 'Азиз и [Малик] 'Адил не отобрали у Малик Афзала Дамаск. Тогда из страха перед теми двумя почитаемыми Ибн Асир укрылся в уединенном месте. Один из приближенных: Малика посадил его в сундук, закрыл сундук на замок, погрузил на верблюда и отвез из Дамаска в Египет. Там он исполнял обязанности наместника и везира при сыне [Малик] 'Азиза. Когда 'Адил завоевал Египет, Ибн Асир бежал оттуда в Алеппо. После нескольких дней, проведенных при Малик Захаре, он направился из Алеппо в Мосул, а из Мосула в Синджар ²³⁵. Затем [Ибн Асир] снова вернулся в Мосул и жил там до конца своих дней.

К сочинениям Ибн Асира, свидетельствующим о его высоком мастерстве, относится *Китаб ал-масал ас-са'ир фи адаб' ал-катиб ва-ш-ша'ир* — [это сочинение] содержит правила, [знание] которых обязательно для поэтов и стилистов. К творениям того достойного везира принадлежат *Китаб ал-ваши ал-маркум фи халл ал-манзум /72/* и *Китаб ал-ма'ани ал-мухта-ра'ат фи сана'ат ал-инша*

Умер [Ибн Асир] в 637 (1239-40) году, и был он моложе своих братьев 'Иззадина 'Али и Мадждаддин Абу-с-Са'адата.

Правление Малик 'Адила б. Наджмаддин Айуба

В истории Иафи'и говорится, что Малик 'Адил был наделен разумением и рассудительностью, а потому брат его Салахаддин Йусуф по ряду дел с ним советовался. [Малик 'Адил] имел большую склонность к дневному посту и ночным бдениям. В царствование брата он поднял знамя правления в некоторых городах Сирии, как то в Акре и Кераке. После смерти своего племянника Малик 'Азиза он завладел [137] государством Сирии и Египта, направив в город Руха ²³⁶ своего сына 'Азиза 'Али, почетное прозвище которого было [Малик] Мансур. Бразды правления той страной [Малик 'Адил] препоручил владетельной деснице своего сына Малик Камила. Управление Дамаском он передал своему другому сыну Малик Му'аззаму, Дезире пожаловал [третьему] сыну Малик Ашрафу и четвертому сыну Малик Авхаду, чье настоящее имя было Айуб, передал вилайет Ахлата ²³⁷. Затем он со спокойной душой воссел [на трон] в Египте, вознеся до орбиты Сатурна султанские стяги.

В месяце раджабе 598 (март 1202) года своими эмирами в Забиде был убит Малик Му'изз Исма'ил б. Сайфалислам Тугтагин б. Наджмаддин Айуб, который допустил в Йемене тиранию и отклонение от истинного пути, постоянно предавался винопитию и с претензией заявлял: “Моя родословная восходит к потомкам Омейядов”. На место отца утвердился сын его Малик Насир, который был еще ребенком.

/73/ Современником Малик Му'изза из числа ученых был Абу-л-Ганайим Муслим б. Махмуд Ширази, посвятивший [Малик Му'иззу] сочинение *'Аджаиб ал-асфар ва гараиб ал-ахбар*.

В 609 (1212-13) году умер правитель Ахлата Малик Авхад Айуб б. Малик 'Адил, чьими постоянными занятиями были, притеснения и кровопролитие. Власть он передал своему брату Малик Ашрафу. В 612 (1215-16) году Малик-'Адил удостоил [своего] внука Малик

Мас'уда б. Малик Камила верховной власти в вилайете Йемена и туда его направил. Когда Малик Мас'уд достиг границ того государства, знать и. благородные, следуя обычаю послушания, соблюли церемонии встречи и при [полном] счастье и преуспевании посадили на престол Йемена.

В 615 (1218-19) году Малик 'Адил с тысячью горестей оторвал свое сердце от этого мира воды и глины и попал в мир иной. В память [о себе] он оставил пятнадцать сыновей, из которых пятеро, [рожденные под] счастливой звездой, достигли степеней султанов, [а именно]: Камил, Му'аззам, Ашраф, Салих и Шихабдин Гази. [138]

Малик Ашраф Муса б. Малик 'Адил

В дни царствования Малик 'Адила сын его Малик Ашраф, чье [настоящее] имя было Муса, был занят правлением в городе Руха. Некоторое время спустя к нему перешла область Харрана ²³⁸; со смертью Малик Авхада повелению Ашрафа стал подвластен и Ахлат.

В 625 (1227-28) году умер Малик Му'аззам Шарафад-дин 'Иса, который поднял знамя султаната в Дамаске, и ему наследовал его сын Малик Насир, [настоящее] имя которого было Давуд. В 626 (1228-29) году Малик Камил отбыл из Египта, намереваясь подчинить Дамаск. /74/ На помощь брату выступил Малик Ашраф, и Малик Насир запросил мира. После обмена послами и посланиями порешили на том, что Малик Насир удовольствуется властью в Кераке, Шаубаке ²³⁹ и Набулусе, а Малик Ашраф, утвердившись на султанском троне в Дамаске, оставит Малик Камнлу Харран, Руху, Ракку ²⁴⁰ и Рас-ал-Айн ²⁴¹.

Тем временем Малик Камил возвратился в Египет, а Малик Ашраф удостоил Дамаск счастья [своего] славного прибытия и, занявшись улаживанием войска и подданных, вознес знамя правосудия. И был он государем в высшей степени мягкосердным и великодушным, возвышающим основы справедливости и сокрушающим устои тирании и гнета, весьма склонным к обществу благочестивых и мудрых и все свои щедроты распространяющим на обладателей знания и [духовных] совершенств. За время своего правления он основал в Дамаске *дар ал-хадис* ²⁴², поручив преподавание в том достойном заведении шейху Абу 'Умару б. Салаху.

Родился Малик Ашраф в 570 (1174-75) году и умер в 635 (1237-38) году. Эмиры и столпы державы после предварительного облачения в саван погребли его тело в крепости Дамаска. Некоторое время спустя его взяли из той гробницы и похоронили в мавзолее, построенном напротив соборной мечети. [139]

Малик Камил Мухаммад б. Малик 'Адил

Малик Камил был государем, наделенным великолепием могущества и благородством нрава, известным провозглашениями справедливости и благодеяний. Мягкость прекрасного его характера единодушно всеми восхвалялась (Букв, “была у всех на устах”), красота его рассудительности была очевидна для [самых] отдаленных и [самых] низких по положению. Твердо и неотступно следовал он путем, [начертанным] благородными законами пророка, и был неколебим в [своей] любви к укрепляющим [основы] высокой религии избранника господнего (Мухаммада.). В ночь на пятницу в достойном его меджлисе бывало полно ученых и просвещенных. /75/ [Собственную] драгоценную персоною дискутировал он с ними, обсуждая [те или иные] вопросы. В дни своей власти он задумал основать в Каире большую богословскую школу и над могилою его святости имама Шафи'и — да будет доволен им Аллах! — построил замечательной высоты мавзолей.

Еще при жизни отца Малик Камил занялся ведением дел областей Египта. После смерти Малик 'Адила в 615 (1218-19) году он обрел полную независимость и за короткое время покорил Хиджаз, Йемен и Сирию. *Хатибы* всякий раз, когда доходили до имени того высокодостоинного государя, провозглашали: “Властелин Мекки и рабов ее, Йемена и Забида его, Мисра и Верхнего Египта, Сирии и государей ее, Джебзире и сына ее, султан обеих *кибл* (Мекки и Иерусалима.), обладатель двух знамен, служитель при обеих почитаемых святынях (Мекки и Медины.), защитник веры, истинный друг повелителя правоверных”. Умер Малик Камил вечером в четверг 21 [дня] месяца раджаба 635 (9 марта 1238) года в крепости Дамаска, и прожил тот справедливый государь около сорока лет. [140]

Повествование о кончине государей Египта, Сирии и Йемена

В истории Иафи'и упоминается, что в 626 (1228-29) году умер в великой Мекке Малик Мас'уд Йусуф б. Малик Камил, который, следуя повелению своего деда, в 612 (1215-16) году двинул войска на Йемен, подчинил ту страну, затем завоевал города Хиджаза и [там] правил. Во время болезни он изволил завещать, чтобы из его имуществ ничего не тратили на его погребение и похороны, тело же его поручили одному из величайших праведников, шейху Садику, дабы тот похоронил его по закону, соблюдая сунну его святости прибежища пророчества — да благословит его Аллах /76/ и да приветствует!

Эмиры и столпы державы исполнили [его] последнюю волю, и шейх Садик сделал тому благочестивому государю саван из плаща и полотенца, с которыми тот совершал хаджж и посетил Мекку, и похоронил на мусульманском кладбище. Как было завещано, он повелел начертать на его гробнице: “Здесь погребен бедняк, нуждающийся в милости всевышнего Аллаха, — Йусуф б. Мухаммад б. Абу Бакр б. Айуб”.

Когда известие о смерти Малик Мас'уда дошло до Египта, Малик Камил, приведенный [этим] в крайнюю скорбь и уныние, исполнил обычаи поминовения. В 632 (1234-35) году умер начальник войск Малик Камила Саваб-Хадим, чья храбрость вошла в поговорки. Он оставил сто рабов, из которых некоторые [впоследствии] достигли степеней эмиров. В том же году отбыл в потусторонний мир Малик Захир б. Салахаддин Йусуф, прозванный Абу Сулайман Давудом, который: правил в крепости Вире ²⁴³. После его смерти той крепостью завладел сын Малик Захира Малик 'Азиз, племянник Малик Захира. В 633 (1235-36) году умер Малик Мухсин, сын султана Салахаддина. Он был весьма искусным знатоком *хадисов*, наук созерцательных и повествовательных (Автор имеет в виду философию и историю.) и являл беспредельную скромность и благочестие. [141]

В 634 (1236-37) году в Алеппо отбыл в потусторонний мир Малик Гийасаддин Мухаммад б. Малик Захир б. Салахаддин Йусуф, который в возрасте четырех лет воссел на трон правления после смерти своего отца Малик Захира. В 635 (1237-38) году в Дамаске умер Малик Ашраф, /77/ и его преемником стал его брат Малик Салих, чье [настоящее] имя было Исма'ил. Тогда Малик Камил двинул на Дамаск войска. Исма'ил укрепился в городе, и Малик Камил начал осаду. В конце концов между противниками было заключено перемирие.

Как уже было начертано пером повествования, по истечении двух месяцев, проведенных Малик Камиллом в Дамаске при [полном] счастье и благополучии, он заболел и прошествовал в потусторонний мир. Два дня смерть его держали в тайне, на третий день — в пятницу, до того, как *хатиб* взошел на кафедру, кто-то поднялся и сказал: “О Аллах! Смилуйся над Малик Камиллом и вечно держи тень султаната над Малик 'Адиллом!” Услышав эти слова, люди подняли крик, принялись стенать и плакать. Эмиры и столпы державы сочли разумным, дабы правителем в Дамаске на правах наместника Малик 'Адила,

сына Малик Камила, стал его племянник Музаффараддин Йунус. Затем они построили для Малика по соседству с пятничной мечетью усыпальницу и туда перевезли из крепости его тело.

Другие государи из той высокодостойной семьи и описание падения могущества и счастья того рода

В истории Йафи'и упоминается, что после смерти Малик Камила на султанский трон в Египте воссел его сын Малик 'Адил, а Малик Джавад стал его наместником в Дамаске. В 637 (1239-40) году эмиры и знатные Египта, ссылаясь на то, что он мал возрастом и не в состоянии справиться с делами верховной власти, поставили на царство его брата Малик Салиха, чье [настоящее] имя было Айуб. Малик 'Адила же посадили на носилки и увезли из эмирского дворца. Носилки окружил большой отряд воинов, /78/ его отвезли в крепость и [там] заточили. [142]

После заточения брата Малик Салих, [почитая себя] самодержавным [государем], возложил на свою голову царскую корону и милостивою десницею распростер над головами подданных ковер справедливости. Он благоустроил мечети и общепользные заведения и обходился (Букв. “жил, уживался”.) со всеми наилучшим, образом. Освободившись от [забот] по приведению в порядок Египетской державы, он повел войска на Дамаск, сместил Джавада с управления теми районами и передал ему пост эмира Александрии.

Усевшись на коня, он приказал Джаваду сделать несколько шагов у его стремени с попоною на плечах. Нанеся такую обиду, он раскаялся в содеянном и направился в Гаур ²⁴⁴, вызвав из Баалбека своего дядю Исма'ила, поименованного Малик Салихом. Исма'ил, не посчитав нужным изъявлять покорность [своему] племяннику, обратился за помощью к правителю Хомса Муджахиду и, уповая на его поддержку, неизвестным никому путем направился в Дамаск. Он неожиданно напал на тот город. Слуги и эмиры Малик Салиха [Айуба], как только услышали такую новость, оставили его и перешли на службу к Малик Салиху [Исма'илу].

Отряд воинов правителя Керака Малик Насира повстречался с Малик Салихом, те его тотчас схватили, отвезли к своему повелителю и заточили в крепости Керак. Когда это известие достигло слуха Малик 'Адила, который в отсутствие брата вышел из крепости и стал государем Египта, он направил к Малик Насиру гонца и обязался [уплатить] сто динаров, если тот ему передаст Малик Салиха. Малик Насир отказался и, присягнув на верность Малик Салиху, проводил [последнего] в Египет. По [их] прибытии к границам того государства эмиры Камила /79/ пожелали иметь государем Малик Салиха и вновь схватили Малик 'Адила и заточили в; крепость. Тем временем Малик Насир, доставив Малик Салиха в столицу Египта, возвратился в Керак.

В 638 (1240-41) году государь Дамаска Исма'ил по [своему] желанию оставил неверным франкам Шекиф. [143] 'Иззаддин-и 'Абдассалам ²⁴⁵ и Абу 'Амру б. ал-Хаджиб ²⁴⁶, что были: из числа улемов Сирии, решительно осудили его поведение. Исма'ил, разгневавшись, лишил 'Иззаддин-и 'Абдассалама места *хатиба* Дамаска и вместе с Абу 'Амру б. ал-Хаджибом отправил в тюрьму.

В 641 (1243-44) году в потусторонний мир направился; Малик Джавад, что в течение нескольких дней после смерти Малик Камила правил в Дамаске. В 645 (1247-48) году в заточении умер Малик 'Адил, сын Малик Камила. После него остался сын по имени 'Умар с почетным прозвищем Малик Мугис. После смерти отца его тоже заключили в. крепость.

Несколько раз после упомянутых событий происходили сражения между Малик Салих Айубом — правителем Египта, Малик Салих Исма'илом, что правил в Дамаске, и Малик: Насиром, который пребывал в Кераке. В большинстве случаев побежденным оказывался Исма'ил. В Дамаске началась чума, и значительно возросли цены.

В середине ша'бана 647 (ноябрь 1249) года в Мансуре ²⁴⁷ преставился Малик Салих Айуб, и Катайя, мамлюк Малик Салиха, по договоренности с другими эмирами в течение трех: месяцев держал его смерть в тайне. Они послали за его сыном: Малик Му'аззамом, который пребывал в одном из городов Сирии. Ко времени приезда Малик Му'аззама /80/ в Каир стало известно о смерти его отца, *хутба* и монета украсились его (Малик Му'аззама) почетным титулом.

В 648 (1250-51) году неверные франки напали на Египет, и Малик Му'аззам выступил им навстречу. На стоянке при Мансуре произошло великое сражение. Ветерок победы и торжества всколыхнул шелк знамен Му'аззама. Войска франков пустились в бегство, и семь тысяч из них пали жертвами безжалостных стрел. Король франков, захваченный и плененный десницей провидения, был заключен в крепости Майсура.

Тем временем Малик Му'аззама, который начал было проявлять резкость и горячность, схватили и убили рабы его отца, подняв против него бунт. Начальником войска они [144] поставили из своей среды 'Иззаддина Туркимани и подняли знамя возвращения из Мансуры в Каир. Король франков после уплаты выкупа в 500 тысяч динаров и передачи мусульманам города Дамиетты был освобожден.

Тем временем правитель Керака Малик Насир повел войско на Дамаск и покорил тот город. Затем он собрал войска Сирии и пошел на Египет. Эмиры Египта выступили ему навстречу. Встреча обеих сторон произошла возле стоянки Аббасийе, и поражение потерпели египтяне. Сирийцы вступили в Каир и провозгласили чтение *хутбы* и чекан монеты на имя Насира. 'Иззаддин и Катайя в сопровождении трехсот неустрашимых всадников из [числа] верных слуг бежали в сторону Сирии. В пути им встретился отряд из войска Малик Насира, что сопровождал его казну, барабан и знамя. Ударами мечей и секир они обратили [тот отряд] в бегство, захватив в плен наместника Насира Шамсаддина Лулу. Они погнали его как /81/ барана и убили. Барабан Малик Насира они разбили, а казну его пустили на ветер расхищения и грабежа. Затем, забыв об уважении, вместе с группой эмиров они захватили в плен сына султана Салахаддина Йусуфа, Малик Ашрафа Мусу б. 'Адила, который был правителем Хомса, и Малик Салих Исма'ила б. 'Адила, обстоятельства которого в нескольких словах упоминались выше, и всех убили.

Когда эти печальные известия дошли до Малик Насира, [он], будучи не в состоянии оставаться в Египте, решительно и бесповоротно дал развод невесте царствования и поспешил к границам Сирийского государства. Эти события произошли в 648 (1250-51) году, а в 649 (1251-52) году евнух, что от имени Малик Насира правил в Кераке, освободил из заточения Малик Мугис 'Умара б. Малик 'Адила б. Малик Камила и поставил на правление, пренебрегая обязанностями, налагаемыми на него благодеяниями Насира.

В 651 (1253-54) году скончался Малик Салахаддин б. Малик Захир б. Малик Салахаддин б. Наджмаддин Айуб, а в 652 (1254-55) году эмиры и знать Египта вознесли на султанство 'Иззаддина Туркимани — мамлюка Малик Салих Айуба — и наделили его почетным титулом — Малик Му'изз. И с того [145] времени снова верховная власть в Египте перешла к гулямам, а повеления рода Айуба потеряли силу в той стране. Сколь некоторые гулямы династии Айюбидов, что воссели в Египте на трон величия и власти после прекращения этого рода, были современниками султанов рода 'Усмана, они, вероятно, будут в

хронологическом порядке упомянуты в заключении, /82/ где с помощью повелителя обоих миров [мы опишем] события [времен] тех могущественных государей.

В 656 (1258) году распростился с этим бранным миром Малик Насир Давуд б. Му'аззам б. 'Адил, который из страха перед 'Иззадином каждый день менял место своего пребывания. И был он наделен нравом, [исполненным] чистосердечия, и непреклонным разумом. Некоторое время он занимался изучением наук и под руководством Муаййада Туей познакомился с *хадисами* (Букв, “от Муаййада Туей изволил слушать *хадисы*”). Он слагал замечательные стихи, оправляя алмазы размышлений драгоценными камнями красноречия. После нескольких лет правления Малик Мугис 'Умара б. 'Адила в Кераке в 662 (1263-64) году из Египта было направлено войско на завоевание той области. Малик Мугис укрепился в городе. Когда осада затянулась и дела его оказались в положении безвыходном, он запросил пощады и поспешил к султану Египта, где в тайне был умерщвлен.

После него ни один из потомков Наджмаддин Айуба не смог достигнуть степени султана: всемогущая десница самодержавного владыки царства — да возвеличится достоинство его! — свернула ковер правления той династии. Аллах делает то, что пожелает, и повелевает то, что ему угодно.

(пер. Е. И. Васильевой)

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

О великих правителях Курдистана, которые хотя и не претендовали на султанский титул и не стремились к восшествию на престол, но иногда читали хутбу и чеканили монету со своим именем

[Раздел] состоит из пяти глав

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О правителях Арделана

Рассказчики известий о правителях Курдистана и собиратели сведений об атабеках Луристана относительно происхождения правителей Арделана на скрижалях описания начертали [своим] двуязычным пером нижеследующее.

Среди племени гуран некоторое время проживал некий Баба Ардалан из рода правителей Диарбекира, [один] из внуков Ахмада б. Марвана, о котором говорилось выше /83/ и обстоятельства которого представляются с [совершенной] очевидностью. К концу правления чингизидских султанов он завоевал область Шахризура, ведомый рассудительностью к благими помыслами завладел той областью и стал независимым правителем. Провластвовав некоторое время, он с сожалением (Букв, “неохотно”) оторвал сердце от Шахризурского вилайета и направился в шахристан небытия. После его смерти правителем того вилайета стал его сын по имени Калул. Он тоже в назначенный судьбою срок, который не поддается ни упреждению, ни задержке, направился в потусторонний мир. После его ухода из этого преходящего мира за дело правления в том вилайете взялись его потомки в том порядке, как это упоминается [ниже]: 1. Хизр б. Калул, 2. Илийас б. Хизр, 3. Хизр [147] б. Илийас, 4. Хасан б. Хизр, 5. Баблу б. Хасан, 6. Мунзир б. Баблу.

Однако, поскольку история упомянутых [правителей] пишущему эти строки осталась неясной и ни от одного достойного доверия он не слышал ничего достоверного, он не стал на том останавливаться и [сразу] приступил к [описанию] истории тех представителей этой династии, о которых неоднократно довелось слышать от достойных доверия, [отмеченных] знаками святости, и постепенно удалось постигнуть истину. Некоторых он видел сам. А потому основную целью этого несовершенного сочинения является описание двуязычным пером сущности повествуемого без прибавления и без утайки, соблюдая лаконичность стиля и избегая различных несостоятельных версий, отвергаемых рассудительными. Мир тому, кто следует правильным путем!

Мамун б. Мунзир б. Баблу б. Хасан б. Хизр б. /84/ Илийас б. Хизр б. Калул б. Баба Ардалан

После смерти отца он стал правителем и на протяжении долгого времени занимал эмирский трон, независимо управляя той страной. Затем он отправился в потусторонний мир, оставив после себя трех сыновей: 1. Бига-бека, 2. Сурхаб-бека, 3. Мухаммад-бека.

Бига-бек б. Мамун-бек

Когда его отец оставил этот бранный мир, он стал правителем отцовского вилайета, однако еще при жизни отца наследственные владения были разделены между сыновьями. У Бига-бека остались районы Зальм ²⁴⁸, Тагсу ²⁴⁹, Шемиран ²⁵⁰, Хавар ²⁵¹, Симан ²⁵², Равдан ²⁵³ и Гуламбар ²⁵⁴, остальные области принадлежали его братьям, обстоятельства которых будут упомянуты ниже. После сорока двух лет правления Бига-бек переселился из этого бранныго мира в мир вечности, оставив в память о себе двух сыновей: Исма'ила и Мамуна. [148]

Мамун-бек б. Бига-бек

Когда в соответствии с дарованиями он занял отцовский трон правления и миновал целый год его власти, султан Сулайман-хан — [да пребудет] над ним милосердие и всепрощение [господне]! — поручил правителю Имадии Султан Хусайн-беку с несколькими эмирами Курдистана завоевать вилайет Шахризур. Султан Хусайн-бек, следуя непререкаемому, как судьба, повелению, направился на завоевание того вилайета. Он осадил Мамун-бека в крепости Зальм и после многих усилий заставил Мамун-бека с миром оставить крепость и направил его к сулайманову порогу.

Мамун-бек был заточен [в тюрьму], и его дядя Сурхаб присоединил его область к своим владениям, к которым относились Туй ²⁵⁵, Машиле ²⁵⁶, Мариван ²⁵⁷, Тануре ²⁵⁸, Калус, Ншекас ²⁵⁹, и /85/ выразил покорность двору шаха Тахмасба. Когда стало известно султану Сулайман-хану о невинности Мамун-бека, он освободил его из заточения и пожаловал ему в пожизненное владение округ Хилле ²⁶⁰, относящийся к стольному городу Багдаду. Поныне, то есть до 1005 (1596-97) года, упомянутый округ находится во владении Мамун-бека, который уже в течение определенного времени в радости и довольстве единоначально вершит дело правления.

Округ Саруджик ²⁶¹ диваном рода 'Усмана был передан его брату Исма'ил-беку и некоторое время находился у него во владении. Затем [последний] отбыл в потусторонний мир.

Сурхаб-бек б. Мамун-бек

Как явствует из вышеизложенного, после ареста своего племянника Мамун-бека Сурхаб-бек воссел на правление в Шахризуре и Зальме и стал независимым властителем. Он завладел долей своего второго брата Мухаммад-бека и присоединил ее к своим

наследственным владениям, пока в 956 (1549) году брат шаха Тахмасба Алкас-мирза ²⁶², желая добиться верховной власти, не обратился к покровительству двора султана Сулайман-хана. Некоторое время спустя из-за [149] ряда [допущенных им] проступков он стал опасаться упомянутого государя и обратился к посредничеству Сурхаб-бека, дабы [тот] передал шаху Тахмасбу его извинения и наладил их отношения таким образом, чтобы шах Тахмасб на прежних условиях предоставил ему вилайет Ширвана и впредь не чинил ему никакого беспокойства.

Когда Сурхаб доложил об этом у подножия шахского трона, шах Тахмасб почел это известие великой радостью и: послал за Алкас-мирзой Шах Ни'маталлаха Кухистани /86/ с несколькими эмирами и знатными. Эмиры и знатные, следуя приказанию, отправились и доставили Алкас-мирзу к подножию шахского трона.

Немедленно последовал указ об его аресте, его отвезли в крепость Кахкахе ²⁶³ и заточили. Год спустя на основании государева повеления его убили, скинув с крепости. В награду за эту добрую услугу шах Тахмасб назначил Сурхабу из монаршей казны ежегодно около тысячи туманов. И пока тот был жив, ему выплачивалась упомянутая сумма исправно. Прожил [Сурхаб-бек] долго и следовал в [отношениях] с шахом Тахмасбом путем искренней преданности. Правил он в продолжение 67 лет и затем переселился в мир небытия. На страницах судьбы в память о себе он оставил одиннадцать сыновей, [рожденных под] счастливой звездой: 1. Хасана, 2. Искандара, 3. Султан 'Али, 4. Иа'куба, 5. Бахрама, 6. Басата, 7. Зулфикара, 8. Асилмаша, 9. Шахсуара, 10. Сару и 11. Касима.

Мухаммад-бек б. Мамун-бек

После смерти отца он воссел на управление Саруджиком, Каратагом ²⁶⁴, Шахрбазаром ²⁶⁵, Аланом ²⁶⁶ и Деемхераном ²⁶⁷, что составляли его долю, и, поддерживаемый великим везиром Рустам-пашой ²⁶⁸, отправился к порогу султана Сулайман-хана, требуя наследственную власть. [Тогда] эмир эмиров Багдада 'Усман-паша и эмиры Курдистана получили указание завоевать вилайет Арделана. Упомянутые эмиры, следуя непререкаемому, как судьба, [150] по велению, подошли к названному вилайету и приступили к осаде крепости Зальм — самой могучей крепости в вилайете, которая соперничает по прочности и неприступности с цитаделью Сатурна. Осада продолжалась два года. По воле случая Мухаммад-бек был убит из ружья /87/ и повержен во прах уничтожения. Кроме того, к осажденным подоспело подкрепление от шаха Тахмасба. 'Усман-паша прекратил осаду и направился в Шахризур, где в назначенный судьбою срок распрощался с бранным миром и отбыл в обитель постоянства. Тем временем осажденные оставили крепость Зальм и пустились в бегство (**Букв, “с призывами к бегству”**).

В 969 (1561-62) году Мухаммад-паша балтаджи ²⁶⁹ счел момент подходящим, устремился в крепость и подчинил красотою благоразумия и благих помыслов остальные крепости и округа того вилайета тоже. Отныне область Шахризур вошла в богом хранимые владения монарха и составила часть приобретений Османской династии.

Султан 'Али б. Сурхаб

После смерти отца он стал правителем Арделана. Когда миновало три года его власти, секретарь канцелярии судьбы и предопределения свернул свиток его жизни. После него осталось два малолетних сына — Тимур-хан и Халу-хан. Конец их истории, если на то будет воля божья, будет описан в соответствии с тем, что довелось узнать пишущему эти строки.

Басат-бек б. Сурхаб

Когда умер его брат, он украсил себя ожерельем правителя Арделана и весьма упрочил свою власть. Сыновья Султан 'Али-бека, что приходились внуками Манташа-султану устаджлу (Букв, “были рождены дочерью Манташа”), прибегли к покровительству двора шаха Исма'ила второго, желая добиться наследственной власти. [151] После смерти шаха Исма'ила Тимур-хан, старший сын Султан 'Али, принялся рукою дерзости грабить и разорять владения Басат-султана и, пока Басат-султан не отбыл в потусторонний мир, между ними оставалась вражда и неприязнь.

/88/ Тимур-хан б. Султан 'Али

После того как ковер власти Басат-султана (Игра слов: собственное имя Басат означает “ковер”) был свернут, управление Арделаном взял на себя его племянник Тимур-хан. В 988 (1580-81) году он изъявил покорность двору властелина мира покойного султана Мурад-хана, и в знак высочайшего благоволения ему было пожаловано сто тысяч османских акче с августейших доменов, относящихся к Шах-ризуру. Его старшему сыну Султан 'Али были препоручены и дарованы на правах *санджака* Сенне, Хасанабад ²⁷⁰ и Кызыл-дже-кале ²⁷¹, [другому] сыну Будаку — Каратаг, [третьему] сыну Мураду — Мариван и самому младшему — Шахрбазар. От страны кызылбашей к его владениям также отошел Динавер, его включили в число великих *мир-и миран* османской династии, и стал он именоваться Тимур-хан-пашой.

Под конец от непомерной сатанинской гордости и большого тщеславия он возжаждал султанского титула и становился то на сторону Рума, то на сторону кызылбашей (Букв, “был то румийцем, то кызылбашей”). Неизменно соседним эмирам и правителям он чинил [всевозможные] обиды и враждовал с ними. Протянув из рукава решимости руку завоевания, он грабил и разорял их владения, пока не вознамерился устроить набег на вилайет сына 'Умар-бека Калхура. Правитель Курдистана (Может быть, Луристана?) Шахвирди выступил на помощь сыну 'Умар-бека и, объединившись, [они] перерезали ему путь. Когда, разорив вилайет Калхор, он цел и невредим возвращался обратно, они выступили из засады и перебили большую часть его эмиров и знати. Тимур-хана они схватили в местечке под названием Хоср ²⁷². Несколько дней [152] его продержали в заточении, потом смилостивились и освободили. Но это /89/ не послужило ему уроком. Двустышие:

Если уж засел в ком злой нрав,
То не оставит его до дня смерти.

Снова он устремил свои помыслы на завоевание округа Зарин-Камар и относящихся к нему [районов], которые были пожалованы кызылбашским диваном Даулат-Йар-султану сийахмансуру. Между ними произошли столкновения и стычки. В 998 (1589-90) году Тимур-хан был убит, его место заступил брат его Халу-хан.

Халу-хан б. Султан 'Али б. Сурхаб

Вместо брата взявшись за дело управления Арделаном, он изъявил покорность и послушание двору государя — прибежища всепрощения с достоинствами Джама султана Мурад-хана — [да пребудет] над ним милосердие и благословение господне! [В отношениях] с кызылбашскими государями он следовал также путем учтивости и смирения и добился власти столь независимой и неограниченной, что невозможно и описать. И ныне, в 1005 (1596-97) году, он самодержавно и безраздельно правит в тех районах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О правителях Хаккари, которые известны [под именем] Шамбо

Да не останется за завесою неясности перед сияющим всепроникновенным разумом искусных знатоков слова и живописующей мыслью чистых помыслами мудрецов предание, согласно которому достойная генеалогия правителей Хаккари восходит к аббасидским халифам. Но поскольку никто с точностью не определил, к которому из халифов их родословная восходит, поводья грациозного скакуна — [нашего] пера [153] повернулись в сторону от описания связей этой уважаемой династии с великими славными халифами.

Поистине этот высокодостоинный род славится среди правителей Курдистана высоким происхождением и знатной родословной и известен достойными одобрения деяниями и поступками. Великие султаны и благородные хаканы неизменно /90/ осыпали их [своими] милостями и щедротами и не посягали на их владения. И если случалось, что некоторые государи захватывали их вилайет, завладев им, они вновь передавали его им на правах мультка.

Так, автор исторического труда *Зафар-наме* Мавлана Шарафаддин 'Али Иазди писал, что в 787 (1385-86) году эмир Тимур Гурган, подчинив крепость Баязид, направился к Вану и Востану. Правитель Хаккари 'Изаддин Шир, который был *вали* вилайета, засел в Ванской крепости и, устремив все свои помыслы на оказание отпора эмиру Тимуру, приготовился к битве и сражению.

Эмир Тимур немедленно окружил со всех сторон Ванскую крепость, и дела осажденных пришли в стесненное состояние. Когда 'Изаддин Шир убедился, что не в состоянии устоять пред мощью Сахиб-Кирана (**Букв, “обладателя счастливого сочетания звезд” — обычное у мусульманских хронистов прозвание Тимура.**), он два дня спустя смиренно оставил крепость и удостоился лобызания порога могущественного Сахиб-Кирана, ибо сказано — стихотворение:

Каждый, кто схватился с могучим,
Причинил боль своему серебряному предплечью.

[Между тем] некий Насираддин из приближенных ['Изаддина] убрал голову из ошейника послушания и повиновения Тимуру, закрыл ворота Ванской крепости и приготовился к битве и сражению. Когда таким образом прошло двадцать семь дней, испытанные в боях храбрецы и богатыри — покорители крепостей — силою и натиском завладели той крепостью, неприступной как Сатурн, и большую часть ее защитников [154] перерезали острыми саблями и жаждущими крови кинжалами.

Один из просвещенных составил такого рода хронограмму взятия Ванна — стихотворение: Месяц знамени государя, который мечом покорил Иран,

Достиг пределов Сатурна.
/91/ Если опросят тебя о времени взятия Вана,
Скажи: “Ки Ван (Или “Кайван”) бигирифт” 273.

После завоевания крепости эмир Тимур поручил эмиру Йадгару Андхуди разрушить ее. Поскольку упомянутая крепость принадлежит к постройкам Шаддада, сына 'Ада, а каменные глыбы, заложенные в ее стенах, не встречались ни в одном строении, какие невообразимые старания ни прикладывали, чтобы разрушить [крепость], из того ничего не получилось. В конце концов, удовольствовавшись незначительными повреждениями, войска Тимура двинулись к Хою и Салмасу 274.

Когда месяц [государева] дворца, которому служит основанием небесная сфера, и купол [монаршего] шатра, соприкасающегося с небесами, достигли апогея солнца и луны в долине Салмаса, эмир Тимур явил 'Изаддину благоволение, пожаловав ему на правах мультка его 'наследственный удел. Удостоилась издания скрепленная печатью Тимура грамота на правление, и ['Изаддину] разрешили уехать.

В 824 (1421) году сопутствуемым удачей и беспредельным счастьем малику Мухаммаду б. малику 'Изаддину и *вали* Бидлиса и Ахлата эмиру Шамсаддину посчастливилось облобызать ковер сына эмира Тимура Гургана — Мирза Шах-руха. Они были осыпаны монаршими милостями и бесчисленными государевыми щедротами и получили новые грамоты на правление. Мирза Шахрух до того, как завязалась у него кровавая битва с сыновьями эмира Кара Йусуфа туркimana в окрестностях Алашкерта ²⁷⁵, пожаловал им разрешение на отъезд в свои владения. [155]

В их семье хранится также грамота на правление от чингизидских султанов, [написанная] уйгурским письмом, /92/ которую довелось видеть пишущему эти строки. Словом, неизменно высокодостойные государи в оказании им милостей и благодеяний не упускали [ни одну из] мелочей и даровали им в собственность их вилайет.

[Теперь] с помощью всевышнего Аллаха приступим к описанию обстоятельств [жизни] тех [представителей] этого рода, которые успешно осуществляли управление.

Асададдин б. Гулаби б. 'Имададдин

Составителю [этих] листов неоднократно доводилось слышать от достойных доверия и отмеченных святостью, что один из потомков правителей Хаккари Асададдин б. Гулаби, превратностями судьбы заброшенный в области Египта, избрал служение черкесским султанам. Не раз в священной войне с порочными неверными он являл доказательства мужества и героизма. По воле случая в одном из сражений он потерял руку. Государь того времени взамен [утраченной] повелел ему сделать руку из золота и прикрепил на место его руки. Являя ему беспредельные милости и благодеяния, он поименовал его Асададдин Златорукий.

Когда за дела правления в Иране взялся Хасан-бек Ак-Койунлу, он обнаружил неприязнь к правителям Курдистана и направил Суфи Халила и 'Арабшах-бека ²⁷⁶, что принадлежали к верховным туркменским эмирам Ак-Койунлу, на завоевание вилайета Хаккари. Суфи Халил некоторое время выжидал удобного случая. Однажды такой случай представился, и он напал на правителя Хаккари. По воле судьбы то произошло в среду, и сколько ни докладывали охранители границ и путей о прибытии вражеского войска 'Изаддин Ширу, который в то время был правителем тех областей, [он] отвечал: “Сегодня среда, а это не [подобающий] день для споров, и война с врагом не будет удачной”. /93/ Доброжелатели и [156] советчики сколько ни уговаривали его [начать] военные действия, — все было бесполезно. Суфи Халил и 'Арабшах-бек напали на него и убили. Они стали хозяевами всего вилайета Хаккари, [который] забрали из их (Имеются в виду курдские правители Хаккари.) владетельной десницы. Охрану и защиту, оберегание и управление того вилайета поручили заботам аширата думбули, и некоторое время вилайет Хаккари пребывал во владении у аширата думбули от имени [династии] Ак-Койунлу.

[Между тем] группа раййатов округа Диз ²⁷⁷ из христиан-неверных, которых называют асури ²⁷⁸, — они по заведенному обычаю отправились в Египет и в Сирию, чтобы заняться там ремеслом и торговлей, — узрев образ действий Асададдина Златорукого, промеж себя принимают такое решение: “Этот человек достоин управления Хаккари. Следует его

заманить в вилайет Хаккари и поставить там на правление”. После принятия решения они доложили об этих планах Асададдину, он тоже соглашается и направляется в сопровождении нескольких ассирийцев в наследственный вилайет. Некоторое время он скрывается среди ассирийцев, выжидая удобного случая.

У неверных того округа был такой обычай — в субботу, освободившись от своих дел и забот, они носили в крепость Диз запасы топлива и всего необходимого. [И вот] в субботу в одну из благословенных ночей обычным путем они направляют Асададдина с группой храбрецов аширата в крепость, облачив их в одеяние неверных и привязав к спинам спрятанное в [вязанках] сена и топлива оружие. Как только все вошли в крепость, фураж /94/ и топливо были отброшены, и мстительные, как Марс, герои обрушили алчущие крови мечи на обитателей крепости. Некоторых из племени думбули ударами безжалостных кинжалов они повергли во прах погибели, а других отправили на тот свет стрелами, отравленными ядом уничтожения.

Словом, отмеченные доблестью богатыри сиянием зеркалоподобного меча очистили внутренность крепости от злосчастных врагов, подобно потрохам целомудренных [157] отшельников, сердцам друзей [господа, допущенных] за завесу сокрытого, и груди размышляющих о святом стихе: “И, когда наступали зори, они просили прощения” (Коран, сура 51, стих 18). До внимательного слуха близких и далеких они донесли звуки [святых слов]: “Возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума” (Коран, сура 59, стих 2.), и вновь вознесли до апогея луны и солнца над крепостью Диз шатры величия [цвета] Аббасидов.

Асададдин день за днем очистил тот вилайет от присутствия врагов и сменил паласы (Грубая шерстяная одежда дервишей.) скорби [своего] войска на одеяние [цвета] Аббасидов. На основе этого удивительного предания язык времени сочинил такое чудо стихосложения — стихотворение:

В субботу, когда храм солнцепоклонников
Разбил свои шатры во мраке Аббасидов (Г. е. “когда взошло солнце”).

Он рассеял сборища врагов
И спокойно развернул ковер наслаждений.

Во второй раз правители Хаккари пришли к власти, как уже упоминалось, в субботу. Субботу на языке того народа называют “шамбо”, а потому они получили известность как правители Шамбо. После некоторого времени управления и руководства племенем хаккари Асададдин убрал руки от подола брэнного мира, ухватился за воротник мира вечного и отбыл в обитель бессмертия. Стихотворение:

Где к [небесному] куполу вознесло вершину дерево благоденствия,
Которое в конце концов /95/ не вырвал бы с корнем холодный ветер смерти?

Малик 'Изаддин Шир б. Асададдин Златорукий

После смерти отца он взялся за дела правления, и в продолжение некоторого времени власть над теми районами [158] принадлежала ему. В конце концов в назначенный [судьбою] срок он отправился в потусторонний мир. И был он человеком замечательной справедливости, благих деяний, добродетельного нрава и [пользовался] большим уважением.

Захид-бек б. 'Изаддин Шир

Когда умер его отец, он стал независимым правителем, его правление продолжалось около шестидесяти лет. Безраздельно владея в том вилайете, он изъявил покорность шаху Исма'илу Сафави и удостоился государева благоволения. [В знак] безграничной монаршей милости ему была пожалована грамота на наследственную власть. Иногда [государь] обращался к нему, называя дядей; любовь и взаимопонимание, доверие и упование между ними достигли самой высокой степени.

После [Захид-бека] осталось два сына, рожденных под, счастливой звездой: Малик-бек и Саййид Мухаммад-бек. Под конец дней своих он разделил свои владения между сыновьями и отбыл в мир постоянства.

Малик-бек б. Захид-бек

Вместо отца он утвердился на правление в крепости Бай ²⁷⁹ и в отношении подданных являл совершенство правосудия и справедливости. Было у него семь сыновей, преисполненных чистоты: 1. Зайнал-бек, 2. Байандур-бек, 3. Будаг-бек, 4. Байазид-бек, 5. Хусайн-бек, 6. Баха'аддин-бек и 7. Рустам-бек. Среди них Рустам-бек еще при жизни отца был занят управлением и попечительством округа Кеваш ²⁸⁰ и крепости Ахтамар ²⁸¹. В результате споров, которые у него возникли с аширатом рузаки из-за округа Кеваш, он был убит. Зайнал-бек в сговоре с Махмуд-ага Салаби — начальником крепости Бай — и знатью /96/ аширата выступил против отца и завладел крепостью Бай. После сражения отец был схвачен сыном, и Зайнал-бек вознамерился убить отца. [159] Потом он раздумал убивать его и решил лишить отца зрения. В конце концов стараниями другого своего сына Хусайн-бека тот был освобожден из той кровавой пучины. [Малик-бек] бежал и укрылся у своего брата Саййид Мухаммад-бека, который был правителем Востана, но там тоже не остался и отправился к правителю Бидлиса Шараф-беку. Шараф-бек постарался оказать ему предельное уважение и не оставил без внимания ничтожнейшую из мелочей почитания.

После своего дяди Саййид Мухаммада правителем вилайета Хаккари стал его старший сын Зайнал-бек, [который пользовался] полной независимостью. Его обстоятельства будут подробно описаны ниже. Дела же других его сыновей обстояли таким образом, как мы сейчас поведаем.

Его сын по имени Байандур-бек бежал на службу к шаху Тахмасбу, но там тоже не нашел большого [к себе] внимания и покровительства, возвратился обратно и в положенный судьбою срок умер. После него осталось три сына: Захид-бек, Мухаммад-бек и Хадджи-бек.

Другой сын [Малик-бека] по имени Будаг-бек отправился в паломничество в Мекку и по пути умер. После него осталось два сына: эмир 'Азиз и Султан Хусайн.

[Четвертый] сын [Малик-бека] Байазид-бек принадлежал к числу владетелей *зи'аматов* ²⁸² в Диарбекире. Он принимал участие в походе *сардара* Мустафа-паши ²⁸³ на Ширван и был захвачен кызылбашскими эмирами в битве при Чилдыре ²⁸⁴. В Казвине он был представлен шаху Султан Мухаммаду, и на основании приказа шаха Султан Мухаммада его передали в руки /97/ племянника Захид-бека, который его убил.

Его сын Хусайн-бек некоторое время управлял Албаком ²⁸⁵. В конце концов в положенный судьбою срок он преставился. После него остался один сын по имени Исма'ил.

[Что же касается] его другого сына по имени Баха'аддин, то обстоятельства его будут пояснены при описании событий [времени правления] Зайнал-бека, если того захочет всевышний Аллах. [160]

Саййид Мухаммад б. Захид-бек

Благодаря помощи и поддержке аширата пеньянеши ²⁸⁶ он одержал победу над своим племянником Зайнал-беком, изгнал его из вилайета Хаккари и забрал в свои руки весь наследственный вилайет. Зайнал-бек обратился за покровительством к правителю Имадии Султан Хусайн-беку и, [уповая на] прошение и содействие Султан Хусайн-бека, направился к небесноподобному двору султана Сулайман-хана. Везир [того] времени Рустам-паша, возымев к нему расположение, сказал: “Прежде чем явиться сюда, ты, покинув родные места из-за бесчинств двоюродных братьев, отправился в Азербайджан и изъявил покорность шаху Тахмасбу, а потому твой переход [на нашу сторону] вызывает опасения. Если же ты из кызылбашских пределов доставишь сюда свою семью и детей, [мы] полностью успокоимся на твой счет и тебе высокой монаршей милостью будет пожаловано управление Хаккари”.

Зайнал-бек принял эти слова во внимание и направился от сулайманова порога в вилайет Хаккари с намерением привезти семью. В пути ему пришлось проезжать вилайетом Бохти. Правитель Джебзире Бадр-бек, побуждаемый старинною враждою, которая у него была с племенем хаккари, а также дружбою с Саййид Мухаммадом, который был его благодетелем, послал несколько вооруженных храбрецов на путь следования Зайнал-бека. После сражения и схватки /98/ сборище [из племени] бохти низвергло Зайнал-бека и его товарищей во прах смерти. Его спутников они обезглавили, а его голову из уважения [к нему] отрезать не стали и оставили на месте.

Когда головы убитых были доставлены Бадр-беку, он, не увидев среди них головы Зайнал-бека, спросил, что с ним. Сказали: “Раненный нашими стрелами и копьями, он пал бездыханным. Из уважения к его старшинству мы его не обезглавили”. Когда эти известия распространились в Джебзире и дошли до слуха жены Бадр-бека, она попросила своего мужа, чтобы тело Зайнал-бека доставили в город и похоронили, облачив в саван согласно законам мухаммаданской веры. [161]

С согласия хатун (Букв, “женщины”, “госпожи”.) [Бадр-бек] поручил нескольким слугам привезти носилки с его телом. Посланные путем поспешания прибыли к убитым и, обнаружив в Зайнал-беке ничтожные остатки жизни, полумертвого его забрали и направились в Джебзире. Когда известие о том, что он остался в живых, дошло до слуха хатун, она определила для него несколько лекарей и назначила под своим личным наблюдением лекарства, еду, напитки и все необходимое, в чем нуждался тот немощный больной. Хотя Бадр-бек прилагал все старания, чтобы его убить, он не смог [этого сделать]. Хатун, непрестанно докучая ему просьбами освободить его, водою совета и увещания умирала пламя гнева мужа и покрыла бальзамом покоя рану души того несчастного. Когда всеславный и всевышний бог пожаловал ему скорое исцеление, хатун отправила его со всеми возможными почестями и знаками внимания в его вилайет, и Зайнал-бек цел и невредим прибыл в область Хаккари. События конца его жизни и сыновей его будут описаны немного ниже.

/99/ Когда Саййид Мухаммад окончательно утвердился на власть, эмир эмиров Вана Искандар-паша ²⁸⁷, обнаруживая свое к нему нерасположение, возле высокого порога просил [даровать] управление Хаккари Зайнал-беку. [В ответ на просьбу] вышел высочайший указ, дабы он убил Саййид Мухаммада при любом удобном случае, который

ему представится, а управление Хаккари передал Зайнал-беку. Искандар-паша послал за Саййид Мухаммадом и предложил ему приехать в Ван. Тот, со своей стороны осведомленный об этом плане, направился на встречу с пашой в Ван в сопровождении многочисленного отряда. Ссылаясь на то что в Ване появились признаки холеры и чумы, [он заявил], что не может войти в город. “Вот если сиятельный паша явит милость и возьмет на себя труд назначить место для встречи вне города — это послужит умножению многочисленных щедрот его чести”. Искандар-паша был вынужден выехать из Вана и встретиться [162] с ним в назначенном месте. Саййид Мухаммад после встречи с пашой немедленно возвратился в Востан ²⁸⁸.

Уверовав, что ему не угрожает вероломство Искандар-паши, он отпустил своих людей и несколько дней спокойно и без забот провел в Востане. Осведомленный о его действиях, Искандар-паша послал к нему начальника ванских гулямов и известил его: “Со стороны кызылбашей поступили тревожные вести, вам нужно спешно ехать в Ван”. Начальника гулямов он предупредил, что он должен доставить его в Ван во что бы то ни стало. Когда начальник гулямов отправился в Востан, как Саййид Мухаммад ни медлил с отъездом, все было бесполезно /100/ — тот насильно забрал его [с собой] и доставил в Ван. Искандар-паша заключил Саййид Мухаммада в тюрьму.

Его сын Йа'куб-бек бежал в свой вилайет, намереваясь [забрать] власть [в свои руки]. Искандар-паша послал вслед за Йа'куб-беком вместе с отрядом гулямов Хасан-бека махмуди, который был виновником всех этих происшествий. Йа'куб-бек, узнав о прибытии войска, укрылся среди аширата пеньянеши, надеясь с помощью Шах Кули блилана стать правителем Хаккари.

Поскольку Шах Кули и Хасан-бек махмуди в отношениях друг к другу твердо держались пути согласия и единства, они выступали заодно в деле искоренения и уничтожения семьи Саййид Мухаммада. [Шах Кули], предав забвению обязанности, [налагаемые на него] старинной службой, передал Хасан-беку сына своего благодетеля и вместе с ним отправился в Ван. Искандар-паша казнил Саййид Мухаммада и Йа'куб-бека и назначил на правление в Хаккари Зайнал-бека. После Йа'куб-бека осталось три сына: Улама, Султан Ахмад и Мирза. Хотя Улама-беку и не досталось доли из наследственного вилайета, диваном покойного султана Мурад-хана ему было передано управление Хоем, и в течение нескольких лет он владел им на права *санджака*. Под конец он был смещен и направился к высокому двору. В стольном городе Стамбуле вместе со своим сыном он пустил дорожную жизнь на ветер разрушения и отбыл в мир иной. [163]

Зайнал-бек б. Малик-бек

Выше упоминалось, что Зайнал-бек несколько раз враждовал с отцом и бунтовал [против него] и некоторое время был в ссоре со своим дядей, пока с ним не случились события, выше нами описанные. Жена правителя Джезире /101/ спасла его из той беды и отослала в районы Хаккари. Начиная с того дня он был занят подготовкой к поездке в Стамбул, как вдруг прослышал о смещении великого везира Рустам-паши и потерял всякую надежду на отъезд. У него не осталось ни возможностей возвратиться, ни сил обосноваться в тех районах и жить. Он был вынужден бежать и направился к порогу шаха Тахмасба.

Шах Тахмасб из уважения к памяти Саййид Мухаммада большого благоволения к нему не проявил, и тот некоторое время скитался расстроенный и униженный, пока в стране кызылбашей не стало известно о назначении Рустам-паши на пост везира, который вторично ему был передан султаном Сулайман-ханом. [Тогда] Зайнал-бек отбыл из тех мест, желая облобызать сулайманов порог. Везир Рустам-паша тоже не стал Зайнал-беком

долго заниматься и, определив ему из содержания один *зи'амат* в вилайете Боснии, относящемся к Румелии, отправил в те районы.

После взятия Ванской крепости Искандар-паша убил правителя Хаккари Саййид Мухаммада, заподозрив в нем пособника и единомышленника шахского сына Султан Мустафы²⁸⁹ — якобы Саййид Мухаммад стал посредником между ним и шахом Тахмасбом, и по ряду других причин, выше упомянутых. Рустам-паша был смещен с должности везира, и Искандар-паша представил Зайнал-бека Сулайману с расчетом получить для него пост правителя Хаккари. Из Румелии он доставил его в Ван. Искандар-паша послал [его] к кызылбашской границе для разведывания. В округе Салмас он случайно встретился со своим братом Байандур-беком, который прибыл тоже как лазутчик кызылбашей, и между ними произошло сражение. /102/ В конце концов он разбил Байандур-бека, захватил нескольких его соратников и доставил [их] к Искандар-паше. [164]

Это событие способствовало продвижению Зайнал-бека. Упомянутый паша засвидетельствовал у подножия трона халифата — резиденции монарха — преданность и верность Зайнал-бека, испросил для него должность правителя Хаккари, а Саййид Мухаммада предложил казнить. И вышел сулайманов указ об убийстве Саййид Мухаммада и передаче княжества Хаккари Зайнал-беку. [Последний] согласно указу независимо управлял теми районами, и правление его продолжалось около сорока лет.

Несколько раз власть в упомянутом вилайете переходила к его брату Баха'аддин-беку, но в конце концов [последний] погиб от руки Зайнал-бека и его сына Саййиди-хана, и должность правителя безраздельно утвердилась за ним. У него было четыре преисполненных добродетелей сына: Захид-бек, Саййиди-хан, Закарийа-бек и Ибрахим-бек.

Захид-бек неоднократно выступал против отца, пока на основании непререкаемого, как судьба, указа его не выслали в Боснию на место отца. Зайнал-бек добровольно отказался от поста правителя Хаккари в пользу другого своего сына Саййиди-хана и получил на его имя у подножия трона — резиденции халифата — грамоту на правление. Но Саййиди-хан в расцвете юности и весны жизни упал с коня и вручил душу творцу вселенной. Зайнал-бек поставил в грамоте на правление имя другого своего сына Закарийа-бека, отказав Ибрахим-беку округ Албак на правах *санджасака*.

В 993 (1585) году, когда великий везир 'Усман-паша по повелению султана Мурад-хана был назначен на завоевание и покорение Азербайджана, /103/ на имя Зайнал-бека был составлен и отослан августейший приказ, дабы тот занялся разорением и грабежом страны кызылбашей. Случилось так, что тем временем шах Султан Мухаммад со своим сыном Султан Хамза-мирзой пребывал в Тебризе. Известие о прибытии Зайнал-бека в округ Маранд²⁹⁰ дошло до слуха шаха и шахского сына и против него были направлены эмиры и *курчи*²⁹¹ из туркмен. Когда воины Зайнал-бека, разорив округа Гаргар²⁹², Зунуз²⁹³ и Маранд, возвращались невредимы и с добычей, а [сам] Зайнал-бек со считанным числом людей в [165] окрестностях караван-сарая Алки²⁹⁴ был занят вечерним намазом, на него внезапно напал отряд туркмен, и между ними произошли битва и сражение. Вместе со своими вельможами Зайнал-бек удостоился мученической смерти. Сын его Ибрахим-бек был захвачен в плен. Сеййиды и жители Маранда похоронили тело Зайнал-бека в том [городе], после завоевания Тебриза его отвезли в местность под названием Джуламерг и захоронили при медресе, которое он сам построил.

Диван султана Мурад-хана даровал управление Хаккари Закарийа-беку в соответствии с тем, что при жизни отца оно было передано ему. Ибрахим-бек за огромную сумму был выкуплен из кызылбашской неволи и по-прежнему управляет округом Албак.

Когда прошло два года его правления, везир Джа'фар-паша, осуществлявший управление Ваном и наблюдение за Азербайджаном, по наущению нескольких [зложелателей] заявил, что власть над Хаккари согласно вере избранного, закону и обычаям османским принадлежит по праву старшему сыну Зайнал-бека /104/ Захид-беку, [а потому] надлежит и подобает препоручить это дело ему. Незамедлительно он доложил об этом у высокого порога и возвышенной порты, и османским диваном управление Хаккари было передано Захид-беку. Следуя указанию Джа'фар-паши, Захид-бек приступил к охране и защите, управлению и обереганию вилайета. Однако, поскольку большинство аширатов и племен склонялось на сторону Закарийа-бека, они не изъявили Захид-беку повиновения, а дело дошло до военного столкновения, в котором Захид вместе с сыном были убиты.

Прослышав об этом, Джа'фар-паша предложил передать управление Хаккари сыну Захид-бека по имени Малик-бек, представил на его имя грамоту на правление от августейшего двора и в сопровождении многочисленного отряда из войска Вана и Тебриза послал Малик-бека захватить вилайет. На этот раз у Закарийа-бека не осталось сил для сопротивления [166] и он укрылся у правителя Имадии Саййиди-хана. Через вышеупомянутого он доложил о положении [своих] дел у подножия высочайшего трона, и августейшим диваном благодаря помощи и содействию великого везира Синаи-паши ²⁹⁵ управление Хаккари на прежних правах было препоручено ему с условием, что он уплатит османскому дивану в качестве подношения сто тысяч золотых монет. Закарийа-бек возвратился в свой вилайет, изгнав из вилайета Малик-бека. Малик-бек отправился в Стамбул с намерением испросить пост правителя, но умер, заболев чумой.

В начале 1005 (1596) года был убит Абу Бакр-ага, наместник Закарийа-бека, украшенный в наряд честности и добродетелей, по подстрекательству некоего Фахраддина, который несколько лет находился при монаршем дворе как представитель Закарийа-бека.

/105/ Поясним это событие. Округ Хоя, который на определенных условиях перешел к сыновьям Шах Кули блилана благодаря посредничеству их племянника по имени Сайфаддин, забрал назло им упомянутый Фахраддин для Хасан-бека — сына Саййиди-хана, племянника Закарийа-бека, и доставил от порога султана — покорителя мира Мухаммад-хана Гази грамоту на правление. Старинная вражда между Закарийа-беком и сыновьями Шах Кули блилана, благодаря Абу Бакр-аге сменившаяся было дружбой и единением, вспыхнула снова из-за управления Хоем. Дружба и согласие завершились взаимными распрями и злобой.

Ибрахим-бек несколько раз выступал с намерением захватить Хой, но эмир Сайфаддин начал против него военные действия и не допустил его в Хой. В результате от обеих сторон погибло много народу. Сколько Ибрахим-бек ни просил Закарийа-бека помочь ему в этом деле, тот хотя и послал для виду к нему в подкрепление несколько человек из аширатов и племен, но действительной помощи не оказал, поскольку его векиль Абу Бакр-ага был противником военных действий. [167]

[Так обстояли дела], пока не прибыл из Востана Абу Бакр-ага с дарами и подношениями приветствовать эмира эмиров Силам-пашу.

Зловредный Фахраддин, зная Синан-пашу как человека несдержанного, жадного и спесивого, счел момент подходящим, чтобы расправиться с Абу Бакр-агой. Вместе с сыном Саййиди-хана Хасан-беком он прибыл вслед за ним в Ван и устами (Букв, “языком”.) Закарийа-бека довел до сведения паши несколько лживых заявлений следующего

содержания: “ доведен до крайности проделками и злоупотреблениями Абу Бакр-аги. Если его сиятельство паша /106/ схватит его и казнит, перешлю в качестве дара в казну паши три харвара золота”. Жадный паша счел это предложение очень выгодным, тотчас схватил его и казнил.

И ныне, в 1005 (1596-97) году, Закарийя-бек правит в Джуламерге, который является оплотом могущества их рода, а Ибрахим-бек — в Албаке. Можно надеяться, что удача будет им сопутствовать в [их] похвальных деяниях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О правителях Имадии, известных [под именем] Бахдинан

Певцы сада диковинных известий и цветника чудесных рассказов сообщают, что, по их предположениям, родословная правителей Имадии восходит к аббасидским халифам. По версии, [передаваемой] некоторыми из предшествующих авторов, она восходит к некоему 'Аббасу, который принадлежал к числу людей знаменитых и знатных. [Истинное] знание у Аллаха!

Как бы то ни было, они получили известность как Бани 'Аббас. Но в действительности они прибыли в Имадию из вилайета Шамдинан ²⁹⁶. До их приезда в Имадию отцы и деды их были правителями крепости Тарун, относящейся к [168] Шамдинану. Тот, кто из Таруна прибыл в Имадию, именовался Баха'адином, а потому и правители Имадии среди правителей и эмиров Курдистана известны [под именем] Бахдинан. Согласно достоверному преданию, в настоящее время: вот уже около четырехсот лет потомки Баха'аддина заняты правлением в тех районах.

Крепость Имадии принадлежит к новым постройкам, воздвигнутым во времена сельджукских государей *вали* Мосула и Синджара 'Имададином Занги ²⁹⁷, сыном Ак-Сункура. Город и крепость расположены на скале, имеющей округлую форму. Они возвышаются над землей местами примерно на /107/ сто заров, местами — на пятьдесят-шестьдесят и, двадцать, заров.

Внутри крепости вырыли два колодца и дошли, до воды. Вода, используемая в банях, медресе и на другие нужды, — оттуда. Население необходимую воду привозит на мулах из городских предместий.

Обычаи и язык населения тех областей смешанные — [там: бытуют обычаи и язык] курдов и арабов. Великие и малые там [отличаются] честностью, благочестием, склонностью и любовью к благотворительности. Правителями Имадии там построены мечети и медресе, [где] ученые и просвещенные с успехом изучают теологические науки и совершенствуются в истинных познаниях.

Из основных аширатов Имадии на первом, месте стоит ашират мизури ²⁹⁸, на втором — зебари ²⁹⁹. Зей. ³⁰⁰ — название реки в вилайете Имадии, а поскольку это племя проживало на берегу той реки, то и назвали их зебари. Другое название той реки — Нахр ал-Джунун, названа она так за быстроту [течения]. Далее следует ашират радкани, на языке курдов измененный в рекани ³⁰¹, и остальные их ашираты: парвари ³⁰², махал, сийабрави, таили и бухли. “Бухл” на языке населения тех районов означает “ущелье”.

Одной из известных крепостей [вилайета] Имадии является крепость Акра ³⁰³, при которой есть местечко, и там: проживает около 1200 семейств мусульман и евреев. Затем [следуют]

крепости Дохук ³⁰⁴ и Дайр ³⁰⁵, которыми управляют сыновья [169] эмиров и двоюродные братья правителей Имадии. Еще есть крепость Бешири ³⁰⁶, что находится во владении у аширата радкан, крепости Каладе ³⁰⁷, Шуш ³⁰⁸, Имрани и Базиран ³⁰⁹, которые принадлежат племени зебари.

К числу /108/ округов Имадии относится округ Захо ³¹⁰, население которого состоит из двух племен: синди ³¹¹ и сулеймани. В народе Захо называют вилайетом синдийцев. Оттуда вышла большая часть ученых и просвещенных людей Курдистана. С давних времен он составлял отдельный *оджак* ³¹², имел своих правителей и не подчинялся Имадии. Позднее, когда здешние правители ослабели, правители Имадии включили те районы в свои владения. В настоящее время из потомков правителей Захо остался лишь некий Йусуф-бек, что служил при правителях Джебзире.

[Что же касается] правителей из рода Баха'аддина, которые властвовали в Имадии, то о некоторых ничего не известно, о тех же, чьи обстоятельства удалось выяснить, будет написано [ниже] с помощью всевышнего владыки.

Эмир Зайнаддин

В дни царствования его величества Сахиб-Кирана — эмира Тимура Гургана и старшего сына того монарха Шахрух-султана он был вознесен на управление вилайетом Имадии, [где] и проводил счастливые часы, следуя [лишь] велению сердца. Когда тот ласковый с друзьями и беспощадный с врагами эмир прошествовал в райские кущи, его рожденный под счастливой звездой сын эмир Сайфаддин заступил место отца и распростер над головами их крылья справедливости и благодеяний. Когда же тот благочестивый эмир прошествовал в райские сады, после него осталось два сына по имени Хасан и Байрак. Место отца заступил старший сын Хасан.

Во времена его государи Ак-Койунлу поручили Сулайман-беку Бижан-оглы завоевать область Имадии. Сулайман-бек покорил крепости Акра и Шуш, но сколько ни старался взять крепость Имадии, ничего из этого /109/ не вышло. В конце концов дела его пришли в стеснение, и он оставил крепость. [170]

После истребления семьи государей Ак-Койунлу он прибыл на службу к шаху Исма'илу Сафави и удостоился всевозможных почестей и знаков внимания. В *санджаке* [племени] дасни он захватил крепость Дохук и включил в свой наследственный вилайет. От племени синди, что имело отдельного правителя, он отобрал округ Синди и присоединил к землям Имадии. После того [Хасан] умер и после него осталось семь сыновей: 1. Султан Хусайн, 2. Саййиди Касим, 3. Мурад-хан, 4. Сулайман, 5. Пир Будак, 6. Мирза Мухаммад и 7. Хан Ахмад.

Место отца заступил самый старший из братьев Султан Хусайн, и обстоятельства его и сыновей его будут упомянуты вскоре. После Саййиди Касима остался один сын по имени 'Али-хан. После Мурад-хана детей мужского пола не осталось, а сам он погиб в опоре с Кубад-беком. После Сулаймана остался один сын по имени Шах Рустам, после Мирза Мухаммеда — сын по имени Султан Махмуд и после Хан Ахмада — сын по имени Шах Йусуф. Байрак б. Сайфаддин оставил после себя одного сына, похожего на безумца, который оказался виновником убийства и гибели Кубад-бека.

Султан Хусайн

Это лучший представитель семьи и квинтэссенция рода Бани 'Аббас. После смерти отца на основании высокодостоинного указания султана Сулайман-хана он стал *вали* вилайета Имадии. Был он в высшей степени ученым человеком и знатоком закона и оказывал безграничное покровительство людям знающим и благочестивым в том вилайете. Правосудием и справедливостью он осуществил чаяния войска и подданных. Великие и малые, богатые и бедные были преисполнены в отношении его признательности и благодарности и при оказании услуг [своему] повелителю являли такое рвение и усердие, что больше того и представить невозможно.

/110/ Путем послушания, покорности и верного служения он возвысился над равными и подобными себе, так что все эмиры и правители Курдистана обращались к нему [со всеми делами] [171] и неукоснительно следовали слову и совету его. С чем бы — в отношении ли Курдистана или других дел богом хранимой османской державы — он ни обращался ко двору Сулаймана, груди его просьб и устремлений не касалась рука отклонения. Таким образом он управлял на протяжении 30 лет областью Имадии вместе с присоединенными районами. В 9.. (?) году в назначенный судьбою срок он отбыл в потусторонний мир, и после него на память осталось пятеро сыновей: 1. Кубад-бек, 2. Байрам-бек, 3. Рустам-бек, 4. Хан Исма'ил и 5. Султан Абу Са'ид.

Кубад-бек б. Султан Хусайн

После смерти отца на основании приказа султана Салим-хана [второго] он взялся управлять вилайетом Имадии. Он напоминал собою дервиша и суфия и был предельно благочестии и милостив. Он [неизменно] исполнял обязанности, [предписанные] шариатом в часы, [отведенные] для пяти молитв, и готов был день и ночь заниматься охотой и рыбной ловлей. Но в делах мирских, в управлении страной он оказался столь несведущим и неумелым, что можно было наблюдать, как за незначительную провинность им налагалась тяжелая кара и наказание, а при великом грехе [оказывалось] прощение и бесчисленные побряжки. Это послужило причиною того, что ашираты и племена возымели к нему неприязнь и отошли [от него], взяв сторону его брата Байрам-бека. [Последний] бежал, будучи не в силах устоять перед ним, поступил в Казвине на службу к шаху Исма'илу второму и был вознесен бесчисленными монаршими милостями. Одно из главных племен его [княжества], племя мизури, взбунтовалось против Кубад-бека и свергло его с правления и [со всею] учтивостью поставило своим правителем Сулаймана б. Байрака б. Сайфаддина из его двоюродных братьев. /III/ Правитель Хаккари Зайнал-бек, питая в душе к Кубад-беку неприязнь, послал за Байрам-беком и, освободив его из заточения у шаха Султан Мухаммада, привез к себе. Напуганный Кубад-бек оставил власть, бежал в направлении Мосула и Синджара. [172]

Байрам-бек направился в Имадию, дабы испросить управление. Славный военачальник и главнокомандующий с могуществом небес везир Фархад-паша, узнав об этом, передал Байрам-беку на правах *санджака* округ Захо. Кубад-бек, по-прежнему преисполненный страха, прибыл из Мосула в Амид, а оттуда отправился в Стамбул. Благодаря помощи и поддержке великого везира Сийавуш-паши он получил новую грамоту на правление и возвратился в Имадию.

По своем прибытии в крепость Дохук он [решил] там остановиться, дабы схватить и казнить смутьянов из аширатов, оказавшихся виновниками мятежа и бунта, а затем со спокойным сердцем ехать в Имадию. [Тогда] вышеупомянутый Сулайман б. Байрак заодно с мир Маликом мизури собрали чернь и злодеев области и напали на Кубад-бека. Они окружили со всех сторон крепость Дохук и, вступив в сношения о населении крепости, раскрыли крепостные ворота. Кубад-бека, одного из его сыновей и несколько человек из сообщников убили, а их имущество и добро разграбили.

Когда об этом узнал Байрам-бек, он выступил из Захо и укрылся среди аширатов и племен. Сулайман-бек и мир Малик поставили его на управление Имадией. С одобрения аширатов и племен волей-неволей он воссел на власть и позволил надеть на себя ошейник /112/ правления. Сыновья Кубад-бека Саййиди-хан-бек и Султан Абу Са'ид с плачем и стенаниями отправились к порогу султана Мурад-хана. Большинство же жителей Имадии — великие и малые, богатые и бедные, мусульмане и неверные, райяты и воины, взяв сторону Байрам-бека, положили начало веселью и ликованью. На могилы святых передали они пожертвования и дары и почли отстранение Кубад-бека великой радостью.

Байрам-бек б. Султан Хусайн

Выше пером повествования было начертано, что Байрам-бек из страха перед братом отправился на службу к шаху Исма'илу второму и удостоился всевозможных милостей и знаков внимания. Когда же шах Исма'ил умер его брат шах [173] Султан Мухаммад не оказал Байрам-беку подобающего покровительства и благоволения, и, воспользовавшись его слабостью и приниженностью, заключил в крепость Аламут. Правитель Хаккари Зайнал-бек, узнав о случившемся, приложил [все свои] старания, чтобы освободить его. По этому делу он совещался с *вали* Тебриза Амир-ханом. Порешили на том, что шаху Султан Мухаммеду и Амир-хану он передаст в дар пять тысяч золотых, затем Байрам-бека освободят из крепости Аламут и препоручат Зайнал-беку. Согласно уговору Зайнал-бек вручил упомянутую сумму *мулазимам* Амир-хана, а они передали ему Байрам-бека.

Байрам-бек, после того как произошли упомянутые события, стал справедливым и правосудным правителем и так обходился с райятами и жителями тех областей, что лучшего и представить невозможно. Когда до великого везира и начальника [войск, поставленных на войну с] Персией, 'Усман-паши дошли вести о любви к [Байрам-беку] населения Имадии, о его справедливости и правосудии, он составил и послал из Кастамуни на его имя грамоту на управление Имадией.

/113/ Однако, поскольку Саййиди-хан-бек, сын Кубад-бека, из отправился к порогу Мурад-хана и доложил у подножия высочайшего престола о действительных обстоятельствах убийства отца, смуты и мятежа аширатов и племен, прихода к власти Байрам-бека, из безграничной монаршей милости управление Имадией было передано ему, а *сардару* с величием Сатурна Фархад-паше поручили расследовать положение Байрам-бека и оказать отпор смутьянам Имадии. На то удостоились чести обнародования непререкаемые повеления и непреложные фирманы. Чтобы заполучить Байрам-бека, *сардар* Присоединил к области Захо *санджак* Хасанкейфа и пожаловал Байрам-беку, обещая [передать и] управление Имадией. [Последнему] написал он послание, исполненное доброжелательства, и советовал ему в соответствии с августейшим приказом оставить управление Имадией Саййиди-хан-беку, стать владельцем *санджака* Захо и Хасанкейфа, вместе с победоносными войсками отправиться в поход на Грузию, явить усердие в службе государю, дабы по возвращении из похода [174] о его добром служении и верности доложили у подножия небесноподобного трона и, коль будет на то воля божья, ему будет даровано управление Имадией.

Простодушный Байрам-бек дал обмануть себя этим обещанием и после восьми месяцев власти препоручил бразды правления в Имадии могучей деснице Саййиди-хан-бека, удовольствовавшись *санджаком* в Хасанкейфе, и, сопровождая войска с численностью звезд непобедимого паши, отправился, в поход на Грузию. По возвращении из того похода, упомянутый *сардар* заточил его в эрзерумской крепости. Что с ним было дальше, будет описано в последующем повествовании, с помощью Аллаха, владыки всеславного и всемогущего.

Когда на основании грамоты с могуществом судьбы от порога прибежища счастья ему было пожаловано управление Имадией и высокодостойный титул отца, на имя эмира эмиров Багдада, Шахризура и других эмиров и правителей Курдистана вышли непререкаемые указы, дабы в случае, если Байрам-бек станет противиться передаче крепости, они все вместе пойдут на него, силою прогонят его из области Имадии и передадут управление теми районами Саййиди-хан-беку.

Когда Саййиди-хан-бек прибыл в Мосул, Байрам-бек, повинувшись приказу государя, оставил крепость и вилайет. Саййиди-хан-бек при поддержке правителя Сорана Сулайман-бека. в середине месяца зу-л-хиджжа 993 (декабрь 1585) года вступил в Имадию и взялся за дела правления.

Выше упоминалось, что по возвращении из похода на Грузию Фархад-лаша, как было обещано, заключил Байрам-бека в тюрьму и послал за Саййиди-хан-беком, который был доставлен в Эрзерум. Получив от Саййиди-хан-бека в подарок огромную сумму, [Фархад-паша] вызвал его и Байрам-бека на суд [в соответствии] со святым мухаммаданским законом и подтвердил, что он убил Кубад-бека и его сына. Следуя [175] мухаммаданскому закону, он передал Байрам-бека Саййиди-хан-беку, и в 994 (1585-86) году [последний] его казнил, мстя за смерть отца. И ныне вот уже одиннадцать лет, как он является суверенным правителем Имадии, и управление той страной принадлежит ему безусловно и безраздельно. Хотя племя мизури, прибегнув к некоторым жестокостям и насилию, /115/ являло ему враждебность и непослушание, в конце концов казнив нескольких [из них], он привел остальных к повиновению убеждением и лаской. Поистине, это юноша, наряженный в убранство достоинства, мужества и великодушия. Раийяты и войско удовлетворяются его справедливостью и правосудием, жители и население восхваляют прекрасный нрав его. Можно надеяться, что его похвальным начинаниям будет сопутствовать удача.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О правителях Джебзире, которые делятся на три ветви

Из восхищающего пояснения достойных доверия и блистательных трудов историков выяснено и установлено с полной достоверностью, что родословная правителей Джебзире восходит к Халиду б. Валиду ³¹³ из омейядских халифов. Первый из их предков, который взялся за управление Джебзире, назывался Сулайман б. Халид. Некоторое время их обычаи и обряды были общими с обычаями гнусного племени езидов, под конец на них снизошла божественная благодать, и они оставили ту ересь. Они ступили на путь уложений ислама и вошли в высокодостойный род людей сунны и общины. Построив мечети и медресе, они передали им в виде вакфа прекрасные селения и деревни.

Среди [племен всего] Курдистана ашират бохт и отличается мужеством и доблестью, славится воинственностью и искусством верховой езды. Они являются неизменными покупателями дорогостоящего вооружения и снаряжения для битвы, арабских коней и особенно египетских сабель и дамасских [176] кинжалов. Промеж себя являют полное доверие, в день битвы и сражения они единым строем предстают перед врагом стоят твердо и неколебимо. Это и выделяет их среди подобных и равных во [всем] Курдистане.

Город Джебзире принадлежит к старинным постройкам. В 17 (638) году /116/ во времена правления халифа 'Умара ³¹⁴ — да будет им доволен Аллах! — путем соглашения он был подчинен стараниями Абу Мусы ал-Аш'ари ³¹⁵ и Са'ад-и 'Айза б. 'Усмана ³¹⁶. [Население

его] согласилось [выплачивать] *джизью*, кроме пребывавших в вассальной зависимости от Джебзире арабов бану-таглиб, которые были кочевниками и не приняли *джизью*. Они бежали в направлении Румского царства и отправили послание, что “если это будет как религиозное пожертвование, то мы согласны”. Когда об этом доложили 'Умару, — да будет им доволен Аллах! — он изволил сказать: “Пожертвование — это тоже [вид] *джизьи*”. Те согласились [с этим] и возвратились.

Крепость Джебзире относится к постройкам 'Умара, сына 'Абдал'азиза — восьмого из омейядских халифов, которого за [его] справедливость, правосудие и беспристрастие считают вторым 'Умар [ал-]Хаттабом ³¹⁷. Около ста лет во времена омейядских халифов предавали с кафедр и в мечетях хуле и поношению его святейшество 'Али — да почтит Аллах его достоинство! — и двух великих имамов эмира правоверных — Хасана и Хусайна — да будет доволен ими Аллах! ['Умар, сын 'Абдал'азиза], устранил [тот обычай] и освободил обитателей мира от той кары и наказания.

Крепость и город Джебзире расположены на берегу реки Шатт ал-Араб ³¹⁸, причем во время разлива воды реки разделились на два рукава, и теперь она течет, окружая со всех сторон крепость и город. Выше крепости соорудили большую плотину из камня и извести, чтобы от воды не пострадали здешние жилища и постройки. Передвижение населения происходит через мосты. По этой причине [город] и был назван островом 'Умара — Джебзире-йи Умарийе.

К Джебзире относятся замечательные крепости и превосходные округа. Из их числа в этом сочинении упоминаются [177] четырнадцать крепостей и округов, что да не послужит причиной утомления и скуки обладателей таланта и совершенств.

1. Округ Гургил, где [находится] гора Джуди ³¹⁹, на которой остановился, по преданию, ковчег Нуха — мир над нашим пророком и над ним! Всего в том округе /117/ насчитывается семь племен. Четыре племени — приверженцы Хусайна: 1. шахривари, 2. шахрили, 3. гургил, 4. астури. Три остальных племени езидские: 1. нивидкаун, 2. шураш, 3. хавдил.

2. Крепость и округ Барака, чье название происходит от наименования аширата. Упомянутые крепость и округ принадлежат тому аширату.

3. Округ и крепость Арух ³²⁰, которые пребывают во владении у племени арух. [Крепость] принадлежит к числу могучих и надежных цитаделей Курдистана.

4. Округ и крепость Пируз, которые принадлежат племени пируз ³²¹, состоящему из трех ветвей: джастулан, базам, карафан.

5. Крепость и округ Бадан, которые составляют собственность аширата карей.

6. Округ Танза ³²². Его крепость называют Калхок ³²³. Он тоже пребывает во владении аширата карей.

7. Крепость и округ Финик. Там проживают четыре племени, которые будут перечислены при [описании] истории эмиров Финика.

8. Округ Тур ³²⁴.

9. Округ Хаитам ³²⁵, большинство жителей и обитателей которого составляют армяне и христиане. [Свои] доходы правители Джезире получают [именно] с этого округа. В том округе проживает племя джилки.

10. Округ и крепость Шах ³²⁶, где произрастают лучшие в вилайете Джезире гранаты. Здешнее население также составляют армяне и христиане, там проживает племя шилди.

11. Крепость Ниш Атил ³²⁷.

12. Крепость Ардамушт ³²⁸, находившаяся во владении у племени барасби, которое благодаря большому числу сторонников является опорой аширата бохти. [178]

13. Крепость Кевар ³²⁹, которую еще называют Камиз. Принадлежит племенам карей и куриный ³³⁰.

14. Крепость Даир-дих ³³¹. [Принадлежит] к округам Танза. Часть здешнего населения — арабы, например, [племена] тухайри, сафан, бани-ибаде. Большинство местных армян говорят по-арабски.

Ашираты /118/ и племена, [населяющие вилайет] Джезире, суть следующие: 1. думбули, 2. нуки, 3. махмуди, 4. шайх-тарани ³³², 5. масаки ³³³, 6. рашки, 7. мух-нахран, 8. пийкан, 9. далан, 10. бластуран, 11. шируйап, 12. дутуран.

Если придерживаться большей точности в изложении, то ашираты думбули и махмуди по сути дела оставили вилайет Джезире, и в порядке, предусмотренном оглавлением, они будут подробно описаны в третьем разделе — с помощью Аллаха, владыки, [которому мы] поклоняемся. Теперь же, уповая на дарителя благ и щедрот, мы приступаем к изъяснению истории правителей Джезире.

Сулайман б. Халид

Выше указывалось, что первым из предков правителей Джезире, кто взялся за управление теми районами, был Сулайман б. Халид. После некоторого времени самодержавного правления над теми областями [Сулайман] направился из [этого] брэнного острова в город вечности, оставив на память трех добродетельных сыновей: мир Хаджжи Бафра, мир 'Абдал'азиза и мир Абдала. Наиболее достойным из сыновей в отношении дарований и талантов был мир 'Абдал'азиз. Ключкой великодушия “а ристалище справедливости похитил он у других братьев мяч превосходства и первенства. Изю дня в день над челом его обстоятельств появлялись знаки могущества и силы, из часа в час от темени его упований исходил блеск великолепия и благоденствия. Стихотворение:

От мудрости над его главой
Сияла звезда величия. [179]

Это и послужило причиной того, что после смерти отца за управление Джезире взялся мир 'Абдал'азиз; округ Гургил был утвержден за его братом мир Хаджжи Бафром и округ Финик — за другим его братом мир Абдалом. Братья единодушно соблюдали обязанности, [налагаемые] верховной властью, и закон правосудия в [деле] охраны и защиты, управления и оберегания страны и друг с другом жили в мире и согласии.

/119/ ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

О правителях Джезире, которые известны [под именем] Азизан

После некоторого времени правления эмира 'Абдал'азиза губительница радостей — [смерть] отвела его владетельную десницу от кармана твердыни власти и убрала его победоносную стопу с прохождения пути через сады [этого] брэнного мира. После него осталось два сына: эмир Сайфаддин и эмир Маджаддин. Место отца заступил старший сын.

Эмир Сайфаддин б. 'Абдал'азиз

Забрав в [свою] владетельную десницу бразды управления Джебзире, он достойным образом стал блюсти законы и правила, которых держался отец, неустанно оказывал раййятам, военному сословию и племенам покровительство и снискал [всеобщее] удовлетворение и одобрение. Когда его жизнь подошла к концу, ангел смерти свернул дневник его бытия и положил в нишу забвения.

После смерти того достойного (Букв, “чистосердечного”.) эмира на престол управления воссел его брат эмир Маджаддин и сообщил державе еще больший блеск и великолепие, нежели отец и брат. Долгое время он властвовал и правил, [пока] наконец солнце жизни и могущества его не достигло заката и падения, а утро [180] благополучия жизни его не завершилось ночью смятения смерти.

Место отца заступил его законный сын эмир 'Иса. В [своих] деяниях он следовал [совету, который содержит] это полустиише: “Твори справедливость, ибо справедливый всегда почитаем”, и растворил пред обитателями вселенной врата правосудия и благотворительности. В дни своего правления [в отношениях] с раййятами и народом следовал он путем ласки и милости и никого без причины не обижал. И когда, распростившись с [этим] брэнным миром, он отбыл в мир вечности, на трон власти восшествовал его [сиятельный] отпрыск (Букв, “плод его древа”.) эмир Бадраддин. /120/ В отношении раййятов проявлял он такую заботу, что более того возможно было и представить. Ядоносным мечом стер он ржавчину гнета и пыль тирании с зеркала памяти великих и малых и распахнул перед всем правоверным людом врата щедрости и благодеяний. Неизменно он искал благословенного общества владык откровения и убеждения.

Когда же он направился в потусторонний мир, место отца заступил его сын эмир Абдал. Во всех делах он следовал путем [своих] великих предков, пока не вознес знамя правления в райских садах. После его смерти во главе аширатов и племен встал его сын эмир 'Изаддин. Во времена его полумесяц знамени эмира Тимура Гургана отбросил лучи завоевания на населенную часть мира.

Согласно рассказу Мавлана Шарафадина 'Али Йазди, [автора] исторического труда *Зафар-наме*, когда Сахиб-Киран [своего] времени, завоевав стольный город Багдад, разрушив крепость Текрит и покорив остальные крепости и города тех районов, направился в 796 (1393-94) году в Мардин ³³⁴, в местечке Чамлык, что расположено в семи фарсах от Мардина, ко двору прибежища мира прибыл эмир 'Изаддин, правитель Джебзире, и удостоился лобызания ковра. Представив достойные дары, он снискал благоволение Сахиб-Кирана и возвратился в свои владения, приняв *харадж* и *тагар* ³³⁵, [181] которые представляли собою [поставку] продовольствия и провианта.

Со стороны правителя Мардина Султан 'Исы в отношении эмира Тимура (Букв, “в отношении слуг эмира Тимура”. По мнению И. П. Петрушевского (*Очерки*, стр. 217), такие выражения, как “рабы его величества”, “слуги его величества” и т. п., служат для обозначения личности самого государя.) были допущены неподобающие действия,

описание которых здесь было бы неуместным. Но, поскольку войско было весьма многочисленным, /121/ а достать провиант в тех районах было невозможно, покоритель стран нашел неразумным заняться в то время осадой Мардина. Во вторник 8 раби' ас-сани упомянутого года (11 февраля 1394) он отбыл из тех районов и отправился в Мосул. Находясь там, Сахиб-Киран, чья щедрость [необъятна], как море, отослал в Султанийе отряд с многочисленными дарами для [его] жен и сыновей. И вплоть до того времени в лагере завоевателя вселенной пребывал некий курд из племени бохти по прозвищу Шайх, который вместе с эмиром 'Иззадином удостоился в местечке Чамлык чести лобызать ковер и был отмечен [монаршей] лаской. Получив в это время разрешение на отъезд, он отправился вместе с отрядом, который вез подарки. Достигнув окрестностей Джебзире, он сошел с истинного пути, протянул к тем дарам руку дерзости и, захватив их, все отвез в Джебзире. Эмир 'Иззадин, нарушая договор, заключенный им с его величеством Сахиб-Кираном, стал заодно с тем несчастным.

Всемогущий, как небеса, Сахиб-Киран дважды посылал к эмиру 'Иззадину гонца для убеждения и заявлял ему: “Возьми Шайха и отправь его к нам, и мы простим тебе твою вину. В противном случае все твои крепости, войска и племена будут уничтожены под копытами [наших] коней”. Эмир 'Иззадин, понадеявшись на неприступность крепости и обилие речной воды, уклонился от выполнения приказа относительно отправления Шайха.

Во вторник 13 джумада ал-ахира (16 марта 1394) года его величество Сахиб-Киран оставил лагерь и выступил в поход. [182]

Вместе со всем войском он переправился через Тигр и шел всю ночь до восхода солнца. К утру со всех сторон окружили Джебзире победоносные войска, подобные нежданной беде и океану без конца и границ. /122/ За час он покорил крепость и город ³³⁶, весь край и их сторонники стали добычею грабежа и разорения.

В той суматохе эмир 'Иззадин был схвачен одним из воинов, но остался неузнанным. Тот путем пыток и истязания получил с него много добра и отпустил. Претерпев [все эти] обиды и насилия, с тысячью трудностей, полуживой, ['Иззадин] выбрался благополучно из той бездны. Об этом среди населения Джебзире бытует предание, согласно которому эмир Тимур старался оказывать, эмиру 'Иззадину [всевозможные] милости и щедроты вплоть до того, что играл с ним в шахматы. Эмиру Тимуру было по душе его общество, и он побуждал его идти [с ним] на Сирию и в том походе находиться при победоносном стремени. Но, поскольку сирийские султаны обязались ежегодно выплачивать эмиру 'Иззадину большую сумму, [он] уклонился от похода на страну арабов. Это и вызвало к нему неприязнь эмира Тимура, и он повелел разграбить Джебзире. Эмир 'Иззадин укрылся в аширате арухи и жил [там, отягощенный] трудами и заботами, пока не умер.

Эмир Абдал б. эмир 'Иззадин

После смерти отца он утвердился на престоле управления Джебзире, явил твердость и рвение в руководстве аширатам и племенами, но вскоре направился в сторону потустороннего мира.

Эмир Ибрахим б. эмир Абдал

Когда его отец отбыл из этого брэнного пристанища в обитель вечности, он вместо [своего] родителя взошел на трон управления областью Джебзире, некоторое время управлял теми районами и умер. После него осталось три сына: эмир Шараф, эмир Бадр и Как Мухаммад. [183]

Эмир Шараф, уповая на божественное вспомоществование, ибо [говорится] в священном стихе Корана: “Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения по изволению божию” (Коран, сура 2, стих 250.), /125/ собрал испытанных в сражениях храбрецов, львов лесов и пещер и выстроил перед Йаган-беком. После многочисленных [с обеих сторон] усилий он [185] разбил Йаган-бека и изгнал его из вилайета Джебзире. После этого кызылбашские войска уже не нападали на Джебзире, а некоторое время спустя эмир Шараф переселился из [этого] брэнного мира в обитель вечности.

Шах 'Али-бек б. эмир Бадр

После смерти его брата эмира Шарафа с одобрения аширатов и знати бохти он взялся за дело управления Джебзире, передав крепость и районы Финика своему брату эмиру Мухаммаду. Когда же эмиры Курдистана выразили единодушное желание служить шаху Исма'илу Сафави и отправились в Хой и Тебриз, Шах 'Али-бек тоже поддался соблазну и, предав забвению обиды, которые претерпели кызылбаши от племени бохти, в сопровождении двенадцати эмиров и правителей Курдистана поехал на службу к шаху Исма'илу. Шах Исма'ил, будучи не в силах преодолеть ненависть, питаемую им к эмиру Шарафу, вместе с эмирами и правителями Курдистана заключил его в тюрьму.

Некоторое время спустя, когда упомянутые эмиры и правители, каждый как мог, освободились из заточения, Шах 'Али-бек тоже выбрался из той неволи и прибыл в Джебзире. Вилайет Джебзире тогда принадлежал брату Хан Мухаммада устаджлу Улаш-беку на правах наместника шаха Исма'ила. Между ними произошло сражение, и Улаш-бек бежал, оставив должность правителя Джебзире. Крепости и округа Джебзире снова перешли к Шах 'Али-беку. Затем [последний] заключил с правителем Бидлиса эмиром Шарафом /126/ договор о братстве, они изъявили покорность двору султана Салим-хана. Упомянутого государя они [всячески] побуждали завоевать и подчинить Диарбекир, Азербайджан и Армению. Когда прошло несколько лет правления Шах 'Али-бека, в назначенный [судьбою] срок он покинул [этот] брэнный мир. После него осталось четыре сына: Бадр-бек, Насир-бек, Как Мухам-мад и мир Мухаммад. Место отца заступил Бадр-бек. Сыновья Насир-бека и Как Мухаммада стали правителями Джебзире, их обстоятельства будут подробно описаны ниже. После [186] эмира Мухаммада остался сын, смелый и воинственный, по имени Сулайман-бек, который жив и поныне.

Бадр-бек б. Шах 'Али-бек

После смерти отца он воссел на трон правления и [своею] справедливостью и правосудием обратил те районы [в край] населенный и процветающий. Около семидесяти лет он был независимым правителем Джебзире. В продолжение царствования, от начала и до конца его, и в дни великолетия султана Сулайман-хана Гази [Бадр-бек] ревностно нес службу государю и [исполнял] монаршие указания и во время похода на Ван и Тебриз, при завоевании Багдада и других городов Ирака Арабского 'находился при 'победоносном стремени. Однако из-за двух его гнусных поступков, которые он допустил в отношении высокого султанского порога по [своей] дерзости и полагаясь на [свою] добрую службу, государь и везир [того] времени Рустам-паша утратили к нему расположение.

Первый [заключался в том], что, когда под конец похода на [страну] персов в августейшем диване султан, отпуская эмиров и правителей, при целовании руки отдал перед ним предпочтение правителю Имадии Султан Хусайн-беку, Бадр-бек не потерпел этого, оставил диван, не поцеловав государю руки, и направился в Джебзире без разрешения государя и везира.

/127/ Второй — когда поддерживаемый и покровительствуемый везиром Рустам-пашой правитель Хаккари Зайнал-бек, возвращаясь от сулайманова порога с намерением [заняться] управлением, достиг вилайета Джезире, Бадр-бек, как уже подробно описывалось выше, отправил к пути его следования несколько отборных головорезов из [племени] бохти. Они перебили всех спутников Зайнал-бека, ему нанесли многочисленные раны и повергли во прах уничтожения. Когда это известие дошло до слуха Рустам-паши, его ненависть [к Бадр-беку] возросла еще больше и, во второй раз заняв должность великого везира, он стал побуждать брата Бадр-бека эмира Насира ехать к государеву порогу с просьбой [передать ему] [187] управление Джезире. Нашр-бек, следуя его указанию, направился к сулайманову двору. Благодаря поддержке того сиятельного с достоинством Асафа (Асаф — имя мудрого везира царя Соломона.) управление Джезире государевым диваном было пожаловано Насир-беку, и он возвратился в Джезире. Ко времени его прибытия в те районы Бадр-бек отправился в Синджар, оставив власть [своему] брату.

Два года спустя Бадр-бек отправился к подножию царства. Округа Тур и Хаитам были отделены от княжества Джезире, а управление Джезире вновь утверждено за Бадр-беком. [Он] на основании милостивого повеления стал могущественным правителем Джезире и до конца дней своих управлял теми районами. Однако он открыто употреблял банг (Наркотический состав из конопляных листьев и белены.) в меджлисах и собраниях, так что ежедневно в его меджлисе на банг расходовалось пятьсот дирхемов, да он сам утром и вечером расходовал [на банг] около ста дирхемов. Он неизменно наказывал векилю, [ведущему учет] его расходов: “Стоимость банга отдавай из узаконенных доходов, а не золотом, чье [происхождение] сомнительно”. /128/ Но в [соблюдении] других заповедей шариата и предписаний веры он являл предельное усердие и неизменно оказывал знатокам и ученым подобающее внимание и покровительство. Ученых и совершенных, которые собрались во времена его в Джезире, не было ни в одну эпоху. Среди них были Мавлана Мухаммад Баркала'и, Мавлана Абу Бакр, Мавлана Хасан Сурчи ³³⁹, Мавлана Зайн-аддин Баби, который по знанию явного и сокровенного стоит во главе ученых [своего] времени и является квинтэссенцией шейхов [своей] эпохи, Мавлана Саййид 'Али и другие, чьи сочинения среди ученых пользуются известностью.

Однажды Мавлана Абу Бакр обиделся на Бадр-бека и решил уехать из Джезире. Бадр-бек в сопровождении вельмож и знати отправился к Мавлана и, возвеличив его дарами и почетными одеждами, выказав безграничное [к нему] благоволение, возвратил обратно. [188]

Когда его брат Насир-бек умер, он по примеру прежнего присоединил к наследственному вилайету округа Тур и Хаитам. Жил он долго, и под конец, когда перевалило за девяносто, умственные способности его заметно ослабли, и он стал допускать действия, далекие от здравого смысла. Так, [нам] довелось слышать от достойных доверия, что однажды к Бадр-беку пришел некий человек с жалобой на мясника (*кассаба*) города, мол: “Он обидел меня”. Бадр-бек, полагая, что обидчик его валяльщик (*кассар*), тотчас вызвал мастера валяльщика, и того наказали палками. Отведав палок, валяльщик спросил: “В чем провинился ваш покорный слуга, что его удостоили такого наказания?” — “В том, что обидел такого-то”, — пожаловал в ответ Бадр-бек. “О эмир, — сказал валяльщик, — тот, кто /129/ обидел его, — мясник, а валяльщик”. Бадр-бек ответил: “Что валяльщик (*кассар*), что мясник (*кассаб*) — произношение-то одинаковое и ошибиться так легко”.

Когда же в назначенный срок он сказал судьбе: “Слушаюсь”, после него остался один сын по имени мир Мухаммад.

Эмир Мухаммад б. Бадр-бек

Еще при жизни отца он вершил [дела] правления (Букв, “был стержнем державы”.) и питал величайшую страсть к накоплению имуществ и добра. Рассказывают, у него было двенадцать тысяч овец с ягнятами, от приплода которых каждый год он получал большую сумму. Кроме того, он передал крестьянам сто тысяч кур и ежегодно за каждую курицу получал установленное число яиц. Словом, он был ревностным собирателем имущества.

После смерти отца он стал независимым правителем Джебзире. После семи лет его владычества в 986 (1578-79) году, когда второй везир Кара Мустафа-паша Лала указом султана Мурад-хана был назначен на завоевание областей Грузии и Ширвана, мир Мухаммад тоже сопровождал победоносное мусульманское войско. Когда сеющие смерть войска вступили [189] в Грузию, в местечке под названием Чилдыр дорогу Мустафа-паше преградили около десяти тысяч отважных кызылбашских всадников [во главе] с внуком Казак-Хамзы устаджлу эмиром эмиров Чохур-Саада Мухаммади-ханом, известным [под именем] Тукмака, и эмиром эмиров Карабага и Ганджи в Арране Имам-Кули-султаном каджаром. Они внезапно напали на войско с численностью звезд. По воле случая в тот день командование караулом было поручено *беглербегу* Диарбекира Дарвиш-паше, и он выступал впереди мусульманского войска. Встреча обоих войск произошла у подножия горы в местечке под названием Чилдыр /130/ в вечернюю пору, незадолго до заката солнца.

Доблестные курды, посчитав ту многочисленную рать не стоящей внимания (Букв, “незначительной”), не заботясь об изменчивости и коварстве времени, преисполненные гордости и самонадеянности, обрушились на тот народ. Стихотворение:

Хоть ты и лев, но не считай врага ничтожным,
Думай о нем, что он станет победителем льва,

Не гордись превосходством, о ты, из племени превосходных,
Ибо в мире достаточно лучших из лучших.

Не хвались железным кулаком,
Поскольку есть кузнецы, плавающие железо.

Кызылбашы выставили перед румским войском небольшую группу численностью около двух-трех тысяч из авангарда, а храбрецы, побывавшие в битвах, и львы, испытанные в сражениях, оставались в засаде [под] горой. Когда тот жалкий отряд появился пред многочисленным войском, курдские удалцы, подобно свирепым львам, обрушились на то расстроенное сборище кызылбашей. [Вначале] скученное, подобно узлу Плеяд, оно было ими рассеяно, как [звезды] Большой и Малой Медведиц. [В это время] неожиданно от лощины под горой появилось около шести тысяч вооруженных копьями на боевых арабских конях всадников, напоминавших лавину и [190] ужасных драконов, изрыгающих пламя. Единым [поток] они ринулись на разрозненное войско курдов и донесли до небесной сферы крики сражения и звуки труб и рожков. От ржания быстроногих [коней] в той жестокой битве показались знаки дня воскресения мертвых. От крови удалцов степь и равнина заалели подобно вечерней заре, утро благополучия знати и простого народа в той страшной долине сменилось вечером. Стихотворение:

Стук копыт и ржанье быстроногих [коней]
Сотрясает [все от] луны [до] рыбы.

Со всех сторон показался лес стрел,
Подобно каплям дождя, они облепили тело.

Из крови, [что брызнула] под ударом стрелы из темени, /131/
У героев над шлемом поднялись крылья.

Боевые секиры, потонувшие в крови храбрецов,
Поднялись подобно гребням боевых петухов.

Словом, мир Мухаммад вместе с правителем Хазо Сарухан-беком, Думан-беком зраки и мир Мухаммадом Финики были в том сражении убиты. Под конец поражение потерпели кызылбашские войска, и от обеих сторон погибло около трех тысяч человек. После убийства мир Мухаммада в казне его, не считая дорогих инкрустированных драгоценными камнями вещей, было в наличии двести тысяч червонных золотых султанского чекана. После него остался единственный сын пяти лет по имени Султан Мухаммад и четыре дочери, других наследников у него не было. В наше время ни один из правителей Курдистана не владеет столь значительными сокровищами.

Султан Мухаммад б. эмир Мухаммад

Его матерью была дочь правителя Хасанкейфа, и в раннем возрасте [Султан Мухаммад] остался без отца. А по существующему в Курдистане обычаю, когда после смерти отца остается малолетний сын, [его] называют титулом и именем [191] родителя. Возможно [также], что собственное имя султана, стоявшее в начале имени, было опущено и сохранилось [только] имя Мухаммад. Истина известна Аллаху!

Мать, будучи женщиной умной и получив в наследство от отца и сына громадное состояние (Букв, “сумму”), подарками и знаками внимания вызвала одобрение и удовлетворение обладателей поместий и знати аширата бохти. В отношении раййатов и населения она следовала путем доброты и благоволения и дочерей своих отдала [в жены] сыновьям Хан Абдала, передав в достойную десницу сыновей Хан Абдала ведение в тех областях дел частного и общего [порядка]. Поистине, в защите и охране, управлении и оберегании /132/ вилайета Джебзире являла она такую твердость и радение, что больше того невозможно и представить. Как-то она отвезла своего сына в Стамбул к порогу султана Мурад-хана, умилостивив здешних столпов и зная дорогими дарами и подношениями. Отмеченные и вознесенные со стороны государя почетными одежаниями и новой грамотой на правление, они получили разрешение на отъезд и возвратились в Джебзире. После пяти лет его (Султан Мухаммада) правления добродетельная его родительница преставилась. Несколько дней спустя он тоже умер, и в 991 (1583) году птица его души — прибежища святости — выпорхнула из клетки тела и уселась на ветвях туба (Название дерева в раю.). По другой версии, наследники власти и враги [его] положили ему в еду яд и отравили. Из потомков Бадр-бека никого уже не осталось, с ним и прекратился род его.

Насир-бек б. Шах 'Али-бек

Во времена правления султана Сулаймана Гази, в дни великого везира Рустам-паши, доверенным лицом в достойном султанском меджлисе и управляющим делами [того] второго Асафа Барахйаи был Дарвиш Махмуд Каладжири. Этот Дарвиш Махмуд происходит из аширата ружаки и по манере стихосложения и стилю письма относится к [192] ученикам Мавлана Идриса. В продолжение некоторого времени ему принадлежала должность секретаря при правителе Бидлиса Шараф-беке. После убийства Шараф-бека он направился в области Рума и стал наставником при дочери султана Сулайман-хана — жене Рустам-паши. Постепенно дела его приняли такой оборот, что в большинстве случаев правители Курдистана обращались к нему. Поэтому везир Рустам-паша был осведомлен обо всех событиях в Курдистане, и [в составе] правителей тех районов имели место перемены /133/ и изменения. Цель приведенного вступления — [напомнить], как уже говорилось выше, что великий везир Рустам-паша побуждал На-сир-бека выступить против своего брата Бадр-бека и добиваться управления Джебзире. Тот, следуя указанию, отправился к сулайманову порогу — прибежищу власти, и управление Джебзире было передано ему. Когда прошло два года его правления, Бадр-бек тоже направился к монаршему двору и, отделив от области Джебзире округа Тур и Хаитам, передал на правах

санджака эмиру Насиру. За собою он утвердил княжество Джебзире. Немного спустя Насир-бек, [проживавший] в Туре и Хайтаме, умер, и Бадр-бек, как и раньше, присоединил упомянутые округа к своим владениям. Словом, по убеждению некоторых великих, изменения, перемены и тому подобное, имевшие место среди правителей Курдистана, объяснялись влиянием Дарвиш Махмуда Каладжири.

Короче говоря, когда Насир-бек умер, его сын Хан Абдал во времена султана Салим-хана и великого везира Мухаммад-паши отправился к государеву двору тоже с надеждою [получить] *санджак* Тура и Хайтама. Более того, демон самонадеянности внушил (**Букв**, “заложил в башню его мозга”).) ему страстное желание [добиться] управления Джебзире, и он обратил все старания на разрушение [того] края. Везир Мухаммад-паша, желая сохранить в мире порядок и спокойствие, из дружбы к Бадр-беку и любви к роду великих правителей решил унижить и оскорбить Хан Абдала. Помыслы его укрепились на то, чтобы заточить Хан Абдала и воздать ему достойную кару. Основываясь на таком [193] [решении], он послал за Хан Абдалом *чауш-баши* ³⁴⁰ Мухаммад-агу в сопровождении нескольких *чаушей* высокого двора.

По воле случая Хан Абдал /134/ с группою сыновей эмиров [племени] бохти и несколькими своими *мулазимами* отправился в соборную мечеть Адрианополя на вечернюю молитву. После совершения намаза прибыл *чауш-баши* с отрядом *чаушей* и предложил ему проследовать в диван великого везира. “Поскольку в такое время за Хан Абдалом прибыл государев *чауш-баши* с несколькими *чаушами*, — заявили (**Букв**, “говорят”).) [тогда] курды, — без сомнения, это недобрый знак. Возможно, они намерены убить его”. [Основываясь] лишь на простой догадке, некий курд из *мулазимов* Хан Абдала по имени Шайх-и Шайхан подошел к *чауш-баши* сзади и вонзил ему промеж лопаток кинжал так, что конец вышел у него из груди. Сопровождавшие его *чауши*, увидев, что дело принимает такой оборот, разбежались, направились к везиру и доложили везиру о деяниях того курда.

Хан Абдал и его сторонники, приведенные происходящим в смятение, растерянные, в замешательстве бросились врассыпную по городу Адрианополю и попрятались по углам. Некоторые оставили город и направились в пустыню. Следуя повелению везира и государя, население города занялось поимкой Хан Абдала и слуг [его]. Глашатаи провозгласили [указ] о том на улицах и в кварталах Адрианополя. Обыскали [все] окрестности и вскоре схватили Хан Абдала и большинство его приверженцев, представив их в диван. Тотчас вышел непререкаемый, как судьба, государев указ убить Хан Абдала и его сторонников. [Последнего] и около ста представителей знати казнили, а его богатства и имущества казначеи конфисковали и включили в государеву казну.

/135/ Памятью после него на страницах эпохи остались семь сыновей, преисполненных добродетелей: 1. эмир Насир, 2. эмир Шараф, 3. эмир Мухаммад, 4. Шах 'Али, 5. эмир Сайфаддин, 6. эмир 'Изаддин и 7. эмир Абдал. Вначале эмир Насир от лица правителя Джебзире Султан Мухаммада [194] отправился в поход на Ереван, и во время возвращения из того похода у карсской крепости до слуха везира и военачальника Фархад-паши дошло известие о смерти Султан Мухаммада. Исполненные справедливости помыслы победоносного сардара укрепились на том, чтобы передать управление Джебзире одному из наследников княжества, которые находились при сопутствующем триумфом войске. Знать [племени] бохти единодушно выступила за правление эмира Насира.

Они обратились к пишущему эти строки, дабы сей несчастный изъяснил их обстоятельства *сардару*, и выразили пожелание, чтобы управление княжеством Джебзире было пожаловано ему. Однако сын Как Мухаммада эмир 'Азиз при посредничестве *бала-чауша* ³⁴¹ тайно объявил *сардару*: “После Султан Мухаммада осталось около ста тысяч [монет] султанского

чекана и несметные богатства и имущества, и кроме двух сестер у него нет других наследников. более подхожу для дела правления, нежели эмир Насир, и, если княжество Джебзире будет передано мне, выплачу в государеву казну около ста тысяч золотых султанского [чекана] из имуществ Султан Мухаммада и двенадцать тысяч золотых из своего достояния”. Достойный *сардар* почел это предложение чрезвычайно выгодным и на следующий день, утвержденный за эмиром Насиром для целования руки, по договоренности с эмиром 'Азизом пригласил в диван обоих. Обращаясь к знати [племени] бохти, он сказал: “[Если взять] эмира Насира и мир 'Азиза, который из них ближе к покойному Султан Мухаммаду?” [Представители] знати Джебзире ответили: “В какой-то степени ближе эмир 'Азиз” /136/ — “По праву наследования княжество Джебзире переходит к эмиру 'Азизу, и пожалование ему [этих владений] представляется [нам] наиболее целесообразным и подходящим”, — изволил [тогда] сказать *сардар*. Знатные Джебзире снова заявили в ответ: “Хотя мир 'Азиз близок к Султан Мухаммаду и по наследству он имеет право на власть, ашираты, племена и знать страны — сторонники мир Насира. Для охраны и защиты, управления и оберегания державы он также подходит более, нежели прежние правители”. [195]

Сардар сказал: “Хотя дела обстоят именно таким образом, управление Джебзире передаю эмиру 'Азизу”. Один из [представителей] знати [племени] бохти с поспешностью ответил: “Существует приказ султана Сулаймана Гази, [согласно которому] ашираты и племена ставят своим правителем любого, кого пожелают. Мы не согласны на правление мир 'Азиза”. Эти слова привели *сардара* в ярость, он потребовал палача и казнил мир Насира в дверях шатра, [в котором] помещался диван, в четверг 29 дня святого месяца рамазана 991 (16 октября 1583) года. Обитатели [этого] мира увидели воочию трубы дня Страшного Суда и знаки величайшего бедствия. Его невинность исторгла из очей смятенного старца и юноши потоки [слез] и затуманила взоры прозорливых [из числа] великих и малых. Стихотворение:

Утратил	мир	свой	обычный	порядок,		
Когда столкнулся, пораженный, со [столь] жестокими трудностями.						
От	скорби,	вызванной	тем	раздирающим	душу	горем,
Из очей хлынула кровь сердца.						

Затем [*сардар*] передал княжество Джебзире мир 'Азизу, отметив и возвысив его царственными почетными одеждами и монаршими щедротами, и в сопровождении *балачауша* отправил на управление Джебзире. Эмир Шараф с другими братьями и друзьями уединенно поселился в округе Танза, и с помощью Аллаха — всеславного и всевышнего владыки [нашего] — конец обстоятельств /137/ их [жизни] будет описан [этим] немощным (Игра слов: *** — означает “сломанный, немощный” и служит названием одного из почерков персидского письма.) пером немного ниже.

Эмир Азиз б. Как Мухаммад

После того как поддерживаемый везиром Фархад-пашой он взялся за дело управления Джебзире и властвовал там год и четыре месяца, великий везир 'Усман-паша ³⁴² передал [196] управление Джебзире мир Мухаммаду, сыну Хан Абдала. Будучи низложенным, мир 'Азиз сопровождал в походе на Тебриз ³⁴³ победоносные мусульманские войска и при оказании государю услуг в ответ на его благодеяния являл рвение и непреклонность. Затем он оставил Джебзире и проживал в Синджаре.

Когда 'Усман-паша в Тебризе умер и Фархад-паша, став во второй раз *сардаром*, пошел на страну персов, мир 'Азиз в Эрзеруме прибыл к *сардару* с изъявлением покорности (В тексте “прибыл на службу”). Управление Джебзире было пожаловано ему при условии, что

тридцать [заселенных] неверными деревень, относящихся к Джебзире, войдут в августейшие государевы домены и ежегодно он будет поставлять в государеву казну около шестидесяти тысяч золотых из доходов с упомянутых деревень. Услышав такое известие, эмир Мухаммад отправился к порогу султана. Когда бразды ведения везирских дел попали в достойную десницу Синан-паши, эмира Мухаммада по просьбе мир 'Азиза отослали в Румелию, дабы предотвратить меж ними враждебные действия.

Округ Танза, что служил местом жительства и источником средств существования для эмира Шарафа и его братьев, эмир 'Азиз укрепил на правах *санджака* за своим сыном по имени Хадджи-бек. Устремив свои помыслы на расправу с сыновьями Хан Абдала, он спокойно и уверенно, 'без чьего-либо вмешательства и соучастия взялся за [дело] правления. Когда таким образом прошло несколько дней, /138/ [действуя] заодно со своими братьями эмиром 'Изаддином, эмиром Сайфадином и эмиром Абдалом, из которых каждый был молодым побегом, выросшим в саду владычества, и кипарисом, вознесшим вершину в цветнике власти до [звезды] Капеллы, — ашираты и племена [не одним, а] сотнею сердец полюбили их за благородный нрав и благие деяния, — сын Хан Абдала эмир Шараф повязал чресла души поясом вражды с намерением оказать эмиру 'Азизу сопротивление. Желая отомстить за смерть своего брата мир Насира, они напали на [197] его заместников. Более того, они отобрали у мир 'Азиза вилайет Джебзире, оставив в его владении лишь город и крепость. Эмир 'Азиз был вынужден защиту и охрану города и крепости препоручить заботам своего сына Хадджи-бека и племянника мир Хаванда и отправился к государеву двору — прибежищу мира — добиваться наказания сыновей Хан Абдала.

Эмир Шараф с братьями захватил окрестности, поселения и округа Джебзире. К нему примкнула большая часть племени бохти, они подошли к крепости и приступили к [ее] осаде. Поскольку осада затянулась на сорок дней, а от эмира 'Азиза помощи им не поступало, положение их оказалось крайне стесненным. По велению судьбы в это время умер Хадджи-бек, что отправился к эмиру эмиров Диарбекира Ибрахим-паше за помощью и поддержкой. В полночь, оставив семью эмира 'Азиза в крепости, мир Хаванд со считанным числом людей открыл ворота крепости и покинул ее.

Брат эмира Шарафа эмир Сайфадин узнал об этом и преградил ему путь. Меж ними произошла битва, и в том сражении эмир Сайфадин погиб от руки эмира /139/ Эмир Хаванд благополучно унес душу из той пучины, но эмир Шараф и эмир 'Изаддин вошли в крепость Джебзире и разграбили богатства и имущества мир 'Азиза и всех друзей его. Членов его семьи как рабов отдали в руки курдов, разделив между собой рабынь — танцовщиц и наложниц, которые перешли в их собственность. В такой обстановке погиб и малолетний сын мир 'Азиза.

Когда [известия] об этих событиях распространились до [монаршего] порога и дошли до высочайшего августейшего слуха, [государь] отправил эмира эмиров Мосула Хусайн-пашу сопровождать мир 'Азиза. Был издан непререкаемый указ на имя эмиров и правителей Курдистана, дабы вместе с Хусайн-пашой они пошли на Джебзире, отобрали ту страну у смутьянов, передали во владение мир 'Азизу, мир Шарафа же и его братьев, что утвердились (Букв, “воссели”) в Джебзире, прибегнув к [198] насилию, схватили и не оставляли безнаказанными их недостойные деяния, подвергнув их каре, которая бы послужила другим бунтовщикам назиданием.

Хусайн-паша поспешил исполнить приказ и вместе с правителем Хазо Мухаммад-беком и войском Мосула зимою 999 (1590-91) года пошел на Джебзире. Эмир Шараф и братья, прослышав о его выступлении, оставили крепость “ город и направились в Танза, а оттуда

— в направлении Хизана и Мокса, захватив свои семьи. Хусайн-паша оставил мир 'Азиза в крепости Джебзире и возвратился назад. После отъезда паши эмир Шараф вместе с братьями и большинством знати отправился на осаду крепости Джебзире. Эмир 'Азиз, будучи не в состоянии /140/ сопротивляться и устоять перед их натиском, оставил крепость и город и бежал с эмиром Хавандом. Эмир Шараф пустился за ним в погоню. Во время преследования мир Хаванд погиб от руки эмира Шарафа, а эмира 'Азиза несколько дней спустя нашли в пустыне мертвым. Стихотворение:

Таков	[уж]	обычай	[этого]	древнего	свода	—
Стоит поднять тебе голову, и [тебя] вырывают с корнем.						
В	этом	лазурном	дворце	с	двумя	дверьми
Вслед за певцом идет плакальщик.						

Эмир Мухаммад б. Хан Абдал

В 991 (1583) году, когда великий везир Фархад-паша казнил брата мир Мухаммада — эмира Насира, княжество Джебзире было передано эмиру 'Азизу, а *бала-чауша* направили конфисковать имущества Султан Мухаммада. Эмир Мухаммад забрал жену и детей своего убитого брата и направился для испрошения справедливости к государеву небесноподобному двору. По воле случая Фархад-паша [в наказание] за ряд проступков был смещен с должности начальника войск, [занимавших] персидские районы, и звание *сардара* было передано 'Усман-паше. [Он] сверг эмира 'Азиза с управления Джебзире и препоручил княжество Джебзире эмиру Мухаммаду. [199]

После смерти 'Усман-паши в Тебризе, когда должность *сардара* персидских районов во второй раз перешла к Фархад-паше, как уже упоминалось выше, мир 'Азиз в Эрзеруме прибыл на службу к Фархад-паше. При условии, что в августейшие государевы домены войдут тридцать армянских деревень из вилайета Джебзире и ежегодно из доходов с упомянутых поселений в казну монарха он будет выплачивать сумму в шестьдесят тысяч золотых, управление было пожаловано [эмиру 'Азизу].

Будучи смещенным, эмир Мухаммад направился ко двору хакана с достоинством Джама. На основании /141/ ряда причин и согласно указанию Фархад-паши эмир Мухаммад отправился в вилайет Будун ³⁴⁴, в котором для него было определено содержание и где он обязан был проживать до конца дней своих. Эмир Шараф и все его братья во [время] похода на Грузию находились при победоносном стремени отмеченного удачей *сардара*. После возвращения победоносного *сардара* со священной войны с неверными эмир Шараф вместе с братьями отправился в округ Танза и поселился [там] в уединенном месте. Но эмир 'Азиз не оставил им и тот округ и представил из государева дивана на имя своего сына Хаджибека грамоту, [закрепляющую за ним этот округ] на правах *санджака*.

По своем прибытии в Джебзире на этот раз мир 'Азиз все свои помыслы устремил на истребление и искоренение потомков Хан Абдала, однако его планы не совпали с божественным предопределением. Как выясняется из предыдущего повествования, эмир 'Азиз, его сын Хаджибек, его племянник мир Хаванд и все их потомство мужского и женского пола были уничтожены, и с ними прекратился их род. За дело правления взялся по праву старшинства и благоразумия эмир Шараф, поручив наблюдение за крепостями и округами своим братьям.

Когда это известие дошло до слуха знати и столпов [державы] при султанском пороге — прибежище счастья, немедленно в Боснию был послан человек, и эмир Мухаммад доставлен оттуда в стольный город Стамбул. По просьбе везира [200] Ибрахим-паши княжество Джебзире пожаловали ему, и эмиру эмиров Диарбекира Мухаммад-паше Буснави

с эмирами Курдистана было поручено доставить эмира Мухаммада в Джебзире и препоручить ему, отобрав у его братьев, ту область. Когда Мухаммад-паша вместе с эмирами /142/ Диарбекира направился в Джебзире, эмир Шараф без споров и препирательств передал крепость и вилайет своему брату эмиру Мухаммаду, а сам поехал в округ Танза, где и стал проживать. Несколько дней спустя выступили посредниками знатные [племена] *бохти* и доставили эмира Шарафа в Джебзире. Встретившись, братья заключили временное перемирие (Букв, “волчий мир”). Эмиру Шарафу, другим братьям и их вассалам были переданы округ Шах и некоторые другие селения и местности — [всего] около половины вилайета Джебзире. Сам город [Джебзире] и несколько округов [эмир Мухаммад] оставил за собою, поручившись выплатить сто пятьдесят тысяч золотых, что предназначалось государю и везиру. Обе стороны согласились с таким решением.

Когда, таким образом, прошло несколько дней, вся знать [племена] *бохти* взяла сторону эмира Шарафа. Наблюдая такое поведение аширатов и племен и понимая, что ему не выполнить [возложенных на него] обязательств, ибо сумма [слишком] велика, [эмир Мухаммад] оставил Джебзире и уехал оттуда. Сколь для благородных и знатных [той] державы и столпов благоденствия государя — прибежища всепрощения — султана Мурад-хана стали очевидны справедливость [притязаний] и дарования эмира Шарафа, княжество Джебзире было пожаловано ему. На имя эмира Шарафа удостоилась чести опубликования грамота на правление, отосланная в Джебзире. Эмир Мухаммад, услышав такие новости, бежал, прибегнув к покровительству правителя Хазо Мухаммад-бека. Поскольку жена эмира Мухаммада приходилась Мухаммад-беку сестрой, он оставил свою семью в Хазо и с его помощью и поддержкой отправился к монаршему двору. Из безграничной государевой милости ему был пожалован *санджак* Хасанкейфа. Подобно торжеству и успеху, [эмир Мухаммад [201] неотступно] находился при победоносном султанском стремени во время /143/ покорения и завоевания крепости Агри ³⁴⁵ и в войне с неверными мадьярами ³⁴⁶. Диваном султана Мухаммад-хана Гази — да будет вечным его владычество! — во второй раз управление Джебзире было закреплено за ним, но из страха перед эмиром Шарафом [он] не отваживается прибыть [в Джебзире].

Эмир Шараф б. Хан Абдал

Это сливки рода и квинтэссенция династии правителей Джебзире. Ключкою мужества и доблести на ристалище великодушия и храбрости похитил он у себе подобных и равных мяч первенства и превосходства; силою могучего плеча, ударом мечущего молнии кинжала на полях смелых сражений и в богатырских столкновениях он одержал героические победы. Стихотворение:

В дни его великодушия устыдится
Хатам [своей] щедрости;

Когда начнет он военные действия,
Рустама будет стыдно за [свои] сражения.

Поистине, райяты и служилое сословие наслаждаются его правосудием и милостями, свои (Букв, “знакомые”) и чужестранцы преисполнены благодарности и признательности красоте его нрава, близкие и далекие от [всего] сердца желают ему блага, а друзья и враги — счастья за его достойные восхваления деяния и обычаи. Стихотворение:

Его возвышенный нрав — образец совершенства для рода человеческого,
Щедрость его совершенной десницы подобна гирлянде из плодов благотворительности,

Позавидуют сады Ирема красоте цветения,
Коль окропят дождем солончак облака его милосердия.

После споров, которые были между эмиром 'Азизом, эмиром Хавандом, эмиром Шарафом и [его] братьями, как уже подробно упоминалось [при описании] обстоятельств [жизни] [202] эмира 'Азиза, бразды управления Джебзире перешли в могучую десницу эмира Шарафа, явившего при охране и защите, управлении и оберегании того вилайета совершенство усердия. Между тем везир [того] времени ['Усман-паша] привез из Боснии брата мир Шарафа эмира Мухаммада и передал ему управление Джебзире. /144/ [Однако] обделенный способностями мир Мухаммад, как упоминалось выше, ничего не достиг в [деле] управления, и султанским диваном княжество Джебзире было пожаловано эмиру Шарафу. По прошествии нескольких дней его власти управление Джебзире возжелал [получить] его брат эмир 'Иззаддин, в башенных зубцах мозга которого свила гнездо птица решимости. Изю дня в день грабил и разорял он окрестности и окраины Джебзире, и под его знамена собралось многочисленное сборище из смутьянов, бездельников и бродяг. Шараф-бек пребывал из-за него в постоянном страхе, пока однажды не позвал его к себе, а [сам] договорился с несколькими своими доверенными слугами, что, как только эмир 'Иззаддин войдет в дом, они покончат с ним. Он спрятал их внутри дома и послал за эмиром 'Иззаддином. Только [он] ступил в дом, как те, что скрывались, выступили из засады и очистили башню его мозга от ветра самонадеянности и высокомерия. Начиная с того дня [Шараф-бек], став независимым правителем, ревностно занимается управлением Джебзире, красотой справедливости и правосудия превратив тот вилайет [в край] населенный и процветающий. [Можно] надеяться, что ему [в том деле] будет сопутствовать преуспеяние.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах Гургилы

Как упоминалось выше, когда сыновья Сулаймана, сына Халида, поделили между собой вилайет Джебзире, округ Гуртил перешел к эмиру Хаджжи Бадру, и все эмиры Гургилы происходят от него. Вначале Гургил называли Джурдагилом, [203] позднее в большинстве случаев он стал [именоваться] Гургилом. Именно в том округе находится тора Джуди, на которой остановился ковчег его святости Нуха — мир над нашим пророком и над ним! В том округе около ста /145/ благоустроенных мусульманских и армянских селений. Есть там и зимние и летние пастбища, где обитают кочевники.

Словом, эмир Хаджжи Бадр умер в том вилайете, и его место заступил один из его внуков по имени Хаджжи Мухаммад, сын Шамсадина. Он тоже умер спустя некоторое время, [в продолжение которого] со всем рвением занимался управлением того вилайета. Владетелем того округа стал его сын по имени эмир Шамсадин. Когда он преставился, после него осталось три сына: эмир Бадр, эмир Хаджжи Мухаммад и эмир Саййид Ахмад. Все три брата один за другим управляли Гургилом, но обстоятельства [жизни] эмира Бадра и мир Хаджжи Мухаммада для пишущего эти строки остались неизвестными, а потому он на них не стал останавливаться.

Эмир Саййид Ахмад б. эмир Шамсадин

Это был человек замечательной храбрости и мужества и неизменно на полях сражений и битв выделялся среди доблестных. Во время подчинения Курдистана порогу султана Салим-хана он стал приближенным государя и развлекал [его] остроумными речами и изящными рассказами. После смерти султана Салим-хана такого же обычая держался он и в отношении султана Сулаймана Гази, и неизменно его поведение приходилось государям по нраву. Неоднократно [монарх] жаловал ему, присоединяя к Гургилу, Мосул и Синдjar и даровал грамоту на правление.

Рассказывают, когда султан Сулайман-хан возвращался из обители ислама Багдада, мир Саййид Ахмад лег в гроб, повелев его поставить на пути, которым следовал султан. Государь спросил, что это за гроб (Букв, “об обстоятельствах этого гроба”). Ответили: “Это [гроб] мир [204] Саййид Ахмада”. [Тогда Саййид Ахмад] говорит: “Санджак Мосула для меня [дорог], как душа. /146/ Государь пожаловал его другому, и мое тело лишилось души — подобно трупу остался я в гробу”. Речь его пришлась по нраву монарху. Он снова пожаловал ему, присоединив к Гургилу, санджак Мосула — даровал его мертвому телу новую душу и вечную жизнь. Жизнь эмира Саййид Ахмада имела естественную [продолжительность] и до конца дней своих он пользовался при государях вниманием и уважением.

Крепость Гургил принадлежит к могучим цитаделям Курдистана. Рассказывают, когда Сулайман-бек Бижан-оглы ³⁴⁷ осадил крепость Имадию, наступила зима, завоевание оказалось невозможным, и он возвратился на зимние становища в округе Бешири. Тем временем правитель Хаккари 'Изаддин Шир засел в крепости Бай, что относилась к его вилайету, — остальные крепости и вилайет его перешли во владение к наместникам [династии] Ак-Койунлу. ['Изаддин Шир] отправил Сулайман-беку послание [такого содержания]: “Пока из относящихся к Бидлису крепостей в наших руках находятся Гургил, Имадия, Бай и крепость Суй, мы вас ничуть не боимся, а ваши шатры в глазах курдов равноценны буйволу помету”.

Словом, после некоторого времени независимого управления Гургилом и присоединенным [к нему] Мосулом эмир Саййид Ахмад умер. После него правителем той страны стал его племянник.

Эмир Шамсаддин б. эмир Бадр

Он взялся за дело правления в Гургиле после смерти своего дяди мир Саййид Ахмада. У него было три брата: эмир Ибрахим, эмир 'Умар и эмир Хаджи Мухаммад. Когда после нескольких лет правления эмир Шамсаддин был принят под сень всевышнего владыки, вместо него на эмирский трон воссел его брат мир Ибрахим. [205]

Эмир Ибрахим /147/ б. эмир Бадр

Вместо брата он стал правителем Гургила. Когда между правителем Джезире Бадр-беком и его братом Насир-беком разгорелся спор за власть над теми районами, как уже подробно упоминалось [при описании] обстоятельств Бадр-бека, эмир Ибрахим из любви к Насир-беку поехал в Ван, дабы, получив от эмира эмиров Вана Фархад-паши рекомендательное письмо в пользу эмира Насира, направиться оттуда к прибежищу счастья — порогу султана Сулайман-хана.

По воле случая [тем временем] районы Вана и остальную часть той страны наводнил [своим] более многочисленным, чем дождевые капли, войском шах Тахмасб ³⁴⁸. Следуя [словам]: “Кто спас свою голову, уже достиг многого”, эмир Ибрахим захотел из Баргири ³⁴⁹ перебраться в Бидлис. Между Баргири и Арджишем его нагнали кызылбаши, но благодаря силе [своего] плеча и мужеству эмиру Ибрахиму [удалось] пройти в крепость Арджиш. Шах Тахмасб, собственною персоною пустившись за ним в погоню, подошел к крепости Арджиш и незамедлительно приступил к ее осаде.

Когда осада затянулась на четыре месяца, доведенные до крайности осажденные порешили сдать шаху Тахмасбу крепость путем соглашения и договоренности, с тем чтобы им была оставлена жизнь. Но эмир Ибрахим и отряд [из племени] бохти, что сопровождал его, не

согласились на такой мир. В конце концов население крепости договорилось с шахом Тахмасбом и провело ночью внутрь крепости около пятисот-шестисот кызылбашских молодцов (Букв, “пригодных к делу кызылбашей”). Утром заодно с кызылбашами они свели счеты с племенем бохти с помощью стрел и ружей, копий и сабель. В той суматохе эмир Ибрахим стал пленником десницы предопределения и был убит. Его племянник, /148/ покрытый ранами, и еще пятьдесят-шестьдесят человек были схвачены и доставлены к шаху Тахмасбу. Тотчас последовало повеление государя оскальпировать их живыми, дабы в тех мучениях они отдали душу творцу вселенной. [206]

Эмир Ахмад б. эмир Ибрахим

После казни его отца, на основании грамоты султана Сулайман-хана, звание эмира Гургила было передано ему. В продолжение тридцати лет он правил там. У него появился сын, исполненный неблагородства; по достижении им возраста зрелости и разума, когда между эмиром 'Азизом и сыновьями Хан Абдала начались раздоры, в которых мир Ахмад стоял на стороне сыновей Хан Абдала, он поддерживал мир 'Азиза. С помощью мир 'Азиза он сместил отца с эмирского поста и вместо него сам стал правителем Гургила. Эмир Ахмад отправился для испрошения правосудия ко двору султана Мурад-хана, но в положенный судьбою срок умер в пути.

Эмир Мухаммад б. эмир Ахмад

Отстранив отца, он взялся за управление Гургилом. Однако, не будучи щедро наделен умом и разумением, пониманием и проницательностью, возвысившись на несколько дней благодаря помощи и поддержке эмира 'Азиза, он в конце концов погиб от руки своих двоюродных братьев эмира 'Умара, эмира Мухаммада и эмира Махмуда.

Эмир Ахмад б. эмир Мухаммад

После убийства отца он остался малолетним [ребенком], и сегодня, 3 рамазана 1005 (20 апреля 1597) года, благодаря пособничеству эмира Шарафа, сына Хан Абдала, управление Гургилом принадлежит ему.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

Об эмирах Финика

Округ Финика населяют четыре аширата: баджнави ³⁵⁰, шакаки ³⁵¹, миран ³⁵² и кунье. Его эмиры принадлежат к роду эмира Абдала б. Сулаймана б. Халида. /149/ Как упоминалось [207] выше, когда Сулайман б. Халид умер в Джебзире, его сыновья поделили ту область между собой, причем округ Финик достался эмиру Абдалу. Эмир Абдал долгое время ревностно занимался управлением того округа.

Когда [он] умер, власть над тем районом утвердилась за его сыновьями и сторонниками, пока той страной не завладели туркмены ак-койунлу. В ту эпоху вилайет стал добычей крайнего беспорядка и смуты, и в руках туркмен ак-койунлу та страна пребывала около ста лет. После того как власть [династии] Ак-Койунлу стала клониться к упадку и наследственный вилайет перешел к его законным владельцам, начиная с того дня уже никто не покушался на их вилайет, если не принимать во внимание нескольких дней во времена правления хакима Джебзире Шах 'Али-бека, в продолжение которых тот округ принадлежал брату Шах 'Али-бека эмиру Мухаммаду. Затем благодаря помощи и поддержке правителей

Джезире тот округ вновь перешел к его наследникам, и по сей день, то есть по 1005 (1596-97) год, тот округ принадлежит им.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О правителях Хасанкейфа, поименованных маликами

Стихотворение:

В любое время коловращения судьбы
По-иному учит нас [наш] наставник.

Он вносит разлад в прежнюю гармонию
И вводит в мир новый порядок.

Летописцы известий и хранители преданий рассказывают, что когда владетельная десница рода Айуба в 662 (1263-64) году окончательно утратила власть в Египте и Сирии и расстилатель судьбы свернул ковер владычества того высокого дома в той стране, один из потомков некоторое время тайно проживал в городе Хама. Позднее он оставил [тот город], /150/ [208] отправился в Мардин и поступил на службу к здешнему правителю. Тот ласковый с друзьями и беспощадный с врагами правитель включил его в число своих эмиров и знати, пожаловав ему [в знак] высокого благоволения управление округом Савур 353.

Однако тот юноша за несколько дней, проведенных в Савуре, пришел там в уныние, направился в Рас-ал-Гул 354, ныне известный [под названием] Хасанкейф, выбрал там место для поселения и обзавелся семьей. Климат той страны пришелся ему по нраву, [в отношениях] с местными жителями являл он сочувствие и ласку. Великий и малый, богат и бедняк в тех районах подставили шею для послушания и повиновения ему. Они признали его своим правителем и начали строить там крепость.

По воле судьбы тем временем устои цитадели власти мардинского султана пришли в полную негодность и стали испытывать неопишное сотрясение, и [он] был крайне обеспокоен построением крепости Хасанкейф. Он послал за основателем крепости, но тот уклонился от приезда и ступил на стезю вражды. Основываясь на этом, правитель Мардина собрал свои войска и направился в Рас-ал-Гул с намерением завоевать крепость Хасанкейф. Основатель крепости явился на битву, твердо и непреклонно ступив ногою доблести на ристалище мужества. Правитель Мардина возвратился, не достигнув желаемого. Начиная с того дня полумесяц властительного знамени рода Айуба снова отбросил на окрестности и районы Хасанкейфа лучи завоевания и за короткое время покорил тот край.

В некоторых султанских указах и рукописях, ранних и [более] поздних, то место именуется Хасанкейфом (***) — т. е. пишется не через *сад*, а через *син*. По этому поводу достойные доверия рассказывают, что во время своего правления основатель крепости схватил некоего Хасана из арабской знати /151/ и заточил в крепости. Поскольку заточение Хасана затянулось, а правитель крепости не добился от него [209] желаемого, дело дошло до того, что Хасан должен был вот-вот погибнуть.

Хасан послал к правителю крепости с заявлением: “Дела мои из рук вон [плохи], я уже смирился с мыслью о смерти. Умоляю малика на одно мгновение оказать милость и выпустить меня из оков заточения. Пусть даст он мне ту славную кобылу, что была со мною; на часок я оседлаю ее внутри крепости и явлюсь пред блистательные очи малика, дабы [он] увидел воочию искусство верховой езды и джигитовку раба [своего], а также —

бег кобылы, [ее] быстроту и легкость. После того я согласен со всем, на что последует высочайшее указание”.

Малик уважил просьбу Хасана, повелел привести его кобылу и приказал ему сесть на нее. Хасан со своей стороны облобызал землю служения и сел на свою гороподобную кобылу, в воздухе стремительную, как молния, а на земле плавную, как ручеек. Стихотворение:

Быстроногий, под копытами которого земля не чувствует,
Одной или четырьмя ногами шел он по ее поверхности,

Подобно слезинке, стекающей с ресницы,
Быстро пройдет он по волоску в темную ночь,

Плавно, как пузырь, скользнет по воде,
Подобно искрам, стремительно выскочит из огня,

Устремится вниз, как капля в новый год,
Ввысь вознесется, подобно облаку в марте,

Робкий, как желание, и неотвратимый, как рок,
Трепетный, как утренний ветерок, и пожирающий [все на своем пути], как пламя,

Он прочерчивает тысячи кругов вокруг одной точки,
Будто ноги у него, подобно циркулю, сделаны из железа.

За мгновение /152/ проскакав на своей лошади во всех направлениях и показав перед маликом свою ловкость и быстроту, Хасан вдруг пришпорил ее и, перемахнув через зубцы [210] крепостной стены, чья высота превышала 150 гезов, бросился в воды реки, что протекает у подножия крепости. Брюхо лошади лопнуло, и Хасан вплавь выбрался из того вздымающегося моря и лютой бездны на берег спасения. Когда он скрылся у малика из виду, у людей вырвался крик: “Хасан кайф!” (“Каков Хасан!”.)

Говорят, после этого удивительного события та крепость известна под названием Хасанкейф. Полустишие:

Случается, даже справедливое слово звучит странно.

Согласно другому преданию, основатель крепости именовался Кайфа б. Талуном, а потому и [крепость] стала называться Хисн Кайфа (“Крепость Кайфа”). Истина ведома Аллаху!

Основных аширатов и племен в Хасанкейфе тринадцать: 1. ашти, 2. махлаби, 3. михрани, 4. баджнави, 5. шакаки, 6. астурки, 7. курдлуй кабир, 8. курдлуй сагир, 9. рашан, 10. кашки, 11. джилки, 12. хандаки, 13. сухани и бидийан.

К наиболее значительным округам Хасанкейфа относятся крепость Сиирт ³⁵⁵, округа Бешири и Тур и, наконец, округ Арзан ³⁵⁶, что пребывает во владении у правителей Хазо. Там проживают двенадцать тысяч неверных, выплачивающих *харадж*.

С того дня, когда основатель крепости ступил на стезю вражды с правителем Мардина, и пока карман его жизни не был порван когтями смерти, он неусыпно управлял тою крепостью, ее окрестностями и округами и руководил аширатами и племенами. События после его смерти известны по устным преданиям.

На трон правителя взошел один из его сыновей по имени малик Сулайман. Он долгое время управлял Хасанкейфом, и до конца царствования Чингизидов, то есть до 736 (1335-36) года, тот вилайет /153/ пребывал у него во владении. После того как в положенный срок Сулайман отбыл в потусторонний мир, место отца заступил его сын малик Мухаммад.

Среди [211] великих правителей он не имел себе равных в деле управления страной, руководства войском и племенами, покровительства поданным и заботы о [своих] слугах. В отношении султанов и хаканов Ирана он неизменно соблюдал почтение и покорность, пока не распростился с [этим] бранным миром.

Малик 'Адил б. малик Мухаммад

Согласно завещанию отца он взялся за управление Хасан-кейфом и [своим] правосудием и помышлением о [всеобщем] благе превратил вилайет [в край] населенный и процветающий. Постепенно он превзошел своих отцов и дедов величием и славою, пока не был принят в 781 (1379-80) году под сень господней милости.

Малик Аишаф б. малик 'Адил

После смерти отца он заступил “место родителя, и был он современником эмира Тимура Гургана. Как рассказывает автор *Зафар-наме* Мавлана Шарафаддин 'Али Йазди, в 796 (1393-94) году после завоевания Багдада и взятия крепости. Текрит обладатель счастливого сочетания звезд [своего] времени эмир Тимур Гурган направился в Мардин. Когда он прибыл в город Руха, правитель Хасанкейфа удостоился там чести лобызания ковра и, бия челом покорности и смирения о землю рабской преданности, исполнил обязанности верноподданнической службы. Он возвратился в свой вилайет, сопутствуемый бесценными монаршими милостями. После этого он жил еще долгое время и в назначенный судьбою срок отбыл а потусторонний мир.

Малик Халил б. малик Аишаф

Когда умер его отец, с одобрения аширатов и племен он занялся управлением Хасанкейфа. В 824 (1421) году сын эмира Тимура Гургана Мирза Шахрух /154/ подошел к границам Вана и Востоана, дабы низвергнуть и устранить сыновей Кара [212] Нусуфа туркимана. Малик Халил встретил Шахрухов кортеж и удостоился счастья лобызать [августейший] порог. Когда Мирза Шахрух пожаловал правителям и эмирам Курдистана, как то: эмиру Шамсаддину Бидлиси, правителю Хаккари малику Мухаммаду и сыну Султан Сулаймана Хизани разрешение на отъезд из Алашкерта, [малику Халилу] было дозволено ехать вместе с упомянутыми правителями, и он возвратился в свой вилайет. Остаток жизни он провел в тех районах счастливо и без забот, даровав [своими] милостями и благодеяниями служилому сословию и раййятам покой и благоденствие. В 862 (1457-58) году он прошествовал в райские сады.

Малик Халаф по прозвищу Чавсур, что на языке курдов означает Халаф Красноглазый

Он приходится сыном малику Сулайману и братом малику Халллу. После смерти дяди [малик Халаф] занялся управлением Хасанкейфом и руководством аширатами и племенами. За сражения и схватки, которые произошли у него с племенем бохти, за проявленные в тех битвах чудеса храбрости и отвагу Рустама в народе он стал известен как Абу Сайфайн.

Хасан-бек Байандури Ак-Койунлу, вознамерившись покорить территорию Курдистана, поручил завоевание Хасанкей фа отряду туркмен. Они подошли к крепости, но сколь ревностно ни осаждали, каких многочисленных усилий ни прикладывали, завоевать [крепость] не удалось. Один из двоюродных братьев малика Халафа, с надеждою на управление теми районами, поддавшись на подстрекательства туркмен, решил убить своего дядю (?). По воле случая однажды он застал его в бане одного. [Побуждаемый]

себялюбивыми надеждами и дьявольскими помыслами, повязал он чело наглости чалмою измены /155/ и, разорвав узы родства, безжалостным мечом перерезал нить жизни того отпрыска (Игра слов: *** означает “потомок”, “отпрыск” и собственное имя правителя, о котором идет речь.) рода маликов. Власть этой семьи была полностью утрачена ее наследниками и [213] перешла к туркменам. Убийца же не добился ничего, кроме сожаления и раскаяния. Стихотворение:

Семена верности и преданности на этой старой ниве
Можно видеть тогда, когда наступает время жатвы.

Форма луны в начале месяца напоминает [нам]
Корону Сийамака и блестящий венец Зава.

Малик Халил б. малик Сулайман

Во время смут, [поднятых] туркменами, он тайно проживал в городе Хама. Когда в рядах туркмен начались беспорядки и анархия, [малик Халил] при помощи и поддержке эмира Шах Мухаммада ширави — эмирам [племени] ширави с давних времен принадлежали должности везиров при маликах Хасанкейфа — прибыл из города Хама, и под его началом собрались племена Хасанкейфа. Все вместе они пошли на Сиирт, ударом меча очистив тот город от [туркмен] ак-койунлу, и оттуда направились в крепость Хасанкейф, благополучно отобрали ее у туркмен и стали ее владетелями. После того малик Халил получил [в делах] правления полную независимость. Словом, в то время ни один из правителей Курдистана не обладал подобным величием и пышностью. Деяниями и обычаями он походил на государей. Когда благородная сестра шаха Исма'ила Сафави, из-за притеснений султана Йа'куба ³⁵⁷ оставившая родную страну и прибывшая в Диарбекир с намерением совершить паломничество в священный храм Мекки, достигла окрестностей Хасанкейфа, [малик Халил] соединился с нею узами брака. В день свадьбы он устроил празднество, достойное государя, и пиршество, подобающее монарху, на котором присутствовали эмиры и правители, знать и простой народ Курдистана.

Расстелив ковер увеселения, /156/ луноликие и сладкоречивые кравчие налили вина, [столь же] горькие, [сколь] приятные, а нежноголосые певцы и сладкозвучные музыканты-арфисты открыли ликование такой песней — стихотворение: [214]

На [весь] мир устроили небеса пиршество — и какое пиршество!
Процветание на все царства распространил тот пир.

Это блистательный союз луны и солнца.
Единение херувима с гурией.

Ложе Билкис [своего] времени одарило
Честью посещения шатер могучего Сулаймана.

Когда столпы державы и устои великолепия [династии] Ак-Койунлу утратили свою незыблемость, а на востоке зарождения взошло солнце власти шаха Исма'ила Сафави, эмиры и правители Курдистана направились в Тебриз для лобызания его порога. Сразу по приезде туда эмиров шах Исма'ил заключил в оковы малика Халила вместе с остальными эмирами и препоручил Зайнал-хану шамлу. Малику Халилу было приказано привезти в Тебриз свою семью, и малик Халил доставил в Тебриз сестру шаха Исма'ила, у которой от него были сын и три дочери.

На протяжении трех лет он оставался в заточении у шаха Исма'ила, а княжество Хасанкейфа полностью перешло к кызылбашам. Во время смут, (поднятых сражением) при Чалдыране, малик Халил счел момент подходящим, вместе с Баши-Бийуком Байики перебил своих стражников и бежал оттуда со всею поспешностью в направлении Диарбекира. Когда он

достиг окрестностей Вана, путь ему преградило племя махмуди с намерением схватить его. Малик Халил доблестно сражался и благополучно унес душу из той гибельной пучины. Через Бидлисское ущелье он направился в Хасанкейф, Баши-Бийук же в той схватке стал пленником десницы божественного предопределения.

/157/ Тем временем племена ширави и зраки в союзе с племенами и аширатами Хасанкейфа поставили на управление теми районами малика Сулаймана, сына малика Халила, наперекор аширату рашан, который бразды правления в той стране возложил в могучую десницу одного из двоюродных братьев малика Халила. Во время этих событий племя бохти тоже двинуло туда войска для завоевания Сиирта, намереваясь **[215]** очистить [той край] от кызылбашей, как вдруг до населения той страны дошел слух о прибытии малика Халила.

Сыновья с покорностью прибыли к отцу, а [племя] бохти прекратило осаду крепости Сиирт, несколько дней спустя малик Халил отобрал у кызылбашей крепость Сиирт и стал ее владетелем.

Поскольку при взятии крепости Хасанкейф кызылбашы пользовались помощью и поддержкой эмирата баджнави, то охрану и защиту упомянутой крепости они поручили его заботам. Упомянутый ашират постепенно подпал под влияние кызылбашей и, когда стало известно о приезде малика Халила, отправился за провиантом в относящийся к вилайету [племени] бохти округ Тур, дабы, доставив большие запасы провизии, дарам крепость не сдавать. Малик Халил, узнав об этом, собрал людей своих аширатов и племен и отправился походом на тот народ. Те изъявили ему покорность, обещая сдать крепость. Малик Халил пощадил им жизнь и с Хусайн-беком баджнави заключил перемирие, пожаловав [ему] во владение селение под названием Бали как цену крови его отца и братьев, которые будут упомянуты ниже в [соответствующем] месте. После того крепость была сдана тем племенем малику Халилу.

/158/ По рассказам некоторых достойных доверия авторов, Баджн и Бухт были двумя братьями и происходили от правителей Джебзире-йи Умарийе. Между братьями из-за управления теми районами разгорелся спор, и власть утвердилась за братом по имени Бухт, а Баджн отправился в Хасанкейф. Малики отобрали у племени баджнави власть над теми районами. Согласно другой версии, все племена курдов происходят от Баджна и Бухта. Истина ведома Аллаху!

По воле случая, когда правителем Джебзире был эмир Шараф б. эмир Бадр, из-за старинной вражды к эмиру Шарафу племенем баджнави были допущены действия неподобающие. [Эмир Шараф], решив отомстить, потребовал у малика Халила [выдать ему] эмира Мухаммада баджнави, дабы достойно наказать его. Малик Халил, [желая] снискать, расположение эмира Шарафа, казнил мир Мухаммада и пятнадцать человек **[216]** из его сыновей и свиты. Сын его (мир Мухаммада) по имени Хусайн-бек бежал [во время] той расправы. Имущества и богатства, остальные ашираты и племена его стали жертвою грабежа и разорения. Ныне в народе говорят, что именно это послужило причиной сговора Хусайна с кызылбашами в отсутствие малика Халила. Этот рассказ [приводится нами] в объяснение того, почему малик Халил передал Хусайн-беку селение Бали и заключил с ним перемирие.

Словом, малик Халил после того как племя баджнави передало ему крепость, некоторое время восседал на троне управления и самодержавной власти, пока в конце концов не выслушал со вниманием глас небесного посланца: “О душа, возвратись ко господу своему, будучи удовлетворенною, удовлетворившею!” (*Коран, сура 89, стих 27—28.*) — и не отбыл

в мир вечности. После него на память осталось четыре сына: 1. малик Сулайман. 2. малик 'Али, 3. малик Мухаммад и 4. малик Хусайн.

/159/ Малик Хусайн б. малик Халил

Малик Хусайн, будучи юношей, украшенным возвышенными помыслами и прославившимся благородными деяниями и щедротами, еще не достиг совершеннолетия, когда ашираты и племена Хасанкейфа, плененные совершенством красоты и красотой совершенств его, доставили его среди себя на правление. Стихотворение:

У того, кто отмечен знаком любви,
От чела будто исходит сияние.

Однако, воссев вместо отца на трон правления, он заточил в тюрьму своих братьев по имени малик Мухаммад и малик 'Али. Его третий (Букв. “другой”.) брат, малик Сулайман, бежал из округа Арзан и отправился на служение к эмиру эмиров Амида Хусрав-паше с просьбой [передать ему] отцовское княжество. Хусрав-паша, со своей стороны, дабы прекратить спор [217] между братьями, послал за Султан Хусайном и вызвал в диван Амида заключенных было в тюрьму братьев тоже. После казни малика Хусайна упомянутый паша передал управление Хасанкейфа его брату малику Сулайману.

Малик Сулайман б. малик Халил

Столпы веры и следующие путем истины единодушно признали, что власти и величия достоин тот, кто при всех обстоятельствах жизни [неуклонно следует правилу]: “Благотвори другим, как благоворит бог тебе” (Коран, сура 28, стих 77.) — и не оставляет своими милостями ни великих, ни малых. Те же, кто, следуя [святым словам]: “Родные ближе одни к другим, [по писанию божию: истинно, бог всемогущ]” (Коран, сура 8, стих 76.), во всех делах руководствуются родственными отношениями, вскоре вызывают, недоброжелательство ближних. Стихотворение:

Если два друга единодушны, подобно ножницам,
Они рассекают весь мир, а друг с другом не разлучаются.

Цель приведения этих пояснений — [показать], что, когда на основании непререкаемого указа султана Сулайман-хана Гази и с помощью /160/ эмира эмиров наместника Диарбекирского вилайета малик Сулайман стал правителем Хасанкейфа и возвратился в свою резиденцию, его братья малик Мухаммад и малик 'Али выступили против него. Когда прошло несколько дней его правления, малик 'Али, будучи не в силах оказать ему сопротивление, отправился к правителю Бидлиса Шараф-хану. Все ашираты и племена отвернулись и отошли от малика Сулаймана из-за убийства малика Хусайна и не только не стали искать с ним общения, но даже ступили на путь вражды. Это испугало [малика Сулаймана], и он уехал в Амид, по доброй воле отказавшись от управления Хасанкейфом. Ключи от крепостей он передал Хусрав-паше, с тем чтобы взамен ему была пожалована в управление любая область в другом [218] вилайете. Хусрав-паша доложил у подножия высочайшего сулайманова трона об истинном положении дел его, и [в знак] монаршей милости малику Сулайману взамен Хасанкейфа была пожалована во владение Руха с 700 тысяч акче [дохода]. Его брату малику Мухаммаду было даровано 300 тысяч акче, а другому брату, по имени малик 'Али,—200 тысяч акче с вилайета Руха на правах *зи'амата*. В течение некоторого времени малик Сулайман занимался в Руха делом правления, в конце концов его душа выпорхнула из клетки тела и поселилась в лучшем из миров.

Малик Мухаммад б. малик Халил

После смерти своего брата он потерял *санджак* Руха, и сулаймановым диваном на правах эмирата ему был пожалован район Арабкира ³⁵⁸. Позднее ему даровали на правах *санджака* Бидлис, но там он тоже не упрочил [своего] положения. В конце концов утомленный постоянными скитаниями, одиночеством и переменами, /161/ не вынес он волнений из-за *санджака*. Будучи связанным узами дружбы с правителем бохти Бадр-беком, он отдал свою дочь в жены сыну Бадр-бека эмиру Мухаммаду. С давних времен между собою они соблюдали обязанности, [налагаемые] добрыми соседскими отношениями. Поэтому он предпочел затворническую жизнь и поселился уединенно в Дезире, где провел остаток дней своих. [Под конец] он ответил господу: “Я готов” — и был принят под сень божественной милости.

После него осталось одиннадцать сыновей: 1. малик Халаф, 2. малик Султан Хусайн, 3. малик Ашраф, 4. малик 'Али, 5. малик Сулайман, 6. малик Халил, 7. малик Захир, 8. малик 'Адил, 9. малик Махмуд, 10. малик Хасан, 11. малик Ахмад. Малик Халаф умер в расцвете весны и молодости, после него остался (*Букв, “у него есть”*.) сын по имени малик Хамза. Малик Сулайман, малик Захир и малик Хасан — все три брата умерли еще молодыми, отправившись в мир вечности. Притязать на [219] *сан'джак* отца стал малик Султан Хусайн, которому тот и был передан диваном султана Салим-хана. Остальные братья, избрав служение курдским эмирам, проживают в Курдистане.

Малик Султан Хусайн б. малик Мухаммад

После препоручения ему отцовского *санджака* он несколько раз занимал тот пост, но не смог его удержать и тоже отстранился от того важного дела. Ныне, в 1005 (1596-97) году, он проживает в Курдистане и получает небольшой доход из излишек поступлений с вакфных пожертвований отцов и дедов.

Принимая во внимание его высокое происхождение, можно надеяться, что всеславный и всевышний господь позаботится о споспешествовании и вспомошествовании делам его и дарует ему верховную власть отцов и дедов.

/162/ РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

О других эмирах и правителях Курдистана

Состоит он из трех частей

Часть первая, состоящая из девяти глав

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О правителях Чемишгезека

[Глава] состоит из трех параграфов

Да не останется утаенным от миропокоряющего помысла и просвещенного всепроникновенного (*Букв, “преодолевающий трудности”*.) разума знатоков науки истории, что родословная правителей Чемишгезека, по их мнению, восходит к одному из потомков аббасидских халифов по имени Малкиш. По рассказу некоторых великих [историков, основоположником их рода] является эмир Салик б. 'Али б. Касим, принадлежащий к одной из ветвей сельджукских султанов. Во время правления Алб-Арслана Салджуки ³⁵⁹ он владел Эрзерумом и относящимися к нему областями, пока в 556

(1160-61) году между ним и правителем Грузии не произошло жестокое побоище. Вместе с прославленными [витязями] своего войска он был схвачен грузинами. Но, поскольку его сестра была супругой армянского государя, [тот] направил в Грузию дары и приношения и освободил его из оков заточения. После его смерти управление утвердилось за его сыном маликом Мухаммадом. Когда малик Мухаммад отбыл из этой обители брэнности, власть перешла к Джакдашу. После смерти Джакдаша на трон управления воссел Малик-шах, сын Мухаммада. Пожелав отложиться и выразив притязание на султанскую власть, под конец, в 596 (1199-200) году, он был схвачен Сулайманом б. Кылыч-Арсланом Салджуки и казнен. С того времени Эрзерум перешел во владение Сельджукидов Рума. [221]

Вполне возможно, что правители Чемишгезека принадлежат к потомкам того Малик-шаха, а в результате частого употребления [этого имени] курдами Малик-шах превратился в Малкиша. /163/ Имена правителей Чемишгезека, не имея ни малейшего сходства с именами арабов и курдов, тоже указывают на то, что они относятся к потомкам турок.

Рассказывают, что некий Малкиш — один из внуков того Малкиша — собрал под своим знаменем большой отряд и завоевал тридцать две крепости и шестнадцать округов, которые ныне пребывают во владении у правителей Чемишгезека. Их ашират называли малкиши ³⁶⁰. То [племенное] объединение состоит из трех частей. На весь Курдистан славятся они многочисленностью [своих] аширатов и племен, приверженцев к помощников. Около тысячи их семейств служило при дворе государей Ирана, а некоторые были отнесены к числу *мулазимов* монарха. Среди них был назначен отдельный правитель. В Курдистане их вилайет занимает столь обширную [территорию], что знать, простой народ и особенно отмеченные великолепием хаканы в [своих] грамотах и указах называют их страну Курдистаном. И всякий раз, когда в курдской среде упоминают Курдистан, имеют в виду Чемишгезек.

С того времени как Малкиш завладел тридцатью двумя крепостями и шестнадцатью округами, о чем упоминалось выше, после него крепостями и округами Чемишгезека в [установленном] порядке управляли его славные сыновья и внуки. Не потеряли они его и в тревожные времена [царствования] таких высокодостойных монархов, как Чингиз-хан, эмир Тимур Гурган, Шахрух-мирза и Кара Йусуф туркиман, пока бразды управления тем вилайетом не попали в могущественную десницу [эмира] Шайх [Хасана], сына эмира Иалмана, а титул государя Ирана не утвердился за Хасан-беком Байандури ³⁶¹.

/164/ Все свои помыслы [Хасан-бак Байандури] устремил на искоренение [знатных] семей Курдистана, в особенности тех, кто следовал в отношении государей Кара-Койунлу путем дружбы и единения. Стараясь в их числе истребить и уничтожить правителей Чемишгезека, он поручил завоевание [222] вилайета Чемишгезека племени харбандалу, что являлось одним из основных *аймаков* ³⁶² ак-койунлу. Упомянутое племя силой отобрало ту область от эмира Шайх Хасана, в то время юноши, наделенного мужеством и великодушием.

По достижении возраста (Букв, “предела”, “границы”.), зрелости и рассудительности [он] день и ночь обдумывал отпор врагам и устранение [их], обратив свои возвышенные помыслы на завоевание страны. Он собрал под своим стягом отряд из храбрецов и удальцов [тех] районов и, уповая на создателя всего сущего (Букв, “творца общего и частного”), выступил против племени харбандалу. Силою [Шайх Хасан] изгнал то сборище из наследственного вилайета и завладел им.

Когда дни его правления подошли к концу, место отца заступил его сын Сухраб-бек. После некоторого времени правления тот направился в мир вечности, и на трон власти отца воссел его старший сын Хаджжи Рустам-бек. В его время к власти пришел шах Исма'ил Сафави и

послал на завоевание вилайета Чемишгезека одного из кызылбашских эмиров по имени Нур-'Али Халифа. Хаджжи Рустам-бек встретил его с покорностью и смирением, не оказывая сопротивления и противодействия, передал Нур-'Али Халифе крепости и округа и сам направился ко дворцу шаха Исма'ил а, после того как он удостоился чести целования порога и был отмечен монаршими щедротами, ему даровали взамен Чемишгезека одну область, относящуюся к Ираку.

Нур-'Али Халифа ступил на путь насилия /165/ и вражды и казнил большое число [людей] аширатов и знатных (Букв, “сыновей эмиров”). [племени] малкиши.

Это вызвало у великих и малых желание воспротивиться, и до орбиты небесной сферы они донесли клич к непослушанию. Поправив на себе оружие, они поспешно послали в Ирак и Исфахан за Хаджжи Рустам-беком.

Случилось так, что тем временем шах Исма'ил с войсками Ирака, Фарса и Азербайджана направился в Чалдыран на войну с султаном Салим-ханом. Хаджжи Рустам-бек в том [223] походе находился при шахском стремени. После разгрома и бегства шаха Исма'ила султан Салим-хан повернул поводья устремления на завоевание Тебриза. В местечке под названием Ям ³⁶³, относящемся к Маранду, Хаджжи Рустам удостоился чести лобызать султанское стремя и в тот же день согласно непреложному, как судьба, указанию был казнен вместе со своим внуком и четырьмя знатными и видными [представителями племени] малкиши.

Согласно устной традиции, причиной его убийства послужило то, что в 878 (1473-74) году, когда владетель Рума султан Мухаммад-хан ³⁶⁴ отправился на завоевание крепости Камах ³⁶⁵ и Хасан-бек Байандури после сражения с ним бежал правитель крепости Камах хотел было передать крепость наместникам султана Мухаммад-хана, но Хаджжи Рустам-бек воспротивился и предоставил затем на некоторое время крепость Камах во владение наместникам шаха Исма'ила Сафави. Фаррухшад-бек Байандури доложил об этом у подножия султанского трона — прибежища халифата, — мол, “Хаджжи Рустам-бек при передаче крепости Камах великому деду вашему явил нерадение, а теперь без всяких возражений оставил во владении наместников /166/ шаха Исма'ила”. Мстительный, подобно Марсу, государь запомнил эти слова (В тексте “эти обстоятельства”), и, когда Хаджжи Рустам-бек предстал пред его милостивыми очами, он воздал ему должное за неправые деяния. Полустишие:

Всякий, кто допустит в отношении государя зло, понесет наказание.

Когда весть о казни Хаджжи Рустам-бека достигла в Ираке слуха его сына Пир Хусайн-бека, тот оставил Ирак и направился в Египет, желая поступить на службу к черкесским султанам ³⁶⁶. В пути он повстречался с правителем Мадатии Мамай-беком, который на правах наместника черкесских султанов управлял теми районами. [Пир Хусайн] вкратце поведал ему о своем печальном (Букв, “смятенном”) положении и, следуя смыслу [224] благородного стиха Корана: “Советуйся с ними о делах” (Коран, сура 3 стих 153.), испросил его мнения относительно отъезда в Египет. Мамай-бек — человек бывалый и опытный, вкусивший холодного и горячего. [В его] время его описывали так. Стихотворение:

Старый мудрец из прозорливых,
Подобно свече, уста его полны воды и огня.

После долгого раздумья он пожаловал в ответ: “Ныне величие и великолепие, могущество и мощь османских султанов довлеет над всеми государями [нашей] эпохи, слава о миропокорении и слух о владычестве их распространились по всей вселенной (Букв,

“достигли концов и окраин вселенной”). Положение же черкесских султанов ненадежно, ибо в деяниях своих они отступили от справедливости. Конец нити [их] власти выпал из когтей правосудия, и недалеко [то время, когда] над тем очагом взойдет дым несправедливости и царство перейдет в другие руки. Тебе следует облачиться в одеяние раскаяния для лобызания порога султана Салим-хана и возвращаться в Рум”.

Пир Хусайн-бек б. Хаджжи Рустам-бек

Он являет собою квинтэссенцию /167/ того рода и сливки той семьи. После встречи с Мамай-беком он последовал его бескорыстному совету, ибо сказано — стихотворение:

Бескорыстный совет подобен
Горькому лекарству, исцеляющему от болезни.

Вставив ногу решимости в стремя возвращения, счел он своим нравственным долгом необходимость следования исполненным красноречия словам: “И когда решишься на что, возложи надежду на бога” (Коран, сура 3, стих 153). Ведомый искренностью и упованием, направился он к небесноподобному двору султана Салим-хана и удостоился в Амасии чести лобызания ковра. Когда явился он пред благосклонные султанские очи, [225] [государь] подивился его твердости и геройской доблести, “что, несмотря на то что мы казнили его отца и сына вместе с сорока [представителями] знати [племени] малкиши, он, нимало не убоявшись, прибег к покровительству нашего небесноподобного дворца”. Поэтому султан Салим-хан последовал содержанию такого бейта — стихотворение:

Коль испросит у тебя виновный прощенья
И ты не простишь его вину, виноват будешь ты.

Царскими милостями и монаршими щедротами отметил и отличил он его среди равных и пожаловал вилайет Чемишгезека на тех условиях, на которых он принадлежал его великим отцам и дедам. И удостоился издания обязательный к выполнению указ, дабы эмир эмиров Мараша Мухаммад-паша Биглу вместе с Пир Хусайн-беком направился в Чемишгезек, отобрал его наследственный *оджак* у кызылбашей и передал ему (Пир Хусайну). Однако Пир Хусайн-бек опередил его и до прибытия войска Мухаммад-паши собрал свои племена и ашираты и со [всею] поспешностью отправился на войну с Нур-'Али Халифой. Нур-'Али Халифа тоже /168/ выступил ему навстречу.

Встреча двух враждующих сторон произошла в местечке Такур-йайлаки. После упорной борьбы поражение потерпело войско кызылбашей. Курды незамедлительно разлучили голову Нур-'Али Халифы с телом и тело с душою. Пир Хусайн-бек очистил розовый цветник родных мест от колючего терновника красноголовых (Игра слов: “красноголовые” — буквальный перевод названия “кызылбаши”) и беспрепятственно приступил к управлению теми землями. После того он прожил тридцать лет спокойно, [облеченный полнотою] власти, и отбыл в потусторонний мир. В память [о себе] на страницах эпохи он оставил шестнадцать сыновей: 1. Халид-бека, 2. Мухаммади-бека, 3. Рустам-бека, 4. Йусуф-бека, 5. Пилтан-бека, 6. Кай-Кубад-бека, 7. Бахлул-бека, 8. Мухсин-бека, 9. Йа'куб-бека, 10. Фаррухшад-бека, 11. 'Али-бека, 12. Гулаби-бека, 13. Кай-Хусрав-бека, 14. Кай-Каус-бека, 15. Парвиз-бека, 16. Йалман-бека. [226]

После смерти отца братья не склонили головы друг перед другом, предавая забвению смысл этого бейта — стихотворение:

Могущество в единении,
Отсутствие единства порождает беспорядок.

В результате они смирились с отсутствием единой власти и отправились к порогу султана Сулаймана с просьбой составить [кадастровую] перепись [их] вилайета, с тем чтобы, включить в августейшие домены крепость Чемиштезек, *харадж* с неверных и подати на мелкий рогатый скот с того вилайета вместе с несколькими деревнями и округами, достойными принадлежать государю, а остальную территорию разделить на два *санджака* и четырнадцать *зи'аматов* и *тимаров* ³⁶⁷.

В соответствии с их прошением удостоился чести издания всемилостивейший султанский указ, согласно которому [область] Чемишгезека, разделенная, за исключением [районов, отошедших к] августейшим доменам, на два *санджака* и четырнадцать *зи'аматов*, передавалась во владение сыновьям и внукам Пир Хусайн-бека /169/ при условии, что, когда их не будет (**Букв, “если [место] будет пустым”.**), *санджаки*, *зи'аматы* и *тимары* будут препоручены опять, же сыновьям и внукам того рода и чужим не переданы. Равно и потомки их не должны желать иного звания и должности в хранимых богом государевых владениях.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

Об эмирах Медженгерда

Согласно всемилостивейшему повелению султана Сулайман-хана округ Медженгерд был пожалован на правах *санджака* старшему сыну Пир Хусайн-бека Мухаммади-беку. После одного года правления [Мухаммади-бек] умер, оставив четырех сыновей, но ни один из них по младости лет не [227] подходил для дела правления. На том основании упомянутый *санджак* диваном Сулаймана был дарован его (Мухаммади-бека) брату Фаррухшад-беку. Несколько лет спустя братья, питая к нему злобу и зависть, обвинили его в растрате государева имущества и доложили о такого [рода] обстоятельствах у подножия султанского трона — прибежища справедливости. По приказу султана Сулайман-хана [Фаррухшад-бек] был казнен, и после него остались два сына: Халил-бек и Хусайн-бек. Сыновьям [его] в общее владение был передан один *зи'амат* из округа Медженгерд, а *санджак* перешел к брату эмира эмиров Эрзерума Синан-паши Арнаута — Касим-беку. Четырем сыновьям Мухаммади-бека пожаловали по *зи'амату* и *тимару*, и [тем] они удовольствовались.

Позднее правитель Пертека Рустам-бек заявил государю с достоинством Сулаймана: “Если со стороны Фаррухшад-бека и были допущены действия недостойные (**Букв, “дурные”**) и он навлек на себя гнев государя, ныне [сей] раб обращается к небесноподобному монаршему двору с просьбой пожаловать наследственный *оджак*, как было договорено, /170/ Пилтан-беку, сыну Пир Хусайн-бека, не отдавая чужим”. Согласно просьбе Рустам-бека *санджак* Медженгерда был дарован ему (Пилтан-беку). Во время возвращения *сардара* Мустафа-паши из похода на Ширван Пилтан-бек получил разрешение на отъезд и направился в Медженгерд, но по прибытии в Терджан ³⁶⁸ вручил наличность души ангелу смерти. После него осталось четыре сына: 'Али-бек, Джихангир, 'Усман и Кул Ахмад-бен. Согласно славному указанию султана Мурад-хана *сардаром* Мустафа-пашою округ Медженгерд был пожалован его старшему сыну 'Али-беку. Братьям его было даровано по *зи'амату* и *тимару*, и тем они удовольствовались.

После нескольких дней правления в тех районах 'Али-бек, вняв призыву обитателей небесного царства: “А ты, упованием покоившаяся душа, возвратись ко господу своему, будучи удовлетворенною, удовлетворившею!” (**Коран, сура 89, стих 27—28.**), отбыл в [228] потусторонний мир. После него осталось три сына: Хайдар-бек, Аллахвирди и Пилтан. Диваном султана Мурад-хана *санджак* был препоручен заботам его старшего сына Хайдар-бека, но не успел тот вступить во владение *санджаком*, как ангел смерти отнял десницу его

владычества от цитадели тела, и он отбыл из этого изменчивого мира в обитель постоянства. По заведенному обычаю *санджак* Медженгерда утвердился за его братом Аллахвирди-беком. И сегодня, в понедельник 18 рамазана 1005 (5 мая 1597) года, *санджак* Медженгерда пребывает у него во владении.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

О правителях Пертека

После смерти Пир Хусайн-бека, как упоминалось выше, область Чемишгезека была поделена между братьями на два *санджака* и несколько *зи'аматов*. В том числе /171/ округ Пертек диван султана Сулайман-хана пожаловал второму сыну Пир Хусайн-бека Рустам-беку. После некоторого времени справедливого управления теми районами он предпочел [всем] титулам преходящего мира эмират мира жизни будущей и ударил в литавры отбытия. После него, осталось три сына: Байсункур, Мухаммади и 'Али. В соответствии с завещанием отца и согласно праву наследования на ожерелье власти посягнул Байсункур-бек, заступивший место отца.

И поистине, это муж, украшенный убранством разума и сметливости, наряженный в одеяние мудрости и пронизательности. В оберегавии вилайета и защите аширата выделяется он среди подобных и равных, в делах власти и в политике превосходит всех правителей Курдистана. Что же до врожденных способностей, то по знанию музыки, теоретическому и практическому, он возглавляет братство поклонников бубна. По [своей] твердости, благородству, великодушию и мужеству он единственный на [все] века, второй Хатам и Исфандийар. С великим и малым обходится он ласково и милостиво и владеет всею совокупностью содержимого сосудов власти. [229]

Ныне он независимо управляет Пертеком и [районами, к нему] относящимися. Среди двоюродных братьев, в аширате и племенах, [обитающих в районе] Чемишгезека, он почитается за старшего и руководителя. Все подставили выи для повиновения ему и не преступают за его слово. [Можно] надеяться, что в славном правлении ему, как великим отцам и дедам его, будет сопутствовать удача.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

О правителях Сакмана

Как упоминалось выше, когда вилайет Чемишгезека в правление султана Сулайман-хана по просьбе сыновей Пир Хусайн-бека был разделен на два *санджака* и четырнадцать *зи'аматов*, округ Сакман вместе с районом /172/ Чемишгезека вошел в августейшие государевы домены. Сыновья Пир Хусайн-бека — Кай-Хусрав-бек, Кай-Каус-бек и Парвиз-бек, которые появились на свет все трое от одной матери, после [смерти] отца остались малолетними и удовольствовались долей *зи'амата* и *тимара*, — по достижении [возраста] зрелости и рассудительности [все] братья вместе для испрошения наследственной власти отправились облобызать султанский порог. Стихотворение:

Сын льва беспомощен,
Пока у него не появятся когти и зубы.

Когда через посредничество великих везиров истинное положение своих дел они изъяснили *хаджибам* ³⁶⁹ порога — украшения халифата — и донесли до слуха доблестных стражей порты, из безграничного государева милосердия и беспредельной монаршей щедрости Кай-Хусрав-беку был пожалован на правах *санджака* округ Сакман, который было вошел в

августейшие домены, и [на то] дарован всемилостивейший султанский указ. Его братья тоже получили в дар по большому *зи'амату*.

После того как Кай-Хусрав-бек прожил некоторое время в том округе, [предаваясь] увеселениям, его настиг едущий о [230] двух конях гонец смерти и вывел султана святой души его за пределы страны тела. Стихотворение:

Где вознесло к небесной сфере вершину дерево счастья,
Которое в конце концов не вырвал с корнем ураган смерти?

После него осталось три сына: Салих-бек, Касим-бек и 'Умар-бек. Согласно завещанию и праву наследования правителем владений отца стал Салих-бек. Его брат Касим-бек, человек помешанный и безумный, не подходил для [той] должности. Избрав жизнь дервиша, он почивал в углу удовлетворенности. Но [второй] его брат 'Умар-бек столь [скоро] не примирился с его правлением, /173/ затаил в сердце ненависть к брату и даже решил убить его, выжидая пока удобный случай. В конце концов однажды он улучил удобный момент и, ударом безжалостного меча лишив жизни своего родного брата, взялся за дела правления. После того он пожелал посватать супругу Салих-бека и соединиться с нею узами брака, дабы стать обладателем его (Салих-бека) богатств и имуществ. Он поведал об этой тайне госпоже, и та для виду волей-неволей согласилась.

Однако в то же время она затаила злобу и ненависть, чтобы хитростью и обманом расправиться за смерть мужа с тем преисполнившимся терпением сластолюбцем. Относительно этого плана посоветовалась та львица с несколькими верными и надежными слугами и людьми Салих-бека, и те со своей стороны его одобрили. Порешили на том, что в день проводов невесты в дом жениха те люди в полном вооружении будут охранять дверь во внутренние покои дома, и, как только 'Умар-бек ступит на женскую половину, они выйдут из засады и покончат с ним.

Когда наступила ночь, назначенная для бракосочетания, заговорщики (Букв, “исполнители наказания”.) спрятались в условленном месте. Как только 'Умар-бек, с сотнею разлого рода желаний и страстей, подгоняемый ветром гордости и напыщенности, вошел в гарем [231] дворца, они, подобно свирепым тиграм и стремительным львам, появились из засады, накинулись на него, без промедления освободили его исполненные спеси и самодовольства тело и мозг от ветра презрения и убили его.

После Салих-бека осталось три сына: Кай-Хусрав-бек, Махмуд-бек и Мухаммад-бек. Та [преисполненная] ревности и достоинства львица отправилась к порогу султана Мурад-хана, взяв с собою своего старшего сына /174/ Кай-Хусрав-бека, и через великих везиров доложила *хаджибам* небесноподобного султанского двора обо всем, что с нею приключилось. Из безграничной монаршей милости сыну был пожалован *санджак* отца и дарована государева грамота. Он возвратился, достигнув желаемого, и ныне, в 1005 (1596-97) году, *санджак* Сакмана принадлежит Кай-Хусрав-беку. Беспрепятственно и безраздельно управляет он теми районами.

Обстоятельства [жизни] остальных сыновей Пир Хусайн-бека таковы, как будут описаны ниже.

Первый — Йусуф-бек б. Пир Хусайн-бек во время раздела наследственного вилайета был отмечен пожалованием *зи'амата* [с доходом в] семьдесят тысяч акче. У него не было сыновей, поэтому после [его] смерти *зи'амат* его был дарован потомкам Мухаммади-бека: Мустафа-беку, Зулфикар-беку и Сухрабу, сыну Алкаса.

Второй — Мухсин-бек б. Пир Хусайн-бек. Он также был отмечен *зи'аматом* из наследственного вилайета [с доходом в] семьдесят тысяч акче. После его смерти *зи'амат* его был разделен между пятью его сыновьями: Ибрахимом, Джа'фаром, Шайх Хасаном, Мурад-бежом и Айиба-султаном.

Третьему — Йа'куб-беку б. Пир Хусайн-беку передали *зи'амат* в сорок тысяч акче, а после его смерти *зи'амат* его препоручили его сыновьям: Фарруху, Дундару и Бабур-беку.

Четвертому — Кай-Кубад-беку б. Пир Хусайн-беку передали *зи'амат* в пятьдесят тысяч акче, но, побуждаемый мужеством и прирожденным безрассудством, он [от него] отказался и, оставив братьев и страну, отбыл в Йемен. /175/ Оказав там достойные услуги, он возвратился в Стамбул с надеждою [получить] управление наследственным вилайетом и там был [232] принят под сень господней милости. После него осталось четыре сына по имени: Хусайн-бек, Масих, Захид и Ислам-бек.

Пятому — Кай-Каусу б. Пир Хусайн-беку пожаловали незначительный *зи'амат*, а после его смерти *зи'амат* был дарован его сыну по имени Мансур-бек.

После смерти Парвиз-бека, шестого сына Пир Хусайн-бека, его *зи'амат* перешел к его сыну по имени Хайдар-бек.

За седьмым — Бахлул-беком б. Пир Хусайн-беком был закреплен *зи'амат* в сорок тысяч акче. После его смерти *зи'амат* достался его сыну по имени Мухаммади-бек, а после него был поделен между его сыновьями: Алвандом, Аруджем и Ахмадом.

Восьмой — Гулаби-бек б. Пир Хусайн-бек также удовольствовался *зи'аматом* в сорок тысяч акче. Во время похода *сардара* Мустафа-лаши на Ширван он вместе с курдскими эмирами и знатью логиб в битве с кызылбашами при Чилдыре, и его *зи'амат* передали его сыну по имени Мухаммад-бек. Когда Мухаммад-бек умер, *зи'амат* перешел к его внуку 'Али-хан-беку.

Девятый — Йалман-бек б. Пир Хусайн-бек согласился на *зи'амат* в двадцать тысяч акче. Всеславный и всевышний бог пожаловал ему долгую жизнь, и [ныне], в 1005 (1597) году, в момент написания [этих строк], он [все еще] жив.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О правителях [племени] мирдаси

[Глава] состоит из трех параграфов

Из цветника известий о могущественных правителях и розового сада традиций об именитых эмирах до обоняния души автора этого несовершенного сочинения донесся аромат такого сообщения, что высокая родословная правителей [племени], мирдаси /176/ восходит к благородному дяде предводителя праведников 'Аббасу — да будет Аллах доволен им!

Первый из них — Пир Мансур, сын Саййид Хусайн А'рад-жа. Был он мужем набожным, благочестивым, [233] богобоязненным и время от времени ушами разумения внимал тайным божественным откровениям. Согласно генеалогическому древу, что ныне находится у его потомков, в семнадцатом колене [его родословная] восходит к Саййид 'Али б. 'Абдаллаху б. 'Аббасу — да будет Аллах доволен им! Первое время Пир Мансур проживал в вилайете Хаккари, оттуда он направился в вилайет Агала и поселился в деревне

Пиран в районе крепости Агил. В том селении он построил для себя молельню и там занимался поклонением и служением 'богу. День и ночь посвящал [Пир Мансур] подвижничеству и умерщвлению плоти, призывал население той страны к покорности и служению богу, так что жители и знать того вилайета явили к нему полное расположение и доверие. Большинство из них стало его послушниками и последователями.

Когда Пир Мансур отбыл из этой обители тщеславия во дворец радости, вместо отца на ковер духовного руководства воссел его сын Пир Муса. [Он] основал в той деревне дервишескую обитель и, обучая [своих] *мюридов*, укрепляя в них веру в бога, он являл неисчислимы старания, пока красотой поведения и обычаев, благородством слова и деяния не снискал любовь и симпатии многочисленной группы из племен мирдаси и к нему на службу не направились жители окрестных округов. Изо дня в день возрастала и становилась все громче слава о его благочестии и праведности, набожности и честности. Знать и простой народ того вилайета вдели в уши кольца повиновения ему и возложили на плечи ковер рабской покорности.

Когда отбыл Пир Муса в мир вечности, трон духовного руководства занял его сын Пир Бадр. /177/ Видя, что преданность племени мирдаси его роду достигла высшей степени, он возжелал отложиться и вознестись, присоединил к власти духовной власть светскую и силою завладел крепостью Агил. Агил — крепость, расположенная на вершине высокой скалы. Та скала так искривилась, что при виде ее человеком овладевает безграничный страх и ужас. Из уст в уста передается известное предание, согласно которому туда прибыл один из божьих пророков. Указывая на ту скалу, он произнес по [234] турецки: [“Искривись!”], и, [повинуясь] всемогущей воле творца, скала искривилась. Истинное знание у Аллаха!

Ашират, что проживает в той крепости и вилайете, называется мирдаси. Мирдас б. Идрис б. Наср б. Джамил был предводителем [племени] бану-жилаб, что первоначально обитало в окрестностях Алеппо. В те времена Алеппо входил во владения исмаилитских султанов Египта. Эмиры Египта вдруг стали враждовать друг с другом, и население той страны охватило смятение. Видя такое дело, Салих б. Мирдас б. Идрис ³⁷⁰ решил добиться власти и осадил здешнюю крепость. За короткое время осажденные, доведенные до крайности, сдали ему крепость.

Когда это известие дошло в Египте до слуха Захира б. Хакима Исма'или ³⁷¹, тот направил против него людей, и в 420 (1029) году [Салих] вместе с его сыном были убиты. Его племена оставили родные места, прибыли в район Агила и с того времени поселились в том вилайете.

Словом, после того как Пир Бадр с помощью /178/ аширага мирдаси завладел крепостью и областью Агил, некоторое время в противоположность своим отцам и дедам он ревностно управлял теми районами. На его вилайет польстился один из сельджукских султанов, и [Пир Бадр] вынужден был бежать оттуда, о чем мы подробно поведаем ниже с помощью Аллаха — владыки, к которому обращаем мы мольбы свои.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

О правителях Агила, называемых Булдукани

Сочинителю этих листов не раз доводилось слышать от достойных доверия, откуда происходит имя Булдукан. Пир Бадр, бежав от властительной десницы сельджукских султанов, отправился в Майяфарикин, прибегнув к покровительству здешнего правителя эмира Хусамаддия. Некоторое время он тайно проживал в тех районах, пока сельджукский

султан Алб-Арслан [не послал на завоевание Майяфарикина эмира [235] Уртука] (В тексте небольшая лакуна, легко восполнимая по смыслу.). Тот в качестве его наместника управлял Мардином и Амидом. Владения его потомков позднее простирались до Алеппо и Багдада. Историки считают их одной из ветвей Сельджуков. Семеро из них достигли степеней правителей. В начале правления Хасан-бека Байандури и [династии] Ак-Койунлу малик Насираддин, последний в том роду, был казнен по повелению [Хасан-бека], и с ним закончилось правление Ортукидов ³⁷².

Словом, эмир Уртук, поставленный на завоевание крепости Майяфарикин, последовал указу и окружил упомянутую крепость. Его стараниями осажденные были доведены до крайности. Случилось так, что по воле небес и в соответствии с божественным предопределением стрела, пущенная рукою [одного из] воинов эмира Уртука, смертельно ранила правителя крепости Хусамаддина и отправила его в мир вечности. У его подданных не осталось больше сил оказывать эмиру Уртуку сопротивление. Из дня в день на лице обстоятельств и на челе упований их появлялись знаки слабости /179/ и бессилия, смирения и уныния, пока однажды ночью эмир Уртук силою не взял крепость. Предав беспощадному мечу местное население, он не оставил в живых ни единой души из райятов и служилого сословия в той крепости и округах.

Пир Бадр также испил в том сражении напиток мученической смерти, и никого другого из правителей Агила в живых не осталось, если не считать жены Пир Бадра, которая была беременна. День и ночь [люди] племени мирдаси ожидали того разрешения от бремени [в надежде], что всеславный и всевышний бог дарует из сокровищницы непостижимого перл, из ларца величия — драгоценный камень и из созвездия славы — звезду, которая бы возродила старинный род. Ежедневно к двери дома той женщины приходили знатные и приверженцы и спрашивались об ее положении, пока не настал день разрешения от бремени. По [заведенному] обычаю они пришли к дому. На все их вопросы вышедший [из дома] человек ответил намеками по-турецки: “Премного благодарны господа, что [236] мы нашли наше желание исполнившимся”. Это и послужило причиной того, что тот отмеченный счастьем ребенок получил известность под именем эмира Булдука (***) — турец. “мы нашли”), а правители Агила стали называться Булдукани. Стихотворение:

Дошло [до нас] от мудрых Рума,
Что была из той страны одна благочестивая женщина.

Со дня беременности занемогла она,
Оставила она свой город и супруга,

Положила она плод [чрева своего] в лачуге и умерла,
Отдала [богу] душу, снедаемая беспокойством за ребенка.

И не ведала она, как создатель
Поможет ему в несчастье,

Какими сокровищами одарит его,
Каким счастьем его наделит!

Словом, сразу после появления на свет эмира Булдука мать его умерла. Подобно драгоценной жемчужине, в лоне души вскармливала его знать мирдаси, пока не достиг он возраста /180/ зрелости и рассудительности. Все племена и ашираты положили головы в ошейник повиновения ему и вдели в уши кольца рабской покорности. Эмир Булдук же вместо отца воссел на трон правления и распростер над их главами сень справедливости и благодеяний. Он закрыл перед мирянами врата тирании и произвола, осенив мусульман крылом: [своей] благосклонности. Спустя некоторое время, в продолжение которого [эмир Булдук] управлял Агилом и руководил племенами, он переселился в потусторонний мир.

Место отца заступил в соответствии со своими способностями и дарованиями его старший сын эмир Ибрахим. Но так ничего и не свершив, он вскоре прикрепил к уголку чадры невесты царствования [формулу] троекратного развода и предпочел [устроить] свадьбу в обители будущей жизни. Полустиише:

Воссел он радостный в том желанном обиталище. [237]

После смерти отца наследовал ему сын эмир Мухаммад. После некоторого времени правления и он в положенный [судьбою] срок отбыл в мир иной. У него было три отмеченных счастьем сына. Первый — эмир 'Иса после смерти отца заступил [его] место и взялся за управление Агалом. Вторым — эмир Тимурташ [еще] при жизни отца был *вали* крепости Вагин ³⁷³ и тех округов. К нему восходит род правителей Пало, обстоятельства их [жизни] будут подробно изъяснены во втором параграфе. Третий — эмир Хусайн тоже [еще] при жизни отца стал *вали* крепости Барданч ³⁷⁴ и округа Джермук, и правители Джермука происходят от него. Однако, по словам некоторых из великих, мир Хусайн — не сын мир Мухаммада, а один из его двоюродных братьев, которому в дни своего правления мир Мухаммад передал владение округом Джермук и крепостью Барданч. Как бы то ни было, а история эмира Хусайна /181/ и всех потомков его будет описана в третьем параграфе с помощью Аллаха — всеславного владыки [нашего].

Эмир 'Иса б. эмир Мухаммад

После смерти отца он стал правителем Агила. С братьями и остальными близкими обходился он приветливо и любезно, райяты и служилое сословие были признательны и благодарны [ему] за справедливость и благодеяния его. Некоторое время спустя он ответил богу: “Я готов” — и отбыл в потусторонний мир.

Даулат-шах-бек б. эмир 'Иса

Согласно завещанию отца и благодаря помощи и содействию аширата мирдаси он стал правителем Агила и после некоторого времени правления умер. На трон эмирата воссел его сын эмир 'Иса. Он проявил надлежащее старание, оберегая [своих] подданных, и во времена его вилайет Агила стал процветающим и благоустроенным. Когда он умер, после него осталось два сына: Исфандийар и Шах Мухаммад.

Согласно праву наследования место отца заступил Шах [238] Мухаммад-бек б. эмир 'Иса. Вскоре он распростился с [этим] бренным миром, и после него осталось пять сыновей: Касим-бек, 'Иса-бек, Мансур-бек, Исфахан (?)-бек и Амиран-бек.

Касим-бек б. Шах Мухаммад-бек

Среди современников он отличался добродетелями, ученостью и мужеством, [своим] милостивым нравом и прекрасными манерами, а равных и подобных [себе] среди правителей Курдистана превосходил в деле правления и заботой о подданных. Во времена владычества государей [династии] Ак-Койунлу он удостоился высокого доверия и был назначен воспитателем одного из [монарших] сыновей. Поэтому в народе он стал именоваться Лала Касимом.

Известно, что в 913 (1507-08) году, когда шах Исма'ил Сафави завладел Диарбекиром, Лала Касим не подчинился ему и открыто выразил неповиновение. Это и побудило Хан /182/ Мухаммада устаджлу двинуть на Агил войско, отобрать у него тот вилайет и передать некоему Мансур-беку из кызылбашских племен.

В продолжение семи лет Агал находился под их владычеством. После Чалдыранского ³⁷⁵ сражения с помощью султана Салим-хана Лала Касим вырвал из захватнической десницы кызылбашей наследственный вилайет и снова утвердился на престоле правления. По одной версии, во времена Кара-хана, он хитростью отнял у кызылбашей город Амид и передал здешнему эмиру эмиров Мухаммад-паше. Таким образом, в правление рода 'Усмана изо дня в день возрастало его влияние, пока в положенный [судьбою] срок он не отбыл в мир иной. Сыновей у него не было, и власть он завещал своему племяннику Мурад-беку.

Мурад-бек б. 'Иса-бек

В соответствии с завещанием его дяди диваи султана Сулайман-хана передал ему управление [Агилом]. Был он мужем праведным и благочестивым, правителем справедливым, [239] заботливым и щедрым. В отношении самых великих и ничтожнейших из [людей], чужих и своих, следовал он путем учтивости и ласки. Над могилой своего дяди Касим-бека он построил высокий мавзолей, с южной его стороны основал караван-сарай и постоянный двор, [где] каждый день путники могли получить хлеб и еду (Букв, “и определили для путников каждый день хлеб и еду”). И неизменно странники пользуются теми благами. Находятся эти строения [на расстоянии] одной стоянии от города Амида и известны [под названием] Хан-и Шарбагайн.

Когда миновало несколько лет его правления, он поспешил из этого брэнного караван-сарая к стоянке вечности. После него осталось два сына: 'Али-хан и Касим-бек. Оба брата один за другим управляли Агилом, но время их [власти] оказалось недолговечнее цветения розы и гиацинта (Букв, “сезона розы и времени гиацинта”). /183/ Вскоре они покинули этот брэнный мир. После Касим-бека осталось два сына: Джа'фар-бек и Газанфар-бек.

Джа'фар-бек б. Касим-бек

После смерти отца по приказу султана Салим-хана [еще] в малолетнем возрасте ему было пожаловано управление Агилом и ныне, в 1005 (1597) году, уже более двадцати пяти лет он управляет теми районами и по-прежнему владеет ими.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

О правителях Пало

Как упоминалась выше [при описании] истории [правителей] Агила, правители Пало происходят от эмира Тимурташа б. эмира Мухаммада б. эмира Ибрахима б. эмира Булдука. Был Тимурташ эмиром, наделенным качеством щедрости и рассудительности, славным [своею] храбростью и мужеством. Свидетельства его великодушия и человеколюбия очевидны [240] во всех концах света. Лучами света милостей и благодеяний затмил он [себе] равных, на [всю] заселенную четверть [мира] прославился истинными помыслами и всепроникновенным разумом.

Короче говоря, со времени, когда отец передал в его могучую десницу бразды управления Пало, до самой смерти обходился он наилучшим образом с райятами, знатью и со всеми жителями тех районов. Когда он умер, после него остался один сын по имени мир Хамза. С одобрения аширатов и населения он заступил место отца. Когда он тоже прошеествовал в райские сады, после него осталось четыре сына: Хусайн, Йагмур, 'Али и Рустам.

Хусайн-бек б. мир Хамза

В соответствии с правом наследования он вместо отца взялся за дело правления. В то время из-за смут, [поднятых воцарением династии] Ак-Койунлу, в Диарбекире царил сумятица. Хусайн-бек, желая покорить крепость Аргана ³⁷⁶, выступил против туркмен и был убит. Не успел он испить из чаши правления /184/ и одного глотка, как принял от кравчего смерти кубок [с напитком] из горькой дыни (Колоквинт.) и подумал: “Это конец”.

Поскольку сыновей у него не было, власть перешла к его племяннику Джамшид-беку.

Джамшид-бек б. Рустам-бек

Джамшид-бек, как рассказывают, сначала, пока был жив его дядя, избрал службу при Халид-беке пазуки. Однажды во время охоты одна охотничья птица Халид-бека перестала слушаться и подружилась с вольными (Букв, “небесными”.). птицами, так что все уже потеряли надежду на ее возвращение на землю. Пока люди строили свои предположения, та птица устремилась с [241] небесных высот вниз и села на голову Джамшид-бека. Халид-бек и знатные сочли это добрым знаком и оказали: “Этот человек вскоре достигнет великого счастья”.

Когда после этого события прошло несколько дней, [предсеченное] сбылось в соответствии [со словами] — стихотворение:

Каждое предсказание, сделанное, [как казалось], в шутку, исполнилось, пока [над нами] проходило небесное светило.

К нему от дяди перешло управление Пало. И был он мужем, повидавшим мир, опытным, отведаль у судьбы горячее и холодное. В ведении важных дел, споспешествовании торговле, разрешении трудностей обладал он чудодейственной десницей Моисея.

Когда эмиры и правители Курдистана явили послушание порогу султана Салим-хава, он тоже вдел в ухо кольцо рабской покорности упомянутому государю и возложил на плечи полону повиновения ему. [В то время] вилайет Пало был захвачен кызылбашами, охрана и защита той страны были возложены на 'Араб-шаха туркимана. [Джамшид-бек] имел с тем сборищем несколько доблестных сражений и битв, достойных Рустама. Благодаря помощи султана и силе своей руки /185/ он освободил свои наследственные владения и стал их обладателем.

[Отметим] из числа диковинных происшествий, что в тех сражениях раб-мамлюк Джамшид-бека был ранен туркменским всадником в голову. Череп был разрублен пополам, так что открылся мозг. Лекари на место утраченной части черепа привязали кусок сухой тыквы. С течением времени кожа и мясо приросли к тыкве, он прожил еще несколько лет и, согласно преданию, произвел на свет, еще несколько детей. Этот случай не имел отношения к этим обстоятельствам и связи с [нашим] повествованием, однако искусные в этой благородной науке живописали [о том] пером [своим] всякий раз, когда заходила речь о диковинном.

Словом, когда Джамшид-бек забрал в свою могучую десницу бразды управления Пало, красотой рассудительности он [242] постарался расположить к себе эмиров и везиров рода 'Усмана и снискал благоволение столпов державы и вельмож. Украшенные великолепием султаны и справедливые хаканы династии Османской явили ему полное доверие, расположение и неопишное упование, так что, когда султан Сулайман-хан Гази, намереваясь завоевать Иран, несколько раз проходил через Курдистан и [избирал] из эмиров и правителей Курдистана человека, достойного монаршего совета и приглашения, честь избрания выпадала на долю Джамшид-бека. Стихотворение:

Одобряемо то, что одобрил ты,
Ибо ты сердце мудрости и око благоразумия.

Подобно жемчужной раковине, хранишь ты молчание, преисполненный пронизательности, —
Снаружи — кость, а внутри — полно жемчуга.

/186/ Поэтому неоднократно [во время] иранского похода [Джамшид-бек], подобно победе и удаче, сопровождал султана и [служил ему] советником. Большинство речей его по любому вопросу, достигай августейшего слуха, бывали удостоены приятия и одобрения, и его просьбы и пожелания не встречали отклонения (Букв. “На грудь его просьб не клали руки отказа”). Действительно, он не имел себе равного в делах, угодных богу, власти и [оказании] покровительства подданным, по уму и учености, пронизательности и прозорливости. Так, известно, что каждый гад он посылал на продажу в Алеппо три тысячи трехгодовалых козлов из своих собственных стад, а также три тысячи подков для лошадей и мулов. Каждая привязывалась к шее козла, [все вместе] они составляли груз около сорока верблюжьих выюков. Он держал около десяти тысяч овец с ягнятами. По этому можно судить о количестве [принадлежавших] ему пахотных угодий, рабочих быков и другого скота. В то время в Курдистане из эмиров и правителей не было ни одного, кто [бы мог сравниться с ним] богатством. [243]

В Пало он построил крепость и медресе и издали подвел к крепости воду из источника. В местечке под названием Демир-Капу³⁷⁷ им был основан постоянный двор, в высшей степени просторный и широкий. Зимой и летом путники благословляют [его] за то. Прожил [Джамшид-бек] более ста лет, достигнув [положенного] природой предела. Из них шестьдесят лет он независимо управлял Пало. От султана Сулайман-хана Гази он получил высочайший рескрипт, подкрепленный анафемой [по адресу его нарушителей], — [те земли переходили] в собственность ему и потомкам из века в век и из поколения в поколение.

Еще при жизни он назначил наследником своего сына по имени Хусайн-джан-бек и гордо прошествовал из этого временного обиталища, дома страданий и скорби, в обитель умиротворения и покоя./187/ Стихотворение:

Каждые несколько дней этот дворец с двумя дверьми
Служит пристанищем новому хозяину.

Этот древний храм — [лишь] постоянный двор,
Разумный не привяжется сердцем к постоянному двору-

Для этого вероломного мира стало обычаем
Впереди выставлять мед, а сзади [держат] яд.

После него осталось пять сыновей по имени: Хусайн-джан-бек, Хасан-бек, Хамза, Тимурташ и Даулат-шах. Из них [два] его сына, Хусайн-джан-бек и Хасан-бек, удостоились чести правления; обстоятельства их [жизни] будут упомянуты ниже. Положение его третьего сына по имени Хамза-бек было таково, что вначале ему препоручили должность *мутаффаррика*³⁷⁸ при монаршем дворе и *зи'амат* в сорок тысяч акче, но позднее по причине некоторых неподобающих поступков, которые он допустил в отношении отца, [государь] издал указ, лишаящий его фамильных прав. Когда он умер, после него остался один сын по имени Рустам-бек. *Сардар* Мустафа-паша закрепил за ним управление Пало при условии, что вместе с везиром 'Усман-пашой он выступит на защиту [244] Ширвана. Вместе с Урус-ханом в битве при Шемахе он был убит кызылбашами.

Четвертый сын [Джамшид-бека] по имени Тимурташ при жизни отца владел округом Харпут³⁷⁹, относящимся к Диарбекиру. Он тоже вскоре обратил знамя управления в сторону мира иного и ударил в барабан отбытия. После него осталось два сына по имени Аллахвирди и Асил.

Пятый его сын по имени Даулат-шах-бек при жизни отца был владельцем *зи'амата* в четыре тысячи акче на правах государева *мутафаррика*. Умер он тогда же, и после него осталось два сына: Йусуф и Ахмад.

Хусайн-джан-бек б. Джамшид-бек

Как упоминалось выше; еще при жизни отец его /188/ препоручил ему дела [травления], и на то вышел высокий указ султана Сулайман-хана.

После смерти отца [Хусайн-джан-бек] стал независимым правителем Пало и донес до слуха самых далеких и близких глас: “Я и никто, кроме меня!”. Расстелил он ковер правосудия и распростер сияние заботы о подданных, вызвал удовлетворение малого и великого в том вилайете, донес до далекого и близкого славу о [своей] любви к друзьям и [людям] чужим. Настроив *ганун* ³⁸⁰ справедливости и орган благоволения, [Хусайн-джан-бек] вознес за небесный свод звуки песней о [своем] добром имени. Подобно отцу() стал он предводителем великодушных и талантливых, каноном [для всего] Куртдистлна; Мрака и Хиджаза, превзойдя себе равных и подобных [своими] похвальными качествами. После некоторого, времени; счастливого и спокойного правления, [отмеченного], добрыми деяниями, в положенный [судьбою] срок он прошествовал в райские сады. После, него остался, единственный слабоумный, сын по имени Махмуд. Поскольку он не подходил, для правления, по единодушному мнению вождей аширатов и племен власть утвердили за его (Хусайн-джан-бека) братом — Хасан-беком. [245]

Хасан-бек б. Джамшид-бек

После смерти брата Хусайн-джан-бека согласно указам султана Мурад-хана и с общего согласия аширатов и племен он взялся за правление в Пало. За три года власти он снискал одобрение жителей и населения той страны и в 986 (1578-79) году, во время возвращения *сардара* Кара Мустафа-паши из похода на Ширван ³⁸¹, был принят под сень милости творца. После него осталось два сына: Сулайман-бек и Музаффар-бек.

Сулайман-бек б. Хасан-бек

После смерти его отца, Хасан-бека, *сардар* Мустафа-паша управление княжеством Пало /189/ передал Сулайман-беку; прибежищем счастья — порогам султана Мурад-хана благодаря помощи и поддержке везира Мухаммад-паши оно было пожаловано Йусуф-беку б. Даулат-шах-беку б. Джамшид-беку на нескольких условиях. В продолжение нескольких лет непрерывно меж ними продолжалась война (Букв, “пылало пламя войны”.) за власть, и от обеих сторон погибло много народу. Население Пало неизменно держало сторону Сулайман-бека и препятствовало Йусуф-беку стать правителем, несмотря на то что [тот] был юношей, украшенным убранством из разума и рассудительности, великодушия, пронизательности и прозорливости и наряженным в одеяние дарований; и скромности, знаний, целомудренности и благородства. Подобно [подвигам] Рустама, очевидны миру свидетельства его доблести, над всеми воссияли лучи его напоминающих Хатам Тая талантов и великодушия. Стихотворение:

Невеждам небо передает; бразды желания,
Ты ведь [исполнено] мудрости и совершенства. — хватит тебе брать на себя такой грех.

В конце концов, после того как с надеждою на власть он обивал пороги людей низких и невежественных и служил [246] сборищу бесчеловечных скряг, душа его приблизилась к устам и с сотнею горестей и сожалений отбыл он из этого лишнего благородства мира в

обитель отдохновения. После него управление Пало на тех же условиях утвердилось за его братом Ахмад-беком. Ахмад-бек тоже вел долгую войну с Сулайман-беком из-за власти, и много народу из племен и аширатов Пало пало жертвою привязанности к двум [враждующим] сторонам. Но какие многочисленные старания и похвальные усилия [Ахмад-бек] ни прикладывал, удача и счастье ему не сопутствовали. Стихотворение:

Зависит от удачи, а не от наших усилий,
Кому в [этом] мире принадлежит сущность счастья.

Во прах низвергается человек в несчастье, /190/
Счастливицу же чего бояться в [этом] мире?

[Лишь] власть, сопутствуемая удачей, бывает истинной (Букв. "не бывает призрачной").
Счастье [улыбается] человеку не для того, чтобы играть им.

В конце концов, в 1001 (1592-93) году, так и не подружившись с удачей, [Ахмад-бек] отправился в Стамбул, уповая на монаршую милость и государево снисхождение, но через несколько дней умер от чумы. Управление Пало без [чьего-либо] противодействия осталось за Сулайман-беком.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

О правителях Джермука

Выше было начертано пером изъяснения, что эмир Мухаммед пожаловал крепость Батин своему сыну эмиру Тимурташу, а крепость Барданч даровал эмиру Хусайну, который, по рассказам некоторых, приходился ему племянником, а по другой версии, — сыном. Как бы то ни было, мир Хусайн долгое время охранял и оберегал ту крепость и умер. Место отца заступил его сын эмир Сайфаддин. Когда он тоже [247] прошествовал в мир вечности, за дела власти поручился его законный сын Шах Йусуф. После тою как [тот] тоже собрал пожитки бытия [и оставил] эти пустые развалины, вместо него на трон правления воссел его сын по имени Валат-бек. После его смерти начальником племен и аширатов был поставлен Шах 'Али-бек. Он тоже прошел через эту пустыню без конца и края, и за то важное дело взялся Исфандийар-бек. После его смерти бразды правления попали в могущественную десницу Байандур-бека. Когда тот отбыл из этого брэнного местопребывания в обитель вечности, ведение дел власти перешло к Мухаммад-беку. [Он] отобрал из захватнических рук /191/ кызылбашей округ Джермук, которым те было завладели, и стал его владетелем на тех же правах, что его отцы и деды. Во время завоевания Диарбеквра он получил от султана Салим-хана августейшую грамоту на владение, которая была скреплена подписью султана Сулайман-хана Гази. С того времени Джермук вошел в их наследственный *оджак*, но *харадж* с неверных тех районов составляет собственность дивана Диарбекира и поступает в казну Амида. В настоящее время управление и власть над теми районами принадлежат Мухаммад-беку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О правителях Сасуна, получивших известность как правители Хазо

Да будет ведомо возносящим знамена остроумия и являющим знаки красноречия о том, что родословная правителей Сасуна восходит к государям сасанидской [династии], и правителям Бидлиса, согласно достойному доверия преданию, они приходятся двоюродными братьями.

Основателями их рода были два брата: 'Иззадин и Зийа'аддин, которые из столицы Армении — Ахлата — прибыли в Бидлис. Они отобрали у некоего грузина по имени Давид ³⁸² крепость Сасун, которая перешла к 'Иззадину, о чем будет подробно рассказано [при описании] обстоятельств [248] правителей Бидлиса. Поскольку племя курдов 'Иззадина именуют изазин, то и правители тех районов известны [под именем] 'Иззани. Из аширата ружаки (рузаки) прибыли они в ту страну во время завоевания крепости Сасун.

Коренное население тех районов составляло всего четыре племени: 1. ширави, 2. бабуси, 3. сусани ³⁸³ и 4. тамукй. Присоединив к своему наследственному *оджаку* округ Арзана, они подчинили себе и часть племен, обитающих в районе Хасан-кейфа, как то племена халиди, даир-магари ³⁸⁴, азизан в другие.

Среди правителей Курдистана правители Сасуна /192/ славятся великодушием и доблестью, воинственностью и храбростью, превосходя равных и подобных себе в битвах и сражениях, и в отношении достойных правителей и султанов неизменно следуют путем учтивости. Когда государи Ак-Койунлу, кызылбашские и османские несколько раз нападали на Курдистан, Они прибегали к заключению прочного договора о дружбе, [тем] спасали свою страну пред победоносной мощью благородных султанов и великих хаканов и даже получали всякого рода милости и знаки благоволения.

Первым из их правителей, чье имя и личные качества известны по устной традиции, является эмир Абу Бакр. У него было два добродетельных сына: Хизр-бек и 'Али-бек.

Хизр-бек б. мир Абу Бакр

После смерти мир Абу Бакра он заступил место отца, но его правление оказалось недолгим, и вскоре он обратил поводья решимости в сторону мира иного. Сыновей у него не было, и управление перешло к его брату.

'Али-бек б. мир Абу Бакр

После смерти своего брата с одобрения аширатов и племен он воссел на трон своего великого предка (?). Утром и вечером постоянно предавался он винопитию в [обществе] розоподобных юношей, неизменно проводя время в забавах и [249] увеселениях, удовольствиях и наслаждениях. Звуками чанга и рабаба, рыданиями флейты и [шипением] кебаба изгонял он грусть из сердца юноши и старца.

Когда эмиры и правители Курдистана прибыли на службу к шаху Исма'илу Сафави, упомянутый государь большинство эмиров заточил и завладел их областями. 'Али-бек в той тревожной обстановке /193/ облачился в одеяние покорности и учтивости. Его поведение пришлось по нраву шаху, днем и ночью пребывал он в обществе приближенных и вельмож [государя], неизменно вместе с шахскими наместниками пре даваясь винопитию. Он был искренним другом правителя Бидлиса Шараф-хана и отдал свою дочь ему в жены. В отношении детей. [Али-бек] исполнял [свой] отцовский долг, и меж ними царили любовь и взаимопонимание. Когда в положенный [судьбою] срок он распрощался с бранным миром, после него осталось три сына: Мухаммад-бек; Хизр-бек и Шах Вали-бек.

Хизр-бекб. 'Али-бек

Когда 'Али-бек, находясь в Тебризе на службе у шаха Исма'ила, умер, его старший сын Мухаммад-бек вместе с отцом был в, Тебризе, [а потому] ашираты. и племена с общего согласия поставили своим правителем Хизр-бека., Однако со, стороны шаха Исма'ила

эмират Сасуна был препоручен Мухаммад-беку, и грамота на правление была написана на его имя. Обстоятельства дальнейшей жизни обоих братьев будут упомянуты ниже. Третий сын 'Али-бека — Шах Валй-бек — умер еще при жизни своего отца, будучи молодым, в расцвете жизни. В настоящее время жив его сын мир Дийадин.

Мухаммад-бек б. 'Али-бек, Сасуни

Когда благодаря помощи и поддержке аширатов и племен его брат Хизр-бек стал правителем, Мухаммад-бек был вынужден со считанным числом людей отправиться на службу к султану Салим-хану. Во время завоевательного похода на Каир в Египет ³⁸⁵, подобно победе и преуспеянию, он [250] находился при победоносном султанском стремени. В битве с черкесами он не единожды засвидетельствовал [свое] мужество, так что два дня спустя после разгрома черкесов его нашли израненным, почти /194/ мертвым среди убитых.

Эмиры и везиры доложили об этом султану, и тот поручил залечивание его ран и уход за ним искусным врачевателям и назначил ему из монаршей казны все потребное. Великие везиры, являя ему свое расположение, оправлялись о его пожеланиях, дабы привести в исполнение. Он испросил Сасунскую область с округом Арзан, из-за которого у него с правителями Хасанкейфа были споры и препирательства. Великие везиры удостоили его просьбу чести приятия, и на то вышел непреложный указ. Хизр-бек добровольно отказался от правления, ему назначили в вилайете Хазо содержание, за счет которого он жил долгое время.

Хизр-бек оставил после своей смерти четырех сыновей: Султан Махмуда, Ахмада, Йа'куба и Мухаммада. Султан Махмуд в положенный [судьбою] срок отбыл в мир иной; Йа'куб-бек был убит в ущелье Дманис ³⁸⁶ во время возвращения из грузинского похода в 992 (1584) году ³⁸⁷, после того как эмир эмиров [города] Амида Мухаммад-паша потерпел возле церкви Мухран ³⁸⁸, относящейся к Тифлисскому Округу, поражение от кызылбашских войск и грузинского [правителя] Сима'уна ³⁸⁹. Обстоятельства [жизни] Ахмад-бека и Мухаммад-бека будут подробно изъяснены в последующем повествовании.

Одним словом, Мухаммад-бек стал независимым правителем Сасуна. Однако правитель Хасанкейфа не спешил с передачей округа Арзан, заново отстроил в Арзанском округе крепость, поставил своих людей охранять те районы и явил большое старание при их защите. В конце концов, пользуясь помощью /195/ и поддержкой Шараф-хана — правителя Бидлиса — и Шах 'Али-бека — *вали* области Джебзире, — Мухаммад-бек двинул туда войска, разрушил крепость Арзан и укоротил руки наместников малика Халила от округа Арзан, став его владетелем. После семнадцати лет правления он оставил [этот] бранный мир и прошествовал в мир иной. После него [251] осталось шесть сыновей: Сулайман-бек, Баха'аддин-бек, Сару-хан-бек, Хан Будаг, Хусайн-бек и 'Али-бек. Три его сына правили один за другим в порядке [очередности]. После Хусайн-бека остался сын по имени Хасан-бек. [Хасан-бек], когда власть после убийства Сару-хан-бека была пожалована его сыну Мухаммад-беку, тоже выступил претендентом на эмирскую власть и перестал повиноваться Мухаммад-беку. Благодаря помощи *сардара* Фархад-паши Хасан-бека схватили и передали в руки Мухаммад-бека. Он был убит вместе с тремя своими сыновьями. После Будаг-бека остался единственный сын по имени Мурад-хан, который пропал во время похода в Грузию и оставил двух сыновей по имени Баха'ад-дин и Будаг. [Наконец], его сын по имени 'Али-бек умер еще при жизни отца, и детей у него не было.

Сулайман-бек б. Мухаммад-бек б. 'Али-бек

смерти он оставил наследникам тридцать тысяч флоринов неоплаченного долга, проявив невнимание к речам мудрых, которыми сказано — стихотворение:

Подобно льву и тигру, кормись и покрывайся тем,
Что ежедневно ты в состоянии обрести.

Было у него пять сыновей, но, поскольку остались они обремененными долгами и без состояния., да и врожденными дарованиями были обделены, управление Хазо, на несколько дней доставшееся его сыну по имени Сулайман-бек, в конце концов перешло к его (Баха'аддина) брату — Сару-хану. Правил [Баха'аддин] более тридцати лет, и после его сыновей потомков мужского пола не осталось.

Сару-хан-бек б. Мухаммад-бек

Во время правления /198/ Баха'аддин-бека он оставил вилайет Хазо и влачил жалкое существование на чужбине. Некоторое время [Спустя] государевым диваном ему были пожалованы округа Баргири, Ширави ³⁹², Кесан ³⁹³, Муш ³⁹⁴ и Сиверек, коих стал он владетелем. Свой досуг он посвящал путешествиям и таким образом провел восемнадцать лет. Когда умер Баха'аддин-бек, [Сару-хан] отправился к порогу султана Салим-хана, желая [получить] управление. Он [снискал] [254] помощь и поддержку (В тексте фраза не закончена.) [ныне] покоящегося под [сенью] покровительства всемогущего владыки везира Мухаммад-паши ³⁹⁵, который, [можно сказать] без подобия преувеличения, [руководимый своим] истинным мнением и всепроникновенной мыслью, являл старание в делах великих и малых. Неизменно почитал он своим насущным долгом оказывать покровительство старинным семействам и людям простого происхождения. Стихотворение:

Тысяча благословений такому везиру,
Который вместо мщенья ищет любви!

И прослышал последний, что Баха'аддин при жизни говорил: “Мои сыновья не годятся для власти и правления”. Несмотря на то что великий сын того покойного везира — Хасан-паша, который был эмиром эмиров Диарбекира, испросил у отца управление Хазо для Сулайман-бека, старшего сына Баха'аддина, тот не согласился и пожаловал княжество Хазо Сару-хан-беку. Он отметил его среди равных по-царски милостями и отправил в Хазо. [Последний] тоже обходился с благородными и знатью справедливо и правосудно. Когда прошло пять лет его правления, из-за продолжительного употребления опиума, к которому долгое время он приучал свой организм, к его недомоганию прибавилось несколько хронических недугов.

/199/ В то время победоносные государевы войска под предводительством Мустафа-паши были поставлены на завоевание Грузии и Ширвана. Сару-хан вместе с войском Диарбекира и Курдистана был в авангарде мусульманских войск в местечке Чилдыр, относящемся к Грузии, как вдруг на них напал отряд кызылбашей, и заход солнца, небесного светила его жизни, на горизонте заката закончился ночью смятения (Букв, “время захода солнца... достигло ночи смятения”). Из засады судьбы показался сон смерти и заключил его в объятия. В том сражении с ним был его сын по имени Мухаммад-бек. С тысячью трудностей он донес душу из той лютой [255] пучины и бушующего моря до берега спасения и по [соблюдении] обычаев поминовения и оплакивания заступил место отца. Второй его (Сару-хана) сын по имени 'Али-бек отправился в мир иной, еще будучи малолетним.

Мухаммад-бек б. Сару-хан-бек

В 986 (1578-79) году после гибели отца с помощью *сардара* Мустафа-паши он в восемнадцатилетнем возрасте взялся за дело правления, и ему было препоручено наблюдение за армией и охрана порядка в кошуне и войсках. По сути дела, был он юношей похвального нрава, приятным на вид, добродетельным и достойного одобрения поведения. Вопреки [обычаю] отцов и дедов своих он перенял законы турок и в своих действиях руководствовался теми правилами. В зрелом возрасте [Мухаммад-бек] явил склонность к чтению и письму. Так, он овладел персидской грамотой и почерком *шекасте* и в подражании образцам почерков мастеров [каллиграфии] являл совершенство красоты (Букв, “и ножницами подражания с совершенною красотой вырезал образцы почерков мастеров”). Достигнув сего в знаниях, хотя и хотел он обрести другие совершенства, из этого ничего не вышло. Следуя примеру румийцев, /200/ похитил он у [себе] подобных и равных мяч первенства и превосходства в щегольстве, чревоугодии и пьянстве. В 1001 (1592-93) году с чистым сердцем и мольбою [раскаяния] он направился в Хиджаз, дабы обойти вокруг святыни в Мекке и совершить паломничество к усыпальнице пророка — мир над ним! Миновав стоянки и переходы, преодолев горы и пески, добрался он до славных святынь великой Мекки и почитаемой Медины, где собираются “люди, которых ни продажа, ни купля не удерживают от призывания бога” (Коран, сура 24, стих 37.). Облечившись в плащ паломника, [ибо сказано]: “Обращай лицо свое к запретной мечети” (Коран, сура 2, стих 144.), он примкнул к обществу людей, [о которых говорится]: “Кто входит в него, тот [256] безопасен” (Коран, сура 3, стих 91.). Введение [словес]: “Совершить при этом доме праздник для бога обязанность на людях, — на том, “то и состоянии совершить путешествие к нему” (Коран, сура 3, стих 91.) — он заключил [изречением]: “Когда же кончите обряды нашего поклонения, тогда помните о боге” (Коран, сура 2, стих 196.) — и погрузился во всеобъемлющее море [высказывания]: “Все они к нам возвратятся” (Коран, сура 21, стих 93.).

Однако делам травления и политики, закону власти и руководства большого внимания он не уделил и препоручил бразды правления вилайетом Хазо достойной деснице Шамсадина, сына Фаридун-аги. [Последний] силою прибрал к своим рукам все дела по управлению страной, и без его ведома [Мухаммад-бек] не мог распоряжаться ни единым динаром, ни одним маном, не мог разжаловать ни одного из людей [своих], пока не [получал на то] его согласия. По этой причине племена и ашираты, двоюродные братья и доверенные лица [Мухаммад-бека], враждуя с Шамсадином и даже задумав убить его, оставили свою страну.

Когда [Мухаммад-бек] казнил [одного] из своих двоюродных братьев, Хасан-хана, и его сына Хан Гавана, дочь Хасан-хана и ее молочную сестру, что была связана узами брака с Хан Газаном, /201/ он отдал в жены Шамсадину.

Исполненный тщеславия ум. [Шамсадина] был столь потрясен тем, что ему предложили породниться с высокодостоинными правителями, что он повел войска на Джебзире, желая сместить с управления мир Шарафа, а на его место поставить его брата мир Мухаммада. С племенами ружаки (рузаки), зраки и сулеймани, что были их соседями, он непрерывно враждовал.

В 1004 (1595-96) году [Мухаммад-бек] был принят под сень господней милости. Потомства он не оставил, и продолжалось его правление восемнадцать лет. [257]

Ахмад-бек б. Хизр-бек и его брат Мухаммад-бек

Когда сын Сару-хан-бека Мухаммад-бек отбыл из этого мира тщеславия в обитель вечности, Шамсадин Катхуда, что был столпом столпов той династии и оплотом того рода,

поставил на правление в Хазо Ахмад-бека. Все ашираты и племена явили покорность, засвидетельствовав при этом единодушие и согласие, и через эмира эмиров Диарбекира Мурад-пашу доложили об истинном положении дел у подножия трона прибежища халифата.

Сын Хизр-бека Мухаммад-бек, что с началом правления Мухаммад-бека б. Сару-хана и захватом власти в княжестве Хазо Шамсаддином предпочел оставить родину и, отправившись в вилайет Бохти, поступить на службу к эмирам Бохти и там поселиться, в то время находился в городе Сиирте. Услышав о смерти Мухаммад-бека и о правлении своего брата Ахмад-бека, он направился в Хазо вместе с сыном Мурад-хана Баха'аддин-беком, который около двух лет [назад] из-за притеснений Шамсадина тоже покинул Хазо вместе с несколькими знатными людьми Хазо, как то: Шах Мурадом, Хусайн-агой Сусани и Бахрам-агой, и проживал /202/ в Бидлисе и Ширване.

Шамсадин, опасаясь их единения, побуждал Ахмад-бека устроить покушение на [жизнь] его брата Мухаммад-бека. Осведомленный о коварном и хитром [замысле] Шамсадина, памятуя, что “отступление — [средство] наилучшее”, Мухаммад-бек бежал вместе с главами [племени] сусани в направлении крепости Сасун.

Местная знать, доведенная до крайности деяниями и речами Шамсадина, поддержала его и выступила [его] союзником. Его встретили и препроводили внутрь крепости. Действительно, это такая крепость, что птица с трудом одолевала высоту ее гор, а зефир был не в силах облететь ее возвышенные холмы. Стихотворение:

Из [страха] задеть небесный свод над нею
Идет согнувшись вдоль ее зубцов стражник. [258]

После этих событий дерзость того несчастного возросла [настолько], что он лишил Ахмад-бека временного одеяния власти и, заключив в оковы, опустил на дно тюремной ямы. Вместо него он поставил на правление Баха'аддин-бека и собрал под своим знаменем около трех-четырёх тысяч пеших и конных — многочисленное сборище из племен бохти, ширави и зраки. Вставив ногу стремительности в стремя поспешания, он обратил в ту сторону повода решимости, дабы завоевать крепость Сасун и схватить Мухаммад-бека и его сторонников.

[Шамсадин] остановился к западу от крепостной [стены] с намерением [начать] военные действия. Мухаммад-бек и население крепости, приведенные в смятение, во вторник четырнадцатого [дня] месяца шабана 1004 (13 апреля 1595) года послали за помощью к правителю Бидлиса. Правитель Бидлиса отправил им на подмогу с двух сторон две-три тысячи конных и пеших /203/ из аширата рузаки.

Пораженный этими известиями, Шамсадин без промедления в полночь бросает клич к бегству и возвращается в Хазо, за ним в погоню пустился Мухаммад-бек вместе с [представителями] знати [племени] рузаки, как то: 'Ала'аддин-агой билбаси, Алванд-агой кавалиси и аширатами мудаки ³⁹⁶ и зидани ³⁹⁷. Как только Шамсадин достиг Хазо, все племена [его] рассеялись, ибо [сказано]: “Предатель — он же и трус”. Забрав свою семью, он вместе с мир Шах Мухаммадом ширави решил направиться к Зайнал-беку ширави, с которым был в родстве, женив своего сына на его дочери. [Шамсадин] послал своего сына Хусайн-агу внутрь крепости Хазо убить в тюрьме Ахмад-бека и вместе с Баха'аддином присоединиться к нему. Когда Хусайн-ага вошел в крепость, там распространился слух о прибытии Мухаммад-бека с войском [племени] рузаки из Сасуна и о бегстве Шамсадина в Ширван. Баха'аддин освободил Ахмад-бека из оков заточения, вместе с ним схватил Хусайн-агу и бросил [его] вместо Ахмад-бека в тюремный колодец.

Прослышав о таких событиях, Шамсаддин в стенаниях, расстроенный пустился в бегство. Ахмад-бек и Баха'аддин с [259] покорностью встретили Мухаммад-бека, передали ему крепость и поставили на правление. Им [обоим] было назначено содержание, издавна принятое в княжестве Хазо для сыновей эмиров. С одобрения знати, правителей Курдистана и великих эмиров Мухаммад-бек заявил о своем праве [на власть] у подножия трона — прибежища халифата величайшего султана /204/ и славного хакана государя Мухаммад-хана. Стараниями достойного министра, великого везира Ибрахим-паши, ему было даровано и пожаловано княжество Хазо, и удостоился чести издания султанский рескрипт [на то]. [Отмеченный] монаршими милостями и дорогим халатом с государева [плеча], стал он предметом зависти [себе] равных. Но не прошло и трех месяцев его правления, как нутро злодея Шамсадина стал пожирать огонь [зависти], и пламя злобы и ненависти от очага его груди вознеслось до небес. Он обратился к покровительству *вали* Джебзире эмира Шарафа, желая посеять меж ними (Между эмиром Шарафом и Мухаммад-беком.) вражду.

Первым делом он выразил пожелание, чтобы эмир Шараф послал к Мухаммад-беку человека с просьбой освободить из заточения сына [Шамсадина] Хусайн-агу, но Хусайн-ага был убит еще до прибытия людей эмира Шарафа. После этого события эмир Шараф утратил расположение к Мухаммад-беку. Во-вторых, он заявил [эмиру Шарафу], что племена и ашираты Хазо не согласны с правлением Мухаммад-бека и направили человека с посланием [такого содержания]: “Кого Шамсаддин Катхуда из сыновей эмиров Хазо ни изберет на правление, мы все ему послушны и покорны”. Эмир Шараф, не догадываясь о его хитрости и коварстве, собрал около пяти тысяч человек из бохти, ширави, зраки и других племен и призвал знать [города] Хазо с племенами и аширатами с покорностью выйти ему навстречу и поступать в согласии с его помыслами, пока он не прибудет в Сиирт.

[Однако] отряды [племени] азизан, ступив ногою твердости, сошли с пути повиновения, взяли сторону Мухаммад-бека и приготовились к битве /205/ и сражению. Вступились [260] некоторые из эмиров и правителей и помешали эмиру Шарафу ехать в Хазо, так что из Спирта он обратил поводья решимости в сторону Бидлиса, выразив пожелание отправить Шамсадина в Хазо в сопровождении нескольких знатных и назначить его векилем Мухаммад-бека. Посоветавшись, он направил в Хазо вместе с Шамсадином брата эмира Шарафа Хаи Абдала, брата [сего] несчастного Халаф-бека и нескольких [представителей] знати [племен] бохти и рузаки. Когда Шамсаддин прибыл в Хазо, несколько дней спустя после возвращения племен бохти, он снова пожелал обходиться со знатью Хазо по образцу прежних времен. Мусульмане и неверные того города, объединившись, напали на него, намереваясь покончить с ним. С тысячью трудностей благодаря помощи Халаф-бека и некоторых вельмож он добрался из той кровожадной пучины до берега спасения.

Услышав такие вести, эмир Шараф в отчаянии возвратился в Джебзире. Начиная с того дня — двадцатого [дня] священного месяца зу-л-ка'да 1004 (16 июля 1596) года — пыль смуты улеглась, и [ход] этих событий приостановился, пока не прибыл от [государева] порога в Хазо эмир эмиров Мосула 'Али-паша, который раньше долго служил великому везиру Ибрахим-паше. В начале своего пребывания при государевом пороге, когда просвещенному и правосудному везиру доложили о положении в Хазо и [обстоятельствах] правления Мухаммад-бека, 'Али-паша со своей стороны сколько мог поддержал [Мухаммад-бека]. Рассчитывая на [признательность] Мухаммад-бека и возлагая [на него] большие надежды, он шил кошелю и собирал мешки в надежде [заполнить их] чистым золотом. ['Али-паша] прибыл в Хазо.

/206/ Хотя со стороны Мухаммад-бека ему было оказано полное, почтение, огонь жадности и пламя корыстолюбия еще не потухли в нем, а разгорелись, подобно рубиновым копьям, и воспламенили душу, как печь Азара ³⁹⁸. Стихотворение:

Золото — змея, [которую мы носим] в кармане, любовь к нему — наказание для души, Рубины цвета пламени алеют на [нашей] руке, а для сердца они — горящий уголь.[261]

Кошель, будь пуст, ибо в день подсчета (В день Страшного Суда) Самая малость, лишенная [даже] численной величины, [расценивается] выше, нежели любое высокое положение.

В расстроенных чувствах он уехал из Хазо в Мосул, а через шесть месяцев [после своего] смещения ['Али-иаша] прибыл в Джезире и призвал к себе Шамсаддина. Посоветавшись друг с другом относительно Хазо, они порешили составить на имя Ахмад-бека поддельный указ, копию с него отправить в Хазо и залучить в Джезире Ахмад-бека, введя его в заблуждение. Тот простодушный, обманутый их бессмысленной писаниной (Букв, “копией”), со считанным числом [людей] бежал из Хазо в Джезире. Его встретили Шамсаддин и 'Али-паша и с почестями доставили к Шараф-беку.

На имя 'Али-паши и эмира Шарафа они составили другой указ, дабы они оказали Ахмад-беку содействие и поставили его на управление Хазо. Эмир Шараф был тоже взведен в заблуждение их исполненными хитрости и коварства грамотами и в конце месяца шабана 1004 (апрель 1596) года отправил в Хазо большой отряд в сопровождении 'Али-паши, Ахмад-бека, Шамсаддина и своего брата Шах 'Али-бека.

Когда об этом стало известно в Хазо, некоторым из племен сусани, халиди и других пришло на ум [следующее]: “Поскольку Мухаммад-бек смещен с правления, а Ахмад-бек станет нашим правителем стараниями других, почему бы нам самим не назначить среди себя правителя, [иначе племя] бохти силою покорит Хазо. /207/ Возможно, услышав о таких событиях, Ахмад-бек и Шамсаддин раскаются в том, что прибыли [сюда], и возвратятся обратно”.

Это привело к тому, что группа заговорщиков (Букв, “упразднителей”) поставила своим правителем сына Мурад-хана — Баха'аддин-бека и решила убить Мухаммад-бека. Смутьяны и чернь с оружием [в руках] отправились к Мухаммад-беку. Тот, со своей стороны следуя [словам]: “Необходимость заставляет рисковать”, [262] изъявил согласие и сказал: “Не снискав своими действиями удовлетворения аширатов и племен, я смиренно и покорно отказываюсь от власти и признаю своим повелителем Баха'аддина”. Он протянул руку присяги на верность, облобызал государевы грамоты и положил перед Баха'аддин-беком.

Когда это известие достигло слуха Шамсаддина, он написал и отправил [Баха'аддин-беку] послание, полное обещаний и угроз, [такого содержания]: “Мухаммад-бек — убийца моего сына. Если ты его схватишь и продержишь до нашего приезда, управление Хазо будет принадлежать тебе”. Мухаммад-бек, узнав о содержании послания Шамсаддина, послал к Баха'аддину передать [следующее]: “Вашему сану не подобает меня, как [цену] крови сына Шамсаддина, с позором отдавать ему. Коль заслуживаю я смерти и кары, [накажите] вы [сами], ибо я твой двоюродный брат и право наказания принадлежит правителю”.

Словом, благодаря всякого рода хитростям он освободился из рук того недалёковидного глупца и укрылся среди аширата халиди. Поддерживаемый Мухаммад-агой Халиди-Абаки, оттуда он направился в крепость Сасун и вместе с жителями тех районов укрылся внутри крепости. Шамсаддин, 'Ади-паша и знать /208/ [племени] бохти назначили на правление Ахмад-бека, и тот величаво и гордо направился в Хазо. Баха'аддин со своими сторонниками и единомышленниками, [которые насчитывали] около тысячи пеших и конных, тоже приготовился к битве и сражению. Отряд из племени халиди он послал к берегу реки Хазо в качестве дозорных, надеясь, что разлив реки помешает племени бохти перебраться [на ту сторону]. Сам он подошел к мосту, дабы воспрепятствовать им пройти.

К утру [люди] племени бохти, бросившись в воду, вплавь переправили лошадей и убили нескольких дозорных. Когда остальные караульные известили об этом Баха'аддина, тот, будучи не в силах оказать сопротивление, бежал к [племени] сусани. Свою семью он оставил среди того племени и с намерением попасть в крепость Сасун отправился туда. Достигнув окрестностей крепости? [Баха'аддин] прослышал, что за два дня до его прибытия Мухаммад-бек сговорился с [263] местными жителями, утвердился в крепости, и все призывают к покорности и послушанию Мухаммад-беку. В понедельник двадцать пятого [дня] месяца рамазана упомянутого года (23 мая 1596) он был вынужден вместе с Шах Мурад-агою Сусани и считанным числом [людей] прибыть в Бидлис. Пробыв там одиннадцать дней, на двенадцатый — вопреки воле друзей, [питая] слабую надежду на то, что с помощью Мухаммад-бека зраки племени Хазо прогонят из [того города] Ахмад-бека и Шамсаддина, а своим правителем поставят его, [Баха'аддин выехал из Бидлиса]. Когда от Бидлисской крепости он доехал до моста Хатун, из Сасуна прибыл гонец [с сообщением], что в ночь на пятницу 6 шаввала упомянутого года (3 июня 1596) в стенах крепости Шамсаддин /209/ был убит рукою Мухаммад-аги Абаки, а Ахмад-бек отстранен от власти; что ашираты и племена отправились в Сасун за Мухаммад-беком; что население Хазо грабит людей 'Али-паши, а сам он вместе со [своими] голыми и босыми [людьми] осажден в доме (Букв, “в домах”.) Шамсаддина. Мухаммад-бек прибыл в Хазо и воссел на трон правления. Баха'аддин в полном отчаянии несколько дней вместе с Мухаммад-беком зраки прожил в Дарзини и в сопровождении [его] отправился в Джебзире на службу к эмиру Шарафу. [Ему] было назначено содержание из доходов с округа Сиирт, пожалованного сыну эмира Шарафа мир Мухаммаду. Ахмад-бека в Хазо убили, а Мухаммад-бек поныне независимо управляет Хазо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О правителях Хизана

[Глава] состоит из трех параграфов

Согласно тому как передают эту историю украшенные лужайками райские кущи этого сада и излучающие блеск просторы этого цветника с помощью капель, [источаемых] облаками пера, правители Хизана происходят из округа Билиджан, [264] относящегося к Хнусу ³⁹⁹. По-видимому, происходили они из очень известной семьи и с начала [своего пребывания] в Билиджане их отцы и деды владели крепостью Билиджан. Некоторое время спустя, пока они там проживали, от их потомков появилось три доблестных брата: Дил, Бил и Блидж. [Они] прибыли в Хизан, силою покорили тот вилайет и поделили между собою на три части. Хизан при этом достался брату старшему, округ Мокс — брату среднему и округ Асбайирд — брату младшему, и они приступили к управлению теми районами. Обстоятельства [жизни] потомков трех братьев, которые, как упоминается в устных преданиях, /210/ достигли власти в упомянутых областях, пером начертания будут последовательно изъяснены в параграфах первом, втором и третьем с помощью Аллаха — властелина, [которому мы] поклоняемся.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

О правителях Хизана и причине такого [их] наименования

Согласно преданию и устной традиции, сначала название Хизан [звучало] как “Сахар Хизан” (Букв, “поднимающиеся на заре”), ибо жители тех районов известны в Курдистане трудолюбием (Букв, “ранним вставанием”), набожностью, честностью и правдивостью. Малые и великие у них исправно совершают намаз вечерний, утренний и полуденный. Под

конец, в результате частого употребления [этого названия], курды, которые постоянно сокращают имена, как то: Шамсаддин — Шамо, 'Иззатдин — Изо, Абдал — Абдо, в этом названии отбросили слово “Сахар” и стали говорить “Хизан”.

Согласно другой [версии], причина наименования такова. Вначале [та крепость] называлась Сахар Хизан. Когда ее основатель отправился посетить Мекку, по возвращении обратно он нашел [крепостные] ворота запертыми стражей. Разгневанный, он назвал их по-персидски “Хизан-и би 'итибар” (“Несчастливые, недостойные доверия”). — и [265] не задерживаясь, ушел. И действительно, большинство здешних правителей именовались таким образом.

Город Хизан построен недавно, во времена ислама. В народе там бытует поверье (Букв, “известно”), что основателем его был владетель Мераги Тебризской. Несмотря на [все] изыскания в известных сочинениях, автору этих строк не удалось найти из государей ни одного, который был бы основателем той [крепости]. [Остается предположить], что таковой принадлежит к везирам и эмирам. Возможно, что во времена Хулагу-хана, который заново отстроил Мерагу и сделал тот город столицей, ту крепость и город основал один из мусульманских вельмож и везиров того времени Хаджа Насир ⁴⁰⁰ — в ту эпоху истинный оплот державы /211/ и советник [государя]. И соборная мечеть, каковая есть в том городе, принадлежит к постройкам основателя крепости. Там воздвигнуто несколько колонн, [причем] местным жителям так и не удалось определить, из какого они дерева. Некоторые говорят, что это дерево, называемое турками “ит буруни”, а курдами — “шилан”. Местное население убеждено, что там побывали многие из святых и что это место исполнения молитв. Внутри крепости воздвигнуто строение, [напоминающее] по виду обсерваторию [и] построенное из кирпича и извести.

В том городе хорошие сады и [произрастают все] виды плодов и винограда, каковые имеются в округах Тебриза и других районах Персии. Если по [приведенным выше] причинам основание того [города] отнесут к Хаджа Насираддин Мухаммаду Туей, весьма возможно, [что это действительно так]. [Истинное] знание у Аллаха!

Но климат в области крайне нездоровый, и осенью у большинства из жителей и обитателей тех районов начинаются приступы лихорадки. В садах той страны [произрастают] ореховые и плодовые деревья всех видов. Считают, что нездоровый климат в том городе происходит от множества ореховых деревьев.

Ашират, [проживающий] в той стране, называют намиран, и происхождение наименования “намири” таково. Когда [266] умирает любой человек из их аширатов и племен, правители тех районов его содержание и ‘улудфе ⁴⁰¹, ничего из того не увеличивая и не преуменьшая, передают его сыновьям, [вне зависимости от того], большие они или малые. Поэтому они и получили известность как “намири” (“Бессмертные”).

Их правители [в отношениях] с великими султанами и благородными хаканами с мстительностью Марса следовали путем учтивости и предупредительности и удостоились всевозможных милостей. /212/ Всякий раз, когда государи покоряли страну курдов и отнимали Курдистан у здешних правителей, их области благополучно избегали той участи.

В той связи автор книги *Матла' ас-са'адайн* Мавлана 'Абдарраззак Самарканди писал, что в 824 (1421) году, когда сын эмира Тимура Гургана Мирза Шахрух ⁴⁰² прибыл в пределы Азербайджана на войну с сыновьями Кара Йусуфа туркимана, сын эмира Сулаймана Хизани, что пребывал на службе у эмира Шамсадина Бидлиси, встретил государев кортеж и был отмечен и вознесен монаршими милостями и щедротами. После эмира Сулаймана и

его сына из их правителей устной традицией упоминается эмир Малик, который некоторое время управлял той областью и в конце концов в положенный срок отбыл в мир иной.

Эмир Давуд б. эмир Малик

В продолжение тридцати девяти лет управлял он Хиза-ном независимо и полновластно (Букв, “без вмешательства смутьянов”). Неизменно он предавался постоянному пьянству и пребывал в обществе юношей, чей стан [напоминал] кипарис, а тело — розу. В Хизане он основал и построил медресе, известное [под названием] Давудийе. [Ныне] там с пользой для себя и для других занимаются ученые и совершенные. У него было три сына: Султан Ахмад, мир Сулайман-бек и Хасан-бек. [267]

Султан Ахмад б. мир Давуд

После смерти отца он стал правителем области Хизана и к правлению теми районами являл надлежащую ревность и старание, снискав удовлетворение аширата намири, раййатов и жителей того вилайета. Во время похода на обитель ислама Багдад вместе с эмирами и правителями Курдистана он оказал Сулайман-хану услуги, [удостоившиеся] похвалы, /213/ и получил на управление Хизаном грамоту с несколькими условиями, подкрепленными анафемой [в случае их нарушения]. С того времени в приказах и повелениях о них писали с титулом “высочество” и именовали хакимами. Известность они получили как правители Хизана.

Но [в отношениях] с Шараф-ханом, несмотря на любовь и единение, установившиеся между их семьями, в то время когда Улама прибыл в Рум, по ряду причин, которые будут упомянуты ниже при [описании] обстоятельств [жизни] Шараф-хана, дружба сменилась враждою, а привязанность — ненавистью. Султан Ахмад-бек вступил в сговор с Уламой для искоренения и истребления семьи [Шараф-хана].

Шараф-хан со своей стороны двинул туда войска, желая покорить Хизан и схватить Султан Ахмад-бека. Много народу тогда погибло. Снова вступились посредники, и [Шараф-хан] возвратился обратно.

Султан Ахмад послал в Диарбекир [своего] человека, убеждая Уламу [начать] войну с Шараф-ханом. Улама с войсками Диарбекира направился в Хизан, а из Хизана, ведомый [Султан Ахмадом], прибыл в район Татига и отправился в вилайет Бидлиса. В том сражении Шараф-хан был убит. Вскоре после него Султан Ахмад-бек тоже распростился с [этим] бранным миром и ушел [отсюда]. Стихотворе/*ние:

Взгляни оком души на ту темницу молчаливых,
И ты увидишь, каковы в могиле эти [когда-то] красноречивые,

В локонах невест ты найдешь сходство с веткой шиповника,
Увидишь цвета розы шахское лицо принявшим окраску шафрана.

К чему гордость при удаче и стенания в несчастье?
Ведь [не успеешь] моргнуть глазом, как не увидишь ни того, ни этого. [268]

После него осталось пять сыновей: эмир Мухаммад, Йусуф-бек, малик Халил, Малик-хан и Хан Махмуд.

/214/ Мир Мухаммад б. Султан Ахмад

После смерти Султан Ахмада на основании [непреложного], как судьба, указа султана Сулайман-хана область Хизана была поделена на две части — одну половину передали мир Мухаммаду, другую — его брату малику Халилу. После года правления мир Мухаммад скоропостижно умер, и после него осталось три сына: Султан Мустафа, Давуд-бек и Зайнал-бек. После смерти брата малик Халил объединил вилайет Хизана по образцу прежнего и получил из сулайманова дивана грамоту на свое имя.

Но, поддерживаемый [своим] дядей — правителем Хазо Баха'аддин-беком, Султан Мустафа направился к государеву порогу и утвердил за собою долю отца. После шести лет правления однажды во время охоты его нашли в лесу мертвым. Несмотря на все изыскания, причина убийства осталась невыясненной. Когда он умер, власть перешла к его брату Давуд-беку. После года правления он [тоже] прошествовал в мир вечности. Когда умер Давуд-бек, его брат Зайнал-бек отправился к порогу султана Салим-хана и, объединив обе части области Хизана, как и прежде, в единое [целое], утвердил за собою. Не успел он испытать из кубка власти, как был вынужден принять чашу с ядом из рук кравчего смерти и на пути в Стамбул препоручил душу творцу вселенной.

Малик Халил б. Султан Ахмад

[Как известно] по упоминанию некоторых из обстоятельств его [жизни, малик Халил] еще при брате, и его сыновьях владел то половиной вилайета Хизана, то [той областью] целиком. После смерти племянников во времена султана Салим-хана благодаря поддержке /215/ и помощи славного советника [государя] великого везира Мухаммад-паши он утвердил за собою обе части Хизана и около двадцати двух лет управлял теми **[269]** районами безраздельно и беспрепятственно. Однако делам власти [малик Халил] не являл большой заботы, препоручив бразды правления тем вилайетом могущественной деснице некоего Абдал-аги из аширата блилан. Сам лее он от власти удовольствовался одним именем и хлебом [насущным]. Сколь [во всем] ему сопутствовал господний промысел, большинство его начинаний совпало с предопределением судьбы. В 991 (1583) году он скончался от падучей — болезни, долгое время мучившей его. После него остался единственный малолетний сын по имени Хасан-бек.

Мир Махмуд б. Султан Ахмад

После смерти своего брата малика Халила с одобрения аширатов и племен намири он взялся за управление Хизаном согласно августейшему приказу султана Мурад-хана. И действительно, он ревностно защищал и оберегал вилайет, охранял порядок в аширате, являя при управлении теми районами такое старание, что более невозможно и представить. В 992 (1584) году [мир Махмуду] было поручено сопровождать везира 'Усман-пашу и победоносное войско при завоевании и покорении Тебриза. В день, когда при Саадабаде Тебризском произошло сражение везира Синан-паши с несколькими кызылбашскими эмирами, мир Махмуд после бегства своей свиты удостоился в той битве чести мученической смерти вместе со знатными людьми Хизана. После него осталось два сына по имени Султан Ахмад и мир Махмуд. Мир Махмуд отправился в потусторонний мир [еще] в малолетнем возрасте.

Эмир Хасан б. малик Халил

После гибели его дяди мир Махмуда, несмотря на свой малый возраст, аширатами и племенами намири /216/ на пост эмира был единодушно выдвинут [эмир Хасан], и согласно грамоте султана Мурад-хана он стал правителем Хизана. Тем временем к порогу — прибежищу счастья — султана Мурад-хана направился его дядя Йусуф-бек, сын Султан

Ахмада, [270] желая [испросить] управление Хизаном, и из безграничной монаршей милости управление Хизаном было пожаловано ему. Когда он, возвращаясь от [государева] порога, прибыл в Хизан, ашираты и племена намири не оказали ему особого почтения, и [Йусуф-бек], обманутый в своих ожиданиях, отправился в Тебриз к везиру Джа'фар-паше и испросил у него помощи и содействия. Джа'фар-паша со своей стороны поддержал его и, сопроводив [своим] человеком, послал навести в Хизане порядок. Население вилайета не покорилося ему и на этот раз. Когда такого рода обстановка повторилась неоднократно, вступились посредники и передали ему во владение на правах *санджака* округ Намиран, с тем чтобы Хизаном вместе с относящимися [к нему районами] владел мир Хасан.

После того как таким образом прошло немного времени, Йусуф-бек, подстрекаемый завистниками и, быть может, желая [проявить свое] мужество (В тексте — *** “преждевременная смерть”. Несоответствие такого значения общему смыслу предложения позволяет предположить, другое чтение — ***. “мужество, молодечество”), снова потребовал область Хизана, не удовольствовавшись округом Намиран. Мир Хасан тоже собрал своих сторонников и, поддерживаемый некоторыми из друзей и племенем ширван⁴⁰³, отправился на Йусуф-бека. Тот в свою очередь укрепился в деревне Аз, относящейся к Намирану, и приготовился к войне и сражению. После схватки соратники его оказались убитыми, а [сам] Йусуф-бек спрятался в отхожем месте и [там] среди нечистот был убит самым позорным образом. Убийца не назвался, и мир Хасану пришлось перенести много страданий от омерзительного запаха [павшего на него] подозрения. Он понес неисчислимые издержки, так что [был вынужден] лучшие /217/ из селений вилайета Хизана и большинство своих наследственных угодий и поместий распродать, потратив вырученную сумму на вельмож и столпов [державы] рода 'Усмана. Поныне, хотя [мир Хасан] и окунулся в море веры, он не освободился от того подозрения.

Поддерживаемый племенем махмуди, его двоюродный брат Хадджи-бек, матерью которого была дочь Хасан-бека [271] махмуди, [в течение] нескольких дней спорил с мир Хасаном, [требуя] передачи ему на правах *санджака* округа Намиран. Под конец порешили утвердить за [Хадджи-беком] округ Мерванан на его содержание, [с тем чтобы] он пребывал на службе у мир Хасана и вместе с ним являл усердие и ревность в успешном разрешении дел политических и финансовых. В настоящее время они проявляют [полное] единодушие, и дела в вилайете Хизана обстоят благополучно.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах Мокса

Благодаря каплям, [источаемым] облаками пера, и распространяющим благоухание движениям при начертании выше было изъяснено, что правители Хизана, Мокса и Асбайирда были братьями, прибывшими в ту страну из Билиджана и разделившими вилайет между собою. По словам некоторых авторов, они были двоюродными братьями и владели тем вилайетом сообща, получив [его] от сельджукских султанов.

Так или иначе, а первым из эмиров Мокса устная традиция именуется эмира Абдала. У него было два сына: Ахмад-бек и Хасан-бек. После отца в ожерелье власти облачился Ахмад-бек и приступил к управлению тем вилайетом. Правитель Хаккари Зайнал-бек, затаивший на него злобу, взял его с собою к порогу /218/ султана Сулайман-хана Гази. От княжества мир Ахмада была отделена и на правах *санджака* передана Хасан-беку крепость Гаргар, и на то вышли непреложные [султанские] указы. До конца жизни [Зайнал-бек] вместе с братьями вершил дела власти.

После тридцати лет правления Ахмад-бек умер, и после него осталось два сына: Абдал-бек и мир 'Имададдин.

Абдал-бек б. мир Ахмад

После смерти его отца согласно [непреложному], как судьба, указу султана Сулайман-хана ему был передан эмират Мокса. Тем временем его дядя Хасан-бек был принят под [272] сень господней милости. Абдал-бек взял в жены дочь правителя Хаккари Зайнал-бека и с его помощью и поддержкой присоединил к округу Мокс район Гаргар, как было при отцах и дедах его. На то вышел всемиловитейший указ султана Салим-хана. Позднее Рустам-бек б. мир Хасан с помощью племени махмуди вновь отделил округ Гаргар и оставил за собою. Между двоюродными братьями происходили многочисленные распри и препирательства. В начале 1005 (1596) года однажды вечером, в промежутке между молитвами вечерней и ночной, Абдал-бек подошел к краю стальных зубцов крепости, желая снова совершить омовение. Спяну он поскользнулся и свалился вниз, препоручив душу творцу вселенной. После него осталось два сына по имени мир Ахмад и Мухаммад. На место отца воссел мир Ахмад в соответствии с правом [наследования] и с согласия племен.

Рустам-бек б. Хасан-бек

Как упоминалось выше, он, преступая волю двоюродных братьев испросил в жены дочь Хасан-бека махмуди и благодаря помощи аширата махмуди и покровительству /219/ сардара Мустафа-паши утвердил за собою округ Гаргар. После нескольких лет правления он умер, и его место заступил его сын Хасан-бек. Когда умер Абдал-бек, Хасан-бек возымел желание захватить Мокс. Ему оказал помощь эмир эмиров Вана Синан-паша, направив в его распоряжение около трехсот конных и пеших. Эмир Ахмад вместе с племенами вышел из крепости, дабы оказать отпор Хасан-беку, и приготовился к битве. Меж ними произошло сражение, в котором Хасан-бек был убит, и мир Ахмад стал независимым правителем Мокса. И ныне он беспрепятственно вершит дела власти.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

Об эмирах Асбайирда

Как упоминалось выше, [представители] этой династии приходится правителям Хизана двоюродными братьями. В то [273] время когда эмиры Курдистана изъявили покорность османскому двору, правителем Асбайирда был Мухаммад-бек. После своей смерти он оставил двух сыновей: Султан Ибрахима и мир Шарафа.

Султан Ибрахим б. Мухаммад-бек

После смерти отца он утвердился на троне эмира Асбайирда согласно указу султана Салим-хана Гази и некоторое время управлял [тем округом]. У него было два сына: Мухаммад-бек и Хасан-бек. Когда к крепости Вана подступили кызылбаши, он вместе с эмиром эмиров Фархад-пашой ревностно защищал Ван и был убит кызылбашами. После смерти отца его место заступил Мухаммад-бек.

Мухаммад-бек б. Султан Ибрахим

Когда умер его отец, он стал правителем Асбайирда на основании султанского указа. У него было четыре сына: Айуб-бек, Халид-бек, Увайс-бек /220/ и Султан Ибрахим-бек. После смерти отца в соответствии с родительским завещанием и по праву [наследования,

основанному на] шариате, за управление тем вилайетом взялся Айуб-бек. И ныне, в 1005 (1597) году, вот уже двадцать лет как он держит ту область в [своей] владетельной деснице. Для равных он служит предметом зависти по [своей] житейской мудрости и богатствам.

Мир Шараф б. Мухаммад-бек

После того как его брат Султан Ибрахим занял место отца, он отправился ко двору Сулаймана, [добился] отделения округа Агакис ⁴⁰⁴ от удела своего брата и получил [его] во владение на правах *санджака* согласно высокому повелению [обладателя] достоинства Сулаймана. [Мир Шараф] некоторое время владел и управлял упомянутым округом, а потом отбыл из [этого] бренного мира в мир вечности. После него осталось два сына: Баха'аддин и Уркмаз-бек. Поскольку оба они были несовершеннолетними и для управления страной не [274] подходили, диван Вана передал Агакис османским эмирам. По достижении возраста зрелости и рассудительности Уркмаз-бек заболел падучей и бешенством. Баха'аддин [же] покинул [ту] страну, направился в Арабистан и был причислен к слугам государя в Басре и Лахсе ⁴⁰⁵.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О правителях Килиса

Да не останется скрытым и утаенным пред отмеченным пронизательностью разумом знатоков рода Хашима и истинною мыслью мудрецов семьи курейшитов, что родословная правителей Килиса, согласно их утверждениям, восходит к одному из сыновей его святейшества 'Аббаса — да будет им доволен Аллах! Ссылаясь на достоверное предание, говорят, что правителям Хаккари и Имадии они приходится двоюродными братьями. В этой связи [сами] они рассказывают, что Шамсаддин, Баха'аддин и Манташа были тремя братьями. Правители Хаккари /221/ происходят от Шамсаддина, и их в соответствии с особенностями курдской речи называют Шамо; правителей Имадии, что принадлежат к роду Баха'аддина, именуют Бахдинан и правителей Килиса, что из рода Манташа, — Манд.

Как бы то ни было, сначала Манд собрал под своим знаменем многочисленную группу курдов и направился в Египет и Сирию. Там он избрал служение султанам рода Айуба, и те правосудные государи определили Манду на правах *санджака* округ Косейр ⁴⁰⁶, что находится близ вилайета Антиохии, дабы вместе со своими подданными он проводил там зиму. Группа курдов-езидов, что проживала в тех районах, [тоже] собралась под его знаменем; изо дня в день возрастали знаки его могущества и истинной направленности, доказательства его великодушия и мужества. Курды, каковые были в Джоме ⁴⁰⁷ и Килисе, все примкнули (Букв, “направились”.) к нему. Государи [275] [династии] Айюбидов явили Манду благоволение и милость” отметили его степенью эмира над курдами, проживавшими в хранимой богом Сирии и Алеппо, препоручили его деснице власть над тем народом, вознесли его среди равных до высокой степени благородного.

Первое время некоторые из езидских шейхов, проживавших между Хама и Марашем, оспаривали у Манда трон правления и несколько раз начинали военные действия. В конце концов волей-неволей Манд заставил их подчиниться — все курды в той стране подставили выи для ошейника повиновения ему.

Когда подошла к концу жизнь Манда, /222/ вместо отца за дело правления взялся его сын 'Араб-бек. После того как он тоже отбыл в обитель вечности, на престол отца восшествствовал его законный сын эмир Джамал, и после эмира Джамала его место заступил его сын Ахмад-бек. Во время [его] правления слугитель (Букв, “расстилатель ковров”.) судьбы свернул

ковер владычества рода Айуба, власть перешла от той династии к черкесским рабам. Ахмад-бек не подчинился черкесам и некоторое время спустя простился с [этим] бранным миром. После него осталось два сына по имени Хабиб-бек и Касим-бек. Курдским правителем вместо отца стал Хабиб-бек. Черкесские султаны убили его, заманив к себе в Алеппо.

Полагаясь на завещание и силу [своего] плеча, Касим-бек заступил место брата и подчинил себе курдов. [Между тем] черкесские султаны передали управление курдами одному из потомков езидских шейхов — некоему шейху 'Иззадину, и несколько вероотступников из курдов-езидов признали его власть. Назначив военачальником Шахрийар-бека рамазанлу и приставив к нему часть алеппского войска, он послал его “а Касим-бека. Касим-бек тоже вместе со своими аширатами и племенами укрепился на горе Сахйюн ⁴⁰⁸. Вслед за шейхом 'Иззадином с другой стороны султан Гури ⁴⁰⁹ послал на Касим-бека сына своей молочной сестры с многочисленным отрядом из ополчения Алеппо. Не одно жестокое сражение [276] произошло меж ними, и каждый раз поражение терпели черкесские войска.

Когда же в ту сторону обратил поводья устремления султан Салим-хан, намереваясь завоевать Арабию, Египет и Сирию и свергнуть черкесов, /223/ Касим-бек вместе с Хайри-беком черкесом изъявил покорность и удостоился чести лобызания султанского ковра. После завоевания Египта, Сирии и Алеппо Касим-бек в сопровождении своего сына по имени Джан-Фулад, которому тогда было двенадцать лет, направился при победоносном султанском стремени в Стамбул. Шейх 'Иззад-дин Йазиди [тем временем] поспешил на службу к эмиру эмиров Алеппо Караджа-паше, благодаря наущениям нескольких завистников обманул упомянутого пашу злобными наговорами и довел до сведения слуг подножия трона — прибежища халифата, что Касим-бек изменник и смутьян. И такое в том деле явил он рвение, что [заявил следующее]: “Если Касим-бек снова получит разрешение на отъезд и возвратится в Алеппо, это вызовет всеобщую смуту”. Поскольку, настраивая султана против Касим-бека, приводили доводы [самые] веские, вышел непрекаемый, как судьба, указ казнить его, и вскоре палачи его казнили. Сына его Джан-Фулада отвезли в государев дворец, включили в число гулямов при казнохранилище и явили заботу о его воспитании. Титул эмира курдов по просьбе Караджа-паши был передан диваном султана Салим-хана шейху 'Иззадину.

Джан-Фулад-бек б. Касим-бек

После казни отца он оставался под охраной при государевом дворе султана Салим-хана, а титул курдского эмира был препоручен шейху 'Иззадину. Когда шейх 'Иззадин умер, после него не осталось никого из сыновей и близких, кто бы мог исполнять обязанности правителя. На том основании его владения включили в августейшие домены в Антиохии и возложили управление курдами на малика Мухаммад-бека /224/ — одного из сыновей правителей Хасанкейфа. [277]

Когда бразды правления перешли в достойные руки султана Сулайман-хана, тот взял Джан-Фулада из [своего] монаршего дворца и включил в число *мутафарриков* небесноподобного двора. Во [время] похода на Белград, завоевания Родоса и молдавской кампании ⁴¹⁰ он находился при победоносном султанском стремени. Не единожды засвидетельствовав [свое] мужество, снискал он благосклонное внимание хакана и испросил княжество своих отцов и дедов. Султан, [равный] достоинством Сулайману, пожаловал ему другой округ из подчиненных Алеппо [районов], дабы не вызвал его отъезд смуту среди одержимых дивами курдов, [но] Джан-Фулад от него отказался.

В то время эмиром был поставлен Хусайн-хан-паша Хадим, и на имя упомянутого паши вышел августейший указ относительно рассмотрения дел курдов и передачи Джан-Фуладу области Килиса и наследственной власти. Хусайн-паша со своей стороны доложил, что, пока управление курдами не будет препоручено Джан-Фуладу, никто не сможет поручиться за порядок в том мятежном и непокорном племени, и что местным жителям и странникам в Алеппо к арабских городах нет спасения от учиняемого ими зла. Основываясь на этом, султан Сулайман-хан отличил Джан-Фулада монаршими милостями и щедротами и пожаловал ему вместе с прилегающими [районами] область Килиса. [Тот] направился в Килис счастливый и удовлетворенный и явил при управлении курдами такую ревность и старание, что более того невозможно и представить.

Рассказывают, когда султан, [равный] достоинствами Сулайману, направился к зимним становищам Алеппо, намереваясь покорить Иран ⁴¹¹, /225/ в султанский шатер там проник один вор, похитивший из уединенных августейших покоев саблю, инкрустированную драгоценными камнями, так что совершенно не заметила стража и государевы слуги. Когда распространившийся об этом слух достиг ушей великого везира Рустам-паши, тот по причине тайной вражды, которую он питал к Джан-Фулад-беку, доложил правосудному владыке, что “эта гнусность — дело [рук] курдов Джан-Фулада, и [278] кроме них, столь страшный грех никто совершить не может”. Вспыхнуло по этой причине пламя государева гнева, и обрушился он на Джан-Фулада со всей несправедливостью (Букв, “и выбил он из очага носа Джан-Фулада дым несправедливости”). Тогда Джан-Фулад испросил пять дней отсрочки, [заявив], что сочтет себя достойным любой кары, каковую повелит государь, если не найдет похитителей.

На четвертый день он доставил в сулайманов диван воров вместе с инкрустированной драгоценными камнями саблей. После того как воров наказали, Джан-Фулад был отмечен и вознесен среди равных безграничными монаршими милостями и государевыми щедротами, а основание его достоинства достигло высшей райской обители.

Он дожил до девяноста с лишним лет и почти достиг столетнего возраста. Говорят, у него было семьдесят сыновей, из которых большинство умерли по достижении совершеннолетия.

В живых после его смерти осталось десять сыновей: Хабиб-бек, 'Умар-бек, Ахмад, 'Абдаллах, Хусайн-бек, Джа'фар-бек, Газанфар, Зайнал, Хайдар и Хизр. Но Хабиб-бек, что был его старшим сыном, [своими] глупыми поступками и неразумным поведением, присущим природе юных и противным понятию старцев, /226/ вызвал неприязнь (Букв, “отвращение”.) отца. Тот отрекся от него и [свои] заботы обратил на воспитание своего пятого сына Хусайн-бека. Когда на челе его обстоятельств появились свидетельства истинного направления и знаки дарований и талантов, [Джан-Фулад] пожелал назначить его своим наследником.

Случилось так, что в те времена султан Сулайман-хан отправился в поход на Сигет ⁴¹². Джан-Фулад-бек по своей слабости и немощности не мог переносить [тяготы] похода и вместо себя [послал] Хусайн-бека. [Хусайн-бек] при победоносном стремени султана Гази, принявшего смерть за веру, отправился в Сигет. В том походе оказал он удостоившиеся [279] похвалы услуги и снискал благосклонность государя, пообещавшего ему [даровать] санджак.

В 972 (1564-65) году, когда победоносные знамена возвращались из того похода, от крайней слабости и немощности на ланитах жизни Джан-Фулада показались знаки расставания с [этим] бранным миром, и назначил он своим наследником сына по имени Джа'фар-бек,

препоручив могучей деснице Хусайн-бека заботу об имуществах, имениях, вакфах и о детях. И наказал [Джан-Фулад]: “Пусть сын мой Хабиб-бек не получит доли владений и богатств моих”, составил подобного содержания завещание, снабдил [его] печатью *кази*, сеййидов и жителей той страны и оставил у коменданта крепости, [поместив] в опечатанный кошель. Затем он препоручил дорогую душу ангелам смерти.

Джа'фар-бек б. Джан-Фулад-бек

Согласно завещанию отца и на основании всемилостивейшего указа султана Мурад-хана он стал правителем Килиса. Четыре года спустя, когда *сардар* Мустафа-паша Лала отправился на завоевание Ширвана, Джа'фар-бек /227/ вслед за грозным [государевым] войском направился в Диарбекир, но по прибытии в Караджедаг ⁴¹³ упал с коня и отдал душу творцу вселенной.

Хабиб-бек б. Джан-Фулад-бек

После смерти отца Хусайн-бек и братья явили ему безграничное (Букв, “большое”.) презрение и пренебрежение. Не обращая на Хусайн-бека и братьев внимания, [но] решив отомстить, он отправился в Килис, завладел частью отцовских имуществ и освободил из заточения заключенных, долгое время томившихся в тюрьмах отца и из которых каждый был должником мусульманина. Он направил их в монарший диван и с бесконечными жалобами на [своих] жестоких братьев изъяснил у подножия высочайшего трона свои права [на власть]. [280] Высоко чтимый советник [государя], устроитель дел вселенной великий везир Мухаммад-паша, восчувствовав к нему неприязнь, сказал: “Он был лишен еще при жизни отца титула и наследства, и талантов правителя у него нет”. Однако ради прекращения споров ему был пожалован в Сирии округ Набулус. Хабиб-бек тем не удовольствовался и стал домогаться округа Балис ⁴¹⁴ [в области] Алеппо, что пребывал во владении у его брата Хусайн-бека.

Из безграничной султанской милости тот округ был ему дарован. Когда об этом узнал Хусайн-бек, он снова послал [своего] человека к [государеву] порогу и добился смещения [Хабиб-бека], закрепив упомянутый округ за собою.

Тем временем распространился слух о смерти его брата Джа'фар-бека и передаче *сардаром* Мустафа-пашою Хусайн-беку области Килиса. Когда это известие достигло слуха Хабиб-бека, незамедлительно путем поспешания /228/ он отправился к порогу султана Мурад-хана и отвез на [сумму] примерно в пять тысяч флоринов подарков и подношений государеву [шейху], ибо прибежище мира — государь — тогда являл тому юному шейху ⁴¹⁵ большое доверие и расположение. [Хабиб-бек] попросил [шейха] убедить государя и везира [передать ему] управление Килисом. По просьбе шейха, который пользовался полным доверием и неописуемыми полномочиями, Хабиб-беку пожаловали округ Саламийе ⁴¹⁶. Хабиб-бек, не удовольствовавшись тем пожалованием, потребовал наследственный *оджак*, и хотя просьба шейха противоречила [уложениям] почитаемого шариата и сиятельным заповедям [Мусы], благодаря настоятельным просьбам и заботе шейха управление Килисом было утверждено за Хабиб-беком, а округ Саламийе — за Хусайн-беком.

Когда *сардар* Мустафа-паша занялся перестройкой крепости Каре ⁴¹⁷, Хабиб-бек допустил в том деле нерадение и небрежность, явившись на службу к *сардару* к концу похода и со считанным числом [людей]. Разобиженный на него *сардар* снова препоручил управление Килисом Хусайн-беку, а Хабиб-беку даровал округ Саламийе. Хабиб-бек, недовольный, опять направился к государеву порогу. [281]

По воле случая Мустафа-паша тогда был смещен с должности *сардара* ⁴¹⁸, руководство войском было поручено Синан-паше. Хабиб-бек, будучи действительно хитрецом и пройдохой, столько наговорил *сардару*, что, введенный в заблуждение [его словами], Синан-паша вообразил, что его руке суждено покорить половину страны персов, и утвердил за ним управление Килисом. После трех лет его управления теми районами Синан-паша был отстранен с должности *сардара* и великого везира, /229/ и управление Килисом заполучил Хусайн-бек.

Хабиб-бек, будучи разжалованным, прожил еще несколько лет расстроенный и удрученный и, наконец, ответив судьбе: “Я готов”, отправился в потусторонний мир. Вражду братьев смог прекратить лишь безжалостный меч смерти. Двустиишие:

Ради спокойствия творений разделили мы [мир] на две части,
Я избрал земную поверхность, а он — [сокрытое] под нею.

Хусайн-бек б. Джан-Фулад-бек

Снискав благосклонность султана Сулайман-хана Гази и получив благословение отца, после смерти своего брата Джа'фар-бека стал правителем наследственного вилайета [Хусайн-бек], хоть и был он пятым сыном. Несколько раз его брат Хабиб-бек, как упоминалось выше, обвинял его в убийстве своего брата Джа'фар-бека и обязался за расследование [этого дела] уплатить около шестидесяти тысяч флоринов. С помощью везира Синан-паши на несколько лет он отобрал управление Килисом из его владительных рук, но так ничего и не добился, наследственное княжество было закреплено за [Хусайн-беком]. Стихотворение:

Каждый, кто старается [угодить] богу,
Преуспеев благодаря господу во всех своих начинаниях.

Дела вершит только бог,
Коль не поможет господь, раб [его] не сделает ничего.

Словом, несколько лет Хусайн-бек безраздельно и беспрепятственно правил в Килисе. Под конец запало ему в [282] голову желание [получить должность] *беглербеги-гири* при Османской династии. Для того чтобы стать эмиром эмиров Триполи в Сирии, он увеличил [августейшие] доходы с тех районов на значительную сумму, которую он взялся выплачивать. [Хусайн-бек] обязался [также] княжество Килиса присоединить к Триполи, с тем чтобы в случае его разжалования Килис по-прежнему оставался за ним и изменений [тому] не последовало. К тому он прибавил еще несколько условий.

/230/ [Государь], прослышав о его просьбе, все его желания удостоил чести удовлетворения, и на то в 1001 (1592-93) году вышел все милостивейший монарший указ, [где] он был поименован Хусайн-пашою.

Перед этим один из знатных [города] Триполи — некий Камиза из потомков местных арабов — откупил на нескольких условиях налоги с Триполи и той области. Себя он *почитал* за приверженца предводителя искателей истины, оплота тончайших эрудитов, счастливого светила религии и веры владыки *нашего* Хаджи Эфенди, и был весьма привязан к упомянутому Хадже. У последнего он взял в долг около десяти тысяч флоринов червонного золота и, встревоженный известиями о Хусайн-паше, отправился к [государеву] порогу, захватив с собою десять тысяч червонных флоринов, полученных взаймы от Хаджи Эфенди. Хусайн-паша, тоже примерно в это же время получивший разрешение на отъезд, выехал в Триполи. Камиза пропал в пути, и несколько дней спустя его тело вместе с [трусами] его спутников нашли в разрушенном караван-сараяе. Убийство [Камизы] и его

свиты приписали Хусайн-паше и его людям. Это привело к тому, что Хаджа Эфенди, несмотря на былую любовь к Хусайн-паше, утратил к нему расположение и сместил с управления Триполи. [На его место] он поставил Хасан-агу *капуджи-баши* ⁴¹⁹, известного [под прозвищем] Имшичи (**Зеленщик**.) Хасан-ага, дабы тот, заточив [Хусайн-бека] в крепость Алеппо, занялся рассмотрением [обстоятельств] убийства Камизы и его товарищей и явил старание при сборе в государственное казначейство [податей], на них возложенных. **[283]**

Хасан-ага по непрерываемому, как судьба, указу заточил Хусайн-пашу в крепость Алеппо, однако в деле об убийстве Камизы ему ни единой требуемой в соответствии со святым законом /231/ [улики] не попало. Ныне, в 1005 (1597) году, он еще жив и по-прежнему в немилости (**Букв, “разжалованный”**.) проживает в хранимых богом султанских владениях. Можно надеяться, что будущая его жизнь изменится к лучшему, ибо этот юноша украшен всеми достоинствами и наряжен в убранство дарований.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Об эмирах Ширвана

[Ширван] включает одно княжество и два *зи'амата*. Соловей — певец розового сада эмирата — и попугай — сказитель сахарных полей владычества — рассказывают относительно родословной эмиров Ширвана, что первоначально их отцы и деды принадлежали к числу везиров при султанах рода Айуба. Когда же десница судьбы в 662 (1261) году свернула ковер владычества той династии над Египтом и Сирией, вместе с одним из потомков [Айюбидов], который является предком маликов Хасанкейфа, они прибыли в эти районы.

По другой версии, их родословная восходит к владельцам Ширвана. Как бы то ни было, а в область Куфры прибыли и поселились там три брата: 'Изаддин, Бадраддин и 'Имададдин. Благодаря заботам покойных султанов позднее к ним перешло управление теми районами. Первым из них, кто правил в Куфре ⁴²⁰ и кого упоминает устная традиция, был мир Хасан б. Ибрахим. Он имел пятерых сыновей: эмир Мухаммед Кура, мир Шах Мухаммада, Мирзу (?), мир Шамсаддина и мир Маджаддина. Когда правление мир Хасана подошло к концу, он разделил свое наследственное княжество между сыновьями, написал подкрепленное [угрозой] анафемы завещание и оставил сыновьям наставление, дабы каждый **[284]** после смерти /232/ его удовольствовался своей частью и не мешал другому. При этом крепость Шабистан с относящимися [к ней районами] он закрепил за мир Мухаммад Куром, крепость Куфру с прилегающими [угодьями] — за Мирзой, крепость Ирун с принадлежащими [к ней селениями] — за мир Шамсадином, крепость Авил с подчиненными [ей местностями] — за мир Маджаддином, а мир Шах Мухаммада назначил на свое место.

Мир Шах Мухаммад б. мир Хасан

После смерти отца он занялся управлением Куфры. Случилось так, что тем временем умер и его младший брат мир Маджаддин. Поскольку детей мужского пола у [него] не было, [эмир Шах Мухаммад] крепость Авил тоже присоединил к Куфре. Он достиг полной независимости. После смерти он оставил четырех сыновей: мир Мухаммада, мир Абдала, мир 'Али и мир 'Изаддина. На место отца воссел Абдал.

Эмир Абдал б. эмир Шах Мухаммад

Когда отец умер, он воссел на змирский престол и после нескольких лет правления препоручил остаток жизни назойливому заимодавцу — смерти. Правителем отцовских владений стал его старший сын эмир Шах Мухаммад б. мир Абдал. Во время его правления шах Исма'ил возымел желание покорить Курдистан и, когда курдские эмиры единодушно изъявили упомянутому шаху покорность и отправились к нему на службу, он, как неоднократно указывалось выше, заточил их в тюрьму, за исключением мир Шах Мухаммада и 'Али-бека Сасуни. После того как мир Шах Мухаммад облачился в одеяние кызылбашей, он был принят в избранное общество при государе и не оставлял служение [тому монарху]. Ему была пожалована и дарована в собственность область Куфры. Правил он долго и добился в жизни счастья и славы. /233/ У него было четыре сына: Мухаммад-бек, Абдал-бек, 'Али-бек и 'Изаддин-бек. Он добровольно отстранился от власти, [285] назначив своим наследником старшего сына Мухаммад-бека. После отрешения [от власти] он [прожил] еще несколько лет, избрав угол затворничества, и под конец в положенный срок распростился с [этим] бранным миром.

Мухаммад-бек б. мир Шах Мухаммад

Согласно завещанию отца он взялся за дело управления Куфрой с принадлежащими [к ней районами]. После тридцати лет его власти против него выступил брат Абдал-бек, претендуя на пост правителя Куфры. Мухаммад-бек, [действуя] наперекор брату, взялся охранять непрерывно в течение года расположенную на кызылбашской границе крепость Баргири, дабы впоследствии диван хакана, [равного] достоинствами Сулайману, не передал область Куфры [Абдал-беку]. На этом основании ему была препоручена охрана крепости, и он отправился в те районы.

Случайно тем временем шах Тахмасб возымел желание совладеть крепостями Адилджеваз, Арджиш, Ахлат и Баргири. [Была] середина зимы — от обилия снега и больших морозов земля, подобно меднотелому ⁴²¹ Исфандийару, оделась в ледяной панцирь, горы накинули на плечи шубы из горностаев, птицы не могли летать в воздухе и рыбы плавать в воде. Стихотворение:

Вместо воды придется глотать камень,
Ибо вода застыла, уподобившись мрамору.

Кольчуга, [защищающая] стан воинов,
Служит [лишь] сестью для поимки птицы души.

Сначала [шах Тахмасб], подобно небесной каре, обрушился на крепость Баргири ⁴²² и приступил к [ее] осаде. После трех месяцев осады осажденные были доведены до крайности — запасы и провиант подошли к концу, из-за отсутствия пропитания у людей /234/ не оставалось сил. К тому же до Мухаммад-бека дошел слух, что управление Куфрой диваном Сулаймана пожаловано его брату Абдал-беку. Это [известие] повергло [286] Мухаммад-бека в полное отчаяние и, сдав крепость заместникам шаха Тахмасба в лице эмира дивана Ма'сум-бека Сафави, он отправился к сулайманову порогу для изъяснения обстоятельств [дела]. Завистники донесли [государю], что запасов и провианта в крепости Баргири было полно, и сдал кызылбашам крепость Мухаммад-бек по причине [своей, не знающей] предела, трусости. На основании этого вышел всемогущий, как судьба, указ о казни того несчастного (**Букв, “немощного”**.) через повешение, и палачи освободили цитадель его тела от [обязанности] охранять султана души.

Абдал-бек б. мир Шах Мухаммад

Когда казнили его брата Мухаммад-бека, он стал независимым правителем Куфры. После тринадцати лет его правления между правителями Хизана — братьями мир Мухаммадом и

маликом Халилом — начались споры и распри. Малик Халил обратился за помощью к Абдал-беку, и тот, побуждаемый присущими курдам фанатизмом и горячностью, собрал ашираты и племена ширави и пошел на Хизан. Вместе с маликом Халилом он приступил к осаде крепости Хизан, [в то время как] мир Мухаммад вместе с аширатом намиран обратил свои усилия на защиту крепости Хизан. Желая дать сражение, он вышел [из крепости] и построил перед ними [свои] ряды. В том сражении погибло около ста человек из населения Хизана, селения и посева вдоль дороги были уничтожены и разграблены.

По обычаю испрошения справедливости жители Хизана обратились с челобитной к порогу султана Сулайман-хана и добились издания на имя эмира эмиров Вана Искандар-паши августейшего рескрипта, /235/ [предписывавшего] вызвать Абдал-бека в ванский диван и расследовать события, [происшедшие] в Хизане. Когда в присутствии представителей (Букв, “людей”.), обеих сторон в ванском диване были подтверждены [287] учиненные Абдал-беком и ширванцами притеснения в отношении населения и знати Хизана, эмир эмиров Вана тотчас заточил его (Абдал-бека) в крепость и доложил про истинное положение дел у подножия трона — прибежища халифата. И вышел непререкаемый, как судьба, указ о его казни. Согласно [монаршему] рескрипту он был убит в Ване.

Область Куфры поделили на две части: одну половину пожаловали Сару-хану Хазуи и другую — Хасан-беку Карни. После Абдал-бека осталось шесть малолетних сыновей: Махмуд-бек, Зайнал-бек, мир Шах Мухаммад, Хаджжи, мир Мухаммад и Зулфикар.

Махмуд-бек б. Абдал-бек

После казни его отца в [течение] нескольких лет Куфра пребывала в чужих руках. Достигнув возраста зрелости и разума, Махмуд-бек направился к прибежищу счастья — порогу султана Салим-хана, дабы испросить [свой] наследственный *оджак*. Ласковый с друзьями и беспощадный к врагам султан из беспредельного милосердия и безграничной монаршей милости пожаловал ему вилайет Куфры на тех же условиях, на которых им владели его отцы и деды. Получив [на то] отмеченную изяществом стиля государеву грамоту, [Махмуд-бек] довольный возвратился к себе на родину и утвердился на троне правления и престоле эмирата. Пред челом юноши и старца, обитателей и жителей Ширвана распахнул он двери справедливости и благоденствия, осчастливив всевозможными щедротами в той стране племена, райятов и [всех] подданных.

Но постоянно он предавался пьянству /236/ в обществе юношей стройного сложения и ни на минуту, даже на миг один, подобно тюльпану и нарциссу, не выпускал из рук чаши, не проводил ни единого мгновения, не [слыша] бульканья в [горлышке] винной бутылки и рыданий флейты. Стихотворение:

Глоток вина цвета, [любимого] Азаром, для него
Дороже крови тысячи братьев, [288]

Подарит он страну за звуки одного руда,
Целого царства милее ему одна песня.

После трех лет такого правления однажды ночью его нашли на ложе сна пронзенным кинжалом в бок. Вилайет Куфры диваном султана Салим-хана был на правах *санджака* пожалован мир Хасану Карни, [одному] из потомков мир Мухаммад Кура, и на протяжении нескольких лет тот вилайет пребывал у него во владении.

Зайнал-бек б. Абдал-бек

Как упоминалось выше, когда [Махмуд-бека] (Букв, “его брата”.) нашли в постели мертвым — убийцу опознать не удалось, и он остался неизвестным, — его братья были малолетними, и на несколько лет правителем Ширвана стал мир Хасан. По достижении возраста зрелости и разума Зайнал-бек направился к государеву порогу, желая испросить пост эмира Куфры.

Так случилось, что тем временем третий везир Синан-паша и 'Али-паша *капудан* ⁴²³, будучи поставлены со многими кораблями и галерами, неисчислимым войском и запасом провианта на завоевание крепости Акилбанд ⁴²⁴, направились в ту сторону. Зайнал-бек с несколькими разжалованными курдскими эмирами решил сопровождать упомянутого везира и победоносные войска в морском походе.

Когда крепость Акилбанд была завоевана и можно было с победою (Букв, “достигнув желаемого”.) возвращаться обратно, через везира Синан-пашу об истинном положении дел Зайнал-бека /237/ доложили у подножия высочайшего трона, и ему было пожаловано управление Куфрой на тех же условиях, на которых оно принадлежало (Букв, “было передано”.) Махмуд-беку. Зайнал-бек, счастливый и удовлетворенный, возвратился на родину, в славное [свое] обиталище и утвердился на месте своих отцов и дедов. С подданными [289] обходился он снисходительно и приветливо, сохраняя наилучшие отношения с соседними правителями и эмирами. Неизменно держал он развернутым ковер благодетельных, покровительствовал ученым и добродетельным, защищал слабых и бедных, не позволяя [в том] себе ни малейшего упущения. Таким образом правил он около тридцати лет, снискав удовлетворение подданных и служилого сословия [своим добрым] нравом и благосклонностью. Уже в преклонном возрасте возымел он страсть к чтению и начертанию и явил [тому] большое старание. Под конец, претерпев в результате перенесенной жестокой болезни много мучений, к концу месяца зу-л-хиджжа 1005 (1597) года он прошествовал из этого дворца с двумя дверьми в мир вечности, У него было пять добродетельных сыновей: Абдал-бек, малик Халил, мир Махмуд, мир Мухаммад и мир Сулайман.

Абдал-бек б. Зайнал-бек

Это юноша, наделенный красотой и благонравием. После смерти отца согласно его завещанию и все милостивейшему повелению султана Мухаммад-хана он взялся за управление Ширваном и в настоящее время является независимым правителем тех районов. [Можно] надеяться, что [и в будущем] ему будут сопутствовать удача и преуспевание.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

Об эмирах Карни

Они принадлежат к сыновьям, внукам и приверженцам мир Мухаммад Кура, сына мир Хасана, который разделил наследственный вилайет между сыновьями. Ему (мир Мухаммаду) он передал крепость Шабистан. /238/ В настоящее время крепость Шабистан с относящимися [к ней районами] государевым диваном пожалована на правах *зи'амата* сыну Сулайман-бека Зайнал-беку, и он является [ее] владельцем. [Один] из его двоюродных братьев, мир Хасан б. малик [290] Сулайман, некоторое время управлял Куфрой, как упоминалось [в рассказе] об убийстве Абдал-бека.

И действительно, Зайнал-бек — юноша, наделенный зрелым умом и [стоящий] на истинном пути. Свой *зи'амат* он отказал своему сыну, [получив] на свое имя от дивана султана Мухаммад-хана округ Агакис. У него есть брат по имени мир Абдал.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об [эмирах] Ируна

Мир Малик б. мир Хасан в действительности принадлежит к потомкам мир Шамсаддина б. мир Хасана. Мир Шамсаддину во время раздела наследственного вилайета его отец пожаловал крепость Ирун, и владеет ею [мир Малик] на правах *зи'амата*. Это юноша, известный на весь Курдистан храбростью и великодушием, наделенный непомерным благочестием и набожностью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Об эмирах [племени] зраки

[Глава] состоит из четырех параграфов

Да не останется под покровом мрака пред благодатным разумом красноречивых и солнцеподобною мыслью отмеченных изяществом стиля историков, что родословная эмиров зраки восходит к сирийским арабам. По божественному предопределению, некий Шайх Хасан б. Саййид 'Абдаррахман покинул родину, прибыл из той благословенной страны в область Мардина и занялся там служением и поклонением [богу]. Неизменно был он облачен в голубые одеяния и по этой причине получил в народе известность как Шайх Азраки. Возможно [также], поскольку арабы называют “азрак” [291] [людей] с голубыми глазами, он обладал той отличительной особенностью.

/239/ Как бы то ни было, в результате частого употребления [имени] *хамза* выпала, и он стал известен как Шайх Зраки. Знатные люди вилайета Мардина, [плененные] необычайным благочестием и набожностью Шайх Хасана, стали его послушниками и *мюридами*. Опасаясь его [влияния], государь [того] времени заточил его в Мардинской крепости. Несколько дней спустя [полученное] Шайхом [божественное] откровение и проявленные [им] чудеса [пробудили] в государе любовь к дервишеству, он стал его *мюридом* и искренним другом. Освободив Шайха из заточения, смиренно разверз он уста, дабы испросить извинения, и, оказав подобающее уважение и почитание, отдал ему в жены свою дочь. Это вызвало со стороны жителей тех областей неопишемое доверие к Шайх Хасану Азраки. После смерти государя он заступил его место, направив своих сыновей на управление окрест лежащими [районами]. Каждый из них стал владельцем и правителем одного из округов [того] вилайета.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

Об эмирах Дарзини

Один из сыновей Шайх Хасана Зраки, который прибыл в Дарзини, назывался Хабилом, сын [его] именовался Кабилом. Дарзини — [название] крепости с большой церковью внутри. В те времена, когда та крепость пребывала в руках безнравственных неверных, ее называли Дарзир. Позднее, когда она была завоевана Хабилом и Кабилом и перешла в [их] владетельную десницу, в результате частого употребления названия она стала [именоваться] Дарзини. [Ниже нами] приводится все, что доподлинно известно об их правителях.

Эмир Хамза б. эмир Халил б. эмир Гази

Некоторое время на основании указа шаха Исма'ил Сафави пост эмира Дарзини принадлежал эмиру Хамзе. После [292] его смерти сын его Мухаммад-бек заодно с эмирами и правителями Курдистана изъявил покорность высокому, как небо, двору султана Салим-хана, был возвеличен украшающим мир монаршим благоволением /240/ и отмечен высочайшими государевыми щедротами. Ему был пожалован пост эмира Дарзини. Когда истекло время его правления, он прошествовал из [этого] брэнного кабака в приют вечности, оставив после себя на страницах эпохи четырех сыновей: 'Али-бека, Шах Кули-бека, Иа'куб-бека и Джихан-шах-бека.

'Али-бек б. Мухаммад-бек

После смерти отца братья выступили против него, оспаривая власть. Под конец он силою вырвал вилайет у смутьянов и правил независимо в течение семи лет. После его смерти правителем наследственного вилайета согласно всемилостивейшему указу султана Сулайман-хана Гази в 941 (1534-35) году стал его брат Шах Кули-бек б. Мухаммад-бек, утвердившийся на месте брата. После восьми лет правления, возвращаясь от порога Сулаймана, вместе с несколькими людьми [своей] свиты, в местечке Болу ⁴²⁵ он был убит Насир-беком Зраки из Курдакана из-за существовавшей меж ними вражды.

Йа'куб-бек б. Мухаммад-бек

После убийства своего брата Шах Кули-бека на основании сулайманова указа он стал повелителем сборища дивов зраки. Был мужем, украшенным [всеми] духовными совершенствами, [какие только может даровать] природа (***) “в пределах естества природы). Любил он [внимать] речам благочестивых и дервишей — [сам] подобный суфию, исповедующий единство божие и великодушный, [Йа'куб-бек] по своей натуре был поэтом, ему принадлежит написание (Букв, “от него произошли”.) философских стихов и богословского комментария. Большинство его стихов на курдском языке, у него есть [293] целый диван [стихов]. По красоте воспитания и поведения в обществе, по тому, как он управлял, в свое время он не имел равных.

После двадцати пяти лет правления /241/ он добровольно отстранился от того достойного дела и поставил вместо себя, эмиром зраки, своего сына Думан-бека. Два года спустя вместе с эмирами Курдистана [Думан-бек] был убит кызылбашами в местечке под названием Чилдыр во время похода на Шиован. Через ход после гибели своего сына Думан-бека Йа'куб-бек отбыл в мир будущей жизни. Думан-бек оставил двух сыновей по имени Мухаммад-бек и 'Али-бек.

Мухаммад-бек б. Думан-бек

Когда его отец удостоился в 986 (1578-79) году мученической смерти, благодаря заботам своего деда Йа'куб-бека он в пятнадцатилетнем возрасте заступил место отца. Несмотря на молодость, он ревностно взялся за дела власти и правления и вызвал зависть [себе] подобных. Могуществом и [высоким] положением превзошел он своих отцов и дедов.

Мухаммад-бек курдаки, побуждаемый старинной враждой и наущениями Шамсаддина Катхуда из Хазо, который был связан с ним узами родства, воспылал к нему ненавистью. [Под влиянием] дьявольского наваждения и личного тщеславия взбунтовался он, подобно огню, предал разрушению и сожжению некоторые из поселений и местностей Дарзини и причинил тем районам громадный ущерб. Мухаммад-бек со своей стороны повелел нескольким своим двоюродным братьям и сторонникам устранить ту смуту, препоручив [им] защиту, своих границ и рубежей.

Так случилось, что Мухаммад-бек по своему обыкновению вторгся в его пределы и между ними произошла битва. Сраженный блестящим копьём и кровожадным мечом, Мухаммад-бек низринутся во прах гибели. Когда его раненого вынесли с поля брани, он был при последнем издыхании. Его отвезли в крепость Курдакан, /242/ а через день он препоручил душу ангелу смерти. Мухаммад-бек б. Думан-бек после расправы с [294] теми из своих ага, что явились зачинщиками смуты, завладел их имуществами и богатствами и обрел полную независимость [власти]. Ныне, в 1005 (1597) году, безраздельно и беспрепятственно он надлежащим образом управляет теми районами. Ссылаясь на родственные связи с родом правителей Хазо, пожелал он с помощью правителя Джезире эмира Шарафа отстранить Мухаммад-бека, сына Хизр-бека, от управления Хазо и назначить в Хазо правителем Баха'аддин-бека, сына Мурад-хана. Но выполнение такого важного дела оказалось ему не по силам, и это [лишь] вызвало у него стыд и смущение перед равными. Поскольку он еще молод, [можно] надеяться, что всевышний господь [не оставит его своею] милостью и наделит [его] достоинством и верностью. Стихотворение:

О сердце! Не ищи верности у сыновей [этого] мира.
Ибо в природе этих попутчиков нет благородства.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах Курдакана

Выше было начертано пером повествования, что один из потомков Шайха Азраки по имени Хабил явился для завоевания крепости Дарзини. Его сын Кабил вступил с дочерью Кабила (?) в сожительство, и у нее появился сын. Стыдясь [содеянного], она не пожелала, чтобы о том узнал отец, и отослала своего сына в Курдакан. Эмиры Курдакана происходят от того мальчика и приходятся эмирам Дарзини двоюродными братьями.

У эмира Насира Курдакани с эмирами Дарзини шли постоянные споры из-за деревни Минар ⁴²⁶, расположенной между Дарзини и Курдаканом. Которая из этих двух сторон оказывалась сильнее, та и завладевала упомянутой деревней, /243/ пока Шах Кули-бек Дарзини не отправился к порогу султана Сулайман-хана и не получил августейшую грамоту, подтверждавшую, что деревня Минар относится к вилайету Дарзини. [295]

Когда об этом прослышал Насир-бек, вспыхнуло в очаге его груди пламя гнева и возгорелся он жадной мести. Без промедления с отрядом своих слуг отправился он, чтобы убить Шах Кули-бека в любом месте, где бы тот на пути из Стамбула ему ни попался. Так случилось, что в местечке Болу настиг он [Шах Кули-бека], который, уладив свои дела, возвращался [домой]. После встречи меж ними завязалось сражение. Вместе с несколькими составлявшими его свиту нукерами Шах Кули-бек был убит. Когда о происшедшем узнал *мирлива* ⁴²⁷ Болу, он собрал местную знать и население и напал на Насир-бека. Вместе с тридцатью из своих *мулазимов* [Насир-бек] был захвачен в плен. У подножия трона — прибежища халифата — доложили про истинное положение его дел, и вышел из обиталища величия [непререкаемый], как судьба, указ казнить Насир-бека и слуг [его]. С тридцатью соучастниками он был повешен на придорожных деревьях в назидание другим бунтовщикам. Стихотворение:

Пока не будешь творить справедливость,
Не насладишься ни царством, ни властью.

Обезопась пути от разбойников,
Коль хочешь, чтобы [твои] области процветали!

Мухаммад-бек б. Насир-бек

После казни отца пост эмира [племени] курдаки ⁴²⁸ был пожалован ему. Согласно преданию о пророке — да благословит его Аллах и да приветствует! — [где сказано]: “Любовь передается по наследству, как и ненависть”, он стал преданным другом Шамсаддина Катхуда Хазуи и Зайнал-бека ширави, а с сыном Думан-бека Мухаммад-беком Дарзини /244/ у него установились враждебные и неприязненные отношения. Как упоминалось выше, он был убит людьми сына Думан-бека Мухаммад-бека. [296]

Насир-бек б. Мухаммад-бек

После убийства отца благодаря помощи и содействию Шамсаддина Катхуда Хазуи он [еще] в малолетнем возрасте заступил место отца. От Мухаммад-бека Дарзини он получил долгое время служившую предметом спора деревню Минар как цену крови отца и [его] нукеров. Благодаря посредничеству правителя Хазо и Зайнал-бека ширави отношения меж ними были налажены. Порешили на том, что Мухаммад-бек Дарзини прогонит со своего двора его старосту Махмуда Зраки, который был виноват в убийстве Мухаммад-бека. С согласия своих эмиров Мухаммад-бек изволил прогнать его со своего двора. Когда Махмуд прибыл в Бидлис, его нукеры, подговоренные Шамсадином [Катхуда Хазуи], несколько дней спустя убили его и бежали в Хазо. Это разом успокоило Насир-бека, и был заключен мир.

Насир-бек, будучи еще малолетним, проводил время, как то присуще природе детей, в играх и забавах. Был у него один нукер Хасан — вроде шута и по прозвищу Чамбар. Он постоянно забавлял и потешал [Насир-бека]. И вот однажды под влиянием дьявольского наваждения, вообразив [себя] на охоте, он вонзил в грудь Насир-беку кинжал, так что конец кинжала Чамбара вышел наружу из позвоночника. Насир-бек тотчас упал и вручил душу ангелу смерти. Когда собравшиеся там люди из аширатов и племен увидели, что случилось, они [набросились на] Чамбара с пинками и пощечинами, содрали у него с головы кожу и лишили арфу /245/ его бытия мелодии жизни, препоручив попугая его души ворону смерти.

После убийства в Болу мир Насира пост эмира Курдакана сулаймановым диваном был передан некоему мир Халилу. Затем эмират был пожалован его сыну Мухаммад-беку. Халил-бек оставил те края, избрав служение курдским эмирам. Позднее, побуждаемый слабостью, старостью и немощностью, он прибыл к себе на родину и проживал вместе с Насир-беком. Враги приписали Халил-беку неблагоприятные деяния Чамбара и в тот же день убили того правдивого старца. У эмира Насира было два малолетних сына: мир Мухаммад [297] и мир Абу Бакр. Ныне согласно султанскому указу вместо отца занят управлением Курдакана мир Мухаммад.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

Об эмирах Атака

Семья Ахмад-бека б. мир Мухаммада Зраки известна [на весь] Курдистан. Он был современником шаха Исма'ила Сафави. Когда упомянутый шах покорил Диарбекир и Курдистан, он отобрал Атак у Ахмад-бека и передал племени кадjar ⁴²⁹. [Люди] аширата зраки покинули друзей и страну и разбрелись по сторонам. После убийства Хан Мухаммада устаджлу и разгрома шаха Исма'ила при Чалдыране курдские племена решили вернуть наследственные владения.

Курды Атака той зимой избрали [своим] становищем разрушенную крепость, получившую известность как крепость Малах. Племя кадjar, занимавшее крепость Атак, решило [тому] воспрепятствовать и принялось чинить [всякого рода] несправедливости (**Букв, “жестокости”**). “Что вас побудило, — [спросили они курдов], — избрать зимним

становищем развалившуюся крепость?” /246/ Те смиренно ответили: “Между нами и аширатом мирдаси старинная вражда. Не дай бог, в середине зимы, [когда] большое количество снега и мороз не дадут [нам] возможности передвигаться, они нападут на нас и уведут в рабство наших жен и детей. Если же до весенней поры вы не станете чинить беспокойства этим несчастным и позволите беднякам остаться в этих развалинах, [с вашей стороны это] будет в высшей степени милосердно”.

Правитель Атака сжалился над их слабостью и бессилием и оставил их в покое. Оградив себя от посягательств кызылбашей, [люди] аширата зраки задумали [с помощью] веревочных и деревянных лестниц хитростью и обманом захватить крепость Атак [в одну] из зимних ночей.

Зимней ночью курдские верхолазы прикрепили к стенным [298] зубцам крепости концы веревочных [лестниц], а по лестницам наверх поднялись храбрецы [племени] зраки и проникли внутрь крепости. Безжалостными мечами они перебили всех кызылбашей, а их головы в назидание [другим] повесили. Их семьи они изгнали из крепости, послали за Ахмад-беком и поставили его на правление.

Некоторое время согласно указу султана Салим-хака он управлял наследственными владениями. Когда же в положенный срок он распростился с [этим] бранным миром, после него осталось три сына: Шахим-бек, Йусуф-бек и Махмуд-бек. Дела меж ними закончились враждой и спорами из-за управления Атаком, ибо [ни один не мог] примириться с властью и старшинством другого. Все вместе они направились к прибежищу счастья — порогу султана Салим-хана Гази, порешив на том, /247/ что из монаршего дивана они доставят государственного писца и тот разделит наследственную область между братьями; часть же [земель] отойдет к государевым доменам.

Шахим-бек б. Ахмад-бек

И получили братья августейший указ на имя эмира эмиров Диарбекира, дабы тот поручил сведущему человеку составить [кадастровую] перепись той области, а после ее составления из доходов от некоторых деревень и селений назначить на правах *зи'амата* шестьдесят тысяч османских акче Махмуд-беку и сто десять тысяч османских [акче] Йусуф-беку. Округ Рабат и Майяфарикин, деревня Джаске и *джизья* с неверных были закреплены за августейшими доменами, а Шахим-беку определили *санджак* в двести тысяч османских акче.

После смерти Махмуд-бека его *зи'амат* был пожалован в виде *арпалыка* ⁴³⁰ Кубад-беку рамазанлу. Когда везиром стал Рустам-паша, Шахим-бека огульно обвинили в измене, и на основании приказа Сулаймана он был казнен. Почти на двадцать лет округ Атак, будучи отобран у эмиров зраки, был передан османским эмирам. [299]

Йусуф-бек б. Ахмад-бек

Во [время] смут, [поднятых] Алкас-мирзой, когда государь, [равный] достоинствами Сулайману, собственной персоной отправился походом на Азербайджан, ему был пожалован и дарован округ Атак при условии, что к округу он присоединит свой *зи'амат* и здешняя крепость будет разрушена. Несколько лет, таким образом, Йусуф-бек благополучно и полновластно управлял Атаком. После его смерти округ Атак был, как и прежде, передан некоему османцу Ахмад-беку б. Хадджи-беку. А после Йусуф-бека остался единственный сын по имени Хасан-бек.

/248/ После смерти отца округ Атак был передан посторонним и два года пребывал в их владении. Когда бразды правления и миродержания, мироукрашения и миропокорения перешли в руки султана Салим-хана, Хасан-бек, облачившись в одеяние паломников в Каабу упований, отправился к порогу, вокруг которого вращается небесная сфера, дабы испросить наследственный *оджак*. Благодаря помощи и поддержке великого везира Мухаммад-паши из безграничной монаршей милости ему был дарован на правах *оджака* округ Атак, и управлял он Атаком двадцать лет. И был он мужем, прославившимся любостыжательством и наделенным житейской мудростью, посвятившим все [свои] помыслы мирским привязанностям. В конце концов разрушительница наслаждений [смерть] отняла его владетельную руку от дел политических и финансовых и лишила сокровищницу его бытия драгоценной жемчужины души. После него осталось два сына по имени Йусуф и Вали. Согласно всемилостивейшему указу покойного султана Мурад-хана его должность пожаловали Йусуф-беку. Быстротечными, подобно весенней поре, оказались дни его правления, [которое] продолжалось две недели, как и время [цветения] розы. Так и не восчувствовав благоухания бутона величия, вкусил он несчастья от терний мученичества. [300]

Согласно завещанию и праву [наследования] за дело правления взялся его брат Вали-бек. Тем временем один из его двоюродных братьев, некий Джихан-шах-бек б. Сухраб-бек, выступил претендентом [на власть]. Двором, что [служит] центром вращения небесной сферы, ему на правах *санджака* был пожалован округ Атак при условии, что ежегодно он будет выплачивать в казну Диарбекира двадцать тысяч флоринов. Вали-бек обязательство Джихан-шах-бека взял на себя и [до дел] его не допустил. Впоследствии жестокий Ибрахим-паша, положивший начало смуте и брожениям, притеснениям и насилиям /249/ в областях Рабийе ⁴³¹, Диарбекире и в Курдистане, передал Атак сыну Шахим-бека Зулфикару при условии, что тот станет выплачивать в диван Диарбекира сорок тысяч флоринов.

Согласно монаршему повелению Ибрахим-паша был отстранен от управления Диарбекиром и заточен в Стамбуле в большой крепости. После счастливого восшествия на царский престол и трон Сасанидов высокодостойного государя султана Мухаммад-хана — да пребудет вечным его правление! — того второго Хаджаджа ⁴³² в назидание злым тиранам, повесили на площади в Стамбуле. Стихотворение:

Злоумышленникам лучше снести головы,
А дурное дерево вырвать с корнем.

Вали-бек по образцу прежнего утвердил за собою управление Атаком безусловно и беспрепятственно [со стороны] несогласных. Стал он суверенным правителем, и ныне власть над теми районами принадлежит ему.

ПАРАГРАФ ЧЕТВЕРТЫЙ

Об эмирах Терджила

Терджил и Атак являются родиной [племени] зраки. Терджил расположен поблизости от города Амида. [Этот округ] имеет две крепости: Терджил и Дар-Айн. [Правители] Дарзини и Курдакана принадлежат к их (племени зраки) [301] ответвлениям. Родословная правителей зраки восходит к Саййид Хасану б. Саййид 'Абдаррахману б. Саййид Ахмаду б. Сафилу б. Саййид Касиму б. Саййид 'Али б. Саййид Тахиру б. Саййид Джа'фар Катилу б. Саййид Йахйе Акна' б. Саййид Исма'ил Акбару б. Саййид Джа'фару б. имаму Мухаммад

Ба-киру б. имаму Зайналабидину б. имаму Хусайну б. имаму Муртаза (**Эпитет дяди Мухаммеда.**) 'Али — да будет им доволен Аллах!

По прибытии из областей Сирии в вилайет Мардина Саййид Хасан поселился в округе Атак и посвятил себя воздержанию, благочестию и служению всевышнему творцу. Жители тех районов явили ему полное доверие и упование. По одной версии, /250/ шейх был голубоглазым, по другой — он был постоянно облачен в голубые одежды и за то стал именоваться Шайх Хасаном Азраки.

В те времена управление Амидом, Мардином, Харпутом, Медженгердом и Хасанкейфом принадлежало на правах наместника сельджукских султанов сыну Аксаба эмиру Уртуку ⁴³³, который принадлежал к [числу] их великих эмиров. Так случилось, что была у него дочь замечательной красоты. Ею овладело бешенство, и дело дошло до полной утраты разума. Какое усердие ни прикладывали искусные врачеватели, чтобы излечить [ее], это ни к чему не привело. Из дня в день безумие ее возрастало. В конце концов эмир Уртук позвал Шайх Хасана Азраки, дабы тот помолился за дочь его. Шейх произнес над водою несколько молитв и вылил [эту воду] на голову девушки. [Вняв] благословенным молениям шейха, всевышний господь даровал девушке исцеление. Эмир Уртук пожелал отдать свою дочь в жены шейху, но тот отказался, и [она] была соединена узами брака с его сыном Саййид Хасаном. Управление округами Атак и Терджи́л принадлежало ему и его потомкам: Ахмаду б. Саййид Хасану, Сулайман б. Касиму, Йусуфу и Хусайну, как на то указывалось выше в предисловии [к истории] эмиров Дарзини.

После него его место заступил 'Умар-бек б. Хасан-бек. Он был современником Узун Хасана. Тот оказывал ему [302] безграничные милости и щедроты и взял себе в жены его дочь. К Терджи́лу и Атаку он присоединил и ему пожаловал округа Михрани ⁴³⁴ и Нушад. Дочь ['Умар-бека] родила сына Хасан-беку, и [он], покорив города Курдистана, даровал тому сыну эмират Атака и Терджи́ла. Заботам же 'Умар-бека было препоручено владение и управление Бидлисом и оберегание [тех районов].

/251/ Буда́к-бек б. 'Умар-бек

После смерти отца ему на правах наместника Узун Хасана передали управление Бидлисом. Когда монарший престол Ирана утвердился за Йа'куб-беком б. Хасан-беком, в 888 (1483) году области Терджи́ла и Атака, как и прежде, были пожалованы Буда́к-беку. После нескольких лет управления теми районами он направился в мир иной.

Ахмад-бек б. Буда́к-бек

Он заступил место отца и после двух лет правления в 913 (1507-08) году, когда шах Исма'ил Сафави завладел Диарбекиром, был убит кызылбашами.

'Али-бек б. Буда́к-бек

После гибели своего брата он облачился в ожерелье власти и после двадцатилетнего правления направился в потусторонний мир.

Шамси-бек

После того как обиженные неподобающими деяниями кызылбашей эмиры и правители Курдистана возмутились и изъявили покорность двору государя — прибежища всепрощения — султана Салим-хана, ему (Шамси-беку) был дарован эмират Терджи́ла.

Когда вышел [непререкаемый], как судьба, указ [составить] кадастровую перепись вилайета Диарбекирз. [303] Терджи́л тоже был подвергнут переписи. После смерти [Шамси-бека] его место заступил его сын.

Хайдар-бек б. Шамси-бек

Согласно высочайшему повелению султана Сулайман-хана Гази ему был передан эмират отца, и долгое время он вершил дела власти. Когда *сардар* Мустафа-паша отправился с победоносными войсками на завоевание областей Ширвана и Грузии, вместе с эмирами и знатью Курдистана /252/ он был убит кызылбашами в местечке под названием Чилдыр. Пост эмира *сардар* Мустафа-паша Лала даровал его сыну Будак-беку. После пятнадцати лет правления тот переселился в мир небытия, и на место отца воссел его сын Хусайн-бек. Через восемь месяцев он [тоже] вознес знамя правления в царстве уничтожения. После его смерти властью эмира был облечен его брат Исма'ил-бек. Когда миновало четыре года его правления, он [тоже] умер, и эмират [перешел] к его брату... (Ниже в тексте следует небольшая лакуна.).

'Умар-бек б. Хайдар-бек

На основании [непререкаемого], как судьба, указа диваном государя, [равного] достоинствами Джаму, — султана Мурад-хана управление Терджи́лом было пожаловано ему. Это юноша, украшенный всевозможными личными заслугами и смелыми деяниями. Он неизменно вращается в анатолийской среде и большую часть времени провел на службе при эмире эмиров Диарбекира. [Все] курдские эмиры, подчиненные Диарбекиру, к нему обращаются [со своими тяжбами], ибо в диване Амида он выносит окончательное решение по их делам. [304]

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Об эмирах Сувайди

Из садов сказаний о минувшем и цветников распространяющих благоухание преданий до обоняния души сочинителя этого несовершенного творения донесся аромат таких известий, что родословная эмиров Сувайди восходит к роду Бармака ⁴³⁵. Происхождение их племен связывают с одним из гулямов друзей пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — по имени Асвад. Согласно одному преданию, родиной племени сувайди является расположенное в двух стоянках от пресветлой Медины в сторону Сирии селение Сувайда. [Истинное] знание у Аллаха!

Род Бармака свою генеалогию возводит к владетелям Фарса. Первое время в Балхе они занимались поклонением огню, /253/ как неожиданно до воротника их душ донеслось дуновение ветерка господней милости, [над ними] воссияли лучи щедрот вечного и из родника их существования потекла прозрачная вода [истинной] религии. Стихотворение:

Счастливо око, проливающее слезы ради тебя, Благословенно сердце, испепеленное [любовью] к тебе!

Во время [правления] 'Абдалмалика б. Марвана, а по другой версии, во времена власти Сулаймана б. 'Абдалмалика Джа'фар, отец Халида, прибыл в стольный город Дамаск с несметными богатствами и имуществами. Прослышав о его делах, государь повелел привести его в меджлис. Когда привели его в меджлис, государь явил неудовольствие и приказал Джа'фара вывести из меджлиса. На вопросы приближенных о причине перемены

в настроении государя он ответил: “Причина такова, что у него был яд, а то, что явился он к нам с ядом, мне не понравилось. Я выставил его за дверь, ибо две кости у меня в предплечье приходят в движение, как только в моем меджлисе появляются отравляющие снадобья”. Спросили у Джа'фара, почему он взял [с собою] яд, сказал: “Я положил яд под [вправленный] в мой перстень [305] драгоценный камень, чтобы в случае [обстоятельств] затруднительных пососать (*Сосать — перс, бар макидан*) его и обрести освобождение от той беды”.

Это и послужило причиной того, что его назвали Бармаки ⁴³⁶. [Исполненные] гордости слова Джа'фара пришлось по нраву Сулайману, день ото дня он оказывал ему все большее благоволение, пока не назначил его своим везиром. Стихотворение:

К чему класть в чашу яд,
Называя его сладостью?

Одна половина мира предназначена для радости,
Другая — для славы.

/254/ Затем в течение некоторого времени его сыну Халиду и сыну Халида Джа'фару принадлежал пост везира при Абу-л-'Аббасе Саффахе и его брате Абу Джа'фаре Даваники. Во времена правления Харун ар-Рашида, когда везиром был Йахйя б. Джа'фар, величие и могущество [его] достигли такой степени, что более того при должности везира и векиля невозможно и представить. Преуспевания, выпавшего на долю его сыновей Фазла, Джа'фара и Мусы, ни в кои веки со времени появления ислама никто не достигал. Однако благодаря наущениям завистников Харун ар-Рашид утратил расположение к Йахйе. Джа'фар был убит, а Йахйя и Фазл до конца жизни остались в заточении и там умерли. Стихотворение:

Таков уж порядок мироздания,
Что за каждым началом следует конец.

Богатства и имущества, накопленные ими за время пребывания на везирском посту, были полностью конфискованы в диванскую казну. Если же кто пожелает как следует ознакомиться с обстоятельствами [жизни] той семьи, ему следует обратиться к историческим сочинениям. Сей рассказ не имел [306] своей целью описание оных, и [сочинитель] подробно на них не останавливался.

Каков был конец Мусы, несмотря на [все наши] изыскания в исторических сочинениях, выяснить не удалось. Возможно, когда Харун ар-Рашид повелел схватить его отца и братьев, он укрылся в горах Курдистана и там поселился. Согласно существующему известному преданию и передаваемой из уст в уста традиции, во времена правления Аббасидов трое потомков рода Бармака отправились из Багдада в Курдистан и поселились в местечке под названием Ханджук, относящемся к Генджу ⁴³⁷, на горе Шафталу ⁴³⁸. Их старший брат посвятил себя там поклонению богу, благочестию и воздержанию и в том весьма преуспел, [став] человеком, чьим молитвам внимлет [Господь].

/255/ Однажды его младший брат отправился по одному важному делу. Жители той страны по заведенному обычаю принесли для шейха и его товарищей [их] дневное пропитание. Шейх, его средний брат и [их] друзья поели, а долю брата младшего оставили. Когда младший брат, [исполнив] поручение, вернулся, он потребовал свою долю. Брат средний сказал: “Поскольку отсутствие твое затянулось, мне пришло на ум, что ты нашел себе пропитание (*Букв, “что ты успел поесть”*), и я съел твою долю [тоже]”. Разгневанный его бесчеловечностью, старший брат [принялся] его поносить и осыпать проклятиями: “Да распорет тебе всевышний бог живот за то, что не довольствуешься своей долей”, — и только [он это произнес], как тот юноша упал и вручил душу творцу вселенной.

Привязанность жителей тех районов к шейху возросла за сто крат, и по [их] просьбе шейх вместе с младшим братом, которого именовали Шихабудином, примкнул к аширату сувайди в Ханджук и стал владельцем тех районов. Там основал он могучую крепость и закончил [ее строительство]. В течение некоторого времени был он предводителем того племени и затем отбыл в мир жизни будущей. Детей мужского пола после него не осталось, и за дело правления взялся его брат [307] Мир Шихаб. [Ниже] с помощью вечного владыки — Аллаха упоминаются по порядку имена тех его потомков, которые правили в том вилайете.

Эмир Джалал б. эмир Шихаб

После смерти-отца он поручился за дела эмирата и долгое время оными занимался. Под конец он ответствен за судьбу: Я готов, и его место заступил его сын эмир Мухаммад и тоже после нескольких лет, посвященных им тому важному делу, отбыл в мир вечности. Наследовал отцу его законный сын /256/ эмир Фахраддин. Красотою [своей] справедливости и правосудия превратил он тот вилайет [в край] населенный и процветающий.

Когда же из этой обители тщеславия прошествовал он во дворец наслаждения, за дело власти взялся его сын эмир Хасан. Был он мужем бесстрашным, жестоким и кровожадным и в конце концов утратил зрение. Бразды правления попали в могучую десницу его старшего сына мир Фахраддина. Другой его сын по имени мир Мухаммад был наряжен в убор великодушия и красоты и украшен талантами и совершенствами. Обстоятельства его [жизни] свидетельствовали о его доблести и мужестве, а на челе его упований виднелись знаки человечности и великодушия, ибо сказано — стихотворение:

Солицеликую пери скрыть невозможно,
Закроешь дверь ты — она появится через окно.

Оставил он [своих] друзей и страну и направился на службу к Узун Хасану в Диарбекир. Удостоившись чести лобызания порога того высокодостойного государя, он снискал монаршие милости и щедроты. [Государь] пожаловал ему титул эмира Ханджука и Чабакчура ⁴³⁹. [В отношениях] между братьями дело дошло до применения меча и копья. После многочисленных схваток мир Мухаммад был убит, и управление безраздельно и беспрепятственно утвердилось за мир Фахраудином. После нескольких лет правления он отправился в мир [308] иной. Поскольку достигнувших совершеннолетия сыновей у него не было, его место заступил его племянник.

Абдал-бек б. эмир Мухаммад

После смерти своего дяди он украсился ожерельем власти. Тем временем под предводительством правителя Чабакчура Икут-оглы против Абдал-бека выступили кызылбаши, намереваясь покорить Ханджук. Семь дней и ночей меж ними продолжалось сражение, /257/ и много народу от обеих сторон стало добычею стрелы и меча. Под конец божественное споспешествование снизошло на обстоятельства Абдал-бека, и шелк знамен его ощутил доносящееся от истоков (Букв, “из места, откуда дует ветер”.) [божественной] милости дуновение ветерка победы и успеха. Икут-оглы был обращен в бегство, а все его богатства и имущества, палатки и шатры, кони и мулы были захвачены. После этого [Абдал-бек] правил еще несколько лет и под конец вручил душу творцу вселенной. После него остались два сына: Субхан-бек и Султан Ахмад-бек.

Субхан-бек б. Абдал-бек

После смерти отца он стал его преемником и вместе со своим братом Султан Ахмад-беком повязал чресла души своей поясом старания и усердия для защиты страны и отпора врагам. Стихотворение:

Счастье всецело проистекает от единения,
Раздоры же приводят к беде.

Благодаря согласию между братьями всевышний господь [даровал им] многочисленные победы. Так, после смерти Халид-бека пазуки [Субхан-бек] отобрал у вассалов Чулак Халида округ Гендж и стал [его] владельцем. Когда после победы, [одержанной] под Чалдыраном, султан Салим-хан покорил вилайет Диарбекира, [Субхан-бек] силою [своей] **[309]** всепокоряющей [мощи] отнял округ и крепость Чабакчур у Икут-оглы, округ Акчекале ⁴⁴⁰ — из захватнических рук Мансур-бека пазуки, который управлял теми районами на правах наместника шаха Исма'ила, и округа Зак ⁴⁴¹ и Манишкерт ⁴⁴² — у Кадир-бека кызылбаша. Завладев [теми районами], братья разделили между собой вилайет. Чабакчур с подчиненными [ему районами достался] Субхан-беку, а остальные крепости и округа были закреплены за Султан Ахмад-беком. Когда прошло таким образом несколько лет, из-за наветов завистников /258/ дружба и искренность [меж ними] сменились на вражду и ненависть. Согласно повелению султана Салим-хана Субхан-бек был казнен по доносу брата, и Чабакчур утвердили за одним из османских эмиров. После него (Субхан-бека) остался один сын Максуд-бек.

Султан Ахмад-бек б. Абдал-бек

Он долгое время правил после того, как был казнен его брат, и время его правления, когда он оставил этот караван-сарай с двумя дверьми, превышало пятьдесят лет. Стихотворение:

Мир — мало вижу я в нем постоянства,
В каждой его радости (В тексте *** — “слово его”, но смысл предложения скорее предполагает другое чтение: *** — “его радость”.) наблюдаю тысячу бед.

Подобен он старому караван-сараяу, где со всех сторон
Я вижу один путь — в пустыню небытия.

После него осталось два сына: Мурад-бек и Мухаммад-бек.

Максуд-бек б. Субхан-бек

После казни его отца [во время] похода на Нахчеван ⁴⁴³ он находился при победоносном стремени султана **[310]** Сулайман-хана. Когда в местечке под названием Арпачей ⁴⁴⁴ относящемся к тем районам, дозорные натолкнулись на кызылбашей, в том сражении [Максуд-бек] засвидетельствовал доблесть и мужество. О проявленной им храбрости и отваге стало ведомо султану, и он пожаловал ему округ Чабакчур на условиях, на которых оный принадлежал его отцу. Был издан и дарован ему августейший указ, признающий [этот округ его] наследственным *оджаком*.

Когда эмиром эмиров Диарбекира был Искандар-паша черкес, [Максуд-бек], по присущей племени курдов дерзости (Букв, “поскольку племя курдов является знатоком дерзости”), понадеявшись на оказанные государю услуги и проявленную преданность, не последовал [в отношениях] с Искандар-пашой путем учтивости, что побудило упомянутого пашу округ Чабакчур передать, отобрав у него одному из османских эмиров. /259/ Максуд-бек для изъяснения положения и враждебных действий Искандар-паши отправился к сулайманову порогу прибежищу счастья. Семь лет провел он в Стамбуле не отлучаясь. Великие везиры из расположения к Искандар-паше не докладывали о его делах у подножия государева

трона прибежища халифата, и под конец, повинувшись неизменному закону, был принят он под сень господней милости

Мурад-бек б. Султан Ахмад

Эмир эмиров Диарбекира Искандар-паша область Султан Ахмад-бека разделил между его сыновьями, дабы они правили сообща и один другому не препятствовали. За Мухаммад-беком он утвердил округ Ханджук и Акче-кале, а за Мурад-беком — остальные округа, не считая округа Чабакчур что пребывал во владении у османских эмиров. Когда миновало шестнадцать лет их правления, Мурад-бек по собственному желанию уступил свой эмират сыну по имени Сулайман-бек и через несколько лет был принят под сень господней милости. После него кроме 'Али-хан-бека, Улухан-бека и Мустафы осталось еще три сына. Мустафа-бек во время [311] завоевания Тебриза вместе с [другими] курдскими эмирами был убит кызылбашами при Саадабаде Тебризском ⁴⁴⁵. В той же битве 'Али-хан был захвачен [в плен] и заключен на два года в крепость Кахкахе вместе с эмиром эмиров Карамана ⁴⁴⁶ Мурад-пашой. После освобождения он и Мурад-паша прибыли в Рум. Из высочайших монарших щедрот [Мурад-паше было даровано] (В тексте небольшая лакуна.) звание *беглербега* ⁴⁴⁷ Диарбекира, а благодаря [его] помощи и поддержке 'Али-хан-беку даровали округ Чабакчур на правах *икта'* -тамлики ⁴⁴⁸.

Его брат по имени Улухан принадлежит к числу владетелей крупнейших *зи'аматов* в Диарбекире /260/ и живет, не [ведая] забот. Однако *мирлива* Хамджука мир Мухаммад, ставший владетелем Акче-кале, не явил большого усердия при охране и защите страны, что и побудило *сардара* Фархад-пашу присоединить его удел к уделу Сулайман-бека и пожаловать [тому во владение]. Несколько лет между Мухаммад-беком и Сулайман-беком продолжались распри и споры. В конце концов Мухаммад-бек умер и освобожден из оков препирательства.

Сулайман-бек б. Мурад-бек

Без подобия преувеличения и тени пристрастия [можно сказать], что это юноша, отмеченный среди равных мужеством и прославившийся замечательной щедростью и великодушием. На заре юности служил он при эмире эмиров Багдада и Амида, в Арабистане познал горечь разлуки и жестокость страданий. Среди курдских эмиров отличается он манерой руководства войском и приемами верховой езды по румийскому образцу. Его пылкая натура — зеркало облика истин самых сокровенных, острый ум отражает красоту утонченных ценителей изысканного. Стихотворение:

Око дней [многих] веков не созерцало ему подобного
Просвещенного, утонченного златоуста. [312]

Однако, мало помышляя о славе [своих] духовных совершенств, не бережет он богатство и сан [свой], находя [в том] радость и похваляясь [тем]. Стихотворение:

Пока остается в тебе жизни хоть на волосок,
Помни, остается и поклонение [этому] идолу.

Скажешь: разбил я идол высокомерия и обрел спасение,
Но тот идол, что, по-твоему, разбит, существует.

С давних времен обиталищем их отцам и дедам служило в высшей степени укрепленное место под названием Гендж у подножия горы на берегу реки Евфрат. Здешних жителей и обитателей [провидение] хранило от [всех] смут и невзгод времени. Широкая натура Сулайман-бека /261/ не удовольствовалась тем жалким обиталищем, и в обширной долине

Манишкерта он основал и отстроил город. Положил он основание высокой соборной мечети, [но несмотря на] многолетние неопишуемые старания, [строительство ее] еще не закончено. Во время завоевания Ирана, Ширвана и Азербайджана оказал он [государю] услуги, удостоившиеся одобрения. Так, когда Нийаз-бек пазуки с [отрядом] в две-три тысячи человек из войска Чохур-Саада прибыл [с намерением] напасть на Кара Иази и разгромить племя бавали ⁴⁴⁹, Сулайман-бек со считанным числом своих вельмож и братьев пустился в погоню за тем сборищем.

После доблестных сражений силою он отобрал у них имущества, скот и фураж, [принадлежавшие] улусам и племенам, и благополучно возвратился с добычей назад. Со стороны *сардара* Мустафа-паши [Сулайман-бек] был отмечен милостями, достойными государя. С того времени, как отец еще при жизни препоручил ему эмират, и по сей день — первый [день] месяца зу-л-ка'да 1005 (2 июня 1597) года, управляет он той областью.

Можно надеяться, поскольку наделен он способностями и дарованиями, успех будет сопутствовать [его] похвальным начинаниям. **[313]**

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Об эмирах [племени] сулеймани

[Глава] состоит из двух параграфов

Да не останется скрытым пред лучезарным разумом водружающих знамена мудрости и правосудия и пред истинным помыслом упразднителеи несправедливости и притеснения, что родословная эмиров [племени] сулеймани восходит к Марван ал-Химару ⁴⁵⁰. Химаром (*Химар* — араб. “осел”) его назвали потому, что последний год каждого столетия арабы называют годом Осла, а со времени захвата Муавией, сыном Абу Суфйана, власти халифа в Дамаске до того, как управление перешло к Марвану, /262/ прошло сто лет.

По другой версии, Марван, будучи еще ребенком, пришел однажды из школы. Просунул ел палец в дверную цепь, а обратно не вытащить. И так палец распух, что пришлось дверную цепь распилить, чтобы его вытащить. Такой случай произошел с Марваном дважды. На этот раз его разгневанный отец сказал: “О Марван! Воистину, ты осел!” Отсюда и происходит такое его наименование.

Как бы то ни было, его родословная восходит к 'Абд ал-Манафу в такой последовательности: Марзан ал-Химар б. Мухаммад б. Марван б. Хакам б. Абу-л-'Ас б. Умайя б. 'Абд аш-Шамс б. 'Абд ал-Манаф ⁴⁵¹. Счастья [обращения] в мусульманство удостоился Хакам в день завоевания Мекки. Марван ал-Химар воссел на престол правления в начале 127 (744-45) года. После пяти лет его правления против него восстал Абу-л-'Аббас Саффах, и [Марван] бежал в Египет. Двадцать восьмого [дня] месяца зу-л-хиджжа 132 (18 августа 749) года в селении Буссир ⁴⁵², относящемся к тем районам, он погиб от руки Салиха 'Аббаси или Абу 'Ауна, которые последовали за ним по указанию халифа Саффаха.

После него осталось два сына по имени 'Абдаллах и 'Убайдаллах. 'Абдаллах отправился в Абиссинию, а 'Убайд-аллах возвратился назад и проживал в Палестине. Во **[314]** времена аббасидского халифа Рашида палестинский наместник схватил его и отослал в Багдад. Халиф посадил его в тюрьму, и до конца царствования Рашида ['Убайдаллах] оставался в заточении. В конце концов он был освобожден, будучи уже старым и слепым. Возможно, к нему и восходит родословная эмиров [племени] сулеймани. Наименование же сулеймани

дает возможность предполагать, что они происходят от [одного] из султанов [династии] Мерванидов — Сулаймана б. 'Абдалмалика б. Марвана. [Истинное] знание у Аллаха!

/263/ Согласно начертанному относительно того племени пером достойных доверия авторов, когда под сокрушительным натиском Аббасидов дела Мерванидов пришли в смятение, трое из потомков Марван ал-Химара с многочисленным отрядом палестинцев прибыли в область Кулба и поселились в долине под названием Хох ⁴⁵³, относящейся к округу Газали ⁴⁵⁴. Постепенно подразделения [племени сулеймани], из которых самым значительным было бануки, собрались под их знаменами, и стараниями того народа у неверных Грузии и Армении были отобраны крепости Кулб, Джаске ⁴⁵⁵, Таш, Хасули и Майяфарикин вместе с принадлежащими и прилегающими [к ним районами] вплоть до берегов Тигра в Диарбекире, крепость Бидиян [и районы] вплоть до Карукана и Даликлу-Кайа, [а также] крепости Рабат, Джарис, Айданик, Салик ⁴⁵⁶ и Гендж, владельцами которых они стали.

Большинство сторонников и приверженцев Мерванидов, рассеявшихся было по районам Египта и Сирии, собрались под началом [племени сулеймани] и составили восемь ответвлений: бануки, хувайди, дилхиран, буджийан, зилан ⁴⁵⁷, басйан, зигзийан и баразии ⁴⁵⁸.

Некоторые из племен следовали путем людей сунны и общины, исповедуя вероучение его святейшества великого имама Шафи'и, — да пребудет над ним милость господня! Иные избрали несправедный езидский толк и являются последователями того народа. Их эмиры являют неописуемую ревность и старание [в соблюдении] заповедей сунны лучшего из людей (**Эпитет Мухаммада.**) — мир над ним и милость божья! — в повиновении [315] главе рода человеческого и мусульманским богословам. Среди того народа много людей благочестивых и набожных.

[То племя] имеет около сотни ответвлений, среди которых большинство составляют кочевники и скотоводы. Каждый год в начале весны поселяются они на лето в вилайете Бидлиса в горах Шарафаддин ⁴⁵⁹ /264/ и Алатаг, а осенью в первых [числах] месяца фарвардина они возвращаются к своим зимним становищам. В качестве платы за пользование летними пастбищами из [каждых] трехсот голов скота одна принадлежит правителям Бидлиса.

Словом, после того как под сенью знамен Марвана собрались племена сулеймани, [он] некоторое время руководил ими и управлял крепостями, коих он стал владельцем. Когда он перекочевал из этого брэнного мира на стоянку вечности, его сын по имени Баха'аддин утвердился в *юрте* ⁴⁶⁰ отца. Он тоже покинул [свое племя] и препоручил свою жизнь на хранение старосте смерти. После него осталось два сына: мир 'Изаддин и мир Джалаладдин. Власть утвердили за мир 'Изаддином. Когда он тоже умер, после него остался малолетний сын по имени эмир Ибрахим. Поскольку он был не в состоянии поручиться за дела власти, племенная знать поставила на правление его брата Джалаладдина. Когда вручил он наличность существования ангелу смерти, правителем с одобрения аширатов и племен стал сын 'Изаддина эмир Ибрахим, к тому времени достигший совершеннолетия. Правил он долго, в положенный срок распрощался с [этим] брэнным миром, и после него осталось два сына: мир Дийадин и эмир Шайх Ахмад. В соответствии с завещанием отца его место заступил мир Дийадин, поручившийся за дела власти. Прожил он восемьдесят лет и был полновластным правителем.

Покорив область Диарбекира, шах Исма'ил Сафави поручил охрану и защиту тех районов Мухаммад-хану устаджлу на правах своего заместителя. Мухаммад-хан [в отношениях] с мир Дийадином следовал путем ласки и благоволения и взял себе в жены его дочь Бикиси-

ханум. /265/ Благодаря помощи племени сулеймани и искренней дружбе мир Дийадина ему удалось свершить многое. [316]

Так, когда *вали* Марата 'Ала'аддаула зулкадр, желая покорить Диарбекир, послал на Мухаммад-хана своего племянника по имени Сару-Каплан, меж ними произошло большое сражение, и крики сражающихся вознеслись за небесный свод. Стихотворение:

Барабанная палочка стала сеятелем смуты,
От [распространяющих] смятение звуков барабана схватка стала еще ожесточеннее.

Кутас ⁴⁶¹ на конях с золотым убранством
Подмел начисто поле битвы.

В том сражении [люди] племени сулеймани, точнее — дивы [племени] сулеймани, проявили чудеса храбрости, так что сражения легендарного Рустама и Сама, [сына] Наримана, при Хафтхане в Мазандеране отошли в предания. Силою могучего плеча и ударами ядоносных мечей курды обратили в бегство войско Сару-Каплана, а его в той битве повергли во прах уничтожения и обезглавили. [После того] Мухаммад-хан явил мир Дийадину и аширату сулеймани безграничное благоволение.

Когда [мир Дийадин] умер, после него детей мужского пола не осталось. Его брат эмир Шайх Ахмад оставил после себя девять сыновей: Шах Валад-бека, Бахлул-бека, 'Умар шах-бека, Сусана, Вали-хана, Алванда, Халила, Ахмада и Джихангира, а потому после мир Дийадина власть перешла к сыновьям его брата.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

Об эмирах Кулба и Батмана

Пишущему [эти] строки не раз доводилось слышать от достойных доверия рассказчиков, что, когда мир Дийадин стал стар и немощен, а сына, который бы занялся ведением дел вилайета, у него не было, его племянники сговорились устроить на него покушение и вознамерились убить его. Мир 3 Дийадин для /266/ оказания отпора племянникам обратился за помощью к Мухаммад-хану устаджлу. Мухаммад-хан послал [317] ему на помощь многочисленное войско. Между [Дийадином] и племянниками произошло большое сражение. 'Умар-шах-бек, Сусан и Джихангир-бек в той битве погибли, а Шах Валад, который был братом старшим и той смуты зачинщиком, с тысячей уловок спасся с поля брани, выбрался из той кровавой пучины на берег спасения и отправился в Сирию на службу к черкесским султанам.

Когда после разгрома под Чалдыраном власть кызылбашей над Курдистаном ослабела и пошла на убыль, некий 'Али Файри, который происходил из племени басйан и возглавлял племенную знать, захватил крепость Майяфарикин и послал в Сирию за Шах Валад-беком.

Прослышав [об этом], тот незамедлительно направился а наследственный вилайет и благодаря стараниям 'Али Файри с одобрения аширатов и племен утвердился на троне правления. Когда же вилайет Диарбекира и Курдистан перешли во владение к *вали* возрастающей изо дня в день османской державы, правители Сасуна, побуждаемые старинной враждой с эмирами [племени] сулеймани, повелели [людям] 'племени халид и убить на территории Майяфарикина нескольких *чаушей* монаршего двора, которые прибыли в Курдистан как посланцы по важному делу. Рассчитывали они на то, что вельможи и столпы [державы] заподозрят в их убийстве Шах Валад-бека, и таким образом и ему, и вилайету его будет причинен определенный урон.

Племя халиди привело этот замысел в исполнение, а обвинили в свершении этой гнусности его (Шах Валад-бека). Когда предпринятое пришло в соответствие с задуманным, эмир эмиров /267/ Диарбекира, воспылав к нему ненавистью, доложил о его положении у подножия славного и достойного султанского трона, и вышел [непререкаемый], как судьба, указ о казни Шах Валад-бека. Эмир эмиров вызвал его в диван, [дабы произвести] дознание. [Но] Шах Валад-бек, осведомленный о таком [его] намерении, несмотря на трудности, уберег себя от той опасности и избежал [наказания]. Его область отнесли к августейшим доменам и поручили доверенным лицам управление ею. [318]

Шах Валад-бек согласился на крепость Кулб и подчиненные [ей районы] и [тем] удовольствовался. Прожив таким образом тринадцать лет, он переселился из этой теснины небытия в мир жизни будущей. После него осталось шесть сыновей: 'Али-бек, мир Дийадин, Вали-хан-бек, Джихангир-бек, эмир Йусуф и эмир Сулайман.

'Али-бек б. Шах Валад-бек

После смерти отца он стал правителем [той] области и на протяжении сорока лет ревностно занимался делами власти. Явил он деяния, удостоившиеся похвалы и одобрения, с высочайшими [вельможами] и чернью обходился надлежащим образом. Когда он отбыл в мир иной; после него осталось два сына по имени Султан Хусайн-бек и Вали-хан-бек.

Султан Хусайн-бек б. 'Али-бек

В 980 (1572-73) году после смерти отца согласно августейшему указу султана Салим-хана он заступил место отца. Когда покойный султан Мурад-хан поручил победоносным войскам под руководством великого везира 'Усман-паши покорить Азербайджан, в 993 (1585) году в битве с кызылбашами Султан Хусайн-бек испил напиток мученической смерти. После него осталось шесть сыновей по имени Килидж-бек, Саййид Ахмад, Зайнал-бек, Захид-бек, Хайдар /268/ и Касим.

Его сын Саййид Ахмад-бек после гибели отца был захвачен кызылбашами в плен и около двух лет провел в заточении в крепости Кахкахе. Под конец благодаря помощи нескольких знатных он освободился и возвратился в свою страну.

Диваном султана Мурад-хана наследственный удел был передан сыну [Султан Хусайн-бека] Зайнал-беку. [Позднее] благодаря пособничеству правителя Хазо Мухаммад-бека эмират отца был закреплен за его сыном по имени Килидж-бек, который был из братьев (Букв, "сыновей".) старшим, но менее всех наделенным [319] умом и талантами. Из-за управления Кулбом он начал враждовать со своим братом Зайнал-беком и после непрочного вознесения на несколько дней вскоре был убит аширатами и племенами из-за одного недостойного поступка.

Саййид Ахмад-бек б. Султан Хусайн-бек

Освободившись из кызылбашской неволи, он прибыл в Эрзерум на службу к *сардару* Фархад-паше и засвидетельствовал в высоком диване свою [верную] службу, душевную преданность и права на власть. [В знак] безграничной государевой милости победоносный *сардар* пожаловал ему управление Кулбом и Батманом. Тем временем Бахлул-бек, его дядя по матери, был убит [людьми] племени басйан, и Ахмад-бек стал полновластным правителем тех районов без [чьего-либо] противодействия. После нескольких лет его правления из-за нерасположения [к нему] эмира эмиров Диарбекира эмират Кулба от монаршего порога был дарован некоему османцу. Будучи разжалованным, [Ахмад-бек]

направился ко двору султана, дабы испросить управления [Кулбом]. В начале 1003 (1594-95) года он умер в Стамбуле, и ноет правителя Кулба, как и раньше, был утвержден за его братом Зайнал-беком. Ныне, в 1005 (1597) году, он по-прежнему является владельцем тех районов.

/269/ ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах Майяфарикина

Родословная эмиров Майяфарикина тоже восходит к Шайх Ахмаду б. эмиру 'Иззаддину, и эмирам Кулба они приходятся двоюродными братьями. Первым из того рода звания эмира достиг Бахлул-бек б. Алванд б. эмир Шайх Ахмад, что поистине был человеком мужественным и великодушным. Сначала он избрал вместе со своим братом 'Умар-шах-беком служение эмиру эмиров Диарбекира Искандар-паше. [320] Искандар-паша, будучи на основании непререкаемого, как судьба, указа поставлен на завоевание Джавазира ⁴⁶², основал там крепость, которую назвал Искандарийе, охрану и защиту, управление и оберегание оной он возложил на Бахлул-бека. [Крепость] была пожалована ему на правах *санджака*.

Оказав на том поприще достойные похвалы услуги, заручившись несколькими прошениями эмира эмиров Диарбекира и эмиров Курдистана, он отправился к порогу — прибежищу Феникса, в монарший дворец султана Салим-хана, дабы просить хаканов диван даровать ему долю наследственного вилайета. [В знак] безграничного государева благоволения ему была пожалована на правах *икта'-тамлики* отделенная от эмирата Кулба область Майяфарикина вместе с относящимися к ней районами. И вышел августейший указ, по которому [подати] *макту'* с племен басйан, буджийан и зилан, во времена Шах Валад-бека отнесенные к августейшим имуществам, возлагались на Бахлул-бека, дабы из года в год он собирал их и выплачивал в казну Диарбекира. Таким образом прошло несколько лет. После [нескольких], последовавших один за другим, походов на страну персов племена сулеймани из-за несправедливостей и притеснений правителей оставили родные места и отправились в районы, отвоеванные у кызылбашей, /270/ обязавшись охранять и оберегать их.

Им были даны высокие звания *алай-беков* ⁴⁶³, [владельцев] *зи'аматов* и *санджак[беев]* ⁴⁶⁴.

Когда полновластная десница Бахлул-бека выпустила бразды управления упомянутыми племенами, [те] ашираты и племена принялись бунтовать и явили при выплате [подати] *макту'* и других податей нерадивость и небрежение. Когда же *мирлива* крепости Баязид, относящейся к Еревану, стал некий Шахсуар из [племени] басйан, он собрал под своими знаменами около тысячи семей из племени сулеймани и других курдских племен, и те воспротивились выплачиванию налога [в пользу] государя. Следуя [монаршему] повелению, Бахлул-бек направился в те районы, дабы собрать подати, [следующие] в казну, и возвратить свои улусы и кочевые племена в Майяфарикин. Между ним и Шахсуар-беком произошла битва, [321] Бахлул-бек в том сражении удостоился мученической смерти [за веру]. После него осталось пять сыновей: Амир-хан, 'Умар-бек, Махмуд-бек, Мухаммад и 'Усман.

Амир-хан-бек б. Бахлул-бек

Когда отца убили, он заступил его место. После нескольких лет его правления обитатели мира, побуждаемые недостойными деяниями его аширатов и племен, — их притеснениями и несправедливостями [люди] были доведены до отчаяния, — отправились для испрошения правосудия ко двору государя — прибежища мира — и привезли на имя эмира эмиров

Амида Мухаммад-паши указ на убийство Амир-хана [и истребление] племен басйан и буджийан и остальных смутьянов, что были их сторонниками. Мухаммад-паша вызвал Амир-хан-бека в диван Амида и убил согласно приказу.

'Умар-бек б. Бахлул

После казни брата должность эмира Майяфарикина /271/ была пожалована ему, однако он не справился с делами власти и управления, оказавшись не в состоянии собрать подать *макту'* и уплатить в казну Диарбекира налоги [в пользу] государя, составлявшие ежегодно четыре харвара золота. Поэтому на основании заявления эмира эмиров Амида и здешнего *дафтардара* ⁴⁶⁵ диваном государя с достоинством Джама, прибежища власти — султана Мухаммад-хана ⁴⁶⁶ звание эмира курдских племен и [управление] Майяфарикином было передано Ибрахим-беку Аксаку, сыну Джихангир-бека.

[Умар-бек] вначале прибег к покровительству правителя Бидлиса, поселился в округе Муша и принялся по возможности собирать [подать] *макту'*, но больших успехов не добился. Под своим знаменем он собрал многочисленную [группу] из разбойников и черни и принялся грабить (Букв, “протянул руку грабежа”). [322] имущества раййатов Муша, Хнуса и Мелазгерда. В конце концов он занялся разбоем и убийством на большой дороге, неоднократно между Хазо и Батманом грабил отставших от [своих] отрядов путников и караваны и убил несколько мусульман. На него устроили нападение *мирлива* Хнуса 'Али-бек и правитель Хазо Мухаммад-бек и перебили много приверженцев и людей его вместе с его племянником, предав их имущества и богатства грабежу и расхищению. Но сам он с помощью тысячи хитростей каждый раз спасался. И хоть называется он эмиром, ему присущи качества воров и разбойников, и нигде он не может ужитья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

состоящая из двенадцати глав

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О правителях Сорана

Да не останется скрытым и утаенным пред лучезарным разумом читателей этого правдивого повествования, что родословная правителей Сорана восходит к некоему Калусу из /272/ знатной арабской семьи в Багдаде. В результате превратностей судьбы Калус попал в селение Хавдиян ⁴⁶⁷, относящееся к округу Аван ⁴⁶⁸ из зависимостей Сорана. Первое время он пас скот жителей той деревни. Калусом на языке того народа называют человека, у которого выпали передние зубы (Такое значение это слово имеет в говоре курдов Эрбиля.). У него было три сына по имени 'Иса, Ибрахим и Шайх Увайс. Среди сыновей его 'Иса [отличался] предельным великодушием, щедростью и приветливостью. Все, что ['Иса] получал из платы за пастьбу, он расходовал на деревенскую чернь, так что многочисленное сборище подонков и бродяг, соблазненное его добротой и благодеяниями, выразило ему покорность и повиновение (Букв, “вложило голову в ошейник повиновения ему”). [323]

По воле случая в то время у правителя той страны появился опасный противник, и он отправился на войну с ним. Бродяги и чернь, что подчинились 'Исе, в шутку назвали его эмиром и направились в Балакан. Жители той области, воочию узрев на челе деяний 'Исы знаки превосходства и величия, единодушно признали его [своим] эмиром. За короткое время под знаменем 'Исы собралось много народу, и [он] отправился на завоевание крепости Аван. Поскольку та крепость окружена скалами из красного камня, 'Иса и его

сторонники первым делом взобрались на те каменные [глыбы] и начали бой и сражение. Осажденные, напуганные смелостью и дерзостью того отряда, назвали их “красной скалой” (*Санг-и сурхи*). Позднее они получили известность как Соран в результате частого упоминания [их] имени курдами, которые “сурх” произносят как “сор”.

Словом, после битвы и сражения крепость была завоевана, звезда счастья 'Исы, подобно [звезде] 'Исы, [сына] Марйам, заняла место рядом /273/ с солнцем и луною и вознеслась выше цитадели Сатурна. Изю дня в день возрастала мощь его, а солнце его великолепия поднялось выше апогея небес. [Ведомый] истинным рассуждением и всепроникновенною мыслью, он завладел вилайетом Соран. Спустя некоторое время, в продолжение которого [Иса] независимо правил в тех районах, он был принят под сень господней милости, и на троне владычества вместо него утвердился его сын Шах 'Али-бек.

Когда в положенный судьбою срок он тоже отбыл в потусторонний мир, после него осталось четыре сына по имени 'Иса, Пир Будак, мир Хусайн и мир Саййиди. Еще при жизни он разделил наследственный вилайет между сыновьями, с тем чтобы каждый довольствовался своей долей и не беспокоил другого; в том числе округ Харир ⁴⁶⁹, что служил ему резиденцией, он пожаловал своему старшему сыну мир 'Исе. После некоторого времени правления эмир 'Иса погиб на поле сражения с правителем Бабана Пир Будаком. [324]

Пир Будак б. Шах 'Али-бек

После смерти отца он взялся за дело власти, отобрал у подвластного кызылбашам племени нилхас округ Сумаклык ⁴⁷⁰ и стал его владетелем. Спустя несколько лет, в продолжение которых он управлял теми районами, [Пир Будак] умер, и после него осталось два сына по имени эмир Сайфаддин и эмир Хусайн.

Мир Сайфаддин

Он заступил место отца, но [тоже] не удержался долго у власти. После смерти [мир Сайфаддину] наследовал его брат мир Хусайн. [Тот] тоже вскоре ответствен за судьбу: “Я готов”. Памятью о нем на страницах эпохи остались семь сыновей. Место отца занял его старший сын эмир Сайфаддин. [Он] владел округом Сумаклык на тех же условиях, что /274/ и его отцы и деды.

Мир Саййиди б. Шах 'Али-бек

Это младший сын Шах 'Али-бека, среди правителей Курдистана он отличался великодушием и был известен [своим] мужеством. После смерти отца он поселился в местечке под названием Шакабад ⁴⁷¹ и, желая отомстить за гибель своего брата мир 'Исы, вступил в войну с Пир Будаком Бабаном и убил его. Вилайет своего брата он тоже присоединил к своему княжеству, [затем] силой отобрал у кызылбашских наместников округа Эрбиль, Мосул и Киркук и, включив в свой домен, стал [их] владетелем.

Некоторое время он был независимым правителем вилайета Соран вместе с относящимися и прилегающими [к нему районами] и под конец, не освободив своей души из когтей волка смерти, стал пленником в лапах льва [божественного] предопределения. После него осталось три сына по имени эмир Сайфаддин, мир 'Изаддин Шир и Сулайман. Эмир Сайфаддин в расцвете молодости и весны жизни упал с коня и [325] направился в мир вечности. 'Изаддин Шир стал владетелем Эрбильского *санджака*, пока в 941 (1534-35) году султан Сулайман-хан после завоевания обители ислама — Багдада не остановился там

на зиму. 'Иззаддин Шир тогда допустил в отношении слуг высокого султанского порога некоторые неподобающие действия и был казнен на основании непреложного указа. Округ Эрбиль был пожалован одному из сыновей эмиров езидского племени — Хусайн-беку дасни.

После убийства 'Иззаддин Шира его брат Сулайман-бек тоже не замедлил собрать пожитки жизни и радости и направиться из этого старого кабака /275/ в страну небытия. После него осталось три сына: Кули-бек, эмир 'Иса и эмир Сайфаддин. Султан Сулайман-хан весь вилайет Сорана присоединил к Эрбильскому округу и даровал Хусайн-беку дасни. Управление Сораном было полностью утрачено его (Сулайман-бека) наследниками и перешло в чужие руки.

Мир Сайфаддин б. мир Хусайн б. Пир Будаг

Выше красноречивым пером было начертано, что эмир Сайфаддин владел округом Сумаклык на тех же условиях, что его отцы и деды. Когда весь вилайет Сорана хаканом — мужественным борцом за веру — был пожалован и передан Хусайн-беку дасни, между эмиром Сайфаддином и Хусайн-беком произошло несколько сражений и схваток. Под конец эмир Сайфаддин, будучи не в силах противостоять [натиску] племени дасни, сказал три [раза] “Развод” невесте царства и обратился за покровительством к правителю Арделана Бига-беку. Бига-бек из страха перед силой и мощью Сулаймана не спешил помогать ему, и эмир Сайфаддин, потеряв на “его надежду, возвратился обратно. Прибыв в Соран, он собрал под своим началом отряд из жителей и обитателей тех районов и завладел крепостью Эрбиль. Когда благодаря счастливой судьбе и гороскопу он достиг таких успехов, большинство аширата и племени соран перешло на его сторону и примкнуло к нему. [326]

Подобно тому как однажды Абу Муслим поднял знамя Аббасидов для отпора Мерванидам, эмир Сайфаддин все свои помыслы обратил на изгнание езидов. Прослышав об этом, Хусайн-бек направился в Эрбиль, дабы оказать ему отпор. Меж ними произошло большое сражение. На этот /276/ раз поражение выпало [на долю] Хусайн-бека и езидов. Около пятисот видных [представителей племени] дасни были убиты. Приверженцы Хусайна (***) — игра слов: последователи не Хусайн-бека дасни, а имама Хусайна, сына 'Али, т. е. шииты, в противоположность езидам.) победили, в руки эмира Сайфаддина и его сторонников попали огромные богатства, [он] стал владельцем всего своего наследственного домена. Эмир Сайфаддин единовластно утвердился на троне управления.

Несколько раз Хусайн-бек собирал рассеявшихся было езидов и, делая последние отчаянные попытки, отправлялся на войну с эмиром Сайфаддином. Но всякий раз победа сопутствовала обстоятельствам и опекала деяния эмира Сайфаддина, а Хусайн-бек снова терпел поражение. Когда весть о бегстве и разгроме Хусайн-бека дошла до султанского порога, [он] был вызван в Стамбул. Вышел непререкаемый, как судьба, указ о его казни, и его казнили, подвергнув жесточайшим мучениям. Стихотворение:

Тот, кто сотворит кому-нибудь зло,
Однажды испытает это зло на себе.

Собственными глазами наблюдал я на дороге,
Как птенчик прервал [вить] жизни муравья,

Не успел он прочистить клюв после добычи,
Как прилетела другая птица и покончила с ним.

По приказу султана Гази на отпор эмиру Сайфаддину и завоевание вилайета Сорана был поставлен вместе с другими эмирами Курдистана правитель Имадии Султан Хусайн-бек, но сколько стараний они ни прикладывали, никаких тому результатов не последовало. Так и не достигнув желаемого, они возвратились обратно. Эмир Сайфаддин после того счастливо [327] проживал в цветнике вилайета, лишенном терний [чьего-либо] препятствования. Но в конце концов согласно [изречению]: “Когда является судьба, прозорливость слепнет”, введенный в заблуждение Йусуф-беком барадустом, что известен [под именем] Гази-Кирана, [Сайфаддин] направился ко двору султана Гази, надеясь, /277/ что из безграничной монаршей милости тот начертает на списке его прегрешений [знаки] всепрощения и из султанских щедрот ему будут пожалованы наследственные владения. Случилось же так, что сразу по своем прибытии туда он вручил душу палачам.

Кули-бек Сулайман-бек б. мир Саййиди

Когда племя тасни (дасни) завладело вилайетом Сорана, Кули-бек имел не одно сражение с племенем тасни, и всякий раз оно выходило победителем. Вынужденный покинуть [ту] страну, он отправился ко двору шаха Тахмасба, дабы прибегнуть к его покровительству.

Ашират тасни, побуждаемый старинною враждою, что бытует [поныне] между хусайнидами (шиитами) и езидами, положил начало несправедливостям и насилиям, обращая во прах [само] бытие мусульман и мирных [жителей] Сорана, так что люди позабыли про жестокость Хаджаджа, сына Йусуфа, и притеснения Са'ада, сына Зийада. Это и побудило часть аширата соран объединиться и послать в страну персов за Кули-беком. Волей-неволей они доставили его к себе. [Кули-бек] направился к сулайманову порогу — прибежищу счастья — для представления жалобы на притеснения и с просьбою [пожаловать] наследственный вилайет. Но султан Сулайман-хан Тази, не полагаясь на Кули-бека, даровал ему округ Семават ⁴⁷², относящийся к Басре.

После казни эмира Сайфаддина и Хусайн-бека дасни и упоминаемых выше событий по просьбе правителя Имадии Султан Хусайн-бека его привезли из Семавата, [подчиненного] Басре, и пожаловали ему из земель Сорана округ Харир. Около двадцати лет он был занят там управлением и в [328] конце концов в положенный судьбою срок отбыл в потусторонний мир. /278/ После него осталось два сына: Буда-бек и Сулайман-бек.

Буда-бек б. Кула-бек б. Сулайман-бек

После смерти отца он вознес стяги власти в округе Шакабад. Благодаря наущениям зложелателей дружба и единодушие между братьями уступили место вражде и препирательствам. От брани и поношений дело дошло до применения меча и копья. Под конец, будучи больше не в состоянии оказывать брату сопротивление, Буда-бек, бросив клич к бегству, обратился за покровительством к правителю Имадии Султан Хусайн-беку. Несколько дней он пребывал в ожидании, что с помощью [Султан Хусайн-бека] он возвратится в свой вилайет, но коварный рок и изменчивая судьба не пощадили [его], и в городе Акре, что относится к Имадии, он был принят под сень господнего милосердия.

Сулайман-бек б. Кули-бек б.. Сдийман-бек

Был он мужем в высшей степени правосудным и заботливым в отношении подданных; среди правителей Курдистана славился честностью и правоверием и отличался большим умом, знаниями и проницательностью. После смерти отца и брата он стал независимым правителем вилайета Соран. Побуждаемый враждою с аширатом зарза, в соответствии [со словами Корана]: “Некогда собралось к Соломону войско...” (Коран, сура 27, стих 17.), он

собрал около тринадцати тысяч: пеших и конных демоно-подобных курдов, обрушился на, вилайет [племени] зарза ⁴⁷³ и предал те районы грабежу и разрушениям. Здешний *мирлива*, триста пятьдесят человек из предводителей, и знати аширата и народа зарза были им убиты, их семьи захвачены в плен и доставлены в вилайет Сорана.

Избежавшие расправы [люди племени] зарза отправились, ко двору султана Мурад-хана с жалобой на притеснения и **[329]** для испрошения справедливости. Покойный государь решил наказать Сулаймана в назидание другим смутьянам.

Случилось так, /279/ что тем временем Сулайман-бек разграбил и разорил часть территории кызылбашей и многих кызылбашей захватил в плен. Он послал ко двору покойного султана группу пленных кызылбашей и многочисленные богатства и привлек благосклонное внимание [монарха]. Неповиновение, допущенное было [Сулайманом], удостоилось государева всепрощения и снисхождения.

Один из его двоюродных братьев по имени Кубад-бек, который был владельцем *санджака* Торк ⁴⁷⁴, допустил несколько действий неподобающих. Его сердце волновали желание [достичь] управления Сораном и вражда к Сулайман-беку, пока в 994 (1585-86) году Сулайман-бек не напал на него и не убил его и около четырнадцати человек из его приближенных и приверженцев. После того стал он правителем могучим и властительным, и все — великие и малые, далекие и близкие, страшались (**Букв, “не чувствовали себя в безопасности”**.) его яростного гнева. Эмиры и правители, что были его ближайшими соседями, неизменно являли ему покорность. Будучи по сути дела человеком необразованным и ничего [за свою жизнь] не прочитав, [Сулайман-бек] препоручил шейхам той страны десницу покаяния и проводил время в служении и поклонении богу, посвящая большую часть досуга молитве и милостыне. Под конец птица его души — прибежище святости — на крыльях страстного устремления к вечному владыке [нашему] выпорхнула из клетки тела и поселилась на просторе божественных долин.

'Али-бек б. Сулайман-бек

После смерти его отца Сулайман-бека согласно всемилостивейшему указанию покойного султана, место которого в раю, ему было пожаловано управление и власть в Соране. Ныне, в 1005 (1597) году он независимо управляет наследственным вилайетом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О правителях Бабана

/280/ Да не останется скрытым и утаенным от просвещенного солнцеподобного разума красноречивых историков и благосклонного внимания (**Букв, “мысли”**) остроумных рассказчиков, что среди правителей Курдистана правители Бабана получили всеобщую известность многочисленностью [своих] ополчений и сторонников. Однако, когда в той династии, как будет упомянуто ниже, подошло время править Пир Будаку Баби — [Баби] означает “из Бабана” — и его брату, с ними прекратился их род, и должность правителей от той семьи перешла к их нукерам. В этом роду не осталось никого, кто был бы достоин и подходил для дела правления и владычества.

Пир Будақ б. мир Абдал

Великодушием он напоминал Хатама и мужеством — Рустама, неизменно похищая у себе равных и подобных клюшкою смелости мяч превосходства. Под конец дело дошло до того,

что, вознамерившись послушаться и желая явить неповиновение, он отобрал вилайет Ларджан ⁴⁷⁵ у аширата зарза, Сиви и Машйягерд — у [племени] соран и Солдуз ⁴⁷⁶ — у кызылбашей. [Пир Буда] построил крепость Маран ⁴⁷⁷ и своим приказом назначил *мирлива*. Добром и силой он подчинил себе ашираты мукри и бане ⁴⁷⁸, забрал у правителя Арделана область Шахрбазара и присоединил к своим владениям. В окрестлежащих районах он назначил несколько эмиров *санджачков*, и даровал им барабан и знамя. Он завладел подчиненной Багдаду областью Киркука и передал управление теми районами одному из своих *мулазимов*.

В [делах] власти ввел он некоторые новшества, и никому из правителей Курдистана не удавалось достичь подобного положения. Так, он предназначал себе [в жены] дочерей своих **[331]** эмиров и начальников и по соблюдении необходимых свадебных обычаев, как то достойно и подобает эмирам и знатым, /281/ в день заключения брачного договора и проводов невесты в дом жениха девушку с приданым и имуществом, так чтобы никто об этом не знал, отдавал в жены одному из своих ага.

Его брату по имени Рустам пришло на ум устроить на него покушение. Один из друзей тайно оповестил его об этом, и во время похода на [племя] заза ⁴⁷⁹ [Пир Буда] убил Рустама и мятежников, что выступали с ним в том деле заодно. Желая завоевать вилайет Сорана, он двинул войско на эмира Саййиди, сына Шах 'Али. Эмир Саййиди, будучи не в силах оказать ему сопротивление, оставил свою резиденцию, укрылся среди лесов и гор и выжидал удобного случая. После этих событий Пир Буда, являя гордость и самонадеянность, со считанным числом преданных ему людей отправился в местечко под названием Хазубийан, чтобы там погулять и заняться охотой.

Случилось так, что там оказался мир Саййиди. Подобно неожиданной беде он появился из засады. Пир Будака и его спутников перебили, так что ни одна живая душа не спаслась из той лютой бездны. Стихотворение:

Мне ведомо, что сопутствуемый удачей и счастьем
Стал ты в [этом] мире обладателем короны и трона,

Благодаря [своим] завоеваниям ты сравнялся с Фаридуном,
[Несметностью] сокровищ и золота превзошел Каруна,

Подобно солнцу в апогее благоденствия,
Вознес ты знамя могущества,

Одно [твое] слово — и весь мир твой,
Ты Сулайман и венец твой достигает небес —

Не [только] такое, [не знающее себе] равных, величие —
Все в конечном счете обращается в ничто.

Курдские поэты слагали стихи, воспевая проявленное им мужество и великодушие. [Поныне] певцы в меджлисах **[332]** правителей распевают [о нем] песни и элегии, сочиненные на манер того народа.

/282/ Поскольку после [Пир Будака] потомков мужского пола не осталось, должность правителя утвердилась за его племянником Будаком, сыном Рустама. После двух лет его неудачного правления нукеры и знать отказались ему повиноваться, и от огорчения он умер. [С ним] закончилось правление того рода, и [власть] перешла к их нукерам.

Первым, кто после гибели той семьи стал правителем Бабана и воссел на трон правления, является Пир Назар б. Байрам. И был он мужем, наряженным в убранство великодушия и мужества. Красота его нрава вызывала у подданных и служилого сословия удовлетворение

и одобрение. Благодаря его необычайной справедливости райяты и благородные почивали на ложе спокойствия и безопасности, свободные от всех забот. Силою он завладел округом Кифри ⁴⁸⁰, относящимся к обители ислама — Багдаду, и включил в вилайет Бабана. После него вилайет был поделен на две части.

После смерти Пир Назара б. Байрама вилайет Бабана поделили между собой и стали его владельцами некий Сулайман! и мир Ибрахим (**Фраза по-персидски составлена неверно и точному переводу неподдается.**). Оба они были ставленниками Пир Будака, и в свое время он поставил их эмирами *санджаков*. Долгое время они следовали в отношении друг друга путем уважения и искренней дружбы, но позднее благодаря наущениям зложелателей любовь и дружба меж ними сменились враждою и ненавистью. В конце концов Сулайман убил Ибрахима и часть вилайета, за ним закрепленную, присоединил к своему княжеству. Когда прошло пятнадцать лет его правления, он распростился с [этим] бранным миром и прошествовал в мир вечности. После него осталось четыре сына: Хусайн-бек, Рустам, Мухаммад и Сулайман.

После смерти Пир Назара Ибрахим девять лет /283/ владел половиною вилайета Бабан на правах соправителя. Когда он; погиб от руки Сулаймана, после него осталось три сына: Хаджжи Шайх, Амира и мир Сулайман. [333]

Хаджжи Шайх б. Ибрахим

После убийства его отца он оставил родину и общество друзей и отправился в Иран на службу к шаху Тахмасбу. Но упомянутый государь не оказал ему помощи и содействия, и тот возвратился в свой вилайет в полном отчаянии. В областях Налейн ⁴⁸¹ и Дибале он перебил наместников мир Иззадина, брата мир Сулаймана, и стал владельцем упомянутых областей. После смерти мир Сулаймана он завладел всем вилайетом Бабана и оказался суверенным правителем. В отношении шаха Тахмасба им были допущены действия неподобающие. Шах Тахмасб три раза посылал против него войска, и все три раза поражение терпели кызылбаши. Хаджжи Шайх вышел победителем, хотя от эмиров и правителей Курдистана к нему не примкнул никто, кроме нескольких добровольцев и ученых, что взяли за луки и стрелы для священной войны за веру; больше ему никто не оказал содействия.

В 941 (1534-35) году, когда султан Сулайман-хан Гази завоевал стольный город Багдад и там остановился на зиму, Хаджжи Шайх отправился облобызать султанский порог. Когда он прибыл в округ Марга ⁴⁸², население того округа единодушно выступило против него. Во время охоты, точнее, когда он со считанным числом [людей] был занят чтением предписанной законом молитвы, одержимые дивами курды обрушились на него, подобно студеному ветру, сверкающими мечами потушили пламеневший в нем огонь жизни, уподобив [его] черному праху. Его брат по имени Амира-бек тоже /284/ был убит в том сражении. После [Хаджжи Шайха] осталось два сына: Будака и Сарум. Другой его брат, Сулайман, тоже в положенный срок распрощался с этим бранным миром.

Будака б. Хаджжи Шайх

Когда его отец был убит чернью округа Марга и эта новость достигла в Багдаде достойного и славного слуха монарха, [в знак] безграничного благоволения государь ему [334] пожаловал княжество Бабан, и в продолжение шестнадцати лет в отношении райятов и знати следовал он путем ласки и великодушия. [Тогда], побуждаемый некоторыми [из] великих, что будет подробно изъяснено [при описании] событий последующих, претендентом на управление Бабаном выступил сын мир Сулаймана Хусайн-бек, и диваном

государя с достоинством Сулаймана [власть] была закреплена за ним. Поддерживаемый правителем Имадии Султан Хусайном, он направился, дабы вступить во владение наследственным вилайетом. Буда-бек, будучи не в силах оказать им сопротивление, бежал, прибегнув к покровительству двора шаха Тахмасба. После шести месяцев скитаний [Буда-бека] по той стране великий везир Рустам-паша доставил его из Ирана в Стамбул, надеясь возвратить ему княжество Бабан, и управление Бабаном [в знак] высочайшей монаршей милости было дарованному. Отмеченный и вознесенный среди равных безграничными царскими щедротами, он изволил возвратиться в [свой] наследственный *оджак*.

Когда он прибыл в местечко, [называемое] Рабийе-Бугак ⁴⁸³, [в сопровождении] около восьми тысяч пеших и конных его встретил Хусайн-бек, желая [вступить] с ним в битву. Не пало на поле брани и десяти человек, а Хусайн-бек уже пустился в бегство, направившись к сулайманову порогу. Когда благодаря посредничеству великих эмиров он удостоился лобызания [государева] порога, вышел непреложный султанский указ, дабы /285/ [Хусайн-бек] правил вместе с Будаком и они неуклонно следовали султанскому повелению (**Букв, “и ни один из них не преступал за повиновение султанскому указу”**).

Хусайн-бек со всею поспешностью устремился в область абан. Дело закончилось сражением. В той битве Хусайн-бек со своим братом Рустам-беком отправился в потусторонний мир. Когда эти известия распространились при сулаймановом дворе, вспыхнуло пламя сулайманова гнева, и поручил он курдским эмирам, соседям Бабана, свергнуть Будака. Буда, будучи не в силах оказать тому соборищу сопротивление, [335] бежал, обратившись за покровительством к [правителю] Имадии Султан Хусайн-беку. Султан Хусайн-бек доложил об истинном положении дел его у подножия трона — прибежища счастья — и изъявил просьбу даровать его проступкам монаршую милость и всепрощение и пожаловать ему наследственные владения. Милосердный султан по просьбе правителя Имадии простил его ошибки и вместо княжества Бабан даровал ему округ Айнтаба ⁴⁸⁴, а удел Будака передал некоему Вали-беку на правах *санджака*.

Когда в Конии между великими царевичами Салимом и Султан Байазидом вспыхнула распря и ссора, Буда-бек взял сторону Султан Байазидом и отправился в Кутахийе ⁴⁸⁵. И вышел непререкаемый, как судьба, указ [на имя] Султан Байазидом убить Будака-бека Бабана, что был из числа его подстрекателей, а голову его отослать к высокому двору. [“И тогда, — говорилось в указе, —] мы укроем его грехи полою отпущения и даруем его проступкам царское снисхождение”].

Султан Байазид, следуя хаканскому приказу, убил Будака-бека /286/ в Кутахийе, а его голову отослал к порогу [своего] отца с достоинством Сулаймана. После него осталось четыре сына: Хаджжи Шайх, Хусайн-бек, Мухаммад-бек и мир Сайфаддин. Хаджжи Шайх сопровождал Султан Байазидом в Иран ⁴⁸⁶, а когда Султан Байазид был захвачен [в плен], [Хаджжи Шайх] вместе с его вельможами и эмирами был убит по приказу шаха Тахмасба. Эмир Сайфаддин в положенный срок распрощался с [этим] бранным миром. Мухаммад-беку был пожалован округ Кестане ⁴⁸⁷, и в настоящее время он является [его] владельцем.

Мир Хусайн б. Сулайман

После смерти отца, когда княжество Бабан перешло во владение к Хаджжи Шайху б. Ибрахиму, [мир Хусайн], будучи не в силах оказать сопротивление, бежал к порогу шаха Тахмасба и испросил у него помощи и содействия. Сначала тот направил с ним в те районы *вали* Динавера Чираг-султана устаджлу, но тоже успеха не добился. Во второй раз [336] препоручил он [то дело] наместнику вилайета Хамадана Гукча-султану каджару. Тот направился туда, тоже не проявил особой заботы и возвратился ни с чем. В третий раз [шах

Тахмасб] послал на завоевание области Бабан эмира эмиров и *сардара* 'Абдаллах-хана устаджлу с огромным войском, подобным полноводному потоку. Мир Хусайн провел кызылбашское войско к горе, называемой Гелала ⁴⁸⁸, где не могла и змея проползти из-за большого количества деревьев, и встретился [там] с Хаджжи Шайхом. В той схватке принимал участие и родитель [сего] несчастного. Там было убито около тридцати верных отцовских слуг и погибло две-три тысячи человек из кызылбашских племен. Те из эмиров и знатных, что остались б живых, пешком оборванные возвратились обратно.

Шах Тахмасб, раздраженный ненаходчивостью мир /287/ Хусайна, заточил его вместе с братьями (Букв, “с братом”.) Мухаммадом и Рустамом в одну из крепостей. Некоторое время спустя он освободил их из заточения, и сразу после своего освобождения все три брата бежали из Ирана к порогу — прибежищу счастья — султана Сулайман-хана. Из безграничного монаршего милосердия сообразно их положению в вилайете Румелии [им] определили содержание и отправили туда. Спустя шесть лет, проведенных ими в тех районах, по просьбе правителя Имадии Султан Хусайн-бека их привезли из Румелии и вознесли до звания правителей Бабана.

После событий, выше подробно описанных пером повествования, мир Хусайн погиб от руки Будак-бека б. Хаджжи Шайха, и после него остался один сын по имени Хизр-бек. Долгое время он был владельцем округа Марга, относящегося к Бабану. Позднее, во времена покойного султана Мурад-хана, когда Амира-бек мукри отошел от кызылбашей и изъявил покорность высокому османскому порогу, округ Марга отобрали у Хизр-бека и на правах *санджака* передали одному из его (Амира-бека) сыновей. И по той причине между Амира-беком и Хизр-беком некоторое время продолжались споры и препирательства. Тем временем Хизр-бек приобщился к господней [337] милости, и наступил конец вражде. По сути дела ашират бабан остался без правителя. То племя располагает примерно четырьмя тысячами прекрасно вооруженных хабрецов и никому не подчиняется.

По одной версии, ашираты рузаки и хаккари произошли от [племени] бабан. Люди [племени бабан] весьма склонны к служению и поклонению богу, к [соблюдению] уложений ислама. /288/ Из того народа выходят мужи благочестивые, набожные и добродетельные. Каждому [представителю] племенной знати был препоручен один из округов той страны. И каждый год они собирают среди себя и выплачивают в казну Шахризур четыре харвара золота. Вилайет Бабан входит в августейшие домены. Финансовые чиновники взимают с них не иначе, как по-хорошему, и ежегодно к ним поступает определенная сумма деньгами и натурой. В противном случае, [стоит им прибегнуть] к силе и принуждению, эмиру эмиров, *дафтарда-рам* и финансовым чиновникам не дают и медного фильса. Положение в том вилайете остается таковым поныне — [до] 1005 (1597) года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О правителях Мукри

Из смысла чудесных слов исполненных совершенства ученых и содержания пространных творений законоведов — знатоков шариата выясняется, что родословная правителей Мукри восходит к племени мукрийе, обитающему в районах Шахризур. По словам некоторых достойных доверия [авторов], они происходят от правителей Бабана. Рассказывают, из того рода появился некий Сайфаддин — человек хитрый и коварный. Поскольку его часто [так] называли, он [и] получил известность как Макри (Перс, “хитрый”.) или, возможно, Макру — [истина] ведома Аллаху!

Как бы то ни было, [но] Сайфадин, прославившийся непреклонностью помыслов и пронизательным умом, стал [338] [притчей] во языцех благодаря [своей] хитрости и коварству. К концу [правления] туркменских государей ⁴⁸⁹ он собрал под своим началом большой отряд из аширата бабан и других племен Курдистана, отобрал у племени чапаклу округ Дерьяс ⁴⁹⁰ и стал [его] владетелем. Затем к Дерьясу он присоединил мало-помалу округа Дул-и барик ⁴⁹¹, Ахтачи ⁴⁹², Ил-Теймур ⁴⁹³ и Солдуз. /289/ Ни у кого в тех районах не осталось сил противостоять победоносной мощи и силе десницы [его]. Племена, что собрались под его началом, стали называться мукри. Сайфадин долгое время управлял теми районами, а когда с поспешностью направился в мир иной, после него осталось два сына: Сарум и Баба 'Умар.

Сарум б. Сайфадин мукри

Когда он заступил место отца, шах Исма'ил Сафави несколько раз посылал против него войско для завоевания вилайета Мукри, уничтожения и искоренения их [племени]. Между ним и кызылбаши произошло не одно сражение, и каждый раз выходил победителем Сарум, а кызылбаши терпели поражение, пока в 912 (1506-07) году не остановился на зиму шах Исма'ил в Хое и не направил на войну с Сарумом племя шамлу ⁴⁹⁴ под предводительством отца Дурмиш-хана 'Абди-бека и хранителя [августейшей] печати Сару 'Али. Два военачальника с несметною ратью пошли на Сарума, и произошло великое сражение. Оба военачальника и многие знатные [племени] шамлу были убиты, Сарум одержал над ними победу. В конце концов, освободившись из-под ига кызылбашей, вместе с эмирами и правителями Курдистана он изъявил покорность порогу высокодостоинного государя, подобного Хусраву, султана Салим-хана. Когда же на трон и престол кесарей Рума изволил восшествствовать отмеченный справедливостью государь султан Сулайман-хан, Сарум ради чести целования [высокого] порога отправился ко двору прибежища вселенной. Был он отмечен монаршими щедротами. Область и округа, что перешли к нему от отца, были пожалованы ему на правах *икта'-тамлики*, [и на то] удостоился издания [339] всемилостивейший султанский указ. Когда, получив разрешение на отъезд, /290/ он возвратился в [свои] исконные земли и славное обиталище, губительница наслаждений [смерть] неожиданно навестила его, оторвала его руки от цитадели тела, и направился он в мир вечности.

После него осталось три сына: Касим, Ибрахим и Хаджжи 'Умар, но все они в расцвете юности и у истоков жизни покинули [этот] бренный мир, так и не насладившись [ни] жизнью, [ни] властью. [Один] из его (Сарума) двоюродных братьев, Рустам б. Баба 'Умар б. Сайфадин, оставил после себя трех сыновей: Шах Хайдара, мир Назара и мир Хизра. После смерти сыновей Сарума они разделили между собою наследственный вилайет на три части, так что к старшему брату Шайх Хайдару перешли области Дерьяс, Дул, Солдуз и Ахтачи, за мир Назаром был закреплен округ Ил-Теймур и за мир Хизром — округ Мухаммедшах ⁴⁹⁵. Все три брата единодушно изъявили покорность шаху Тахмасбу, убрав голову из ошейника повиновения Османской династии. В 948 (1541-42) году, [во время] мятежа Алкас-мирзы, следуя повелению султана Сулайман-хана, на правителей Мукри [войною] отправился из Курдистана Султан Хусайн-бек из Имадии, правитель Хаккари Зайнал-бек и эмиры [племени] берадост. Меж ними произошло большое сражение. В той кровавой и упорной схватке погибли все три брата. После Шайх Хайдара осталось два сына: Амира и Хусайн, после мир Назара остался один сын по имени Байрам, а после эмира Хизра — два сына: Улуг-бек и мир Хасан, но все они были несовершеннолетними, и ни один не подходил для правления и власти.

Амира б. Хаджжи 'Умар б. Сарум б. Сайфадин

Когда известие о гибели Шайх /291/ Хайдара достигло славного слуха султана Сулайман-хана, эмират [племени] мукри диваном государя с достоинством Сулаймана был дарован Амира по просьбе эмиров Курдистана. Около тридцати лет являл он ревность и старание [делу] охраны и защиты Дерьяса и аширата мукри, неизменно покорный и послушный, [340] неколебимо следуя путем верного служения. Наконец в положенный срок на призыв возлюбленного [господа] отвечивал он: “Я готов” — и отбыл в мир иной. После него остался один сын по имени Мустафа.

Амира-бек б. Шайх Хайдар

После смерти своего дяди он изъявил покорность шаху Тахмасбу, и шахским диваном ему был передан вилайет Мукри. Правил Амира независимо, а когда шах Тахмасб умер, прибыл в Казвин на службу к шаху Исма'илу и удостоился чести целования ковра. Государь (Букв, “государевы помощники” (см. прим., стр. 181).) при оказании ему [своих] милостей и щедрот явил предельное старание и даровал разрешение на отъезд. Когда бразды правления [династии] Сефевидов оказались в руках шаха Султан Мухаммада и поводьями волеизъявления того рода целиком и полностью завладели кызылбашские эмиры, в стране персов воцарились смута и беспорядок. Амира-бек, будучи не в состоянии оставаться там, был вынужден вместе с другими эмирами и правителями Курдистана, Луристана и Арделана [покинуть Иран].

В 991 (1583) году через эмира эмиров Вана он удостоился [выразить] покорность порогу прибежища счастья — султана Мурад-хана. Из безграничного султанского благоволения к его старинному *оджаку* был присоединен вилайет Бабан. Округ Мосула тоже вошел в его княжество, а сыновьям его был пожалован округ Эрбиля и некоторые из [районов], относящихся к Мераге Тебризской ⁴⁹⁶. /292/ В середине зимы он вместе с эмиром эмиров Вана Мухаммад-пашою со стороны Рума напал на правителя Мераги Бакташ-Кули-бека устаджлу. Тот бежал, будучи не в силах оказать сопротивление, а его имущества вместе с пожитками жителей и обитателей тех районов пошли на ветер грабежа и разорения. Из табунов шаха Тахмасба, что долгое время находились в округе Караджик ⁴⁹⁷, они выбрали и доставили в Ван арабской породы коней, быстрых как ветер, порождений дива, какими не владели ни в кои времена обладатели достоинства. Стихотворение: [341]

Тысяча прекрасных стройных коней,
Стремительных в пути и спокойных под седлом,

Стоит показаться [даже] тени плети,
И они готовы выскочить из ристалища [этого] мира,

Подобно диким волкам несутся они по пустыне,
Как водяные птицы плывут по морю.

После счастливого возвращения из похода на Мерагу эмир эмиров Вана, взяв [с собою] сына Амира-бека, направился на службу к победоносному *сардару* Фархад-паше, дабы вместе с *сардаром* засвидетельствовать у подножия трона прибежища халифата добрую службу и преданность Амира-бека. Сразу по их прибытии тот согласно просьбе доложил у высокого порога о его верности. Когда достойного султанского слуха достиг [исполненный] правдивости [рассказ] о его положении, из безграничного монаршего милосердия ему была дарована на правах беглербегства область Мераги при условии, что он отнимет [те земли] у кызылбашских наместников. Был он поименован в указах и рескриптах Амира-пашою и отнесен к числу пашей Османской династии.

[Между тем] округ Дерьяс был пожалован его двоюродному брату Хасану б. Хизру, который за некоторое время до [засвидетельствования] упомянутым пашою покорности

/293/ [Амира-беку] удостоился счастья лобызать высокий султанский порог. По прибытии Амира-паши в округ Дерьяс Хасан-бек не стал спешить с передачей упомянутого округа Амира[-паше] и засел в здешней крепости. Амира окружил крепость. Незадолго до того как он заставил его покинуть крепость и убил (Букв, “он довел дело до того, чтобы изгнать его из крепости и убить”), из крепости по совету нескольких друзей бежал брат Хасан-бека Улуг-бек. Он направился в Эрзерум на службу к *сардару* Фархад-паше, но там тоже не остался из страха перед Амира-беком и поехал на службу к шаху Султан Мухаммаду. [342] Государь оказал ему щедроты и милости и пожаловал округ Дех-Харкан ⁴⁹⁸, относящийся к Мераге.

Амира-паша убил своего брата Хусайна, подозревая, что он выступает против [него] в сговоре с двоюродными братьями; расправился с врагами — большими и малыми — и явил в управлении полную независимость и свободу, для описания которой [мы] не находим слов.

Несколько лет спустя после этих событий, когда стольный город Тебриз перешел во владение к властителям Османского государства, охрану и защиту тех районов препоручили везиру Джа'фар-паше. [Тот], ссылаясь на то что с давних времен область Мераги подчинена Тебризу, пожелал, чтобы Амира-паша тоже изъявил ему покорность. Амира, полагаясь на [дарованное] ему звание эмира эмиров, большой покорности не проявил. Это побудило упомянутого пашу доложить со всею последовательностью о делах Амира у подножия высочайшего трона, и [Амира] был смещен с управления областью Бабан и округами Мосула и Эрбиля. Покончив с [этим] делом, [Джа'фар-паша] заявил: “Мерага /294/ относится к Тебризу, и, коль не войдет она в августейшие домены, доходы с округов Тебриза не смогут удовлетворить нужды тех районов. Каждый год из тамошних доходов в государеву казну поступает пятнадцать харваров золота — его впредь пусть выплачивает в казначеище Тебриза Амира, дабы расходовалось оно на содержание здешнего войска”.

Амира был вынужден взять на себя уплату в Тебризскую казну [той] огромной суммы. Джа'фар-паша таким образом в продолжение двух лет получал с него [налог] *макту'*, но под конец не удовольствовался и тем. Во время переписи и ревизии в вилайете Тебриза он включил Мерагу в августейшие домены Тебриза и, возложив [на нее] выплату около пятнадцати харваров золотом, поставил там человека на правах [держателя] *санджака*.

Год спустя райяты Мераги разбежались, и в таком она оказалась запустении, что к эмиру *санджака* не поступало и медного фильса. Казна и государственное казначейство получили лишь один харвар золота. [343]

Амира-бек, окончательно утратив временное облачение [власти], удовольствовался старинным [своим] *оджаком* и наследственным эмиратом. В то время когда Мерага и относящиеся [к ней] районы находились во владении Амира-паши и великих сыновей его, его старший сын по имени Шайх Хайдар по непререкаемому, как судьба, повелению султана Мурад-хана отстроил относящуюся к Мераге крепость Сару-Курган ⁴⁹⁹, которую грозный натиск [войск] эмира Тимура Гургана потряс сверху донизу и сровнял с прахом.

В 1002 (1593-94) году, когда область Тебриза была препоручена эмиру эмиров Багдада Хизр-паше, агенты фиска Мераги доложили ему, что в разорении Мераги повинна построенная Шайх Хайдаром крепость. /295/ Хизр-паша, тоже [подавшись] наущениям зложелателей, передал упомянутые округа племени махмуди на правах *санджака*, и о том известили Шайх Хайдара. Меж ними начались споры и препирательства; [людьми племени]

мукри были убиты вместе с многочисленной группой сторонников племянники Мансур-бека Хамза и Кубад — сыновья Зайнал-бека ⁵⁰⁰, что был предводителем племени махмуди.

В 1003 (1594-95) году Хизр-паша, подстрекаемый племенем махмуди и *мирлива* Маку ⁵⁰¹ сыном Хасан-бека 'Иваз-беком, пошел на крепость Шайх Хайдара с намерением отомстить и крепость разрушить.

Шайх Хайдар, являя слабость и унижение, сначала пожелал уплатить цену крови убитых из [племени] махмуди и снискать расположение паши. Но подстрекатели [тем] не удовольствовались и побуждали пашу пойти на крепость и осадить ее. В конце концов Шайх Хайдар был вынужден с сожалениями о принесенных извинениях и [пережитом] унижении вынуть из рукава доблести руку мужества и подготовиться к войне и сражению. С отрядом курдских удальцов предстал он перед войском паши и ухватился за рукоять сабли и лук. Стихотворение:

Сжимая рукоять меча, обратилась рука в кулак,
От стрел храбрецов уподобился щит дикобразу. [344]

Белый тополь [стрелы] вероломных убийц
От крови героев стал красной ивой.

Стрелы удальцов следовали с такою быстротою,
Что [походили] на снежный [вихрь], образуемый дыханием северного ветра.

Жало копья впилося в кольчугу
Будто гадюка, заползающая в свою нору.

Словом, в том сражении погиб 'Иваз-бек. [Тогда] Амира-бек бросился между [сражающимися] и воспрепятствовал сыну [продолжать] битву. Хизр-паша, тоже отдав предпочтение покою, /296/ в тот же день снял осаду крепости.

У Амира-паши было четыре сына: Бутак-бек, Касим, Шайх Хайдар и Хусайн. Все они во время покорности [отца] двору султана Мурад-хана достигли степеней [владельцев] *санджаков*. Его сын Буда-бек в положенный срок умер, другой сын по имени Хусайн убил старшего брата Касим-бека, а Шайх Хайдар, мстя за брата, прикончил Хусайн-бека. В настоящее время потомство Амира-бека ограничивается одним Шайх Хайдаром. В число округов и крепостей, что, не считая наследственного *оджака*, остались во владении отца и сына, входят округа Тарака ⁵⁰², Аджари ⁵⁰³, Сару-Курган, Дуаб ⁵⁰⁴, Лейлан ⁵⁰⁵ и крепости Тарака и Сару-Курган. Таким образом обстояли их дела во время начертания этого несовершенного сочинения, о будущем же ведает знаток секретов и тайн.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О правителях берадоста

[Глава] состоит из двух параграфов

Да не останется скрытым, что правители берадоста происходят из племени гуран и, согласно наиболее достоверной традиции, от сыновей Хилала б. Бафра Хасанвайха, что были; правителями Динавера и Шахризур. Хилал погиб в битве с [345] *вали* Хамадана Шамсаддаула Дайлами, и сыновья его оказались в этих районах. Их было три брата: один вместо отца стал правителем Шахризур, другой брат — правителем аширата ако ⁵⁰⁶, третий же вначале прибыл в округ Хан-Алмас ⁵⁰⁷, относящийся к Урмии, и стал владельцем тех районов на правах мультка. Постепенно их положение улучшалось, пока не достигли они

степеней эмиров. Среди людей [племени] берадост бытует поверье, что их правители принадлежат к потомкам Билала, но это ошибка — [его имя] Хилал.

/297/ Самым мужественным в том роду и самым выдающимся в той семье был сын Султан Ахмада — Гази-Киран, который еще до подчинения эмиров Курдистана порогу шаха Исма'ила перебил в одном сражении много народу — около тысячи человек из кызылбашских отрядов, что находились в Урмии. Когда вместе с эмирами и правителями Курдистана он удостоился счастья лобызать ковер шаха Исма'ила, [шах] оказал ему почет и уважение и, поименовав Гази-Кираном (***) — **обладатель счастливого сочетания звезд, непобедимый герой.**), пожаловал ему вместе с грамотой на правление округа Тергавер ⁵⁰⁸, Сомай, Дул вместе с прилегающими и относящимися к ним районами и крепостями.

Позднее вместе с правителями и эмирами Курдистана он прибыл к высокому порогу султана Салим-хана. Когда султан Сулайман-хан Гази повернул поводья [своих] устремлений в сторону Тебриза и Азербайджана, намереваясь завоевать страну персов, Гази-Киран, удостоившись чести [присутствовать] на обсуждении похода, достиг счастья лицезреть султана (**Букв. “близости к султану”**). Речи его по поводу мнений и планов в отношении персов пришлось по нраву государю и, являя ему свою благосклонность и внимание, тот пожаловал помимо его *санджака* определенную сумму с вилайета Эрбиля, Багдада и Диарбекира. Вознесенный и отмеченный монаршими щедротами, [Гази-Киран] долгое время оставался полновластным и суверенным правителем и дожил до [весьма] преклонного [346] возраста (**Букв. “получил долгую жизнь”**). После смерти на страницах времени он оставил двух сыновей, поименованных Шах Мухаммад-беком и 'Али-беком.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

Об эмирах Сомая Шах Мухаммад-бек б. Гази-Киран

После смерти отца он взялся за дела власти и после нескольких лет правления был принят под сень господней милости. После него осталось четыре сына: Будак-бек, Хасан, Искандер и Зайнал. Эмират /298/ утвердился за его старшим сыном.

Будак-бек б. Шах Мухаммад-бек

После смерти отца согласно монаршему повелению султана Салим-хана он посягнул на ожерелье эмирата и тоже отбыл из этого брэнного мира в обитель вечности. После него осталось четыре сына по имени Авлийа-бек, Шах Мухаммад-бек, Шах Кули-бек и Саййиди. Поскольку сыновья его были [тогда] малолетними и править еще не могли, власть над Берадостом утвердилась за его братом Хасан-беком.

Хасан-бек б. Шах Мухаммад-бек

После [смерти] его брата на основании султанского указа ему была пожалована и дарована должность эмира [племени] берадост. Но поскольку с аширатами и племенами обходился он неподобающе, и соседние эмиры были им [тоже] недовольны, [местное] население на него пожаловалось, и по совету Зайнал-бека он направился к [монаршему] порогу. На имя эмира эмиров Вана последовал августейший рескрипт, повелевающий заняться рассмотрением дел Хасан-бека. На основании непререкаемого, как судьба, фирмана тот вызвал [347] Хасан-бека в ванский диван и после расследования и дознания повесил его на дереве, что находилось внутри дворца. После его казни через повешение власть над [племенем] берадост утвердилась за 'Али-беком.

'Али-бек б. Гази-Киран

После казни Хасан-бека по совету и с одобрения Хусайн-паши высочайшим порогом султана Салим-хана управление было передано 'Али-беку. После нескольких лет его власти ашират берадост пожелал перейти в подчинение к Авлия-беку, изменил 'Али-беку и направился к порогу покойного государя с просьбой [передать] управление Авлия-беку.

Урмийский эмират, который во время завоеваний Хусрав-паши был утвержден за Искандар-беком б. Шах Мухаммад-беком, /299/ был от него отобран и пожалован 'Али-беку. Потеряв Урмийский округ, Искандар-бек отрешился от власти, избрал угол затворничества и посвятил себя служению [богу]. 'Али-бек же после одного года правления в Урмии был принят под сень господнего милосердия. Детей мужского пола после него не осталось.

Авлийа-бек б. Будаг-бек б. Шах Мухаммад-бек

Он был ребенком, когда умер отец, поэтому наследственная власть на несколько лет перешла к его двоюродным братьям. Когда же на челе его упований заблистали знаки зрелости и здравомыслия, а на лбу его счастья воссияли лучи могущества и талантов, ашираты и племена Берадоста отправились к высокому, как небо, дворцу покойного государя ради [испрошения] эмирата для Авлия-бека. Их просьба была удостоена чести благосклонного приятия — в 985 (1577-78) году 'Али-бек был смещен с поста эмира, [власть] пожаловали Авлия-беку. И ныне, в 1005 (1597) году, эмират Сомая безраздельно принадлежит ему. [348]

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах Тергавера и Кале-Давуд ⁵⁰⁹ Насир-бек б. Шир-бек б. Шайх Хасан-бек

Один из их предков по имени Султан Ахмад отделил от вилайета Берадост округ Тергавер и стал его владельцем на правах [держателя] *санджака*. С начала составления этого несовершенного сочинения и поныне он принадлежит Насир-беку, мужу храброму и отважному до безрассудства. [Сейчас] ему более восьмидесяти лет. С аширатом дайри, подчиненным Зайнал-беку Хаккари, у него было столкновение, вызванное пограничными спорами, /300/ [в результате чего] от обеих сторон погибло около ста человек.

Насир-бек неоднократно покидал [свои] владения и уходил на службу к шаху Тахмасбу. Зайнал-бек, назло ему оказывавший покровительство его сыну по имени Шир-бек, передал [Шир-беку], отобрав у [отца], округ Сомай на правах *санджака*. Шир-бек, терзаемый обидой за отца, умер от чумы, так и не насладившись жизнью и властью.

После смерти Шир-бека округ Тергавер утвердился за одним из его двоюродных братьев Зайнаддин-беком. Зайнаддин-бек вместе с [другими] эмирами Курдистана погиб в сражении с кызылбашами во время завоевания Тебриза в районе Саадабада. Насир-бек во второй раз присоединил округ Тергавер к своему *санджаку*. И вновь тот округ на правах *санджака от* порога покойного султана получил некий Хизр-бек, [но] Насир-бек убил его. Затем [Тергавер] был пожалован Йусуф-беку, потом — Шах Мухаммад-беку, а после него утвержден за Хусайни-беком б. Шайх Хасан-беком, которому и принадлежит в настоящий момент.

У Насир-бека было восемь сыновей по имени Шир-бек, Йусуф-бек, Кара-хан, Сару-хан, Шах Мухаммад, Тимур-хан Хусайни и Хайдар. Как уже упоминалось, Шир-бек умер от

чумы. [Другие два] его сына, Йусуф-бек и Тимур-хан, погибли от руки Хизр-бека, а его сын по имени Сару-хан был убит своим братом Хусайни-беком. [349]

ГЛАВА ПЯТАЯ

Об эмирах [племени] махмуди

Да не останется скрытым пред неведающею пороков природою и истинным разумом красноречивых, достигших высшей степени совершенства, и историков, являющих путь духовного совершенствования, что родословная эмиров [племени] махмуди восходит к мерванидским султанам. По другой версии, они приходятся двоюродными братьями правителям Джебзире.

/301/ Во времена туркмен Кара-Койунлу в Азербайджан с племенами и аширатами прибыл некий Шайх Махмуд, согласно одному преданию, из Сирии, согласно другому — из Джебзирейи Умарийе. Кара Йусуф передал им для жительства крепость Ашут ⁵¹⁰, а Шайх Махмуда включил в число своих слуг и *мулазимов*. Не раз воочию наблюдая проявляемое им мужество, [Кара Йусуф] закрепил за ним на правах эмирата округа Ашут и Хошаб ⁵¹¹, а то племя поименовал махмуди.

После смерти отца за дела власти взялся мир Хусайн-бек б. Шайх Махмуд. Во времена государей Ак-Койунлу звезда его счастья вознеслась еще выше — к владениям мир Хусайна был присоединен округ Албак, отобранный у правителей Хаккари. Благодаря помощи и содействию туркменских [государей] он нанес не одно поражение войску 'Изаддин Шира и захватил вилайет Шамбо ⁵¹². 'Изаддин Шир послал к правителю Бидлиса гонца с просьбой помочь [расправиться] с племенем махмуди. Правитель Бидлиса отправил с [ним] большой отряд во главе с Шайх Амиром билбаси на помощь 'Изаддин Ширу. Когда мир Хусайн, преисполненный величия, находился на берегу реки Хошаб ⁵¹³, что получила известность как Джамм-и Мир Ахмад, Шайх Амир вместе с войском 'Изаддин Шира внезапно напал на него. С обеих сторон запылал огонь сражения, крики героев и витязей достигли небесной сферы. Под ударами стрел предопределения пал мир Хусайн, и после него остался один сын по имени мир Хамид. [350]

Мир Хамид б. мир Хусайн

После гибели отца он занял его место и долгое время таким образом находился в рядах кызылбашских эмиров. /302/ Когда же он поручил хранение жизни назойливому посланцу смерти, на память после него осталось три сына: мир Шамс-аддин, 'Иваз-бек и Амира-бек.

'Иваз-бек б. мир Хамид

После смерти отца он стал *мирлива* Хошаба и взялся за управление аширатом махмуди. ['Иваз-бек] вступил в пререкания и споры с правителем Вана и Востана Уркмаз-султаном, который охранял те [районы] на правах наместника шаха Исма'ила. Уркмаз-султану удалось схватить 'Иваз-бека и заточить в Ванской крепости. [Тот], уже находясь в заключении послал к правителю Бидлиса Шараф-хану за помощью. Шараф-хан немедля направил к Уркмаз-султану послание и гонца с просьбой освободить 'Иваз-бека, но просьба была отвергнута. [Тогда] Шараф-хан самолично направился в Ван и остановился в верховье реки Харкум.

Уркмаз-султан, пренебрегая [требованием] освободить 'Иваз-бека, ступил на путь [открытой] вражды. Шараф-хан со своей стороны повелел [своим] людям предать область

Вана и Востана разрушению и грабежу. Обеспокоенный Уркмаз-султан был вынужден освободить 'Иваз-бека из заточения и отослать к Шараф-хану.

После этого 'Иваз-бек некоторое время пребывал в рядах эмиров шаха Тахмасба и, присоединив к Хошабу округ Албак, несколько лет владел [теми областями] в качестве наместника кызылбашей. Когда он умер, после него осталось, пять сыновей: Хусайн-Кулибек, Шах 'Али-бек, Хамза, Хасан и Будак.

Что касается Хусайн-Кули-бека, то в правление султана Сулайман-хана Гази после завоевания Бидлисского вилайета ему был пожалован на правах *санджака* округ Карджиган ⁵¹⁴. Позднее он был смещен, /303/ отправился в Диарбекир и [351] там умер. После него остался один сын по имени Байандур-бек, который на основании указа покойного султана владеет на правах *санджака* крепостью Нуван, относящейся к Хою, с того дня когда она была завоевана.

Шах 'Али-бек некоторое время был эмиром [племени] махмуди на правах наместника шаха Тахмасба. Позднее он был убит *мирлива* Албака Хусайн-беком б. Амира-беком. После него остался единственный сын по имени Халид-бек, которому в настоящее время принадлежит на правах *санджака* район Чорс ⁵¹⁵.

[Третий] сын ['Иваз-бека] Хамза-бек после гибели своего брата на основании указа шаха Тахмасба вместе с племенем махмуди признал власть Дилу Пири, которому был передан пост эмира махмуди. Позднее [люди племени] махмуди убили Дилу Пири, а Хамза-бека поставили на правление. Шах Тахмасб насильственно залучил его к себе и посадил в тюрьму. Некоторое время спустя он освободил его из заточения и определил вместе с группой знати [племени] махмуди на службу к Хаджжи-беку думбули. Позднее он и знатные [племени] махмуди были убиты в Хое Хаджжи-беком. Управление [племенем] махмуди шахским диваном было передано Хан Мухаммаду б. Шамсадину б. мир Хамиду. Несколько дней спустя правитель Вана Шах 'Али-султан Хусайни схватил Хан Мухаммада и заточил в Ванской крепости; земли и вилайет [племени] махмуди шахским диваном были пожалованы [племени] думбули.

Племя думбули после аширата мам-рашан ⁵¹⁶, немногочисленные отряды которого засели — один в крепости Акче-кале, а другой — в крепости Хошаб, целиком с покорностью прибыло на службу к Хаджжи-беку. Хан Мухаммад каким-то образом освободился из заточения в Ване /304/ и добрался до отряда [из племени] мам-рашан, что находился в Акче-кале. Услышав об этом, часть племени махмуди поспешила к нему на службу, и однажды ночью, воспользовавшись темнотою, [Хан Мухаммад] в сопровождении проворных молодцов внезапно напал на Хаджжи-бека думбули, который стоял под крепостью Ашут, и нанес ему поражение. Хаджжи-бек был [352] ранен и, претерпев тысячу злоключений, поспешил укрыться в крепости. Много людей племени думбули погибло в той схватке.

Хан Мухаммад отправил человека в Диарбекир к здешнему эмиру эмиров Рустам-паше и засвидетельствовал покорность и послушание двору султана Сулайман-хана Гази. Когда об этом стало известно шаху Тахмасбу, он составил на имя Хан Мухаммада и послал ему грамоту на управление [племенем] махмуди. Позднее должность правителя махмуди диваном шаха Тахмасба была утверждена за Хусайн-беком. Хан Мухаммад добровольно отказался от управления махмуди и удовольствовался местом под названием Акче-кале. Кроме того, османским диваном ему было определено ежедневно сто акче из казны Диарбекира, и он был в рядах *мутафа-риков* Вана. Прожил [Хан Мухаммад] долго и на границе с кызылбашами во имя османцев засвидетельствовал [свое] мужество и отвагу. У него четыре (?) сына: малик Халил, мир Шамсадин и Сайид Мухаммад. После смерти

отца среди братьев разгорелся спор из-за Акче-кале. Малик Халил погиб от руки своего брата. [Другой] сын по имени Саййид Мухаммад еще при жизни родителя умер, и в настоящее время место отца в Акче-кале занял [третий] сын [Хан Мухаммада] по имени мир Шамсаддин — юноша, наряженный в убранство из дарований и мужества.

Амира-бек б. мир Хамив

После смерти 'Иваз-бека /305/ управление племенем махмуди было передано ему кызылбашским диваном. Когда между Улама такалу и правителем Бидлиса Шараф-ханом начались военные действия, Амира-бек в день битвы оставил ряды Шараф-хана и присоединился к войску Улама. Но там тоже он не проявил большой искренности и повернул поводья своих устремлений на служение к шаху Тахмасбу. Об этом стало известно султану Гази Сулайман-хану. Направляясь от зимних становищ Багдада на завоевание Тебриза, в летовках Уджана ⁵¹⁷, куда прибыл Амира-бек с новым изъявлением [353] покорности султанскому двору, государь обитаемой части света послал за ним одного из слуг двора. В соответствии [со словами]: “Изменник — [всегда] трус” — курды государева чауша убили и приготовились к сражению. Весть об этом разнеслась по всему августейшему лагерю. Со всех сторон бросились на [Амира-бека], людей его перебили, а его с несколькими друзьями схватили и доставили в диван. В ту же минуту ревностный блюститель закона султаната казнил его в диване, и после него осталось два малолетних сына: Мансур-бек и Зайнал-бек.

По достижении [его] сыновьями возраста зрелости и здравомыслия, в год, когда султан Сулайман-хан Гази предпринял поход на Нахчеван, оба брата отправились ко двору шаха Тахмасба. Мансур-беку пожизненно был пожалован округ Сокманабад ⁵¹⁸, подчиненный Хою, на правах *санджака*, а его брата Зайнал-бека [государь] ввел в число славных *курчиев*. Когда на престол владычества восшестввовал шах Исма'ил второй, Мансур-бек отправился к нему на службу и удостоился благоволения государя, /306/ осыпавшего его [своими] милостями и щедротами.

После смерти шаха Исма'ила, когда дружба и взаимное расположение между государями (Имеются в виду турецкий султан и иранский шах.) сменились враждою и неприязнью, Мансур-бек, которому османским диваном через эмира эмиров Вана Хусрав-пашу было обещано на правах *оджака* и мультка пожалование округа Баргири, прибыл с покорностью в Ван. Кроме того, ему даровали в качестве *арпалыка* округ Муша, а Зайнал-бек получил *зи'амат*.

Когда Зайнал-бек умер, после него осталось два сына по имени Хамза-бек и Кубад-бек. В 1002 (1593-94) году его сыну Хамза-беку на основании прошения Джа'фар-паши был пожалован на правах *санджака* округ Солдуз, относящийся к Мераге. Когда часть улусов и племен махмуди направилась в Солдуз, а, как уже отмечалось при [описании] обстоятельств [племени] мукри, [ашират махмуди] враждовал с Шайх Хайдаром, меж ними произошла стычка. Были убиты Хамза-бек [354] вместе со своим братом Кубад-беком и около ста человек из аширата махмуди и его сторонников. Их имущества и пожитки были пущены племенем мукри на ветер расхищения и грабежа.

Хасан-бек б. 'Иваз-бек б. мир Хамид

Это человек, который устранил езидскую ересь в аширате махмуди, настоял на соблюдении поста, молитвы, хаджжа и подаяния, побуждал детей своих к чтению слова предвечного (Корана) и изучению религиозных обязанностей и догм и основал мечети и медресе. Как упоминалось выше, когда эмират Махмуди утвердился за Хан Мухаммадом б.

Шамсадином, Хасан-бек бежал ко двору шаха Тахмасба. Шах принял его милостиво (Букв, “удостоил его милостивого взора”), пожаловал ему управление /307/ махмуди и крепость Хошаб и разрешил уехать.

Хан Мухаммад выступил ему навстречу, добровольно отказался от должности эмира [племени] махмуди и удовольствовался местечком под названием Акче-кале, что с давних времен принадлежало отцам и дедам его. Хасан-бек тоже не стал чинить ему препятствий, а когда султан Гази Сулайман-хан направился в Азербайджан с намерением завоевать Иран, Хасан-бек, сознавая [свою] слабость и неуверенное положение, отбыл к сулайманову порогу. Как и прежде, ему был пожалован пост эмира Хошаба и [племени] махмуди. С того времени он неизменно служил государю верой и правдой. Когда эмир эмиров Вана Искандар-паша пошел на Хадджи-бека думбули и убил его в Хое, в том сражении Хасан-беком были проявлены смелость и мужество, отвага и героизм. Искандар-паша доложил об истинном положении дел его у подножия сулайманова трона — прибежища халифата. Великодушный к друзьям и беспощадный с врагами государь отличил и вознес его среди равных почетным халатом и золотой саблей. Кроме того, он пожаловал ему в качестве *арпалыка* около двухсот тысяч акче с деревень и поселений ⁵¹⁹ [355] августейших доменов в Диарбекире и даровал высочайший указ не взимать налог за [пользование] летними пастбищами и стойбищами с тридцати тысяч [принадлежащих] улусам махмуди овец, что уйдут на летние и зимние кочевья.

И поистине [Хасан-бек], соблюдая обязанность верности и следуя путем мужества и отваги, не оставлял без внимания ничтожнейшую из мелочей служения и самоотверженности, особенно когда покойный султан Мурад-хан послал войска в страну кызылбашей на завоевание Ирана. /308/ Никогда, ни в какую эпоху эмиры Курдистана не добивались такого возвышения, какое выпало на долю Хасан-бека и аширата махмуди в то смутное и тревожное время.

В правление Искандар-паши он поспорил в ванском диване с правителем Хизана Султан Ахмад-беком за первенство и [право] сидения в ванском диване, и вышел августейший указ султана Сулайман-хана, дабы никто, кроме правителя Хаккари Зайнал-бека, не имел над ним старшинства. После пятидесяти лет независимого правления в 993 (1585) году [Хасан-бек] погиб от руки кызылбашей в сражении с ними при Саадабаде во время завоевания Тебриза. Год спустя, когда победоносные войска под предводительством везира Фархад-паши выступили на помощь эмиру эмиров Тебриза Джа'фар-паше, его останки собрали, привезли и погребли в Хошабе при медресе, им же построенном.

У него было три сына: 'Иваз, Шир-бек и Шайхи-бек. ['Иваз-беку] еще при жизни [отца] был передан округ Маку, относящийся к Нахчевану, на том условии, что он отберет его у кызылбашей, построит там крепость и станет владельцем на правах *оджаклыка* и *икта'-тамлики*. После двадцати лет пребывания в тех районах в конце 1002 (1593-94) года ['Иваз-бек] вместе с эмиром Тебриза Хизр-пашой пошел войною на Шайх Хайдара, желая отомстить за убийство своих двоюродных братьев Хамза-бека и Кубад-бека и, как упоминалось выше, погиб от руки Шайх Хайдара вместе с немногочисленным [своим отрядом] на подступах к крепости. *Санджак* Маку на тех условиях, на которых он принадлежал 'Иваз-беку, был пожалован и дарован государем — /309/ [356] покорителем вселенной — султаном Мурад-ханом его сыну по имени Мустафа-бек [в знак] безграничного благоволения. И ныне он находится в его распоряжении. Район Нахчеванского Ордубада ⁵²⁰ некоторое время на правах *санджака* принадлежал его сыну по имени 'Али-бек.

Стараниями и заботами Хасан-бека большинство [его] двоюродных братьев и знати [племени] махмуди достигли высоких степеней и завладели, отобрав у кызылбашей, под видом *тимаров* и *зи'аматов* на правах *икта'* ⁵²¹ благоустроенными деревнями и прекрасными селениями в вилайетах Азербайджана и Армении. И [можно сказать] без малейшего преувеличения, Хасан-бек был человеком состоятельным и правосудным, радел об интересах [своего] аширата. Он составил целую книгу, в которой пункт за пунктом приводил всякого рода услуги, благородство, доблесть и мужество, оказанные и проявленные во имя государей рода 'Усмана сынами аширата махмуди со времени [их] повиновения османскому двору до дня смерти. Каждый пример им приводился полностью и был заверен подписью и печатью *беглербегов*, *дафтардаров* и *кази* Вана и других курдских эмиров. Наконец, для наложения печати он представил ту книгу высокодостойным *сардарам*, потом отослал [ее] во дворец покойного государя султана Мурад-хана и украсил сиятельной монаршей монограммой. И всякий раз когда его одолевали какие-либо пожелания и нужды, он с упомянутой книгой отправлялся в славный августейший диван и говорил, что ему нужно. Неизменно на полях сражений и в меджлисах требование принималось во внимание, и у врагов не было сил, чтобы устоять перед ним.

Шир-бек б. Хасан-бек

Еще при жизни отца, который передал своему старшему сыну 'Иваз-беку *санджак* Маку, Шир-беку, второму сыну, был оставлен *санджак* Хошаб и должность эмира махмуди. /310/ Человек он благочестивый, нравом [напоминает] суфия, большую часть времени посвящает беседам с учеными и просвещенными или проводит в обществе суфийских шейхов. Он [357] совершил паломничество в Каабу и оказывает отшельникам, служителям господа и дервишам благодеяния и милости. Ашират и племена обретают в его деяниях удовлетворенность и утешение. Вот уже двенадцать лет как он управляет Хошабом и возглавляет эмиров, племена и знать махмуди.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Об эмирах [племени] думбули

Как явствует из чарующего сердце повествования достойных доверия рассказчиков, родословная эмиров [племени] думбули восходит к некоему арабу из Сирии по имени 'Иса. По одной версии, он происходил из Джезире-йи Умарийе, [затем] попал в Азербайджан, и [ныне] покойные государи пожаловали ему на правах *оджаклыка* округ Хойского Сокманабада. В течение долгого времени он проживал там, изо дня в день под его началом собирались ашираты и племена. Вначале эмиры и ашираты думбули следовали презренной езидской вере, [но] впоследствии их эмиры — те, что известны как потомки 'Иса-бека, и часть аширатов отказались от той ереси и обратились на путь людей сунны и общины. Остальные по-прежнему упорно держатся своих нечестивых убеждений.

Согласно другой, наиболее правдоподобной версии, ашираты думбули появились из вилайета Бохти, и среди курдов их называют “думбул-и бохт”. Во времена туркменских [государей] Ак-Койунлу один из потомков 'Иса-бека по имени Шайх Ахмад-бек добился высоких степеней. Крепость Бай и часть вилайета Хаккари после их завоевания была передана ему, и на протяжении долгого времени управление крепостью Бай было препоручено племени думбули. Когда умер Шайх Ах-мад-бек, /311/ после него осталось два сына по имени Шайх Ибрахим и Шайх Бахлул. Место отца на основании его завещания заступил Шайх Бахлул. В конце концов после непродолжительного правления он вознес знамя эмирата в потустороннем мире. После него осталось семь сыновей по имени

Джамшид [358] бек, Мухаммад-бек, Халик-вирди-бек, Хаджжи-бек, Ахмад-бек, Исма'ил-бек и Джа'фар-бек.

Хаджжи-бек б. Шайх Бахлул-бек

В служении порогу шаха Тахмасба соединял он преданность с чистосердечной привязанностью, и упомянутый государь со своей стороны оказывал ему покровительство. К Сокманабаду он присоединил область Хоя и пожаловал [Хаджжи-беку] в управление, поименовал его Хаджжи-султаном и препоручил его заботам охрану и защиту ванской границы и наблюдение за рубежами [страны].

Когда кочевники-курды, [эти] злонравные подобия дивов, ни во сне ни наяву не выдавшие [даже признаков] цивилизации, вступили в цитадель Хоя, каждый из них возомнил себя подобным Гударзу, Гиву и Саму, [сыну] Наримана. “Шах Тахмасб поставил нас против войска Рума”, — говорили они.

Рассказывает поэт — стихотворение:

Потерял [по пути] в Каабу курд осленка,
Побежал он в Каабу и принялся кричать и браниться:

“Какая долгая дорога в этой пустыне,
Что удивительного, что осел у меня потерялся?”

Только это сказал курд, смотрит —
позади него снова [стоит] осел, Увидел осла, засмеялся

И сказал: “Осел мой пропал,
А нашелся благодаря [моим] стенаниям”.

Если бы не оплакивал курд осла,
Так и пропал бы осел, а с ним и груз.

Словом, они обнаружили такое высокомерие и спесь, что больше того и представить невозможно. Так, известно, что несколько человек из знати зашли в лавку кондитера и съели много сладостей. Когда они собрались уходить, хозяин /312/ кондитер потребовал с них плату за сласти. [Тогда] они сказали: [359] “Нам государь пожаловал город вместе со сладостями”. В народе известна такая тюркская пословица: “Город наш — наша и халва”.

Еще о них рассказывают следующее. В один из пятничных дней группа мусульман думбули пришла в соборную мечеть Хоя послушать *хутбу*. Когда *хатиб*, следуя обычаю имамитов, упомянул имена двенадцати имамов, — да будет ими доволен Аллах! — они (курды) возмущенно стали переговариваться друг с другом: “Что это за *хатиб*? Имена Хаджжи-бека и его братьев не упомянул, а назвал имя Джа'фар-бека, который приходится [им] братом младшим. Если и потом *хатиб* не включит в *хутбу* имя Хаджжи-бека и его братьев, мы больше не присутствуем на пятничном намазе”. И о том народе рассказывают множество такого рода шуток, от приведения которых предпочтительнее воздержаться.

Словом, в течение своего непродолжительного правления в Хое Хаджжи-бек несколько раз, желая отомстить, выступал против аширата махмуди, с которым у [аширата думбули] была старинная вражда, но, как упоминалось выше, при [описании] обстоятельств племени махмуди, всякий раз возвращался ни с чем. В конце концов по наущению Хасан-бека и Хан Мухаммада махмуди эмир эмиров Вана Искандар-паша неожиданно напал на него в Хое. Хаджжи-бек вместе с многочисленным отрядом из племени думбули погиб, и после него остался единственный малолетний сын по имени Хаджжи-бек.

Ахмад-бек б. Бахлул-бек

Первое время округ Сокманабад диваном шаха Тахмасба был передан ему. После убийства Хаджжи-бека ашират думбули пребывал в нерешительности, к которой из сторон примкнуть, /313/ и держал то [сторону] румийцев, то [сторону] кызылбашей. Свернув с пути постоянства и верности, они действовали вопреки воле шаха Тахмасба. [Так продолжалось], пока не возвратился из похода на Нахчеван султан Сулайман-хан Гази. Всех трех братьев: Ахмад-бека, Исма'ил-бека и [360] Джа'фар-бека — в сопровождении группы кызылбашских эмиров шах Тахмасб отправил в Ардахан ⁵²² и тайно так договорился с эмирами: “В такой-то день вы перебьете эмиров и ашираты думбули, я же предам в жертву блестящему кинжалу их *курчиев*, что находятся при высоком дворе”.

В назначенный день кызылбашские эмиры убили в Ардахане всех трех братьев и четыреста удалцов из племени думбули. Шах Тахмасб же казнил около двадцати-тридцати *курчиев* из того племени. Мансур-бек б. Мухаммад-бек бежал из Ардахана, явился к порогу султана Гази и снискал государево благоволение и безграничные щедроты монарха.

Мансур-бек б. Мухаммад-бек б. Бахлул-бек

[В знак] беспредельного султанского благоволения ему были пожалованы на правах *санджака* области Котур-дараси ⁵²³ и Баргири. Под его знаменем собрались [все] избежавшие расправы из [племени] думбули. До конца дней своих он управлял теми районами и оставил после смерти двух сыновей по имени Вали-бек и Килидж-бек.

Вали-бек б. Мансур-бек

После кончины отца должность его была пожалована [Вали-беку]. И без преувеличения [можно сказать], это человек, превосходящий всех [своей] доблестью и мужеством и достойный высокого сана эмира и правителя. Ныне, в 1005 (1596-97) году, ему на правах *оджака* принадлежат округа Котур-дараси и Абгай ⁵²⁴. /314/ Его брату Килидж-беку во время завоевания Нахчевана на правах *санджака* была, пожалована область. Аваджик ⁵²⁵, и поныне он является полновластным ее владетелем.

Хаджжи-бек б. Хаджжа-бек

Ему было два месяца от рождения, когда убили его отца. Его назвали именем отца и в соответствии с обычаем курдов: шах Тахмасб определил ему из казны содержание. По [361] достижении им возраста зрелости и разумения [государь] включил его в ряды славных *курчиев*, а во время мятежа Султан Байзида пожаловал ему на правах эмирата округ Абага. Под его знаменем собралась часть племени думбули, и около двадцати лет вершил он дела правления. После смерти шаха Исма'ила второго во времена шаха Султан Мухаммада, когда *сардар* Мустафа-паша спустился вниз по берегу реки Канук ⁵²⁶, и Амир-хан неожиданно ночью обрушился на мусульманское войско, — в том сражении Хаджжи-бек вместе с несколькими кызылбашскими эмирами утонул в пучине смерти, [поглощенный] водами Куры.

И в настоящее время Сокманабад, двором султана — прибежища всепрощения — пожалованный Назар-беку и потомкам Хаджжи-бека во времена [их] повиновения султану, принадлежит потомкам Хаджжи-бека. И его старшего сына тоже звали Хаджжи-беком.

Султан 'Али-бек б. Джамшид-бек б. Бахлул-бек

Когда шах Тахмасб, утратив расположение к племени думбули, пожаловал приказ на истребление того народа, Султан 'Али-бек входил в число великих государевых *курчиев*. Ему было поручено получить поземельную подать с Исфахана. Когда из следуемых для сбора сумм он получал сто туманов, стало известно о казни [его] братьев, братьев [его] отца и [людей] племени думбули.

/315/ [Султан 'Али-бек] бежал в Ван, захватив с собой и сто туманов. Некоторое время он тайно проживал среди аширата думбули. Как только шах Тахмасб смилостивился над племенем думбули и положил его проступки в нишу забвения, Султан 'Али-бек направился к шахскому двору, захватив сумму в сто туманов. Он засвидетельствовал свою искреннюю преданность и верность, был отмечен государевыми милостями и монаршими щедротами и, как прежде, включен, в число великих *курчиев*.

Когда шаху Султан Мухаммаду стало известно о смерти Хаджи-бека, он передал пост эмира [племени] думбули **[362]** Султан 'Али-беку и пожаловал ему округ Сулейман-сарай ⁵²⁷ и половину округа Абакай, соединив их воедино. Спустя несколько лет, в продолжение которых он оставался эмиром, он проживал в Шаруре ⁵²⁸ в бедности, поскольку упомянутые округа в результате смут пришли в запустение и не приносили никакого дохода. Ежегодно из податных обложений Дерейе Алкис ⁵²⁹ и Шарура, относящихся к Нахчевану, он получал некоторую сумму, назначенную ему для проживания. Там [в Шаруре] в назначенный судьбою срок он отбыл в потусторонний мир, и после него осталось три сына: Назар-бек, Килидж-бек и Хусайн-бек.

Назар-бек б. Султан 'Али

После смерти отца диваном шаха Султан Мухаммада должность эмира [племени] думбули была передана ему. Когда Ереван перешел в завоевательную десницу руководителей державы рода 'Усмана и везир Синан-паша был назначен на охранение тех районов, Назар-бек с несколькими кызылбашскими эмирами из племен румлу ⁵³⁰, албаут ⁵³¹, чемишгезек и саадлу ⁵³², что издавна проживали в Чохур-Сааде, облачился в одеяние паломника к османскому небесноподобному двору. Благодаря посредничеству Синан-паши Джигалоглы **/316/** в Эрзеруме он удостоился служения *сардару* Фархад-паше. Как и прежде, [в знак] высокого государева расположения Назар-беку и его брату Килидж-беку были пожалованы области Чалдыран, Сулейман-сарай и Сокманабад.

Поскольку [уже] в продолжение некоторого времени [сначала] диваном шаха Тахмасба, а впоследствии на основании ярлыка покойного султана Сокманабад был присоединен к *санджаку* Баргири и пребывал во владетельной деснице Мансур-бека махмуди на правах *икта'-тамлики*, [он] не спешил передавать ту область Назар-беку. На основании всемилостивейшего указания султана *сардаром* Фархад-пашой была подписана новая грамота [на правление]. Тогда Назар-бек, изъявив покорность государеву порогу, договорившись с Силан-пашой относительно владения областью Сокманабада, **[363]** что с давних времен была наследственным *оджаком* племени думбули, имея на то исполненный категоричности августейший указ, решил силой завладеть Сокманабадом.

С обеих сторон поднялась смута и споры, и старинная вражда возобновилась. Дело дошло до применения меча и копья. Оба племени, собрав своих людей и сторонников, выстроили одно перед другим свои ряды. Назар-бек, его брат Хусайн-бек и восемьдесят человек из [племенной] знати думбули пали в той схватке во прах уничтожения.

Килидж-бек б. Султан 'Али-бек

После убийства своих братьев он с эмирами и людьми [племени] думбули прибыл в Эрзерум на службу к *сардару* Фархад-паше в надежде на глубокое и внимательное расследование [дела]. *Сардар* со своей стороны приказал явиться Мансур-беку и другим знатым [племени] махмуди, которые принимали участие в битве. Сочинитель [этих] строк тоже присутствовал на том собрании.

/317/ Когда приступили к внимательному расследованию, причиной смуты установили два друг другу противоречащих приказа, которые *сардар* передал просителю и истцу. Стихотворение:

Тот, кто покорен своей участи и довольствуется ею,
Будет до конца дней своих могуч и почитаем.

Тот же, кто следует лишь собственному желанию,
Кончит тем, что станет нищим.

В конце концов отмеченный справедливостью *сардар* наложил на свои уста печать молчания, облачился при вынесении правосудного решения в одеяния снисхождения и, следуя [половице]: “Сеййид судебных решений — мир”, избрал путь примирения. Когда в отношении обеих сторон намерения *сардара* выяснились, он постановил, чтобы Мансур-бек отказался от округа Сокманабад в пользу внука покойного Хаджжи-бека [по имени] Хаджжинбек. Область Чалдырана на правах [364] *санджаса* была пожалована Килидж-беку, дабы они прекратили споры и вражду. При всем своем недовольстве племя думбули было вынуждено пойти на это временное примирение и возвратилось обратно (**Три последующие главы в тексте опущены.**).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О правителях Калхора

Они составляют три ветви и свою родословную возводят к Гударзу, сыну Гива. Во времена кайанидских монархов Гив был правителем города Вавилона, который известен [под названием] Куфы. У него родился сын по имени Рухам, который по приказу кайанидского [государя] Бахмана повел войска на Иерусалим и Египет и учинил [там] многочисленные погромы и убийства. А детей Израиля погибло столько, что на их крови могла работать мельница. Историки назвали его Бахт ан-Насром. Позднее Бахт ан-Наср занял султанский трон, и с того времени управление той страной принадлежит их потомкам. Ашират их называют гуран.

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

О правителях Палангана

/318/ Из той династии, на основании устной традиции и преданий, известно четверо. Первый — Гайбаллах-бек был мужем весьма достойным, благочестивым и добродетельным. К крепостям и округам, которые принадлежали тому народу, относятся крепости Див-диз, Нав-диз, Дизман, Гувах-гуз, Мур, Галана, Ношур и Маравидиман ⁵³³. Первое время он был вассалом шаха Исма'ила.

После его смерти место отца заступил его сын Мухаммад б. Гайбаллах-бек. Наследственный вилайет был ему пожалован диваном шаха Тахмасба. И был он украшен совершенными познаниями и наделен качеством справедливости и [365] правосудия. Ученым и образованным оказывал он неустанное внимание и покровительство. В Палангане он построил медресе и соборную мечеть. Шах Тахмааб взял его дочь в жены, и

[таким образом] тот был отмечен знаком родства [с государем] Правил он независимо в течение нескольких лет, и было у него четыре сына: мир Искандар, мир Сулайман, Султан Музаффар и Джамшид-бек. [Еще] при жизни он разделил свой вилайет на четыре части и распределил между сыновьями. Эмира Искандара он поставил своим заместителем и наследником.

Эмир Искандар

После смерти отца он прибыл в Казвин на службу к шаху Тахмасбу и получил новую грамоту на управление. В царствование шаха Исма'ила он прибыл к нему на службу и удостоился многочисленных милостей и щедрот. Управление Паланганом, как и прежде, было передано ему, и он вернулся, достигнув желаемого. После двадцати лет правления жизнь его стала достоянием леопардов и львов смерти, и он вручил душу творцу. Стихотворение:

Не льсти себя надеждой, что эта грозная пучина
Забыла хоть кого-нибудь поглотить.

Правитель Динавера Сулаг-Хусайн такалу после смерти эмира Искандара пошел на крепость Паланган и, покорив ту неприступную твердыню, завоевание /319/ которой, казалось, выходило за пределы возможного, включил в свои владения. Его брат по имени Султан Хусайн убоился Сулага и отправился в Шахризур на службу к сыну Шамси-паши Махмуд-паше. После смерти шаха Исма'ила, когда дела кызылбашей пришли в расстройство, все головы стало обуревать тщеславие, а умы — честолюбие, правитель Хамадана Вали-хан такалу нанес поражение Сулаг-Хусайну, но войско Шахризура улучило момент и отобрало от племени текелу ⁵³⁴ крепость Паланган. Ныне никого из наследников власти не осталось, и Паланган диваном османской династии на правах *санджака* передан чужим. [366]

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах Дартанга, что вначале назывался вилайетом Хулван

Одним из правителей тех районов, как довелось слышать автору этих строк, был Сухраб-бек, человек храбрый, великодушный и безрассудный. Он владел следующими округами и крепостями: Пава ⁵³⁵, Баске ⁵³⁶, Алани, Кале-Занджир ⁵³⁷, Завансар ⁵³⁸, Дудман и Зарманики.

После его смерти место отца заступил его сын 'Умар-бек. Вначале это был человек бесстрашный, кровожадный и склонный к пьянству, но впоследствии на него снизошла божественная благодать, и он искренне раскаялся во всех своих прегрешениях. Когда же султан Гази Сулайман-хан покорил, обитель ислама — Багдад, ['Умар-бек] засвидетельствовал свою покорность. Ему было передано наследственное княжество, и снискал он беспредельное государево благоволение. Со времени своего вступления в ряды служителей высокого государева порога он твердо и неуклонно шествовал путем преданного и верного служения падишаху. Прожил он долго и в конце концов утонул в пучине смерти. Стихотворение:

Допустим, насчитываешь ты семь недель [существования]
/320/ Иль оставался здесь семь тысяч лет,

Раз телу нашему [все равно] суждено утонуть,
Какая разница, будет ли [это пребывание] кратким или долгим?

После его смерти за дело правления взялся его сын Кубад-бек. По своему мужеству и великодушию, красоте и достоинству он был корифеем [своей] эпохи и чудом [своего] времени. Владения его — наследственный домен и присоединенные районы включают территорию от пределов Динавера до обители ислама — Багдада. Он не имеет себе равного по численности своих стад и пастбищ, своим несметным богатствам и казне, по обилию друзей и сторонников. [367]

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

Об эмирах Махидашта

Хотя при написании этого несовершенного сочинения [при нас] не было человека, знающего их вилайет, на основании устной традиции известно, что их старинным *оджаком* являются Махидашт и Тилавар. Большую часть их аширатов и племен составляют *ахшамы*. и улусы. Первое время власть над ними принадлежала братьям Шахбазу и Мансуру на правах соучастия. В 1002 (1593-94) году брат, поименованный Мансуром, убил Шахбазу и стал главою всех *ахшамов*. И ныне ему принадлежит неограниченная власть над тем народом. У Шахбазу был сын по имени Алкас, который, одно время сильно враждовал со своим дядей. [Мансур] каждый год обязался доставлять в диван обители ислама — Багдад около сорока тысяч овец. Наместникам Османской династии и эмиру эмиров Багдада он являет совершенную покорность и повиновение. Это человек решительный и мужественный, превосходящий равных и подобных себе в тех границах несметными богатствами и казною.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Об эмирах Бане

Из восхищающих сердце рассказов достойных доверия авторов и поучительного повествования /321/ старинных исторических сочинений известно, что Бане — название вилайета, перенесенное и на эмиров здешнего аширата. Тот вилайет включает две крепости и один округ, а именно крепость Пируз⁵³⁹, округ Бане и крепость Шива⁵⁴⁰. Расположен он между вилайетами Арделан, Бабан и Мукри. Их эмиры имеют прозвище Ихтийар ад-Дин (*Избрание веры*), и названы они так потому, что по [368] собственному желанию отреклись от неверия и приняли мусульманство, не подчинившись, [однако], ни одному из мусульманских государей. [Истинное] знание у Аллаха!

Первого из их эмиров, который упоминается в устной традиции и преданиях, звали Мирза-бек б. эмир Мухаммад. Некоторое время он был правителем Бане. Он взял себе в жены дочь правителя Арделана Бига-бека. Он обнаружил полную независимость власти и под конец поссорился и стал враждовать с Султан 'Али-беком Ганлиджем из-за дочери Бига-бека. Султан 'Али-бек поставил на правление в Бане своего брата Катнамаш-бека и изгнал Мирза-бека из [той] области. Мирза-бек обратился за покровительством к Бига-беку и с помощью вышеупомянутого изгнал Катнамаш-бека из вилайета и утвердился на правление. Когда же в положенный природою срок он распростился с этим бренным миром, после него осталось пять сыновей: Буда-бек, Сулайман-бек, Гази-хан, эмир Мухаммад и Угурлу.

Буда-бек б. Мирза-бек

После смерти отца он взялся за дела правления. После нескольких лет его власти его братья эмир Мухаммад и Угурлу, которые появились на свет от другой матери, выступили против него и изгнали его из вилайета. Буда-бек обратился к покровительству /322/ шаха

Тахмасба, чтобы, получив от него помощь и поддержку, вернуться в [свои] наследственные владения. [Но скачущая] о двух конях губительница наслаждений [смерть] напала на него и в городе Казвине похитила ценности его души.

Сулайман-бек б. Мирза-Оек

После смерти его брата Будак-бека диваном шаха Тахмасба ему было пожаловано звание эмира Бане. Наместнику Мераги Йул-Кули-беку, сыну Айдин-ага зулкадра было поручено оказать Сулайман-беку содействие и утвердить в должности эмира Бане. Повинуясь приказу, Сулайман-бек с [369] помощью вышеупомянутого приступил к управлению Бане.

Около двадцати лет управлял он теми районами и, поскольку был человеком справедливым и благочестивым, сложным делам эмирата и запутанным вопросам власти выказывал пренебрежение. Дочь свою он отдал в жены своему племяннику Бадр-беку и добровольно отказался от власти в его пользу. Два раза он предпринимал паломничество к двум славным святыням — да возвеличит господь их уважение и почитание! В последний раз он поселился при пречистой могиле и лучезарной гробнице его святейшества благодетеля рода человеческого — да пребудет благословение Аллаха над ним и святым родом его! — и избрал местом обитания пресветлую Медину.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О курдских эмирах Ирана

[Часть] состоит из четырех параграфов

На скрижалях повествования историки начертали красноречивым, рассыпающим перлы пером [своим], что все курды Ирана делятся на три группы: сийах-мансур, чигини и зенгене. [Согласно тому] что известно на основе предания и что упоминается устной традицией, родоначальниками их были три брата, которые происходили из Луристана, а по другой версии — из [племени] гуран или Арделана. Ради служения государям Ирана оставили они свое отечество и родные места и удостоились скорого возвышения. Все три /323/ брата достигли степени эмира, и те люди, что собрались под их (В тексте “его”.) знаменами, стали называться по их имени.

Названия остальных курдских племен Ирана, которые состоят на службе при эмирах и султанах, таковы: лек ⁵⁴¹, зенд ⁵⁴², рузбахан, матилидж, хасри, шахразули, мазйар, гилани, аминлу, мамлуй, гедж ⁵⁴³, гурани, зикти, каладжир, пазуки, баби, чемишгезек, арабгирлу и другие. Из них [370] четыре племени: пазуки, чемишгезек, арабгирлу и баби с давних времен имеют в своей среде эмиров и благороднорожденных (Букв, “сыновей эмиров”), которые правят согласно праву наследования. Остальные двадцать четыре курдских рода проживают в Арранском Карабаге и известны под общим названием игирми-дорт ⁵⁴⁴. Во времена шаха Тахмасба среди того народа должность эмира была препоручена некоему Ахмед-беку Пуртал-оглы, дабы в пути и дома, в мирное время и во время военных действий он имел при себе около тридцати тысяч всадников ⁵⁴⁵.

В Хорасане есть еще курдское племя, которое называют гил ⁵⁴⁶. В правление шаха Тахмасба управление им было поручено некоему Шамсаддин-беку. В Иране множество и неизвестных курдских племен, перечисление которых заняло бы много времени, а потому мы от него воздержались. Хвала, господу, которому мы поклоняемся!

ПАРАГРАФ ПЕРВЫЙ

В 960 (1552-53) году шах Тахмасб, оказывая особое внимание одному из сыновей эмиров этого племени — некоему Халил-беку, поименовал его Халил-ханом, даровал ему титул эмира эмиров над всеми курдами в Иране и поставил его главою двадцати четырех курдских племен, за исключением аширата сийах-мансур и тех курдов, /324/ которые имели своего эмира. [Шах Тахмасб] пожаловал ему область Султанийе, Зенджан ⁵⁴⁷, Абхар ⁵⁴⁸, Зарин-камар и несколько других округов, расположенных между Азербайджаном и Ираком, и повелел собрать под своим знаменем около трех тысяч курдских конников, поселиться между Казвином и Тебризом и заняться охраной путей и границ.

Так прошло два-три года, и вокруг себя он собрал многочисленное полчище дьяволоподобных курдов. [Однако] Халил-бек не только оказался не в состоянии руководить ими, [371] но и допустил действия, идущие против воли государя. Из-за недостойного поведения курдов [пути] для проезжих и купцов оказались закрытыми, их сборища послужили причиной рассеивания [местного] населения. Это вызвало недовольство шаха Тахмасба, он пожаловал Халил-хану район Хар ⁵⁴⁹ в Ираке и послал на границу Хорасана, с тем чтобы он там находился.

Когда могущество его сменилось падением и все курдские племена, что собрались под его знаменами, оставили его (Букв, “разбрелись и рассеялись”), [Халил-хан] направился в ашират сийах-мансур и до конца дней своих оставался в пределах Хорасана, занимаясь управлением. После его смерти по приказу шаха Султан Мухаммада за дело отца взялся его младший сын по имени Даулат-Йар и стал именоваться Даулат-Йар-ханом.

В это время вилайет Азербайджана перешел во владетельную десницу наместников Османской династии, и [они] поставили Даулат-Йар-хана на охрану рубежей и границ Азербайджана. Округа Карасф ⁵⁵⁰, Зарин-камар, Соджас ⁵⁵¹, Зенджан, Сурлук ⁵⁵², Кейдар ⁵⁵³, Шабистан, Ангуран ⁵⁵⁴, /325/ Верхняя и Нижняя Канчуке, которые из-за смут и волнений под копытами коней кызылбашского войска пришли в запустение,— все были пожалованы ему диваном шаха Султан Мухаммада, дабы упомянутым районам возвратил он благоустроенность и процветание.

[Даулат-Йар-хан] туда направился, сделал округ Карасф своей резиденцией, основал могучую крепость и цитадель. Подстрекаемый дьяволом честолюбия, убрал он голову из ошейника повиновения шаху, и Султан Мухаммад решил наказать его. Даулат-Йар-хан, узнав о такого рода намерении [государя], продолжал упорствовать в неповиновении и непослушании и основал большую крепость в районе Ангурана к Шабистана. Шах Мухаммад поручил разгром Даулат-Йара и его поимку сыну Вали Халифы Муршид-Кули-хану шамлу с [отрядом] примерно в шесть тысяч всадников, которых он послал на [Даулат-Йара]. По своем прибытии в те районы [372] без промедления Муршид-Кули-хан начал осаду крепости, Даулат-Йар же с группой прославленных храбрецов засел внутри крепости.

Протянув руку из рукава решимости, Даулат-Йар под покровом ночи неожиданно напал на [Муршид-Кули-хана] и сражался столь доблестно, наступал так неустрашимо, что тот в конце концов не устоял и пустился в бегство. Даулат-Йар, отправился за ним в погоню, и много их людей стали добычею блестящего меча. Их шатры и палатки, имущество и оружие — все было разграблено.

Рассказывают, во время той шумной схватки престарелая мать Даулат-Йара вскочила на неоседланного коня и с криком: “А ну, к литаврам! А ну, к литаврам!”, то есть первым делом берите их литавры, бросилась за беглецами.

В общем, в крепость доставили знамена и литавры семи *мирлива*. Тот отряд уже /326/ не дерзнул возвратиться в Иран; опасаясь шаха 'Аббаса, они были вынуждены бежать в Гилян к здешнему правителю Хан Ахмаду. Хан Ахмад оказал им покровительство. Но несколько дней спустя тех людей потребовали у Хан Ахмада и казнили в Казеине вместе с несколькими преступниками.

После таких побед Даулат-Йар-хан обнаружил крайнюю самонадеянность и высокомерие. [Побуждаемый] честолюбивыми мечтаниями и дьявольскими соблазнами, он прикрепил к челу наглости повязку мятежа и вступил на территорию Ирака, намереваясь завладеть Султанией и Абхаром (Букв, “отобрать Султанией и Абхар под свое усмотрение”). Уведомленный об этом, шах 'Аббас немедленно послал на Даулат-Йара племя шамлу под предводительством внука Агзивар-хана — Махди-Кули-султана. Пришел конец его счастью (Букв, “оттого, что мир стал несчастным для него”). Растеряв свои улусы и *ахшамы*, [Даулат-Йар] со считанной горсткой людей засел в недостроенной крепости, у которой не было [еще] стальных зубцов и башен. Племя шамлу приступило к осаде и известило [о том] шаха 'Аббаса, и шах 'Аббас на крыльях поспешания устремился туда. Даулат-Йара [373] прибытие шахского кортежа привело в смятение. Он встретил [государя] с изъявлениями покорности и смиренно повергся во прах унижения ради счастья облобызать [монарший] порог. На основании государева фирмана [Даулат-Йар] и около трехсот представителей его знати были закованы в цепи, семья и состояние его — [все] было похищено и разграблено. Несколько дней спустя Даулат-Йар был повешен: и отбыл из этого брэнного обиталища в мир радости.

ПАРАГРАФ ВТОРОЙ

Об эмирах [племени] чигини

Это племя выделяется среди других курдов Ирана храбростью, мужеством и отвагой. /327/ Сколь из их эмиров и из рода эмиров не осталось ни одного способного управлять этим народом, они разбрелись по районам Ирака и Азербайджана, протянув к чужим имуществам руку захвата и перерезав пути и дороги. Доведенные до крайности их проделками и вероломством, ко двору шаха Тахмасба со всех сторон богом хранимой державы прибыли купцы и торговцы по обычаю учинения иска и пожаловались на притеснения. После расследования и дознания, подтвердивших достоверность [допущенных] бесчинств и жестокостей, шах Тахмасб повелел “отовсюду, где будет замечен со стороны племени чигини разбой и убийство, насильно изгонять их из богом хранимых государевых владений — пусть они убираются куда хотят. Если же они станут упорствовать, пусть их убивают всюду, где увидят, грабят и забирают их имущества”. На основании этого около пятисот человек из знати [чигини] приняли решение уехать в Индию и направились в Хорасан.

Тем временем правитель Герата Казак-хан, рискуя вызвать гнев шаха Тахмасба, пригласил к себе на службу упомянутое племя и явил подобающее старание и твердость в оказании тому сборищу покровительства.

Поскольку дело, [начатое] Казак-ханом, рукою Ма'сум-бека Сафави было пресечено, [люди] племени чигини отправились в [374] Гарджистан ⁵⁵⁵ и [там] собрались. Когда до высокого шахского слуха дошли [вести] об истинном положении их дел и всеми стали повторяться рассказы о проявляемой ими храбрости и отваге, [государь] вознес до высокой степени эмира и отправил в то племя одного из отпрысков их эмирского [рода] по имени Будаг-бек, который находился в рядах великих *курчи*. /328/ Он пожаловал им одну из областей Хорасана, и [с каждым] днем положение их все улучшалось.

В 1001 (1592-93) году, когда сын 'Абдаллах-хана узбека 'Абдалму'мин-хан с несметным войском [численностью] около тридцати тысяч напал на Будаг-хана с намерением завоевать крепость Кучан ⁵⁵⁶ и осадил его, шах 'Аббас выступил ему на помощь, и 'Абдалму'мин-хан прекратил осаду. Упомянутый государь отличил и возвысил Будаг-бека монаршими милостями, пожаловав пятерым его сыновьям звание эмира. Управление и власть в тех районах он передал ему на правах эмира эмиров, и [Будаг-бек] возвратился в Ирак. И ныне он входит в число величайших эмиров [шаха] 'Аббаса.

ПАРАГРАФ ТРЕТИЙ

Об эмирах [племени] зенгене

Это племя во времена покойного шаха Исма'ила также достигало высоких степеней и было предметом зависти равных. Когда у них не осталось ни одного эмира, группа за группой они перешли в услужение к кызылбашским эмирам и нанялись на службу в Ираке и Хорасане. Некоторые были приняты в ряды великих *курчиев*.

ПАРАГРАФ ЧЕТВЕРТЫЙ

Об эмирах [племени] пазуки

Согласно рассказам знаменитых и по единодушному мнению осведомленных, эмиры пазуки происходят из аширата сувайди, другие старинные авторы причисляют их к курдам [375] Ирана. Так или иначе, во времена туркменских и кызылбашских государей они правили в Кайфи ⁵⁵⁷, Арджише, Адилджевазе и Алашкерте. Большинство аширатов пазуки владеют скотом, но установленную религию не исповедуют и в делах одобряемых и в отвергании запретного чрезмерного усердия не проявляют. Их эмиры составляют две ветви: Халидбеклу и Шукр-беклу. Первым из их /329/ правителей известен Хусайн 'Али-бек. У “его было два сына Шахсуар-бек и Шукр-бек.

Шахсуар-бек б. Хусайн 'Али-бек

После падения династии Ак-Койунлу он избрал служение правителю Бидлиса эмиру Шар.афу, его сын же Халид-бек поступил на службу к шаху Исма'илу Сафави. В одном из сражений проявил он такое мужество и превосходство, что потерял руку (*Букв, “рука его отделилась от суставов”*). Шах Исма'ил [повелел] сделать ему руку из золота и приставил на место [настоящей] руки, назвав его Чулак Халидом (“*Одноруким Халидом*”). И с того дня государь стал оказывать ему свое покровительство. Помимо всего он пожаловал Халид-беку и его братьям в управление области Хнуса, Мелазгерда и округ Мушского Авхакана ⁵⁵⁸.

И [можно сказать] без подобия преувеличения, что Халид-бек был человеком дерзким и мстительным. От чрезмерной самонадеянности он допустил [действия], с его положением несовместимые, и однажды убил девять курдских и туркменских эмиров, которые прибыли к нему. Претендуя на султанский титул, он установил [чтение] *хутбы* на свое имя и стал чеканить свою монету. В конце концов он изменил кызылбашам и явил покорность порогу султана Салим-хана. Но там он тоже сошел с пути учтивости и во время возвращения после победы под Чалдыраном был казнен на основании непререкаемого, как судьба, фирмана.

После него осталось два сына: Увайс-бек и Валад-бек — и три брата: Рустам-бек, Кубад-бек и Мухаммад-бек. Округ [376] Мушского Авхакана на правах эмирата принадлежал Рустам-беку, и [он] вместе с группой людей [племени] лазуки погиб в битве с правителем

Бидлиса эмиром Шарафом и аширатом рузаки при Авхакане, что будет подробно /330/ описано ниже в разделе, посвященном эмиру Шарафу. После его брата по имени Кубад-бек детей мужского пола не осталось. У [другого] его брата Мухаммада был один сын по имени Аслан-бек, во времена шаха Тахмасба [он] был принят в ряды великих *кур-чиев*.

Увайс-бек б. Халид-бек

После убийства его отца он оставил Рум (Букв, “*повернулся к вилайету Рума спиной*”). и прибыл на службу к шаху Тахмасбу. Шах Тахмасб пожаловал ему эмират Адилжеваза. Когда таким образом прошло три года, на него напал правитель Тебриза Муса-султан, побуждаемый ссорой, которую тот с ним затеял. [Увайс-бек] бежал в Рум и поселился в Кайфи. Когда это известие достигло славного, слуха султана Сулайман-хана, вышел непререкаемый, как судьба, фирман [на имя] Дарзи-Давуда убить его вместе с сыновьями и людьми его свиты, а головы их отослать к порогу прибежища счастья. Следуя приказу, Дарзи-Давуд убил в Кайфи Увайс-бека вместе с его братом Валад-беком и сыновьями Халид-беком и Алванд-беком. [В живых] остались два его малолетних сына: Килидж-бек и Зулфикар, которые прибегли к защите правителя Атака Ахмад-бека зраки. Ахмад-бек укрыл их под сенью своего покровительства, доложил об их положении у высокого порога средоточия царства и определил им содержание. По достижении совершеннолетия и рассудительности они бежали вместе с близкими и родственниками на службу к шаху Тахмасбу.

Килидж-бек б. Увайс-бек

Когда он прибыл [ко двору] шаха Тахмасба, ему был дарован район Загам ⁵⁵⁹, относящийся к Арранской Гандже, и [377] звание эмира [племени] пазуки. После девяти лет правления /331/ он умер во время возвращения шахского знамени из похода на Грузию, и после него остался малолетний сын по имени Увайс-бек.

Зулфикар б. Увайс-бек

Ему после смерти его брата было передано звание эмира [племени] пазуки, и шах Тахмасб возымел к нему благосклонность и расположение. Но жизнь его оказалась краткою, как цветение розы и тюльпана, и вскоре ураган смерти осыпал листья с дерева его жизни во прах неудачи. Стихотворение:

Лучше, когда желание исполняется поздно,
Ибо его исполнение означает, что жизнь подошла к концу.

Рубин не быстро образуется, но живет долго,
Тюльпан расцветает быстро и быстро увядает.

Поскольку у него не было детей мужского пола, должность эмира пазуки была передана его племяннику Увайс-беку, а Иадгар-бек был поставлен его опекуном. Но мать Увайс-бека, опасаясь, как бы Иадгар-бек не покусился на жизнь ее сына, покинула эмират и вместе со своим сыном прибыла в Казвин ко двору Тахмасба.

Иадгар-бек б. Мансур б. Зайнал б. Шукр б. Хусайн 'Али-бек

Когда мать Увайс-бека увезла своего сына из эмирата Пазуки, те районы вместе с областью Алашкерта были пожалованы Иадгар-беку на основании государева указа и с одобрения [племенной] знати. Как человек по природе благочестивый, с нравом каландара ⁵⁶⁰, большую часть времени проводил он в обществе людей набожных и свободных от

[мирских] уз. Но делам шариата он не уделял большого внимания и по этой причине стал отверженным в глазах прозорливых. [378]

И поистине был он мужем храбрым и мужественным, во времена его ашират пазуки стал богатым и состоятельным, и при /332/ нем собралось около двух тысяч семей из курдских племен. Села и деревни Алашкерта он заселил и благоустроил, и все возжелали примкнуть к [племени] пазуки. Когда миновало пятнадцать лет его правления, он отбыл в мир иной.

Нийаз-бек б. Йадгар-бек

После смерти отца на основании указа шаха Тахмасба ему была дарована должность эмира [племени] пазуки и Алашкерта. В отступлении от [истинной веры] он следовал обычаю отца и даже во много раз превзошел его. Воспользовавшись клеветой и наговорами, эмиры и правители пограничных с Румом [областей] отправили шаху Тахмасбу послание, в котором намекали, что если образ действий и поведения кызылбашей таков, как у племен пазуки, хнуслу, чемишгезек и других, то не подобает их именовать мусульманами.

Шах Тахмасб сместил Максуд-бека хнуслу и остальных эмиров тех пределов и, перебив целую группу (людей племени) хнуслу, заточил Максуд-бека в крепости Аламут. Нийаз-бека он [тоже] сместил с поста эмира и пожаловал звание эмира Увайс-беку по прозванию Килидж-бек.

И до конца дней шаха Тахмасба Нийаз-бек оставался в опале (Букв, “смещенным”). После смерти шаха Тахмасба шах Султан Мухаммад разделил [племя] пазуки на две части: тех, что составляли [ветвь] шукрбеки, он передал Нийаз-беку, все остальные же перешли к Килидж-беку. Нийаз-бек подчинился Амир-хану. Те, что относились к [ветви] халидбеки, собрались при Килидж-беке и признали власть Тукмака. Район Алашкерта был разделен на две части.

Нийаз-бек засвидетельствовал в тех пределах мужество и храбрость, и, наконец, во время похода Амир-хана на войну с Лале-пашой и разгрома войска Амир-хана в Ширване на берегу реки Канук /333/ он был поглощен морем небытия в водах Куры. [379]

Увайс-бек, известный [под именем] Килидж-бека

Выше упоминалось, что мать Увайс-бека, отстранив [сына] от власти, увезла его в Казвин, опасаясь, что Иадгар-бек алкая эмирского титула, посягнет на его жизнь. Около двадцати лет шах Тахмасб держал его в рядах великих *курчиев*. Вырос [Увайс-бек] в Казвине. Все силы и старания свои он положил на обретение талантов, познание языков, овладение искусством речи и [тем] возвысился среди равных. Когда Нийаз-бек по причине своего недостойного [поведения] был смещен с должности эмира, эмират Пазуки и район Алашкерта были пожалованы [Увайс-беку]. В продолжение нескольких лет он, как и подобает, исполнял возложенную на него обязанность по управлению, защите и охране Пазуки, устранил ересь и вероотступничество, утвердившиеся было среди того народа, и возродил (Букв, “обнаружил”) обычай ислама. В меру сил своих явил он большое старание в распространении славного шариата и возвеличении пречистой веры.

После шаха Тахмасба, когда союз и согласие меж государями [Ирана и Турции] были нарушены, первым пострадал [от этого] Алашкерт, который уподобился опустошенным Содому и Ирему ⁵⁶¹. Здешние племена и улусы разбрелись по сторонам, как разбегаются при виде льва испуганные ослы, и со всею очевидностью обнаружили признаки запустения.

По замыслу Амир-хана эмират Пазуки был разделен на две части. Килидж-беку было определено содержание с окрестностей Нахчевана. Вместе с Тукмак-ханом проживал он в Чохур-Сааде и явил там всевозможные угодные богу деяния.

В 993 (1585) году 'Усман-паша отправился на завоевание Тебриза. В день, когда обошедшие (Букв, “обежавшие”.) [весь] мир войска ислама /334/ опустили [стяги] великолепия у истоков мужества, Тукмак-хан, 'Али-Кули-хан Файдж-оглы, Исми-хан шамлу и другие [представители] кызылбашской знати в местечке под [380] названием Абана ⁵⁶² неожиданно встретились с Синан-пашой Джигал-оглы, который возглавлял передовые части, и авангард победоносных войск. Бурные волны океана смерти повсюду достигали [созвездия] Капеллы.

В тех сражениях пучина бедствий поглотила Килидж-бека. Сын Шах Кули блилан-панйаниши — Кучи-бек отрубил ему голову, которую преподнес 'Усман-паше, и был вознесен монаршими милостями. После него остался один сын по имени Имам-Кули-бек. Сначала [Имам-Кули-бек] находился на службе у кызылбашских эмиров, а именно у правителя Арде-биля ⁵⁶³ Зулфикар-хана Караманлуи, позднее шах 'Аббас возвысил его до степени *курчия*.

Часть их [племени] вместе с эмирами думбули с покорностью прибыла из Нахчевана к государеву порогу, и эмират того племени вместе с одним из районов Алашкерта *сардаром* Фархад-пашой был передан некоему Ибрахим-беку Укчи-оглы. Два года спустя [тот] был смещен.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

О правителях Бидлиса, что являются предками автора этих строк

[Раздел] состоит из введения, четырех частей и послесловия

ВВЕДЕНИЕ

Описание города и крепости Бидлис — кто их основатель и причина построения

Стихотворение:

О слово! Поведай, какова твоя сущность и свойства,
Кто тот испытатель (Букв, “химик”.), который определил твою пробу?

Благодаря тебе создали столько образов,
А о тебе доньше не написали ни буквы.

Если ты сжигаешь дома, [то] где твое жилище?
Если ты странник (Букв, “вошло через дверь”), где твоя родина?

Ты рождено нами, а нет тебя с нами,
Ты показываешь нам свои рисунки (Букв, “узоры”), а само не являешься.

Не знаю, при такой красоте какая ты птица,
/335/ Единственное, что остается памятью о нас, — это ты.

Да не останется за завесой умолчания и утаивания пред мироукрашающим помыслом градостроителей и пред блестящим, разрешающим [любые] трудности, гением основателей крепостей и укреплений, что поскольку познание удивительных обстоятельств, [имевших место] в обитаемой части мира, [382] и выявление диковинных великих событий, [происшедших] с родом человеческим, которые в основном известны по научным сводам о

жизни и деятельности обладателей известий и сообщений, не всем легко доступно, то по ознакомлении с общераспространенными сочинениями выясняется, что Бидлис принадлежит к [городам], основанным Искандаром Румийским (Македонским).

В некоторых турецких и персидских рукописях [название] того места еще писали через “т”, но [такое написание] неправильно, ибо, по словам обладателей известий и согласнораспространенному преданию, Бидлис — имя одного из рабов. Искандара, который был основателем крепости и города. Между прочим, составитель словаря *Камус* упоминает, что бидлисом называют любое место с хорошим климатом.

Некоторые относят город Бидлис к Азербайджану, другие считают, что он принадлежит Армении, но, по единодушному мнению великих мира, он входит в четвертый климат. В заключение можно коротко отметить, что рассказчики известий и хранители преданий начертали красноречивым пером [своим], что, когда отбыл Искандар из Вавилона и Ирака Арабского в Рум, путь его лежал берегом реки Шатт ал-Араб. По совету ученых решил он исследовать все воды, которые впадают в реку с обеих сторон, и определить, которая из них превосходит другие по своей легкости, вкусовым качествам, удобоваримости и целебным свойствам.

Следуя этим путем, они доходят до места впадения реки. Бидлис-[чай], и, когда проверяют [здешнюю воду] на вес, она, оказывается самой легкой. /336/ Зачерпнув ладонью, они пробуют [ее] и находят более вкусной. Таким образом, он следует дальше берегом реки, который представляет собою большую дорогу, пока не достигает места слияния рек Кезер ⁵⁶⁴ и Рабат. Когда сравнили обе воды, вода из реки Кезер им понравилась, больше, чем вода из реки Рабат. Поэтому они направляются: берегом реки Кезер и идут вверх до источника, откуда река; Кез'ер берет свое начало. Стихотворение:

Чистая, как сердца отшельников,
Сияющая, как очи целомудренных, [383]

Дно ее достигло быка и рыбы (По представлениям того времени, на них держалась земля.),
Подобно зрачку явилась она из мрака,

У зеленой травы, которая растет в ней,
Вместо листьев показались глазки (?),

От несправедливостей таммуза (Седьмой месяц солнечного года.) и зноя его
Ее укрыли холода дея (Десятый месяц солнечного года.),

Такая холодная, что из страха замерзнуть
[Даже] тень не решается погрузиться в нее.

Если окунется в нее эфиоп,
Чтобы смыть в ней пыль с ланит,

Кожа настолько очистится от пыли [и] черноты,
Что можно будет видеть на ней отражение сокрытого в глубине.

Те горы и источники, зелень и холмистая местность кажутся Искандару в высшей степени привлекательными и живописными; он созерцает место, какого за многие века не видел мир, и даже ухо времени не слышало, чтобы говорили о подобной красе. Всюду там поднялась молодая зелень, лужайки украшены всевозможными пахучими травами и цветами, холмы, подобно Хизру, одеты в зеленый наряд, и у деревьев. на плечах разноцветные одеяния. Стихотворение:

Воздух там от души заимствовал свою умеренность,
Зачерпнув росу в источнике жизни.

Земли там омыты водою облаков,
И на них выросли всевозможные цветы,

/337/ Поверхность их скрыта под покровом цветов —
Все розы и тюльпаны вперемежку,

Цветы там нежны подобно розовошеким, вскормленным негою,
А мелодии соловьев — все напевы любви. [384]

Трава там доходит до пояса,
И деревья разбили [свои] шатры над ней.

Если птица [села] бы там отдохнуть на ветке,
Тень ее взмахнула бы крыльями и улетела.

Словом, климат той страны пришелся по нраву Искандару, и он остановился на несколько дней у упомянутого источника. Расстелив ковер веселия и наслаждения, он осушал хрустальные кубки из рук сереброногих кравчих, с челом, подобным цветку, и голоса радости и увеселения и песни ликования и торжества достигли края небесного купола.

По-видимому, у него был небольшой недуг, распространенный среди простого народа и часто упоминаемый — на голове наподобие бычьего рога появился костный [нарост]. Сколько опытные врачеватели и искусные лекари ни прикладывали похвального усердия и огромных стараний для его удаления, это ни к чему не привело. За несколько дней, проведенных Искандером у того источника, он совершенно избавился от того недуга и выздоровел. И ныне возле упомянутого источника есть место, которое называют ключом Искандара, под тем [названием] он известен в народе.

Прекрасные качества здешнего климата наводят Искандара на мысль основать [там] город с крепостью, о котором бы говорили из века в век и из поколения в поколение. Он приказывает своему рабу по имени Бидлис основать здесь крепость и город [со словами]: “В отношении его мощности и неприступности следует так постараться, чтобы [в случае], если равный мне государь вознамерится завоевать его, аркан его устремлений не достиг и зубцов замка”.

/338/ Следуя непререкаемому, как судьба, указанию, Бидлис приступает к строительству крепости и сооружению укрепления в двух фарсах от источника, между реками Кезер и Рабат, в том месте, где ныне находится крепость Бидлиса, закладывает основание и за короткое время доводит работу до конца. Когда Искандар, возвращаясь из похода в Иран, прибыл туда, Бидлис закрыл ворота крепости и приготовился к бою и сражению, убрав голову из ошейника повиновения и [385] послушания. Сколько ни направлял к нему Искандар послов и посланий, как ни обременял уши его жемчужинами увещаний и драгоценными камнями советов, это не привело ни к чему — тот по-прежнему бил кольцом в дверь мятежа и бунтарства. Искандар не стал осаждать крепость и, проявляя снисходительность и милость, продолжал путь. Когда было пройдено расстояние до первой стоянки, Бидлис, возложив на шею меч и саван, с ключами от крепости направился к искандарову порогу и разверз уста покорности и смирения, кротости и оправдания в таких выражениях:

“Повелитель мира! Ослушание и неповиновение раба [твоего] произошло в соответствии с высоким государевым указанием, ибо, поручая мне, ничтожнейшему, строительство крепости и цитадели, они изволили рассыпать жемчужины таких словес: “В отношении ее мощности и неприступности следует так постараться, чтобы и для равного мне государя подчинение ее при всех стараниях и усердии оказалось невозможным. Более того, чтобы аркан завоевания хаканов, трон которых возвышается до небес, и султанов, способных

покорить мир, не достиг и зубцов крепостных [стен], а птица мысли прозорливых гениев с чистыми помыслами на легких крыльях воображения не смогла облететь и порога его основания”. [Лишь] на основании такого непререкаемого указания /339/ осмелился я на подобную дерзость и выгнал скакуна проступка на ристалище неповиновения. Теперь почту заслуженным любое наказание, которое одобрит государь — прибежище мира”.

Искандеру понравились слова Бидлиса, и он назвал город и крепость его именем. Он пожаловал ему в наследственное пользование управление и владение теми районами и вознес до апогея солнца венц его власти и достоинства.

По форме крепость Бидлиса в целом напоминала треугольник, поэтому она никогда не бывала свободна от волнений и смут (Смысл предложения остается не совсем ясным.). Известно от достойных доверия авторов, что в давние времена в крепости появилось много змей. Из-за большого количества пресмыкающихся жизнь обитателей тех мест стала [386] невыносимой. В конце концов мудрецы поставили во дворе крепости талисман, чтобы змей стало меньше и они не беспокоили людей. И ныне можно видеть высеченную на камне стены фигуру человека, который держит в руках змею. [Это изображение] известно как Дворцовый талисман.

Место, [где расположен] Бидлис, представляет собой ущелье между Азербайджаном и Диарбекиром, [Дийяр]-Рабиа и Арменией, так что если паломники из Туркестана и Индии направятся на поклонение двум славным святыням (Мекке и Медине) — да приумножит всевышний их почитание и возвеличение! — если путешественники из Джидды и Зангибара, купцы Северного Китая и Хотана, России, славянских стран и Болгарии, торговцы арабские и персидские и странники с большей части света отправятся в путь, они непременно впоследствии пройдут через Бидлиссский туннель ⁵⁶⁵. Этот туннель расположен [на расстоянии] одного фарсаха к югу от Бидлиса. В действительности вода, появляясь из земли, с течением времени застывала, и постепенно /340/ образовалась такая стена, что путники с трудом там проходили.

Добродетельная хатун (Букв, “госпожа” — законная жена правителя.), жившая в те времена, построила в самом Бидлисе мечеть и большой одноарочный мост, которые известны как мост и мечеть Хатун. Ту застывшую [массу] прорыли, и теперь там без затруднений совершают свой путь караваны и люди. Это каменистое место считается священным и посещается избранниками господними. Туда приходят выдающиеся люди из шейхов и служителей божьих.

Вакиди ⁵⁶⁶ приводит со слов Науфала, сына 'Абдаллаха, что во времена халифа 'Умара — да будет им доволен Аллах! — в 27 (648) году 'Айаз б. Ганам ⁵⁶⁷ был назначен на завоевание Диарбекира и Армении. Правителем Ахлата был тогда один неверный по имени Юстинус, правителем Бидлиса — Сарванд, сын Юнуса Католикоса, владельцем Муша и Сасуна — неверный по имени Санасар. Главою и предводителем их был правитель Ахлата Юстинус. Он назначил свою дочь по имени Тарун наследницей. [387]

В *Китаб-и футух ал-булдан* ⁵⁶⁸ упоминается, что у отца было намерение отдать свою дочь в жены двоюродному брату Бугузу, сыну бидлисского правителя Сарванда. [Но] дочь питала сильную любовь к Мушу, сыну Санасара — юноше, украшенному прекрасной внешностью и наряженному в убранство нежности и доброты. В то время когда правители неверных послали своих сыновей на помощь правителю Амида Мириму б. Дарабу, Тарун была направлена в поход вместо отца. Случайно встретившись с Мушем, она выпустила из своей владетельной десницы поводья самообладания, бежала к 'Айазу б. Гаиаму и удостоилась чести вступления в мусульманскую веру. Тарун соединили /341/ с Мушем

узами брака. Позднее Тарун, договорившись предварительно с приближенными 'Айаза, бежала к отцу, [которому сказала]: “Муш силой заставил меня принять мусульманство. [Теперь] я снова вернулась к своей вере”. Улучив момент, она убила отца и без боя сдала Ахлат мусульманским войскам.

Правитель Бидлиса Сарванд через Юканну обязался [представить] сто тысяч динаров, тысячу тюков тканей и европейской парчи, пятьсот арабских коней и сто коней местной породы и заключил с 'Айазом мир.

Большинство населения города [Бидлиса] составляют армяне. Местные мусульмане следуют учению его преосвященства имама Шафи'и — да будет доволен им Аллах! — за исключением немногих, которые исповедуют религиозное учение величайшего имама Абу Ханифы — их отцы и деды во времена владычества турок последовали примеру того народа. Жители округа в основном шафииты. Все они любят благочестивые деяния и молитвы, и в целом это люди храбрые, великодушные, щедрые, приветливые с иноземцами и гостеприимные.

В любой мусульманской деревне, где есть два-три дома, построена мечеть, содержат имама и муэззина и совершают сообща намаз. При выполнении божественных предписаний и религиозного закона они постоянно следуют уложениям ислама, и неизменно из того замечательного города выходят люди выдающиеся и талантливые. Из Бидлиса — Мавлана 'Абдаррахим Бидлиси — величайший ученый, образец просвещенных [388] эдира, вместилище духовных совершенств, который, будучи ученым мужем, составил исполненный изысканности и изящества комментарий на *Шатала'* ⁵⁶⁹. Его сочинения по логике и риторике пользуются известностью среди прославленных ученых.

[Из Бидлиса] — Мавлана Мухаммад Баркала'и, который по знанию *фикха* и *хадисов* возглавляет ученых и просвещенных и [является] кумиром законоведов. В области грамматики он написал комментарий на [сочинения] Хабиси л Хинди /342/ с посвящением правителю Бидлиса эмиру Шарафу. Он являет собой пример для вельмож и простого народа.

Из Бидлиса — его преосвященство шейх 'Аммар-и Иасир ⁵⁷⁰, полнок искателей истины, доказательство [самых] тщательных исследователей, хранитель установлений закона божьего, образец для следующих по пути совершенствования. Он является, послушником шейха Абу Наджибаддина Сухраварди ⁵⁷¹, и наставником шейха Наджмаддина ⁵⁷² Кубра — да освятит всевышний их души!

Обладатель совершенств, вместилище глубочайшей премудрости Мавлана Хусаматдин Бидлиси ⁵⁷³ тоже был большим эрудитом (Букв, “**деятельным ученым**”). В [вопросах] суфизма он [принадлежит] к последователям его преосвященства шейха Аммар-и Иасира. После отшельнической жизни и войн с неверными, достигнув степени [духовного] совершенства, он составил комментарий на доктрину суфизма.

[Затем следует] Мавлана Идрис Хаким, сын Мавлана Хусаматдина, которому долгое время принадлежала должность секретаря при султанах Ак-Койунлу. Позднее он удостоился приятия в ближайшее окружение султана Салима. Во время завоевания Египта он находился при победоносном государевом стремени и там сочинил превосходные касыды с восхвалением султана. В одну из касыд он включил эти стихи, выражающие жалобу, — стихотворение:

Доколе невежество будет обесценивать мои деньги,
Когда именно ты являешься мерилom полноценности и неполноценности познаний? [389]

Вся моя ученость не принесла мне ни зернышка в Египте,
А ослам подобные неведжды тащили харварами драгоценные камни.

Разве святой землей стал для [меня], несчастного, Египет,
Что даже апельсиновой корки я не могу сорвать с [его] деревьев?

Мне ясно, что [мое] служение [еще] не дает мне права [на твою благосклонность],
Но именно ради тебя я в разлуке со своими друзьями и отечеством.

В Руме и Сирии, Курдистане и Диарбекире у меня
Целая толпа родственников, которые, подобно рабу [твоему], стенают и страждут.

Коль передам я сановнику прошение к государю,
Он возмутится и тотчас свернет его.

Поскольку двор твой, о повелитель Египта, — средоточие талантов,
/343/ Подобаает тебе [обратить его] в славное вместилище наук.

Посмотри на [разбитые тобою] сады из всякого рода деревьев,
Как науки созерцательные, повествовательные и изящные, как законоведение, медицина и астрономия.

Тот, кто вознесся на вершины учености,
Как мог отрицать достоинства Идриса?

Он написал историческое [сочинение] на персидском языке о памятных деяниях и жизни османских султанов, куда он включил [изложение] их законов. Поистине, в том сочинении он проявил чудеса красноречия и изящества [слога], и можно сказать, что по благородству и плавности [речи] он не имеет себе подобных. Будучи посвященной описанию жизни восьми государей, [эта книга] была названа *Хаит бихиит*. Она включает около восьмидесяти тысяч бейтов.

В то время когда шах Исма'ил отступил [от истинной религии] и стал распространять шиизм, Мавлана Идрис составил хронограмму: “Мазхаб-и нахакк” (“**Неистинная вера**”). Когда это дошло до слуха государя, он приказал Мавлана Камаладдин Табибу Ширази, который был близок [к государю] и принадлежал к [его] [390] интимному окружению, написать Мавлана послание и спросить, он ли составил эту хронограмму или нет.

Мавлана, следуя повелению [государя], написал и отправил Мавлана Идрису послание, состоявшее из всевозможных острот и изящных шуток. Мавлана [Идрис], ознакомившись с содержанием послания, не отвечает отрицательно и говорит: “Да, я составил хронограмму, но она на арабском языке. Я сказал: “Мазхабна хакк” (“**Вера наша истинная**”).

Шаху Исма'илу понравился ответ Мавлана, и он дал августейшее указание вызвать Мавлана и пригласить к нему на службу. Мавлана уклонился от этого, а в извинение представил шаху касыду, из которой [мы] приводим несколько бейтов — стихотворение:

Считай меня потомственным рабом своей семьи,
Ибо [еще] дед мой поступил на службу к твоему деду на пути к святыне.

Родитель [мой] тоже принадлежит к ученикам второго деда шаха,
/344/ Ибо благодаря ему познал он науку о внешнем и уяснил сокровенное.

Сам путь моего рабского служения Шайху Хайдару ⁵⁷⁴
Стал для меня [сладок], как молоко и сахар, благодаря красоте дружеского общения.

По счастливой случайности на страницах священной книги
Корана имени Исма'ил неизменно сопутствует имя [этого] раба.

Его сын Абу-л-Фазл Эфенди, который был украшен в убранство совершенств, во времена государя с достоинством Сулаймана был удостоен должности *дафтардара* Румелии и некоторое время посвятил тому важному делу. Случилось так, что были у него два

достойных сына. Против обыкновения, когда они сели в Галате на корабль и отправились в Стамбул, вдруг поднялся ветер безнадежности. Дети того могущественного оказались во власти разбушевавшейся грозной стихии, и лодку жизни тех несчастных поглотила губительная пучина. Волна надежды тех безутешных не достигла берега свершения, [391] и ладья бытия скрылась в океане смерти. Они так бесследно исчезли в чреве крокодила небытия, что до обители вечной жизни не дошло ни весточки, ни следа от них. Стихотворение:

Стоит кораблю любого погрузиться в ее пучину,
Как отраженная в воде пятерня ломает руки пловца.

Абу-л-Фазл Эфенди, сжигаемый огнем разлуки, оборвал нить счета [страниц] в книге ожидания. Начальник казначейства в диване [того, о ком сказано]: “Все, что есть, гибнет, кроме его существа” (*Коран, сура 28, стих 88.*), написал его жизни отпускную грамоту на цитадели [всевышнего]: “У него власть над всем, и к нему вы возвращены будете” (*Коран, сура 28, стих 70.*), и ангел смерти свернул свиток дневника его жизни. После Мавлана Абу-л-Фазла Эфенди детей мужского пола не осталось, и с ним прекратился род его.

И шейх Абу Тахир ал-Курди, которого упоминает наш владыка — светоч религии и веры Мавлана 'Абдаррахман Джамии в *Нафахат [ал-унс мин хазират ал-кудс], /345/* тоже из Бидлиса. Его пресветлая гробница находится к западу от Бидлиса [на расстоянии] одной стоянки от [реки] Кезер.

Из Бидлиса происходит поэт Шукри, который некоторое время находился на службе у туркменских эмиров [и затем] — у здешнего правителя Шараф-хана. Позднее он попал в ряды ближайшего окружения султана Салим-хана. Латифи Руми упоминает его имя в антологии жизнеописаний турецких поэтов. Он изложил в стихах события своего времени и назвал [это сочинение] *Салим-наме*, которое, поистине, представляет собою непревзойденный образец поэтического мастерства.

Одним словом, город Бидлис всегда был местом средоточия талантов и ученых и резиденцией мудрецов и совершенных. Прибежище поэтического мастерства — Мавлана Муса, ныне наставник в медресе Шукрийе, поведал автору этих строк со слов своего деда Мавлана Шах Хусайна, который [уже] миновал сто двадцать стоянок [жизненного] пути, что у Бахрам-бека [392] зулкадра, кому на правах наместника шах Исма'ил препоручил охрану и защиту Адилджеваза, Арджяша и Баргири, возникли разногласия и споры с поверенными Шараф-хана, находившимися в Ахлате и в тех пределах.

Шараф-хан направил на расправу с ним Шайх Амира бил-баси, и около пятисот человек, из учащих и ученых Бидлиса взялись за стрелы и луки для священной войны за веру и вместе с Шайх Амиром направились в Арджиш.

Климат в том городе, по общему мнению, не поддается описанию, а красота и чистота садов и строений его превыше всяческих похвал. Сын шейха Хасана Хизани, преемник шейха 'Абдаллаха ал-Бадахшани, совершеннейший из смертных шайх ал-ислам Мавлана Абу-л-Халлак, чья пресветлая гробница находится недалеко от Гек-Мейдана ⁵⁷⁵ и служит местом /346/ исполнения молитв, — завершителем их системы в суфизме является шейх Рукнаддин 'Ала'аддаула Симнани — да освятит Аллах его славную гробницу! — посвятил восхвалению климата и красоты города Бидлиса эти несколько бейтов, принадлежащих [к плодам] его сеющего перлы таланта и рассыпающей жемчуг мысли, — стихотворение:

Ах! Каков город Бидлис, если приведены в стыд и смущение
Его водой и воздухом [животворные] воды Хизра и дыхание 'Исы!

Что за место, если сладость и красота его
Сделали неприметными на земной поверхности сады Ирема.

Какая страна! Когда [мускусная] газель прослышала об ее аромате,
Она хотела в ту же минуту покинуть пустыни Хотана,

Чтобы в том месте раскрыть свою мускусную железу.
[Но] утренний ветерок сказал ей: “Что за пустые мечтания,

Когда китайский мускус стал равноценен праху с того места!
Не ходи туда, ибо ценность твоих товаров будет приравнена праху”

Какая земля! Чистота ее прекрасной пыли
Побудила зефир жизни прилететь [туда] из райского цветника,

Чтоб отнести праха с ее благородной поверхности в мир вечности
И умастить им кудри гурий, [393]

Но сколько он ни странствовал смущенный по той стране,
Ему не попалося ни пылинки благодаря ее чистым источникам.

Хотя население и страдает несколько месяцев от обилия снега зимой, от сильных морозов и метелей, климат там не настолько суров, чтобы причинять людям много вреда. Здешний народ — бедные и богатые, приезжие и местное население топят [печи] дровами. Вязанку сухих дров [весом] с ношу мула продают за одну серебряную драхму, что равноценно двенадцати османским акче. Здешние бани также отапливаются дровами. Иногда из-за большого количества снега проход и проезд в обе стороны для путников закрыт.

С давних времен /347/ руководствующиеся правосудием султаны и украшенные великолепием хаканы освободили и избавили неверных и мусульман того города, [вменив им в обязанность] наблюдение за дорогами, от всех податей, [основанных на] местном обычном праве и на шариате, предав проклятию предписания и заповеди шариата и непререкаемые указания [Корана].

Здешние правители построили много общепольных сооружений, как то: мечети, медресе, дервишские обители, ограды, бани и мосты. В городе двадцать один мост из шлифованного камня, по ним постоянно движутся люди. [В городе] шестнадцать кварталов, восемь бань и четыре большие соборные мечети. Одна в давние времена была армянским храмом. Когда войскам ислама удалось завоевать город, они превратили его в мечеть, известную [ныне] как Кызыл Масджид.

Другая мечеть принадлежит к постройкам Сельджукидов, дата ее основания написана куфийским письмом. Она известна как Старая соборная мечеть. [Третья] соборная мечеть вместе со странноприимным домом была воздвигнута эмиром Шамсаддином рядом с Гек-Мейданом и названа Шамсийе. Четвертая соборная мечеть — Шарафийе основана в Мардинском квартале вместе с медресе и странноприимным домом моим дедом и названа Шарафийе ⁵⁷⁶. К этим соборным мечетям [394] приставлены имамы и муэззины, каждый из них получает большое содержание. И неизвестно, чтобы со времени появления ислама и поныне когда-нибудь там прекращалось совершение пятничной молитвы или [переставали] посещать [мечети].

В городе пять медресе: Хатибийе, Хаджибекийе, Шукрийе, Идрисийе и Ихласийе. [Последнее, расположенное] близ обители при мечети Шамсийе, принадлежит к постройкам [этого] бедняка и закончено в 999 (1590-91) году. В настоящее время оно заполнено учащимися.

Преподавание в медресе вверено учителям, искусным в стихосложении и красноречии, как то: в медресе Шарафийе преподает /348/ Мавлана Хизр Баби, который не имеет равных по знанию основных и производных уложений юриспруденции, комментированию [Корана] и преданий о пророке. И считают, что каждый, кто что-нибудь прочел в его присутствии, [уже] достиг степени совершенства.

[Должность учителя в] медресе Ихласийе принадлежит его преосвященству, солнцу веры Мавлана Мухаммаду Ширанши, который среди ученых Курдистана получил известность возвышенным умом и высокими достоинствами. Он обладает превосходными познаниями в области толкования [Корана], астрономии, логики и метафизики.

В медресе Хаджибекие преподавание поручено Мавлана Мухаммаду Зраки Суфи, которому немного подобных по знанию религиозного закона, благочестию, набожности, верности и правдивости. В медресе Идрисийе [должность наставника] занимает Мавлана 'Абдаллах, известный [под прозванием] Рашк или Черный Мулла. Каким-то путем он договорился с монаршим порогом и имеет льготную грамоту на вечные времена. В совершенных науках он тоже преисполнен познаний.

Затем [следуют] талантливые и выдающиеся люди из ремесленников и мастеровых. В городе около восьмисот лавок и много благотворительных учреждений.

Особо [необходимо отметить] эмира эмиров Вана Хусрав-пашу — творца справедливости, дарителя милостей, источник благодеяний и милосердия, прибежище обладателей барабана [395] и знамени, приют для талантливых и ученых, попечителя власти султана и хранителя величия хакана — да будет над ним милосердие и всепрощение [господне]! — который достроил две бани из мрамора, два караван-сарая, около ста двухфасадных лавок и две кожевни, не считая других заведений, приносимая которыми польза очевидна. Все это он передал в качестве вакфа странноприимному дому в Рахва ⁵⁷⁷. Его постройки много способствовали украшению города Бидлиса. Обладатель поэтического мастерства и дара красноречия, вместилище духовных совершенств — Мухаммад-джан Эфенди, /349/ который по происхождению принадлежит к здешним *кази* и благороднорожденным, и отцы и деды его постоянно занимали высокое положение и были украшены достойными званиями, составил хронограмму времени сооружения его построек — “бана-йи ху-сраваяе” ⁵⁷⁸.

Помимо сооружения богоугодных заведений он предпринял два великих дела и за короткое время закончил их, чем вызвал похвалы и одобрение всех смертных. Первое — строительство в Рахва, расположенной между селением Тадван ⁵⁷⁹ и городом Бидлисом. Оно включает два обширных караван-сарая, благородный странноприимный дом, прекрасную баню, оживляющую дух наш мечеть и десять ремесленных мастерских. От источника, [удаленного] примерно на двенадцать тысяч заров, он провел туда воду и [всюду] явил знаки благоустроенности и процветания. Он поселил там около тридцати семейств неверных и мусульман, а те земли, что по милости покойного государя султана Мурад-хана были пожалованы Хусрав-паше в собственность, передал в качестве вакфа упомянутому [странноприимному дому].

Для странников там всегда готова похлебка, хлеб, светильник. Эмиру и знатному, турку и таджику, арабу и персу, свободному и рабу, местному и чужеземцу — любому, кто остановится там на ночлег, оказывают внимание, приличествующее его положению.

И действительно, это такое место, что, несмотря на наличие между Бидлисом и Тадваном нескольких поселений и многочисленных караван-сараяев, из-за обилия снега и сильных

[396] морозов — так, в одном году зимой во время снегопадов жители измеряли [глубину снега], и каждый раз выходило шестьдесят четвертей — ежегодно [там] погибало несколько купцов и путешественников.

Благородные государи и правители, в особенности великие отцы и деды /350/ [этого] безумца, несколько раз намеревались там начать строительство и даже закладывали многочисленные основания — и ныне там можно видеть заборы и стены, превышающие человеческий рост,— довести до конца дело не удавалось из-за волнений и смут [того] времени. Полустишие:

Кому счастье, а кто [обречен] нести свой жребий.

И вот уже более двадцати лет как ни один человек не погиб в Рахва благодаря благословенным постройкам покойного паши, — паломники и торговцы в мире и благополучии совершают свой путь.

Второе — он основал и построил в городе Ване высокую соборную мечеть, медресе, кладбище и превосходный странноприимный дом. Он назначил туда звонкоголосых *хафизов*, благочестивого *хатиба*, муэззина, сладкозвучного чтеца Корана, благовоспитанных и приветливых *муджаверов* и каждому определил приличествующее его достоинствам содержание. Совершив пять молитв, они читают первую главу [Корана] во спасение его (Хусрав-паши) исполненного божественной милости духа. В ночь на пятницу и понедельник [в его память] читают они слово предвечного (Коран.), и, без сомнения, преисполненная милости божьей душа того великого и благородного получает воздаяние за те [добрые дела].

В-третьих — он стал для автора этих строк путеводителем и примером, когда в продолжение некоторого времени [последний] с многочисленной группой из племени рузаки скитался в пустыне заблуждения, тонул в реке раскаяния, около сорока четырех лет из-за притеснителей-чужеземцев был оторван от друзей, отечества, поместий и владений [своих], оказавшись в стране кызылбашей. Там он был вынужден слушать пустые [397] речи ее презренных и низких [обитателей]. [Лишь] употребив все старания, добрался он из зарослей колочек иноземцев до свободного от шипов розового цветника родной отчизны и славного обиталища отцов и дедов [этого] безумца.

Этот [исполненный] удивления рассказ можно закончить тем, что именно через Хусрав-пашу покойный государь отозвал [этого] несчастного с управления Нахчеваном, /351/ указав путь в страну ислама и пообещав управление наследственным доменом. Он явил в том деле столько стараний и заботы, что большего невозможно и представить. И около тысячи человек — мужчин и женщин, старых и молодых, которые годами молили и просили всевышнего творца — да прославится имя его! — о [возвращении] в страну ислама, вместе с [этим] несчастным удостоились той высочайшей радости и величайшего счастья — за что да будет славен всевышний!

Кроме того, у Бидлиса прекрасные предместья и окрестности, например округ Ахлат. Основная часть этого города построена в давние времена. Когда-то он служил резиденцией армянским государям. Во времена Нуширвана ⁵⁸⁰ [здесь управление принадлежало его дяде Джамасбу](#). Климат в Ахлате в высшей степени мягок, и там много всевозможных сочных плодов. Особенно замечательны абрикосы и яблоки. Одно яблоко может достигать в весе ста драхм. Там имеются разнообразные сорта яблок и груш. В Армении и Азербайджане славятся ахлатские яблоки.

Общепольные сооружения, как то: мечети, ограды, дервишеские обители, там весьма многочисленны. Неизменно [из Ахлата] выходили подвижники, богословы и шейхи, например Саййид Хусайн Ахлати ⁵⁸¹, который в науках о внешнем и сокровенном был главою ученых [своего] времени. Это один из знаменитых людей [своей] эпохи по [знанию] *джафр-и джа-мса'* ⁵⁸². С помощью науки предвидения он [заранее] узнал о [грядущем] изменении судеб мира и о смутах после появления наводящих ужас войск Чингиз-хана и до начала волнений и горестных тревог покинул родные места и вместе с двенадцатью тысячами учеников и последователей, родственников и друзей своих отправился в Египет, /352/ где проживал [398] до времени переселения из мира — прибежища власти. Там находится его пресветлая гробница, и ныне в Каире есть место, называемое кварталом ахлатцев.

К числу здешних ученых относится Мавлана Мухйиаддин Ахлати, который в точных науках и астрономии был средоточием знаний своего времени. И когда Васираддин Туей по указанию Хулагу-хана приступил к построению обсерватории и составлению астрономических таблиц в Мераге Тебризской, он призвал из Ахлата Мавлана и вместе с ним, Муайядаддином 'Арузи и Наджмаддин Дабираном Казвини выполнил то дело ⁵⁸³.

Но в результате некоторых смут, возникших в нем во времена появления ислама, город Ахлат оказался разрушенным. В первый [раз] — в начале 626 (1229) года, [когда] туда прибыл султан Джалаладдин Харизмшах ⁵⁸⁴. Силой он отобрал его у Сельджукидов и устроил большую резню. Затем прибыли войска монголов, они захватили у него [город] и [тоже] причинили огромные разрушения. В 644 (1246-47) году произошло большое землетрясение, и большинство здешних построек превратилось в развалины. В середине зимы 955 (1548) года крепость Ахлата осадил шах Тахмасб и очистив ее от ставленников султана Сулайман-хана, приказал крепость разрушить.

За час ее сровняли с землей. Затем султан Сулайман-хан Гази оставил старую крепость и город и воздвиг на берегу озера новую крепость и цитадель. Поэтому старый город совершенно превратился в руины, [но] и новое место не очень благоустроено. Стихотворение:

Мир [расположен] на пути потока,
Не думай, что от горсти /353/ роз он станет процветающим.

И поныне, когда копают в любом месте на территории старого города, [из-под] земли появляются остатки дворцов, караван-сараев, бань из отесанного камня и искусно отделанного мрамора.

Другим [районом] Бидлиса является Мушский округ. [Муш] — старинный город, и можно видеть следы его старой [399] крепости и цитадели. Отцы и деды [этого] безумца, владея [теми областями], построили на вершине горы в одном фарсах к югу от города Мушскую крепость. В течение долгого времени она была населена, позднее султан Гази разрушил цитадель. Половину старой крепости, которая находилась на вершине горы в западном направлении от города, он восстановил. В крепость он определил пятьдесят сторожей, привратника, пушкаря и все необходимое.

“Муш” по-армянски означает “туман”. Из-за обилия туманов там мало плодовых деревьев, но на окраинах города есть виноградники. [Виноград] сажают на холмах, причем виноградные лозы с земли не поднимают. Если лозу наклонить в сторону или посадить на ровном месте, ягод не будет. Здесь произрастает много пшеницы и в неограниченном количестве просо.

Там хорошие степи и превосходные пастбища. Здесьние крестьяне держат много быков, буйволов и баранов, так что в каждую упряжку быков, которая составляет *кутан* ⁵⁸⁵, они запрягают двадцатьчетыре быка и буйвола.

Мушская равнина известна среди турок под названием Муш Аваси, она имеет примерно десять-двенадцать фарсахов в длину и четыре-пять фарсахов в ширину. [Это] гладкая и ровная местность, сплошь покрытая цветами и пахучими травами, а по краям [ее] — горы с вечнозелеными цветущими рощами, летними пастбищами, полными снега, /354/ с прохладными источниками и обильными реками. Воды Евфрата, появляясь с северной стороны равнины, отделяют от нее одну треть и текут к югу. С востока с горы Нимруд ⁵⁸⁶ стекает река, называемая Кара-су ⁵⁸⁷, пересекает равнину и впадает в Евфрат.

В горах там ловят необыкновенно красивых соколов, и в той раеподобной равнине и лугах, напоминающих райские сады, водится всевозможная дичь, птица и рыба. Стихотворение:

Окружающие ее рощи уподобились раю
Со вторым Каусаром у подножия.

К отдохновению и покою располагает ее благоухание,
Прах ее умыт от скверны. [400]

Круглый год зеленеет там базилик,
Всегда она исполнена неги и покоя,

Она служит обиталищем для птиц в этой стране,
Коль понадобится тебе птичье молоко, оно гам.

Земли ее [настолько] пронизаны золотоносными водами,
Что, кажется, их засеяли шафраном.

В той зеленеющей равнине одно за другим расположены армянские селения, [насчитывающие] около ста семейств, у подножия горы со стороны пустыни находятся мусульманские деревни.

Во времена чингизидских султанов государственные подати [с Муша], по словам Хамдаллаха Мустауфи [Казвини], составляли 69 500 динаров. В правление государя — борца за веру — султана Сулайман-хана Бидлиссский вилайет был подвергнут кадастровой переписи и проверке. *Джизья* и *харадж* с четырех тысяч неверных, исключая вакфные и мульковые поселения, составляют 1 533 325 османских акче — каждые двенадцать акче равноценны мискалю чистого серебра, — согласно старинной системе обложения *джизьей*, когда на душу [населения] приходится по семьдесят акче.

Рассказывают, /355/ что до появления ислама, во времена армянских правителей, правитель Муша устроил смотр своим войскам, и в войсках его оказалось шестьсот голов лошадей серо-пестрой масти, и до сих пор сожалеют, что в Муше нет распорядительного правителя и владетеля.

Следующим значительным округом Бидлиса является Хнусский округ, который располагает обширными летними пастбищами, например Су-Шахри ⁵⁸⁸, Бяк-гёль ⁵⁸⁹, Джабал-и Шарафаддин, где с большой [для себя] пользой кочевали курдские племена во времена *отцов* и дедов автора этих строк.

Еще есть там два источника, из одного добывают белую соль, из другого — красную. Каждый год они приносят казне четыреста тысяч османских акче [дохода]. [В отношении] ливанских сборов [Хнус] приравнен Мушу, хотя там меньше [401] подданных-армян.

Большинство здешних селений и деревень переданы в *икта'* и держателям *тимаров*, и ныне там четыреста владетелей *икта'*.

В Хнусеком округе выводят коней арабской породы, [но] на здешних землях ничего, кроме пшеницы, не произрастает. К местным диковинкам [относится] озеро, называемое Буланьк ⁵⁹⁰, которое в окружности составило бы примерно фарсах. Вода в нем всегда мутная и с красноватым оттенком. Река, вытекающая из того озера, тоже такая грязная, что никогда не очищается (Букв, “не имеет возможности стать чистой”).

Между [озером] Буланьк и Ахлатом есть еще озеро, которое называют Назык ⁵⁹¹. Вода в нем в высшей степени чистая, приятная на вкус и прозрачная. Зимой оно так замерзает, что четыре месяца по нему передвигаются караваны. /356/ Ближе к марту, когда ломается лед, шум от него разносится почти на три фарсаха. Когда оно освобождается ото льда, устанавливается умеренная погода.

Из того озера в речушки, которые впадают сюда потоками, идет много рыбы. Приходят местные жители, и каждый примерно за месяц налавливает столько рыбы, сколько ему нужно; так что один человек за сутки свободно может выловить несколько харваров рыбы — сколько пожелает.

Рыба там в высшей степени вкусная и по величине превышает ползара. Любопытно, что икра, которая находится у нее в животе, при ее съедании действует на всякого человека и животное как яд. В моем присутствии несколько человек отведали ее и лежали сутки без сознания. Под конец они приняли противоядие и после большой рвоты освободились от [нее]. Несколько государственных чиновников хотели было сдать в аренду и на откуп [ловлю] здешней рыбы. Более того, во времена [этого] несчастного сдали в аренду, дабы получить в казну значительную сумму. [Но] случилось так, что в те годы это ни к чему не привело — рыба из озера не вышла.

К северу от Бидлиса, между Мушем и Ахлатом, [402] находится гора, называемая горой Нимруд. В народе рассказывают, что зимой у [царя] Нимруда ⁵⁹² были там зимние становища, а летом — летние кочевья. На вершине горы основал он замок, строения и дворец, достойный государя, и проводил там большую часть [своего] времени. Когда Аллах обратил на Нимруда свой гнев, вершина горы опрокинулась и так ушла в землю, что крепости и строения оказались затопленными водой. Несмотря на /357/ то что гора возвышается над землей на две тысячи заров, вершина ее погрузилась в землю на полторы тысячи заров, и образовалось огромное озеро ⁵⁹³ шириною в пять тысяч заров, даже более.

От обилия каменистых мест, рощ и деревьев люди могут передвигаться лишь двумя-тремя путями, дорог для четвероногих только две. Вода в озере в высшей степени чистая и холодная, стоит на берегу озера копнуть, как выступает теплая вода. Земли там мало — сплошь каменные глыбы. В основном — это пемза и песчаник, который турки называют “девах гези” (“Глаз верблюда”). Отверстия в нем заполнены наподобие пчелиных сот, что придает ему прочность, но местами он легкий, как пемза.

На северном склоне, кипя, бьет из-под земли и стекает по склону проток горячей воды ⁵⁹⁴, черной и грязной, как окалина, что выходит из горна кузнецов. [Та вода] своей твердостью и весом превосходит железо. По мнению [этого] бедняка, путь его явно каждый год удлиняется. Высотой стока он превышает тридцать гезов (Двенадцать гезов равны одному зару), длина его составляет примерно пятьсот-шестьсот заров. Во многих местах он выбивается наружу.

Если кто-нибудь пожелает отделить куски друг от друга (*Речь, очевидно, идет о песчанике.*), должен будет приложить большие усилия — все во власти всевышнего. [403]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

История племени рузаки и причина такого его наименования

Да не пребудет скрытым и утаенным от солнцеподобного разума всадников ристалища красноречия и пытливой мысли /358/ искусных наездников арены риторики, что “рузаки” — слово [языка] дари. Некоторые его писали через “дж” и “ш”. “Рузаки” означает по существу “один день”; что же до “к”, который стоит в конце слова, то это не что иное, как [суффикс] “к” и “йай единичности” в “хаджаки”, “пардаки” и подобных им словах. Некоторые из отмеченных даром красноречия считают, что “каф” и “йай” в персидском языке служат уменьшительными суффиксами. Возможно, написание через “дж” присуще арабским авторам, которые везде, где в [языке] дари встречается “ж”, ставят “дж”. “Ш”, по свидетельству достойных доверия историков, присуще природе курдского письма.

Весьма правдоподобна версия, что племя рузаки образовалось из двадцати четырех курдских родов в местечке Таб, относящемся к Хойту ⁵⁹⁵, в один день. Племя делится на две ветви: двенадцать его подразделений назвали билбаси ⁵⁹⁶ и [другие] двенадцать — кавалиси ⁵⁹⁷. Билбаси и Кавалиси — [также] два селения в вилайете Хаккари. По другой версии, это названия двух родов из племени бабан.

Короче говоря, вначале они собрались в Табе, поделили между собою здешние земли, объединились, поставили над собою (*Букв, “для себя”.*) правителя и приступили к завоеванию вилайета. И известно, что те, кто не получил доли во время того раздела в селении Таб, коренными рузаки не являются. Подставив шею под ярмо повиновения своему повелителю, они начали завоевания.

Рассказывают, правителем Бидлиса и Хазо в то время был некий Давид ⁵⁹⁸ из наместников Грузии. [Племя] рузаки /359/ отобрало у него вилайет Бидлиса и Хазо. По другой [404] версии, Бидлис они захватили у племени курдаки, а Хазо — у грузин. Некоторые считают, что они отняли Бидлис у племени зукиси, за истинность слов ответственность несет рассказчик.

Словом, некоторое время спустя после того как они стали владельцами областей Бидлиса и Хазо, тот, кто взялся за дело управления племенем рузаки, умер, и с ним закончился род его. С этого времени все в племени рузаки пошли один на другого, и никто никому не подчинялся. И сказался [тогда] скрытый смысл этих строк Мавлана Хатифи ⁵⁹⁹ — стихотворение:

Горько следует оплакивать ту страну,
В которой не ведают, кто ее защитник.

Впав в опьянение, публичная женщина будет рыгать в Каабе,
Если сзади не будет палки правителя.

Некоторое время спустя, пока дела их пребывали в таком состоянии, главы аширатов и племен, посовещавшись, пришли к такому выводу: “В городе Ахлате проживают два брата по имени 'Иззаддин и Зийа'аддин из царского рода Сасанидов. Мы привезем их к себе и любого, который окажется достойным и способным управлять нами, поставим эмиром и передадим ему бразды власти, дабы дела в стране пришли в порядок и явили процветание, а бунтовщикам было неповадно устраивать смуты и мятежи. Знать и простые люди племени, согласившись с таким условием, пусть его выполняют”. Несколько человек из

племенной знати [рузаки] отправились в город Ахлат и со всеми почестями и церемониями доставили царевичей в Бидлис. Одна партия поставила на правление 'Издадина в Бидлисе, /360/ другая — Зийа'аддина в Хазо. Предав головы ошейнику послушания, они доверили на их усмотрение ведение своих важных дел, духовных и материальных, и препоручили их мощной деснице бразды управления страной. Эмир 'Издадин со своей стороны, как и подобает, выполнял обязанности, налагаемые на него верховной властью, и внушил аширатам, племенам и [всему] народу [рузаки] доверие и упование. [405]

И поистине ашират рузаки славится среди родов и племен Курдистана замечательным мужеством и воинственностью. [Людам этого племени] присущи необыкновенное достоинство и душевное благородство, правдивость и верность, благочестие и набожность. В любое время, когда их правители встречались с трудностями, они не оставляли невыполненной ничтожнейшую из мелочей службы и обязанностей, налагаемых на них преданностью и самоотверженностью. Когда они теряли вилайет Бидлиса, а правители их оказывались смещенными, следуя своим планам и усмотрениям, они: обходились без помощи и содействия других, уповая [лишь] на покровительство Аллаха, и [вновь] становились хозяевами страны. В народе говорят, что в стенах Бидлисской крепости не найдется столько камней, сколько раз ашират рузаки оставался без правителя. И если у могущественных государей возникнет желание покорить Курдистан, несомненно, в первую очередь они будут иметь дело с правителями Бидлиса и аширатом рузаки. Пока не подчинится племя рузаки, не покорятся и остальные племена Курдистана. Поэтому, когда султан Гази отобрал вилайет Бидлиса у здешнего правителя Шамсаддин-хана, и [тот], опасаясь гнева /361/ государя, уехал в Иран, племена байики, мудаки, зидани и билбаси три года не подчинялись наместникам рода 'Усмана. И все курдские эмиры, что согласно повелению Сулаймана, подобно дивам с горы Каф ⁶⁰⁰, обрушились на их отряды, не смогли их усмирить, пока государь с достоинством Сулаймана через правителя Хазо Баха'аддин-бека не освободил от всех податей население долины Кефандур и племя байики и не заручился доверием и поддержкой сыновей Шайх Амира билбаси — Ибрахим-бека и Касим-бека. [Таким образом], силой завоевать вилайет Бидлиса не удалось.

Сыновья курдских эмиров часто приезжают в Бидлис и беззаботно живут там, [но] благороднорожденные рузаки не подходят даже к двери домов эмиров Курдистана (**Тем самым подчеркивая свою независимость от них и нежелание как-либо с ними считаться**). [Люди] [406] ашйрата рузаки, попадая в чужую страну, проявляют при перенесении жестоких страданий и мук выносливость и терпение, мужество и силу, берут за правило покорность и смирение и достигают высоких степеней. Этими качествами они отличаются среди других племен Курдистана.

Племя [рузаки] делится на двадцать четыре ветви, из которых пять — кисани, байики, мудаки, зукиси и зидани — принадлежат к старинным племенам Бидлисского вилайета. Остальные двадцать [ветвей] относятся к билбаси и кавалиси. Билбаси включают каладжири, харбили, балики ⁶⁰¹, хайарти, кури, барийши, сакари ⁶⁰², карей, бидури и балагирди ⁶⁰³. В кавалиси входят зардузи ⁶⁰⁴, андаки, партафи, кавалиси, курдаки, сухразарди, кашаги, халидя, астурки ⁶⁰⁵, азизан.

/362/ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Описание генеалогии правителей Бидлиса и к кому она восходит

Неоднократно указывалось и отмечалось в некоторых исторических сочинениях, что родословная правителей Бидлиса восходит к государям [династии] Сасанидов, и они получили известность как потомки Ануширвана. Более правдоподобно, что в правление

Ануширвана Джамасб, сын Пируза, — пятый [государь] из династии Сасанидов — управлял Арменией и Ширваном на правах наместника Кубада. После своей смерти он оставил три сына: Нарса, Сурхаба и Бахвата. Нарса заступил место отца, и [А]нуширван оказывал ему подобающее содействие. День ото дня крепло положение [Нарса], пока [однажды] не двинул он войска на Гилян и не покорил ту область. Он взял [в жены] дочь одного из гилянских правителей, от которой у него появился сын, названный Джиляншахом. Владетели Рустемдара являются его потомками.

Сурхаб правил в Ширване, и к нему восходит родословная наместников Ширвана. Бахват предпочел поселиться в Ахлате и довольствовался небольшими доходами. Он не старался [407] расширить [свои] владения по обычаю отцов и дедов, и с него начинается родословная правителей Бидлиса. Владетелям Рустемдара и Ширвана [таким образом] правители Бидлиса приходятся двоюродными братьями.

Согласно достоверному преданию, ныне или к концу месяца зу-л-хиджжа 1005 (август 1597) года — вот уже 760 лет власть в Бидлисе, в зависимых и окрестных, относящихся и прилегающих к нему областях принадлежит его [настоящим] правителям, за исключением [периода] примерно в 110 лет, когда [Бидлис] ими был потерян и перешел в чужие руки. Четыре поколения султанов посягали /363/ на их страну — обстоятельства каждого из них будут подробно описаны на своем месте.

Словом, как уже было начертано отполированным горестями пером [нашим], ашират рузаки поставил 'Издаддива на правление в Бидлисе, а Зийа'аддина — в Хазо. Прошло некоторое время их правления, и расположение жителей Бидлиса к Зийа'аддину возростало изо дня в день, тогда как к 'Издаддину подобной любви они не проявляли. Когда об этом стало ведомо Зийа'аддину и он убедился, что уважение к нему народа бидлисского безгранично, он приехал однажды из Хазо в Бидлис, желая повидаться с братом. Удостоившись встречи, братья расстелили ковер радости и увеселения и воздали должное удовольствиям жизни.

Зийа'аддину полюбился бидлисский климат. Кроме того, он видел, что надежды и чаяния знати и простонародья города Бидлиса обращены к нему, и в сердце его зародилось желание заполучить власть над теми областями. Он тайно сговорился с гарнизоном крепости и уведомил его: “Когда я выеду из крепости, брат последует за мною, и под каким-нибудь предлогом я вновь возвращусь в крепость”. Зийа'аддин испросил у брата позволения уехать и направился в Хазо. 'Издаддин поехал проводить брата. Отъехали немного от города, и Зийа'аддин сказал ему: “Я оставил в крепости перстень, и никто, кроме меня, не знает, где он находится. Если вы соизволите минутку меня подождать, я быстро вернусь в крепость и возьму свой перстень”. [408]

Брата убедить нетрудно (Букв, “до сочувствия брата недалеко”). /364/ 'Издаддин тотчас остановился: и занялся охотой, а Зийа'аддин, пользуясь благоприятным случаем, вошел в крепость, закрыл ворота и направил брату следующее послание: “Уповая на проявление братского милосердия, [мы надеемся], что вы поживете несколько дней в Хазо, а [ваш] покорный слуга останется в Бидлисе, поскольку здешний климат пришелся по нраву сему несчастному”. 'Издаддин, узнав об этом, вернулся к воротам крепости, но какие усилия ни прикладывал, сколько ни умолял вероломного [своего] брата, ничего из этого не вышло. Он вынужден был направиться в Хазо и Сасун, управление теми областями утвердилось за ним, и настоящие наместники Хазо, известные под именем Азизан, происходят от его сыновей и внуков. Правители Бидлиса принадлежат к потомкам Зийа'аддина и именуются Дийадин[ами].

В исторических сочинениях [этому] несчастному удалось встретить имена восемнадцати правителей Бидлиса, время правления которых превышает 450 лет. За дни своей власти они [ни разу] не оставляли свой вилайет. Имя того, у кого атабек 'Имададдин, сын атабека Ак-Сункура, отобрал Бидлис, осталось неизвестным, и [нам] при написании этих строк не удалось [его] выяснить на основании тех исторических сочинений, которые были [нам] доступны. Более правдоподобно предположение, что Бидлисом завладел Кызыл Арслан ⁶⁰⁶ во время завоевания Азербайджана и Армении. После Сельджукидов в конце правления хорезм[шахов], когда в Бидлис прибыл султан Джалаладдин, сын султана Мухаммад Харизмшаха, [там] правил Малик Ашраф. После него к власти пришел его брат Малик Маджаддин, его преемником стал 'Изаддин, за ним следовал мир Абу Бакр, /365/ за [мир Абу Бакром] — эмир Шайх Шараф и за ним — эмир Зий'аддин, который был современником Тимура Гургана и имел с ним встречу.

Со времени его правления по настоящий момент, когда по [409] праву наследования власть перешла к автору этих строк, история владетелей Бидлиса представляется [нами] ясно, и события времени правления каждого из них будут подробно изложены на своем месте. С помощью Аллаха, всемогущего владыки [нашего], [мы] поведаем о тех правителях Бидлиса, чья слава и величие достигли апогея под сенью чудодейственного ока высокодостойных султанов и всемилостивейшей десницы всемогущих хаканов, и о других, от очага которых поднялся дым незаслуженной [кары] под губительным самумом мести и пламенем гнева славных падишахов и благородных государей, чья мощь [довлеет] над всей вселенной.

Рассказ [этот] будет такого рода. Первыми, кто в давние времена посягнул на вилайет правителей Курдистана, были Сельджуки Азербайджана ⁶⁰⁷. Дело в том, что во времена султана Махмуда б. султана Мухаммада б. султана Малик-шаха Салджуки должность наместника некоторых областей вилайета Ирака Арабского была дарована атабеку 'Имададдину, сыну Ак-Сункура, а управление Азербайджаном и Арменией — атабеку Илдавизу, который Кызыл Арслану приходится дедом. Оба достойным образом взялись за то дело и являли надлежащую твердость и старание в охране и защите, попечении и оберегании [вверенных им] областей.

В 521 (1127) году владетель Мосула умер, и управление теми районами присоединили к обязанностям 'Имададдина Занги (Букв, “до сочувствия брата недалеко”). Изо дня в день возрастало его могущество вплоть до того, что он повел войска на Сирию и Алеппо и за короткое время /366/ подчинил ту страну. В 534 (1139-40) году он отправился походом на Курдистан и Диарбекир, завоевал Бидлис, Джебзире, Ашут, Акру и другие районы, разрушил крепость Ашуб ⁶⁰⁸, на ее месте основал новую и назвал своим именем — Имадия. Ныне Имадия стала центром того вилайета.

Курдистан, в частности Бидлиоская крепость, более сорока лет оставался во владении у сельджукского атабека, пока в [410] 576 (1180) году султан Салихаддин б. Нураддин б. Сайфаддин Гази Атабаки ⁶⁰⁹ не бежал, потерпев поражение в битве с египтянами. После этого на поверхности солнца их могущества и на челе луны их величия обнаружили знаки затмения. [Люди] аширата рузаки, что долгие годы скрывались за тучами горя и, как дикие звери, рыскали по горам и лесам, упорно выжидая удобного случая, [теперь], подобно тиграм и свирепым львам, спускались с гор и обрушивались на остатки [войска] атабеков. Блестящим закаленным мечом они очистили от праха чужеземцев [свои] степи и горы. Тот, кто правил в Бидлисе и тех районах как их наместник, оставил многочисленные благотворительные сооружения в городах Бидлисе и Ахлате: соборные мечети, караван-сарай и мосты. Согласно другой версии, город Бидлис находился у Кызыл-Арслана Атабаки. Так или иначе, правление Ак-Сункура в Ираке Арабском соответствует

наместничеству в Азербайджане Илдагиза, и периоды их правления совпадают ⁶¹⁰. /367/ В Бидлисском вилайете проживают их потомки — [племя] сараджийан. Сараджийан — [не что иное, как] искаженное салджукийан. Потомки [родов] тадж-ахмад, кара-куте, кули-узба-кан и других принадлежат к тому племени.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Милости и благодеяния, оказанные покойными государями правителям Бидлиса

Эта часть состоит из четырех глав

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О Малик Ашрафе

В зеркале высоких как небо помыслов сладкоречивых ораторов и сияющей, подобно солнцу, мысли златоустов-рассказчиков найдет отражение то обстоятельство, что вначале Малик Ашраф, воссевший на трон правителя Бидлиоского вилайета, был наместником султанов Египта и Сирии и современником Малик Ашрафа ⁶¹¹. Те государи оказывали ему [411] должное покровительство вплоть до 625 (1227-28) года, когда под натиском смертоносных войск Чингиз-хана султан Джалаладдин, сын султана Мухаммад Харизмшаха, оставил территорию Ирана и отправился в Индию. Когда в отдаленных районах Индии до него дошел слух о смерти Чингиз-хана, он через Кидж и Мекран ⁶¹² прибыл в стольный город Исфahan с намерением завоевать Иран, как говорит создатель изящного стиля Камал Исма'ил Исфahan ⁶¹³, — стихотворение:

Расцвела снова земля
Под благодатною сенью шатра владыки мира.

Поздравляют друг друга со спасением
Те, что остались в живых из людей и животных.

[Возрождается] землешество, появляются новые поколения,
После того как [все] было покинуто на произвол насилия и громopodobных ударов.

Чтобы снова служить при дворе твоём,
/368/ Вновь стала возрождаться человеческая природа.

Ты удостоишься долголетия Нуха, ибо в мире
[Лишь] благодаря тебе после потопа наступило благоденствие.

Ты отстоял *мимбар* ислама перед крестом,
Ты убрал колокол с места, откуда провозглашают *азан*.

С чела правосудия ты снял покрывало гнета,
Лик веры ты очистил от завесы богохульства.

И без подобия преувеличения [можно сказать], что за короткое время он очистил те области от поганных неверных, пока два года спустя, прослышав о событиях в Иране, Уктай-каан не отправил туда против султана Джалаладдина Сутай-бахадур и Чурмагун-нойона ⁶¹⁴ с тридцатью тысячами кровожадных монголов. Не имея возможности оставаться, султан отправился в Арран и Армению и завладел Тифлисом. Как говорит Камал Исма'ил — стихотворение:

Который из государей [твоей] эпохи, кроме тебя,
[Смог] накормить своего коня ячменем из Тифлиса и напоить водою из Индийского океана ? [412]

Автор истории *Раузат ас-сафа* [Мирханд] писал, что султан вначале направился из Ирака в Ахлат. Правителем Виллиса тогда был Малик Ашраф, его брат Малик Мадждаддин на правах его наместника охранял Ахлат. [Но местные жители], пребывая в самообольщении относительно Ахлата (Букв, “обоняние этой группы было так испорчено дымом от Ахлата”), так понадеялись на крепость стен, обилие запасов, многочисленность защитников, что совсем отказали султану в помощи и принялись бранить и поносить [его]. Султан тогда повелел созвать войска, дал указание приступить к осаде крепости, и с обеих сторон взвились языки пламени сражения. Когда осада затянулась, силы городского населения от недостатка провианта истощились, /369/ и разъяренные воины султана захватили городской вал. Малик Мадждаддин укрылся в цитадели, [что находилась] в центре города, — комендантом ее был 'Иззаддин, мамлюк Малик Ашрафа. Поскольку осажденные были доведены до крайности и силы людей от недостатка провианта иссякли, порешили заключить мир с султаном. В тот же день Малик Мадждаддин смирился с судьбой и явился на службу к султану. Султан простил ему [все] его ошибки и отметил [своими] царскими милостями. Но [Мадждаддин], войдя в государев меджлис, встал [и] просил [сохранить] 'Иззадину жизнь. Султан пожаловал в ответ: “Когда ищешь власть и правление, не подобает просить за своего слугу-мамлюка”. Два дня спустя 'Иззаддин также с покорностью оставил крепость, приказав своим сопровождающим надеть под кафтаны кольчуги и кирасы, намереваясь, как войдет в государев меджлис, нанести [Джалаладину] смертельную рану. Приближенные султана узнали о его коварном замысле и провели к султану обезоруженным. [Он] повелел заковать их в цепи и вместе с Мадждадином посадить в тюрьму.

Во время осады Ахлата Малик Ашраф посылал к мамлюкскому [султану] Сирии и [Египта] гонцов и послания с просьбой о помощи и содействии. Тем временем прибыли к нему на помощь войска Египта и Сирии, и Малик Ашраф вместе с войском Курдистана, военачальником которого он был, [413] выступил им навстречу, в Мушской долине присоединился к ним, и они вместе отправились “а султана Джалаладдина.

/370/ По воле судьбы султан неожиданно заболел и построил [свой] войска, сидя в паланкине. Встреча враждующих сторон произошла в Мушской долине. Трое суток продолжалась великая битва, и под конец потерпело поражение войско султана. Однако страх и благоговение пред ним столь прочно завладели сердцами [его противников], что они, не [осмеливаясь] преследовать его, возвратились назад. Султан же уехал в Ахлат.

Случилось так, что в тот же день в Армении стало известно о [прибытии] монгольского войска, и до высочайшего государева слуха из Тебриза одна за другой доходили вести о приезде Сутай-бахадур и Чурмагун-нойона. По получении такого тревожного известия дела султана приняли другой оборот, он освободил из заточения Малик Мадждаддина и 'Иззаддина, заключил мир с Малик Ашрафом и ступил [в отношениях с ним] на стезю любви, дружбы и согласия. Он испросил себе в жены дочь Малика и соединился с нею узами брака. Султан распустил войско и приближенных и укрылся в Биддесе. Там он прожил некоторое время, предаваясь забавам и кутежам, удовольствиям и развлечениям.

Через каждые несколько дней Малик Ашраф говорил ему в порядке наставления: “Такого рода ваше времяпрепровождение в Биддесе не подобает [вашему] высокому званию. Вам следует куда-нибудь уехать, а то, не дай бог, монголы узнают, явятся сюда и принесут вилайету [ваших] верных друзей разорение, а августейшей особе султана — вред”. Но как Малик Ашраф его ни уговаривал, султан объяснял его слова корыстью, [якобы] “Малика стесняют расходы, которые он несет из-за нас, и он намерен выпроводить нас из своего вилайета”, /371/ пока однажды ночью, когда султан, будучи пьяным, спал, к воротам

Бидлисской крепости не подошло монгольское войско под предводительством Аймасбахадура, требуя [выдать им] султана.

Сколько ни будили султана ото сна, он был так опьянен вином, что совершенно не приходил в себя. Чтобы привести [414] его в чувство, ему на голову вылили кувшин холодной воды, и он проснулся. Ему сообщили о прибытии монгольского войска и приготовили несколько оседланных коней. Султан сказал дочери Малика: “Сколько твой отец ни давал нам советов по этому вопросу, мы объясняли [его слова] корыстью. Поедешь ли ты теперь со мною или нет?” Девушка охотно, по собственной воле, последовала за ним, и они скрылись под покровом темноты.

В дальнейшем обстоятельства последних дней султана историкам не ясны. Но, как рассказывает в трактате *Икбалийе* со слов своего духовного наставника шейха Нураддин 'Абдаррахмана Касрафи его святейшество шейх Рукнаддин 'Ала'-аддаула Симнани ⁶¹⁵ — да освятит господь его славный корень! — султан вошел в ряды служителей господа и некоторое время занимался в одной из деревень Багдада ремеслом ворсильщика, пока не приобщился к милости Аллаха. По словам автора *Та'рих-и гузиде*, с султаном повстречался и убил его один курд, мстя за брата, который погиб в битве при Ахлате. Согласно рассказу Даулат-шаха, автора *Тазки-рат*, его убили курды, польстившись на его коня и одежду. Истина известна Аллаху!

Так или иначе, Малик Ашраф после того долгое время правил, ни одному из государей не подчиняясь ⁶¹⁶, и [наконец] переселился в мир вечности. После его смерти на трон; правителя воссел его брат Малик Мадждаддин, как уже упоминалось выше. /372/ За ним правили в той стране их сыновья и внуки, и никто их не беспокоил, пока власть над миром не перешла к его величеству Сахиб-Кирану эмиру Тимуру Гургану — да пребудет над ним милосердие и всепрощение господне!

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Хаджжи Шарафе б. Зийа'аддине

Перед блистательным всепроникновенным благословенным гением просвещенных ученых не осталось сокрытым, что из сочинений историков и людей веры — да пребудет над [415] ними милость всевышнего Аллаха! — выясняется, что в 796 (1393-94) году, что соответствует месяцу фарвардину эры Джалала ⁶¹⁷ и году Обезьяны [монгольского летосчисления], Сахиб-Киран [своего] времени эмир Тимур Гурган, покорив обитель ислама Багдад, Джебзире, Мосул, Текрит, Мардин и Амид, через Севасар ⁶¹⁸ направился к летним становищам Алатага ⁶¹⁹.

Когда его величество [государь] остановился в Мушской долине, Хаджжи Шараф, а по словам автора *Зафар-наме*, во всем Курдистане не было человека, равного ему по справедливости и великодушию, установил связь со слугами Сахиб-Кирана, смиренно [явился] с ключами от крепостей Вид-лис, Ахлат, Муш и других крепостей своих владений, с ценными дарами и приношениями, конями арабской породы и быстроногими верблюдами из Берды ⁶²⁰ и удостоился лобызания милостивых перст.

Был там один гнедой конь с черным хвостом и черной гривой, с поступью газели и статью молодой лани. Глазами он напоминал звезду Канон, раздражительностью — небеса, челом — луну, сумрачностью — Юпитера, мстительностью — Марса, мудростью — Меркурия, быстрым бегом — месяц, игривостью — солнце, очарованием — Венеру. Копыта его походили на агат, хвост — на шелк, зубы — на жемчуг, а [могучие] плечи — на наковальню.

Вместе с другими славными конями, которых /373/ привели в дар окрестные *сардары* и военачальники, его угнали в Мушскую долину. Он всех опередил, и ни один быстроногий не достиг и пыли [из-под] его копыт. Стихотворение:

Этот пегий быстроногий [конь], подобно лазурному своду,
Протянул тысячи нитей от ночного [мрака] к [белизне] дня.

Хвост его [мог бы служить] связкою для [снопа] созвездия Девы (*Сноп служит символом созвездия Девы.*),
Своим копытом он способен оставить зазубрину на диске полной луны,

Коль слетит во время скака копыто его,
Новою луною станет оно на небосклоне. [416]

Если бы [пространство] с запада до востока стало единым майданом,
Одним прыжком с быстротою молнии перелетел бы он через него.

И стремительный ураган едва ли угонится за пылью,
Которую поднял он своими передними ногами.

Завоеватель мира Сахиб-Киран осыпал Хаджжи Шарафа царскими милостями и щедротами, не знающими границ, обласкал его, отличил и вознес среди равных, [даровав ему] почетный расшитый золотом халат и портупею с золотым мечом. Он пожаловал [Хаджжи Шарафу] его область, присоединив еще Пасин ⁶²¹, Авник ⁶²² и Мелазгерд, и даровал ему на то августейший ярлык, который заканчивался хулой (*По адресу его нарушителей.*). [Государь] повелел ему заточить в Бидлисскую крепость одного из узбекских принцев, что был преисполнен злобы и вынашивал планы предательства в отношении слуг Сахиб-Кирана. И тот всемиловитейший рескрипт до 940 (1533-34) года хранился в нашей семье. В период междуцарствия, когда умер Шараф-хан и его сын Шамсаддин-хан отправился в страну персов, сопровождаемый знатными [племен] рузаки, указ Тимура и другие государевы грамоты были утрачены.

Словом, после смерти Хаджжи Шарафа за дела правления взялся его законный наследник эмир Шамсаддин, известный под именем Вали.

/374/ ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об эмире Шамсаддине б. эмире Хаджжи Шарафе

Из капель, источаемых облаками, питающими перо, и в движении прославленных перст совершенных мудрецов возникает начертание, согласно которому, когда [Кара Йусуф б.] Кара Мухаммад туркиман бежал под натиском доблестных войск эмира Тимура и укрылся у наместника Рума Илдырым Байазид-хана ⁶²³, эмир Тимур направил к [нему] гонца, [417] требуя [выдать ему] Кара Йусуфа, а с гонцом — послание, сопровождаемое такими стихами.

Не хочу я, чтобы такая обитель благоденствия, как Рум,
Мною была перевернута вверх дном.

Передай нашим рабам ключи от Кемаха,
Не делай для себя тесным [этот] обширный мир!

Кара Йусуф — это проклятый разбойник,
По чьей вине сопряжены с опасностями для паломников пути к святыне,

От которого ни одна дорога не имеет спасения,
Прибег к покровительству твоего двора.

Мечом правосудия покарай его,
Накажи его, как он того заслуживает.

Когда гонец Сахиб-Кирана прибыл в Рум и пояснил пред мироукрашающими помыслами султана Рума цель своего приезда, тот составил ответное послание Тимуру и отпустил Кара Йусуфа к правителю Египта Фарруху ⁶²⁴. Поскольку в то время правитель Египта был преисполнен в отношении Сахиб-Кирана дружбы и почтения (Букв, “любви”), он Кара Йусуфа и правителя Багдада Султан Ахмада Джалаира ⁶²⁵, что выступал за [Кара Йусуфа] просителем, — каждого в отдельности заключил в башни крепости Миср. Но, прослышав о смерти эмира Тимура, он обоих освободил из заточения и каждому повелел выбрать по пятьсот нукеров, из казны Египта назначил им содержание, дабы вошли они в число эмиров /375/ и являли старание в служении государю, [а также] вручил [им] необходимое количество коней и вооружения.

Однако из подданных Султан Ахмада в Египте никого, кроме погонщиков ослов и дворовых, не оказалось, под знаменами же Кара Йусуфа в тех местах собралась многочисленная, группа пригодных к делу людей из туркмен кара-койунлу. Жители Египта, заблуждаясь относительно численности туркмен, заявили султану Фарруху: “Если не оказать [418] Кара Йусуфу и туркменам кара-койунлу отпора, с божьей помощью они вызовут в нашей стране мятежи и смуты”.

Посоветовавшись меж собой, население Египта порешило на том, что в день игры в поло султан Фаррух прикажет Кара Йусуфу и его слугам спешиться и собрать на ристалище мелкие камни, а тем временем отряды египтян перебьют не ведающим сострадания мечом тех ни в чем не повинных людей. Кара Йусуфу стало известно об этом заговоре, и он вывел своих *мулазимов* на ристалище в полной боевой готовности. Султан, как было условлено, повелел Кара Йусуфу и его свите спешиться и очистить ристалище от мелких камней. Кара Йусуф, не сходя с коня, остановился напротив султана и сказал: “О повелитель мира! Пока у государя для рабов [своих] находилась ласка и милость, мы были [верными] слугами и подчиненными. Теперь же, когда султан, внимая речам завистников и зложелателей, намерен покуситься на жизнь и честь рабов [своих], и оставаться в этих областях не желаю”. Сидя верхом на коне, он поклонился султану, [затем] повернулся, пришпорил коня и, поторапливая нукеров, покинул ристалище. /376/ Рассказывают, до Диарбекира сто восемьдесят раз путь ему преграждали войска, и всегда одолевал он врагов силою [своего могучего] плеча, ловкостью и тактическими приемами, им примененными в тех смелых сражениях. Из Диарбекира он прибыл в Бидлие и обратился за покровительством к здешнему правителю малику Шамсадину и отдал малику [в жены] свою дочь. Тот [же] пожаловал ему район Пасина и крепость Авиик.

Кара Йусуф провел там зиму и летом 809 (1406-07) года, поддерживаемый маликом Шамсадином, в местечке Чохур-Саад имел сражение с Мирза Абу Бакром, сыном Мирза Мираншаха, сына эмира Тимура, и обратил его в бегство. К [Кара Йусуфу] перешел Чохур-Саад, Маранд, Нахчеван, Шарур и Маку. Зимой в том году он провел в Маранде. [419]

В 810 (1407-08) году Мирза Абу Бакр со своим отцом Мирза Миран-шахом и несметным войском через Ирак и Хорасан направился в Азербайджан войною на Кара Йусуфа туркимана. Встреча враждующих сторон произошла в Шамб-и Газане Тебризском ⁶²⁶, и поражение понесли войска Джагатая (Т. е. монгольские войска.). Мирза Миран-шах был убит, и Азербайджан безраздельно перешел к Кара Йусуфу.

Изо дня в день все выше восходила его счастливая звезда, и по-прежнему между Кара Йусуфом и эмиром Шамсадином наблюдалось единодушие и согласие. [Кара Йусуф] обходился с ним как с сыном и, утвердившись на султанском троне, пожаловал ему во владение вилайет Бидлиса с относящимися и прилегающими к нему районами. Грамоту, им

дарованную эмиру Шамсадину по этому случаю, можно пересказать в следующих выражениях.

Текст грамоты ⁶²⁷:

“Да ведают дражайшие дети [наши] — да хранит их всевышний! — все эмиры улусов, /377/ туманов, тысяч и сотен, военачальники, правители, финансовые чиновники, землевладельцы, городские старшины, простой народ и вельможи, квартальные и сельские старосты Курдистана — все, высокорожденные, знаменитые и прославленные, жители и обитатели Бидлиса, Ахлата, Муша и Хнуса с относящимися и прилегающими к ним областями, что, поскольку очевидны совершенная преданность, единодушие [с нами], крайнее отличие и самоотверженность, предельная стойкость и благонадежность, его сиятельства, прибежища эмирата, дражайшего сына [нашего] — величайшего, справедливейшего, наиразумнейшего, благороднейшего эмира, эмира эмиров Ирана, эмира Шамсадина Абу-л-Ма'али — да продлит господь всевышний дни державы его, победы его, славы его и благоденствия его вплоть до дня Страшного суда! — в соответствии с нашими царскими помыслами мы нашли необходимым и целесообразным, как и прежде, отличить и вознести упомянутого эмира среди равных ему всевозможными милостями и [420] пожалованиями. Это и послужило причиной появления и обнаружения на страницах обстоятельств его знаков благодеяний и щедрот государевых. Ныне и незамедлительно мы вновь жалуем ему на правах правителя, эмира, повелителя и владетеля поземельную подать и налоги ливанские с Бидлиса, Ахлата, Хнуса, Муша и других крепостей и подчиненных областей вместе с окрестными, прилегающими и относящимися к ним районами, что ранее принадлежали упомянутому эмиру. Пожалованы они ему без права чьего-либо вмешательства и соучастия. И этот, распространяющий над всеми странами божественную благодать, указ издан с тою целью, чтобы утверждению вышеупомянутого эмира на пост правителя, хакима и владетеля округов, местностей, зимних становищ и деревень, которые еще ранее принадлежали упомянутому эмиру, препятствий не чинили, вокруг не околачивались и не беспокоили подданных и людей его. Каждый, кто поступит противно указу, ответит [за это] /378/ и понесет самое суровое наказание. Эмиры, начальники, знатные и высокорожденные, население и коренные обитатели Бидлиса, Ахлата, Муша, Хнуса с местностями и деревнями, коменданты и жители крепостей обязаны всегда признавать его светлость — прибежище эмирата, сына [нашего] своим эмиром и правителем, неукоснительно следовать слову, совету и помыслу его и являть послушание, преданность и верность. Во всех тяжбах, важных делах и торговых операциях пусть всецело полагаются на доверенных лиц вышеупомянутого эмира, с чем бы он ни обратился [к ним], будут покорны и послушны и всюду поступают таким образом. Когда [грамота] украсится высокой и благородной государевой печатью, пусть ей верят. Писано в [день] десятый месяца раби'-ал-аввала 820 (27 апреля 1417) года”.

Автор *Матла' ас-са'адайн* ⁶²⁸ рассказывает, что сорок дней спустя после смерти Кара Йусуфа, в день восемнадцатый священного месяца зу-л-хиджжа 823 (21 декабря 1420) года эмир Шамсадин через одного из верных слуг направил в Арранский Карабаг ко двору Мирза Шахруха послание с [421] изъявлением благопожеланий. В начале весны, когда Мирза уехал из зимних становищ Карабага к границам Арзинджана на войну с сыновьями Кара Йусуфа туркимана, первого джумади-л-аввала 824 (4 мая 1421) года от имени правителя Бидлиса эмира Шамсадина в местечке Китме-Гийаси Казн Мухаммад передал Мирза Шахруху многочисленные дары и приношения, был допущен в его августейший диван и довольный возвратился назад. Когда же победоносное войско Шахруха разбило шатры свои в окрестностях Ахлата, на стоянке Маргу, которая представляла собою зеленые, цветущие луга, /379/ эмир Шамсадин с несколькими курдскими эмирами встретил августейший кортеж. Первого дня [месяца] джумади-с-сани упомянутого года он

удостоился лобызания милостивых перст и благосклонного чудодейственного взора. [Шамсаддин] был отмечен царскими милостями и падишахскими щедротами, и [государем] были подписаны новые грамоты “а управление Бидлисом. В день шестнадцатый упомянутого месяца он получил позволение уехать и отбыл в свой вилайет.

Без подобия преувеличения и краснобайства, без тени нарочитого восхваления и пристрастного описания [можно сказать], что эмир Шамсаддин был мужем в высшей степени благочестивым (Букв, “верующим в единство бога”), мудрым и могущественным в делах правления. Население той страны питало к нему неизъяснимое доверие. По-видимому, случилось так, что, когда прошел он семь ступеней [духовного совершенствования], в нем появилось нечто, присущее близости [к всевышнему], ибо известно предание, передаваемое некоторыми трактатами по суфизму, что дикие звери и птицы были его преданными друзьями. Когда совершал он омовение, хищники пили воду из благословенных ладоней того святого мужа. Ему приписывают много других чудесных и необыкновенных деяний, рассказ о которых здесь был бы неуместен. Его драгоценное время неизменно посвящалось милостивым беседам и общению с благородным сословием ученых и совершенных и высокодостоинным братством суфиев. В народе он известен как эмир [422] Шамсаддин ал-Кабир (“Великий”), и постоянно жители той страны возносят молитвы за благочестивую душу того святого мужа.

Во времена смут, вызванных туркменами, он стал чеканить свою монету и установил *хутбу* на свое имя, и поныне в городах Курдистана известны монеты из [сплава] золота и серебра [весом] в один мискаль, называемые “шамсадини”, — знатные /380/ Курдистана сохранили их как залог удачи и преуспевания,— это своими глазами наблюдал сей ничтожный. Он лично видел три разновидности дирхемов, носящие имена трех правителей Бидлиса: первый — имя Мухаммада б. Шарафа, второй — Шарафа б. Мухаммада и третий — Шамсадина б. Зина'аддина.

Тому достойному принадлежит построение странноприимного дома, лечебницы, постоянного двора и соборной мечети на Гёк-Мейдане, основанной им в 810 (1407-08) году и известной [под названием] Шамсийе. Селение Гармит, относящееся к Мушу, деревня Кафо, подчиненная области Карджиган, деревня Казух, расположенная между Арджишем и Адилджевазом, вместе с четырьмя поселениями, семь лавок, один караван-сарай, двадцать армянских дворов в самом Бидлисе и окрестностях остались от добрых деяний его светлости, не считая того, что погибло от смут времени. Странноприимный дом существует поныне — нищим и местным жителям [там] дают хлеб и похлебку. Селение Казух же является вакфом для простого народа и знатных — там путники могут получить хлеб и еду.

Наконец, в городе Ахлате эмир Шамсаддин удостоился мученической кончины от руки сына Кара Йусуфа туркмана — Мирза Искандара, который отличался необыкновенною глупостью и невежеством. Согласно традиции тело того благородного перевезли из Ахлата в Бидлис и похоронили к востоку от Гёк-Мейдана, напротив его странноприимного дома. По другой версии, он покоится в Ахлате, и относительно места его погребения мнения расходятся. Устная традиция объясняет причину его гибели так. Жена его, молочная [423] сестра Искандара, как и он, была туркменского происхождения. Натура ее питала неистощимую страсть к верховой езде, игре в мяч и стрельбе из лука, /381/ и время от времени ей приходило в голову предаваться тем занятиям в Бидлисе. Как великий эмир ни отговаривал ее от того опасного занятия: “Мы — курды, и обычаи туркмен нашими людьми не одобряются, лучше оставить это”, она не унималась. Стихотворение:

Коль не выходит дело добром,
Оно непременно кончается позором.

Как и следовало ожидать, начались раздоры и препирательства. Эмир Шамсаддин, доведенный до предела дерзостью и бесстыдством молодой женщины, ударом кулака выбил ей зуб. Та завернула тот зуб в бумагу и отправила в Арджиш к своему брату послание, полное жалоб и сетований. Когда эмир Шамсаддин поехал в Ахлат для встречи с [Мирза Искандаром], тот наглый тиран, прозванный Дилу Искандаром (“**Неистовым Искандаром**”), убил его. Но автору этих строк такая версия представляется сомнительной. Ясно, что причиной убийства великого эмира послужили тесные связи и дружба его с двором Мирза Шахруха.

Так или иначе, после мученической кончины того великого эмира правителем вилайета и держателем ожерелья власти стал его законный наследник эмир Шараф. Это был человек не от мира сего — умопомешанный. По ночам он забирался в банные печи, построил железную клетку и днем сидел там, беспрестанно повторяя такие слова: “Место самца куропатки в клетке”. По этой причине жизнь его оказалась недолговечнее времени цветения розы, и на страницах эпохи от него не осталось никаких следов. Стихотворение:

Весел ты или печален в этом караван-сараях,
Ты никогда не чувствуешь уверенности в этом вечно изменяющемся мире. [424]

[Но] сколь все равно мы должны /382/ покинуть это жалкое обиталище,
Радость лучше, чем горе, веселье предпочтительнее скорби.

Достойные доверия авторы повествуют, что жена эмира Шарафа Шахим-хатун была из дочерей владетелей Хасанкейфа. Еще при жизни мужа она взяла от улемов *фетву* ⁶²⁹ и соединилась узами брака с эмиром Саййиди Ахмадом Насир-аддини. Когда эмир Шараф прошествовал в райские сады, после него остался один малолетний сын по имени Шамсаддин, который еще не подходил для управления и власти. По этой причине бразды правления в Бидлисском вилайете перешли в достойную десницу эмира Саййиди Ахмада и Шахим-хатун.

После этого события племенная знать рузаки принялась бунтовать и своевольничать, каждый по своему усмотрению захватывал один из округов Бидлиса. Так, эмир Мухаммад Насираддини завладел Ахлатом, 'Абдаррахман-ага кавалиси — округами Чукур и Муш, и среди племен рузаки начались раздоры и препирательства. Каждый претендовал на власть и желал стать эмиром. Стихотворение:

Когда страна лишается правителя,
Каждый деревенский староста мнит себя *вали*.

Некоторое время дела вилайета обстояли таким образом, пока однажды эмир Шамсаддин не выехал из Бидлисской крепости на охоту. Некий 'Умар Йадгаран из аширата байики, нагрузив несколько ослов топливом, обычным путем направлялся из района Кефандур в город торговать. У моста Араб они встретились. 'Умар, пренебрегая вежливостью, не убрал с дороги 'Своих ослов и так их погнал, что задел поленом эмира Шамсадина по колену. Тот сказал: “Эй, глупый осел! Что у тебя глаз нет /383/ присмотреть за своими ишаками, пока люди пройдут?” 'Умар, со своей стороны нарушая приличия, дерзко заявил в ответ: “У того глаз нет, кто не видит собственных недостатков”. Эмира Шамсадина слова его привели в крайний гнев и ярость, и он уже готов был оскорбить и обидеть его, но по своему милосердию и [425] снисходительности предпочел сдержаться и дал ему пройти безнаказанно. Стихотворение:

Коль будешь ты терпелив, без сомнения,
Мало-помалу терпение принесет тебе счастье.

После того как гнев у него прошел, он подумал: “А вдруг дерзость этого неуча имела под собой какую-то почву?” Возвращаясь с охоты, он увидел 'Умар Йадгарана, который продал свои дрова и ехал домой. [Эмир] подозвал его к себе и сказал: “Эй ты, невежественный курд, эти сказанные тобою слова были нелепыми и пустыми, ты поступил невежливо”. Тот смиренно стал просить извинения: “О истинно благороднорожденный! О свет ясного ока! Раб [ваш] не допускал неучтивости, а единственно, желая вам счастья, из самых чистых побуждений произнес на курдский манер несколько слов. Коль желаешь ты слушать, то потребуй твоего покорного слугу к себе на беседу, и я подробно все доложу”. Эмир попросил его подробно пояснить эти слова. 'Умар без преувеличения и без утайки от начала до конца поведал ему, как; помнил, историю его родительницы и эмира Саййиди Ахмада Насираддини — как при жизни отца его она взяла от улемов *фетву* и вступила в брак с ним, и как они захватили власть. /384/ Эмир Шамсаддин одобрил благие его помыслы и спросил: “Как же можно поправить дело и вернуть утраченное?” 'Умар сказал: “Следует одного за другим привлечь к себе таких-то и таких-то подходящих юношей племени рузаки, обещаниями и угрозами склонить на свою сторону и обратить в своих единомышленников. А потом я скажу тебе, как поступать [далее]”.

Эмир Шамсаддин последовал совету — ежедневно он призывал к себе одного-двух юношей [племени] рузаки и брал с них клятву верности. Мир Саййид Ахмад, узнав об этом, бежал, прибегнув к покровительству правителя [племени] бохти мир Абдала. Вскоре эмир Шамсаддин убил свою мать и поспешно направился в вилайет Бохтан в погоню за мир Саййид Ахмадом. Когда эмиру Абдалу стало известно о наступлении эмира Шамсаддина, он собрал свое войско, подошел к [426] берегу реки Зальм ⁶³⁰, подготовился к битве и сражению и выступил навстречу эмиру Шамсадину. Войска вот-вот должны были столкнуться, когда эмир Шамсаддин послал к эмиру Абдалу гонца и потребовал у него мир Саййид Ахмада. Эмир Абдал в ответ заявил: “Такое требование будет уместным, если вы передадите нам мир Хасана ширави, который перед этим убил одного из сыновей эмиров бохти, потом бежал и укрылся при вашем дворе. Мы же со своей стороны передадим вам мир Саййид Ахмада”.

Словом, после обмена гонцами и посланиями порешили на том, что вместо мир Хасана ширави эмир Шамсаддин в качестве заложников пошлет несколько человек из знати рузаки, /385/ а [эмир Абдал взамен] передаст мир Саййид Ахмада; потом эмир Шамсаддин отошлет к нему мир Хасана, а [эмир Абдал] возвратит ему представителей знати [рузаки]. В соответствии с этим эмир Шамсаддин отправил в качестве заложников за мир Саййид Ахмада нескольких смельчаков — отличных пловцов и мужественных воинов, и так с ними условился: “Вам нужно быть на берегу реки. Как только в нашем лагере послышится шум и начнется подготовка к ночной атаке, бросайте своих коней, оружие и снаряжение и голыми кидайтесь в воду. Вплавь перебирайтесь на другой берег и присоединяйтесь к нашему войску, ибо я никоим образом не склонен выдавать эмира Хасана племени бохти”.

Представители знати рузаки, следуя указанию, направились к эмиру Абдалу. Тот со своей стороны послал эмира Саййид Ахмада с просьбой взамен передать эмира Хасана — [тогда] меж ними наступит мир и согласие и [заложники] будут освобождены.

Когда владыка четвертого неба снял с головы золотой венец [свой], ночь облачилась в черные одеяния Аббасидов, а покинутый солнцем небесный свод раскрыл [свои] очи в ожидании хранителей мрака, эмир Шамсаддин мечом возмездия прервал нить жизни неблагодарного эмира Саййид Ахмада и послал храбрецов рузаки в ночную атаку к берегу реки Зальм. Дозорные войска бохти, приведенные в смятение их стремительным натиском, подняли крик. Между тем [427] представители знати рузаки, заметив происходящее, бросились в воду и, переплыв [реку], присоединились к своему войску.

На рассвете, когда властелин востока /386/ устремил ввысь лучезарные стяги, принуждая несметные полчища звезд, оставив берега моря заката, вернуться в четвертую небесную сферу, и направил свои высокие помыслы на то, чтобы рассеять ночную тьму, оба войска ступили ногою мужества на ристалище отваги, готовые ринуться в бой, и на берегу реки подготовились к сражению.

[Тогда] эмир Шамсаддин, пришпорив своего коня, выехал вперед и сказал: “О эмир Абдал! Я убил своего слугу, который допустил в отношении меня предательство и измену. Отныне к вам я не питаю ни вражды, ни неприязни. Если [все же] вы желаете споров и препирательств, то вот поле битвы и вот воины”. Когда эти слова дошли до слуха [людей] племени бохти, эмир Абдал тоже выступил вперед и сказал: “О эмир Шамсаддин! Великие отцы и деды ваши с давних времен почитались нашими дедами как старшие, всегда меж ними были раскрыты врата искренности и дружбы, и они следовали путем взаимного согласия и любви.

Полустишие: “Упаси меня господь, коль предприму я дело”, противное старинному обычаю, отвергнутое и проклятое создателем и [его] творениями, которое покрыло бы [меня] позором в этом мире и в мире будущем. Сколь эмир Саййид Ахмад забыл о своем месте, вышел за рамки учтивости и получил по заслугам, ныне, уповая на благородство нрава и добродетель [вашу, мы надеемся], что, свернув ковер ссоры, вы заложите основание единения и дружбы [с нами]”.

Когда эмир Шамсаддин увидел, что эмир Абдал начал всячески извиняться, говорит учтиво и мирно, меж обеими сторонами установилась дружба и согласие, и он изволил вернуться обратно. С того дня был он назван /387/ мир Шамсаддин Душвар (“Непреклонный”). У него было пять сыновей: Султан Ахмад, Султан Махмуд, Зийа'аддин, эмир Шараф и эмир Ибрахим. Султан Ахмад, Султан Махмуд и Зийа'аддин в 835 (1431-32) году [428] умерли от чумы. Эмир Шараф также в назначенный [судьбою] срок в расцвете молодости и весны жизни покинул [этот] бранный мир. После смерти отца наследником стал эмир Ибрахим. Некоторое время он правил, а когда прошествовал в мир вечности, место отца заступил его законный наследник эмир Хаджжи Мухаммад. В 847 (1443-44) году он основал в центре города Бидлиса на берегу реки Рабат медресе и мечеть и через год закончил их строительство. В 865 (1460-61) году он был принят под сень господней милости. Похоронили его возле медресе. Памятью после него на страницах судьбы остались два достойных сына — Ибрахим и эмир Шамсаддин. Согласно завещанию отца эмир Ибрахим взялся за дела управления, и обстоятельства его жизни будут подробно описаны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Об эмире Ибрахиме б. эмире Хаджжи Мухаммаде

Выше на скрижалях повествования было начертано красноречивым пером, что между Кара Йусуфом Кара-Койунлу и правителями Бидлиса неизменно сохранялись отцовско-сыновние отношения и близость. Когда Узун Хасан Ак-Койунлу убил сына Кара Йусуфа Джиханшаха ⁶³¹ в силу давней вражды, что существует между двумя этими племенами, и полностью завладел вилайетами Диарбекира, Армении и Азербайджана, все свои помыслы и устремления он направил на искоренение рода Кара-Койунлу и истребление семей [их] друзей /388/ и близких.

Первым делом он поручил Сулайман-беку Бижая-оглы, который был из числа его великих эмиров, с неисчислимым войском завоевать вилайет Бидлиса и схватить местных правителей. Сулайман-бек с несметными полчищами пошел на Курдистан. Когда

показалась Бидлисская крепость и войско туркмен разбило [свои] шатры, эмир Ибрахим б. Хаджи Мухаммад, который был в то время правителем [Бидлиса], усилил оборону крепостных ворот и укреплений. Сулайман-бек вскоре приступил к осаде крепости и подготовил осадные орудия. [429]

Три года подряд стоял он у Бидлисской крепости. Каждый год, когда озаряющее мир солнце проходило точку осеннего равноденствия, а владыка небесной сферы, боясь холодов и стужи, прятал голову в беличью [шубу] облаков, когда лужайки лишались [своего] пестрого убранства, а розарии — цветистого украшения, деревья сбрасывали свои наряды из плодов и листьев, а цветники теряли недолговечные златотканые одеяния, Сулайман-бек, усмирив дива гнева уверенностью, что он своего добьется, направлялся к зимовищам Мардина и Бешири. И снова в начале весны, когда нежный ветерок [во время] цветения душистых трав и цветов обращал сады земной поверхности в предмет зависти райских садов, Бижан-оглы из глубин [своего] мрачного логова отправлялся в Бидлис на войну с храбрецами войска [курдского] и героями, подобными Рустаму. Для завоевания крепости приняты были все меры: цитадель была окружена со всех сторон и отовсюду на нее были направлены пушки и катапульты. [Летающие] сверху и снизу камни и стрелы /389/ выбивали мозг из голов героев и душу из тела богатырей. Стихотворение:

Подобно ресницам красавицы, сомкнулись два ряда сражающихся.
Один [ряд] — внизу, второй — наверху.

Когда падал сверху камень,
Как лев, рычал бык, на котором держится земля.

Стоило в небо взлететь одной стреле,
Как там вставала [целая] решетка [стрел].

Возгорясь злобою, небесный свод
Обратил в лассо сверкающее солнце, а луну в [его] петлю.

Уподобившись безжалостному времени, ружье
Нарушило мир и спокойствие.

Крепостные башни от крови героев
Приняли окраску тюльпана, подобно цветам граната.

Так как осада затянулась, голодом, недостатком провианта и многочисленными болезнями осажденные были доведены [430] до крайности. От чумы и эпидемий [холеры] погибло столько народу, что в живых при эмире Ибрахиме осталось не более семи человек. Тогда поэт Махмуд-оглы, панегирист Сулайман-бека, сочинил и послал Хасан-беку оду на турецком языке, включив в нее такое двустишие:

Великий государь! Этот курд из Бидлиса
Не покорится Сулайману.

Словом, когда дела для обеих сторон дошли до крайних лишений, болезней и голода, а страдания и муки достигли Предела, заговорили о мире как о благе. Тогда выступили посредники и порешили на том, что Сулайман-бек пощадит жизнь эмиру Ибрахиму, а тот со своей стороны, отказавшись от крепости и вилайета, передаст их [Сулайман-беку]. Обе [стороны] согласились на такие условия, о которых было доложено Хасан-беку. От него был доставлен перстень для скрепления договора, и мир был заключен.

Эмир Ибрахим оставил крепость /390/ и уехал в Тебриз на службу к Хасан-беку, а Сулайман-бек завладел крепостями и областью Бидлиса.

Рассказывают, что эмира Ибрахима послали в Азербайджан с двенадцатью семействами из аширата рузаки, в число которых входила и семья Шамс-и 'Акилан. По прибытии его в Тебриз Хасан-бек определил ему в городе Куме ⁶³² содержание и отослал в Ирак. До конца дней своих Хасан-бек почитал своим долгом оказывать эмиру Ибрахиму должное покровительство. Когда жизнь его подошла к концу и он испил из рук кравчего судьбы напиток смерти, нити от [всех] дел царства попали в достойные руки его сына Йа'куб-бека, и [он] повелел убить эмира Ибрахима в наказание за непокорность племени рузаки и смуты в Бидлисском вилайете. Этот приказ был приведен в исполнение в городе Куме.

После него осталось три сына: Хасан 'Али, Хусайн 'Али и Шах Мухаммад от женщины, которую эмир Ибрахим взял в жены из кумской знати.

На протяжении двадцати девяти лет Бидлисский вилайет пребывал во владении Ак-Койунлу, и дела племени рузаки [431] пришли в расстройство. Что же до именитых людей [этого народа], то они разошлись по разным сторонам, а некоторые укрылись в уединенных местах... в отрыве... (В тексте пропуски.). Убрав ноги под полу терпения и покорности, они закрыли пред собою врата входа и выхода. [Самый] выдающийся из сторонников семьи Зийа'аддина ⁶³³ — Мухаммад-ага Калхуки, который служил опорой аширатам и племенам рузаки, был вынужден поступить на службу к туркменским эмирам Ак-Койунлу и проживал в Ираке. Большею частью /391/ он отправлялся в город Кум на службу к сыновьям своего благодетеля, в пределах возможного выполнял долг ревностного служения и искренней преданности, являя любовь и чистосердечную привязанность. Как человек, повидавший мир и сведущий, вкусивший от судьбы горячее и холодное, он иногда намекал на многочисленность сторонников и защитников племени рузаки, величие и древность их рода по сравнению со всеми родами (Букв, “очагами”) и семьями высокодостоинных эмиров Курдистана. Каждую минуту он с похвалой отзывался о мягкости бидлисского климата, усладе садов и лугов его. Час от часу завоевание крепостей и вилайета [Бидлиса] и изгнание врагов и супротивников представлялось ему все более легким, тьма с большою осторожностью он не высказал ту мысль вслух: “Если кто-нибудь из сыновей эмиров пожелает пойти в Курдистан, к моменту его прибытия в те пределы соберется [у него] столько сторонников и пособников из курдских аширатов и племен, что с помощью всевышнего Аллаха представится возможность без труда отвоевать крепости и вилайет. И наилучшим образом будет восстановлен древний род”.

Наконец, тайну эту он поверил их матери (В тексте “его матери”. Имеется в виду мать Хасана 'Али, Хусайна 'Али и Шах Мухаммеда.) и повел разговор в таком направлении: “Если бы одного из сыновей своих вы отправили в Курдистан вместе с вашим преданным слугою, он собрал бы вокруг [своего господина] ашират рузаки. Мы силою вырвали бы из-под власти туркменских [432] наместников Ак-Койунлу крепости и районы Бидлиса, и вновь восторжествовало бы правосудие. Все ашираты и племена, которые вот уже целую вечность скитаются от порога к порогу, возвратятся в свои исконные земли и наденут на себя ярмо послушания /392/ ему”.

Словом, своими подкрепленными решительными доводами речами он заставил госпожу задуматься и так усердствовал в этом направлении, что несчастная мать волей-неволей примирилась с отъездом сыновей и препоручила Мухаммад-аге Хасана 'Али и Хусайна ['Али]. [Мухаммад-ага] взял сыновей эмира и привез их в вилайет Хаккари, оставив на попечение надежных людей в аширате ассирийцев, который называют на языке того народа [племенем] корзинщиков. [Поручая их, он сказал]: “Это мои дети. Оберегая их, следует забыть о беспечности и нерадении”. Сам он направился в вилайет Бидлиса, чтобы известить приверженцев, доброжелателей и сторонников семьи Зийа'аддина о прибытии сыновей их

благодетеля, потребовать у них помощи и содействия и приступить к завоеванию вилайета [Бидлиса].

Случилось так, что ассирийцы тем временем взбунтовались против своего правителя 'Иззаддин Шира и вступили в распри с ним, свернув с пути покорности и послушания, верной службы и повиновения и избрав путь мятежа. 'Иззаддин Шир, желая наказать их, двинул войска на непослушное племя. Те недостойные тоже приготовились к битве и сражению и показали чудеса храбрости и героизма. Стихотворение:

Когда не остается другого выхода,
Рука хватает рукоять острого меча.

Хасан 'Али и брат его, будучи среди ассирийского племени, погибли в том сражении. После того как Мухаммад-ага Калхуки радостною вестью о прибытии сыновей эмира привлек на свою сторону ашират рузаки и заручился его поддержкой, договорился о совместных действиях с великими эмирами. Курдистана, /393/ внезапно пришло известие о трагическом душераздирающем событии, о печальной участи, [433] [постигшей] сыновей эмира. Судьба отвернулась от него. От носа стариков и молодых того несчастного племени к изменчивым небесам поднялся дым горестного изумления, а крики и стенания достигали зенита небесной сферы. От фонтанов их глаз образовались потоки крови. В безысходном отчаянии катались они в прахе и крови, накинув на плечи черные покрывала и накрывшись траурными плащами, и вместо воротника раздирали одеяния своей души. Стихотворение:

Не осталось ока, которое бы не оплакивало кровавыми слезами этого несчастья.
Груди, которая бы не печалилась этому событию.

Действительно, на горизонте явлений не восходила ни одна звезда счастья, которая бы не закатилась, а на созерцаемой [нами] поверхности к небу не возносил вершины ни один дворец, который бы не пострадал от ударов брэнности. Стихотворение:

В цветнике вселенной [еще] не выросло дерево,
Которое бы пощадил удар секиры.

В этом разноцветном, как оперенье фазана, саду
Не останется ни цветка на лужайках, ни кипариса.

Словом, после этого события Мухаммад-ага погрузился в бездну смятения, и поединок с пучиной страданий стал уделом того несчастного. Ураган горя и волны скорби унесли якорь его терпения и покорности [судьбе], и корабль его смирения стал добычей крокодила небытия в водовороте бед и несчастий. Обезумев от предельной тоски, он спустил паруса мужества (В тексте *** “гибель”, по смыслу предложения более подходит чтение *** “храбрость”.) со словами: “Жаль те два бутона цветника власти, что выросли в розовом саду эмирата и увяли под знойным самумом смерти, так и не насладившись благоуханным дыханием ветерка управления; увы, погибли от пламени судьбы те два вольных кипариса, что раскинулись над [434] полноводною рекою царства, /394/ [погибли], так и не испив воды из истоков владычества”.

Одновременно с этим роковым событием один из друзей известил Мухаммад-агу, что брат эмира Ибрахима эмир Шамсаддин находится в округе Арух — в то время когда Сулайман-бек Бижан-оглы осадил эмира Ибрахима в Бидлисской крепости, он (Шамсаддин) каким-то образом бежал из Бидлисской крепости и укрылся в аширате бохти. Там он взял в жены дочь эмира Мухаммада Арухи, и от нее у него есть сын по имени Шараф-бек. И ныне отец и сын — оба находятся в аширате бохти.

Мухаммад-ага, услышав такую весть, преисполнившись радости, отправился туда и удостоился счастья служения эмиру Шамсаддину. При встрече с ним, когда [Мухаммад-ага] увидел воочию на челе его деяний знаки величия, а на лбу его упований признаки проницательности, Мухаммад-аге пришлось по нраву похвальные его манеры и обращение. И поведал он свою исполненную скорби историю с самого начала до того момента, так что эмир Шамсаддин явил сострадание и сказал: “Каковы же теперь ваши цели и устремления?” Тот доложил: “Я умоляю вашу милость (**В тексте — мулазиман “слуги”. В данном случае это форма, служащая для обозначения личности самого Шамсаддина.**) протянуть руку решимости из рукава мужества, вставить ногу удачи в стремя неустрашимости и направиться на завоевание Бидлисского вилайета”. Шамсаддин удостоил его просьбу согласия, и они вместе отправились в Бидлисский вилайет.

Ко времени его прибытия в те пределы вокруг него собралось тысяча пятьсот пригодных к делу людей из аширата рузаки, и вскоре они приступили /395/ к осаде крепости. Управление Бар'гири, Арджишем и Адилджевазом тогда принадлежало туркменам племени мухаммад-шалуи. Узнав, что эмир Шамсаддин подошел к Бидлисской крепости, несметным полчищем они двинулись [на Шамсаддина], и эмир Шамсаддин выступил навстречу туркменскому войску. Встреча двух враждующих сторон произошла в районе Рахва. Обе [435] приложили большие старания и усилия, мужественные курды проявили чудеса доблести и геройства, но все оказалось бесполезным. Стихотворение:

Коль не даруют [тебе] счастья эти старые небеса,
Силой его на аркане не притянешь.

Под конец поражение потерпело войско [племени] рузаки. Прежде чем эмир Шамсаддин завладел вилайетом, ангел смерти стер его имя со страниц бытия. Не успел он сорвать и одной розы в цветнике власти, как студёный ветер судьбы разломил в его сердце колючку безнадежности. [Что же до] Мухаммад-аги, то с тысячей трудностей и лишений он выбрался из того опасного места и, отрешившись от жизни и [этого] мира, убрал голову в воротник, а ноги под подол со словами — стихотворение:

Что за судьба у меня, несчастного, о боже,
Что не исполняет она ни одного моего желания.

Когда спрятал он голову в карман ожидания и избрал угол затворничества, страстное желание величия покинуло его сердце. Он пребывал на коленях отчаяния, как неожиданно до его достойного слуха донесся небесный глас и божественное речение — стихотворение:

“Приди, о слабый разумом! К чему эта немощность?
Правило путешественников — быстрота и находчивость.

Зерно начинает прорастать под землей,
Но, сколь есть у него упорство, под конец оно поднимается над нею.

Именно энергии обязан янтарь неодолимой силой,
С которой он притягивает к себе солому /396/ без помощи рук.

Да что янтарь, что притяжение [к нему] соломы, —
Когда гору с пути сносит старание и упорство.

Вставай, шпорами решимости пусти вскачь коня устремления, ступай в Ирак и доставь в ашират рузаки эмира Шах. Мухаммада, сына эмира Ибрахима, что остался в Куме, — это дело касается его”.

Уповая на слово божье, которому чуждо подобие лжи и [436] лицемерия и которое преисполнено истинности и правдивости, Мухаммад-ага без промедления направился в Ирак. По прибытии туда рассказал он печальную историю Хасана и Хусайна, в точности

напоминающую событие, имевшее место в Кербеле. Без прибавления и без утайки поведал он матери молодых людей о гибели эмира Шамсадина, о просьбе к его светлости эмиру Шах Мухаммаду сделать одолжение и отправиться в Курдистан, где его ожидает ашират рузаки. Несчастливая мать принялась стенать и плакать. Напрасно приносил он извинения и приводил всякого рода объяснения. Крайне возмущенная новой просьбой Мухаммад-аги, она обратилась к нему со словами, исполненными неприязни. Тот продолжал упорствовать и настаивать, утешая ее мягкими речами. Он говорил: “[Люди] аширата рузаки в мольбе припали челом к земле, воздели руки к небесам и просят милостивого и щедрого владыку [нашего] — да возвеличится его слава и да распространятся на всех его благодеяния! — обмыть их воспаленные очи пылью, [подымаемой] свитой эмира Шал Мухаммада”.

Несчастливая мать была вынуждена поручить свое родное возлюбленное детище Мухаммад-аге и отправить в Курдистан. По другой версии, эмира Мухаммада без согласия матери обманом увезли и доставили в Бидлис. Но несомненно, что в /397/ 900 (1494-95) году эмир Шах Мухаммад удостоил Бидлис чести [своего] августейшего прибытия. Под его знаменем собрался многочисленный отряд, и [все] забили в барабаны радости и веселья. Все [люди] аширата рузаки принесли благодарения и хвалу господу богу — да славится имя его! — и раздали бедным и нуждающимся милостыни.

Тотчас промеж себя они бросили игральную кость совета по поводу завоевания Бидлисской крепости и вилайета, следуя святому стиху: “Советуйся с ними о делах...” (Коран, сура 3, стих 153.). Мнения сошлись на том, что, поскольку в результате нескольких известных походов на Бидлискую крепость эмир Шамсадин и [представители] знати рузаки погибли, ныне в соответствии [437] с нуждами времени следует найти нескольких храбрецов (Букв. “Лазающие по [крепостным] стенам”.) и в час вечернего намаза, когда небеса облачатся в траурные одеяния, а кровожадный Марс, желая завоевать лазурную твердыню, закинет лассо на стенной зубец небесной цитадели, храбрецы взберутся наверх и прикрепят к зубцам крепости веревки желаний — иным путем завоевание невозможно.

Когда помыслы предвечного преисполняются благорасположением к кому-нибудь, что бы тот ни задумал, все сбывается, ибо “когда Аллах пожелал что-либо, он нашел и пути свершения”. И вот, следуя такому решению, для осуществления этого важного дела нашли несколько человек из аширата байики и мудаки и доставили [их] к эмиру Шах Мухаммаду, порадовав его [своими] твердыми обещаниями. Те люди обязались, закинув на зубец крепостной стены аркан [своего] устремления, ступить ногою намерения на желанную высоту либо отдать дорогую душу хранителям бедствий и скорби, а тело свое — бешеным собакам и воронам на съедение.

Когда порешили на том, началась /398/ подготовка [осадных] орудий и снаряжения, лестниц и веревок. Случилось так, что в услужении при эмире Шах Мухаммаде был Абу Бакр-ага байики — человек опытный и сведущий в делах, честный и добродетельный, способный заглянуть в будущее и постигнуть прошлое. Он сказал [эмиру]: “Пока Бидлис находился под властью туркмен, [ваш] покорный слуга занимался приготовлением лестниц в надежде, что наступит день, когда явится наследник власти и я смогу оказать ему услугу. И ныне я располагаю нужным вам количеством деревянных и веревочных лестниц. Я их положил в хумы ⁶³⁴ и закопал в землю в ожидании подобного дня. Милостью Аллаха обстоятельства примут оборот, отвечающий упованиям рабов [его]. Стихотворение:

Благодарение богу — все, что я просил у него, исполнилось в соответствии с моим желанием”. [438]

Абу Бакр без промедления доставил лестницы. Преданность и единодушие, верность и добрая служба его пришлись по нраву эмиру Шах Мухаммаду, и он за эту услугу пожаловал ему во владение селение Хазунагин, относящееся к Тадвану, и деревню Иксур.

Словом, в темную ночь, когда солнце и луна сбились с пути, а небеса ничего не различали, несмотря на тысячи очей [своих], подобно утреннему ветерку, храбрецы поднялись наверх со стороны Черной башни, что находится в северной части крепости. Концы веревочных лестниц они привязали к двери пустовавшего дома и спустились вниз. Стихотворение:

Поднял голову Дракон-аркан,
Чтобы ужалить небесного Льва,

Ухватились витязи за щиты,
И со всех сторон распахнули врата битвы,

Отовсюду поднимались люди
/399/ И вместо лестниц подставляли спины и плечи.

И так преисполненные отваги герои и неустрашимые храбрецы, отрешившись от жизни и [этого] мира и ухватившись руками за прочные веревки, — и “не отчаивайтесь в утешении божьем!” (Коран, сура 12, стих 87.) — взобрались наверх и в то время, когда часовые и стража почивали на ложе беззаботности и спокойствия, напали на них. Некоторых пребывающих в состоянии сна сбросили они с самой большой высоты в глубины бездн, других позапирали в домах и со всею поспешностью устремились к дому правителя крепости. Они вытащили его оттуда, а потом одного за другим вывели на улицу со связанными руками и с веревкою на шее слуг и людей его и воздали им должное за свершенные ими деяния. Жен и детей их они изгнали из крепости и вилайета и очистили цветник [своей] родины от терниев чужеземцев и сад исконных земель [своих] от колючих зарослей насилия. Эмира Шах Мухаммада по обычаю славных и великих отцов и дедов его утвердили на престоле [439] наследственного владения. Тот со своей стороны расстелил ковер правосудия и благорасположения и раскрыл пред старцем и юношей врата милостей и щедрот [своих]. Но время власти его, подобно расцвету юности, оказалось быстротечным, а дни его правления миновали, напоминая недолговечное цветение розы. Три года полностью пребывал он на троне правителя и [потом] отправился в потусторонний мир.

И поистине был он юношей, наделенным непреклонностью и смелостью и прославившимся неустрашимостью и великодушием. В 903 (1497-98) году он был принят под сень божественной милости, и похоронили его на Гёк-Мейдане по соседству с пресветлой гробницей эмира Шамсаддина /400/ Вали — да пребудет над ним милосердие и всепрощение [господне]! После него на страницах судьбы остался малолетний сын по имени эмир Ибрахим.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О том, как власть в Бидлисе была потеряна здешними правителями

[Часть] состоит из четырех подразделов

ПОДРАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Об эмире Ибрахиме и его ссоре с эмиром Шарафом — [да будет] над ним милость [божья]!

Когда лучами живительной благосклонности всевышнего
Озаряются помыслы какого-нибудь государя,

Любое дело будет ему по плечу
И превзойдет он всех мудрецов,

Благодаря совершенному разуму и истинной рассудительности
[Всегда] ему будет сопутствовать победа и торжество,

Враг его лишится рассудка и разума,
Пред очами его скроется [навек] лик благополучия, [440]

Падет он в битве и состязании
С апогея могущества в темницу беспомощности.

Наряжающая юную невесту [этого] цветника и сваха совершенств этого сада украшают девственницу [нашего] повествования и [передаваемой нами] старинной истории [рассказом о том], что, когда эмир Ибрахим после смерти отца в юном возрасте взялся за дела власти, ведение важных дел правления перешло в достойную десницу 'Абдаррахман-аги кавалиси и племенной знати того аширата. Своим наместником в Мушской области с одобрения знати [племени] рузаки он поставил эмира Шарафаддина, которого привез из Аруха, [принадлежавшего] к владениям [аширата] бохти во время правления эмира Шах Мухаммада. Когда таким образом прошло некоторое время, к эмиру Шарафу наперекор 'Абдаррахман-аге и племени кавалиси прибыл на службу Шайх Амир билбаси со своим аширатом.

В конце концов, из-за подстрекательства завистников и наущений зложелателей, путь любви и дружбы /401/ между двоюродными братьями закончился враждой и злобой. Эмир Ибрахим и 'Абдаррахман-ага задумали залучить Шарафа из Муша в Бидлис и лишит зоркие очи его света зрения. Про этот план узнал Саййиди-ага Хазинадар кавалиси, известный [под именем] Саййид Хазинадар. Со всею поспешностью направился он к эмиру Шарафу и сообщил ему о коварном и злодейском замысле эмира Ибрахима.

Эмир Ибрахим написал и отправил в Муш к эмиру Шарафу с одним из доверенных слуг своих послание, преисполненное любви и благосклонности (Букв. “согласия”): “[Меня], ничтожного, охватило желание радостного свидания с вами. Надеемся, что вы приедете на несколько дней в Бидлис, проведете время в удовольствиях и развлечениях, пирах и беседах, а печали и горести, что с течением времени находят доступ к [нашим] сердцам, развеются благодаря вашему уважаемому обществу”. Эмир Шараф, будучи уведомленным об [их] намерении, не поспешил с отъездом и испросил извинения. Когда [441] переписка крайне затянулась и заверения в любви с обеих сторон сменились взаимными призывами, упреками и бранью, эмир Ибрахим созвал войска и вместе с несколькими эмирами Курдистана пошел на эмира Шарафа [войною] — спор предстояло [теперь] решить острому мечу.

Эмир Шараф также собрал под своими знаменами сторонников, а именно: Суар-бека пазуки, который в то время был наставником эмира Шарафа, Шайх Амира билбаси вместе с его единомышленниками, Саййиди 'Али-агу Партафи, Саййид Хазинадара и его брата Джалал-агу, Шайхи-агу Джилки и многих других, укрепил Мушскую крепость /402/ и приготовился к войне и сражению. Обе армии, как [две] горы, встали одна против другой. Стихотворение:

В стальных кольчугах с индийскими мечами в руках —
[Это были] два моря из железа, кишщих крокодилами,

Всюду окрашенные в цвет розы пояса героев —
Каждый из них искупал [свой] пояс в чьей-нибудь крови.

Барабан начал отбивать мелодию смерти,
Смерть провозгласили звуки свирели,

Стрела вылетела из лука за добычей,
Везде (Букв, “во всех углах”) поднялось смятение,

Удесятерив (Букв, “увеличив в сто раз”) свои силы и мужество, воины
Сцепились друг с другом, подобно львам и леопардам.

Поскольку люди эмира Ибрахима составляли многочисленную рать, а сторонники эмира Шарафа — небольшой отряд, в первый день ветерок победы и успеха всколыхнул шелк знамен эмира Ибрахима, однако большинство знатных и именитых [племени] рузаки было на стороне эмира Шарафа. Тайно они посылали в крепость послания с изъявлениями искренности [своих] намерений и чистоты помыслов.

Сын Суар-бека пазуки Чулак-Халид вопреки воле отца служил при эмире Ибрахиме. Однажды его дядя Шайх Амир [442] билбаси вместе с его отцом Суар-беком отправили ему послание: “Мы оба заодно с эмиром Шарафом, и большинство знати рузаки тоже на его стороне. Какой смысл тебе оставаться при эмире Ибрахиме и стараться ради его пользы? Твой сыновний долг оставить службу при эмире Ибрахиме, дабы с покорностью и смирением предстать пред эмиром Шарафом, возложив на плечи попону послушания “вдев в уши кольцо повиновения ему”. Халид-бек последовал этому совету и отправил к отцу и дяде человека [с сообщением]: “Завтра войска эмира Ибрахима начнут штурм крепости. Вы откройте крепостные ворота, дабы я /403/ смог пройти внутрь вместе с войском и своими сторонниками”.

На другой день, когда повелитель светил с покоряющим мир мечом появился над этой лазурной твердыней, поднял своя победоносные знамена и сиянием рассекающих гранит лучей разогнал и рассеял несметные полчища звезд, эмир Ибрахим с алкающими крови витязями, которые поражали своими кинжалами [без промаха], отправился на завоевание крепости и цитадели. Во время схватки Халид-бек, как договорились, оставил эмира Ибрахима и присоединился к войску эмира Шарафа. Безмерный страх и ужас овладели сердцем эмира Ибрахима после этого события, он прекратил осаду и военные действия и возвратился в Бидлис. Эмир Шараф со своими друзьями и единомышленниками последовал за ним в погоню и осадил Бидлисскую крепость.

Изо дня в день зная рузаки отряд за отрядом покидала эмира Ибрахима и переходила на сторону [эмира Шарафа] (Букв, “и являли усердие в служении ему”). Из минуты в минуту на челе обстоятельств и чаяний осажденных стали появляться знаки слабости и бессилия, беспомощности и падения, пока эмир Ибрахим и 'Абдаррахман-ага не прибегли к посредничеству миротворцев. Являя смирение и кротость, те заявили, что “поскольку этот вилайет согласно завещанию принадлежит [обоим] двоюродным братьям, то Бидлис, который является местом восхода [звезды] счастья этого рода и колыбелью могущества [его], вместе с Ахлатом [443] пусть принадлежит эмиру Шарафу; Муш и Хнус же останутся у эмира Ибрахима. Пусть они на правах соучастников управляют наследственным вилайетом. Посягать же на жизнь друг друга ради преходящего величия и власти на пару дней несовместимо со здравым смыслом и разумением”.

/404/ Эмир Шараф и его приверженцы приняли эту лисью уловку за великую удачу и согласились со словами примирителей. Порешили на том, что эмир Ибрахим подготовит пир и празднество, проведет эмира Шарафа как гостя в крепость, союз и согласие между двоюродными братьями будут скреплены прочными и нерушимыми [узами]. И до конца дней своих каждый удовольствуется своей долей и “а владения другого не посягнет.

Эмир Ибрахим вскоре закончил приготовления к празднеству, послал за эмиром Шарафом, и эмир Шараф с группой преданных людей вошел внутрь Бидлисской крепости.

Двоюродные братья заключили друг друга в объятия с выражениями радости и удовольствия по поводу счастливого свидания и расстелили ковер пиршества и увеселения.

Были там среброногие кравчие с сияющим челом в разноцветных одеяниях и “чернозеничные, велеокие, подобные хранимым жемчужинам” (Коран, сура 56, стих 22.) в золотистых одеяниях. И убедились воочию [тогда] в истинности [этих слов]: “Будут обносить круговую чашею с влагой прозрачной, — сладостью для пьющих” (Коран, сура 37, стих 44—45.).

Сладкозвучные нежноголосые певцы и музыканты, чарующие и ласкающие душу [своими] напевами, начали петь и играть по обычаю курдов и арабов, в манере персов и донесли до небесного кольца Сатурна голоса радости и веселия. Стихотворение:

Появилось на пиру вино цвета тюльпана,
Согнулся вдвое чанг в знак повиновения.

Расселись на том пиршестве рядами
Чтецы газелей, сказители и музыканты. [444]

Чтецы газелей не только обладали прекрасным голосом, —
Одним лукавым взглядом они похищали сто сердец.

Разукрасились для служения красавицы,
Из каждого уголка показалось искушение.

Когда на том веселом пиршестве /405/ стан желания каждого жаждущего украсился нарядом из всякого рода намерений и устремлений и на ложе мечтаний и чаяний великих и малых к груди жениха любой надежды припала невеста свершения, сыновья эмиров повелели знатным [племени] рузаки — каждому удалиться со своей возлюбленной и оставить веселое пиршество ради ложа отдохновения. Сам [эмир Ибрахим] остался с несколькими рабынями во внутренних покоях. В это время в помещение вошел Шайх Амир билбаси с группой мятежников и стащил эмира Ибрахима с трона со словами — стихотворение:

“Нельзя обманом занять место великих
Иначе, чем имея налицо [все] атрибуты величия”.

[Потом] он взял за руку эмира Шарафа, возвел на трон а произнес такие слова — стихотворение:

“Было вполне уместным это воцарение,
Дабы каждый [отныне] занимал свое место”.

Секретари дивана [владыки, к которому обращены эти слова]: “Ты даешь царство кому хочешь” (Коран, сура 3, стих 25.) — составили на имя того счастливого грамоту на правление, и слуги дворца [властителя, о котором говорится]: “И отъемлешь царство у кого хочешь” (Коран, сура 3, стих 25.) — свернули ковер величия того обездоленного. Вершители возмездия отяготили ему руки и ноги тяжелыми цепями и оковами и заточили в глубокой яме. Стихотворение:

Лишь ему (богу) подобает гордость и высокомерие,
Ибо природа его вечна, а власть беспредельна. [445]

Одному возлагает он на голову корону благоденствия,
Другого низвергает с престола во прах.

Еще не дошло дело до применения меча и копья, а 'Абдаррахман-ага кавалиси и группа других приверженцев эмира Ибрахима, что держались вместе, подобно кольцу Плеяд,

рассеялись и рассыпались, как [звезды] Большой и Малой Медведиц. И целых семь лет [эмир Ибрахим] оставался в заточении.

Когда же в Курдистане распространился слух о заключении в тюрьму /406/ эмира Шарафа — ниже будет дано подробное описание начала и конца его обстоятельств, когда лучи [нашего] внимания будут устремлены на освещение восхода могущества и падения стяга мощи его, — эмир Ибрахим стараниями аширата рузаки вышел из заточения и взялся за дела власти. Сокровища и богатства эмира Шарафа пустил он на ветер расхищения и грабежа и вознамерился убить его сына эмира Шамсадина, которому в то время было два года, — матерью его была дочь 'Али-бека Сасуни.

'Имад-ага Байики забрал мать и сына из рук эмира Ибрахима. “Эмир Шараф, — схитрил он, — несправедливо убил моего дядю Зайнадин-агу, нарушая священный закон. Теперь согласно шариату передайте его мне, дабы я с ним покончил. Возложив [ответственность за] его деяние на его малолетнего наследника (Букв, “возложив его дело в руки его малолетнего наследника”), мы отомстим в соответствии с [уложениями] священного закона”. С помощью этой хитрости и уловки он вырвал Шамсадина из когтей эмира Ибрахима и увез вместе с матерью и приближенными в крепость Кефандур и проявил надлежащее старание в их оберегании.

Короче говоря, когда эмира Шарафа заточили в Тебризскую тюрьму, по повелению шаха Исма'ила Сафави завоевание Бидлисского вилайета было поручено Чапан-султану устаджлу. Он осадил [Бидлисскую] крепость и в продолжение двух лет вел войну с эмиром Ибрахимом. В конце концов, будучи не в состоянии оказывать кызылбашам сопротивление, [446] [эмир Ибрахим] распрощался с властью (Букв, “прикрепил к концу покрывала невесты царства три развода”) и отправился в Сиирт. Там он перевез [свои] бранные пожитки в мир вечности. После него остался сын по имени Султан Мурад, который появился на свет от одной юной невольницы во время заточения [эмира Ибрахима].

Когда /407/ на престоле правителя утвердился эмир Шараф, Султан Мурад поспешил к нему на службу. Эмир Шараф его схватил и заточил в тюрьму. Так он и провел всю жизнь в Бидлисской крепости и, наконец, в назначенный судьбою срок распростился с [этим] бранным миром. После бегства эмира Ибрахима ашират рузаки [еще] шесть месяцев держал крепость. Отчаявшись [дождаться] возвращения эмира Шарафа, в 913 (1507-08) году они были вынуждены передать крепость и вилайет Чапан-султану. Тот поручил наблюдение за Бидлисской крепостью Курд-беку шарафлу-устаджлу и вернулся в Тебриз.

ПОДРАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Как на власть в Бидлисе вместо эмира Ибрахима утвердился эмир Шараф

Пред лучезарным чудодейственным гением и отмеченной истинностью возвышенною мыслью обладателей мудрости и разумения предстает очевидным, подобно блеску ясной утренней зари, что, когда любой обладатель счастья с чистыми помыслами и открытой душой обратит чело ко дворцу создателя — покровителя несчастных, непременно, как говорится: “Бог ведет, кого хочет, на прямой путь” (Коран, сура 2, стих 209.) — под сиянием лучей божественного благорасположения древо его устремлений распространит тень над цветником преуспевания, и бутон его упований начнет распускаться на желанном лугу под ветерком возвышения. Когда же любой великий, поддавшись обольщению величиною своей силы и великолепия, не вденет [447] главу покорности в ярмо повиновения, за короткое время холодный ветер бедствий унесет благоухание его величия, а [райские] сады его державы обратятся в бесплодную пустыню. Стихотворение:

Голову, Не снесет ничей удар,	что	вознеслась	благодаря	тебе,			
Не Кого ниспроверг гнев твой.	возвысит	ничья	поддержка	того,			
/408/ Каждому ты даруешь слабость и силу.	Нога	ли	слона	или	крыло	муравья	—
Сердце На сердце другого ты выжигашь клеймо страдания.	одного	благодаря	тебе	возгорается	радостью,	словно	светильник,

Целью такого рассказа и описания этих обстоятельств является изложение счастливой истории эмира Шарафа, как он малолетним сиротой остался среди аширата бохти в Арухе. Как выясняется из блеска светил старинных преданий и капель из источника плавноречивых сказаний, эмир Шах Мухаммад привез его оттуда и занялся его воспитанием. И когда упомянутый эмир скрыл лик свой под покровом мрака, [эмир Шараф] несколько дней управлял некоторыми областями Бидлиса в качестве наместника эмира Ибрахима. Потом благодаря помощи и содействию аширата рузаки он стал правителем Бидлиса.

Немного времени спустя, пока он правил, шах Исма'ил направился на завоевание Мараша. Здешний правитель 'Ала'аддаула зулкадр выставил перед ним свои войска и был разбит.

После поражения племени зулкадр ⁶³⁵ [шах Исма'ил] повернул поводья устремления в сторону Диарбекира. Здешний наместник Амир-бек Мусилу, который приходится отцом матери автора [этих] строк, встретил его с покорностью и смирением и преподнес прекрасные подарки и ценные [448] приношения. В их числе был самородок рубина, по форме напоминающий баранью почку. Из казнохранилищ древних царей попал он в сокровищницу государей династии Баяндуридов, а от них достался [Амир-беку]. И пока не раскололась от землетрясения в эпоху аббасидских халифов гора Хотталан ⁶³⁶, на протяжении долгого времени, когда лоно гор кровью сердца вскармливало этот рубин, глаза менял и очи ювелиров [той] эпохи /409/ не созерцали из всех разновидностей рубина [камня] такой величины, ярких красок и красоты.

Представ пред государем, [Амир-бек] привлек к себе его милостивое внимание и был назван Амир-ханом. Ему была пожалована должность хранителя печати и воспитателя шахского сына и [доверено] управление Гератом и Хорасаном. Основание мощи и величия его достигло апогея незыблемости. Управление и владение вилайетом Диарбекира было передано сыну Мирза-бека Мухаммад-хану устаджлу.

Часть [племени] зулкадр, что укрылась в крепости Харпут, упорствовала в неповиновении. Шах Исма'ил захватил ту крепость и за неделю силою подчинил ее. Оттуда он повернул поводья устремления в сторону Ахлата. Когда войска [его] расположились лагерем близ Ахлата, эмир Шараф удостоился служения государю. Он занялся подготовкой к пиршеству и увеселению. [По этому случаю] были сооружены расписанные красками шатры, которым небеса служили основанием, и палатки из шелка, притянутые веревками к лазурному своду. Они сучились, подобно облакам [в месяце] нисане, веревки [одних] переплетались с веревками [других], — [все это] напоминало шкатулку, полную драгоценных камней, и созвездие со множеством светил. Среброногие кравчие с хрустальными плечами и сияющими ликами, рабыни в золотоканых одеждах и с плавною поступью величаво взяли в руки [бокалы] с чистым вином, подобным воде из вечного источника, и призвали к веселию и винопитию. Прекрасноголосые певцы и сладкозвучные музыканты высокими и низкими голосами завели мелодию 'ушшаг и стенаниями арф и лир похищали разум и рассудок из голов великих и малых. Стихотворение: [449]

Со всех сторон появились хмельные кравчие,
[Сами] подобные побегу розы и с розовоцветным бокалом в руке,

Все, облаченные в златотканые одежды, походили на солнце,
Все вносили в сердце смуту, /410/ а в ум беспокойство.

Чтецы газелей сахарными голосами
Сыпали из уст газели на арабском языке.

Розоподобные красавицы похищали сердца
Томинными турецкими напевами,

Подобные локонам периликих, [струны] чанга
Безостановочно исполняли мелодию 'ушиаг.

Распорядители стола приготовили и принесли разнообразные яства в количестве, которое не в состоянии вместить и воображение. После церемоний гостеприимства и угощения [эмир Шараф] подарил [шаху Исма'илу] конюшню быстроногих коней, стадо овец и целый караван верблюдов и мулов. Он привлек к себе благосклонное внимание государя и, став объектом бесценных монарших щедрот, был отмечен дорогими почетными халатами и грамотою на управление Бидлисом.

Когда шах Исма'ил остановился на зиму в Хое, эмир Шараф во второй раз ради лобызания шахского порога отправился в Хой вместе с эмирами и правителями Курдистана — правителем Хасанкейфа маликом Халилом, наместником Джебзире Шах 'Али-беком Бухти, эмиром Давудом Хизани, 'Али-беком Сасуни и другими эмирами — всего одиннадцать человек.

Удостоившись чести целования [высочайшего] порога, вначале получили они всевозможные милости и щедроты. [Но] под конец, когда правитель Диарбекира Мухаммад-хан стал предметом многочисленных насмешек и оскорблений со стороны курдских эмиров, [обстоятельства изменились]. В этой связи рассказывают, что, когда Мухаммад-хан, направляясь в Диарбекир, остановился в селении Панишин, относящемся к Бидлису, Шайх Амир билбаси поехал повидаться с ним как доверенное лицо эмира Шарафа. Вставая, он дважды стукнул [450] [своей] булавой о землю у самого ковра [Мухаммад-хана] и грубо сказал ему: “Эй, Мухаммад-бек! Горе тебе и воинам

[твоим], если, проходя через Бидлиссский вилайет, покусятся /411/ они хоть на одного козленка, [принадлежащего] аширату рузаки, и силой заберут его”. Шах Кули-султан устаджлу-чаушлу, который позднее стал правителем Герата, поведал автору этих строк то же самое: “Отец мой служил при Мухаммад-хане и сопровождал его, когда тот следовал в Диарбекир. В дороге, особенно через Бидлиссский вилайет, недостаток провизии привел к тому, что каждый продал своего коня и оружие, обменяв их на съестное. Отец мой отдал своего коня в ущелье Кефандур за четыре пшеничных хлеба. Они не осмеливались без денег взять у здешних крестьян даже ман ⁶³⁷ ячменя или один-единственный хлеб”. Со стороны курдских эмиров было допущено много других такого рода неподобающих действий, перечисление которых послужило бы причиной многословия.

Словом, когда все курдские эмиры направились к государеву порогу, Хан Мухаммад из Диарбекира заявил: “Коль выйдет непререкаемое, как судьба, повеление заточить в тюрьму эмиров Курдистана, [сей] раб обязуется по малейшему знаку государя подчинить большинство городов Курдистана, при завоевании которых аркан покорения султанов с давних времен и [поныне] бессилен”. Когда о его заявлении доложили шаху, он, следуя совету того невоздержного кафира (“Неверного”), заключил в оковы и кандалы всех [курдских] эмиров, находящихся при дворе, за исключением эмира Шах Мухаммада ширави и 'Али-бека Сасуни. Каждого из курдских эмиров он поручил одному из эмиров

кызылбашских. Эмира Шарафа он передал Амир-хану Мусилу. [Во главе] бесчисленных, как дождевые капли, войск [шах Исма'ил] поставил Чапан-султана на завоевание Бидлисского вилайета, Див-султану румлу поручил покорение вилайета Хаккари и начальнику *курчиев*

Йаган-беку такалу — захват области Джезире. /412/ Про арест эмиров и освобождение некоторых из них с помощью Аллаха будет рассказано на своем месте. [451]

Словом, по прошествии некоторого времени после заточения эмиров внезапно из Хорасана пришло известие; что Шайбак-хан ⁶³⁸ узбек с несметным полчищем перешел воды Аму-Дарьи и имеет намерение завоевать область Хорасана. Услышав такое известие, шах Исма'ил раскаялся, что арестовал эмиров Курдистана, и, освободив некоторых из заточения, спросил их: “Кто ваш глава и руководитель?” Все как один ответили: “Эмир Шараф и малик Халил”.

Этих двоих оставили в неволе, а остальных выпустили [Затем] их под конвоем направили в Хорасан. [В это время] Йар-Мухаммад-ага Калхуки, равного которому по великодушию и доброте, по мнению автора этих строк, не сыщется среди аширата рузаки, да и во всем Курдистане, следует вместе с шахским войском в Ирак таким образом, что никто не представляет [истинного] положения его дел. Каждые несколько дней он, захватив с собою фруктов и еды, отправляется в палатку к туркменам и расспрашивает о положении эмира Шарафа. С ним он договаривается о побеге, пока шахское войско не останавливается лагерем в местечке Чали-Гули, относящемся к вилайету Раз. Мухаммад-ага воспользовался случаем и приготовил возле лагеря несколько оседланных коней. Мухаммада *амир-ахура* Партафи, который в одеянии каландаров прислуживал эмиру Шарафу, он усыпил в ночной одежде [эмира Шарафа], а того вывел из шатра, который служил ему тюрьмой, посадил на коня /413/ и в сопровождении нескольких находчивых молодцов отправил в Курдистан.

На следующий день пополудни туркмены узнают о случившемся и, восхищенные дерзостью и отвагой Мухаммада *амир-ахура*, не беспокоят его.

Мухаммад-ага и эмир Шараф вначале приезжают в вилайет Хаккари и останавливаются в селении, где укрылся Шайх Амир билбаси, покинув родину во время смут, поднятых кызылбашами. Он занялся разведением проса. Когда [Шайх Амир] с лопатой в руках орошал просо, к краю просового поля на конях подъехали Мухаммад-ага и Дарвиш Махмуд Каладжири. Те подзывают его и объявляют радостную весть о прибытии эмира Шарафа. [Шайх Амир] не в силах [452] поверить этому. “Зачем вы говорите неправду?” — говорит он. “Всевышний господь, — отвечают те, — явил милосердие и представил удобный случай. Мы освободили его из оков [заточения] и привезли [сюда]”.

[Шайх Амир билбаси] тотчас пал ниц, дабы возблагодарить [господа], и, бросив лопату для орошения, [которую он держал] в руках, кинулся лобызать стопы [своего] истинного благодетеля. Прахом с ног его прояснил он очи, ибо, как у Йа'куба в обители страданий. разлуки, ночи его побелели от печали” (*Коран, сура 12, стих 84*). Из истоков очей пролил он несколько капель в честь его славного прибытия, возблагодарив и восславив господя, — стихотворение:

“Хвала Аллаху, что счастье [вновь] улыбнулось мне,
Рок перестал терзать мою душу,

Над моей ночью взошла утренняя заря успеха,
Кончились горести и страдания, [не покидавшие меня] ни днем, ни ночью”.

Пробыв там сутки, утром, когда, владыка четвертого неба с предельным блеском и великолепием (Букв, “с тысячью красот и великолений”.) /414/ поднял голову из-за горных вершин, они пустились в путь и прибыли в ашират асбаирд ⁶³⁹. Эмир Шараф Асбаирди удостоился чести их встречать, и на несколько дней они остановились там, чтобы передохнуть. Шайх Амир с незначительным числом [своих] людей направился в Бидлисский вилайет, дабы, заручившись помощью и поддержкой аширата рузани, к прибытию эмира Шарафа привлечь на свою сторону определенную группу. К моменту приезда его в те районы вокруг него собралось много народу, и приступили [они] к завоеванию крепости

Когда Курд-бек шарафлу, который на правах наместника шаха Исма'ила являл твердость и старание в охране Бидлиса, Адилджеваза и Арджиша, узнал о прибытии Шайх Амира и о том, что тот с двумя тысячами человек осадил крепость, он вместе с кызылбашскими эмирами, что находились в [453] Баргири и Арджише, неожиданно напал на Шайх Амира. Шайх Амир также построил перед ним свои ряды с войсками, имевшимися у него в наличии. Ветерок победы и торжества чуть было не подул [в сторону] победоносного войска [племени] рузаки, как вдруг Мухаммад-бек пазуки, [ступив] на путь хитрости и коварства, обманул его [такого рода] словами (Букв, “просьбой”, “мольбой”.): “Я оставил кызылбашских эмиров и иду на помощь Шайх Амиру, к чему меня обязывает родство [с ним]”. И когда к [этим] коловратным небесам поднялись языки пламени сражения, дорогой через Искандар-булагы прибыл [Мухаммад-бек во главе], около пятисот человек [племени] пазуки. [Свой] обоюдоострый меч он обнажил в тылу у племени рузаки, разбросав и рассеяв, подобно [звездам] Большой и Малой Медведиц, их ряды, [вначале] сплоченные, как ожерелье Плеяд. Звезда счастья; Курд-бека вознеслась, подобно Сатурну, /415/ и он погнал своего быстроногого с [плавною] поступью луны на войско [племени] рузаки. Шайх Амир остался тверд и непреклонен, как [земная] ось, не обратил лица с поля битвы в долину бегства, пока вместе со своим сыном не испил напиток славной кончины мучеников. Кызылбаши, назвавшие его Кара Йазидом (“Черным езидом”.), тело его и его сына предали огню на Гёк-Мейдане. После этого события дело эмира Шарафа получило отсрочку на несколько дней, лик предмета его желаний остался за завесою безнадежности и не показывался [оттуда], лишенный покровительства живописца [этой] мастерской, [о котором сказано]: “... и образы дает вам красивые” (Коран, сура 40, стих 66.).

ПОДРАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

О том, как эмир Шараф отобрал у кызылбашей Бидлисскую крепость

Миродержец, что существует благодаря счастливой судьбе,
Останется вечно утвержденным во властвовании, [454]

Неизменно его стремени будет сопутствовать победа,
А слава войдет в его победоносный кортеж.

Любая страна, куда ни прошествует он, веселый и радостный,
Будет его прибытием облагодетельствована.

Поскольку эмиру Шарафу не удалось в несколько дней завоевать Бидлисский вилайет и изгнать [оттуда] кызылбашей и ему стало известно о тайном замысле покорителя вселенной султана Салим-хана покорить области Ирана, он, следуя советам блистательного наездника ристалища истины, предводителя [всех] тех, кто следует путем преуспевания, учредителя податных росписей, основных и добавленных [позднее], составителя трактатов философских и исторических, наставника пресвятого медресе, квинтэссенции мудрецов

Бидлиса — Хакима Идриса и самого выдающегося и прославленного приверженца и сторонника достойного рода и семьи Зийа'аддина — Мухаммад-аги Калхуки, засвидетельствовал пред монаршим османским порогом преданность и [полное] упование. Заручившись в этом деле /416/ поддержкою двадцати эмиров и правителей Курдистана, он отправил к прибежищу счастья — султанскому порогу через Мавлана [Хаким] Идриса и Мухаммад-агу послание с изъявлением рабской покорности. Милостивый к друзьям и беспощадный с врагами государь, внемля мольбе эмиров Курдистана, направился в Армению и Азербайджан с намерением завоевать страну персов. В Чалдыранской долине он имел сражение с шахом Исма'илом и вышел победителем. При [одержании] той победы эмир Шараф с несколькими эмирами Курдистана находился при сопутствующем успехом монаршем стремени.

Поскольку *вали* Диарбекира Хан Мухаммад испил в том сражении напиток смерти, диваном шаха его вилайет был передан его брату Кара-хану, управление Бидлисом [перешло ко второму] его брату 'Иваз-беку и Джебзире — [к третьему] брату Улаш-беку. Когда знаменосный султанский кортеж повернул из пределов Тебриза в Рум, Хаким Идрис удостоился чести доложить султану: “Эмиры Курдистана взывают к милости и доброте владыки мира, дабы пожаловал он им их [455] наследственные области и назначил среди них кого-нибудь старшим и *беглербегом*. [Тогда] все вместе они пойдут на Кара-хана и прогонят его из Диарбекира”. Покоритель вселенной — государь пожаловал [им такой ответ]: “Будет назначен среди них любой из эмиров и правителей Курдистана, достойных [звания] эмира эмиров, с тем чтобы остальные курдские эмиры, явив ему послушание и покорность, принялись за истребление и искоренение кызылбашей” — “Им от природы, — заявил Хаким Идрис, — в большой мере присуще своенравие, и ни один из них перед другим не склонит головы. /417/ Сколь помыслы [ваши] обращены на раскол и разобщение рядов кызылбашей, следует это важное дело поручить одному из служителей двора — прибежища мира. Они подчинятся ему, и эта задача будет решена без промедления”.

Следуя [совету, султан] назначил эмиром эмиров Диарбекира и начальником войск Курдистана Мухаммад-агу чауш-баши, известного под именем Бийикли-Мухаммад, и послал [его] на завоевание тех районов. Подобно грозovým тучам, выстроились друг против друга в Коч-Хисаре ⁶⁴⁰ в окрестностях Нисибина ⁶⁴¹ две армии, два войска, напоминающие вздымающееся море. Первыми разожгли огонь битвы и побоища [люди] племени рузаки, а именно Таж-Ахмад, Касим Андаки, мир Шах Хусайн Кисани, мир Сайфаддин и 'Умар Джандар — герои [своего] времени и богатыри [своей] эпохи, испившие в тот день напиток смерти. Большинство знати [аширата] рузаки, проявившей в том кровавом сражении чудеса храбрости и отваги, было ранено, как то: мир Мухаммад Насираддини, Кара Йадгар, Саййид Салманан кавалиси и другие. Кара-хан был убит, и поражение потерпели войска кызылбашей. Много народу было захвачено в плен. Стихотворение:

Принятые под сень счастливой судьбы государя,
Отобрали они владения свои у врагов,

Обнажили они мечи мести против врага,
Опрокинули основание заблуждения ⁶⁴².

Когда каждый из курдских эмиров отправился на завоевание своей области, эмир Шараф тоже пошел на Бидлис и [456] приступил к осаде. Ему помогли Мухаммад-бек Хазуи, мир Давуд Хизани, мир Шах Мухаммад /418/ ширави и эмиры Мокса и Асбайирда. После нескольких дней осады осажденные были доведены до крайности. Кызылбапш согласились на то, чтобы Мухаммад-бек 'Азизани и мир Шах Мухаммад поручились за их жизнь, имущество и состояние, что им никто не причинит вреда, — [тогда] они сдадут крепость эмиру Шарафу. Упомянутые эмиры выступили посредниками, крепость и вилайет были

переданы их законному наследнику охотно [и без промедления]. Эмир Шараф людей кызылбашей поручил эмирам, дабы, препроводив до границы Арджиша и Вана, они отправили их на родину. И в течение долгого времени [сначала] султанским диваном, а впоследствии султаном Сулайман-ханом охрана и оберегание [тех] рубежей и границ были возложены на эмира Шарафа. Тот достойно исполнял эту обязанность и снискал покровительство обеих сторон (**Т. е. правительств Турции и Ирана.**), пока во времена шаха Тахмасба эмиром эмиров Азербайджана не стал Улама такалу. Большею частью он проживал в Ване и Востане и являл усердие в наблюдении за границей.

[В то время] ведение дел государства пребывало в могущественной деснице Чуха-султана такалу. Когда Хусайн-хан шамлу в сговоре с другими кызылбашскими племенами убил Чуха-султана на летних становищах Исфаканского Гендумана ⁶⁴³, эмиры текелу разошлись по разным сторонам. Улама в Тебризе поднял знамя бунтарства, завладел казною и сокровищницами шаха Тахмасба, конфисковал [имущества] богачей Тебриза и награбил много добра. Он отправился в Ван и изъявил рабскую покорность порогу султана Сулайман-хана и послал в султанский дворец через своего *мулазима* прошение с разного рода обязательствами.

/419/ Когда эти известия достигли славного монаршего слуха, вышел непререкаемый, как судьба, указ, дабы эмир Шараф отправлялся в Ван и доставил к государеву порогу Улама-султана с семьей и приверженцами. Повинуясь повелению, эмир Шараф собрал свое войско и кошун ⁶⁴⁴ и отбыл в Ван, [457] Улама тоже выступил ему навстречу вплоть до местечка Харкум в сопровождении около двухсот человек из начальников и знати [племени] текелу. Встретились они у реки Харкум.

Улама пригласил его (эмира Шарафа) в крепость Вана, мол, “несколько дней он побудет там, а затем, отдав должное законам гостеприимства и по соблюдении предписаний учтивости, мы отправимся в Бидлис”. В это время несколько жителей Вана и Востана обратили внимание эмира Шарафа на следующее: “Улама свою жену, которая является кормилицей шаха Тахмасба, направил вместе со своим братом ко двору шаха Тахмасба для установления между ними основания мира и согласия. Поскольку Улама человек коварный, то, не дай бог, он заманит вас в крепость, вместе со [своими] ага замыслит недоброе, придумает хитрость, и ему удастся изыскать средство для сближения и повод, чтобы прибегнуть к нашей помощи и встретиться [с нами]”.

Эти тревожные сообщения напугали и привели эмира Шарафа в замешательство, и сколько Улама ни настаивал на отъезде в Ван, он находил извиняющие предлоги и предпочитал не торопиться. Под конец порешили на том, что Улама-султан и эмир Шараф останутся в селении Харкум и отправят в Ван Амира-бека махмуди с несколькими надежными людьми из знати Уламы, дабы /420/ те доставили из Ванской крепости семью, приверженцев и знать, и [потом] они все вместе направятся в Бидлис.

Когда Амира-бек и знатные ночью прибыли в Ван, брат Уламы, ступив с несколькими своими ага на путь мятежа и бунтарства, укрепил ворота крепости и не позволил ни Амира-беку и начальникам Уламы войти в крепость, ни семье и сторонникам выйти оттуда. Когда эта весть дошла до эмира Шарафа, он понял, что идти на крепость и осаждать ее не имеет смысла. Кроме того, собравшиеся [со всех] сторон кызылбашские эмиры тоже помогут Уламе ускользнуть из его рук. [Эмир Шараф] был вынужден, захватив Уламу и около двухсот знатных, которые вместе с ним прибыли на встречу, направиться в Бидлис. То сборище, побросав имущества и пожитки, отчаявшись увидиться с семьями, [оставшись] лишь [458] с тем, что на них было, на непокрытых конях, с глазами, полными слез, и истерзанным сердцем в осеннюю пору следовало за ним.

Мухаммад Шахниман кавалиси, питавший к сочинителю этих строк привязанность опекуна (*Лала* — “дядька”), поведал [нам]: “Когда Улама и эмир Шараф остановились в районе Карджигана, я, несчастный, и несколько человек из ночной стражи охраняли эмира Шарафа. Наступила полночь, и в шатер вошел посланец Уламы с двумя-тремя надежными ага, умоляя о встрече с эмиром Шарафом, мол, “Улама-султан послал [нас] с несколькими важными сообщениями, дабы мы их доложили”. Эмиру Шарафу сообщили об этом, и он разрешил их пропустить. Когда их спросили, с чем они пришли, те доложили: /421/ “Улама-султан приветствует вас и говорит; “Поскольку братья и люди [наши] ныне избрали в отношении [меня], несчастного, путь предательства и мятежа, завладели нашими семьями, добром и имуществами, не подобает ни нашему положению, ни вашему сану, чтобы верные [ваши] слуги отправлялись к государеву двору в подобном виде. Либо снесите мне и [моим] друзьям головы и посылайте ко двору повелителя, либо соизвольте разрешить нам уехать, дабы возвратиться в Ван и наказать то сборище смутьянов, которые с нами так обошлись. Затем мы заберем свои семьи и имущества и уверенно направимся к государеву порогу. И это послужит укреплению доверия и умножению благоволения монаршего в отношении наших сторонников — малых и великих”.

Эмир Шараф после долгих раздумий и размышлений решился заявить в ответ: “Следуя указанию достойнейшего из творений — да пребудут над ним самые возвышенные моления! — и святому стиху [Корана]: “Советуйся с ними о делах” (*Коран, сура 3, стих 153*), мы также, посоветовавшись с эмирами и знатью по этому вопросу, предоставим на государево усмотрение решение, приличествующее обстоятельствам и способствующее благоприятному исходу дел”. [459]

Знатные возвратились, а эмир Шараф в ту же ночь призвал [к себе] некоторых своих верных сановников, и каждый из них высказывал свое мнение по этому вопросу. Под конец эмир Шараф сказал: “По сути дела отправить этого человека в подобном виде и положении ко двору султана — значит вызвать к себе неприязнь и вражду. Разумнее выставить в пути авангард примерно из трехсот сильных храбрецов и опытных молодцов, а потом разрешить Уламе уехать. Как только он минует небольшое расстояние, мы подыдем крик, что Улама бежал, /422/ и пошлем в погоню несколько человек убить Уламу и некоторых видных [его сторонников]. Голову его с объяснением [этих] обстоятельств мы отправим к высокому султанскому порогу и очистим мир от зла, [порождаемого] этими смутьянами. В противном случае, если мы отправим Уламу ко двору государя в таком виде, это не даст хороших результатов и не приведет ни к чему, кроме раскаяния и сожаления”.

Некоторые одобрили это мнение и согласились [с ним], другие возразили, говоря: “Среди нашего войска есть люди посторонние из эмиров и стражи двора. Не дай бог, эта тайна будет разглашена, начнется строгое дознание, и язык смирения будет не в силах произнести [слова] оправдания”.

В результате не были приведены в исполнение ни пожелание Уламы, “и замысел эмира Шарафа. Уламу в том же жалком состоянии доставили в Бидлис, подготовили все для [его] путешествия и со всеми почестями и знаками внимания отправили ко двору султана Гази. Стоило Уламе миновать Бидлиссский туннель, как стал он походить на дракона, вышедшего из пещеры, или дива, вырвавшегося из бутылки. Словом, на эмира Шарафа затаил он в душе злобу, и в первый же день, когда он удостоился счастья лобызать государев порог, [Улама] начал на него жаловаться и наговаривать, мол: “В угоду кызылбашам он ненавидел вашего слугу и даже решил убить его, чтобы выслужиться перед шахом Тахмасбом. Я взываю к безграничной государевой милости и беспредельному монаршему милосердию, дабы сместил он эмира Шарафа, а вилайет его передал [своему] слуге на правах правителя. И с божьей помощью страна персов и территория [460] Азербайджана будут в наилучшем виде

завоеваны и перейдут в могучую десницу наместников рода 'Усмана. Со стороны же [вашего покорного] слуги в этом важном деле будет оказано подобающее содействие". /423/ И еще добавил: "Если позвать эмира Шарафа к государеву порогу, то он едва ли явится".

Случилось так, что там был некий 'Али Саййидан из аширата кавалиеи, сопровождавший Уламу к [монаршему] порогу. Его привели в высокий диван и спросили: "Если вашего эмира вызовут к султанскому порогу, он приедет или нет?" Тот простодушный и чистосердечный курд сказал в ответ: "При подобных обстоятельствах их прибытие к высокому двору весьма затруднительно". Везиры и столпы державы приняли его слова за подтверждение речей Уламы и с помощью разных подлостей внушили [это] высокодостойному султану, изобразив его слова проявлением бунта и непослушания, мол, "он нас предпочитает кызылбашам".

На этом основании в тот же день управление Бидлисом [султан] пожаловал Уламе, а на завоевание Бидлиса определил большой отряд из янычар и нового пополнения гулямов. *Сардаром* он назначил эмира эмиров Диарбекира Фил-Йа'куб-пашу и во главе около тридцати тысяч человек из Диарбекира, Мараша, Алеппо и [всего] Курдистана послал против эмира Шарафа, дабы они явили твердость и радение при покорении вилайета Бидлиеского. Эмир Шараф, услышав такие известия, обеспокоился. Но, сколько ни посылал он к высокому двору даров и приношений, [сколько ни] заявлял о своей преданности и единодушии, извинения его не принимались, а на слова его не обращали внимания, так как везир [того] времени [был недоволен им] из-за коня, попавшего к эмиру Шарафу во время разгрома племени пазуки. Великий везир несколько раз просил у него этого коня, но тот приводил всякого рода отговорки и извинения, а [коня] не отдавал.

[Тогда эмир Шараф], /424/ отчаявшись, был вынужден заняться, укреплением крепостей Бидлиеского вилайета и поручил их заботам отважных молодцов и храбрых мужей. Он привел а [461] готовность орудия и средства крепостной обороны и [заготовил] необходимые запасы и провиант на время [осады]. Охрану и защиту крепости Бидлиса он возложил на Ибрахим-агу билбаси и мир Мухаммада Насираддини и вместе с ними поставил на оборону около трехсот именитых [людей] племени рузаки. Своего сына Шамсаддина вместе с семьей [эмир Шараф] отправил в крепость Ахтамар. Крепости Муш, Ахлат, Кефандур, Амурека, Калхок, Фируз, Салам ⁶⁴⁵, Калхор, Татиг и Суп, которые в те времена были заселены и процветали, он поручил наиболее родовитым представителям знати рузаки и, следуя словам лекарей: "Последнее средство — прижигание", обратился в сопровождении нескольких избранных за покровительством к порогу шаха Тахмасба, который в то время пребывал в Тебризе. У него испросил [эмир Шараф] помощи и содействия. Шах Тахмасб оказал ему милости и почести и в [том] не оставил без внимания ни единой мелочи.

В 938 (1531-32) году под крепостью Бидлиса разбили шатры Фил-Йа'куб и Улама с многочисленным войском. Вскоре началась осада, и языки пламени войны и сражения поднялись выше небесной сферы. Ежедневно, когда повелитель звездной рати, желая завоевать четвертую [небесную] твердыню ⁶⁴⁶, забрасывал золоченый аркан на зубцы этой лазурной цитадели, мужественные герои и храбрые витязи разжигали пожар сражения. И снова, когда странствующая по [всему] свету луна появлялась через западную дверцу, чтобы охранять вершины небесной тверди, рвущиеся в бой храбрецы и богатыри с нравом леопардов /425/ отводили руки от битвы и сражения и укрывали ноги полою бдительности и осторожности.

Таким образом прошло около трех месяцев. Башни и укрепления крепости под ударами пушек, сотрясавших цитадель, и баллист, взмывавших в небеса, сровнялись с прахом. Дело

дошло до того, что крепость вот-вот должна была сдаться, когда, вняв мольбам эмира Шарафа, шах Тахмасб направился из стольного города Тебриза в Бидлис. Как только весть о выступлении шаха распространилась в Ахлате и Адилджевазе, Фил-Иа'куб и Улама прекратили осаду и обратились в бегство. Они пришли в такое смятение, что бежали, [462] побросав большую часть шатров и палаток и две пушки большого размера, под ударами которых стены крепости сровнялись с землей, — они были установлены с восточной стороны, напротив Дворцового талисмана (См. Перевод, стр. 386.), и там разбиты на части.

И рассказывают, радостную весть о снятии осады (Букв, “об уходе войска”.), до приближенных государева двора в Ахлате донес спустившийся с крепости на коне Кара Йадгар, позднее получивший прозвание Дураг (“Двужильный”).

Монаршими милостями и государевыми щедротами был отмечен и вознесен [эмир Шараф] среди равных. В дар шаху и столпам державы передал он податные обложения на скот и пастбища с неверных и мусульман, с улусов и племен области Бидлиса и прилегающих районов и поручил их взимание суровым и свирепым сборщикам. За три дня они собрали большие богатства. В Ахлате он устроил пиршество, [достойное] государя, дабы славное имя [его] услышали обитатели верхнего мира, /426/ а слух о нем дошел до окраин населенной части света.

Луна, блуждающая и путешествующая от стоянки к стоянке по небесному пути, в честь этого торжества на весь небесный свод ударила в барабан радостной вести. Познавший все науки и постигший законы звезд Меркурий [заранее] вычислил с точностью до градуса и минуты высоту солнца [во время] пиршества и составил гороскоп момента, отмеченного восходом благоденствия и удачи. Венера, музыкантша небес, донесла напевы чанга до созвездия Рака и от [полноты] счастья тронула струны лютни. Озаряющее мир солнце, уподобившись рассыпающим драгоценные камни вешним облакам и рассеивающим дирхемы ветвям осенью, насобирало горы рубинов и [полный] подол яхонтов и стало сыпать лалы из гранитных [глыб] и жемчуг из морских [глубин]. Марс, этот полководец звезд и владыка пятого царства, подобно *чаушам*, приготовился для служения и построил их (звезды) в ряд справа и слева. Великий Юпитер с высоты шестиступенчатой кафедры, дабы [463] охранить [пирующих] от дурного глаза ⁶⁴⁷, донес до внимательного слуха обитателей небесного царства [такие слова]: “И были готовы...”. Сатурн, пронизательный старец и келейный сиделец небесной крепости, возложил на курильницу солнца кумарское алоэ ⁶⁴⁸ и запечатлел на челе луны знак удачи.

Шатры на сто и восемьдесят человек, палатки из тонкого шерстяного сукна, балдахины с шелковыми веревками вознеслись вершинами до звезды Капеллы. Прекрасные золотые и серебряные сиденья были инкрустированы и украшены рубинами и жемчугом. От воскурений алоэ и амбры ковер пиршества распространял благоухание. Среброногие кравчие с челом Венеры взяли в хрустальные ладони золотые кубки и сахарными рубинами [уст] повсюду призвали к пиршеству и веселию. Сладкогласые певцы донесли до лазурного небесного свода мелодии руда и звуки песен. Музыканты /427/ с талантом Венеры низкими и высокими звуками лютни и арфы лишали сердце и рассудок мудрости и благоразумия. Стихотворение:

Что за пир, что за царственное празднество,
Где можно обрести тысячу утех и услад!

Разноцветными напитками, чистыми,
Как отраженный луч, рассекающий тьму,

До краев наполнили хрустальные бокалы,
Смешав с благоуханной розовой водой.

От золотых столов с яствами земля там излучала свет солнца,
Из серебряных чаш образовалось созвездие, усеянное звездами.

Там были любые яства, какие ни пожелаешь,
Приготовленные [из всего], начиная от рыбы и кончая птицей,

Сладости там заимствовали у красавиц
Сахар [их] губ и миндаль [их] зубов.

Один за другим [следовали] столы с разноцветными сладостями,
Основание прекрасного замка его — [и то] было исполнено сладости.

Двор его был вымощен
Тысячью плиток чистейшего сахара. [464]

От нежных плодов, свежих и диковинных,
Корзины садовников наполнились соком:

Ни один наблюдатель чудесного не представлял себе,
Что подобным образом можно до краев наполнить корзину соком.

Когда таким образом прошло три дня, и стан каждого счастливица украсился великолепными халатами всякого рода желаний и устремлений, эмир Шараф, следуя обычаям подношения и дарения, предложил вниманию [государя] несколько вещей, подобных которым на протяжении веков не созерцало око времени, и ухо судьбы не слышало, чтобы говорили о подобной красе. Там были охотничьи птицы — соколы обыкновенные и царские белые, кони арабской породы с седлами из золота, двуцветный мех живота лисицы, парча, шитые золотом семицветные ткани и европейский бархат. [Эмир Шараф в свою очередь] стал объектом монарших милостей и безграничных государевых щедрот. Он был отмечен поясом с саблей, инкрустированной драгоценными камнями, и расшитым золотом кафтаном *чаркаб*⁶⁴⁹. [Государь] переименовал его /428/ в Шараф-хана и пожаловал высокие титулы *таваджи-баши-гири*⁶⁵⁰ войска и эмира эмиров Курдистана, даровав ему на то все милостивейший указ, содержание которого приводится [ниже].

Содержание указа:

“Основная цель и насущное желание высокодостоящих султанов при славном вознесении на вершины величия и могущественных хаканов при достойном восшествии на высоты самодержавия — лелеять и оберегать определенную группу людей, которые решительностью [своих] стараний и усилий похитили у [себе] подобных и равных мяч первенства на ристалищах преданности и упования, превосходством служения опередили представителей своего сословия (Букв, “своих единоутробных братьев”). и, подняв знамя [верной] службы и самоотвержения,, отдали всю свою жизнь и достояние в распоряжение небесноподобного двора — прибежища мира (Букв, “осыпали монетами своего существования небесноподобный дворец и вверили достояние двору — прибежищу мира”).). Ныне, ведомый беспредельным доверием и [465] упованием, к дружбе нашего дома — прибежища страны — воззвал Шараф-хан — оплот власти, опора могущества, достигнувший куполов величия, поборник справедливости, величайший из славных эмиров, достойнейший из высокочтимых правителей по совершенству в правлении, власти, счастье, мире и вере. В поисках спасения от врагов припал он к полам нашего великодушия и милости.

В подобных случаях говорится — стихотворение:

Вошли мы в эту дверь не за почестями и славой,
Пришли мы сюда [в надежде найти] приют от беды.

Удостоился он чести присутствия “а [этом] высоком собрании, а посему [всенепременно] ему будет сопутствовать и споспешествовать безграничное благоволение и милость государя, согласно исполненным красноречия строкам — стихотворение:

Кто бы ни был тот, кто, опасаясь за жизнь и честь [свою],
Прибегнет к покровительству этого дома,

Я не позволю нанести ему обиды и оскорбления,
Даже если это мне будет стоить головы.

Мы даровали тому оплоту власти место под этой благодатной сенью, /429/ вознесли его до степени хана, нарекли его именем Шараф-хана и, препоручив ему руководство *таваджиями* высочайшего дивана, включили в число достойных ханов и эмиров августейшего двора. Мы пожаловали тому прибежищу власти звание эмира эмиров и старшинство “ад всеми эмирами Курдистана, управление Бидлисом, Ахлатом, Мушем и Хнусом вместе с относящимися к ним районами и остальными областями, что до настоящего времени пребывали во владении у вышеупомянутого эмира, и признали его одним из августейших наместников нашей богом хранимой державы. Мы передали в его могучую десницу бразды управления теми районами, дабы с неизменным почтением он помнил (Букв, “созерцал почтительным оком”). скрытый [466] [в этих словах смысл]: “Человек — раб благодетелей, [ему оказанных]”. Пусть он, неуклонно следуя путем служения и душевной преданности и не отступая от кафедры признательности и приверженности, явит такое рвение в упрочении устоев единодушия и верности, что станет примером для окрестных правителей и *вали*, и изо дня в день будет возрастать его влияние. Достойным эмирам, городским старшинам и правителям Курдистана надлежит признать упомянутого эмира своим эмиром эмиров и, засвидетельствовав послушание и единомыслие, не опускать ничтожнейшей из мелочей в повиновении вышеупомянутому. Пусть явятся они по [первому] слову и зову его и почтут первым долгом засвидетельствовать необходимую покорность изо дня в день возрастающей мощи его. Городские и сельские старшины, квартальные, крестьяне, оседлые жители, все население упомянутого вилайета и главы улусов и кочевых племен тех районов должны признать вышеупомянутого — прибежище власти — [своим] правителем и владельцем *тиула* на те земли, /430/ быть послушными и покорными его повелениям и не уклоняться от слова и совета его. Упомянутый же правитель обязан так обходиться с местными раййятами и жителями, чтобы сильный не чинил несправедливостей слабому и [не имел к нему] никаких притязаний. И повсюду пусть поступают так. Когда [грамота] украсится благородною, драгоценною, достойнейшею и высочайшею печатью, пусть ей верят. Писано в двадцатый [день] месяца сафара — да будет он отмечен преуспеянием и удачей! — 939 (21 сентября 1532) года согласно высокому повелению — да возвеличит его великий Аллах и да сохранит вечным в отношении него повиновение, подчинение и покорность!”

Осыпанный монаршими милостями и щедротами (Букв, “после дождя милостей и потока щедрот”), Шараф-хан привез из крепости Ахтамар своего любимого сына эмира Шамсаддина и определил его на служение при стремени государя. Знамена государева кортежа обратились в сторону Азербайджана и утвердились над монаршей резиденцией.

В это время до царственного слуха дошло известие о [467] захвате Хорасана Убайд-ханом узбеком и о том, что Бахрам-мирза [уже] около года осажден в городе Герате ⁶⁵¹. По рассказам, недостаток провианта довел осажденных до того, что люди Бахрам-мирзы провели несколько дней, [питаясь] вареной кожей. По услышании этого тревожного известия шах Тахмасб разрешил эмиру Шамсаддину уехать, составив [на имя] Шараф-хана грамоты, исполненные благоволения, [согласно которым Шараф-хану] препоручалось ведение [всех] важных дел в Азербайджане. Его помощниками и опорой он поставил нескольких кызылбашских эмиров, как то: Халхал-султана арабгирлу, Увайс-султана

пазуки, Аджал-султана каджара, Амира-бека махмуди и правителя Тебриза Муса-султана, дабы в любое время, когда ему понадобится содействие и поддержка, /431/ он призывал на помощь упомянутых эмиров и они являлись бы [на его зов] незамедлительно.

Сам же [государь] собственною персоною устремился в Хорасан, [вознамерившись] изгнать 'Убайд-хана. [Сему] бедняку довелось слышать от своего родителя, тот рассказывал: “Когда получил я от шаха Тахмасба позволение ехать в Бидлис, он изволил сказать: “Передай своему отцу, чтобы до нашего возвращения из Хорасана он во что бы то ни стало следовал в отношении османцев путем учтивости и дружбы, сколь Улама стал его врагом, а в населенной четверти [мира] не найдется подобного ему злодея и подстрекателя. Я уверен, что он не даст покоя османцам и станет побуждать их ко многим враждебным действиям”.

Шараф-хан не последовал совету шаха и решил [прежде всего] расправиться с теми курдскими эмирами, что были его соседями и во время осады крепости Бидлиса выступали заодно с Фил-Иа'куб-пашой и Уламой. Первым делом он двинул войска на мир Давуда Хизани и часть его вилайета предал грабежу и разрушению. Трое суток держал он в осаде мир Давуда в крепости Хизан. Когда с обеих сторон несколько человек было убито и ранено, распространился слух о прибытии Уламы в Бидлис. Шараф-хан прекратил осаду крепости и возвратился обратно. Воспользовавшись этим, вероломные эмиры разом изменили Юараф-хану и перешли на сторону [468] Уламы. Таким образом, будучи обиженными на Шараф-хана, к Уламе примкнули из аширата рузаки сын Шайх Амира Ибрахим-ага билбаои, мир Будак Кисани, сын Мухаммад-аги Калхуки Каландар-ага и Дарвиш Махмуд Каладжири.

Словом, /432/ осенью 940 (1533-34) года [во главе] около десяти тысяч пеших и конных, копыеносцев, мушкетеров и лучников, поддерживаемый Фил-Иа'куб-пашою, Улама, уступая настояниям знати, во второй раз направился через Хизан в район Татига. Под знаменем Шараф-хана было не более пяти тысяч человек. В связи с этим пришел ему на память совет шаха Тахмасба, и он решил направиться в Алатаг и Алашкерт, послать в Тебриз за Муса-султаном и эмирами, вызвать войска и дать Уламе сражение. Но знать [племени] рузаки не поддержала то мнение, в особенности Саййиди 'Али-ага Партафи, который в то время был полномочным векилем Шараф-хана (Букв, “**векилем и средоточием власти Шараф-хана**”).), а также предводителем и старейшиной [людей племени] рузаки. От избытка недомыслия и глупости он заявил в помещении дивана и в присутствии Шараф-хана: “Коль проявит ашират рузаки в сражении с Уламой беспечность и нерадение, я соберу неверных и армян Бидлиского вилайета и выступлю против “его”. Шараф-хан, имея полную осведомленность в искусстве гадания по песку и звездам, заявил: “В соответствии с линиями на песке звезда Уламы на этот раз в зените, а наша звезда переживает падение. В такое время никоим образом не следует и недопустимо вступать в битву”.

Но из-за лишенных смысла речей и глупой болтовни курдов он не смог найти правильного решения вопроса и с тем небольшим отрядом принял сражение с многочисленным войском Уламы. Когда Улама подошел к границе области Татиг, которая относится к Бидлису, он выступил ему навстречу. Встреча враждующих сторон произошла несколько южнее крепости Татиг. Улама обратил тыл своей армии к горам. /433/ Засеянное просом поле, куда выходил его авангард, он превратил в огромную трясиину, запрудив ночью воду, и сам занялся укреплением своих рядов. В центре и на флангах своего [469] войска он поставил несколько рядов из лучников и янычар. Шараф-хан тоже выстроил свои ряды перед противником. [Люди] аширата рузаки по [своей] самонадеянности и безрассудству совершенно не приняли во внимание многочисленность врага и неподходящее для битвы место и начали военные действия.

Доблестные молодцы и ратники с нравом тигров, подобно разъяренным львам и свирепым леопардам, сцепились друг с другом, и пыль, [поднятая] смутой сражения, и пламя огня битвы поднялись к небесам. Стихотворение:

Разом с обеих сторон на всем скаку
Курды сцеплялись друг с другом.

Копытами [своих] коней они выбивали пламя,
Перемешав с кровью прах на поле брани.

[Казалось], у тех свирепых разъяренных львов, [вооруженных] мечом и щитом,
На голове полумесяц, а в руках солнце.

Напоминающая ужасного дракона кривая сабля
Лишила землю покоя, а вселенную — рассудка.

Все скрылось в тумане (Букв, “воздух наполнился туманом”). ружейного дыма,
[Лишь] сверкали мечи в сияющих облаках его,

В тех облаках дыма, подобных бушующему морю,
Рассыпали во все стороны град пуль [горящие], как солнце, ружья.

Между тем, когда пламя битвы и сражения достигло Капеллы, Амира-бек махмуди, на обязанности которого лежало оказание помощи войску Шараф-хана, со своими мулазимами прикрепил к челу бесстыдства повязку предательства. Стихотворение:

О сердце! Не ищи у сыновей [этого] мира преданности (Букв, “преданного ока”).
Ибо природе этих попутчиков чуждо человеколюбие. [470]

[Итак, он] изменил [Шараф-хану] и присоединился к Уламе. По воле случая в это время пуля пробила левое плечо хана и вышла через спину наружу. Он выпустил из властительной десницы бразды управления конем. /434/ Видя такое дело, [его] воины обратились в бегство; около семисот молодых, искусно владеющих мечом, и удалцов — охотников на врага, погибло в тот день. Среди них пятьсот человек принадлежали к сыновьям эмиров я знати племени рузаки, они были убиты вместе с векилем Саййиди 'Али-агою. Его сын Сакар-бек и некоторые другие были захвачены в плен. После этого события Улама повернул оттуда поводыя возвращения в сторону Вана и Востана, не ступив [на территорию] Бидлисского вилайета. Великие и малые [племени] рузаки после случившегося несчастья предали его проклятиям и хуле — это и послужило причиной того, что с ним прекратился род его — не осталось никого из сыновей, приверженцев и двоюродных братьев его. Достойный возраст почившего смертью мученика [Шараф-хана] превышал сорок лет и приближался к пятидесяти, когда [его] постигла эта беда. Правление его продолжалось более тридцати лет, и правил он независимо. У него был только один сын эмир Шамсаддин, матерью которого являлась дочь 'Али-бека Сасуни. Для своего сына [Шараф-хан] испросил в жены дочь Мухаммад-бека Хазуи и [по этому случаю] устроил великое пиршество, [длившееся] семь суток. Он повелел собрать на Гёк-Мейдане предметы запрещенных [игр] и развлечений, как то кости для игры в нард, с поверхности [всей] вселенной, устроил [согласно предписаниям] благородного закона пиршество и, следуя уложениям веры пророка и указаниям славного шариата, соединил своего любимого сына узамы брака с [тем] оплотом целомудрия.

И такой он устроил пир, что огибающий мир небесный свод раскрыл тысячи удивленных глаз, чтобы полюбоваться им и, следуя обычаю дарения и рассыпания золота, выставил на показ украшения и драгоценности из звезд, что годами хранились в карманах и подоле. /435/ Сколь торжественное пиршество в палатках и шатрах было украшено всевозможными развлечениями и забавами, высокодостойные эмиры Курдистана, [471] как то: Саййид Мухаммад Хаккари, Шах 'Али-бек Бухти, малик Халил Айуби, Хасан-бек Палухи,

присутствовавшие на том радостном празднестве, воздали должное удовольствиями наслаждению жизнью. Тем временем молодые курды играли в поло, бросали тыквы и рассыпали золото. По соблюдении обычаев празднества и угощения великим эмирам и достойным правителям поднесли подобающие [их сану] дары и почетные облачения и пожаловали разрешение на отъезд. [Шараф-хан], не тая желаний в сердце, решил наказать всякого из племен, кто допустил в отношении его великих отцов и дедов предательство и неблагодарность. В их число входил ашират пазуки. С того времени, когда шах Исма'ил, следуя божественному предопределению, поставил эмиром эмиров Курдистана Чулак-Халида, а тот, завладев округом Авхакан, относящимся к Мушу, включил [его] в Хнусскую область, передал своему брату Рустам-беку, и [тот] стал владельцем тех районов, он причинил аширату рузаки много неприятностей. Зиму он обычно проводил в Авхакане.

В середине зимы 922 (1516) года, когда в Мушской области от сильного мороза и холодов воздух напоминал вздымающийся океан и губительную пучину, [так что] в открытых местах там птицы не могли летать, а травоядные — передвигаться, Шараф-хан с [отрядом численностью] около полутора тысяч молодцов [племени] рузаки надели лыжи ⁶⁵² и внезапно напали на Рустам-бека. [Рустам-бек] был убит вместе с двумя своими сыновьями и четырьмястами отборными молодцами /436/ 436 [племени] пазуки. Безжалостный меч настиг их мужчин и женщин, великих и малых [того племени]. Некоторые из них бежали с поля битвы и укрылись в пещере близ крепости Авхакан. Их дома были преданы сожжению. Автору этих строк довелось слышать от людей в высшей степени достойных, что одна старуха натянула на голову козью шкуру и [так] спаслась от той беды, которая воскрешала в памяти ураган, [истребивший племя] ад. В живых не осталось ни одного. Покарав их за недостойные деяния, они забрали в плен их жен и детей и с добычей благополучно возвратились обратно. [472]

В 939 (1532-33) году [Шараф-хан] отправился на завоевание крепости Ахтамар, что находится между Ванским озером и Арджишем ⁶⁵³. Она с древних времен входила в вилайет [племени] рузаки и позднее перешла во владение правителей Шамбо. [Шараф-хан] построил несколько кораблей и силою завладел [той] крепостью. Правитель крепости, каковым являлся Руетам-бек, сын Малик-бека Хаккари, в той схватке был убит из ружья. [Шараф-хан] отобрал район Сиирта, которым насильственно завладел правитель [племени] бохти, и снова передал во владение правителю Хасанкейфа малику Халилу, как сообщается и рассказывается выше. От малика Халила он забрал район Арзана и передал Мухаммад-беку Сасуни, Шайх Амира билбаси послал на помощь 'Иззадин Ширу Хаккари и положил конец захватническим действиям (Букв, “укоротил захватнические руки”.) племени махмуди, которое при поддержке кызылбашей посягнуло на их вилайет. Силою и принуждением [Шараф-хан] добился освобождения 'Иваз-бека махмуди, которого Уркмаз-султан кызылбаш заточил в Ваяскую крепость, /437/ как уже упоминалось выше.

К числу его благих дел относится построение в самом Бидлисе славной соборной мечети, названной Шарафийе, высокого медресе и благородного странноприимного дома.

[Шараф-хан] основал базар ⁶⁵⁴ и караван-сарай в два этажа, пожертвовав им прекрасные деревни и селения, лавки и водяную мельницу — благоустроенные и доходные. Попечителями всех вакфов и поместий он поставил своих потомков, мужского пола — из поколения в поколение, пока не прекратится род [его]. Южнее соборной мечети он приготовил для себя усыпальницу. Дочь Али-бека Сасуни Шахбики-хатун, что была его женою, воздвигла над его могилою купол, закончив [все работы по его сооружению]. На содержание *хафизов* она определила несколько вакфов, дабы утром и вечером читали они Коран возле его достойной гробницы. [473]

ПОДРАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Об обстоятельствах [жизни] эмира Шамсаддина, сына Шараф-хана

Мудрым и пронизательным, познавшим механику сотворения, представляется ясным, как свет озаряющего мир солнца, как блеск чистой утренней заря, что стоит всемогущему властителю [нашему] — да прославится величие его! — возжелать какого-то счастливец утвердить в обители власти на вершинах могущества и сана, вознести его достигающую звезд главу до венца и короны правителя, с первыми [лучами] утра его власти, с начала дней его великолепия [господь] следит за ним любовным и заботливым оком, пока тот счастливец не станет искушенным в красоте и величии, успехе и падении, благодеянии и каре, благосклонности и гонении, любви и ненависти, стремительности и спокойствии. На горизонте этой мысли сияет озаряющее мир светило [высказывания]: “За сорок утр замесил я глину, [из которой был сотворен] Адам”. Но за музыкаю [слов]: “Мы послали тебя не иначе, как милость мирам...” (Коран, сура 21, стих 107.), следует [изречение, привносящее] беспокойство: “В этом деле нет ничего в твоей власти” (Коран, сура 3, стих 123.); /438/ полной луне, вознесшейся над миром у Бедр ⁶⁵⁵, соответствует испепеляющее сердце несчастье возле Охода ⁶⁵⁶.

Пусть трон правления и престол великолепия благодаря неколебимым основам [своим] обретет незыблемость и прославится [своей] пышностью,— [он тоже] бессилен пред удивительными смутами и необыкновенными переменами.

Достоверным доказательством и неопровержимым доводом в пользу истинности этих слов и положений являются обстоятельства [жизни] Шамсаддин-хана, как он сначала вместо отца утвердился на троне правителя Бидлиса, а под конец, утратив благорасположение султана Гази [Сулайман-хана], не сопутствуемый и не споспешествуемый удачей, предпочел оставить родные места. Поясним сказанное. [474]

Когда эмир Шараф в Татиге испил напиток мученической смерти, [люди] аширата рузаки привезли [Шамсаддина] из крепости Ахтамар и поставили правителем Бидлиса, добровольно подчинившись ему. Разбор [всех] важных дел в княжестве они предоставили достойной деснице Хаджжи Шарафа, сына Мухаммад-аги Калхуки. Спустя полтора года его власти в конце 941 (1534-35) года султан Сулайман-хан по наущению Уламы назначил великого везира Ибрахим-пашу начальником победоносного войска и отправил в Азербайджан. Когда триумфальные стяги благословенного войска устремили лучи милосердия на окрестности Диарбекира, Шамсаддин-бек с роскошными дарами и приношениями вышел навстречу упомянутому паше.

По прибытии [Шамсаддина в лагерь] победоносного войска везир Ибрахим-паша явил ему ласку и благоволение, пожаловав на правах государева наместника грамоту на управление Бидлисом. Вместе с победоносным войском [Ибрахим-паша] направился в Тебриз.

Услышав подобные вести, шах Тахмасб /439/ оставил дела в Хорасане и отправился в Азербайджан. Когда везир Ибрахим-паша узнал в Тебризе о выступлении шахского кортежа из Хорасана, не теряя времени, со стремительностью северного и восточного ветра, он отправил к порогу султана — прибежища власти — гонца с извещением о том, что шах Тахмасб направился в Азербайджан, и с просьбою прислать (Букв, “с просьбою о прибытии:”) в страну персов шатры, [чьи вершины] возносятся до небес

Султан Гази приготовился к походу и отбыл из хранимого богом стольного города Константинополя в Тебриз с войском, при исчислении которого количество небесных

светил представилось бы ничтожным, с армией, при пересчете которой, пораженный, собьется пронизательный ум. В Азербайджан войска обоих государей прибыли через месяц. Следуя закону и обычаям османским, султан Гази вознес за орбиту небесного свода клич о выступлении на Ирак и донес до славного слуха великих и малых глас саза битвы и крики сражения. [475] Согласно совету великих эмиров он поставил в авангарде войска — прибежища господней милости — тех, кто не раз на поле брани проявил мужество и доблесть, дабы силою могучей десницы и ударом молниеподобного меча они сокрушили противников. Подобию плотине Искандера, укрепил он центр и фланги войска и таким образом направился в Ирак.

Шах Тахмасб со своей стороны шел ему навстречу до Султанийе, но, поскольку в то время вражда и соперничество внутри кызылбашского войска дошли до предела, а под знаменем его было не более восьми тысяч всадников, [шах Тахмасб], находя невозможным /440/ сопротивление [многочисленным], как капли в море, войскам Сулаймана, двинулся в направлении Дарджазина ⁶⁵⁷ и Хамадана.

Хотя [созвездие] Весов переместилось [всего] на шестнадцать градусов, на землю с воздуха опустилось мятежное воинство снега и мороза для завоевания провинций Ирака. Оно так свирепствовало, что путь следования победоносного войска оказался закрытым. Много людей Рума, коней и верблюдов, ослов и [всякого рода] четвероногих из августейшего султанского обоза погибло от сильных холодов, большого количества снега и недостатка провианта. Это и послужило причиной бедствия, постигшего войско ислама.

[Султан] оставил Уламу вместе с лагерем и [корпусом] янычар в Тебризе и отбыл в направлении стольного города Багдада. Мухаммад-хан Шарафаддин-оглы такалу, которому было поручено управление Багдадом, [прослышав] о выступлении сулайманова войска, пришел в смятение, подобно слабому и немощному муравью, поместил свою семью на корабли и бежал в направлении Шуштера и Дизфуля. Победа над Багдадом досталась султану Гази без битвы и кровопролития ⁶⁵⁸. Там он провел зиму.

Шамсаддин в том походе находился при победоносном султанском стремени. В Багдаде он получил разрешение на отъезд и отбыл в Бидлис. В начале весны султан Гази через Алтун-Кёпри ⁶⁵⁹ направился в Азербайджан, распространив по [всему] разноцветному своду весть о возвращении к оплоту [своего] величия. [476]

Когда показался Ахлат, [султан] разбил шатер, устоями которому служат небеса, и палатки, возносящиеся до небес, до вершин апогея солнца и луны. По наущению злосчастного Уламы он вызвал в диван с великолепием [дивана] Сулаймана Шамсаддин-бека и великих везиров. /441/ [Ему] сказали: “Государь просит вас [отказаться] от Бидлисского вилайета и взамен дарует вам вилайет Малатии и Марата “а правах собственности”. Шамсаддин поспешил ответить: “И голова, и имущество, и имения наши — все в распоряжении государя”.

В диване присутствовал Махмуд 'Имадан, один из лучших и достойных [представителей] знати [племени] рузаки. Од: обратился к Шамсадину по-курдски со словами: “Если потеряем мы наследственный вилайет и *оджак*, на что нужна будет и наша жизнь? Только прикажи — и я проткну кинжалом великого везира Ибрахим-пашу. Сегодня в диване присутствует около ста пятидесяти человек из аширата рузаки, и все мы: готовы погибнуть за [свой] *оджак*, оставив [по себе] славную память на страницах эпохи”. — “Мы не утратили благосклонности государя и везира, — изволил ответить Шамсаддин, — это все наущения Уламы, ибо сказано — стихотворение:

Восход счастья врага — это бедствие,
Иначе разве не [достиг бы счастья], разрушитель гор (Фархад), [который] совершил подвиг?”.

Начальник гулямов Амида — Бакр-бек Рузбахани, которому в те времена был препоручен *санджак* Адилджеваза, узнал о намерениях [племени] рузаки. Он сказал по-курдски [Шамсадину]: “Берегись, не следуй советам глупых курдов. Если и уйдет из твоих рук на несколько дней Бидлиссский вилайет, то ты сохранишь голову, а *оджак* снова вернется, к тебе”.

Когда государю доложили о словах Шамсадин-бека, [оге пожаловал его] шахским халатом и конем с седлом, уздечкой, цепью и бахромой из золота, и была издана грамота на: управление Малатией. Грамоту на управление Бидлисом пожаловали Уламе. Шамсадин-бек /442/ оставил крепость и [477] вилайет Бидлиса и передал наместникам султана. На взятие Малатии было направлено около пятнадцати человек из знати [племени] рузаки.

После выступления августейшего султанского кортежа Шамсадин-бек, намереваясь ехать в Малатию, отправился туда через Сасун вместе с семьей. В то время правителем Сасуна был Сулайман-бек 'Азизани. Встретившись с ним, он не посоветовал ему ехать в Малатию и сказал: “Не считая тебя, в вашей семье не осталась никого, кто бы стал владельцем наследственного *оджака*. Турки — народ крайне ненадежный. Если они погубят тебя, прекратится и род правителей”. Это повергло [Шамсадина] в страх, и он не решился ехать в Малатию.

Случайно тем временем шах Тахмасб остановился в Арджише. 'Абдаллах-хану, Бадр-хану устаджлу и Манташа-султану он препоручил разграбить и разорить округа Ахлата и Муша. Опасаясь, что кызылбашское войско причинит [людям] аширатов и племен рузаки вред, [Шамсадин] был вынужден отказаться от поездки в Малатию, повернул поводья [своего] гнедого в сторону кызылбашей, засвидетельствовал [им свою] преданность и вместе с семьей и домочадцами направился в Тебриз. Честь сопровождать его выпала [на долю] шести [представителей] знати [племени] рузаки.

Напуганный Улама оставил Бидлие и вслед за султаном Гази отбыл в Диарбекир, так что в продолжение нескольких дней крепость Бидлиса оставалась без хозяина и хранителя. После этого четыре округа: Амурек, Хойт, Пугнад и Керендж были отделены от Бидлиссского княжества и по просьбе Уламы на правах *санджака* /443/ пожалованы сыну Шайх Амира билбаси Ибрахим-беку. Ибрахим-бек завладел крепостями Амурек, Калхок и Пугнад, но не оказал Каландар-аге уважения, на которое тот рассчитывал. [Ибрахим-бек], Дада-бек кавалиси, эмир Мухаммад Насирадини и около четырехсот видных [людей племени] рузаки восстали против *мирлива* Бидлиса. Он предпочел оставить родину и вместе с семьей отправился в Азербайджан.

По их прибытии шах Тахмасб явил Шамсадину [478] благоволение, нарек его ханом, ввел в число великих эмиров и даровал область Сороба ⁶⁶⁰ с несколькими другими районами. Ему бывали жалованы то округ Мераги с относящимися к ней местностями, то область Демавенда ⁶⁶¹ и Даралмарза ⁶⁶², то Карахруд ⁶⁶³, Джахруд ⁶⁶⁴ и Фарахан Иракский ⁶⁶⁵.

Большую часть времени он проводил на летних и зимних становищах при государевом стремени. Из видных [представителей племени] рузаки около ста пятидесяти человек были причислены к великим *курчиям* и достойной свите. В том числе Шайх Амир билбаси и Дада-бек кавалиси удостоились высокой должности *юзбашигири* (*Сотника*).

После того как Дада-бек, мир Мухаммад и Каландар-ага оставили родину, эмиром эмиров Вана Хусрав-пашой овладели опасения в отношении Ибрахим-бека. Он послал за ним с

требованием прибыть в Диарбекир. Ибрахим-бек тоже заподозрил недоброе, укрепил свои крепости и не спешил с отъездом. Когда про истинное положение дел доложили у подножия трона — прибежища благополучия, вышел непреложный указ эмирам Курдистана — всем вместе пойти на Ибрахим-бека /444/ и схватить его.

Упомянутые эмиры поспешили исполнить приказание, окружили Ибрахим-бека в крепости Калхок, и дела осажденных пришли в стеснение. Ибрахим-бек постучал в дверь перемирия и направил своего брата Касим-агу к Хусрав-паше, дабы тот простил ему его проступки. Паша согласился простить Ибрахим-бека при условии, если приедет он лично, но Ибрахим-бек, питая подозрения, не решился ехать. К эмирам, что держали его в осаде, он послал своего второго брата Шайх Амира с просьбой представить Шайх Амира паше и испросить для него отсрочку с тем, что несколько дней спустя, когда эмиры прекратят осаду крепости, он сам явится к паше и испросит извинения за свои проступки.

Когда эмиры доложили об этом паше, тот без лишних разговоров убил его брата Касим-агу, подвергнув самым суровым пыткам. Эмирам он отправил приказ убить его брата [479] поимени Шайх Амир тоже и упорно продолжать осаду крепости. Об этом решении сообщили Шайх Амиру несколько друзей, и во время вечернего намаза, якобы намереваясь совершить омовение, он оставил эмиров и бежал, скрываясь в лесах. [Затем] он укрылся среди аширата хаккари и направился к кызылбашам. Когда Ибрахим-бек узнал об убийстве своего брата Касим-аги и о бегстве [второго] брата Шайх Амира, он со всею поспешностью уехал в крепость Амурек, но там тоже не задержался и бежал к кызылбашам. Осажденные в крепости запросили пощады. Благодаря посредничеству правителя Хазо Баха'аддин-бека эмиры простили осажденным их проступки, целыми и невредимыми вывели их из крепости и все три цитадели разрушили.

/445/ Ибрахим-бек не снискал благоволения шаха Тахмасба и Шамсаддин-хана и два года спустя вновь возвратился в Турцию. Возложив на шею меч и саван, отправился он к высокому порогу второго Сулаймана, каковым является султан Гази. Под благодатными лучами монаршей милости грехи его [удостоились] прощения. В вилайете Румелии ему был пожалован *санджак*, где он прожил до конца дней своих и [где] в конце концов был убит своими рабами — мамлюками.

Сначала Шайх Амир снискал к себе благорасположение и щедроты государя, и, как отмечалось выше, ему была передана должность *юзбашигири*. [Но] позднее из-за чрезмерного употребления опиума он утратил то высокое положение. Он пал во мнении государя и войска и вызвал неприязнь [всего] народа, пока не умер в 965 (1557-58) году, будучи назначен векилем [этого] несчастного в Ширване.

Дада-бек был тоже смещен с должности *юзбашигири курчиев* Техрана и [во главе] сорока *курчиев* [из племени] рузаки назначен векилем [нашего] властительного родителя. В 956 (1549) году он испил напиток мученической смерти.

Шамсаддин, вдруг явив отвращение к службе, избрал угол уединения и затворничества. Из податных обложений с города Исфахана двести тысяч османских акче было назначено ему на содержание. [Ему] пожаловали грамоту, [480] [дарующую] освобождение от налогов, дабы он проживал в упомянутом городе, не принимая участия ни в каких походах.

Когда таким образом прошло десять лет, шах Исма'ил второй вышел из крепости Кахкахе /446/ и восшествовал на монарший престол в Казвине. Он послал за [нашим] властительным родителем и доставил его в Казвин. Поскольку на [своем] жизненном пути [Шамсаддин] миновал [к тому времени] уже шестьдесят семь стоянок (Т. е. ему было уже шестьдесят

семь лет.) и большая часть достойной жизни его проходила в заботах и страданиях, в горести и печали, к тому же чрезмерное употребление спиртных напитков и опиума иссушило его ум, он не интересовался службою хаканам, не был склонен общаться с кем-либо и привык к одиночеству. Стихотворение:

Избравшие уединение ради тебя других [имен] не поминуют,
В сердце, где находишься ты, остальные преданы забвению.

За это время разлука с детьми обоого пола и со всем аширатом рузаки оказала на него тягостное воздействие. По воле случая, когда он пожаловал в Казвин, там находились все [его] дети, близкие и знать [племени] рузаки. Радость и волнение при свидании с ними тотчас помutilи достойный ум его. Терзаемый болезнью, с готовностью услышал он призыв: “Возвратись ко господу своему, будучи удовлетворенною и удовлетворившею” (**Коран, сура 89, стих 28.**) и глас: “Для такого будет отрадная жизнь в высшем райском саде” (**Коран, сура 69, стих 21, 22.**) — и в Казвине был принят под сень всепрощения господнего. Стихотворение:

Ушел он через этот проходной двор,
Да и кто гот, который минует этой дороги?

Этот путь — небытие,
От губящего меча которого не спасется ничто сущее.

Да пребудет рай вечным местом пребывания его,
Да обретет он место в обители божества! **[481]**

После него осталось два сына: Шараф — автор этих строк, и Халаф. Халаф-бек некоторое время пребывал в рядах *курчиев* шаха Тахмасба, несколько лет занимая должность *юзбашигири*. Позднее, во времена шаха Султан Мухаммада, [Халаф] достиг степени эмира и был принят в ближайшее окружение Хамза-мирзы. После убийства мирзы /447/ он выразил покорность высокому порогу покойного государя султана Мурад-хана и удостоился степени *санджак[бея]* Алашкерта и Мелазгерда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание жизни [этого] несчастного бедняка с разбитым сердцем со времени его рождения и поныне, то есть до 1005 (1597) года

Стихотворение:

Я подобен мячу, который на необъятном ристалище месяцев и лет
Швыряет из стороны в сторону клюшка судьбы.

Вначале несколько раз я падал на спину,
Как это присуще природе детей.

Не совершил никаких грехов, а как преступник,
Оказался связанным ремнями в колыбели воспитания.

У меня были хромые ноги для ходьбы и немощные руки, чтобы хватать,
Для еды — сомкнутый рот и для разговора — немой язык.

С кончика каждой ресницы стекала кровь сердца,
Не попадало в рот молоко чистое, как ключевая вода.

И не успел после этого ум мой окрепнуть настолько,
Чтобы смог я отличить правую руку от левой,

Как от милосердной материнской груди [я] был оторван
Заботами [своего] нежного, преисполненного добродетелей, родителя,

Препоручил он меня искусным рукам наставника,
И тот стреножил мою натуру путами разума. [482]

Радея о душе моей, с помощью знаков алфавита он засеял ниву моих способностей:
Семенами наук, талантов и духовных совершенств.

В узорах их начертания
Раскрыл он глазам путь к созерцанию невест с черными крыльями и опереньем (Т. е. “букв” — “научил меня читать”):

В самом их звучании с предельною ясностью
Показал он красоту речи.

От буквы к букве, заставляя читать по складам, вел он меня.
Как путника, которому навесили на ноги оковы.

Когда благодаря тем урокам язык мой освободился от [связывающих его] пут,
Скорыми шагами направился я к желанной цели.

Следуя таким путем и придерживаясь такого правила, прошел я с его помощью (Букв, “он
провел
меня”).
От [начального] “б” в “би исм-и ал-лахи” до последнего “с” в “нас” (Т. е. прочел Коран,
который начинается со слов *** и кончается словом ***).

Потом начал я изучать науки
/448/ И оставил позади искателей знаний.

От грамматиков узнал я нормы спряжения,
От языковедов услышал я о правилах *стлала*.

Изучая науку *фикха* и его основы, я полностью постиг,
Что согласно закону запретно и [что] дозволено.

Из рассказов о Мухаммаде и его деяниях
Стал мне ясен путь пророка, обычаи сподвижников [его] и образ жизни племени [его]

Сколь от одной науки не достиг я желаемого,
То решил претворить те знания в жизнь. [483]

Утром и вечером поминал я Аллаха,
День и ночь проводил в размышлениях.

Восхваляя Аллаха и помышляя о нем, достиг я такого прозрения,
Что спали [для меня] материальные покровы с чела действительности.

Увидел я единственное бытие и всеобщую истину,
Узрел внешнюю сторону света и мрака.

Многообразие внешнего рядом с единством сокровенного
Походило на искру огня от полыхающего пламени.

Как уже известно обладателям таланта и совершенства, владыкам премудрости и знаний,
целью написания этих строк является объяснение обстоятельств [сего] несчастного с
разбитым сердцем и описание безотрадной жизни его со дня рождения до настоящего
времени. [Рассказ этот] такого рода. После того как согласно божественному
предопределению благородный родитель [сего] бедняка надолго разлучился с родиной, был
вынужден оставить славный очаг [свой] и укрыться в Иране, он сочетался узами брака с
дочерью Амир-хана Мусилу, которая и стала моей любящей матерью (Букв, “женился на
моей любящей матери, которая была дочерью-Амир-хана Мусилу”).

Амир-хан приходится сыном Гулаби-беку, сыну Амир-бека, известного [под именем]
Тукмак Байандур, который в правление Хасан-бека Байандури стоял во главе эмиров и
правителей ⁶⁶⁶. Он проявил мужество и героизм в сражении Хасан-бека с султаном Абу
Са'ид Гурганом в Карабаге и а в битве с султаном Мухаммад-ханом Гази в долине Байбурт

⁶⁶⁷. /449/ Ему принадлежало управление Арзинджаном ⁶⁶⁸ и теми пределами. И ныне в Арзинджане есть свидетели его благотворительности — мечети и медресе.

Словом, семь лет спустя после их переезда в ту страну, двадцатого [дня] месяца зу-л-ка'да 949 (25 февраля 1543) года, что соответствует году Мыши, в крепости Карахруд, из подчиненных Куму районов Ирака, у дочери Амир-хана родился сей жалкий бедняк, недостойный доверия. Родным [484] кровом [сего] бедняка стали жилища *кази* Карахруда, чей славный род восходит к Казии Шурайху Куфи, который известен среди ученых и совершенных [своим] высоким достоинством и положением. Так случилось, что со времени их переезда из Куфы ⁶⁶⁹ в ту страну неизменно в том роду были люди, отмеченные добродетелями и знанием. Благодаря ревностным молитвам того высокого рода с детства и по сей день, когда [число] лет жизни, минуя пятьдесят, приблизилось к шестидесяти, я проводил время в беседах со знающими людьми и в обществе преисполненных мудрости ученых и ни на секунду не покидал служение тому высокому роду. Стихотворение:

Джами! Очисти себя от мирской скверны,
Будь прахом под ногами добродетельных.

Быть может, из того праха ты обратишься в пыль,
Уничтожишь пыль и станешь человеком.

Покойный государь шах Тахмасб имел обыкновение сыновей своих эмиров и знати в младенческом возрасте брать в свой благородный гарем, включать в число достойных отпрысков царского рода и славных слуг [своих]. Вскармливая и воспитывая их, он не оставлял без внимания ни [единой] мелочи. Он побуждал их к изучению Корана и уложений шариата, /450/ [поощрял в них] богопочитание и чистоту, внушал им любовь к обществу благочестивых, что исповедуют религию правоверных, и неустанно охранял от общения с людьми испорченными и безнравственными, сластолюбцами и развратниками, побуждая их к служению ученым и совершенным. По достижении ими зрелости и рассудительности он обучал их военным наукам, стрельбе из лука, игре в поло, верховой езде, владению оружием, основам учтивости и человеколюбия и говорил: “Когда-нибудь еще займитесь живописью, ибо она исправляет вкус”. Стихотворение:

Всякий, кто изведал хоть крупницу счастья,
Обязан им благосклонному взгляду. [485]

Любой взор с искренностью и чистосердечием
Поистине наделен чудодейственной силой философского камня.

Когда осуществляются помыслы благочестивых,
Розы освободятся от терниев.

Следуя утвердившемуся обычаю, в 958 (1551) году, когда [сему] бедняку минуло девять лет, [государь] взял его в свой благородный гарем и свое ближайшее окружение. Три года провел [он] в семье того благочестивого монарха в числе слуг того добродетельного государя, пока в 961 (1554-55) году властительный родитель [наш] не оставил службу государю и не избрал угол затворничества. Племя рузаки единодушно просило шаха Тахмасба пожаловать управление [сему] несчастному, и во исполнение их желания [государь] возвысил [сего] бедняка в возрасте двенадцати лет до звания эмира и пожаловал [ему] области Сальян и Махмудабад ⁶⁷⁰, относящиеся к Ширвану.

После трех лет управления, когда умер Шайх Амир билбаси — его (Т. е. автора этих строк.) наставник и векиль, земли Сальяна были переданы другому, а [сей] несчастный на летних пастбищах Харракана ⁶⁷¹ /451/ удостоился свидания с государем. [Этого] бедняка поручили дяде с материнской стороны — правителю Хамадана Мухаммади-беку, который [и] заменил ему отца. Тот благородный принял безумца как сына и выдал замуж за несчастного

всеобщая резня, — [сей] несчастный счел неразумным там оставаться и испросил его направить в любую из сторон богом хранимой державы.

Шах Тахмасб пожаловал [сему] несчастному часть земель Ширвана, определил аширату рузаки содержание из податей с государевых доменов в Ширване, куда входили Таракамат, Араш ⁶⁷⁴, Акдаш ⁶⁷⁵, Кабала ⁶⁷⁶, Баку и морское побережье, и отправил его в Ширван. Когда он пробыл там восемь месяцев, стало известно о смерти шаха [Тахмасба], о смутах в Казвине, убийстве Султан Хайдар-мирзы, о том, что Исма'ил-мирза [488] вышел из крепости и направляется к стольному городу Казвину.

Тем временем [Исма'ил-мирза] на имя [сего] бедняка послал благородный указ, повелевавший приехать из Ширвана к нему на службу, и удостоил высокого звания эмира эмиров Курдистана. Он постановил, дабы [тот] постоянно пребывал у сопутствующего удачей стремени, и чтобы всякий раз, когда у эмиров и правителей Курдистана, Луристана, гурана и других курдских племен будет какое-нибудь важное дело к государеву двору, они обращались к [сему] бедняку — все дела их будут разрешаться по усмотрению этого несчастного. В милостях и щедротах этому презренному явил он такие излишества, что тот стал предметом зависти ближних и вызвал ревность даже у кызылбашских вельмож.

Под конец завистники тайно донесли [государю], что якобы [сей] несчастный в створе с несколькими кызылбашскими эмирами /454/ желает посадить на трон его племянника Султан Хусайн-мирзу. [Исма'ил-мирза] под конец [своего пребывания] в крепости от употребления опиума вдруг обнаружил [такую] раздражительность, что не мог ужиться ни с кем и одного месяца. Лживые речи поборников злобы и зависти в отношении [сего] бедняка запали ему в сердце — некоторых из них он казнил, других сместил и посадил в тюрьму. Несчастного [же] он удалил из города, пообещав управление Нахчеваном.

Пожаловав ему (Букв, “возложив на него”). *хавале* ⁶⁷⁷, он отправил его в Азербайджан. Само по себе это было для меня добрым знаком, указанием, [исходившим от] божественного порога, проявлением господней милости, или возможностью возвратиться в [свои] исконные земли к славному [своему] очагу. После того как [этот бедняк] правил год и четыре месяца в Нахчеване, от двора покойного государя с величием Фаридуна, справедливостью Хусрава, могуществом султана Джама и неустрашимостью Искандера — султана Мурад-хана — да пребудет над ним милосердие и всепрощение [господне]! — через эмира эмиров Вана Хусрав-пашу, правителя Хаккари [489] Зайнал-бека и Хасан-бека махмуди пришло радостное известие о [пожаловании ему] грамоты на управление Бидлисом: “Из безграничной государевой милости и неисчерпаемого монаршего милосердия вам дарован наследственный *оджак*. Уверенно, заручившись спокойствием и надеждою, возвращайтесь в свои исконные владения”.

Следуя словам: “Любая вещь возвращается к своему истоку”, третьего дня месяца шаввала 986 (3 декабря 1578) года [автор этих строк] оставил Нахчеван в сопровождении около четырехсот *мулазимов*, из которых двести человек принадлежали к племени рузаки. Три дня спустя благодаря содействию /455/ ванского войска и курдских эмиров он остановился лагерем возле Вана и имел встречу с покойным Хусрав-пашой. [Тот] принял сего безумца с почестями и уважением, препроводил в город и изъяснил истинное положение дел [его] у подножия высокого султанского трона. Благодаря посредничеству Мустафы *чауша* и письменным прошениям великих везиров, в частности великого везира Мухаммад-паши, удостоилась вторичного обнаружения грамота на управление, сопровождаемая монаршим халатом и золотым кинжалом, который попал в несметную государеву сокровищницу из казны наместника Египта султана Кудван черкеса. Отдельно доставлен был почетный халат и золотая сабля от *сардара* победоносных войск Мустафа-паши.

Отмеченный и вознесенный среди равных, [сей] презренный удостоился счастья вернуться в обитель могущества великих отцов и дедов, достигнув предмета своих надежд и упований. Стихотворение:

Благодарение богу, во всем, о чем молил я всевышнего,
Достиг я предела своих желаний.

С того времени, когда государь с достоинством Джама поставил хранимые [богом] многочисленные, как звезды, войска [свои] на завоевание областей Ширвана, Грузии и Азербайджана, на протяжении десяти лет неизменно, подобно удаче и преуспеянию, был я неразлучен с победоносным войском и в большинстве битв и сражений не оставил без внимания [490] ни одной мелочи, [дабы засвидетельствовать] верную службу и душевную преданность [государю]. И четыре раза государь, которому уготовано место в раю и прибежище на небесах, рассыпающим драгоценные камни и жемчуг пером начертал [сему] несчастному послание августейшею [своею] десницею. Именуя меня: “Возлюбленный и верный друг мой, Шараф-хан”, они писали: “Совершенство преданности и искренности, единокорость и [верной] вашей службы /456/ очевидны нашему сиятельному августейшему разуму, [излучающему] блеск солнца, — вы вознесли до апогея государеву милость и расположение к себе”.

В 991 (1583) году, когда *сардар* Фархад-паша завоевал Ереван и заложил там крепость, [сего] безумца вместе с эмиром эмиров Сирии Хасан-пашой направили в Тифлис — в Грузию доставить казну и провиант. В том походе [сей] бедняк [тоже] оказал некоторые услуги, и к Бидлисскому княжеству был присоединен Мушский округ с 200 тысяч акче [дохода] и благоустроенные деревни. Собственные имения этого несчастного стали [определяться] в 410 тысяч османских акче [дохода]. За время правления султанов рода 'Усмана и высокодостойных хаканов из их племени никому из славных правителей и эмиров подобная милость и расположение не оказывались.

И ныне — в последний день месяца зу-л-хиджжа 1005 (3 августа 1597) года под могущественною десницею высокодостойного хакана Абу Музаффар-султана Мухаммад-хана — да хранит его всевышний Аллах от всех несчастий! — наследственное княжество принадлежит [сему] безумцу, хотя, повинувшись [своей] природе, он и отстранился от этого важного дела, возложив те обязанности на самого мужественного и достойного из сыновей Абу-л-Ма'али Шамсаддин-бека — да продлит всевышний господь ему жизнь и да приумножит блеск мощи его за [его] прекрасные качества!

Побуждаемый отцовской любовью, следуя обычаю [других] авторов, в назидание сыну здесь записал я несколько бейгов из *Хирад-наме* Мавлана Джами ⁶⁷⁸ — да пребудет над ним милосердие [господне]! Стихотворение: [491]

Приблизься, о любимый сын мой,
Приложи уши к драгоценным камням моих советов,

Подобно жемчужине в раковине, молча сядь рядом.
Внимай, когда я буду рассыпать алмазы [назиданий].

/457/ Прислушайся к наставлениям и возлюби знание,
Когда же обретишь знания, примени их к делу.

Великие, что научили вере,
Передали [нам], ничтожным, такой завет:

О ты, чей разум ясен, как солнце,
Подобно заре, у чистоты заимствуй истинную правдивость,

В каждом деле сердце свое держи открытым для господа,
Ибо [лишь] правдивостью ты обретешь спасение.

Коль дела свои ты вверишь ему,
Не встретится тебе никаких трудностей.

Деяний твоих устрашится враг,
Во всем тебе будет сопутствовать удача.

Если в делах своих ты будешь полагаться на кого-нибудь другого,
То станешь мишенью для стрел несчастья.

Когда же разумом твоим завладеет злой нрав,
Не будет для него лекарства иного, чем нрав добрый.

Камнем смирения разбей стекло гнева,
Водою знания отмой мрак невежества.

Не топчи ногами свое счастье,
Каждые сутки раздели на три части:

Одну посвяти приобретению знаний,
Ибо незнание ведет лишь к порокам и заблуждению,

Претворяй во второй знания в жизнь,
В третью следуй за мудрыми.

Читай книги старые и новые,
Наблюдай, как во всех странах государи [492]

Выгоняли скакуна на ристалище царствования,
Как играли они на той доске шахматами [своих] вожделений.

Уклоняйся от дружбы со всяким злонравным,
Ибо и твоя природа может позаимствовать у него дурные качества:

Ты преисполнишься злобы, а добро будет чуждо тебе,
От этого не будет у тебя и крупички знания.

Сколь верно оказал неискушенный поселянин:
“От винограда берет свой цвет виноград”.

Не гонись за дружбой первого встречного,
Не ищи света у всякого просвещенного,

Вред, который причинит тебе этот мир,
Редко бывает не от друзей,

Все несправедливости при вращении [жерновов] этой мельницы (Этого мира.)
Исходят от друзей и направлены на друзей.

/458/ Меж двумя, живущими под одной крышей, непременно возникнут споры,
Которых никогда не будет у двух людей посторонних.

Когда в день Суда предстанешь ты пред всеми,
Не смотри на недостойных —

Не дай бог, с такой радости грубиян
Допустит дерзость в разговоре с тобою.

Когда на нити дел твоих завяжется узелок,
Терпение лучше беспорядочных усилий —

Любое дело можно распутать терпением,
А не торопливостью.

Не оказывай покровительства неблагороднорожденному,
Не давай вина похотливому индусу.

Дурной, возгордясь своим высоким положением, станет еще хуже,
Змея, [окрепнув], обратится в дракона. [493]

Не вяжи узлов в делах подданных,
Отдай им все, что господь дал тебе.

Сколько сможешь, высказывайся мягко,
И собеседник [твой] будет искать миролюбия.

Вежливая речь — признак мудрости,
Проявление грубости — удел безумия.

Смирись пред тем, кто мудр,
Ибо благодаря знаниям сила его превыше твоей.

Будь всегда чист сердцем и ясен помыслами,
Справедлив к рабам господним.

Притушился язык у пера от [написания] этих слов,
Листы почернели от знаков письма.

Сколь хорошо сказал мудрец: “Когда в доме кто-нибудь есть,
Достаточно одного произнесенного слова”.

Лучше кончить [на этом] речь, [внушенную] сердцем,
И с этими словами замолчать.

Сколь преисполненное правдивости перо, ведомое другом господней милости, расставило в ряды описания жемчужины удивительных известий об эмирах и правителях Курдистана вплоть до вашего счастливого времени, [теперь] весьма уместно, как было указано в предисловии книги, повернуть поводья быстроногого с плавною поступью васитского пера и бразды красноречивого повествования к изъяснению событий дней близкого к вечности правления султанов рода 'Усмана и государей /459/ Ирана и Турана.

Стихотворение:

Благодарение господу, что во исполнение [моих] желаний
Обмакнул он перо [мое] в чернила мудрости.

Закончен рассказ о правителях Курдистана,
Больше сказать мне о них нечего — аминь!

Комментарии

1 По представлениям мусульман средневековья земля держалась на рогах исполинского быка, который стоял на огромной рыбе. Выражение “от луны до рыбы” означает “во всем мире”.

2 Бурак — имя сказочного животного, на котором в “ночь вознесения” Мухаммад прибыл из Мекки в Иерусалим, а затем “вознесся” на небо. Легенда о Бураке стала излюбленной темой арабских и персидских поэтов и миниатюристов, изображающих его кобылой с женской головой и павлиньим хвостом.

3 Эти пышные эпитеты и благопожелания Шараф-хан относит к султану Мухаммеду III (1593—1603), находившемуся у власти во время написания им *Шараф-наме*.

4 Диарбекир (Дийяр-Бакр) — так именовалась область к югу от Эрзерумского и Бидлисского вилайетов, позднее — название г. Амида (древняя Амида), расположенного на левом берегу Тигра.

5 Джебзире (Джебзире-йи Ибн Умар) — город на правом берегу Тигра, в 170 км к юго-востоку от Диарбекира.

6 Развалины Динавера, столицы курдской династии Хасанвайхидов, расположены в Иранском Курдистане, в 25 км к западу от Кенгавера. В XIV в. она была найдена Хамдаллахом Казвини еще населенной; окончательно разрушена во время завоевательных походов Тимура (см. Le Strange, *The lands*, p. 189).

7 Гор. Шахризур (Шахризул, Шахразур) расположен к юго-востоку от современной Сулейманийе, близ ирано-иракской границы. Ранее он назывался еще Нимрах — название, связанное с его расположением на середине пути от древней столицы Мадаина до Шиза в южном Азербайджане (см. Nikitine, *Les Kurdes*, p. 24).

8 Атабеки Лур-и Бузург, или Фазлуйиды, — местная полунезависимая династия, правившая в Луре Большом с начала XII в. Ее основатель Абу Тахир в середине того же века получил в управление область Кухгилуйе, которая входила в состав области Лур-и Бузург до первых десятилетий XV в. В. Ф. Минорский (Minorsky, *Les Tsiganes Lull*, p. 296) усматривает определенную связь династии Фазлуйидов, правившей в Луре Большом, с одноименной династией в Шебангаре, принимая ее за ответвление последней. Правление династии Лур-и Бузург приходится на период с 1155 по 1423 г.

9 Лур-и Кучек — первоначально так называлась северо-западная часть Луристана. В настоящее время под Луристаном понимается именно этот район. С 1184 по 1597 г. там правила самостоятельная династия атабеков.

10 Букв, “род Айуба”. Айюбиды — династия, правившая в Египте, Сирии и Йемене с 1171 по 1250 г.

11 Арделан — область в западном Иране, между Азербайджаном на севере, Луристаном на юге и Ираком Персидским на востоке. Населена курдами и называется также Иранским Курдистаном. Центром области является г. Сенне (Сенендедж) (см. EI, t. I, p. 433).

12 Хаккари (Хакяри) — название области в юго-восточной части Турции. На востоке она граничит с Ираном, на западе — с районами Бидлиса, на юге — с курдскими районами Ирака. Главный город — Джуламерг (Челемерик).

13 Имадия — название района на юге Хаккари. Главный город его (того же наименования) расположен в 150 км к югу от г. Вана и в 80 км. к северу от Мосула. Местная курдская династия Бахдинан в начале XVI в. присоединила к своим владениям район Захо, так что ее домены составили большую часть горной страны к северу от Мосула (EI, t. I, p. 328; t. II, p. 1209).

14 Гургил (Джурдакил) — название округа в Бохтане и крепости, служившей резиденцией правителя племени бохти (см. EI, t. II, pp. 1199, 1207; Chanmoу, t. I, pt. 1, p. 150).

15 Финик — крепость на берегу Тигра, в двух фарсах к северу от Джебзире. В средние века была весьма могущественной и не подчинялась, ни правителям Джебзире, ни другим соседним правителям. В настоящее время крепость в развалинах (EI, t. IV, p. 921; Barbier de Meynard, p. 426)..

16 Хасанкейф — город в Месопотамии на правом берегу Тигра, примерно на середине пути между городами Диарбекиром и Джебзире. В средние века благодаря своему

географическому положению и могучей цитадели город был важным торговым и стратегическим центром (см. EI, t. VI, p. 224).

17 Чемишгезек — название округа и старинного города в северной части области Дерсим. На севере он примыкает к округу Харпут, на востоке — к округу Пертек. Гор. Чемишгезек расположен в 35 км от Харпута (см. Cuinet, t. II, pp. 392—393).

18 Медженгерд (арм. Меженкерт) — город в Турции, в вилайете Эрзерум (Mostras, p. 164).

19 Пертек — район в южной части области Дерсим, примыкавший на севере к Мелазгерду, на востоке — к Диарбекиру, на западе — к Чемишгезеку, на юге — к Харпуту. Город того же названия расположен на берегу Мурад-чая, в 40 км к югу от Хозата — главного города области Дерсим (см. Cuinet, t. II, p. 397).

20 Сакман (Сигман) упоминается турецким путешественником XVII в. Эвлией Челеби в числе курдских округов Диарбекирского вилайета (Evliya Efendi, vol. I, p. 94).

21 В труде В. Кинэ (Cuinet, t. II, p. 475) Агил упоминается как один из районов центрального округа Диарбекирского вилайета. Агил — также название небольшого городка в том же районе, у истоков Тигра.

22 Пало — район одноименного города, расположенного на берегу Мурад-чая, в 90 км к северо-западу от Диарбекира (ibid., pp. 489—490).

23 Джермук — имеется в виду, очевидно, район г. Очермика (Чермика), который находится в 45 км к юго-западу от г. Аргана и в 76 км к северо-западу от Диарбекира (ibid., pp. 491—493).

24 Сасун расположен на юге Мушского округа. Издавна славился прекрасными пастбищами, на которых выпасали большие стада овец. Резиденцией правителей Сасуна служил г. Хазо, располагавшийся в оконечности горного хребта, окаймляющего Арзанскую долину с ее реками Хазо-су, Арзан-су и Радван-су (ibid., pp. 594—595).

25 Владения правителей Хизана охватывали район одноименного города на берегу притока Бидлис-су, носящего тоже наименование, в 35 км к юго-востоку от г. Бидлиса (ibid., pp. 566—567).

26 Район г. Мокса, расположенного в горах, в 99 км к юго-западу от г. Вана (ibid., pp. 713—714).

27 Асбайрд (Исбайрд, Исперт) упоминается Эвлией Челеби в числе тринадцати округов Ванского вилайета (см. Evliya Efendi, vol. I, pp. 97, 101). Расположен к югу от оз. Ван, на одном из северных притоков Бохтан-су. А. Лайярд (Layard, map) точно обозначает местонахождение этого округа, называемого им **Isparut**, между Бохтаном и Моксом (см. также Minorsky, *Studies in Caucasian history*, p. 91).

28 Ширван находится в восточной части округа Сиирт, который к концу XIX в. входил в Бидлисский вилайет; на востоке от него расположен округ Парвари, на западе — Арзан, на юге — Арух. Гор. Куфра, служивший резиденцией курдским правителям Ширвана, находится в 22 км от Сиирта (см. Cuinet, t. II, pp. 608—610).

- 29** Ирун — название крепости, находившейся между Сииртом и Бидлисом (см. Rich, vol. I, p. 380).
- 30** Карни — горный район между Ширваном и Хизаном, ближе к Хизану (ibid., p. 377).
- 31** Ныне племя зраки проживает в Эрзерумском вилайете, севернее Хнуса и к северо-западу от Анкары (см. Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 437; Nikitine, *Les Kurdes*, p. 162).
- 32** Дарзини (Дайр-Зин) упоминается в труде К. Рича (Rich, vol. I, p. 375) как центр района, расположенного близ Сиирта. К настоящему времени крепость Дарзини, возвышавшаяся на вершине одной из высочайших гор на стыке Ширванской и Испертской возвышенностей, к юго-востоку от Хазо, в развалинах (см. Тэйлор, стр. 68).
- 33** Курдакан — район между Диарбекиром и Майяфарикином (EI, t. II, p. 1209).
- 34** Развалины г. Атака, называемого Д. Тэйлором Аттахом или Хатталом, находятся близ Диарбекира (см. Тэйлор, стр. 57).
- 35** Терджил (Хаару) — город вблизи Диарбекира (Mostras, p. 84).
- 36** Наследственными владениями племени сувайди были районы Генджа. Ныне это племя проживает в Ираке (см. *Та'рих-и Мардух*, т. I, стр. 97).
- 37** Сулеймани (турец. силвани, курд, слевани) — к концу XV в. курды сулеймани занимали огромное пространство бассейна Батман-су. В настоящее время они проживают в окрестностях Майяфарикина (см. Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 374).
- 38** У В. Кинэ упоминается округ Калб, расположенный к югу от Генджа и Чабакчура. К концу XIX в. он входил в состав Бидлиского вилайета (см. Cuinet, t. II, p. 626).
- 39** По свидетельству К. Рича (Rich, vol. I, p. 376), развалины г. Батмана расположены на берегу Батман-чая, в его верховьях.
- 40** Майяфарикин (арм. Мупаргин, греч. Мартирополис) — крупный город к северо-востоку от Диарбекира, на одном из притоков Тигра (см. Le Strange, *The lands*, pp. 111—112).
- 41** Район Соран никогда не являлся административной единицей. Соответствует району Эрбиля в Ираке (Edmonds, p. 9).
- 42** Свое наименование династия Бабан заимствовала от некогда могущественного курдского племени, проживающего ныне в районах Сулейманийе (Ирак) и Сенне (Иран) (см. *Та'рих-и Мардух*, т. I, стр. 78).
- 43** Территория, населенная курдами мукри, — Мукринский Курдистан — занимает бассейны Малого Заба и оз. Урмия. Ныне Мукринский Курдистан населяют курды племен мукри и дебокри. Главным его городом является Соуджбулаг (Мехабад). Границы Мукринского Курдистана: на севере — оз. Урмия, на северо-западе — районы Солдуз и Ушну, на западе — высокая цепь гор Кандил, разделяющая Турцию и Иран, на юге — долина Сур-кев (EI, t. IV, pp. 194—195).
- 44** Ныне племя берадост проживает в северном Ираке, вдоль границы с Турцией и Ираном, и в Иранском Азербайджане — в округе Сомай.

45 Ушну (Ошнавийе) — ныне название города и округа в Иранском Азербайджане, к югу от оз. Урмия. Население округа составляют в основном два курдских племени — зарза и мамаш (см. “Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 24; EI, t. IV, pp. 1049—1050).

46 Сомай — курдский район в Иранском Азербайджане, близ ирано-турецкой границы (см. “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 319).

47 Махмуди — могущественное курдское племя, во времена Шараф-хана проживавшее к востоку от оз. Ван. К настоящему времени оно рассеялось среди других курдских племен (см. *Ta'rix-u Mardux*, т. I, стр. 112).

48 В XVI в. племя думбули проживало к северо-западу от Хоя в южном Азербайджане. Ныне остатки этого племени сохранились в Ираке и называются также исабеги (см. — там же, стр. 91).

49 Главы седьмая, восьмая и девятая в тексте опущены. Зарза (= заза) — курдское племя, проживающее в Ушну по течению р. Гадыр, говорит на мукринском диалекте. По-видимому, ранее они владели также районом Лахиджан (см. Минорский, *Сведения о населении* стр. 435). Восьмую главу автор посвятил истории династии, резиденцией которой был г. Сутуни в районе Харки в Шамдинане (см. EI, t. II, p. 1209). Дасни (тасни) — племя курдов-езидов, проживающих ныне в районе Мосула в Ираке.

50 Калхор — большое племенное объединение, позднее разделившееся на две части — мансури и шахбази. Обитает на большой территории — от иранского района Зохаб до Мендели в Ираке.

51 Паланган — название округа к юго-востоку от Сенне в Иранском Курдистане. В 12 фарсахх от Сенне находилась крепость Паланган. В 1215-16 г. сюда перенес свою резиденцию правитель Арделана Калул. Для ее защиты были построены еще две крепости — Мариван и Хасанабад. Крепость Паланган отличалась особой неприступностью. Покорив весь Иран, монголы неоднократно пытались завоевать Арделан, но всякий раз терпели неудачу при осаде Палангана. В XVII в. вместе с крепостями Зальм, Мариван, Хасанабад крепость Паланган была разрушена в соответствии с условиями ирано-турецкого договора 1639 г. (см.: Черно-зубов, ИШКВО, стр. 33—35, 54; EI, t. IV, p. 234).

52 Дартанг (Дарна, Риджаб) — название района в Зохабе (Иранский Курдистан), относящегося к округу Керенд. Риджаб — также название крупного селения, расположенного в 40 км. к северо-западу от Керенда, в каменистом труднодоступном ущелье (см.: “Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 208; Хуршид Эффенди, стр. 129).

53 Махидашт — округ к западу от Керманшаха в Иранском Курдистане. Ныне Махидашт — название одного из районов центрального округа в шахристане Керманшах. Район делится на Верхний Махидашт и Нижний Махидашт (см.: “Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 421—422; Чернозубов, “Военный сборник”, стр. 180).

54 Бане — ныне название округа и его административного центра в Иранском Курдистане, шахристан Саккыз. Гор. Бане расположен близ границы с Ираком, в 66 км к юго-западу от Саккыза (см. “Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 44—46).

55 По свидетельству А. Орлова (Орлов, стр. 142), племя сийах-мансур в начале XX в. проживало в окрестностях Киркука.

56 Основным районом обитания курдского племени чигини (чагана) являются окрестности Киркука, а также более южные области по течению р. Лолып, по названию которой племя часто именуется лулу (см. Вильчевский, стр. 159). По мнению О. Л. Вильчевского, сийахмансур — отколовшаяся в сефевидскую эпоху ветвь племени чигини, которая переселилась на территорию Ирана.

57 Зенгене — большое курдское племя, ныне обитающее в окрестностях Кифри, Ибрахим Хаджи и Сумака в Ираке (450 семейств), в долине Хулейлан в Луристане (200 семейств) и близ Керманшаха (см. Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 400). А. Орлов (Орлов, стр. 141—142) зафиксировал районы расселения племени зенгене от г. Вана в Турции до Луристана в Иране.

58 Могущественное курдское племя пазуки обитало близ Эрзерума. Во второй половине XVI в. часть племени эмигрировала в Иран. В настоящее время около тысячи семейств этого племени проживает в Верамине и Харе, к юго-востоку и востоку от Тегерана (см. Field, p. 112).

59 Заххак — мифический государь Ирана, угнетавший страну в течение тысячелетия.

60 Джамшид — мифический государь Ирана, при котором, по народным преданиям, был “золотой век”.

61 Малатия (Малатья, греч. Милистена) — в средние века город с могучей крепостью. Ныне главный город одноименного вилайета на юге Турции, в верховьях Евфрата.

62 Мараш — вилайет и город в Турции, близ сирийской границы.

63 'Ади б. Мусафир, или Шайх 'Ади, почитаемый курдами-езидами как святой, умер в возрасте 90 лет в 555/1160 г. (или 557/1162 г.) (EI, t. I, p. 139).

64 Богословы захиритского толка. Захириты, в противоположность батинитам, отличались строгим буквализмом в толковании Корана и *хадисов*.

65 Герой иранского эпоса Рустам олицетворял собой мужество и храбрость.

66 Кай-Кубад — основоположник и первый государь мифической иранской династии Кайанидов.

67 Забули — из Забулистана, местности в Систане.

68 Бахрам Чубин (Вахрам Чобин) — полководец сасанидского царя Хурмизда (579—590).

69 Курты — династия, правившая в Герате (сер. XIII—XIV вв.). Династия Гуридов правила (XII — нач. XIII в.) в Гуре, горной области между Гератом и Газной.

70 Лар — центр района Ларистан, расположенного к юго-востоку от Фарса. В Ларе правила местная династия.

71 Таджаддин ал-Курди — один из крупных ученых эпохи османского султана Урхана (1326—1359) (см. Rozhbeyanl, p. 25).

72 Хваджа Эфенди Са'ададдин б. Хасан-джан б. Хафиз Мухаммад (1536-37—1599) — автор знаменитого исторического труда *Тадж ат-таварих* (“Венец историй”), являющегося до сих пор авторитетным источником по истории Турции того времени. Пользовался большим влиянием при дворе султанов Салима II и Мурада III.

73 Племя хаккари ныне проживает южнее области Хаккари (см. EI, t. II, p. 1203).

74 Бани-арделан — название курдского племени, ныне обитающего в г. Сенне и его окрестностях. Часть племени проживает в Тегеране (EI, t. I, p. 427; *Ta'rix-u Marḍux*, т. I, стр. 76).

75 Шеки — город и округ в западной части северного Азербайджана, вдоль р. Куры. Ныне город носит название Нуха (Азербайджанская ССР) (см. Крымский, стр. 291, 304).

76 Ширваном называли верхние районы северного Азербайджана.

77 Тальш — район на севере Ирана, ныне один из шахристанов Гиляна.

78 В тексте “Гиляны”. Имеется в виду Гилян Ближний (Бийе пиш) и Гилян Дальний (Бийе пас).

79 Рустемдар — название местности в Мазандеране по течению р. Шах-руд — притока Сефид-руда (см. Бартольд, стр. 159).

80 Астарабад — название области и города на севере Ирана. Гор. Астарабад находится в 36 км к востоку от Каспийского моря (EI, t. IV, pp. 500—501).

81 Арабские географы, как и греческие, делили населенную часть земли на семь климатических зон, расположенных с юга на север параллельно экватору. Разделение происходило в зависимости от длины дня и ночи.

82 Васит — один из крупнейших городов, основанных арабами в нижней Месопотамии после ее завоевания. С XV в., особенно когда Тигр изменил русло, взяв направление несколько восточнее, город пришел в полное запустение, но его канал по-прежнему славился тростником, из которого выделывали превосходные перья (Le Strange, *The lands*, pp. 3, 40).

83 Курдская династия, правившая в Диарбекире и Джезире (990—1096), именовалась Мерванидами (см. Лэн-Пуль, стр. 96).

84 Аббасидский халиф Кадир (991—1031).

85 Сельджукский султан Рукнаддин Абу Талиб Тугрул-бек (1038—1063).

86 Дайлам — ныне небольшой район Дайламан в Гиляне, к югу от г. Лахиджана. Возможно, Дайламан составлял лишь часть древнего Дайлама (см. Miinorsky, *La domination des Dailamites*, p. 1).

87 Хасанвайх ал-Барзикани — основатель курдской династии, власть которой распростиралась на громадную территорию от Динавера до Хамадана и Нехавенда.

88 Рукнаддаула Абу 'Али ал-Хасан б. Буйе (Бувайх) (932—976) — младший из трех братьев, основателей династии Буйидов (Бувайхидов).

89 Абу-л-Фазл Мухаммад б. Аби 'Абдаллах ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Катиб, прозванный Ибн ал-'Амидом, в течение тридцати лет занимал должность везира при Рукнаддаула Буйиде (с 939-40 по 970 г.). Пользовался при дворе последнего большим авторитетом и властью (EI, t. II, p. 382).

90 Гор. Боруджирд находится в Луристане, расположен в 111 и от Хорремабада и в 143 км от Хамадана. Ныне является административным центром шахристана того же наименования (см. “Географический словарь, Ирана”, т. VI, стр. 46—47).

91 Асадабад — небольшой район и город между Хамаданом и Луристаном (см. там же, стр. 10—II).

92 Нехавенд — старинный город в 130 км. к востоку от Керманшаха, ныне административный центр одноименного шахристана в Иранском Курдистане (см. там же, т. V, стр. 461—462).

93 Кусджад (Кушхад) — крепость на берегу р. Сефид-руд. В. Ф. Минорский (Minorsky, *The Guran*, p. 83) отождествляет Кусджад с крепостью Кусадж, находившейся близ нынешней деревни Кусадж-и Хаджидж в Авраман-тахте (Иранский Курдистан).

94 Ружбайани (Rozhbeyani, p. 37) полагает, что здесь имеется в виду г. Джуракан, расположенный в 10 км к северу от Хамадана (см. “Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 110).

95 Джалаладдаула Абу Тахир Буйид (993-94—1044). С 1012 г., после смерти своего отца, получил пост правителя Басры, правителем Багдада стал лишь в 1027 г. (EI, t. I, pp. 1031—1032).

96 Шамсаддаула Абу Тахир б. Фахраддаула Буйид в 997 г. стал правителем Хамадана и Керманшаха. После битвы 1015 г., закончившейся поражением Хилала, он присоединил к своим владениям Рей (EI, t IV, pp. 319—320).

97 Имеется в виду Ибрахим-и Инал, брат сельджукского правителя Тугрул-бека, направленный последним на завоевание Ирана в 40-х годах XI в. Изгнав остатки Бувайхидов из Хамадана, он направился в Керман-шах и обратил в бегство войско Абу-ш-Шавка. В 1057-58 г. ему было передано управление Мосулом (см. Рашид Иасими, *Курд*, стр. 192).

98 Возможно, имеется в виду Керманшах, занятый в 431/1039-40 г. Ибрахим-и Иналом (EI, t. II, p. 1203). Возможно также, что в данном случае речь идет о районе и крепости Кумишах, расположенных в окрестностях Исфахана, на границе Ирака Персидского и Фарса (Barbier de Meynard, p. 465).

99 Хулван (курд. Халаван) — старинный город в 190 км к северо-востоку от Багдада на пути Мосул — Керманшах. В настоящее время на его месте расположен г. Сарпул-и Зохаб, административный центр района. Зохаб в Иранском Курдистане (EI, t. II, p. 1210; t. IV, p. 180).

100 Возможно, это искаженное название г. Дакука (EI, t. II, p. 1203: Dakuka), находившегося между Текритом и Шахризуром.

101 Вероятно, имеются в виду владения и земли правителей племени махки, относившегося к малым лурам и проживавшего в Хулейлане (Луристан) (EI, t. III, p. 45). Это племя упоминается Х. Рабино в числе современных лурских племен (см. Rabino, p. 40).

102 При переписке, очевидно, были допущены ошибки в написании этого названия. Географический словарь Йакута упоминает крепость под названием Хуфтиян или Хуфтизакан-и Сурхаб ибн Бадр — на пути из Эрбиля в Шахризур, на берегу Заба. Те же сведения мы находим и у Иби ал-Асира. То обстоятельство, что в названии города упоминается имя Сурхаба б. Бадра, свидетельствует, что Шараф-хан имел в виду именно эту крепость. В XIV в., по словам Хамдаллаха Казвини, Хуфтиян представлял собою все еще могущественную крепость (см.: EI, 1 II, p. 1203: Charmou, t. I, pt. 2, p. 292; Le Strange, *The geographical part*, p. 100; Barbier de Meynard, p. 210).

103 С. Лэн-Пуль называет династию атабеков Лура Большого Хазара-спидами (Лэн-Пуль, стр. 147).

104 Манруд (Мадиян-руд) — область в Луристане, близ Хорремабада (EI, t. III, pp. 43, 53),

105 Имеется в виду, очевидно, долина Сахра-йи Лур, расположенная в двух фарсах к северу от Дизфуля, близ Салихабада (EI, t. III, p. 53).

106 Джабал ас-Самак — название района к западу от Алеппо (см. Rozhbeyanı, p. 44, п. 3).

107 Салгуриды — династия атабеков Фарса (1148—1287). Основателем ее был Сункур, сын Салгура (1148—1162) (см. Лэн-Пуль, стр. 145).

108 Шебангаре (курд. Шванкаре) — название территории на юге Ирана, ныне часть Фарса. Там правила ветвь династии Фазлуйидов.

109 Имеется в виду, очевидно, арабское племя бану-окайл, утвердившее в X—XI вв. свою власть в Диарбекире, Джебзире и отчасти в Ираке Персидском (см. Лэн-Пуль, стр. 89, 94—95).

110 Хашим б. 'Абд Манаф — прадед пророка Мухаммеда.

111 В *Та'рих-и гузиде* Хамдаллах Казвини, который доводит описание событий в Луре Большом до 1329 г., дает следующее написание этих племен: асуки, мамакуне, бухтари, марасили, садасан, захидийан, 'ала'и, кутванд, биванд, бада'и, бузаки, шнуид, заки, джаки, харфи, асбак, кафи, смуси, махнуйи, камакаши, мамаси, авилки, лирави, дилки, тавани-кайа, мадиха, акурд, куларад (см. Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, pp. 535—547).

112 Племя астараци вместе с бахтиари прибыло в Луристан в 600/1203-04 г. Ко времени шаха Тахмасба I титул *сардара* местных племен принадлежал главе племени астараци, что свидетельствует о его могуществе (EI, t. III, p. 46).

113 Многочисленные бахтиарские племена проживают в западном Иране между Исфаханом и Хузистаном (Minorsky, *The tribes of Western Iran*, p. 77).

- 114** Название племени латванд сохранилось ныне, возможно, в наименовании лурского селения Латванд, расположенного в 74 км к востоку от шоссеиной дороги Хорремабад — Андимешг (см. “Географический словарь Ирана”, т. VI, стр. 326).
- 115** Название племени батванд, вероятно, в настоящее время носит один из районов центрального округа Шуштер в Луристане (см. там же, стр. 40).
- 116** Харуни (харуна) упоминается Заки (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 403) в числе ответвлений большого курдского племени джаф. Ныне проживает в Ираке, в районе Сулейманийе, и в Иране, в районе Хулейлан (Луристан).
- 117** Гави (гауи) приводится в статье Х. Рабино (Rabino, pp. 42, 45) в числе арабских племен Луристана в Иране. Местом обитания служило подножие гор Пушт-и Кух.
- 118** В настоящее время лирави представляет собою ветвь лурорызычного племени джаки и делится на две части: лирави-йи дашт (степные лирави) и лирави-йи кух (горные лирави). Район их обитания расположен к югу от Бехбехана (Иванов, стр. 70).
- 119** Вероятно, имеется в виду лурское племя мамасани, к началу XVIII в. переселившееся в Шулистан. Ныне проживает на юге Ирана, в долинах, соединяющих Фарс с Хузистаном (EI, t. IV, p. 406; Minorsky, *The tribes of Western Iran*, p. 77).
- 120** Возможно, ныне племя кадави сохранилось под названием керави (краванд) как ветвь лурского племени тархан, проживающая к юго-западу от Хорремабада (см. Кайхан, *Джуграфийа*, стр. 65).
- 121** Вероятно, можно предположить связь упоминаемого [Шараф-ханом племени акруд \(акурд\) с объединением лурских племен курд, ныне проживающих в районе Пушт-и Кух в горах Абданана, Дех Лурана, у подножия Кабир-Куха \(Rabino, p. 40\).](#)
- 122** Шулистан — район в Фарсе, пограничный с Хузистаном (Le Strange, *The lands*, p. 245).
- 123** Годы правления Такла б. Хазарасба — 1195—1226.
- 124** Са'ад б. Занги Абу Шуджа Музаффараддин, правитель династии Салгуридов, атабеков Фарса (1203—1231) (EI, t. IV, p. 32).
- 125** Китбука-нойон — один из полководцев Хулагу-хана (см. Рашид-ад-дин, III, стр. 21, 24, 25, 51).
- 126** Манджашт (Мунгашт, Манхишт) — в средние века могущественная крепость в горах того же наименования в Луристане, к востоку от Шуштера (EI, t. III, pp. 48, 195).
- 127** Хамдаллах Казвини (Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, p. 542) приводит иное написание названия деревни — Зарва. Возможно, это искаженное Зарда — название селения, расположенного в районе Хорремабада (см. “Географический словарь Ирана”, т. VI, стр. 197).
- 127** Годы правления Абака-хана—1265—1282.
- 129** Кухгилуе — северо-западная область в Фарсе (Иванов, стр. 18).

- 130** Фирузан — город в Иране, в 7 фарсах южнее Исфахана (EI, t. III, p. 48; Le Strange, *The lands*, p. 206).
- 131** Джербадакан — ныне г. Гульпайган в Луристане, между Караджем и Исфаханом (см.: Бартольд, стр. 121; “Географический словарь Ирана”, т. VI, стр. 316; Le Strange, *The lands*, p. 210).
- 132** Ахмад — мусульманское имя Такудара, сына и наследника второго монгольского правителя Ирана Абака-хана (1282—1284) (EI, t. IV, p. 758).
- 133** Аргун-хан, сын Абака-хана, — четвертый монгольский государь Ирана (1284—1291).
- 134** Возможно, автор имеет в виду атабека Йезда Салгур-шаха б. Махмуда (Лэн-Пуль, стр. 298).
- 135** Занятие Исфахана и убийство монгольского воеводы Байду в Исфахане произошло в конце апреля 1291 г. (см. Рашид-ад-дин, III, стр. 131).
- 136** Горный проход Карадж-руд (Карахруд) расположен к востоку от Нехавенда, в районе Игарайн в Ираке Персидском (Le Strange, *The lands*, p. 198).
- 137** Кайхату-хан, сын Абака-хана (1291—1295).
- 138** Дочь керманского султана Кутбаддина Падшах-хатун и Урук-хатун — жены Кайхату-хана (см. Рашид-ад-дин, III, стр. 132).
- 139** Монгольский правитель Ирана Махмуд Газан (1295—1304).
- 140** Имеется в виду прибытие Газан-хана в Багдад с намерением провести там зиму 1296 г. (Рашид-ад-дин, III, стр. 177).
- 141** Фарс, Ирак Персидский, Азербайджан и Луристан были покорены Тимуром в 1385—1386 гг. (EI, t. IV, p. 818).
- 142** Ибрахим-султан, сын Шахруха, в период с 1409-10 по 1414-15 г. Был правителем Балха (Лэн-Пуль, стр. 227).
- 143** Хамдаллах Казвини (Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, p. 547) упоминает это племя как чангарди, джангруми и джангарди.
- 144** В. Ф. Минорский (Minorsky, *Les Tsiganes Lull*, p. 296) в числе племен Манруда упоминает племя рузбихини.
- 145** Племя саки ныне проживает в Луристане: летом в окрестностях Хорремабада (Абистан и Сар-Хуру) и зимой в Сахра-йи Лур, в долине Реза и Мангаре (см.: Rabino, p. 18; Хуршид Эффенди, стр. 85).
- 146** Хамдаллах Казвини (Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, p. 547): давиди. Возможно, это упоминаемое Заки (*Хуласат та'рих*, стр. 400) племя давиде, насчитывающее тысячу семейств и проживающее в пограничных районах Ирака и Ирана: Таук, Кифри, Зенгене.

- 147** Хамдаллах Казвини (Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, p. 547) приводит названия этих племен в таком виде: каранди, джангарди, фазли, снуванди, алани, кахкахи, раджаварки, дари, бараванд, мабаки, дари, абадаки, абу-л-'аббаси, 'алу-мама'и, кичайи, силки, худаки, банду'и.
- 148** Ныне под названием курна (kournas) известна часть лурского племени папи, проживающая близ Дизфуля (Rabino, p. 22).
- 149** В Иране, в районах Вазна и Сардашт, и в Ираке, близ Сулейманийе и Киркука, проживает племя алан, ветвь сесни (sflesni) (EI, t. IV, p. 196).
- 150** В настоящее время в горных районах к западу от долины Нехавенда проживает насчитывающее около 3 тыс. семейств лурское племя какаванд, летние кочевья которого расположены близ Хулеилана на р. Сеймаре (см.: Rabino, pp. 15—16; Кайхан, *Джуграфийа*, стр. 64).
- 151** Вероятно, можно усмотреть связь упоминаемого Шараф-ханом племени дари с лурским племенем диракванд, ныне обитающим севернее Хорремабада (Rabino, pp. 22—23).
- 152** В конце XIX в. племя абу-л-'аббаси составляло ветвь племени бахмеи (относящегося к лирави), которое проживало на северо-западе области Кухгилуйе (Иванов, стр. 70, 71).
- 153** Ружбайани (Rozhbeyani, p. 56) полагает, что в настоящее время племя гиджайи известно под названием гиж и проживает в районе Кифри в Ираке.
- 154** Кайхан (Кайхан, *Джуграфийа*, стр. 63) упоминает племя надри, проживающее в районах Махидашт, Джеванруд, Аб-и Дулан и Мир-Гисар в Иране.
- 155** Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, p. 547: сами, арсан, сахи, арки.
- 156** Афшары — тюркское племя, проживает в Иране, в районах Азербайджана, Казвина, Хамадана, Хузистана и Кермана (EI, L I, p. 181).
- 157** Хусаматдин Шухла, или Аксари, был правителем Луристана и части Хузистана с 1152-53 по 1174-75 г. (ibid., t. III, p. 46).
- 158** Самха — местность в Манруде. Ее крепость Диз-и Сийах, служившая резиденцией правителям Луристана, была разрушена к 1895 г. (ibid., t. II, p. 1031; t. III, pp. 50, 53).
- 159** Ныне под названием Таразак известно лурское селение в районе Хорремабада (см. “Географический словарь Ирана”, т. VI, стр. 85).
- 160** Без сомнения, автор имеет в виду не тюркское племя байат, как полагал Ф. Б. Шармуа (Charmoу, t. I, pt. 2, p. 340), а город в Ираке Персидском, на границе с Хузистаном. Развалины города сохранились поныне (Le Strange, *The lands*, pp. 63—64).
- 161** Возможно, имеется в виду существующее до наших дней селение Вашйян в Луристане (округ Малави шахристана Хорремабад) (“Географический словарь Ирана”, т. VI, стр. 363).
- 162** Hamdu'llah Qazwini, *The Ta'rikh-i-guzida*, p. 550: Калар.

163 Сулайман-шах Абух (или Айух) — племянник султана Санджара Салджуки. В середине XII в. султан Санджар передал ему, назвав Курдистаном, часть провинции Джибал (области, относящиеся к Керманшаху). Позднее Сулайман-шах стал наследником султана Санджара (Le Strange, *The lands*, p. 192).

164 Курбат (Курбе) — персидское название местности Курбук, расположенной в 8 фарсах от Ахваза в направлении Басры (Barbier de Meynard, p. 478).

165 Во времена Сулайман-шаха Абуха крепость Бахар была его резиденцией. Ныне это небольшой городок в Иранском Курдистане, в 14 км. к северо-западу от Хамадана (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 59; Hamd'allah Qazwini, *Nuzhat al-Qulub*, p. 106).

166 В настоящее время под названием Дехлиз известно небольшое селение в 43 км к северо-востоку от Ахваза (“Географический словарь Ирана”, т. VI, стр. 180).

167 Долина Шапур расположена между Фарсом и Луристаном.

168 Мангу (Мунке)-каан — великий монгольский хан (1251—1259).

169 В тексте издания В. В. Вельяминова-Зернова *валай*. По-видимому, в правильности такого чтения Вельяминова-Зернова убедила рукопись *Шараф-наме* (ЛО ИНА АН СССР, № 576), в которой вместо *валай* мы находим *вилайет*. Здесь следует читать *далай* — термин, обозначающий собственные земли государя.

Термин *инджу*, упоминаемый рядом, служит для обозначения земель, являвшихся собственностью членов царствующего дома.

Совместное употребление этих терминов в данном тексте еще раз подтверждает правильность определения термина *далай*, данного И. П. Петрушевский (см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 243—244).

170 Султан Мухаммад Худабанде — мусульманское имя монгольского ильхана Улджайту-хана (1304—1316).

171 Вамйан (Румийян, Армийян) — крепость у Буруджирда, близ Хамадана (EI, t. III, p. 50; Le Strange, *The lands*, p. 206).

172 Андиган (Андукан) — современный Андижан.

173 Развалины Султанийе, столицы монгольских ильханов в Иране, основанной Улджайту-ханом в начале XIV в., находятся на середине пути из Абхара в Зенджан (Le Strange, *The lands*, p. 222).

174 Абу Са'ид Бахадур-хан, сын Улджайту-хана (1316—1335).

175 Бахарлу — туркменское племя, кочевавшее в северной Армении, остаток объединения туркменских чернобаранных племен (Петрушевский, *Очерки*, стр. 91—92).

176 Пир 'Али, сын 'Али-Шакара, возглавил борьбу племен кара-койунлу и чагатай против династии Ак-Койунлу (в конце семидесятых годов был ослеплен правителем Хорасана Байкарой) (Minorsky, *Persia in L. D. 1478—1490*, pp. 42, 43).

177 'Убайд-хан б. Махмуд-султан (ум. в 1539-40 г.), правитель Бухары. К 1528-29 г. отряды 'Убайд-хана захватили Хорасан и продвинулись вплоть до Исфахана. Несмотря на закончившееся бегством 'Убайд-хана сражение в том же году, наступление его не было приостановлено. Шах Тахмасб лично руководил тремя карательными экспедициями в Хорасан: в 1529-30, 1532-33 и 1536-37 гг. (см. Hasan-i-Rumlu, vol. II, pp. 91, 100, 102—106, 112, 125, 133).

178 Аламут — крепость, находившаяся высоко в горах к северо-западу от Казеина. Во времена Сефевидов служила государственной тюрьмой (EI, t. I, p. 253).

179 Крепость Чангале (Джангуле) находилась в районе Пушт-и Кух, к юго-западу от Хорремабада (см. Хуршид Эффенди, стр. 87).

180 Муша'ша — арабская шиитская династия в Хузистане (*История Ирана*, стр. 250).

181 Имеется в виду шах Исма'ил II (1576—1578).

182 Мендели (Менделидж, Мендельджин) — название небольшого города, реки и округа. Гор. Мендели расположен в 115 км к северо-востоку от Багдада (Cuinet, t. III, p. 129; Чириков, стр. 381—383).

183 Джесан (Чисан, Джестан, Джистан) — город и округ, ныне относящиеся к Ираку. Расположены к юго-востоку от Багдада, близ границ с Ираном.

184 Бадрани (Бадраи, Бодрой, Бедре) — городок и округ, ныне относящиеся к Ираку, близ Джесана.

185 Турсак (араб. Турсух) — район и небольшой городок в окрестностях Мендели, ныне пребывающий в развалинах (Хуршид Эффенди, стр. 92).

186 Шах Султан Мухаммад, по прозвищу Худабанде (1577—1587).

187 Хамза-мирза — старший сын шаха Султан Мухаммада, убитый в начале 80-х годов в результате заговора кызылбашской кочевой знати (*История Ирана*, стр. 265).

188 Очевидно, имеется в виду брат шаха Тахмасба.

189 Байат — название курдского племени, проживающего ныне в Ираке, в районах Киркука, Кифри и Туз-Хурмату (Хуршид Эффенди, стр. 193—195; Rozhbeyanf, p. 58, п. 1).

190 В настоящее время под названием Сеймаре известна часть р. Гамасиаб, которая приходится на область Хорремабада. В Ахвазе эта река, называется Кархе (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 460—461).

191 Агзивар-султан, сын убитого 'Убайд-ханом узбеком Дамри-султана шамлу, участвовал в обороне Мешхеда от войск 'Убайд-хана и в сражениях с последним близ Себзеvara в 1529-30 г. и Нишапура. Убит в 1534-35 г. (Hasan-i-Rumlu, vol. II, pp. 105, 108, 110, 118, 119).

192 Ю. С. Карцев (Карцев, ЗКОРГО, стр. 345) усматривает определенную связь между упоминаемым Шараф-ханом племенем раванд и современным курдским племенем равандиз.

- 193** Довин (Двин, Дабиль) — город на Араксе, столица мусульманских правителей Армении. Ныне небольшое селение южнее Еревана (Le Strange, *The lands*, p. 182).
- 194** Чохур-Саадом именовалась Кавказская Армения или Ереванская область (Петрушевский, *Очерки*, стр. 101).
- 195** Султан Мас'уд Салджуки правил в 1116—1156 гг.
- 196** Текрит (древняя Вирта или Бирта) — в средние века большой город с могущественной крепостью, ныне небольшой городок на западном берегу Тигра в Ираке.
- 197** По его имени и была названа курдская династия Айюбидов.
- 198** Нураддин Абу-л-Касим Махмуд, сын 'Имададина Занги, он же Малик 'Адил — атабек Алеппо и Дамаска (1146—1174).
- 199** Ал-'Азид — последний фатимидский халиф, низложенный 4 сентября 1171 г.
- 200** Малик Насир Салахаддин Йусуф (Саладин) (1138—1193) — основатель курдской династии Айюбидов.
- 201** Миср — Фостат или Старый Каир (Ibn Batoutah, t. I, p. 74).
- 202** Йафи'и, 'Абдаллах б. Ас'ад б. 'Али б. 'Усман б. Фалах аш-Шафи'и 'Афифаддин Абу ас-Са'ад. Шараф-хан ссылается на его историческое сочинение *Мир'ат ал-джанан*.
- 203** Малик 'Адил Абу Бакр Мухаммад б. Айуб, прозванный Сайфаддином (ум. в 1218 г.), стал помощником и наследником Салахаддина; Тураншах, Шамсаддаула Фахраддин — основатель ветви Айюбидов — правителей Йемена; Сайфалислам Тугтагин заменил в 1182 г. своего брата Тураншаха на посту правителя Йемена, правил до 1196 г.; Нураддин Шаханшах умер очень рано, в 1148-49 г.; Бури, Таджалмулук Маджаддин, младший брат Салахаддина, погиб в 1183 г. (EI, t. I, pp. 140, 818; t. IV, p. 930; Лэн-Пуль, стр. 58).
- 204** Хеброн (араб. Халил-ар-Рахман) — город в Палестине, в 27 км от Иерусалима.
- 205** Каракуш, Баха'аддин б. 'Абдаллах ал-Асади ар-Руми (ум. в 1201 г.), в действительности был евнухом, которого дядя Салахаддина освободил и назначил эмиром. Впоследствии играл большую роль при дворе Салахаддина и его сына Малик 'Азиз 'Усмана (EI, t. II, pp. 786—787).
- 206** Аскалон — старинный город в Палестине на берегу Средиземноморья. В 1187 г. был взят Салахаддином и разрушен (Mostras, p. 14).
- 207** Рамла (Рама, Ариматия) — город в Палестине на пути из Джаффы в Иерусалим (ibid., p. 97).
- 208** Хама (Хамат, Эпифания) — город в северной Сирии на р. Оронт (ibid., p. 85).
- 209** Имеется в виду, очевидно, небольшая долина близ Тивериадского озера в Палестине.
- 210** Цезаря (Кайсарийе) — город в Палестине, ныне пребывающий в развалинах.

- 211** Из мечети Акса, согласно Корану, пророк Мухаммад “вознесся” на небо (описание ее см. Насир-и Хусрау, стр. 73—74).
- 212** Сур (Тир) — большой город на берегу Средиземного моря.
- 213** Тарсус — город недалеко от побережья Средиземного моря, близ перевала через хребет Киликийского Тавра. Благодаря своему командному положению получил название Киликийские Ворота. По словам арабского географа Ибн Хаукала, город служил барьером между мусульманским и христианским миром (*Le Strange The lands*, pp. 132—133).
- 214** Берзуйе (Борзае, Борзайх) — славившаяся высокими стенами крепость в Сирии, в окрестностях Антиохии (*Aboulfeda*, p. 38).
- 215** Малик Захир Гази Айюбид (1172-73—1215), второй сын Салахаддина, правитель Алеппо (*EI*, t. IV, p. 1257).
- 216** Сайда (Сидон) — город в Сирии на побережье Средиземного моря, между Бейрутом и Суром (*Mostras*, p. 116).
- 217** Керак — название крепости и района. Крепость Керак, ныне пребывающая в развалинах, еще в XIV в. считалась одной из неприступнейших цитаделей Сирии (*Aboulfeda*, p. 24).
- 218** Каукаб — арабское название крепости крестоносцев Балвоир, построенной в 1140 г. В 1188 г. она была завоевана войсками Салахаддина и в 1219 г. полностью разрушена. На ее развалинах поныне сохранилось небольшое селение (*EI*, t. I, p. 711).
- 219** Шекиф — один из прибрежных городов Сирии, в 30 км к северо-востоку от г. Сура (*Mostras*, p. 110).
- 220** Карафа — название кладбища в Мисре, известного благодаря могилам сподвижников пророка Мухаммеда (*Ibn Batoutah*, pp. 74—76).
- 221** Под исмаилитскими халифами автор имеет в виду Фатимидов, свергнутых Салахаддином. В числе фатимидских халифов Са'ид ас-Са'ада не встречается. Ружбайани (*Rozhbeyam*, p. 91, п. 1) полагает, что это прозвище одного из слуг фатимидского халифа Мустансира (1036—1094).
- 222** Хаиифиты — последователи имама Абу Ханифы (ум. в 767 г.), сторонники рассудочного метода толкования Корана, допускавшие использование местного обычного права, благодаря чему этот толк особенно охотно принимался кочевниками.
- 223** Шафииты — последователи имама Шафи'и (ум. в 820 г.), компромиссное течение, близкое к ханифитекому в вопросах толкования Корана и *хадисов*.
- 224** Маликиты — последователи имама Малика (ум. в 795 г.), сторонники строгого толкования Корана и хадисов, допускавшие, однако, применение сравнения.
- 225** Сын Салахаддина Малик 'Азиз 'Имададдин Абу-л-Фатх 'Усман в 1186-87 г. был назначен правителем Египта, а в 1193 г. он наследовал отцу (правил до 1198 г.) (*EI*, t. I, p. 550).

- 226** Малик Афзал Нураддин 'Али правил в Дамаске с 1186 по 1196 г.
- 227** Сархад — к XIV в. город с крепостью в окрестностях Дамаска. Ныне — небольшая деревушка с сохранившимися развалинами старого города (Aboulfeda, p. 36).
- 228** Шамшат (Шимшат, Сумейсат, греч. Арсамосата) — город между Харпутом и Пало, к северу от Урфы. В настоящее время пребывает в развалинах (Le Strange, *The lands*, pp. 116—117).
- 229** Аббасидский халиф Насир (1180—1225).
- 230** Ибн ал-Асир — это имя действительно носили три брата, выходцы из Джебзире. Старший из них Маджаддин Абу-с-Са'адат ал-Мубарак б. Мухаммад (1149—1210) посвятил себя изучению Корана, хадисов и арабской грамматики. Вторым братом 'Изаддин Абу-л-Хасая 'Али б. Мухаммад (1160—1234) является автором известного труда по истории Атабеков Мосула *ал-Камил фи-т-та'рих* и алфавитного словаря современников пророка Мухаммада. Третий брат Зий'аддин Абу-л-Фатх Насраллах (1163—1239), список сочинений которого Шараф-хан приводит, получил известность как стилист. Его сочинение *Китаб ал-масал ас-са'ир...* получило на Востоке большую известность (EI, t. II, p. 387). Более полный перечень его сочинений см.: Brockelmann, GAL, Bd 1, S. 297.
- 231** Абу Таммам Хабиб б. Авс, арабский поэт и антолог [род. в 798 (или 804) г., ум. в 842-43 (или 845-46) г.] (EI, t. I, pp. III—112).
- 232** Ал-Бухтури, Абу 'Убада ал-Валид б. 'Убайд (819—897), арабский поэт и антолог (EI, t. I, pp. 792—793).
- 233** Ал-Мутанабби — прозвище, под которым получил известность арабский поэт Абу-л-Тайиб Ахмад б. ал-Хусайн ал-Джуфи (915—965). Наряду с Абу Таммамом и Бухтури он считался восточными авторами одним из величайших поэтов аббасидской эпохи (EI, t. III, pp. 834—838).
- 234** Ибн Халликан, Ахмад б. Мухаммад б. Ибрахим Шамсаддин Абу-л-'Аббас (1211—1282) — известный арабский историк (EI, t. II, p. 420).
- 235** Синдjar — название города и района к северо-западу от Мосула (Cuinet, t. II, pp. 839—840).
- 236** Руха (турец. Урфа) — город, расположенный севернее Джебзире, в 190 км от Диарбекира; в средние века обладал могучей крепостью (Le Strange, *The lands*, pp. 103—104).
- 237** Район г. Ахлата, расположенного на западном берегу оз. Ван, в 40 км к северо-востоку от Бидлиса (Cuinet, t. II, pp. 564—565). В действительности Малик Авхад был назначен своим отцом правителем Майяфарикина. Ахлат он присоединил в 1207-08 г., но удерживать город из-за постоянных набегов грузин удавалось с большим трудом (EI, t. I, p. 526).
- 238** Харран — город на левобережном притоке Евфрата, в 39 км к югу от Урфы (Cuinet, t. II, p. 263; Mostras, p. 83).

- 239** Шаубак во времена арабского географа XIV в. Абу-л-Фида представлял собой небольшой городок с крепостью на вершине высокой горы, господствовавшей над долиной Гаур в Сирии (Aboulfeda, p. 25).
- 240** Ракка — город на Евфрате, в 220 км к востоку от Алеппо, ныне относящийся к Ираку (Cuinet, t. II, p. 224).
- 241** Рас-ал-Айн (греч. Ресайна) — город на юге Турции, к юго-востоку от Урфы, у истоков р. Хабур. Известен большим числом родников (Le Strange, *The lands*, p. 95).
- 242** Дар ал-хадие — школа, в которой изучались предания о Мухаммеде.
- 243** Бире (Биреджик, Вирах) — город на юге Турции, на левом берегу Евфрата, в 99 км к западу от Урфы (Cuindt, it. II, p. 267).
- 244** Гаур (Гоур) — долина по р. Иордану между Иерусалимом и Дамаском (Macoudi, p. 96).
- 245** По свидетельству Ружбайани (Rozhbeyani, p. 101, п. 7), 'Изаддин б. 'Абдассалам Дамашки умер в 1261 г.
- 246** Ружбайани (*ibid.*, p. 101, п. 8) полагает, что имеется в виду один из известных арабских грамматиков шейх Джамаладдин Абу 'Умар 'Усман ал-Курди аш-Шахразури (1174—1248) (см. также Charmoy, t. I, pt. 2, p. 418).
- 247** Мансура — город на берегу Нила, в месте разделения его на два рукава.
- 248** Район крепости Зальм, построенной в 1168 г. по приказу Баба-Ардалана и разрушенной согласно ирано-турецкому договору 1639 г.; находилась в районе Шахризура (Чириков, стр. 439, 440, 650).
- 249** Тагсу упоминается в труде Хаджжи Халифы *Джихан-нума* (Charmoy, t. I, pt. 1, p. 85) в числе районов Иранского Курдистана. В настоящее время это название сохранилось за деревней в округе Халабджа в Ираке (см. Rozhbeyani, p. 108, п. 3).
- 250** Шемиран — название горного района и деревни в северной части современного округа Халабджа в Ираке (см. *ibid.*, p. 108, п. 3).
- 251** Ныне Хавар известен как селение в Ираке, в 8 милях к востоку от Халабджа, южнее Зальма (Edmonds, p. 196).
- 252** Симан — возможно, автор имеет в виду район г. Самана в Ираке Персидском, к востоку от Даргузина и к юго-востоку от Харракана (Le Strange, *The lands*, p. 184).
- 253** Хамдаллах Казвини (Hamd'allah Qazwini, *Nuzhat al-Qulub*, p. 68) упоминает под названием Равдан одно из крупнейших, по его словам, селений района Бусин в Ираке Персидском.
- 254** Крепость Гуламбар была скрыта в начале XVII в. по приказу шаха 'Аббаса и восстановлена позднее. В настоящее время Гуламбар — название пограничного с Ираном района в Ираке и небольшого городка в 18 км от Халабджа (Cuinet, t. II, pp. 871—872; Rozhbeyani, p. 108, п. 8).

- 255** Местонахождение района Туй неясно. Ружбайани (Rozhbeyani, p. 110) полагает, что это округ в Ираке, ныне известный под названием Койсанджак.
- 256** Хаджи Халифа (Charmoy, t. I, pt. ;1, p. 137) упоминает в составе Шахризурского вилайета крепость Машигле.
- 257** Мариван (Михрибан) — ныне район в Иранском Курдистане, южнее Соуджбулага (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 427; EI, t. IV, pp. 195,234).
- 258** Тануре — возможно, это ныне существующий в Ираке район Танджаро, расположенный между районами Каратаг и Шахрбазар, вдоль течения носящего то же наименование притока р. Зальм (Edmonds, p. 440, map).
- 259** В настоящее время под названием Ншекас известно селение в округе Мариван шахристана Сенендедж в Иране (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 454).
- 260** Район г. Хилле, расположенного в 95 км к югу от Багдада (Cuinet, t. III, pp. 149, 160—161).
- 261** Саруджик (Саручик) упоминается В. Кинэ (Cuinet, t. II, p. 866) в числе двух районов округа Гуламбар.
- 262** Младший брат шаха Тахмасба Алкас-мирза, назначенный им правителем Ширвана, поднял в 1547 г. восстание и, будучи разбит, бежал в Константинополь.
- 263** Кахкахе — крепость, служившая при Сефевидях государственной тюрьмой и казнохранилищем (Петрушевский, *Очерки*, стр. 122).
- 264** Каратаг (Карадаг) — ныне название округа и его административного центра в восточном Ираке. Граничит с районами Базьян, Танджаро, Вармава и др. (Edmonds, p. 357).
- 265** Шахрбазар (курд. Шарбазер) — название района в восточном Ираке, близ ирано-иракской границы (ibid., p. 440; Cuinet, t. II, p. 872).
- 266** Алан — ныне название одного из районов шахристана Мехабад в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 40).
- 267** Возможно, имеется в виду упоминаемый Хаджи Халифой округ Дулджуран, расположенный между Киркуком, Багдадом и Шахризуром (см. Charmoy, t. I, pt. 1, p. 136). Ружбайани (Rozhbeyani, p. 112, n. 5) полагает, что Демхеран (Дулджуран) — район Мариван. Это представляется сомнительным, так как Шараф-хан различает Демхеран и Мариван.
- 268** Рустам-паша (1500—1561) — сначала правитель Диарбекира и Анатолии, с 1539 г.— третий везир, с 1541 г. — второй везир. С 1544 по 1553 и с 1555 по 1561 г. занимал должность великого везира (EI, t. III, p. 1269).-
- 269** *Балтаджи* — букв, “алебардщик”. Это прозвание свидетельствует о его принадлежности к одной из категорий придворного войска, несшей внешнюю охрану султанского дворца (Эвлия Челеби, стр. 273).

270 Хасанабад — относящийся к Сенне район в Иранском Курдистане, свое название заимствовал от старинной крепости, расположенной к юго-западу от Сенне (EI, t. IV, p. 234).

271 Кызылдже-кале — крепость в округе Кызылдже, пограничном с иранским районом Мариван. Эта крепость существовала еще в 1639 г., во время заключения ирано-турецкого договора, по которому она отошла к Турции. Участник турецко-иранского разграничения 1848 г. Хуршид Эффенди отмечает, что таковой крепости в его время уже не было (см.: Чириков, стр. 650; Хуршид Эффенди, стр. 222, 224—225).

272 Хосрабад — селение между Багдадом и Ханекином (ближе к последнему) (Чириков, стр. 33). То, что в *Шараф-наме* имелось в виду именно это место, доказывает его местонахождение между Арделаном и районом расселения племени калхор (от Зохаба до Мендели), т. е. там, где происходили описываемые события.

273 Хронограмма при прочтении дает 789/1387 г. (перевод: “Кто взял Ван” или “Сатурн взял”).

274 Салмас — район в Иранском Азербайджане, расположенный к северо-западу от оз. Урмия. Гор. Салмас, находившийся на небольшом расстоянии от северо-западной оконечности оз. Урмия, с XIII в. Пребывает в развалинах. Указания восточных авторов на такой город, по мнению В. Ф. Минорского, следует относить к небольшому городку под названием Кухна Шахр, расположенному к северо-западу от дороги из Албака в Котур (EI, t. IV, pp. 121—122; Le Strange, *The lands*, p. 166).

275 Алашкерт (Топрак-кале) — город в северной Турции, к западу от Эрзерума (Cuinet, t. I, p. 238).

276 Халил-бек Суфи и 'Араб-шах — военачальники династии Ак-Койунлу. Халил-бек был убит осенью 1492 г. в сражении с правителем Диарбекира Сулайманом Бижан-оглы (Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490*; pp. 113, 130).

277 Имеется в виду, очевидно, район небольшого городка Диза, расположенного в 180 км к юго-востоку от г. Вана (Cuinet, t. II, p. 738).

278 Ассирийцы-несториане, проживающие поныне в горах Хаккари, в районе Мосула и Бидлиса, а также в Иранском Азербайджане на берегах оз. Урмия. В области Хаккари местом их обитания служил горный район между Джуламергом и Имадией.

279 Бай упоминается в числе населенных пунктов района Хумару в округе Шамдинан (северный Ирак) (EI, t. IV, p. 313).

280 Кеваш (Киаваш, Геваш) — название района к югу от оз. Ван, севернее округа Атак и восточнее Кардигана (Cuinet, t. II, pp. 706—707).

281 Ахтамар — некогда могущественная крепость на небольшом того же наименования острове на оз. Ван, близ его южного берега (описание острова и развалин крепости см. Линч, т. II, стр. 166—173).

282 *Зу'амат* — ленное пожалование с зарегистрированным доходом от 20 до 100 тыс. акче в год.

283 Мустафа-паша Лала (ум. в 1580 г.) — известный османский военачальник XVI в. С 1556 г. был назначен воспитателем (*лала*) принца Салима. Неоднократно назначался главнокомандующим (во время походов на Йемен в 1569 г., завоевания о-ва Кипра в 1570-71 г. и грузинской кампании 1577 г.) (EI, t. III, p. 818).

284 Ружбайани (Rozhbeyani, p. 157) неверно отождествляет Чилдыр с Чалдыраном. Чилдыр — небольшая грузинская крепость, относившаяся к Эрзерумскому вилайету (Mostras, p. 80). Шармуа ошибочно принимал ее за Иблис-каласи (Шайтан-кале) (см. Charmoy, t. II, pt. 2, p. 34). В действительности крепость Иблис-каласи находилась в окрестностях Чилдыра (Evliya Efendi, vol. II, pp. 176—177). Упомянутая Шараф-ханом битва произошла 9 августа 1578 г.

285 Албак — пограничный с Ираном район в восточной Турции, отделенный от района Салмас в Иранском Азербайджане горной цепью Аджам-Доглари (EI, t. IV, p. 121; Cuinet, t. II, pp. 731—732).

286 Курдское племя пеньянеши проживает между Гаваром и Джуламергом, часть — в районе главного города округа Албак Баш-кале, расположенного в 100 км к северо-востоку от Джуламерга (EI, t. III, p. 1060).

287 Искандар-паша, вначале занимавший должность *дафтардара* Анатолии, в августе 1548 г. был послан султаном Сулайманом на защиту Ванской крепости и позднее назначен эмиром эмиров Вана.

288 Востан — городок в восточной Турции, на южном берегу оз. Ван.

289 Султан Мустафа — пятый сын султана Сулаймана I, убитый по его приказанию в 1553 г. по обвинению в измене.

290 Район г. Маранда в Иранском Азербайджане, в 82 км к северо-западу от Тебриза (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 493).

291 *Курчи* — название гвардейского корпуса, происходит от монг. *xorci* “стрелок” (Рашид-ад-дин, I, ч. 1, стр. 158).

292 Крепость Гаргар находилась на пути из Маранда в Нахчеван, в 15 милях от последнего. В настоящее время Гаргар — селение в Иранском Азербайджане, в 44 км к северу от Маранда (Le Strange, *The lands*, p. 167; “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 448).

293 Зунуз — город в 18 км к северу от Маранда, ныне является административным центром округа, носящего то же наименование, в шахристане Маранд (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 251—252).

294 Возможно, имеется в виду небольшое селение в горном труднодоступном районе области Хаккари. В качестве его единственной достопримечательности В. Кинэ (Cuinet, t. II, p. 755) упоминал караван-сарай.

295 Синан-паша (ум. в 1596 г.) пять раз назначался великим везиром Османского государства: с 1580 по 1582, с 1589 по 1591, с 1593 до 1595 и дважды в 1596 г. (EI, t. IV, pp. 451—452).

- 296** Район Шамдинан с центром в небольшом городке Нейри (Нехри) в южной Турции, в 250 км к юго-востоку от г. Вана и в 90 км к юго-западу от иранского г. Урмии.
- 297** Имададдин Занги — основатель династии агабеков Мосула, Алеппо, Синджара, Джебзире и Харрана (1127—1146 гг.) (Лэн-Пуль, стр. 136).
- 298** Племя мизури ныне проживает в Ираке, к юго-западу от Имадии в районе Захо и севернее района Барзан. Насчитывает около 1700 человек (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 410).
- 299** Большая часть племени зебари в настоящее время проживает в Ираке, в районах Акра и Барзан на берегах Большого Заба (Nikitine, *Les kurdes racontes par eux-memes*, p. 148).
- 300** Зей — курдское название р. Большой Заб — левобережного притока Тигра (см. Чириков, стр. 475).
- 301** Племя рекани занимает ныне район того же наименования в окрестностях Имадии (Nikitine, *Les kurdes racontes par eux-memes*, p. 152).
- 302** В настоящее время племя парвари (барвари) делится на две ветви: парвари бала и парвари жер. Первая ветвь проживает севернее Имадии, вторая занимает районы к югу от этого города (см.: EI, t. III, p. 1060; Field, map A).
- 303** Акра — название городка и района между реками Заб и Гомал на севере Ирака. На севере район граничит с округом Зебар, на востоке — с Ревандузом, на западе — с Дохуком.
- 304** Дохук — название района и города на севере Ирака, на пути из Мосула в Ван (Cuinet, t. II, pp. 833—834).
- 305** Дайр (Дире) — район и город между Акрой и Дохуком (*ibid.*, p. 847; Mostras, p. 94).
- 306** Бешири (Алмадин) — город в окрестностях Диарбекира, между Арзаном и Батман-су (De Cholet, p. 268; Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490*, p. 28).
- 307** Каладе (Калата) — городок к югу от Имадии и северо-западу от Мосула (Cuinet, t. II, p. 762).
- 308** Шуш — в средние века могущественная крепость к востоку от Мосула.
- 309** Возможно, Базиран — современный район Базйян, расположенный к востоку от округа Дохук и южнее района Марга.
- 310** Захо — район на севере Ирака и город на небольшом острове, образуемом Малым Хабуром (Cuinet, t. II, p. 836).
- 311** Курдское племя сииди насчитывает в настоящее время две тысячи семейств и проживает между реками Хабур и Хизал к востоку и северо-востоку от Захо (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 410).
- 312** *Оджак* (тюрк, “очаг”, “родовое владение”; *оджак* — *оджаклык* — тюрк, *юрт* — перс.-араб, *джа у макам*) — этим термином Шараф-хан называет округа, жалующиеся государем главам курдских племен. Такие пожалования упомянутые владетели рассматривали как свою собственность, и в сочинении Шараф-хана одно и то же пожалование упоминается то

под названием *оджаклык*, то как *мулькийет* (“собственность”) (Петрушевский, *Очерки*, стр. 229).

313 Халид б. Валид (ум. в 641-42 г.) — мусульманский полководец, со временник пророка Мухаммада, получивший от последнего почетный титул Сайф ал-Ислам, любимый полководец халифа Абу Бакра (см.: *История Ирана*, стр. 86, 87; EI, t. II, pp. 930—931).

314 Халиф 'Умар, один из четырех “правоверных” халифов (634—644).

315 Ал-Аш'ари, Абу Муса 'Абдаллах, был назначен Мухаммедом правителем района в Йемене; халиф 'Умар поручил ему вначале управление Басрой и потом Куфой; при халифе 'Усмани выдвинулся и как полководец. Год смерти точно неизвестен (EI, t. I, p. 488).

316 Очевидно, имеется в виду Са'ад б. Аби Ваккас, арабский полководец (ум. в 674-75 г.). Под его руководством во второй половине 30-х годов VII в. было осуществлено завоевание огромной территории, простиравшейся к востоку от Тигра (EI, t. IV, pp. 30—31).

317 Хаттаб (Проповедник) — прозвище халифа 'Умара I.

318 Под Шатт-ал-Араб Шараф-хан везде имеет в виду р. Тигр.

319 Гора Джуди возвышается на левом берегу Тигра, к востоку от Джебзире.

320 М. Хартман (Hartmann, № 2, S. 10) полагает, что округ и крепость Арух следует искать в северной части области Ботан (Бохтан).

321 Племя пируз упоминается М. Сайксом как ответвление племени хартуши, представлявшего собою связующее звено между курдами Ирака и курдами Армении (Sykes, p. 565).

322 Танза — округ на левом берегу Бохтан-чая (EI, t. II, p. 1203).

323 Крепость Калхок М. Хартман (Hartmann, № 2, 8. 21) помещает в округ Арух.

324 Тур (Тур Абдин) — название горной области на западном берегу Тигра. Занимает плато, простирающееся от Мардина до Джебзире (EI, t. IV, pp. 915—916; Le Strange, *The lands*, p. 94).

325 Район крепости Хаитам (Калат Хатам-Тайи) в Тур Абдине (EI, t. IV, p. 921).

326 В. Кинэ (Cuinet, t. II, p. 408) упоминает Шах в числе девяти районов близ Джебзире.

327 Hartmann, № 2, S. 31: Ниш Атил — Атил. В настоящее время все следы этой крепости, по словам Хартмана, утеряны.

328 Крепость Ардамушт (Арамшат, Каваша) находилась близ горы Джуди (см.: Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 142; EI, t. II, p. 1201).

329 Кевар — название селения и района в Бохтане, относившихся к округу Арух (Hartmann, № 2, S. 21).

330 Возможно, это зафиксированное М. Сайксом племя курешли, к началу XX в. насчитывавшее 2 тыс. семейств и проживавшее в районе между реками Кызыл Ирмак и Евфрат (Sykes, p. 584).

331 Даир-дих (Hartmann, № 2, S. 17, 45: Дердих) — возможно, современный городок Дих (Дех) в 44 км от Сиирта.

332 Более приемлемо чтение шайх-бизайни, предлагаемое рукописью *Шараф-наме*, хранящейся в Л О ИНА АН СССР, № 576. Подобного мнения придерживаются Ружбайани (Rozhbeyani, p. 149) и Эдмондс (Edmonds, p. 38). Часть племени поселилась на левом берегу Большого Заба, севернее дороги Эрбиль — Мосул, часть — в районах Коя, Чемчемала и Киркука. В настоящее время шайх-бизайни представляет оседлое племя, занимающее район к северо-востоку от Киркука. 450 семейств племени проживают близ Эрзерума и 120 — к северо-востоку от Кастамуни в северной Турции (см. Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 401, 428, 435).

333 Племя масаки проживает ныне в районе Айнтаба в Турции.

334 Мардин — в средние века большая крепость, построенная на вершине скалы примерно на середине пути между Рас-ал-Айном и Нисибинном (Le Strange, *The lands*, p. 96).

335 Монгольский термин *тагар* употреблялся в двояком значении — натурального налога и меры веса (Петрушевский, *Очерки*, стр. 280).

336 Завоевание Тимуром Джебзире в 1394 г. было лишь эпизодом похода его в Месопотамию.

337 *Как* — курд, “старший брат”, форма почтительного обращения к мужчине.

338 Династия Ак-Койунлу пала в 1503 г. Территория Ирака Персидского и Азербайджана была завоевана шахом Исма'илом в период с 1501 по 1503 г.

339 Т. е. выходец из племени сурчи. Ныне племя сурчи проживает в Ираке, в районе Акры, и на юге Турции, в Хаккари (Nikitine, *Les kurdes racontes par eux-memes*, p. 152).

340 *Чауш-баши* — начальник *чаушей*. *Чауш* — нижний чин в армии или слуга для самых разнообразных поручений при дворе.

341 *Бала-чауш* — *чауш-баши* (EI, t. I, p. 624).

342 **Фархад-паша был отозван с поста великого везира в 1584 г.** и на его место назначен 'Усман-паша.

343 Взятием в 1587 г. 'Усман-пашой Тебриза начался второй этап ирано-турецкой войны 1577—1590 гг. (EI, t. III, p. 780).

344 Буда (турец. Будин или Будун) — старинная столица Венгрии, ныне часть Будапешта. Была захвачена турками в 1529 г. (EI, t. IV, p. 545).

345 Агри (Эрлау) — крепость в Венгрии, известная героическим отпором турецкому войску (EI, L II, p. 5).

346 В издании *Шараф-наме* В. В. Вельяминова-Зернова — *** “порочные неверные”. Ф. Б. Шармуа предлагает другое чтение — *** “неверные мадьяры”, что более подходит по смыслу предложения (см. Charmoy, t. I, pt. 2, p. 487).

347 Сулайман-бек Бижан-оглы или Сулайман-бек б. Бижан — великий эмир, ярый сторонник династии Ак-Койунлу, играл заметную роль в событиях в Иране конца XV в. (Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490*, pp. 3, 113, 131).

348 В 959/1551-52 г. шахом Тахмасбом была предпринята вторично (первая в 1548 г.) широкая военная кампания. Наступление шло сразу в четырех направлениях — на Арджиш, Баргири, Пасин и Ирак Арабский. Войска возглавлял сам шах Тахмасб. Все запасы зерна, все дома в городах Ван, Востан, Кеваш, Хошаб были преданы сожжению. В том же году шах Тахмасб захватил Ахлат и Адилджеваз и осадил крепость Арджиш. Интересно отметить, что, согласно описанию Хасана Румлу, эмир Ибрахим был убит обитателями крепости (Hasan-i-Rumlu, vol. II, pp. 161—166).

349 Баргири (Беркри, Пергри) — название района и города в восточной Турции, в 77 км к северо-востоку от Вана (Cuinet, t. II, pp. 711—712).

350 Племя баджнави (баджнуви, башнуви) было отброшено монгольским завоеванием на правый берег Тигра в Тур Абдин (EI, t II, p. 1199)

351 Ныне племя шакаки (не смешивать с шеккак, занимающим районы вдоль ирано-турецкой границы) проживает в Ираке, к северу от Сулейманийе (см. Кайхая, *Джуграфия*, стр. 57).

352 Племя миран также сохранилось до наших дней. К началу XX в. насчитывало тысячу семейств и проживало по-прежнему в районе Деземира, весной откочевывая к оз. Ван и осенью возвращаясь обратно (Sykes, p. 562).

353 Район г Савура, в 25 км к северо-востоку от Мардина (Cuinet, t. II, pp. 517—518).

354 По свидетельству Хаджи Халифы, также Хасанкейф был некогда известен под названием Рас-ал-Гул (см. Charmoy, t. I, pt. 1, p. 452).

355 Сиирт — в настоящее время небольшой город в долине, образуемой реками Бохтан-су (иногда называется Сиирт-су) и Бидлис-чай, в 50 км к юго-западу от Бидлиса. В средние века город был укреплен довольно слабо, и лишь *Шараф-наме* называет Сиирт крепостью (EI, t. IV, p. 211; Cuinet, t. II, p. 600).

356 Округ Арзан (Харзан) расположен к северо-западу от Сиирта (Cuinet, t. II, pp. 612—613).

357 Султан Иа'куб Ак-Койунлу (1479—1490).

358 Район г. Арабкира (Арабгира), расположенного на правом берегу Евфрата, в 25 км от него и в 55 км к северу от Малатии (EI, t. I, p. 423с Cuinet, t. II, p. 359).

359 Алб-Арслан Мухаммад б. Давуд Азудаддаула, по прозвищу Абу Шуджа — сельджукский правитель (1063—1072) (EI, t. I, p. 324)

- 360** Мардух Курдистани (*Та'рих-и Мардух*, т. I, стр. 113) упоминает племя малкиши (маликшахи) в числе курдских племен района Пушт-и Кул б Луристане.
- 361** Хасан-бек Байандури (из племени баяндур, ведущего племени объединения племен ак-койунлу), он же Хасан-бек Ак-Койунлу, прозванный за свой высокий рост Узун Хасаном (1453—1478).
- 362** *Аймак* — монг. “племя”.
- 363** Ружбайани (Rozhbeyani, p. 186) ошибочно читает это название как Дарйям, хотя *дар* явно служит локативным предлогом. Ям — название горного прохода между Тебризом и Марандом и селения в 9 км к юго-востоку от Маранда в Иранском Азербайджане (см.: “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 556; Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490*, p. 35).
- 364** Имеется в виду султан Мухаммад II (1451—1481).
- 365** Камах — большая крепость на западном берегу Евфрата, на пути, из Эрзерума в Арзинджан, в 38 км от Арзинджана.
- 366** Под черкесскими султанами автор подразумевает мамлюкских султанов Египта.
- 367** *Тимар* — военно-ленное земельное пожалование с годовым доходом от 1 тыс. до 20 тыс. акче.
- 368** Терджан — название города и района к юго-западу от Эрзерума. (Cuinet, t. I, pp. 198—199).
- 369** *Хаджибы* составляли охрану дворца государя.
- 370** Салих б. Мирдас правил в 1023—1029 гг.
- 371** Захир Абу-л-Хасан 'Али б. Хаким Абу 'Али Мансур правил в 1021—1036 гг.
- 372** Династия Ортукидов имела две ветви: в Кайфе (правила в 1101—1231 гг.) и в Мардине (правила в 1108—1312 гг.) (Лэн-Пуль, стр. 140—141).
- 373** [Крепость Багин находилась в южной части округа Кигы \(южнее Эрзерума\) \(EI, t. II, p. 1208\).](#)
- 374** Крепость Барданч (Бардандж) находилась в южной части округа Аргана (EI, t. II, p. 1208).
- 375** Указанное событие произошло в Чалдыране — равнине в Иранском Азербайджане, к востоку от оз. Урмия в направлении к Тебризу.
- 376** Аргана — к концу XIX в. название округа и города на правом, берегу Тигра, в 55 км к северо-западу от Диарбекира (Cuinet, t. II, p. 479).
- 377** Возможно, это местечко находится в районе горы Демиркапу-даг, в 30 км к северо-востоку от г. Аргана (ibid., p. 436).

- 378** *Мутафаррик* — копыеносец или стрелок из лука, сопровождающий, государя в путешествии.
- 379** Харпут (араб. Хисн-Зийяд, арм. Харперт) — район г. Харпута и северо-западу от Диарбекира.
- 380** *Ганун* — род гуслей.
- 381** Имеются в виду военные действия турецких войск в Грузии и северном Азербайджане (захват Тифлиса, Шеки и Карса) во время ирано-турецкой войны 1577—1590 гг. Военными операциями руководил Лала Мустафа-паша (EI, t. III, p. 780).
- 382** В. Ф. Минорский полагает, что речь идет о грузинском князе Давиде Куропалате (ум. в 1001 г.) (Минорский, *Курды*, стр. 8).
- 383** В настоящее время курдское племя сусани (***) проживает на территории между Вазной, Сардаштом и горной цепью Кандил в Иране (Заки, *Хуласат та'рах*, стр. 448).
- 384** В. Ф. Минорский (EI, t. II, p. 1208) называет это племя даир-мугани.
- 385** Поход в Египет был предпринят в конце октября 1516 г. Под упоминаемой ниже битвой автор, вероятно, имеет в виду сражение в январе 1517 г. при Риданийе, близ Каира, которое определило победоносный исход войны для турок (EI, t. IV, p. 224).
- 386** Дманис (Думанис, Дбанис) — долина и город в ней к северу от Карагаджа в юго-восточной Грузии (Brosset, pp. 151, 153). Упоминаемое автором ущелье, по всей вероятности, расположено возле этой долины.
- 387** Имеется в виду первый этап ирано-турецкой войны 1577—1590 гг., когда театром военных действий служила Грузия.
- 388** Церковь Мухран находилась к западу от Мцхета, в окрестностях монастыря, носившего то же название (Вахушти, стр. 69).
- 389** Симон I, царь Картлии, с 1569 г. находился в заточении у кызылбашей в крепости Аламут. В 1578 г., освобожденный шахом Тахмасбом, он возглавил борьбу картлийского населения против турок.
- 390** Кефандур упоминается анонимным венецианским купцом XVI в. как управляемая курдом крепость, построенная на остроконечной горе подороге из Хасанкейфа в Бидлис, ныне в развалинах. Под нею находилось узкое ущелье, а близ него в глубокой долине протекал Бидлис-чай. Ущелье и долина носили видимо, то же название (“A narrative of Italian travels”, pp. 155—156).
- 391** Район г. Сиверека, расположенного в 85 км к юго-западу от Диарбекира (Cuinet, t. II, pp. 465—466).
- 392** Возможно, здесь имеется в виду район упоминаемой Хаджжи Халифой крепости Ширави к юго-западу от оз. Ван (Charmoy, t. I, pt. 1, p. 436).
- 393** Кесан упоминается в работе В. Кинэ в числе пяти районов округа Кардиган, к юго-западу от оз. Ван (Cuinet, t. II, p. 702).

- 394** Район г. Муша, расположенного у края Мушской долины, в 65 км от г. Бидлиса (*ibid.*, pp. 575—576).
- 395** Мухаммад-паша Соколли, по прозвищу Тавил, — один из известнейших великих везиров Османской империи. Занимал должность великого везира последние пятнадцать лет своей жизни (ум. в 1579 г.) при Сулаймане I, Салиме II и Мураде III (*EL t. IV*, p. 495).
- 396** Курдское племя мудаки (модеки) проживает в чрезвычайно труднодоступном районе Модеки (Мотикан) к северу от Бидлиса (*Sykes*, p. 569).
- 397** В начале XX в. часть Племена зидани (зейдан) проживала в районе Модеки (*ibid.*, p. 564).
- 398** Библ. Азар, отец Авраама, согласно мусульманской традиции, был идолопоклонником. Авраам разбил его идола, обвинив отца в безбожии. По приказу Нимруда Азар был брошен в горящую печь. Очевидно, именно на этот эпизод автор и намекает в своем стихотворении.
- 399** Хнус — город на пути из Эрзерума в Ван, в 90 и к юго-востоку от Эрзерума (*Cuinet*, t. I, pp. 200—201).
- 400** Хваджа Насирадин Туей — великий персидский математик и астроном XIII в.
- 401** 'Улуфе ("корм", "фураж") — сбор продовольствием и фуражом, с XIV в. упоминается и как сбор деньгами (Петрушевский, *Земледелие*, стр. 384—385).
- 402** Мирза Шахрух — первый тимуридский правитель (1405—1447).
- 403** Ныне в районах Ревандуза (Барасьян и Марга Сур) проживает курдское племя ширвани (*Nikitine, Les kurdes racontes par eux-memes*, p. 149).
- 404** Агакис упоминается в сочинении Эвлии Челеби (*Evliya Efendi*, vol. I, pt. 1, pp. 99, 101) в числе тринадцати округов Ванского вилайета.
- 405** Лахса — область между Персидским заливом на востоке и Недждом на западе. К XVII в. Лахса представляла наследственное княжество, правитель которого номинально подчинялся правителю Багдада (*ibid.*, p. 96).
- 406** Ибн Батута упоминает расположенную в окрестностях Антиохи крепость Косейр, комендантом которой во время его посещения был 'Ала'-аддин ал-Курди (*Ibn Batoutah*, t. I, p. 165).
- 407** В издании В. В. Вельяминова-Зернова: Хум. Ф. Б. Шармуа, пользовавшийся при переводе *Шараф-наме* рукописью 1606-07 г., составленной в Килисе, о правителях которого в данной главе идет речь, отмечал, что в данной рукописи это место называется Джом (Джум) — местность в районе Алеппо, населенная курдами (*Charmoy*, t. I, pt. 1, pp. 5, 6, 264, 729; t. II, pt. 2, p. 50; *EI*, t. II, p. 1209).
- 408** Автор имеет в виду, очевидно, гору, на которой находилась упоминаемая Ибн Батутой крепость Сахйюн, расположенная на пути из Алеппо в Дамаск (*Ibn Batoutah*, t. I, p. 166).
- 409** Гури — прозвание мамлюкского султана династии Бурджи Ашрафа Кансуха (1501—1516) (*Лэн-Пуль*, стр. 65).

- 410** Белград был захвачен 29 августа 1521 г., в следующем году был завоеван о-в Родос. Молдавская кампания имела место в 1538 г. (EI, t IV, pp. 543—544).
- 411** Эти события имели место зимой 1548-49 г.
- 412** Сигет — город в северо-западной Румынии, в верховьях р. Тиссы. Тринадцатый и последний поход султана Сулаймана, поход на Сигет, был предпринят в 1557 г. (EI, t. IV, p. 545).
- 413** Караджедаг (Караджа-даг) — название района и горной цепи между Диарбекиром и Сивереком, ближе к последнему (Cuinet, t. II, p. 436).
- 414** Имеется в виду, вероятно, район г. Балиса на правом берегу Евфрата, к западу от г. Ракки. После XIII в., когда Евфрат сменил русло и отошел от города более чем на 4 мили, Балис пришел в некоторое запустение (Le Strange, *The lands*, p. 107).
- 415** Имеется в виду имевший звание шейх ал-ислама историк Хваджа Са'ададин, который пользовался при султани Мураде III большим влиянием (см. прим. 72).
- 416** Район г. Саламийе в Сирии, восточнее р. Оронт, в 55 км к северо-востоку от Хомса (EI, t. IV, pp. 96, 97).
- 417** Реконструкция крепости Каре была предпринята в августе 1579 г.
- 418** Смещение Мустафа-паши с должности *сардара* имело место в 988/1580 г. (см. Veliaminof-Zernof, t. II, p. 260).
- 419** *Капуджи-баши* — начальник дворцовой стражи.
- 420** Куфра — небольшой городок в 22 км от Сиирта (Cuinet, t. II, p. 609).
- 421** Прозвище Исфандийара, одного из героев *Шах-наме* Фирдауси (его тело благодаря заклинанию Зороастра стало неуязвимым для любого оружия).
- 422** См. прим. 348. [Крепость Баргири была захвачена в 1552-53 г. Хасан Румлу не упоминает продолжительной осады Баргири, но отмечает, что Мухаммад-бек оказал сопротивление \(Hasan-i-Rumlu, vol. II, p. 166\).](#)
- 423** *Капудан*. — капитан, начальник.
- 424** Установить местонахождение крепости Акилбанд не удалось, но ясно, что это не Лепанто, как полагал Ф. Б. Шармуа (Gharmou, t. II, pt. 2, p. 64). Хасаи Румлу строго различал крепости Акилбанд и Лепанто (турец. Инабахти) (Hasan-i-Rumlu, vol. I, pp. 460, 461).
- 425** Вероятно, имеется в виду г. Болу в 200 км от Кастамуни (Cuinet, t. IV, pp. 507—508).
- 426** К концу XIX в. селение Минар составляли 50 домов. Упоминается в составе района Ширван в округе Сиирт (*ibid.*, t. II, p. 609).
- 427** *Мирлива* — звание однобунчужного паши или *санджакбея*.

428 О. Л. Вильчевский усматривает в племени курдаки потомков ксенофонтовых кардухов, вошедших, по его мнению, с X в. в состав одного из крупнейших курдских племен и затем полностью ассимилировавшихся с последними (Вильчевский, стр. 72, 146).

429 Племя каджар составилось в монгольский период из тюркизованных осколков трех племен — солдуз, джелаир и тангут, т. е. двух монгольских и одного тибетского племени (Петрушевский, *Очерки*, стр. 95).

430 *Арпалык* (“на ячмень”) — вид земельного пожалования состоявшим на жалованье крупным военачальникам и придворным. Доходы с *арпалыка* достигали 500 тыс. акче.

431 Рабийе (Дийяр Рабийе) — в средние века название одного из трех районов верхней Месопотамии с центром в г. Мосуле. Назван район по имени арабского племени рабийе, там обитавшего (*Le Strange The lands* p. 86).

432 Хаджадж — арабский полководец, прославившийся необыкновенной жестокостью во время завоевания арабами Средней Азии.

433 Эмир Уртук — основатель династии Ортукидов (см. прим. 373).

434 Михрани (Мехерани) упоминается в труде Сэнт-Мартэна (*Saint-Martin, t. I, p. 165*) в числе курдских округов Диарбекирского вилайета. Д. Тэйлор (Тэйлор, стр. 58) упоминает также старинный замок того же наименования, развалины которого он видел на вершине скалы, расположенной на пути из Хазо в долину Саверз Диарбекирского вилайета.

435 Бармакиды — могущественная иранская фамилия из Хорасана, члены которой в течение почти сорока лет (вплоть до 803 г.) занимали пост везира (*История Ирана*, стр. 102).

436 В действительности Бармак — терминологическое название, обозначавшее наследственную должность главного жреца храма Навбахар близ Балха, земли которого составляли собственность этой семьи (*EI, L I, p. 680*).

437 В издании *Шараф-наме* В. В. Вельяминова-Зернова допущена неточность: наследственным феодем племени сувайди был не Ких, а Гендж — округ к северо-западу от Бидлиса, занимающий долину р. Гендж, которая впадает в Мурад-чай — восточный рукав Евфрата (*EI, t. II, p. 1208; Cuinet, t. II, pp. 617, 622—623*).

438 Шафталу — название горы в горной цепи, которая тянется вдоль р. Гендж (см. *Rozhbeyant, p. 258, p. 2*).

439 Район г. Чабакчура, расположенного в 90 км к западу от Муша и в 150 км к северо-западу от Бидлиса (*Cuinet, t. II, p. 624*).

440 Акче-кале — район в Хаккари, к западу от Албака и южнее округа Махмуди (*ibid.*, p. 717).

441 Район городка Зака (Заггета, Чок-Гета), расположенного в 30 км к северо-западу от Сиирта и в 60 км к юго-западу от Бидлиса (*ibid, p. 613*).

442 Эвлия Челеби упоминает находившуюся в районе Эрзерума крепость Мишингерд (*Evliya Efendi, vol. II, p. 180*).

443 Поход Сулаймана I на Нахчеван, по словам Шараф-хана (Veliaminof-Zernof, t. II, p. 206), имел место в 1553 г. Автор допускает неточность, так как, очевидно, имеются в виду военные операции турок в 1554 г., закончившиеся разрушением Еревана, Нахчевана и Карабага (EI, t. IV, p. 545).

444 Арпачай — левобережный приток Аракса.

445 К началу XVII в. Саадабад представлял собой небольшой городок в 8 фарсах к востоку от Тебриза (Evliya Efendi, vol. II, p. 139). В настоящее время это селение в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 270—271).

446 Караман (Караман-или, Карамание) — название города и (до административной реформы 1861 г.) области в Турции (EI, L II, p. 789).

447 *Беглербег* — азерб. “бек беков”, арабский синоним *амир ал-умара* “эмир эмиров”, титул военного наместника, стоявшего во главе вилайета. В его руках были сосредоточены административная власть и командование войсками и феодальным ополчением вилайета. *Беглербеги* считались государственными чиновниками, но в действительности благодаря укоренившемуся феодальному обычаю наследования должностей превращались в своеобразных наследственных феодалов (Петрушевский, *Очерки*, стр. 118 и сл.).

448 *Икта'-тамлики* — разновидность *акта'*. *Икта'* — военный лен, связанный с наследственным владением пожалованными землями (см.: Петрушевский, *Земледелие*, стр. 258; его же, *Очерки*, стр. 155).

449 В работе Рашида Йасими (*Курд*, стр. 120) бавали (***) упоминается как курдское племя шиитского толка. По свидетельству Заки. (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 409), это племя, в настоящее время насчитывающее 150 семейств, проживает в северном Ираке в районе Коя и севернее р. Ревандуз.

450 Марван ал-Химар — последний омейядский халиф (744—750).

451 Автор в данном случае допускает неточность, приводя вместо родословной Марвана II родословную Марвана I (683—685).

452 Название Буссир носят многие местности в Египте. Селение Буссир, называемое еще Кавриде, где был убит последний омейядский халиф, от носилось к Фаюму (Aboulfeda, t. II, pt. I, p. 148).

453 Долина Хох занимает район между реками Кулб-су и Батман-су вплоть до их слияния (EI, t. II, p. 1209).

454 Газали — округ к югу от Кулба (Кулеба). Позднее это название сохранилось за низменностью, расположенной по правому берегу р. Батман-су (Тэйлор, стр. 58).

455 Возможно, автор имеет в виду грузинскую крепость Ахалцихе (турец. Ахеске — Ахаска — Ахачка — Ахджаска — Охаска — Оксаха) (Evliya Efendi, vol. II, p. 174; Saint-Martin, t. I, p. 77).

456 Местоположение крепостей Таш, Хасули, Бидиян, Карукан. Айганик, Джарис и Салик остается неясным. Даликлу-Кайа упоминается Хадджи Халифой (Charmoy, t. I, pt. 1, p. 153) как местность к северо-западу от Хазо, напротив Майяфарикина. Рабат — ныне название

армянского селения к северо-востоку от Эрзерума (Cuinet, t. I, p. 203). Джарис упоминается Эвлией Челеби (Evliya Efendi, vol. II, p. 153) в числе городов, подвергшихся ограблению во время похода турецких войск в Азербайджан и Армению в 30-х годах XVII в.

457 Курдское племя зиланлы к настоящему времени проживает в районе Эрзерума и Алашкерта (см.: Карцев, стр. 45; Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 428).

458 Баразии (баразийе), ныне составляющее один из родов племени баризанлы, кочует в районе Саруджа в северной Месопотамии. Прибыло сюда из районов, примыкающих к оз. Ван (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 425; Sykes, p. 579).

459 По свидетельству Хаджжи Халифы, Джабал-и Шарафаддин — название гор в районе Хнуса (Char moy, t. I, pt. 1, p. 168).

460 *Юрт* — монгольский термин, которым обычно обозначались земли кочевых племен. Одно из значений этого термина — территория, в пределах которой кочевало данное племя (Петрушевский, *Земледелие*, стр. 274)

461 *Кутас* — пучок белого конского волоса, который повязывался к шее лошади для украшения (Char moy, t. II, pt. 1, p. 118).

462 Джавазир упоминается Эвлией Челеби в числе округов Багдадского вилайета (Evliya Efendi, vol. I, pt. 1, pp. 95, 101).

463 *Алай-бек (алайбей)* — начальник *алая* (полка), который служил основной боевой единицей войск ленной кавалерии. *Алайбеи* подчинялись непосредственно *санджакбеям*.

464 *Санджакбей* — правитель *санджака*, он же начальник всех войск *санджака*.

465 *Дафтардар* — чиновник, состоявший на государственном Жалованье и управлявший финансовыми делами вилайета.

466 Имеется в виду султан Мухаммад III (1595—1603).

467 Хавдиян и Балакан — название двух районов в северном Ираке, близ Ревандуза. Хавдиян — также селение в 10 км от Ревандуза (см. Хуршид Эффенди, стр. 248; Rozhbeiant, pp. 273, 274).

468 Ружбайани полагает, что автор имеет в виду относящийся к Сорану округ, ныне известный под названием Ревандуз (см. Rozhbeiant, p. 273). Правомерность этого предположения подтверждается расположением районов Хавдиян и Балакан.

469 Район г. Харира, расположенного на одном из притоков Большого Заба, ниже Ревандуза (EI, t. II, p. 1210).

470 В настоящее время Сумаклык (Самакули) — название селения в Иракском Курдистане, в 2 а от Койсанджака (Edmonds, p. 262).

471 Шакабад (Шаклава) — крепость в 8 фарсах от Эрбиля (Barbier de Meynard, p. 352), позднее городок к востоку от Эрбиля (Cuinet, t. II, p. 863).

- 472** Семават — название округа и города к юго-востоку от Багдада (*ibid.*, t. III, pp. 166—167).
- 473** Под вилайетом племени зарза автор имеет в виду районы Лахиджана.
- 474** Ныне Торк является одним из пяти районов шахристана Малаир в Иранском Курдистане. Расположен к югу от шахристана Хамадан (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 91—92).
- 475** Ларджан (Лахиджан, курд. Ладжан, Леджан) — область в южном Азербайджане к юго-западу от оз. Урмия. Позднее Лахиджаном стал называться преимущественно район верховий Малого Заба (Келу). Он делится на Старый (западный) Лахиджан (заселен племенем пиран) и Новый (восточный) Лахиджан (заселен племенем мамаш). В настоящее время Лахиджан — район в шахристане Мехабад (Соуджбулаг) Иранского Азербайджана (см.: Минорский, *Келяшин*, стр. 182: “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 474).
- 476** Район Солдуз (носит название монгольского племени солдуз) занимает юго-западную оконечность оз. Урмия. В настоящее время Солдуз — один из округов Иранского Азербайджана (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 274; Alinorsky, *Mongol place-names*, p. 71).
- 477** Ружбайани (*Rozhbeyanf*, p. 290, п. 1) полагает, что Маран соответствует Хуламару (Хурмалу), который ныне является центром одноименного округа в Ираке, близ границы с Ираном. Справедливость этого предположения подтверждается местонахождением города недалеко от Шахр-базара, служившего резиденцией правителям Бабанского эмирата.
- 478** Курдское племя банейи проживает ныне в Иранском Курдистане, в районе г. Бане (Заки, *Хуласат та’рих*, стр. 448).
- 479** В настоящее время курдское племя заза насчитывает тысячу семейств и проживает в Турции в районе Сиверека к востоку от Харпута (там же, стр. 417, 422).
- 480** Район небольшого города Кифри (Салахийе), расположенного к юго-востоку от Киркука (*Cuinet*, t. II, p. 864).
- 481** Налейн — район к юго-западу от Лахиджана по течению Малого Заба (см.: Чириков, стр. 456—457; Хуршид Эффенди, стр. 401, 413).
- 482** К концу XIX в. округ Марга (Миргану) располагался к северо-востоку от Мосула. На севере и северо-востоке граничил с Ираном, на юге — с Базйяном, на западе — с районами Койсанджака и Ревандуза (*Cuinet*, t. II, p. 873).
- 483** В. Кинэ (*ibid.*, p. 794) упоминает станцию на пути из Мосула в Койсанджак под названием Болах, которую, вероятно, можно отождествить с местечком, упоминаемым в *Шараф-наме*
- 484** Район города Айнтаба в Турции, в 132 км от Алеппо (*ibid.*, pp. 188—189).
- 485** Кутахийе — город в северо-западной Турции, в 120 км к юго-востоку от Брусы (*ibid.*, t. IV, pp. 201—202).

- 486** По словам Шараф-хана (Veliaminof-Zernov, t. II, pp. 213—216), это событие имело место в 1558—1560 гг.
- 487** Кестане упоминается Эвлией Челеби в числе округов Шахризурского вилайета (Evliya Efendi, vol. I, pt 1, p. 97).
- 488** Гелала — название горы в иракском районе Нав-дашт, на границе Ирана и Ирака. Вместе с горой Котрал образует продолжение горной цепи Кандил (Edmonds, p. 244, p. 333).
- 489** Под туркменскими государями автор имеет в виду государей династий Ак-Койунлу и Кара-Койунлу.
- 490** В настоящее время под названием Дерйяс (Шахри-Вейран) известно селение в Иранском Азербайджане в 11 км от Мехабата. Старое поселение на его месте носило то же название. Упоминаемый в *Шараф-наме* округ, вероятно, охватывал близлежащие к нему районы (см.: Минорский, *Келяшин*, стр. 172; его же, *Сведения о населении*, стр. 435; “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 213).
- 491** Дул — название небольшого района в Иранском Азербайджане, к юго-западу от оз. Урмия; барик — племя, расселившееся в настоящее время вдоль устья р. Татаву (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 223; EI, t. IV, pp. 197-198).
- 492** Ахтаци — район, занимающий долину р. Татаву. между Мийяндубом и Соуджбулагом (Мехабатом); в настоящее время один из шести районов округа Хуме шахристана Мехабат в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 8; EI, t. IV, p. 195).
- 493** Ил-Теймур — район в среднем течении р. Соуджбулаг; ныне один из шести районов округа Хуме шахристана Мехабат в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 22; Minorsky, *Mongol place-names*, p. 70).
- 494** Шамлу — одно из первых семи кызылбашских племен. Согласно полуполюгендарному преданию, это племя происходило из Сирии, от военнопленных, захваченных Тимуром в битве при Анкаре. Тимур передал их сефевидскому шейху, а тот переселил их в Азербайджан (Петрушевский, *Очерки*, стр. 90).
- 495** В настоящее время название Мухаммедшах сохранилось за селением в Иранском Азербайджане, в 20 км к юго-востоку от Накаде (округ Солдуз шахристана Урмия) (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 486).
- 496** Мерага (Мерагэ) — старинный город в Иранском Азербайджане, в 760 км к северо-западу от Тегерана. В настоящее время Мерага — также название шахристана и его центрального округа в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 486—490).
- 497** Возможно, автор имеет в виду летние пастбища близ селения Караджих, расположенного на пути из Карса в Олты (“Сборник маршрутов”, стр. 68—69).
- 498** Дех-Харкан — название округа и небольшого городка в Иранском Азербайджане, в 15 и к юго-западу от Тебриза (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 226).
- 499** Сару-курган (Сарик-курган, Сари-курган) — крепость, находившаяся южнее Мераги, в районе Такаб, на пути из Саин-кале в Биджар (Minorsky, *Mongol place-names*, p. 59).

500 Ф. Б. Шармуа (Char moy, t. II, pt. 1, p. 152) дает следующий перевод этой фразы: “Его племянники по имени Мансур-бек и Кубад-бек, а также некий Хамза-бек, сын Зайнала, который был главою и корифеем улуса махмуди, были убиты...”. Предложение по-персидски составлено не правильно, но верность предлагаемого нами перевода подтверждает пятая глава *Шараф-наме*, посвященная эмирам племени махмуди (см. Перевод, стр. 353—354).

501 В настоящее время под названием Маку известны город в 275 км к северо-западу от Урмии (Резайе) и район в Иранском Азербайджане, близ границы Ирана с Турцией и Советским Союзом (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 481—482).

502 Тарака составляет часть района Терджан в Иранском Азербайджане, по течению р. Татаву (Минорский, *Сведения о населении*, стр. 463).

503 Аджари — район на правом берегу р. Джагату в Иранском Азербайджане (EI, t. IV, p. 198).

504 Дуаб (Мийяндуб) — название района между реками Джагату и Татаву. В настоящее время Мийяндуб — небольшой город в 56 км к северо-востоку от Мехабада (см.: “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 514—515; Minorsky, *Mongol place-names*, p. 69).

505 Район г. Лейлана, развалины которого находятся на правом берегу р. Джагату, в 10 верстах к северо-востоку от Мийяндуба. В настоящее время под этим названием известно селение в Иранском Азербайджане, в 44 км к югу от Мераги (см.: Минорский, *Келяшин*, стр. 168; “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 479).

506 Курдские племена, относящиеся к племенному союзу ако, ныне группируются в иракских районах Нав-дашт, Шавур и Ранйе. Два кочевых (остальные все оседлые) племени этого союза — бале и баболе проводят лето по обе стороны ирано-иракской границы к востоку от Ревандуза. Зимой они живут в районах Ранйе, Койсанджак и Эрбиль (Edmonds, p. 221).

507 Бутков, ч. III, стр. 418, 545: Хан-Алмас — Салмас.

508 В настоящее время район Тергавер составляет один из трех районов округа Селван в Иранском Азербайджане. На западе он примыкает к ирано-турецкой границе (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 131).

509 Очевидно, автор имеет в виду находившуюся близ Джуламерга крепость Кале Амир Давуд, которая упоминается в труде Хаджжи Халифы *Джихан-нума* (см. Char moy, t. I, pt. 1, p. 176).

510 Ашут — к концу XIX в. название небольшого городка на берегу Большого Заба, к северу от Имадии (Cuinet, t. II, p. 751).

511 Район г. Хошаба, расположенного севернее Ашута, в 45 км к юго-востоку от г. Вана (ibid., p. 752).

512 Имеется в виду область Хаккари, правители которой получили известность под именем Шамбо.

513 Хошабом именуется р. Ангил-су в своем нижнем течении по выходе из г. Хошаба. Затем она пересекает долину Хаоцсор и впадает в оз. Ван, в 6 км к югу от г. Вана (Cuinet, t. II, pp. 666—667).

514 Кардиган (Карджиган) — район к югу от оз. Ван, граничил на востоке с районом Кеваш, на юге с Моксом (ibid., p. 702).

515 В настоящее время под названием Чорс известно селение в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 163).

516 К началу XX в. племя мам-рашан насчитывало 200 семейств и проживало южнее оз. Ван и в северном Ираке, на берегу р. Зарава (Sykes, p. 565; Edmonds, pp. 220—221).

517 Гор. Уджан, расположенный в 8 фарсахх от Тебриза, был построен при монгольском хакане Газан-хане. Городок считался одним из самых прохладных мест в Иране, поэтому не удивительно, что его район был избран местом летних кочевий (Бартольд, стр. 148). В настоящее время Уджан — название одного из четырех районов округа Бостанабад в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 54).

518 Ныне Сокманабадом именуется один из округов шахристана Хой в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 273).

519 *Карйа* и *мазра'а*. *Мазра'а* — здесь явно обозначает населенный пункт, а не засеянное поле. О терминах *карйа* и *мазра'а*, обозначающих; два типа сельских поселений, их различии см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 290—298.

520 Ордубад — ныне город в Нахичеванской автономной республике.

521 Шараф-хан, по мнению И. П. Петрушевского, пользуется термином *икта'* как синонимом для обозначения турецких институтов военно-ленного пожалования, что в данном случае весьма очевидно (см. Петрушевский, *Очерки*, стр. 155, 186).

522 Ардахан — город в северной Турции на р. Куре.

523 Котур-дараси — название ущелья на границе Ирана с Турцией. Котурский перевал являлся стратегическим пунктом исключительной важности, ибо это единственная дорога из Средней Азии в Малую, доступная во все времена года. Округ Котур в настоящее время входит в шахристан Хой в Иранском Азербайджане. Население курдское (см.: “Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 382—383; Заходер, стр. 36; Размгра, *Джуграфия*, стр. 18—21).

524 Абгай (Абага) — к началу XX в. турецкий район, отделяемый от персидских районов Чалдырана и Аваджика высокими цепями гор Ален Кыз-Кочан, Кырхлар, Сары-Чимен, которые использовались как пастбища макинскими курдами милан и абгаинскими хейдеранлы (Минорский, *Турецко-персидская граница*, стр. 415).

525 Аваджик — ныне пограничный с Турцией район в Иранском Азербайджане, севернее Чалдырана (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 52—53).

526 По свидетельству Эвлии Челеби, р. Канак впадает в Зенит — приток Куры. Во время своего путешествия по Кавказу Эвлия Челеби побывал на месте, где происходило упоминаемое сражение (18 сентября 1578 г.) и видел там труды человеческих костей. Более

40 тыс. человек, по его словам, тогда пало на поле битвы и около тысячи утонуло в р. Канак (см. Evliya Efendi, vol. II, p. 156). По другим источникам, эта река является притоком Куры, и битва произошла 8 сентября 1578 г. близ места их слияния (Hammer, t. VII, pp. 86—87).

527 В настоящее время этот район называется Сарай. Находится в восточной Турции на границе с Ираном, напротив иранского округа Котур (EI, I, II, p. 1209; Minorsky, *Mongol place-names*, p. 74).

528 Ныне Шарур относится к юго-восточной части Армянской ССР.

529 К востоку от Нахчевана находится ущелье Акулис (Minorsky *Transcaucasica*, p. 80).

530 Румлу — одно из первых семи кызылбашских племен, происходившее из Малой Азии (Рума) (Петрушевский, *Очерки*, стр. 90).

531 Албаут — одно из древних туркменских племен, которые вошли в состав кызылбашских племен. Проживало в северном Азербайджане (там же, стр. 92, 311).

532 Саадлу — одна из ветвей курдского племени пазуки (там же, стр. 141).

533 Местонахождение крепостей Див-диз, Гувах-гуз, Маравидиман остается неясным. Расположение остальных указанных крепостей определяется весьма условно. Нав-диз упоминается Хамдаллахом Казвини как крепость в южном Азербайджане, на вершине горы, у подножия которой протекает р. Ахар, в районе Булук Инджу (Hamd'allah Qazwini, *Nuzhat at-Qulub*, vol. II, p. 86). Название Дизман (Джизман) к настоящему времени сохранилось лишь за каналом, расположенным близ Бадрани (в восточном Ираке) (см. Минорский, *Турецко-персидская граница*, стр. 318).

Мур — ныне название горы на границе турецкого района Бажергах с иранским районом Сомай. Эта часть Сомая имеет много разрушенных крепостей, относящихся к XVI—XVII вв. (Минорский, *Сведения о населении*, стр. 404). Возможно, что упоминаемая Шарафханом крепость находилась на горе Мур. В Иранском Курдистане, к северо-западу от Резаба, в шахристане Сенендедж сохранилось до настоящего времени селение под названием Гулана (см. “Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 399).

Ношур — ныне селение в Иранском Курдистане, в 4 км к западу от дороги Керманшах — Сенендедж (там же, стр. 454).

534 Текелу — одно из первых семи кызылбашских племен, ответвление туркменского племени текке, откочевавшего из Малой Азии в Азербайджан (Петрушевский, *Очерки*, стр. 90).

535 В настоящее время район Пава относится к Джаванрудю шахристана Сенендедж в Иранском Курдистане (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 235).

536 В. Минорский (Минорский, *Сведения о населении*, стр. 437) упоминает район Баски-кулясе, составляющий южную часть округа Сардашт, относящегося к Соуджбулагу.

537 Развалины крепости Кале-Занджир, срытой согласно ирано-турецкому договору 1639 г., были обнаружены Кер-Портером в 1819 г. в округе Салмас, близ деревни Тамар (см.: Минорский, *Келяшин*, стр. 189; Чириков, стр. 650, 711).

538 Вероятно, автор имеет в виду Равансар — в настоящее время округ и город в Иранском Азербайджане, к югу от Сенендеджа. Гор. Равансар расположен в 76 км к северо-западу от Керманшаха (“Географический словарь Ирана”, т. V, стр. 206—207).

539 Пируз (Бируз, перс. Бихруза) — крепость, находившаяся в районе Бане в южном Азербайджане, близ нынешнего г. Барожа (EI, t. IV, p. 199).

540 В настоящее время Шива (Шве) — селение в районе того же наименования, к юго-западу от Бане (ibid., p. 199).

541 Лек — ныне название большого аширата, подразделяющегося на несколько ответвлений. Лекистан находится в южном Иране, в северной, части Луристана.

542 Старинное курдское племя зенд, к которому принадлежал государь Ирана Карим-хан Зенд, обитало между Хамаданом и Малаиrom в Иране. Ныне это мелкий клан племени геурьк, входящего в состав союза племен мукри (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 447; EI, t. II, p. 1211).

543 Эдмондс (Edmonds, p. 279) отождествляет это племя с племенем гез, ныне занимающим два-три селения вдоль р. Диалы и несколько селений по р. Нарин в Киркукском районе.

544 Игирмидорт (азерб. “двадцать четыре”) — искусственное образование из 24 осколков кочевых племен (Петрушевский, *Очерки*, стр. 135).

545 Петрушевский считает эту цифру фантастической, указывая, что в XVI в. все кызылбашские эмиры могли вывести в поле не более 60 тыс. человек (там же, стр. 135).

546 По мнению О. Л. Вильчевского, существование этого племени доказывает генетическую близость курдов к горным племенам Ирана (Вильчевский, стр. 129).

547 Район старинного города Зенджана, расположенного в 314 км к западу от Тегерана и в 302 км к юго-востоку от Тебриза (“Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 141).

548 В настоящее время этот округ называется Абхар-рудом. Центром его является небольшой город Абхар, расположенный в 88 км к востоку от Зенджана (“Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 3).

549 Район Хар упоминается Рашидаддином в рассказе о завоевании Ирака Персидского (Рашид-ад-дин, I, кн. 2, стр. 227).

550 В настоящее время название Карасф сохранилось лишь за местечком, расположенным в 12 км к юго-западу от Кейдара в шахристане Зенджан в Иране (“Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 228).

551 Район г. Соджаса, расположенного в 12 км к северо-западу от Кейдара, в настоящее время называется Соджас-руд (там же, стр. 146).

552 В *Аксан ат-таварих* упоминаются зимние кочевья Сурлук в Азербайджане (Hasan-i-Rumlu, vol. II, p. 134).

553 Кейдар — название района и города, ныне относящихся к шахристану Зенджан в Иране. Город расположен в 78 км к юго-востоку от Зенджана (“Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 221).

554 Ангуран — в настоящее время наименование одного из районов округа Мах-Нешан шахристана Зенджан в Иране и селения в 24 км к югу от Мах-Нешана (там же, стр. 27).

555 Гарджистан (Гарчистан) — горный район в восточном Хорасане, в верховьях Мургаба. Ныне относится к Афганистану (Le Strange, *The lands*, pp. 415—416).

556 Кучан (Хабушан) — город в Хорасане, к северо-западу от Радгана. Старый Кучан находился примерно в 15 км западнее нового города (Рашид-ад-дин, I, кн. 2, стр. 211, прим. 5).

557 Эвлия Челеби упоминает Кайфи в числе округов Эрзерума (Evlīya Efendi, vol. II, p. 187).

558 Авхакан — Ухкан (EI, t. II, p. 1208) — Ай-хакан (Charmoy, t. 1, p. 1, p. 187).

559 Загам — район к северу от оз. Севан в Карабаге. Вместе с территорией к западу от него составлял наследственное владение племени шамсаддинлу (ответвление кызылбашского племени зулкадр) (Петрушевский, *Очерки*, стр. 135).

560 Каландарийе — орден странствующих дервишей в Иране и Средней Азии. В ордене сохранялись ранние традиции суфизма — идеализация бедности. Каландары не считали обязательным соблюдение обрядов ислама.

561 В тексте “подобно землям Лота и [племени] ад”. Автор имеет в виду приводимые в Библии и Коране рассказы об уничтожении городов Содома, правителем которого был Лот, и Ирема, принадлежавшего арабскому племени ад (гад). Жители этих городов были полностью уничтожены.

562 Абана — к концу XIX в. название селения в окрестностях Ванна (Путята, стр. 83).

563 Ардебиль — город в 210 км к северо-востоку от Тебриза, в настоящее время административный центр одноименного шахристана в Иранском Азербайджане (“Географический словарь Ирана”, т. IV, стр. 11—13).

564 Кезер-су берет начало южнее оз. Ван и, пересекая с северо-востока на юго-запад область Бидлиеа, впадает в Бидлис-чай в 12 км к западу от г. Сиирта (Cuinet, t. II, p. 546).

565 Описание этого туннеля, называемого туннелем Семирамиды, приводит Линч (Линч, т. II, стр. 200—201).

566 Автор ссылается на историческое сочинение ал-Вакиди *Китаб ал-магази*.

567 'Айаз б. Ганам — арабский полководец, начавший по приказу халифа 'Умара в 639 г. завоевание областей Верхней Месопотамии. Им были захвачены города Урфа, Ниоибин, Мардин и Диарбекир (Рашид Иасими, *Курд*, стр. 176).

568 Сочинение Абу Бакр Ахмада ал-Балазури.

- 569** Речь идет, вероятно, о сочинении Сираджадин Махмуда ал-Урмави (ум. в 1290 г.) *Матала' ал-анвар фи 'илм-и-л-мантак ва-л-хикмат* (Hasan-i-Rumlu, vol. II, p. 228, п. 5).
- 570** Шейх Аммар-и Йасир умер в 1186 г. (см. Rozhbeyant, p. 371, п. 4).
- 571** Абу Наджиб 'Абдалкахир б. 'Абдаллах Сухраварди (1096-97—1167-68) (Storey, vol. I, p. 1032, п. 1).
- 572** Ахмад б. 'Умар Абу Джаннаб Наджмаддин Кубра ал-Хиваки ал-Хваризми (1145—1226), основатель дервишеского ордена Кубравийе — один из самых известных иранских суфиев XII—XIII вв. Является автором многочисленных трудов по суфизму (EI, t. III, pp. 879—880).
- 573** Хусамаддин 'Али ал-Бидлиси, умер в 1301 г.
- 574** Шайх Хайдар — дед шаха Исма'ила Сефевида, убитый в 1488 г.
- 575** Гёк-Мейдан — открытая площадь в г. Бидлисе (Линч, т. II, стр. 195).
- 576** Обе мечети названы по имени их основателей.
- 577** Рахва — название долины к юго-западу от оз. Ван (Minorsky, *Persia in A.D. 147.8—1490*, p. 27).
- 578** “Строения, достойные государя (или Хусрава)” — хронограмма при прочтении дает 925/1519 г.
- 579** Тадван — к концу XIX в. городок на западном берегу оз. Ван (Mostras, p. 67).
- 580** [Сасанидский царь Хусрав Ануширван \(531—579\)](#).
- 581** Хусайн б. Иусуф Ахлати (1394—1454) занимался в основном преподавательской деятельностью (в Востане, Тебризе, Дезде и Каире) (см. Rozhbeyanl, p. 381, п. 1).
- 582** *Джафром* называли большую книгу, якобы составленную 'Али. Она содержала “объяснение” всего, что должно произойти в мире вплоть до дня Страшного Суда. 'Али, согласно преданию, передал эту книгу своим потомкам. В соответствии с преданием, шестой имам Джа'фар составил подобную книгу. Для их различения первая якобы была названа “Джафром большим” (*Джафр-и джама*), а вторая — “Джафром малым” (*Джафр-и кучак*). *Илм-и джафр* (“наука джафра”) позднее стала называться *'илм-и хуруф* (“наука букв”), превратившись в способ предсказания будущего путем определения числового значения букв (согласно *абджаду*) (EI, t. I, pp. 1022—1023).
- 583** Рашидаддин в числе помощников Насирадина Туей упоминает четырех ученых: Муаййададина 'Арузи, Фахрадина Марагаи, Фахрадина Ахлати и Наджмаддин Дабирана Казвини. В науках математических, по словам Рашидаддина, не имел себе равных 'Арузи (Рашид-ад-дин, II, стр. 200; III, стр. 49).
- 584** Последний хорезмшах, пытавшийся объединить и возглавить борьбу народов Ирана против монгольских завоевателей. В течение шести лет он вел непрерывные войны, и ему удалось завладеть Азербайджаном и Ахлатом. Продвижение его сопровождалось неперенным ограблением городов и селений (“История Ирана”, стр. 180, 181).

- 585** Термин *кутан*, синонимичный термину *джуфт-и гае*, имеет двойное терминологическое значение: “плуг” и “плужный участок” (Петрушевский, *Очерки*, стр. 176).
- 586** Нимруд — потухший вулкан высотой в 3 тыс. м на западном берегу оз. Ван, в 75 км к северу от г. Бидлиса (Cuinet, t. II, p. 551).
- 587** Кара-су — приток Мурад-чая, восточного рукава Евфрата. Впадает в Мурад-чай в 12 км к северо-западу от г. Муша (*ibid.*, p. 545).
- 588** Су-Шахри — название гор близ Хнуса (Char moy, t. I, pt. 1, p. 168),
- 589** Бик-гэль — название гор, служащих водоразделом рек Аракса и Евфрата.
- 590** Буланьк (“Мутное”) — одно из трех крупных озер тех районов. Под этим названием к концу XIX в. был известен и один из районов Мушского округа (Cuinet, t. II, p. 547).
- 591** Назык-гэль (“Чистое озеро”) — озеро в 9 км к северо-западу от оз. Ван. Вода в нем действительно чистая, но берега и окрестности лишены растительности (*ibid.*, p. 547)..
- 592** Нимруд (Намруд, Нимрод) в арабской литературе олицетворяет собой насильника и тирана. Ему приписывается построение высокой башни, при помощи которой он хотел добраться до небес и расправиться с богом. Но башня рухнула, и Нимруд был поглощен землей (EI, t. III, p. 901).
- 593** Пресноводное озеро Нимруд-гэль расположено в кратере потухшего вулкана Нимруд и имеет форму полумесяца.
- 594** На горе Нимруд действительно часто встречаются горячие железистые источники с температурой выше 30° R (Лойко, стр. 117).
- 595** Cuinet, t. II, pp. 556, 568: Kouyout — один из районов округа Мудик (Модеки) к западу от Бидлиса (см. также EI, t. II, p. 1208).
- 596** Возможно, племя билбаси проживало в этих районах во времена автора. И в настоящее время оно остается весьма могущественным, проживает в западной части Иранского Азербайджана (по южному берегу р. Гадыр и в верховьях Малого Заба) и в северном Ираке (районы Ранние, Ревандуз) (EI, t. IV, p. 196; Minorsky, *Mongol place-names*, p. 75).
- 597** Курдского племени под названием кавалиси в настоящее время не существует. В районе Киркука проживает племя давуд, одно из семи колен которого называется кавали — возможно, сокращенное кавалиси (Rozhbeyanf, p. 387).
- 598** См. прим. 382.
- 599** Известный персидский поэт 'Абдаллах Хатифи (ум. в 1521 г.) (см. о нем EI, t. II, p. 307).
- 600** Согласно мусульманской космографии, Каф — горная цепь, опоясывающая землю и образующая границу между миром видимым и невидимым. В более ограниченном понятии Каф означала часть азиатского нагорья, ограждавшую мусульманский мир с севера, т. е. Кавказ и его отроги в северном Иране (*ibid.*, pp. 614—617).

- 601** Племя балики (баликан) в настоящее время насчитывает 6 тыс. семейств и проживает в окрестностях Муша (Заки, *Хуласат та'рих*, стр. 427).
- 602** Е. И. Чириков (Чириков, стр. 552) упоминает племя сыкыр в составе аширата билбаси района Лахиджан в Иране.
- 603** Бала-гирди (курд, гирди жори) проживают в районе Шамдинан в северном Ираке (Nikitine, *Les kurdes racontes par eux-memes*, p. 149)...
- 604** Племя зардузи (зардуйи) проживает ныне на турецкой стороне ирано-турецкой границы, занимая группу деревень южнее р. Сирван, между Зимканом и Шахо (Edmonds, pp. 128—129).
- 604** В настоящее время курдское племя стурки проживает на левом берегу Тигра, к западу от Диарбекира, близ впадения в Тигр его притока Бюхтак-дараси.
- 606** Азербайджанский атабек Кызыл Арслан правил в 1186—1191 гг.
- 607** Имеется в виду династия азербайджанских атабеков (1136—1225), основателем которой стал возвысившийся при дворе сельджукского султана Мас'уда тюркский раб из Кипчака Илдагиз (Лэн-Пуль, стр. 144).
- 608** Арабский географ Ибн Иакут упоминает крепость Ашиб, населенную курдами, в районе Имадии (Le Strange, *The lands*, p. 93).
- 609** Под султаном Салихаддином автор имеет в виду сирийского ага-бека Салих Исма'ила Занги (1174—1181) (Лэн-Пуль, стр. 137).
- 610** Шараф-хан допускает в данном случае неточность — Ак-Сункур правил в Алеппо с 1085 по 1094 г., а Илдагиз в Азербайджане — с 1136 по 1172 г.
- 611** Малик Ашраф Музаффараддин Муса правил в Дамаске (1228—1237), в Месопотамии (1210—1230) и Хомсе (1245—1262).
- 612** Мекран (Макран) — название области на юге Ирана; Кидж (Киз или Кадж) — город в Мекране, к юго-востоку от Банпура (Le Strange, *The lands*, p. 339).
- 613** Камал Исма'ил Исфахани (ум. в 1237-38 г.) — известный персидский поэт.
- 614** Монгольское войско под командованием нойона Чурмагуна по приказанию Уктай(Угедей)-каана вступило в Иран в 1229 г.
- 615** По словам И. П. Петрушевского, Рукнаддин 'Ала'аддаула Симнани являлся известнейшим из суфийско-дервишеских шейхов начала XIV в. (*История Ирана*, стр. 223).
- 616** Власть и влияние Малик Ашрафа были столь велики, что Идри; Хаким Бидлиси называет его шахом Армении (см. Идрис Хаким, *Хашиг бихишт*, л. 20).
- 617** Джалалийский календарь (*Та'рих-и Джалали* или *Та'рих-и Малики*) получил свое название по имени сельджукского султана Джалаладдина Малик-шаха (1072—1092). В 1074 г. известные астрономы, в том числе и 'Умар Хаййам, получили от него указание изменить старинный персидский календарь, привести его в соответствие с результатами

астрономических наблюдений того времени. Согласно новому календарю год попережнему состоял из двенадцати месяцев по тридцать дней каждый, по пять дней добавлялись не к восьмому, а к двенадцатому месяцу. И вместо того чтобы через каждые 120 лет год состоял из 13 месяцев, к каждому четвертому году добавлялся один день (EI, t. I, pp. 1034—1035).

618 Севасар — название горного хребта в Сасуне, к востоку от Антока (EI, t. III, p. 169).

619 Алатаг (Аладаг) — массив Армянского нагорья, расположенный между Эрзерумом и Ваном, к северу от оз. Ван. Одно из лучших летних кочевий. Там берет начало восточный рукав Евфрата — Мурад-чай (Cuinet, t. I, p. 174; t. II, p. 675).

620 Берда (Партав) — город в западном Арране, между Курюю и Араксом. Ныне небольшое селение возле г. Евлаха в Азербайджанской ССР (Крымский, стр. 292).

621 Пасин — название района к востоку от Эрзерума. В этом районе находится того же наименования долина, известная со времен античности плодородием своих земель (Cuinet, t. I, pp. 207—209).

622 Авник (Авеник) — в средние века большая крепость к востоку от Эрзерума, на вершине горы близ Аракса. В настоящее время Авник (Овеник, Обеник) — район округа Пасин (*ibid.*, p. 134; Le Strange, *The lands*, p. 118).

623 Османский султан Байазид I по прозвищу Илдырым (1389—1402).

624 Речь идет, очевидно, о мамлюкском султани династии Бурджи Насирадине Фарадже (1399—1405, 1406—1412).

625 Султан Ахмад, правитель Ирака из династии Джелаиридов (правил с перерывами с 1382 по 1410 г.).

626 Шамб-и Газан или Шам — предместье Тебриза, где находится мавзолей Газан-хана.

627 Грамота приводится на основе перевода ее И. П. Петрушевским (см. Петрушевский, *Очерки*, стр. 151—153).

628 Имеется в виду *Матла' ас-са'адайн ва маджма' ал-бахрайн* 'Абдарраззака Самарканди.

629 Религиозное решение *муфтия*, в данном случае разрешение вступить в новый брак.

630 Зальм — река в районе Шахризура (Чириков, стр. 439).

631 Джихан-шах Музаффараддин, третий государь династии Кара-Койунлу. Убит в 1467 г. при возвращении из похода на Диарбекир (EI, t. I, p. 1025).

632 Кум — город к югу от Тегерана.

633 Имеется в виду род правителей Бидлиса.

634 *Хум* — большой глиняный кувшин.

- 635** Туркменское племя зулкадр первоначально кочевало в южной Армении и в районе Диарбекира. Вошло в состав первых семи кызылбашских племен (Петрушевский, *Очерки*, стр. 90).
- 636** Название горы в Бадахшяе (Афганистан) (Rozhbeyant, p. 426, л. 3).
- 637** *Мая* — мера веса сыпучих тел.
- 638** Шайбак-хан Шайбани узбек, брат правителя Бухары 'Убайд-хана. предпринял поход на Хорасан в 1507-08 г. (Hasan-i-Rumlu, vol. II, p. 43).
- 639** В начале XX в. к югу от оз. Ван кочевало курдское племя спирти, насчитывавшее 70 семейств (Sykes, p. 562).
- 640** Коч-Хисар (Данайсир) — городок к югу от Мардина (Le Strange, *The lands*, p. 96).
- 641** Нисибин — город в 60 км к северо-западу от Мардина.
- 642** Автор имеет в виду шиитскую принадлежность кызылбашей.
- 643** Селение между Исфаханом и Хунсаром в Иране. Е. И. Чириков называет его Гендумином (Чириков, стр. 688).
- 644** *Кошун*, *хошун* — термин монгольского происхождения. В XIII—XVI вв. *кошун* — ополчение кочевого племени или его ответвления, составляющее особую военную часть (Петрушевский, *Очерки*, стр. 101—102).
- 645** Салам (Шалам) — в *Нузхат ал-кулуб* упоминается как небольшой городок в районе Вана, в *Джихан-нума* именуется местечком Ванского вилайета (Hamd'allah Qazwini, *Nuzhat at-Qulub*, p. 101; Charmoy, t. I, pt. 1, p. 171).
- 646** Согласно представлениям того времени небо состояло из семи сфер, в четвертой сфере находилось солнце.
- 647** Выражение '*айн ал-камал*, означающее в буквальном переводе “сущность совершенства”, имеет значение “дурной глаз”, “сглаз” (Низамал-Мульк, стр. 314, прим. 16).
- 648** Алоэ с о-ва Кумар, упоминаемого в сочинении арабского географа начала XIV в. Абу-л-Фида. По его словам, этот остров располагался близ Китайских островов в Восточном море и славился замечательным алоэ (Aboulfeda, p. 127). Автор перевода сочинения Абу-л-Фида на французский язык С. Гийяр полагает, что здесь имеется в виду Камбоджа (Кхмер). Это предположение вполне правдоподобно, ибо средневековые арабские географы называли островами полуострова и даже государства, расположенные на берегу моря.
- 649** *Чаркаб* — особо почетная, расшитая золотом одежда (Эвлия Челеби, стр. 293).
- 650** *Таваджи-баши-гири* — главный инспектор, назначавшийся для набора и ревизии рекрутов.
- 651** Брат шаха Тахмасба Бахрам-мирза в 1529-30 г. был назначен правителем Герата и в 1531-32 г. осажден 'Убайд-ханом узбеком. Осада продолжалась полтора года и была прекращена прибытием шаха в 1532-33 г. (Hasan-i-Rumlu, vol. II, pp. 108—111).

- 652** *Ликан* (Iekan) — курд, “лыжи” (Курдоев, *Словарь*, стр. 494).
- 653** Описка автора или переписчика, ибо Ахтамар — крепость на острове того же наименования на оз. Ван.
- 654** *Кайсарийе* — базар, крытый рынок (Ibn Batoutah, p. 151).
- 655** Имеется в виду одержанная в 623-24 г. Мухаммедом победа над ткекканцами при Бедре (название источника и рыночного пункта, расположенного в том месте, где дорога в Медину соединялась с главным караванным путем) (см. Массэ, стр. 33).
- 656** Поражение Мухаммеда у горы Оход к северу от Медины. Сражение имело место в 625-26 г. (там же, стр. 12, 33).
- 657** Даргузин, упоминаемый Хамдаллахом Казвини как значительный город, центр района Алам, расположен к северу от Хамадана (Le Strange, *The lands*, p. 196).
- 658** В действительности Багдад был завоеван великим везиром Сулаймана I Ибрахимом в ноябре 1534 г., а в конце того месяца в город прибыл сам султан (EI, t. IV, p. 544).
- 659** Алтун-Кёпри, или Ал-Кантара, — укрепленное селение, расположенное между двумя рукавами Малого Заба, в 56 км к югу от Эрбиля и в 40 км к северо-западу от Киркука (Cuineft, t. II, p. 855).
- 660** Сораб (Сераб, Серав) — название района и города к востоку от Тебриза, на пути из Тебриза в Ардебиль. В настоящее время Сораб относится к Иранскому Азербайджану (“Географический словарь Ирана”, (т. IV, стр. 263—264; Le Strange, *The lands*, p. 163).
- 661** Обширный плодородный район в Табаристане (северный Иран). В центре его расположена знаменитая гора Демавенд (Le Strange, *The lands*, p. 371).
- 662** Это название носила область, включавшая районы Джорджан, Мазандеран, Гилян, Дайлам, Рустемдар (Barbier de Meynard, p. 222).
- 663** Район г. Карахруда ныне относится не к Куму, а к округу Саре-банд шахристана Арак (“Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 244).
- 664** Джахруд (Джаруд, Иджаруд) — район в окрестностях Соджаса, небольшого городка близ Султанийе (Le Strange, *The lands*, p. 223).
- 665** Фарахан — название одного из районов в Ираке Персидском, южнее г. Арака. В настоящее время он относится к округу Фармахин шахристана Арак (“Географический словарь Ирана”, т. II, стр. 198—199).
- 666** Амир-бек, по прозвищу Тукмак Байандур, был верным сторонником Узун Хасана Ак-Койунлу. История его сына Гулаби менее известна, сын же последнего Амир-хан (дед Шараф-хана Бидлиси по матери) в. 1507 г. перешел на службу к шаху Исма'илу и был назначен держателем государственной печати (Hasan-i-Rumlu, vol. II, p. 41; Minorsky, *Persia in A. D. 1478—1490*, p. 24).
- 667** Город и долина Байбурт расположены к западу от Эрзерума, на р. Джорок (Торок-еу), впадающей в Черное море (Cuinet, t. I, pp. 223—224).

668 Гор. Арзинджан расположен в центре равнины, орошаемой Евфратом, в 176 км к западу от г. Эрзерума (*ibid.*, p. 211).

669 Ныне древний город Куфа представляет собой груду развалин в районе Багдада.

670 Сальян (Сальяны) и Махмудабад — в настоящее время находятся в Азербайджанской ССР.

671 Видимо, имеется в виду район Харракан (Харракайн) в Ираке Персидском, к северу от Даргузина и Хамадана (*Le Strange, The lands.*, P, 191).

672 Упоминание Шараф-хана о выплате “жалований” (*маваджиб*) и “кормовых”, “фуража” (*'улуфе*) из сборов *мал-у-джихат* еще раз свидетельствует о том, что *мал-у-джихат* одновременно был и денежной податью, и натуральным сбором (см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 374—375).

673 Хан Ахмад Гилани правил в 1536—1568 и 1578—1592 гг.

674 Араш — округ в Шекинском ханстве (Петрушевский, *Очерки*, стр. 139, 310).

675 Акдаш (Ак-Таш) — местность на левом берегу Куры в ее нижнем течении; в настоящее время город на севере Азербайджанской ССР.

676 Кабала — некогда первопрестольная столица Албании (Аррана). В XIV в. была разрушена и исчезла с лица земли. По поводу ее место нахождения существуют различные мнения. Несомненно одно — округ Кабалы находился в восточном Ширване, по течению р. Куры, за округом Шеки (см. Крымский, стр. 291—305).

677 *Хавале (бариты)* выписывались на местные казначейства и подлежали оплате жителями деньгами или натурой (Петрушевский, *Земледелие*, стр. 351—352).

678 Шараф-хан ссылается на поэму Джами *Хирад-наме-йи Сикандари*.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Вначале указано сокращенное обозначение, под которым упоминается данная работа)

'Аббаси — ***

Архив А. Д. Жабы — Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1 — (1865), № 20.

'Ауни, *Шараф-наме* — ***

Бартольд — Бартольд В., *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903.

- Бутков** — Бутков П. Г., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.*, ч. III, СПб., 1869.
- Вахушти** — Вахушти, *География Грузии*, введ., пер. и прим. М. Г. Джананжили, Тифлис, 1904.
- Вильчевский** — Вильчевский О. Л., *Курды. Введение в этническую историю курдского народа*, М. — Л., 1961.
- “Географический словарь Ирана”** — ***
- Заки**, *Хуласат та’рих* *** [Каир, 1939] ***
- Заходер** — Заходер Б. Н., *Православная миссия в Урмии*, — “Атеист”, 1930, № 49.
- Иванов** — Иванов М. С., *Племена Фарса кашкайский, хамсе, кухгилуйе, мамасани*, М., 1961.
- Идрис Хаким**, *Хаит бихиит* — *** ИНА АН СССР, № 387.
- История Ирана** — *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*, Л., 1958.
- Кайхан**, *Джуграфия* — ***
- Карцев** — Карцев Ю. С., *Заметки о курдах*, Тифлис, 1896. То же: ЗКОРГО, 1897, кн. XIX, стр. 337 — 368.
- Крымский** — Крымский А. Е., *Из истории северного Азербайджана*, — “Сборник статей в честь С. Ф. Ольденбурга”, Л., 1934. Ксенофонт — Ксенофонт, *Анабазис*, пер. на русск. яз. М. И. Максимовой, М — Л., 1951.
- Курдоев**, *Словарь* — Курдоев К. К., *Курдско-русский словарь*, М., 1960:
- Курдоев**, *Труды П. И. Лерха* — Курдоев К. К., *Труды П. И. Лерха по курдоведению (К вопросу об изучении истории курдов в России)*. — “Очерки по истории русского востоковедения”, сб. IV, М., 1959.
- Линч** — Линч Х. Ф. Б., *Армения. Путевые очерки и этюды*, т. I — II, пер. с англ. Е. Джунковской, Тифлис, 1910 [т. II. *Турецкие провинции*].
- Лойко** — Лойко Л. П., *Битлисский вилайет*, — “Известия министерства иностранных дел”, СПб., 1913, кн. 2, стр. 115 — 130.
- Лэн-Пуль** — Лэн-Пуль С., *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*, пер. с англ. В. Бартольда, СПб., 1899.
- Марр** — Марр Н. Я., *Еще о слове челеби (к вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии)*, — ЗВОРДО, т. XX, 1912.
- Массэ** — Массэ А., *Ислам. Очерк истории*, пер. с франц. [Предисл. Е. А. Беляева], М., 1961.
- Минорский**, *Келяшин* — Минорский В., *Келяшин, стела у Топузова и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера*, — ЗВОРАО, т. XXIV, 1916.

Минорский, Курды — Минорский В. Ф., *Курды. Заметки и впечатления*, Пг., 1915.

Минорский, *Сведения о населении* — Минорский В., *Сведения о населении некоторых пограничных турецко-персидских округов*, — МИВ, [СПб.], 1915, вып. II.

Минорский, Турецко-персидская граница — “Турецко-персидская граница. Донесения российского импер. комиссара по турецко-персидскому разграничению Надв. Сов. В. Ф. Минорского в 1914 году”, — МИВ, 1915, вып. II.

Мусаэлян — Мусаэлян Ж. С, *Библиография по курдоведению*, М., 1963.

Насир-и Хусрау — Насир-и Хусрау, *Сафар-наме. Книга путешествия (Из Персии в Египет и обратно)*, пер. и вступит, статья Е. Э. Бертельса, [М. — Л.], 1933.

Низам ал-Мульк — *Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька*, пер., введ. и прим. проф. Б. Н. Заходера, М. — Л. 1949.

Новичев — Новичев А. Д., *История Турции. I. Эпоха феодализма (XI — XVIII века)*, Л., 1963.

Орбели — Орбели И. А., Введение к кн. “Памятники эпохи Руставели”, Л., 1938.

Орлов — “Путевые дневники генерального консула в Багдаде ст. сов. Орлова, объезжавшего турецко-персидскую границу летом 1913 года”, — МИВ, 1915, вып. II.

Петрушевский, Земледелие — Петрушевский И. П., *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV веков*, М. — Л., 1960.

Петрушевский, Очерки — Петрушевский И. П., *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.*, Л., 1949.

Путята — Путята, *Записка о Малой Азии*, — СМА, 1896, вып. LXVI.

Размара, Джуграфия — ***

Рашид-ад-дин, I, II, III — Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, пер. с перс. Л. А. Хетагурова, М. — Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с перс. О. И. Смирновой, М. — Л., 1952; т. II, пер. с перс. Ю. П. Верховского, М. — Л., 1960;

Рашид-ад-дин Ф., *Джами-ат-таварих (Сборник летописей)*, т. III, пер. с перс. А. К-Арендса, Баку, 1957.

Рашид Йасими, Курд — ***

Руденко — Руденко М. Б., *Описание курдских рукописей ленинградских собраний*, М., 1961.

Савельев — Савельев П. С, *О жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа*, СПб., 1845.

“Сборник маршрутов” — “Сборник маршрутов из Закавказского края в Азиатскую Турцию”, составленный при Военно-Топографическом отделе Кавказского военного округа, Тифлис, 1876.

Тэйлор — *Путешествие по Курдистану Д. Тэйлора, бывшего консула в Диарбекире*, пер. Н. Астафьева. (Материалы для географии Азиатской Турции), — ИКОРГО, 1873, т. II (прил. 1).

Хуршид Эффенди — Хуршид Эффенди, *Сияхет-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе (1846 — 1852)*, пер. с турецк. и перс. М. А. Гамазова, СПб., 1877.

Чернозубов, ИШКВО — Чернозубов Ф., *Страна Льва и Солнца. Арделян или Персидский Курдистан (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам)*, — ИШКВО, 1911, 3-я треть, №33.

Чернозубов, “Военный сборник” — Чернозубов Ф., *Страна Льва и Солнца. Общий обзор и границы*, — “Военный сборник”, 1913, № 8 — 11.

Чириков — Чириков Е. И., *Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849 — 1852 гг.*, — ЗКОРГО, 1875, кн. IX.

Эвлия Челеби — Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.)*, вып. I, М., 1961.

Aboulfeda — *Geographie d'Aboulfeda. Trad. de l'arabe en francais et ac-compagnee des notes et d'eclaircissements par M. Reinaud*, t. II, pt. 1, Paris, 1848; trad. de l'arabe en francais et accompagnee des notes par S. Guyard, t. II, pt 2, Paris, 1883.

Barb, Geschichte der kurdischen Fuerstenherrschaft — Barb H. A., *Geschichte der kurdischen Fuerstenherrschaft in Bidlis (Aus dem “Scheref name”, IV Buch)*, — SBAW Wien, 1859, Bd XXXII.

Barb, Geschichte von fuenf Kurden-Dynastien — Barb H. A., *Geschichte von fuenf Kurden-Dynastien*, — SBAW Wien, 1858, Bd XXVIII; 1859, Bd XXX.

Barb, Geschichtliche Skizze — Barb H. A., *Geschichtliche Skizze der in der Chronik von Scheref behandelten dreiunddreissig verschiedenen kurdischen Fuerstengeschlechter*, — SBAW Wien, 1856, Bd XXII.

Barb, Ueber die Kurden-Chronik von Scheref — Barb H. A., *Ueber die unter dem Namen Tarich el Akrad bekannte Kurden-Chronik von Scheref*, — SBAW Wien, 1853, Bd X.

Barbier de Meynard — *Dictionnaire georgaphique, historique et Utteraire de la Perse et des contrees adjacentes*, extrait du Mo'djem el-Bouldan de Yaqout, et complete a l'aide de documents arabes et persans pour la plupart inedits, par C Barbier de Meynard, Paris, 1861.

Blochet — *Catalogue des manuscrits persans de la Bibliotheque Nationale*, par E. Blochet, t. I, Paris, 1905.

Brockelmann, GAL, — *Geschichte der arabischen Litteratur von Carl Bro-ckelmann*, Bd 1, Weimar, 1898; Bd 2, Berlin, 1902; Suppl., Bd I — III, Leiden, 1936 — 1939.

Brosset — Brosset M., *Description géographique de la Georgie*, par le tsare-vitch Wakhoucht, publiée d'après l'original autographe, St-Pbg., 1842.

Browne — *A descriptive catalogue of the Oriental MSS belonging to the late E. G. Browne* by E. G. Browne... completed, edited with a memoir of the author and a bibliography of his writings by R. A. Nicholson, Cambridge, 1932.

Chanykov — *Die Sammlung von morgenlandischen Handschriften, welche die Kaiserliche Oeffentliche Bibliothek zu St. Petersburg im Jahre 1864 von Hrnt v. Chanykov erworben hat*, Spb., 1865.

Charmoy — *Cheref-nameh ou fastes de la nation kourde* par Cheref-ou'ddine, prince de Bidlis, dans l'Illalet d'Arzeroume. Trad. du persan et corn-mentes par F. B. Charmoy, t. I — II, St.-Pbg., 1868 — 1875 [t. I, pt. I, 1868; t. I, pt. II, 1870; t. II, pt. I, 1873; t. II, pt. II, 1875].

De Cholet — De Cholet, *A'menie, Kurdistan et Mesopotamie (Voyage en Turquie d'Asie)*, Paris, 1892.

Cuinet — *La Turquie d'Asie. Geographic, administrative, statistique descriptive et raisonnee de chdque province de l'Asie-Mineure* par V. Cuinet, t. I — IV, Paris, 1891 — 1894 [t. I, 1892; t. II, 1891; t. III, 1894; t. IV, 1894].

Dorn, Das Asiatische Museum — Dorn B., *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg*, St.-Pbg., 1846.

Dorn, Catalogue — *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de [la Bibliotheque Imperials Publique de St. Petersbourg]*, St.-Pbg., 1852.

Edmonds — Edmonds C J., *Kurds, Turks and Arabs. Politics, travel and research in north-eastern Iraq 1919 — 1925*, London, 1957.

Evliya Efendi' — *Narrative of travels in Europe, Asia and Africa, in the seventeenth century* by Evliya Efendi. Transl. from the Turkish by Joseph von Hammer, vol. I — II, London, 1834 — 1850 [vol. I, 1834; vol. II, 1850].

Field — Field H., *Contributions to the anthropology of Iran*, — “Anthropolo gical series 29”, № 2, 1939, Chicago.

Fraehn, Die Bibliothek — Fraehn *Die Bibllotheek aus der Scheich-Sefy-Moschee. zu Ardebil*, — “St.-Petersburgischen Zeitung”, 1829, 17 April, № 44-46.

Fraehn, Vorlaeufiger Bericht — Fraehn, *Vorlaufiger Bericht ueber eine neue bedeutende Bereicherung des Orientalischen Manuscripten*, — Beilage zu № 11 der “St.-Petersburgischen Zeitung”, 1826.

Hamd'allah Qazwini, Nuzhat al-Qulub — *The geographical part of the Nuzhat al-Qulub* composed by Hamd-allah Mustawfi of Qazwln in 740 (1340). Trans. by G. Le Strange, Leyden — London, 1919 (GMS, vol. XXIII).

Hamdu'llah Qazwini, The Ta'rikh-i-guzida — *The Ta'rikh-i-guzida* or “Se lect history” of Hamdu'llah Mustawfi-d-Qazwini. Compiled in A.H. 730 (A.D. 1330), and now reproduced in

facsimile from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) with an introduction by E. Q. Browne, vol. I (text), Leyden — London, 1910 (GMS, vol. XIV).

Hammer — Hammer J., *L'histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'a nos jours. 1300 — 1774*, t. 1 — 16, Paris, 1835 — 1839.

Hartmann — Hartmann M., *Bohfan (Eine topographisch-historische Studie)*, — “Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft”, [Berlin], № 2, 1896; № 1, 1897.

Hasan-i-Rumlu — *A chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-ta-wdrikh of Hasan-i-Rumlu* [vol. I (persian text), ed. by C N. Seddon, Baroda, 1931; vol. II (english trans.), (trans. by C N. Seddon, Barod.3, 1934)].

d'Herbelot — *Bibliothèque Orientale, ou dictionnaire universel, contenant généralement tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient* par M. d'Herbelot, Maestricht, 1776.

Ibn Batoutah — *Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagne d'une traduction par C Defermery et le Dr. B. R. Sanguinety*, t. I, Paris, 1853; t. II, Paris, 1854.

Layard — Layard A. H., *Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon: with travels in Armenia, Kurdistan and the desert: being the result of a second expedition undertaken for the trustees of the British Museum*, vol. I — II, London, 1853.

Le Strange, The lands — Le Strange, *The lands of the Eastern caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*, Cambridge, 1905.

Macoudi — Macoudi, *Les prairies d'or*, itexte et trad, par C Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. 1, Paris, 1861.

Malcolm — *The history of Persia from the most early period to the present time: containing an account of the religion, government, usages and character of the inhabitants of that kingdom by...* J. Malcolm, vol. I — II, London, 1815.

Martinovitch — *A catalogue of the Turkish and Persian manuscripts belonging to Robert Garrett and deposited in the Princeton University' Library* by N. N. Martinovitch, Princeton, 1926.

Minorsky, La domination des Dailamites — *La domination des Dailamites* par V. Minorsky, — “Publications de la Société des études Iraniennes et de l'art Persan”, 1932, № 3, Paris.

Minorsky, The Guran — Minorsky V., *The Guran*, — BSOS, 1943, vol. XI, pt 1.

Minorsky, Kurdes — Minorsky V., *Kurdes. Kurdistan*, — EI, t. II.

Minorsky, Mongol place-names — Minorsky V., *Mongol place-names in Mukri Kurdistan (Mongolica, 4)*, — BSOAS, 1957, vol. 19, pi I.

Minorsky, Persia in A.D. 1478 — 1490 — *Persia in A.D. 1478 — 1490. An abridged translation of Falullah b. Ruzbihan Khunfi's Tarikh-i 'Alam-dra-yi Amini* by V. Minorsky, — “Royal Asiatic Society Monographs”, vol. XXV.I, London, 1957.

Minorsky, *Studies in Caucasian history* — Minorsky V., *Studies in Caucasian history*, London, 1953.

- Minorsky, *Transcaucasica*** — *Transcaucasica* par V. Minorsky, Paris, 1930.
- Minorsky, *The tribes of Western Iran*** — Minorsky V., *The tribes of Western Iran*, — JRAI, 1945, vol. LXXV, pt I — II.
- Minorsky, *Les Tsiganes Lull*** — *Les Tsiganes Lull et les Lurs persanes* par V. Minorsky, — JA, 1931, avril — juin.
- Morley** — Morley W. H., *A descriptive catalogue of the historical manuscripts in the Arabic and Persian languages, preserved in the library of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, London, 1854.
- Mostras** — *Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman* par C. Mostras, SPb., 1873.
- “A narrative of Italian travels”** — “A narrative of Italian travels in Persia in the XV-th and XVI-th centuries”, vol. 49, pt 1 — 2, London, 1870 [“Hakluyt series (I)”].
- Nikitine, *Les Kurdes*** — Nikitine B., *Les Kurdes. Etude sociologique et historique*, pref. de L. Massignon, Paris, 1956.
- Nikitine, *Les Kurdes racontes par eux-mêmes*** — Nikitine B., *Les Kurdes racontes par eux-mêmes*, — “L'Asie Française”, [Paris], 1925, № 231.
- Quatremere** — Quatremere E., *Histoire des Mongols de la Perse*, t. I, Paris, 1836.
- Rabino** — Rabino H. L., *Les tribus du Louristan*, — “Mémoires des Qadjars”, Paris, 1916 (Collection de la Revue du monde musulman).
- Rich** — *Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of a visit to Shirauz and Persepolis by...* Cl. J. Rich, vol. I — II, London, (1836).
- Rieu, *Catalogue*** — *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum* by Charles Rieu, vol. I, London, 1879.
- Rieu, *Supplement*** — *Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum* by Charles Rieu, London, 1895.
- Rozhbeyani** — *Sherefnama. History of the Kurdish governments and princedoms. In Iranian by Ameer Scheref Khan Al-Bidlisi. Transl. into Arabic and commented upon by Muhammad Jemeel Bendi Rozhbeyani*, Baghdad, 1953.
- Sachau and Ethe** — *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian library* begun by Ed. Sachau ... cont., compl. and ed. by H. Ethe, pt I. *The Persian manuscripts*, Oxford, 1889.
- Safrastian** — Safrastian A., *Kurds and Kurdistan*, London, 1948.
- Saint-Martin** — Saint-Martin J., *Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie*, t. I — II, Paris, 1818 — 1819.

Storey — *Persian literature. A bio-bibliographical survey* by C A. Storey, vol. I, section II, fasc. 1, London, 1935; vol. II, pt 1, London, 1958.

Sykes — Sykes M., *The caliphs' last heritage. A short history of Turkish empire*, London, 1915.

Tauer — *Les manuscrits persans historiques des bibliothèques de Stambul* par F. Tauer, — “Archiv Orientalni”, vol. III, Prague, 1931.

Veliaminof-Zernof — *Scheref-nameh ou Histoire des Kourdes* par Scheref, prince de Bidlis, publiée pour la première fois... par V. Veliaminof-Zernof. Texte persan, t. I — II, St.-Pbg., 1860 — 1862 ft. I, 1860; t. II, 1862].

Wolkow — Wolkow, *Notice sur l'ouvrage persan intitulé Scheref Name accompagnée de quelques renseignements sur son auteur*, — JA, t. 8, 1826.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗВОРАО — “Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества”, СПб., Пг.

ЗКОРГО — “Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества”, Тифлис.

ИКОРГО — “Известия Кавказского отделения императорского Русского географического общества”, Тифлис.

ИШКВО — “Известия штаба Кавказского военного округа”, Тифлис.

МИВ — “Материалы по изучению Востока”.

СМА — “Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии”, СПб.

BSO(A)S — “Bulletin of the School of Oriental and (African) Studies”, London Institution (University of London).

EI — “Encyclopedie de Islam”, Leyden — Paris.

EI² — “The Encyclopaedia of Islam”, New ed., Leiden—London.

GMS — “E. J. W. Gibb Memorial” Series. .

JA — “Journal Asiatique”, Paris.

JRAI — “Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland”, London.
SBAW Wien — “Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften”, Wien.

